

УДК 94
ББК 63.3(0)
О-42

Издание основано в 1989 году

Главный редактор А.О. ЧУБАРЬЯН

Редакционная коллегия:

Ю.Е. АРНАУТОВА (зам. главного редактора), Л.М. БАТКИН,
Г.В. БОНДАРЕНКО, А.Б. ГЕРШТЕЙН (ответственный секретарь),
И.Н. ДАНИЛЕВСКИЙ, Б.С. КАГАНОВИЧ, О.Е. КОШЕЛЕВА,
К.А. ЛЕВИНСОН, С.И. ЛУЧИЦКАЯ (составитель и зам. главного редактора),
А.А. ПАНЧЕНКО, М.Ю. ПАРАМОНОВА, Л.П. РЕПИНА, А.В. ТОЛСТИКОВ,
П.Ю. УВАРОВ, Д.Э. ХАРИТОНОВИЧ

Редакционный совет:

Ю.Н. АФАНАСЬЕВ, В. ВЖОЗЕК, Н. ЗЕМОН ДЭВИС,
Вяч.Вс. ИВАНОВ, Ж. Ле ГОФФ, С.В. ОБОЛЕНСКАЯ,
Ж.-К. ШМИТТ, О.Г. ЭКСЛЕ, М. ЭМАР

Рецензенты:

доктор исторических наук М.В. ДМИТРИЕВ,
доктор исторических наук С.К. ЦАТУРОВА

ISBN 978-5-02-038028-8 © Институт всеобщей истории РАН, 2012
© Лучицкая С.И., составление, 2012
© Коллектив авторов, 2012
© Российская академия наук и издательство
“Наука”, продолжающееся издание
“Одиссей. Человек в истории”
(разработка, оформление), 1989
(год основания), 2012
© Редакционно-издательское оформление.
Издательство “Наука”, 2012

ПРЕДАТЕЛЬСТВО: ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

К.А. Левинсон

ПРЕДИСЛОВИЕ

Для понимания субъективного смысла действий исторических персонажей и их оценок историку важно знать, какими они руководствовались представлениями о том, что хорошо и что плохо, как можно поступать, как должно, а как нельзя, – и почему. Не требует доказательства тезис, что такие представления исторически изменчивы и различны в разных культурах и субкультурах, и конкретное историческое изучение их представляет собой мощное, развитое направление в историографии.

Если об истории “положительных” моральных категорий – например, таких, как честь, долг, верность, порядочность – написано сравнительно много¹, то об “отрицательных” – несколько меньше². А между тем представления, окружающие эти категории, отражены в самых разных жанрах источников, от рыцарского романа и скандинавской саги до книжных миниатюр, кинофильмов и философских трактатов, не говоря уже о нормативных текстах. Редакция “Одиссея” пригласила историков – специалистов по разным периодам и регионам – обсудить историю представлений, связанных с *нарушением* формальных или неформальных уз верности, будь то в отношениях с людьми, институтами или идеями³. В этот ряд вошли такие понятия, как “предательство”, “измена”, “вероотступничество”, “дезертирство”, “вероломство”, “клятвoprеступление”, “супружеская неверность”... Очевидно, что в разных языках такие ряды понятий выглядят по-разному. Но мы исходили из того, что принципиальных различий, исключающих возможность сопоставления, все же не выявится. Обнаружение таких эпох и регионов, в которых та или иная форма предательства вовсе не представлена в дискурсивном поле, – один из наиболее интересных результатов нашего проекта.

Например, в средневековых восточноевропейских обществах вообще не существовала проблематика государственной измены: и сами понятия, и сфера их применения постепенно оформлялись

в русском и польско-литовском государствах в XV–XVI вв. Это, возможно, является еще одним аргументом в пользу того, что “государство” Нового времени принципиально отличалось от социальных и потестарных структур предшествующих эпох. Там, как выясняется, следует искать другую измену.

Для средневековой Западной Европы было весьма актуально понятие личной верности, прежде всего в сеньориально-вассальных отношениях, но также и верности идейной – шла ли речь о религии или об идеалах, связанных с нею. Эта же двойственность видна и в противоположности верности – в измене: в статьях С.И. Луцицкой и А.Б. Герштейн на материале различных по характеру источников описываются сходные коллизии, возникавшие в силу того, что религиозные и “рыцарские” понятия о (не)верности расходились друг с другом: так, с одной стороны, сарацины рассматриваются в эпических поэмах (*chansons de geste*) как предатели, поскольку они нехристиане, но, с другой стороны, в текстах встречаются и “добрые” сарацины, которые превращаются в истинных рыцарей, верных данному ими слову. Поведение Фридриха II Штауфена, не соблюдавшего свои крестные обеты, толковалось церковью как предательство и клятвопреступление, однако сам император, возможно, считал более важным не нарушить договор о перемирии, заключенный им с султаном Египта.

Нарушение одной верности или лояльности может быть тем или иным образом связано с установлением или сохранением другой. Вместе с тем, как показывает применительно к Франции О.И. Тогоева, проанализировавшая текстовые и изобразительные источники, – одно предательство может повлечь за собой и обвинения сразу в нескольких: так, ведьмам и колдунам вменялись в вину не только уголовные преступления против членов собственной соседской общины, но и отпадение от Бога, от Церкви, переход на службу к Врагу рода человеческого. Поэтому ассоциировались они, как и многие другие изменники, с главным христианским предателем – Иудой.

Можно ли, однако, говорить здесь о смешении разных видов измены? Представляется, что дело обстоит как раз наоборот, т.е. неверно делить предательство на “религиозное”, “бытовое”, “государственное” и т.д., когда мы говорим о Средневековье. Нам, людям, живущим в пост-просвещенческом, секуляризованном и модернизированном обществе, кажется естественным, что теология, политика, право, мораль, экономика существуют как раз-

дельные сферы жизни, а значит и изучать их можно и нужно таким образом. При обращении к источникам, относящимся к более ранним эпохам европейской истории (не говоря уже об иных регионах) мы можем столкнуться с невыделенностью или, по крайней мере, с принципиально иной организацией этих сфер. Можно ли определить, считался ли, скажем, бунт вассала против сеньора (или служилого человека против государя) изменой в моральном смысле или в юридическом, или в политическом, или в религиозном? Люди той эпохи имели другой категориальный аппарат для описания своего мира. Они, по меткому выражению А.Я. Гуревича, “не знали, что живут при феодализме”. Точно так же не знали они и наших нынешних классификаций верности и неверности. В какой степени нынешние понятия “предательства” применимы к каждой отдельной культуре – это вопрос, требующий рассмотрения на конкретном источниковом материале. На основе статей, вошедших в данную подборку, он может быть поставлен, и это уже важный результат.

Но зачастую проблема оказывается еще более сложной: историк имеет дело с источниками не одной какой-то прошедшей эпохи и/или другой страны, а с текстами, возникшими в разное время и отражающими несколько эпох. Так, в статье о Ричарде III как литературном персонаже и реальном историческом деятеле Е.Д. Браун показывает, насколько отличались понятия о “вероломстве”, “измене”, “предательстве” в политической культуре XV в. и, например, в литературе шекспировской эпохи. Одни и те же действия могли толковаться по-разному в зависимости от того, кем они совершались и кем комментировались. Это заставляет нас задуматься: какими средствами обладаем и пользуемся мы, историки, для того, чтобы, говоря о предательстве в прошлом, не увидеть его там, где современники видели нечто иное? Особенно важен и сложен этот вопрос тогда, когда мы вынуждены полагаться на источники, возникшие не в том же культурном контексте, что и описываемые события. И наоборот: как нам верно “расслышать” людей прошлого, когда они говорят об измене в непрозрачных для нас выражениях, обиняками и намеками?

Эту проблематику разбирает Р.О. Шляхтин в своей статье об “изменниках на Понте”: в византийской культуре XII–XIII вв., как показывает исследователь, не было понятий о личной верности и о долге государственного патриотизма, в силу чего и понятия “изменник”, “перебежчик” там имели совсем иной смысл, иную сферу применения, нежели на Западе. Таким образом, постановка

вопроса об историческом изучении предательства означает в применении к византиноведению обращение к совершенно особому предмету исследования, лишь отчасти сопоставимому с тем, который мы изучаем по источникам со средневекового Запада. Это заставляет нас еще раз вспомнить о необходимости критической рефлексии исследователя по отношению к используемому им понятийному аппарату.

Как легко заметит читатель, подборка не претендует на полноту охвата проблематики нарушений верности. В наши намерения не входило проследивать некую эволюцию предательства или представлять сколько-нибудь исчерпывающую классификацию его видов: это, на наш взгляд, принципиально невозможно, ибо речь идет не о какой-то сущности, но о представлениях людей разных эпох и культур, а их разнообразие бесконечно. Цель наша заключалась в другом: мы хотели отразить главные эпистемологические проблемы и наиболее перспективные “направления удара”, связанные с историческим изучением этих представлений. В какой мере нам это удалось – судить читателю.

¹ Поскольку литература эта необозрима, выберем для примера историографию одной моральной категории – чести: помимо важнейших публикаций конца прошлого века Verletzter Ehre: Ehrkonflikte in Gesellschaften des Mittelalters und der frühen Neuzeit / Hrsg. von K. Schreiner. Köln; Wien; 1995 и Ehrkonzepte in der frühen Neuzeit: Identitäten und Abgrenzungen / Hrsg. von S. Backmann. Berlin, 1998, назовем некоторые публикации последних лет: *Burkhardt D.* Eine Geschichte der Ehre. Darmstadt, 2006; *Goldberg A.* Honor, politics, and the law in imperial Germany: 1871–1914. Cambridge, 2010; *Görich K.* Die Ehre Friedrich Barbarossas: Kommunikation, Konflikt und politisches Handeln im 12. Jahrhundert. Darmstadt, 2001; *Kane B. M.* The politics and culture of honour in Britain and Ireland: 1541–1641. Cambridge, 2010; *Kesper-Biermann S.* Ehre und Recht: Ehrkonzepte, Ehrverletzungen und Ehrverteidigungen vom späten Mittelalter bis zur Moderne. Magdeburg, 2011; *Penser et vivre l'honneur à l'époque moderne: Actes du colloque ... à Metz ... du 20 au 22 novembre 2008 / Sur la dir. de H. Drévilion* Rennes, 2011. На русском языке вышли исследования о чести американской исследовательницы: *Коллманн Н.Ш.* Соединенные честью: Государство и общество в России раннего нового времени. М., 2001 и российского историка: *Стефанович П.С.* Древнерусское понятие чести по памятникам литературы домонгольской Руси // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2004. № 2 (16). С. 63–87.

² Противоположность отваги – трусость становилась предметом исторического изучения преимущественно в контексте истории воинского поведения: *Brinkkötter H.-O.* Feigheit, die Verletzung der soldatischen Gefahrtragungspflicht als Wehrstrafatbestand in rechtshistorischer Betrachtung: (ein Beitrag zur Wehrstrafrechtsgeschichte von der Zeit der Germanen bis zum 18. Jh. mit einem Ausblick). Marburg, 1983; *Hrdinství a zbabělost v české politické kultuře 19. a 20. století: výběr z příspěvků ze stejnomjenné konference, která proběhla ve*

dnech 25.–27. října 2006 / Red. J. Randák Praha, 2008; *Wißmann J.* Motivation und Schmähung: Feigheit in der Ilias und in der griechischen Tragödie. Stuttgart, 1997.

³ Сама по себе тема эта уже неоднократно привлекала внимание исследователей разных стран. В XX в. появилось несколько работ монографического характера, таких как: *Bauman R.A.* The crimen maiestatis in the Roman republic and Augustan principate. Johannesburg, 1967; *Schäffer R.* Untreue und Verrat im Urteil ihrer Zeit am Beispiel der Hinrichtung Baumkirchers und Greisenegggers (1471). Graz, 1978; *Emde H.* Verrat und Spionage in Deutschland. Berlin, 1980; *Burger-Scheidlin E.* Beiträge zum Bild von Verrat und Verrätern im aniken Griechenland. Klagenfurt, 1990; *Жечев Т.* Предатели и предательства в българската история. София, 1993. В последнее время интерес историков к этой проблематике, как представляется, стал расти: вот лишь несколько примеров недавних монографий и сборников, посвященных темам, которые связаны с тем или иным видом предательства: *La trahison au Moyen Âge: de la monstruosité au crime politique (Ve–XVe siècle) / Sous la dir. M. Billoré.* Rennes, 2009; *Leveleux-Teixeira C.* Le crime de l'ombre: complots, conjurations et conspirations au Moyen Âge. P., 2010; *Patka M.G.* Österreichische Freimaurer im Nationalsozialismus: Treue und Verrat. Wien u.a. 2010; *Pryce-Jones D.* Treason of the heart: from Thomas Paine to Kim Philby. N.Y., 2011; *Wilhelm C.* Traduttore traditore – Vermittler durch Verrat: eine Analyse literarischer Translatorfiguren in Texten von Jorge Luis Borges, Italo Calvino und Leonardo Sciascia. Trier, 2010; Великое предательство: Как погибли казаки: борьба казачьих антикоммунистических формирований и выдачи казаков Сталину: 1941–1947 / В.Г. Науменко; [науч. ред., предисл., коммент., имен. указ., подбор ил.] П.Н. Стрелянов (Калабухов). М., 2009; Коллаборационизм и предательство во Второй мировой войне: Власов и власовщина: Мат-лы Междунар. круглого стола, сост. 12 ноября 2009 г. в РИСИ / Российский Институт Стратегических Исследований; [под ред. В.Д. Кузнецевского]. М., 2010. На фоне такого обилия литературы о предательстве интересно отметить тот факт, что авторы статей, публикуемых в нашей подборке, активно пользуются фактическим материалом, собранным и обработанным другими историками, но лишь в единичных случаях опираются на труды других исследователей в своей теоретической и методологической проработке темы. Это, возможно, говорит о том, что в плане теории и методологии единая историография затронутой нами проблематики как общий фонд концепций и интерпретаций еще не сложилась.

С.И. Лучицкая

ПРЕДАТЕЛЬСТВО И ИЗМЕНА
В *CHANSONS DE GESTE* XII–XIII вв.

УДК 94(4).375/.1492

В статье реконструируются представления о предательстве и образ предателя по произведениям французского героического эпоса. Автор анализирует способы изображения предателей в *chansons de geste* XII–XIII вв. Ее интересует, каковы признаки и функции предателей в изображении средневековых памятников, цели и мотивы измены, образ действий предателей и какие социальные условия благоприятствуют их деятельности. Анализ понятия раскрывает особенности феодального социального порядка, в основе которого – вассальные, родственные и религиозные связи – именно этим связям угрожают предатели и изменники.

Ключевые слова: измена, предательство, феодальное общество, вассальные отношения, семейно-брачные отношения, средневековая мораль, средневековое право, судебный поединок, французский героический эпос, иноверцы

Key words: Treason, treachery, feudal society, lord vassal relationship, family and marriage relationships, medieval ethics, medieval law, judgment of God, Old French epics, gentiles

Понятие предательства в Средние века, о котором пойдет речь в этой статье, может скрывать самые разные виды реальности. Оно вписывается в систему представлений эпохи и может быть интерпретировано по-разному в зависимости от того или иного контекста – правового, политического, религиозного.

Размышляя о характерном для средневековой Западной Европы виде предательства, мы, наверное, прежде всего вспомним о вассале, который нарушает клятву верности и отказывается служить своему сеньору. В соответствии с такими представлениями о Средневековье предатель в этом обществе – тот, кто нарушает вассальные обязательства, не соблюдает принцип верности сюзерену, и, наконец, тот, кто осмеливается брать оружие и восставать против своего сеньора. В эпоху Средневековья предательство чаще всего, особенно в литературе, ассоциировалось с подобным актом неверности. Это не случайно. Ведь средневековый социальный порядок зиждится на верности (*fidelitas*), понимаемой в ши-

роком смысле как верность данному слову, данному обещанию, взятым на себя личным обязательствам (как, например, в обряде оммажа – принесения вассальной присяги сеньору). Социальные отношения в Средние века – это преимущественно договорные отношения, которые очень часто скреплялись различными клятвами верности. Потому понятие верности (*fides, fidelitas*) является едва ли не центральным для системы ценностей этого общества, а нарушение принципа личной верности рассматривается как тягчайший проступок. Лишь с XII в., когда начинает укрепляться королевская власть, предательство часто принимает форму *crimen laese majestatis* – оскорбления величия власти правителя, ее сакральной природы, и тогда понятие предательства насыщается новым содержанием, затрагивая сферу не только личных, но и преимущественно публичных отношений¹.

Если от политики обратиться к сфере семейных, межличностных отношений, то мы увидим, что под предательством в ту эпоху (как, собственно, и в наше время) часто понимается либо неверность супруги или супруга, либо враждебность детей по отношению к родителям, а также братьев и сестер по отношению друг к другу².

Еще одно измерение понятия предательства – религиозное. Средневековое западноевропейское общество – это прежде всего община христиан, и разрыв непосредственной связи между Богом и людьми рассматривается в системе средневековых представлений как измена. В этом смысле предатели – это те, кто отрекаются от христианства: например, еретики и вообще все нехристи, включая сарацин и иудеев; все они *perfidi*³ – вероломные, вероотступники. В средневековой культуре вероотступничество считается наиболее тяжким видом предательства.

Описания всех перечисленных видов предательства встречаются нам в самых разных средневековых источниках, будь то правовые своды или литературные памятники, хроники или сочинения церковных авторов.

* * *

Цель настоящей статьи – попытаться реконструировать представления о предательстве и образ предателей по произведениям французского героического эпоса – *chansons de geste* XII–XIII вв. Именно в этом эпосе наиболее полно и адекватно отразились представления рыцарства о самом себе и присущие рыцарскому обществу понятия верности и неверности, предательства.

Какие же эпические памятники стоит привлечь для изучения этой темы? Хорошо известно, что об измене вассалов сеньору много говорится в *chansons de geste* цикла “о мятежных баронах”, или “цикла о Дооне де Майенс” (“Рено де Монтобан”, “Рауль де Камбрэ”) – именно в этих песнях описаны ситуации, когда непокорные феодалы бросают вызов авторитету королевской власти и вступают в открытую борьбу с Карлом. Казалось бы, песни этого цикла более всего подходят для цели нашего исследования. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что конфликты, возникающие между сеньором и его вассалами в этом цикле, не всегда можно однозначно рассматривать как случаи предательства. Часто в этих *chansons de geste* мятежные вассалы хотя и выступают против своих сеньоров, но все же, как явствует из эпоса, у них есть основания начать противоборство, поскольку принципы вассальных отношений (а они, как уже говорилось, строятся на принципе взаимности) первым нарушает зачастую сам сеньор. В этих литературных памятниках поэтов и их аудиторию волнует не столько феномен предательства, сколько другая проблема: до каких пределов можно терпеть несправедливость и неблагодарность сеньора, где проходит зыбкая грань между принципами вассального долга, преданностью сюзерену и чувством личного достоинства⁴. Может быть, именно поэтому немецкий литературовед М. Хайнце в своей книге о французском эпосе XII–XIV вв. (“Король, герой и род”) предложил называть героев этих произведений жесты Доона де Майенс не предателями (*Verräter*), а бунтовщиками (*Empörer*)⁵. Меня же интересуют более жесткие ситуации предательства, которые раскрываются на страницах других *chansons de geste*, в основном “жесты Роланда” и “жесты Гильома”.

Я попытаюсь рассмотреть, как феномен предательства интерпретировали средневековые поэты. В фокусе моего внимания будут песни из различных циклов *chansons de geste* конца XII – начала XIV в.: цикла “Королевской жесты” – “Песнь о Роланде” (конец XI в.), “Гейдон” (первая треть XIII в.), “Фьерабрас” (конец XII в.), “Макэр” (конец XIII в.), “Взятие Памплоны” (середина XII в.), “Вступление в Испанию” (середина XII в.), “Берта Большеголая” (вторая половина XIII в.); цикла “Жесты Гильома” – “Коронование Людовика” (первая треть XII в.), “Нимская телега” (первая половина XII в.), а также *chansons de geste* других циклов – “жесты Нантейля” (“Айя Авиньонская” – конец XII – начало XIII в.), жесты Доона де Майенс (“Гофрей” – XIII в.), “Герцо-

гиня Париз” (вторая половина XIII в.), “Гуон Бордосский” (конец XII – нач. XIII в.) и песнь “Айоль” (конец XII–XIII в.) из автономного цикла⁶. Поскольку речь идет о песнях, записанных на протяжении довольно длительного периода времени – от конца XI до начала XIV в., – то в принципе есть возможность проследить эволюцию представлений о предательстве.

Парадоксальным образом тема предательства не привлекла должного внимания историков и литературоведов. Историки, как правило, ограничиваются анализом правовых аспектов этой темы – литературоведы занимаются анализом художественной формы *chansons de geste*. Предательство же как моральная категория еще не стало предметом анализа. Между тем огромный пласт средневекового эпоса, посвященный именно этой теме, остается не изученным на этот предмет. Существует лишь одна статья С. Хофера, опубликованная еще в позапрошлом веке, в которой немецкий историк литературы попытался исследовать мотив предательства в старофранцузском эпосе⁷. Небольшую заметку о правовых аспектах темы опубликовал французский исследователь А. Дессо⁸. На тему предательства в *chansons de geste* обратил внимание М. Хайнце в своей уже упомянутой книге⁹. В общем, тема предательства еще ждет своего исследователя, а в этой статье я лишь попытаюсь очертить круг вопросов, которые следует задавать средневековым памятникам. Меня интересует, как описывают средневековые авторы предательство и как рисуют предателей; каковы, так сказать, признаки и функции предателей в изображении средневековых эпических памятников; каковы цели и мотивы их действий, какие социальные условия благоприятствуют их деятельности, каков их образ действия; как в целом изменяются средневековые представления о предательстве и предателях с течением времени. Ответив или попытавшись дать ответы на все эти вопросы, я надеюсь уяснить специфику средневековых представлений о предательстве, отраженных во французском героическом эпосе.

* * *

Предатели – неизменные персонажи *chansons de geste* перечисленных циклов. Их так и называют – предателями, и более того – они сами так себя называют при первом появлении в текстах песен. Слова “предательство”, “измена” (*traïsson, trayson*), “предатель” (*traïtor, traître*)¹⁰ не сходят со страниц эпических произведений¹¹. Иногда слово “предатель” встречается с другими

словами – “враг”, “предатель-враг” (*traïtor anemi*)¹² или же соседствует со словами “подлец” (*cuivert, glouton*), “ренегат” (*renoiez*), “ублюдок” (*fuuls à putain*)¹³. Примечательно, что наиболее точным определением к словам, обозначающим предателя, является слово “*fel*”, “*felon*” (неверный)¹⁴ – термин, зачастую употреблявшийся в праве для характеристики поведения, нарушающего принципы вассальных обязательств¹⁵.

Главный эпический персонаж, давший некий образец предательского поведения – это, конечно, Ганелон из “Песни о Роланде”. Именно он перешел на сторону сарацин и обрек на гибель в Ронсевальском ущелье французский арьергард во главе с Роландом – 12 славных пэров Франции и 20 тысяч рыцарей.

Ганелон оказывается не только моделью предателя, но и прародителем мощного рода. Представители этой династии – Ганелониды, как их называют в эпосе, – подобно возвращающимся персонажам “Человеческой комедии” Бальзака, появляются в разных поэмах – это Арнуа из Орлеана (“Коронование Людовика”), Макэр из Лозанны (“Айоль”, “Макэр”), Грифон д’Отфей, Амори де ла Тур (“Герцогия Париз”, “Айя Авиньонская”, “Туон Бордосский”) и многие другие. Прародителем же Ганелонидов и предком Ганелона и других предателей выступает во французском героическом эпосе Грифон д’Отфей – герой песни “Гофрей”. Примечательно, что он – один из 12 сыновей Доона де Майенса (мятежного вассала, которому посвящен специальный цикл героических песен) и призван вместе с другими братьями спасти отца и других рыцарей из сарацинского плена, но предпочитает предать интересы христианских рыцарей и фактически перейти на сторону иноверцев. Как говорит один из героев песни, Грифон, хотя и из рода Доона де Майенса, но не похож ни на отца, “ни на мать Фландрин ясноликую – не было у них в роду предателей”¹⁶. Грифону приписываются четыре сына-предателя: Ганелон, Ардрэ, Алори, Тибо д’Аспремон¹⁷. И, как говорится в песни “Гофрей”, многие предатели произошли от старшего из сыновей Грифона – Ганелона: Милон, Обуэн, Пинабель и др. – все они еще не раз встретятся нам на страницах песен¹⁸. Так, в “Айе Авиньонской” Беранже и Самсон – сыновья Ганелона, его племянники – Милон и Обуэн¹⁹; Эрто в “Гейдоне”²⁰, Ансуа в песни “Взятие Памплоны” – потомки Ганелона²¹. Это огромный род (*parentage*). Во “Фьерабрасе” представителей этого рода насчитывается до 1000 – их ведут в бой предатели Макэр, Грифон, Ардрэ и Алори²². В “Гейдоне” говорится, что Ганелонидам несть числа²³.

Это род не только могущественный, но и весьма сплоченный. В “Песни о Роланде” предатели изображаются наделенными большой властью. Судьи боятся родственников Ганелона и поначалу даже предлагают Карлу пощадить предателя²⁴. Император называет их подлецами, а товарищ Роланда по оружию Тьерри – единственный, кто выступает против судий и призывает наказать Ганелона. Когда же предательство последнего доказано, и ему предстоит суд равных, то за него вступается его мощный род. В распоряжение Ганелона отдают 30 заложников, а самый сильный представитель рода – Пинабель из Соранса – соглашается выступить в судебном поединке против Тьерри. “За родичей стоять – мой долг прямой”, – говорит Пинабель²⁵.

В “Песни о Роланде” между предателями и пэрами завязываются те противоречия, которые определяют ход дальнейших действий в других *chansons de geste*. Собственно, содержание некоторых песен (например, “Гейдон” и др.) – это рассказ о том, как родичи казненного Ганелона мстят за него обидчикам. Так, в “Гейдоне” Тибо д’Аспремон мстит как за своего брата Ганелона, сожженного на костре, так и за Пинабеля, и вообще за весь свой “обесчещенный и опозоренный род” (*lingnaige a honi et vergonde*)²⁶. Когда в “Гейдоне”, как и в “Песни о Роланде”, возникает необходимость в судебном поединке, за Ганелонида Тибо ручаются 14 графов²⁷. Они готовы стать заложниками и пожертвовать жизнью ради сородича. Даже смерть, означающая для них вечное проклятие, им не страшна – они находят утешение в том, что и в аду соберутся вместе и будут представлять собой сильное сообщество²⁸.

В роде Ганелонидов выделяются несколько главных предателей. Их всегда 12, как и пэров Франции. Так в “Айе Авиньонской” говорится: “Их было 12 графов, все кузены и родственники”²⁹. В “Герцогине Париз” все представители “рода подлеца Ганелона” поименно перечислены, включая Ардрэ, Алори, Тибо д’Аспремон, Пино, Рожье, Эрвуа де Лион, Пинабеля и др.³⁰ 12 главных вероломных предателей противопоставлены 12 французским пэрам (Роланд, Тьерри (Гейдон), Гофрей, Гуон Бордосский, Ожье Датчанин, Оливье, Жоффруа Анжу, Обри Бургундский и др.), о которых также много говорится в песнях Роландова цикла. Как пэры прославили себя подвигами, так Ганелониды навеки обесчестили себя предательством.

Преступление Ганелона, приведшее к гибели 12 пэров и 20 тысяч рыцарей, всякий раз припоминается, как только появляется

кто-то из Ганелонидов. Например, в “Гейдоне” именно так представлен Тибо д’Аспремон, брат Ганелона: “Это Тибо родившийся в Аспремоне, / Брат Ганелона, о котором вы столько слышали; / Который в Ронсевале предал 12 пэров / И 20 000 вооруженных рыцарей”³¹. Точно так же Ожье Датчанин призывает Карла не верить роду Алори, который предал в Ронсевальском ущелье Роланда и 20 тысяч воинов³². Другой пример: в “Айе Авиньонской” Гарнье напоминает сыну Ганелона Беранжье предательство его отца, и в его рассказе опять фигурируют 12 пэров и 20 тысяч рыцарей³³. Список таких примеров можно продолжить. Ясно одно: предательство Ганелона – родимое пятно на репутации Ганелонидов. Преступление, совершенное Ганелоном, затрагивает всех представителей этой семьи. И в силу этого все они обречены стать предателями, – ведь они “из плохого рода”³⁴ и могут совершать только дурные поступки. Склонность к интригам и предательству у Ганелонидов в крови. В таком портрете потомков Ганелона отражено средневековое представление о том, что дурные качества плохих рыцарей – трусость, склонность к предательству – так же, как доблесть, благородство и другие добродетели, присущие истинным рыцарям, передаются через кровь³⁵.

* * *

В изображении литературных памятников одним из главных признаков предательства является сотрудничество с сарацинами, которое часто приводит даже к вероотступничеству – самому тяжкому греху. Предатели же, как мы можем судить по *chansons de geste*, часто переходят на сторону сарацин, как это сделал и Ганелон, который принес клятву верности королю Марсилию³⁶. На одной из миниатюр он изображен вместе с Марсилием, который в знак зависимости Ганелона и понижения его статуса наступает предателю христиан на ногу. Примечательно, что Ганелон в облике предателя появляется и в других песнях. Так, в песни “Галиен” он также предает Роланда и своих товарищей, переходя на сторону врага, и при этом произносит знаменательные слова: “Я сарацин сердцем и душой” (*je sui sarrasin de coeur et de pensé*)³⁷. В другом эпическом произведении – “Взятие Пампоны” – Ганелон стремится причинить вред христианской армии и предлагает сарацинскому королю следующий план: убить рыцаря Гурона, которого сам же Ганелон назначил послом к сарацинам, – его убийство ослабит Карла Великого, и враги христиан смогут этим воспользоваться³⁸. В “Айе Авиньонской” Ганелониды, воюя с ры-

Король Марсилий заключает пакт с Ганелоном.
Миниатюра. Большие Французские хроники

царем Гарнье, принимают сторону сарацинского короля Марсийона и вместе с ним сражаются против своих собратьев по вере³⁹.

Примечательно, что сами сарадины в песнях нередко изображаются предателями. Вероломные (*perfidis*), как они именуются в песнях, они предатели уже в силу того, что не признают христианство. Согласно средневековым представлениям, сарадины, иудеи и прочие нехристи – вассалы Сатаны, который первым предал Бога⁴⁰. Не случайно в эпосе сарадины постоянно обманывают, хитрят, предают. Именно так они изображаются в “Песни о Роланде”. На совете сарацинской знати Бланкарден предлагает хитростью заставить Карла вернуться во Францию, обещав ему перейти в христианство и стать его вассалом. Такой совет дает

королю Марсилию граф Бланкарден: “Довольно нас он разорял войной, / Пора ему вернуться в Ахен вновь. / Скажите, что в Михайлов день святой, / Там примете и вы завет Христов, / И Карлу честным станете слугой”⁴¹. Но все это ложные обещания. На самом деле, сарадины таким образом пытаются заставить Карла покинуть их территорию. Доверчивый император готов выполнить их просьбу и уйти во Францию, но Роланд не верит Марсилию: называя его изменником, он вспоминает случай, когда коварный Марсилиус вел те же речи и даже прислал в знак мира послов с масличными ветвями, а затем жестоко покарал посланцев Карла⁴².

Заметим, что христиане, переходящие на сторону сарацин, ведут себя так же, как иноверцы. Как и сарадины, Ганелониды часто стремятся отвлечь короля от войны за веру, причем в самый разгар успешных действий христианской армии. Такая ситуация обрисована во “Фьерабресе”: Карл, слабый король, призывает предателей – Ганелона, Ардрэ, Грифона д’Отфейя, Алори, Макэр и др. – для совещания с ними и готов им передать корону⁴³. Предатели советуют ему покинуть поле боя и отправиться во Францию. Наиболее красноречив не скрывающий своей радости Ганелон – это он убеждает Карла в том, что тот не сможет завоевать Испанию и победить эмира Балана. Это он предлагает императору вернуться в Аахен, а сам вместе со своими союзниками-предателями обещает продолжить борьбу за Испанию и ее реликвии и отомстить за христиан⁴⁴. Карл поначалу сопротивляется: “Лучше сложить голову, чем отступить”⁴⁵, – говорит он, – но предателям удается убедить его в противном. Только рыцарь Ренье решается выступить против плана отступления и сдачи всех позиций сарацинам. Он призывает императора не верить Ганелонидам⁴⁶. Между ним и Алори завязывается перепалка, во время которой весь род предателей бросается к оружию. Карл усмиряет участников конфликта и все-таки склоняется к совету отступить – в результате позиции христиан оказываются в существенной степени ослабленными.

Зачастую предатели и сотрудничают с сарацинами, и пытаются им подражать. И все же далеко не всегда возможно поставить знак равенства между сарацинами и предателями. Это подтверждает песнь “Айя Авиньонская”, в которой за богатую наследницу, племянницу Карла Великого, воюют два известных рыцаря. Один из них – уже упомянутый Беранжье, который в результате всех перипетий оказывается на стороне сына сарацинского

короля Марсилия Марсийона⁴⁷, другой – его соперник, сын Доона де Майенс Гарнье⁴⁸, преследуемый Беранжье, вынужден искать поддержки у сарацинского короля Ганора. На протяжении этой *chanson de geste* происходят удивительные метаморфозы: христианский рыцарь Беранжье, совершая ряд неблагоприятных поступков, становится похожим на “классического” сарацина, а мусульманский эмир Ганор постепенно приобретает черты идеального французского рыцаря. Поэт отмечает, что Беранжье, приехав к сарацинам с целью заключения союза против христиан, начинает говорить на сарацинском наречии⁴⁹. Марсийон напоминает ему о дружбе, которая связывала их отцов – Марсилия и Ганелона – и осыпает его дарами, а также обещает выступить против его христианских недругов⁵⁰. Более того, Марсийон называет Беранжье “своим” и ведет с ним куртуазный разговор⁵¹.

А что же Ганор? В начале песни он описан как обычный сарацин. Он принимает Айю, которая ищет его покровительства⁵², изъявляет желание жениться на ней⁵³ и встает на ее защиту. Но, оказывая ей знаки расположения, Ганор все больше становится похож на обычных франков, какими они изображались в героическом эпосе. Выполняя поручение Айи, он совершает путешествие во Францию. Для этого он переодевается франком и без труда выдает себя за жителя Вермандуа, причем со всеми встретившимися ему по пути говорит по-французски⁵⁴. После смерти Гарнье Ганор фактически усыновляет сына Айи и Гарнье – Ги⁵⁵. Последний даже советует матери выйти за Ганора замуж и подробно перечисляет его заслуги⁵⁶. Айя во всеуслышание благодарит Ганора за его покровительство, отмечая, что он в трудной ситуации принял их и вскормил и воспитал ее сына⁵⁷. В конце концов Ганор переходит на сторону христиан и прокликает род Ганелона, называя его предательским (*le felon lignage di conte Ganelon*)⁵⁸. Так что в *chansons de geste* иноверцы нередко оказываются более благородными, чем некоторые христиане, изменяющие своим сюзеренам и членам рыцарской корпорации.

Предатели не только сотрудничают с иноверцами, тем самым предавая интересы христиан. Другой характерный для них способ действий заключается в том, что они всеми силами пытаются вбить клин в отношения между сюзереном и самыми преданными ему вассалами – пэрами Франции: они стремятся удалить их из его окружения и всячески навредить им, изолировать короля. Классические примеры находим опять-таки в “Песни о Роланде”. Так, Ганелон, выдавая пэров сарацинам, ясно понимает, что Карл

тем самым теряет своих лучших полководцев и советчиков. Он сознательно обрекает их на гибель, и даже когда Роланд, оказавшись в беде, трубит в рог, сигнализируя о необходимости помощи, Ганелон уверяет Карла в противном⁵⁹. В “Нимской телеге” предатель Эмон пытается восстановить против императора его верного вассала – Гийома. Последний с несколькими тысячами юных французских рыцарей отправляется на войну с язычниками в Оранж и Ним, а старый Эмон подозревает его в том, что он стремится ослабить королевство и армию, и убеждает короля, что поход Гийома приведет только к разорению воинов и гибели цвета французского рыцарства⁶⁰. В песни “Гейдон” ближайшему вассалу Карла Гейдону⁶¹ желают навредить два “классических” предателя (они еще появятся в других песнях) – Тибо и Алори. Гейдон, как отмечают предатели, – самый близкий советник императора; без него и других близких вассалов Карла, среди которых Алори поминает и герцога Нэма, и рыцаря Ожье Датчанина, и других пэров, в этом королевстве ничего не делается⁶². Они желают устранить Гейдона и других советников Карла и добиться того, чтобы Ожье и Нэма сожгли на костре, а Гейдона четвертовали⁶³. Без них, как справедливо полагают предатели, король не сможет править – умрут пэры, и сам король долго не протянет, и тогда предателям будет легко захватить власть⁶⁴. Именно по этой причине они решают оклеветать и обесчестить Гейдона.

Желая изолировать верных вассалов от короля, предатели часто стремятся возложить на них гибельные миссии. Так, в песни “Фьерабрас” предатели Ганелон и Ардрэ решают послать тяжело раненого Оливье на борьбу с Фьерабрасом, сыном эмира Испании, – великаном трехметрового роста, который только что захватил Рим и христианские реликвии. Предатели питают надежду, что Оливье погибнет в неравной схватке с Фьерабрасом⁶⁵. Карл выступает против их предложений: он хотел бы, чтобы Оливье отдохнул и залечил раны. Но предатели, ссылаясь на правовые постановления, принятые Карлом, добиваются того, чтобы Оливье вступил в неравный бой с Фьерабрасом. В конце концов Карл нехотя соглашается, но предупреждает предателей: если Оливье умрет, то Карл сожжет и повесит Ганелона, а всех его потомков лишит наследства⁶⁶.

В “Гуоне Бордосском” один из “классических” предателей – Амори де ла Тур – старается испортить отношения Карла с двумя вассалами, братьями Гуоном и Жераром – наследниками крупного фьефа в Бордо. Амори плетет подлую интригу, внушая Карлу,

что братья – мятежные вассалы и не желают служить императору⁶⁷. Однако посланный Карлом в Бордо преданный слуга убеждается в обратном. Узнав об этом, обрадованный император желает возвысить братьев, назначив их на посты камергера и гонфалоньера⁶⁸. Увидев, что его планы провалились, Амори начинает действовать через сына Карла Карломана, пытаясь спровоцировать конфликт между ним и братьями. Он внушает Карломану, что Гуон и Жерар желают отобрать у него наследство⁶⁹, и убеждает его устроить рыцарям засаду на подступах к Парижу⁷⁰. В стычке между Гуоном и Карломаном, спровоцированной Амори, сын Карла погибает⁷¹. Это невольное убийство обрекает Гуона на немилость императора и долгие скитания, цель которых – вымолить у Карла прощение.

В песни “Айя из Авиньона” предатели вынашивают план настроить против короля его верного вассала Гарнье. В осуществлении плана участвуют многие представители клана предателей: Беранжье и Алори – братья Ганелона, Милон – брат Беранжье и Омаген – его племянник, Обуэн – сын Пинабеля и др. Как всегда, они действуют сообща. Все они, по словам Омагена, были свидетелями морального падения Гарнье⁷². Когда Гарнье с перечисленными Ганелонидами осаждал Вербри, то, по словам Омагена, будто произнес предательскую речь, в которой назвал короля бесчестным сюзереном, обкрадывающим своих вассалов, и замыслил убить короля⁷³. Ганелониды же якобы ответили Гарнье, что лучше умрут, чем убьют короля⁷⁴. Предателям удается настроить короля против своего вассала, в результате разгорается настоящий конфликт, в который оказываются вовлечены все стороны.

Сложная ситуация предательства обрисована в песни “Айоль”. Один из ее героев – рыцарь Эли из Сен-Жиля, женившийся на сестре Людовика Благочестивого. Из-за злой клеветы известного предателя Макэра из Лозанны Эли был изгнан императором Людовиком из Франции⁷⁵ и обречен на долгие годы странствий вместе со своей семьей. Своего сына Айоля, желающего отправиться во Францию ко двору короля, отец увещевает держаться подальше от Макэра, которого он характеризует как человека “низкого, испорченного и полного зависти”, проявившего “вероломство” и вынудившего Эли покинуть Францию⁷⁶. На протяжении долгого времени Айоль верно служит королю и сражается с сарацинами. Но Макэр все время пытается настроить против него Людовика. Наконец, после одержанных в Памплоне побед Айоль входит в фавор к королю, который обещает ему богатое вознагра-

граждение⁷⁷. Макэр, узнав об этом, снова пытается внушить королю плохое мнение об Айоле. Но на этот раз император с негодованием отвергает клевету Макэра и прямо называет его “ублюдком, предателем, подлецом” (“*fiens a putain, traitres, fel losengiers*”)⁷⁸. К радости своей семьи Айоль восстанавливает доброе имя отца и становится доверенным лицом короля.

* * *

Каковы же причины вероломного поведения предателей? Каковы их цели и мотивы? В “Песни о Роланде” на первый взгляд явная цель Ганелона прежде всего в том, чтобы погубить ненавистного ему Роланда. Сам он считает свои действия не изменой, но именно актом мести. В *chanson de geste* Ганелон произносит знаменательную речь: “При всех Роланду вызов брошен мой, / Его и пэров вызвал я на бой, / Всю нашу ссору видел сам король. / Я только мстил, и нет измены в том”⁷⁹. Но мстя Роланду, он переходит на сторону врагов христиан и клянется, что заманит Роланда в Ронсевальское ущелье с тем, чтобы сарацины легко могли перебить пэров и все их войско. Вот как живо описывает песнь сцену измены: “Слоновой кости там стоял престол, / Кладет Марсилиий книгу на него, / Записан терваганов в ней закон. / Поклялся сарацин на книге той, / Что если в арьергард Роланд пойдет, / Всю рать арабы разом двинут в бой, / Чтоб ускользнуть от смерти граф не мог, / Да будет так! – промолвил Ганелон. / Аой!”⁸⁰. Описанные в этом пассаже действия объективно приведут к прекращению войны за расширение пределов христианского мира (*dilatatio Christianitatis*), и это прекрасно понимает Ганелон. Пока живы такие пэры, как Роланд и Оливье, – говорит предатель, – Карл не угомонится и будет продолжать войну против язычников⁸¹. В разговоре с Марсилием и Бланкарденом Ганелон рисует новую политику, которая будет проводиться после смерти Роланда: воцарится удобный сарацинам мир, и борьба против неверных прекратится. “Коль сможете Роланда погубить. / Без правой Карл останется руки. / Коль войско пэров истребите вы, / Вновь Карлу не найти бойцов таких. / Во Франции наступит вечный мир”⁸². Таким образом, оказывается, что если амбиции Ганелона будут реализованы, то власть Карла лишается опоры, а христианский мир – своих защитников.

Тема узурпации власти предателями наиболее полно раскрывается в цикле Гильома. В “Короновании Людовика” амбиции предателей совершенно прозрачны. Уже первые строки песни весьма красноречивы, в них описан следующий эпизод: Карл собирает

рыцарей и объявляет им о передаче короны своему 15-летнему сыну Людовику. Предатель Эрнеис пытается хитростью захватить власть – он предлагает назначить себя регентом при малолетнем Людовике, пока тот не подрастет и не “окрепнет телом и умом”; на самом же деле цель Эрнеиса – после смерти Карла сместить наследника с престола⁸³. Но коварные планы предателя разоблачает главный герой песни – граф Гильом, который сурово расправляется с изменником (он хватает Эрнеиса за волосы и ломает ему горловую кость) и таким образом восстанавливает Людовика в его правах⁸⁴. Однако этим история не кончается. В отсутствие Гильома, отправившегося в очередной поход против язычников, в королевстве происходят драматичные события: умирает император, и власть берет в свои руки группа изменников во главе с Ришаром Руанским, задумавшим передать корону своему сыну Аселену, а Людовика отправить в аббатство Сен-Мартен⁸⁵. И опять Гильом является, чтобы восстановить справедливость, вернуть корону законному наследнику и наказать изменников⁸⁶.

В другой песни – “Гейдон” – действуют два предателя – брат Ганелона Тибо д’Аспремон и Алори. Тибо прямо говорит о мотиве своего предательства: он желает отомстить Карлу за своих родственников. Тибо ненавидит короля, который сжег его брата Ганелона и четверговал его сородича Пинабеля, и желает всеми силами ослабить королевскую власть⁸⁷. Тибо мечтает о том, чтобы его короновали, и тогда он передаст Олори крупные города – Орлеан, Бовэ и Реймс⁸⁸. Однако планам предателей не суждено осуществиться. Будучи побежден Гейдоном в судебном поединке, Тибо еще раз публично признается, что желал стать королем Франции, но Господь не позволил этому случиться⁸⁹.

Точно так же в “Гофрее” цель предателей – захват власти. В начале песни поэт воссоздает широкую панораму: христианские рыцари сражаются с язычниками; во время военных действий предатель Грифон взбирается на высокую гору, с которой осматривает окрестности города Труа и говорит другому предателю, Ардрэ, что его главная цель в войне заключается в том, чтобы выпросить у Карла гору в Труа, на которой он построит укрепленный замок и назовет его Отфей. И не пройдет и года, – говорит Грифон, – как я так укреплюсь в этом замке, что Карл и Гофрей и вся родня об этом пожалеют⁹⁰. Далее Грифон рисует заманчивые для предателей перспективы узурпации власти.

Еще одна песнь – “Герцогиня Париз” – открывается описанием совета 12 главных предателей – Ардрэ, Алори, Тибо д’Ас-

премона, возглавляет же совет известный предатель Беранжье. Предатели обуреваемы жадной властью и готовы устранить все препятствия на этом пути⁹¹. Преследуя свои цели, они уже убили сеньора Вовениса, и теперь на их пути к власти стоит его дочь, герцогиня Париз, жена могущественного сеньора Раймунда. Ганелониды не могут оставаться в покое, пока она жива, так как, узнав об обстоятельствах смерти отца, она, несомненно, будет мстить⁹². Глава предателей предлагает отравить Париз и выдать замуж за Раймунда свою дочь – так, говорит Беранжье, ему удастся захватить власть, а всем предателям стать пэрами⁹³.

В “Гуоне Бордосском” предатель Амори де ла Тур всячески настраивает сына Карла Великого – Карломана – против рыцаря Гуона и его брата Жерара. В конце концов он провоцирует стычку между ними, и посылая Карломана на дуэль, откровенно говорит: если сын Карла умрет, во Франции не будет наследника, и Амори сможет завладеть короной⁹⁴.

* * *

В песнях 12 предателей четко противопоставлены 12 пэрам Франции, которые являются истинными рыцарями и преданными вассалами своих сюзеренов. Верным слугой Карла Великого изображается Роланд в “Песни о Роланде” – рискуя своей жизнью и жизнью пэров, он отправляется со своим войском в качестве арьергарда в Ронсевальское ущелье и тем самым исполняет свой вассальный долг. 12 пэров отличают рыцарская воля к борьбе, высокое понятие чести, чувство корпоративной солидарности. Таков, например, Гейдон – единственный рыцарь, выступивший против ставленника Ганелона Пинабеля и защитивший честь павшего в неравном бою с сарацинами Роланда⁹⁵. Гейдон – вассал, верно служивший Карлу, и потому его оскорбляют подозрения Карла в неверности. В запальчивой речи он напоминает о том, что он выкормыш Роланда и не может предать. Герцог Нэм в “Гейдоне” заявляет, что для них, для пэров, вассальные отношения выше родственных⁹⁶.

В отличие от 12 пэров, 12 предателей изображаются плохими, неверными вассалами. Поэты ясно показывают, что цель предателей заключается в том, чтобы ослабить власть сюзерена и устранить его близких вассалов. Ганелон выступает против Роланда, Тибо – против Гейдона, Амори – против Гуона. Изменники предают и самого сюзерена. Стремясь узурпировать власть, они стремятся оттеснить своего сеньора – так поступают Беранжье

в “Герцогине Париз”, Тибо д’Аспремон в “Гейдоне”, Ришар Руанский – в “Короновании Людовика”. Тем самым они прежде всего нарушают принципы вассальной верности, и за подобные действия они несут заслуженное наказание. Обращаясь к Аселену, которого предатели возвели на престол вместо законного престолонаследника Людовика, рыцарь Гильом Короткий Нос говорит: “Господь воздаст тебе за то, презренный, / Что своего сеньора ты бесчестишь!”⁹⁷. Осуществляя позорное наказание отца Аселена – Ришара (он обривает ему лоб и раздевает его) Гильом гневно восклицает: “Вот что постигнуть каждого должно, / Кто своего сеньора предает”⁹⁸.

Примечательно, что 12 предателей стремятся стать пэрами, войти в корпорацию лучших вассалов короля: подобные планы вынашивают в песни “Герцогиня Париз” Алори и Ардрэ; в “Гуоне Бордосском” пэром желает стать коварный брат Гуона Жерар и т.д. Но не случайно планам предателей не суждено сбыться – они недостойны этого высокого звания. Герцог Нэм так и говорит Жерару: “Вы желали стать одним из пэров, слава Богу, это не произошло”⁹⁹. Поэты дают понять читателю: предатели – неверные вассалы, своим поведением разрушающие принципы вассальных отношений.

Еще один способ действий предателей против сюзерена – разрушить брак короля или его верного вассала, женить его на своей претендентке и воспользоваться родственными связями с сюзереном для реализации своих целей. Так действуют предатели в *chanson de geste* “Герцогиня Париз”. Главный предатель Беранжье пытается отравить супругу могущественного сеньора Вовениса Раймунда¹⁰⁰. Когда план предателей не удается – предназначенное для герцогини отравленное яблоко случайно съедает брат Раймунда Бэвон – они клеветуют на герцогиню, обвиняя ее в убийстве Бевона и добиваются, чтобы герцогиню с новорожденным сыном выслали за пределы королевства¹⁰¹, после чего Беранжье удается женить свою дочь на Раймунде и взять бразды правления в свои руки.

О том, как предатели разрушили брак короля Пипина Короткого, рассказано в известной песни “Берта Большеногая”¹⁰². Законную невесту короля Берту изменники подменили внешне похожей на нее Аистой, дочерью ее служанки Мажисты. Мать Аисты вместе с сообщниками совершает неслыханное предательство – такого, как говорит поэт, не было со времени Иуды¹⁰³. В результате Пипин женится на Аисте, а Берта обвиняется в покушении

на короля и изгоняется в лес, где находит приют в семье крестьянина. Долгие годы предательство остается нераскрытым. И лишь когда мать Берты – венгерская королева Бланшефлор – решает навестить дочь, она обнаруживает подмену (у настоящей Берты большие ноги!) и во всеуслышание объявляет о предательстве¹⁰⁴. В то же время Пипин Короткий встречает Берту в лесу и узнает ее. В конце концов всех ждет счастливый конец – Пипин и Берта воссоединяются, у них рождается сын – будущий Карл Великий, а Мажиста и Аиста вместе с другими предателями подвергаются суровому наказанию.

Объективности ради следует сказать, что предатели не всегда стремятся исключительно к захвату власти. Так, в песни “Макэр, или Королева Сивилла” обрисована иная ситуация. В песни так же, как и в “Берте Большеногой”, жертвой предателя становится королева: влюбленный в королеву Сивиллу и отвергнутый ею предатель Макэр из рода Ганелона оговаривает ее перед Карлом, утверждая, что та изменяет ему с карликом¹⁰⁵. В результате Сивиллу изгоняют из королевства и бросают на произвол судьбы в лесу. Но в этой песни предатель, как кажется, не имеет никаких целей, кроме как удовлетворить свои оскорбленные чувства.

В песнях поэты явно осуждают действия изменников, но король, который часто принимает их сторону, изображается скорее как жертва, чем как виновник предательства. И это тоже не случайно. Общество, которое изображено в *chansons de geste*, основывалось на ленном праве, и центральная власть в нем была слабой. И Карл, и Людовик, и другие изображенные в песнях государи легковерны. Предатели ловко ими манипулируют. Им ничего не стоит оклеветать своих недругов – Гейдона в “Гейдоне”, Гуона – в “Гуоне Бордосском”, Гарнье – в “Айе Авиньонской”. Карл готов слушать поклепы людей из “плохого” рода – Ганелонидов, они могут отвратить его от главной цели – борьбы против неверных (как во “Фьерабрасе”), а в “Короновании Людовика”, как мы видели, малолетний король и вовсе становится игрушкой в руках предателей, которые лишают его короны и ссылают в аббатство св. Мартина в Туре. Король слаб и потакает предателям, и его верные вассалы постоянно уличают его в этом. Гейдон бросает Карлу в лицо гневные слова: безумие поддерживать предателей, которые покрыли Францию позором¹⁰⁶. Его вассал Ферро считает, что Карл любит больше предателей, чем славных рыцарей, которые ему служат верой и правдой¹⁰⁷. Гейдон же утверждает, что предатели совершенно ослепили Карла¹⁰⁸ и что род-

ственники Ганелона, Ардрэ, Милон, Карлу дороже, чем честный рыцарь из хорошего рода¹⁰⁹ – Карл же, повесив голову, вынужден согласиться¹¹⁰.

* * *

Если в песнях оклеветанные предателями и поставленные на край гибели герои далеко не всегда могут рассчитывать на поддержку сюзерена, то нередко они находят союзников среди членов рыцарской корпорации, своих пэров. В песни “Гофрей” герою, которого стремятся устранить предатели, оказывает поддержку пэр – герцог Нэм. Он единственный среди баронов, кто не верит клевете Грифона¹¹¹, утверждающего, будто Гофрей перешел на службу к сарацинскому королю Глориану¹¹², и своими вопросами разоблачает изменника¹¹³. Нэм защищает интересы жертвы предательских козней и в *chanson de geste* “Гуон Бордосский”. Руководствуясь принципами вассальной этики, он вступает за братьев Гуона и Жерара – сыновей покойного пэра, оклеветанных предателем Амори де ла Тур¹¹⁴. И опять именно он отказывается принять дары Жерара, предательски завладевшего трофеями брата. Он же впервые высказывает подозрение о предательстве Жерара, перешедшего на сторону изменников¹¹⁵.

В песни “Герцогиня Париз” другой из пэров – Кларэмбо, близкий семье героини, оказывается на ее стороне, когда Алори, Ардрэ и другие предатели обвиняют Париз в отравлении брата герцога¹¹⁶. Еще раньше они убили ее отца и теперь стремятся расправиться с дочерью. Предатели боятся Кларэмбо, а тот увещевает герцога – призывает его защитить честь покойного герцога Сен-Жиля Раймунда, вассалами которого они все были и от которого нынешний герцог получил фьеф¹¹⁷. Именно у Кларэмбо находит герцогиня приют после того, как ее изгнали из королевского дворца. Он отдает в ее распоряжение своих 14 сыновей, которые готовы верно служить ей¹¹⁸. Еще раз подчеркнем – Кларэмбо делает это в знак любви к своему покойному сюзерену.

Нэм, Кларэмбо и другие пэры изгоняют предателей, стремясь сохранить рыцарскую корпорацию, в которой соблюдаются принципы вассальной верности. Именно к пэрам обращаются жертвы предателей, рассчитывая на суд равных. Именно на пэров они надеются и в них обретают поддержку. Так, представ перед императором, Гуон требует суда равных и обращается к французским баронам с просьбой поручиться за него¹¹⁹. Когда же Карл не

признает результаты судебного поединка, Нэм призывает пэров покинуть двор сюзерена – император с плачем уступает, и только тогда бароны возвращаются назад.

* * *

Вообще судебный поединок – еще один способ верных вассалов защитить себя от предателей. В течение XII и начала XIII в. описания судебных поединков в общем часто появляются в *chansons de geste* и рыцарских романах¹²⁰. Достаточно вспомнить поединок между Тьерри и Пинабелем в “Песни о Роланде”¹²¹ или поединок между Гейдоном и обвинившим его в измене королю Тибо д’Аспремоном¹²². Как правило, в судебном поединке пэры выступают против предателей и защищают членов своей корпорации, причем происходит это не без ожесточенной борьбы. В *chansons de geste* судебный поединок является одним из способов разрешения острых конфликтов между “хорошими” и “плохими” баронами – пэрами и предателями.

В песни “Гуон Бордосский” описан судебный поединок между Гуоном и обвинившим его предателем Амори де ла Туром¹²³: пэры колеблются, не зная, кто прав, но поскольку христианский Бог, видимо, на стороне героя, то поединок кончается его полной победой. Не случайно Эсклармонда, влюбленная в него сарацинка, перешедшая в христианство, восклицает, что если Гуона осудят, то она опять обратится в ислам¹²⁴. В “Айе Авиньонской” предатели Обуэн и Милон обвиняют героя Гарнье в измене королю¹²⁵, и опять герои одерживают победу над предателями¹²⁶. В “Гарене Лотарингце” Бегон выступает в судебном поединке против предателя Изоре ле Гри – он разит его в самое сердце, приносит его в Париж и швыряет в лицо Гийому де Монклену со словами: “Бери сердце своего приятеля, вассал, можешь его послать и пожарить. Гарен никогда не затевал преступления против короля”¹²⁷.

Но самый странный судебный поединок происходит в *chanson de geste* “Макэр”, где честь поруганной королевы защищает... собака. Как мы помним, в песни оклеветанную Сивиллу приговаривают к казни, которую заменяют более мягким наказанием – изгнанием в лес. Но и там ее настигает предатель Макэр и убивает ее единственного спутника Обера де Мондидье, и тогда на защиту королевы встает ее верный пес. Он публично искусывает Макэра, а затем между предателем и собакой происходит судебный поединок¹²⁸, во время которого пес, наконец, вырывает признание

у предателя – поваленный на землю, тот сознается в том, что нарочно оклеветал королеву Сивиллу¹²⁹. Этот эпизод оказывается еще одним подтверждением того, что Бог на стороне оклеветанной королевы.

Как видим, герои *chansons de geste*, как правило, побеждают предателей. Герои выступают в судебных поединках как бы в роли вассалов Бога и сражаются за своего сеньора против предателей, так что победа героев объясняется тем фактом, что Бог и право на их стороне¹³⁰.

* * *

Перечисленные примеры все больше убеждают нас в том, что предательство в средневековом обществе мыслится прежде всего как правовая категория. Но право и мораль в средневековом обществе – две сферы, которые тесно соприкасаются и друг без друга не существуют. Своеобразный “моральный” (вернее, анти-моральный) кодекс предателя находим в *chanson de geste* “Гейдон”, где говорится о своеобразной клятве предателя (скорее анти-клятве). Ги д’Отфей, священник (sic!) после мессы снимает церковное облачение и сообщает своему племяннику, как должен вести себя настоящий предатель и что следует делать, чтобы преуспеть на этом поприще: предавать Бога, изменять сеньору, своим пэрам, нарушать принципы вассалитета – это то, что касается вассальных отношений. Кроме того нужно, говорит Ги д’Отфей, клеветать на людей, грабить бедняков, обездоливать сирот и вдов, бесчестить святую церковь, грабить духовенство, швырять в грязь младенцев и бить стариков, лгать, приносить лживые клятвы и пр. – при условии выполнения всех этих принципов, считает Ги д’Отфей, племянник сможет стать настоящим предателем¹³¹.

В соответствии с такими моральными принципами предатели для достижения своих целей действуют всегда коварными и нечестными методами. В *chansons de geste* они чаще всего прибегают к отраве с тем, чтобы устранить неугодного им человека или соперника, который может помешать осуществлению их коварных планов, будь то близкий вассал короля или кто-то из его родственников или даже сам король. Так, в “Гейдоне” Тибо д’Аспремон, брат Ганелона, пытается передать Карлу отравленные груши с целью отравить короля, а вину свалить на Гейдона и так избавиться от нежелательного для них соперника¹³². В “Герцогине Париз” предатель Беранжье готовит страшный яд, рецепт которого когда-то дал ему некий прокаженный старик. Пропитав

ядом 30 яблок, Беранжье поручает пажу передать этот зловещий подарок герцогине Париз с тем, чтобы покончить с ней счеты¹³³.

Со своими слугами, которых они избирают орудием осуществления своих коварных планов, предатели также поступают вероломно – они нарушают данные им обещания, а затем жестоко с ними расправляются. В “Гейдоне” Тибо д’Аспремон обещает провансальцу, согласившемуся передать отравленные груши, богатое вознаграждение – беличью шубу, коня и пр.¹³⁴, но затем, когда тот выполняет данное предателями поручение, подло убивает его¹³⁵. В “Герцогине Париз” Беранжье обещает пажу, согласившемуся отнести герцогине отравленные яблоки, большие подарки¹³⁶. По возвращении паж требует обещанную плату. “Ты получишь ее” – отвечают предатели и бросают пажа в колодец, где он ломает себе шею¹³⁷. Как видим, предатели неверны не только по отношению к сюзерену, членам вассальной корпорации, но и по отношению к людям, стоящим на более низкой ступени в социальной иерархии.

Нередко предатели действуют подкупом, и надо сказать, что король легко прельщается их подарками. В “Гофрее” Грифон, предав своих братьев, осыпает подарками Карла, который соглашается уступить ему завоеванный сыновьями Доона де Майенс город Труа¹³⁸. Услышав слова благодарности Карла¹³⁹, Грифон сквозь зубы говорит: “У кого деньги, тот достигает своей цели”¹⁴⁰. В “Айе Авиньонской” Милон одаряет короля, и тот сразу же пытается просватать за него свою племянницу Айю¹⁴¹. Вообще предатели изображаются настоящими финансовыми дельцами. В “Гейдоне” им удается подкупить короля даже после разоблачения Тибо д’Аспремона. Они привозят на двух мулах золото, и король тут же соглашается освободить из тюрьмы племянников Тибо Сансона и Амбрэна¹⁴². Предатели явно предпочитают деньги личным отношениям. Случаи подкупа короля столь часто описаны в песнях, что невольно возникает предположение о том, что все эти описания – косвенная реакция на развитие товарно-денежных отношений в средневековом обществе. Не случайно в песни “Айоль” герои сопоставляют прежние времена, когда превыше всего ценились верность и храбрость, и современную им эпоху господства товарно-денежных отношений¹⁴³.

Преследуя свои цели, предатели часто прибегают к травести и подлогу. В “Герцогине Париз” предатель Омаген облачается в костюм паломника с тем, чтобы, рассказав о своих видениях, оклеветать герцогиню Париз¹⁴⁴. В другом пассаже той же песни

камергер Милон, один из предателей, в душе настроенный против герцогини, вызывается защитить ее честь в судебном поединке¹⁴⁵. Накануне боя он нарочно ломает меч и затем склеивает его воском, чтобы получше инсценировать свое поражение.

Как представляется, момент травести не случаен. В песнях предатели постоянно выдают себя не за тех, кто они есть, и коварно скрывают свои истинные намерения. Примечательно, что под пером средневековых авторов даже внешность предателей предстает весьма обманчивой. Вот как в “Песни о Роланде” рисуется портрет предателя Ганелона: “Лицом он горд, сверкают ярко очи, / Широкий в бедрах стан на диво строен. / Граф так хорош, что пэры глаз не сводят”¹⁴⁶. Красив и Тибо д’Аспремон из *chanson de geste* “Гейдон”: по словам поэта, Тибо хорошо сложен, у него белое лицо, а глаза блестят как огонь¹⁴⁷. Точно так же в “Гофрее” предатель Грифон д’Отфей на приеме у Карла Велико-го очаровывает придворных дам своей привлекательной внешностью. Счастлива та, кто имеет такого любовника, – говорят они¹⁴⁸. Но они не знают его сердца – сердца подлеца, предавшего братьев, – добавляет поэт¹⁴⁹.

* * *

Примечательно, что в *chansons de geste* предатели часто разрывают братские узы и предают родственные интересы, а члены их семей переходят на сторону их противников. И такое поведение весьма типично для них. Так поступает Грифон д’Отфей в песни “Гофрей”. В ней рассказано о том, как 12 сыновей Доона де Майенса во главе со старшим из них – Гофреем – отправляются в поход против сарацин, желая вызволить из плена своего отца и его вассалов. Один из братьев – Грифон – вместе с предателем Ардрэ чинит Гофрею и другим братьям всяческие препятствия на пути достижения их главной цели. Грифон едет в Париж к Карлу с тем, чтобы подтвердить свои права на завоеванный христианами город Труа и ради этого клеветает на старшего брата, утверждая, что Гофрей покрыл себя позором, отрекся от Христа и перешел на службу к сарацинскому королю Глориану¹⁵⁰. В конце концов предателя изобличают в обмане и наказывают, и справедливость оказывается восстановленной.

Другой случай предательства брата описан в уже упоминавшейся песни “Гуон Бордосский”. В этой песни рыцарь Гуон, в результате клеветы предателей утратив доверие императора, вынужден отправиться в опасное приключение. В его отсутствие

младший брат Жерар женится на дочери одного из этих предателей и переходит на их сторону. Несмотря на все препятствия, Гуону удается с помощью эльфа Оберона выполнить поручения короля и вернуться на родину. Его приезд невыгоден предателям. Жерар, приветствуя Гуона поцелуем (“поцелуй Иуды”, как говорит поэт)¹⁵¹, делает вид, что рад ему, но на самом деле замысел его коварен: по наущению своего тестя Жибуара он устраивает засаду, захватывает брата в плен, отбирает его трофеи и затем перед лицом короля клеветает на Гуона, обвиняя его в том, что он не выполнил поручение короля¹⁵². Не случайно Гуон называет Жерара Каином¹⁵³. В конце концов обман раскрыт, и тем не менее Гуон убеждает Оберона не наказывать брата, так как во всем виноват главный предатель – Жибуар.

Интересно, что хотя род Ганелонидов в песнях предстает в целом сплоченным, семейно-брачные отношения отдельных предателей чрезвычайно непрочны; и их жены и дети часто поддерживают их противников. В “Гофрее” жена Грифона прямо сообщает всем, что ее муж предатель и требует разоблачить его¹⁵⁴. В песни “Гейдон” жена предателя Эрто, готовящего покушение на одного из королевских пэров, призывает не нарушать принципы рыцарской корпорации и сообщает сыну Савари о том, что его отец предал рыцаря¹⁵⁵. Эрто в конце концов кончает жизнь на виселице, а его сын перед казнью произносит перед отцом нравоучительную речь о заслуженной плате за предательство. Смерть отца была бы для него настоящим трауром, говорит Савари, если б тот был верным вассалом, но после совершенной отцом измены кончина Эрто для него значит не более чем прыщик (sic!)¹⁵⁶. Так поэты в песнях показывают, что предательство разрушает семейные и родственные отношения.

* * *

Поскольку предатели являются закоронелыми грешниками и нарушают моральные принципы, которые лежат в основе средневекового общества, то их судьбы предрешены – все они попадут в ад. В “Гейдоне” Тибо д’Аспремон, побежденный в судебном поединке Гейдоном, отчетливо сознает, что окажется в аду, где уже находится его брат Ганелон. И он не собирается обращаться к Богу, просить у своих жертв прощения или исповедоваться – все это безнадежно¹⁵⁷. Точно так же после смерти предателя Гуинемана его душой овладевают злые духи и бросают ее друг другу как мячик. Поначалу другие предатели принимают злых духов за

ангелов и радуются, что судьба пощадила их собратьев. Но, разглядев духов, один из сообщников Гуинемана – Ардрэ – резонно замечает, что если бы то были ангелы, то они летели бы по воздуху¹⁵⁸, и предатели убеждаются, что ад – их неминуемый конец. В “Герцогине Париз” главных предателей – Беранжье и Ардрэ, оклеветавших герцогиню, вместе с их сообщниками приговорили к смертной казни – их бросили в костер. По замечанию поэта, их тела обратились в пепел, а их души унес дьявол¹⁵⁹. В “Айе из Авиньона” побежденный в судебном поединке предатель Обуэн говорит о том, что не просит прощения, ибо точно попадет в ад и там встретится с Ганелоном и Пинабелем, и их (предателей) будет там много¹⁶⁰. Поэты ясно дают понять, что Бог никогда не будет на стороне предателей, и, как говорится в *chanson de geste* “Коронование Людовика”: “кто низкое предательство замыслил, / Того возмездье Божие не минет”¹⁶¹.

* * *

Примеры предательств, описанных в *chansons de geste*, можно было бы продолжить. Но пора подводить итоги сделанным наблюдениям.

Как мы видели, в изображении французских средневековых поэтов предательство – это прежде всего правовая категория, или же, скорее, моральные и правовые аспекты феномена предательства почти невозможно развести по разным полюсам. В средневековой литературе предательством считалось прежде всего преступление против сюзерена, нарушение принципов взаимных обязательств сеньора и вассала, что составляло сердцевину феодального права. В героическом эпосе разрыв этих обязательств, как мы видели, разрушает принципы солидарности средневекового общества, на которых зиждятся как отношения сюзерена и вассалов, так и отношения внутри рыцарской корпорации. Эти действия, судя по литературным текстам, приводят к упадку всей системы средневекового социального строя. Таковы последствия действий предателей, описанные в рассмотренных в этой статье *chansons de geste* королевской жесты и жесты Гильома: неверные вассалы изолируют короля от его верных рыцарей, разрушают брак короля (“Берта Большеногая”), предают своего сюзерена (“Песнь о Роланде”), узурпируют его власть (“Коронование Людовика”). 12 самых известных Ганелонидов, совершающих подобные действия, в этом смысле противопоставлены 12 пэрам – самым известным вассалам короля, которые приходят на помощь

членам рыцарской корпорации (герцог Нэм в “Гуоне Бордосском”, Кларэмбо в “Герцогине Париз”) и стоят на страже ее интересов.

Однако предательство касается не только вассальных отношений, отношений с более могущественными сеньорами, но по существу всех видов человеческих взаимоотношений – семьи, дружбы, родственных связей, семейно-брачных отношений. Как мы видели, предатели разрушают отношения между братьями (“Гофрей”, “Гуон Бордосский”), между супругами (“Берта Большеногая”, “Герцогиня Париз”, “Макэр”) и тем самым ставят под угрозу выживание рода. В “Песни о Роланде” предательство Ганелона ведет к гибели 30 тысяч его заложников. В “Гейдоне” предательство приводит к распаду семьи героя Эрто.

Мотивы предательства разнообразны – жажда власти, амбиции, стремление к повышению статуса и пр. Действующие по этим мотивам предатели угрожают всему обществу и подрывают его стабильность, нарушают его хрупкое равновесие.

Наконец, предательство касается отношений человека с Богом. Как явствует из *chansons de geste*, крайняя форма предательства – вероотступничество, предательство Бога, интересов христианского мира в целом – например, переход рыцарей на сторону иноверцев, все виды помощи неверным, отказ от борьбы с язычниками за расширение пределов христианского мира.

Но и изменившие своему сеньору рыцари, согласно средневековым литературным произведениям, предают Бога. Не случайно в судебном поединке, который, как правило, изображается в песнях как средство разрешения конфликта между предателем и его жертвой, выигрывает всегда верный рыцарь “*loiaus om*”, ибо Бог оказывается на его стороне, а предатель своими действиями по существу оскорбляет Бога¹⁶².

Все средневековое общество основывается на принципах клятвы; в основе социальных связей – присяги, данное слово, кодекс чести. Предатели же, если судить по литературным текстам, пренебрегают юридическими и моральными принципами средневекового социального порядка. Они не только совершают клятвопреступления, но и непрерывно изменяют своим обещаниям, не исполняют своего долга и обманывают всех – от своего сюзерена до стоящих в самом низу социальной иерархии слуг, которых они вероломно подкупают, а использовав их в своих целях, уничтожают (“Гейдон”, “Герцогиня Париз”). Своеобразная “анти-клятва” предателя, описанная в “Гейдоне”, представляется трагедией рыцарского кодекса чести.

Во французском героическом эпосе предатели, как правило, скрывают свои истинные намерения, действуют вероломно и прикрывают свои подлинные цели и стремления ложными клятвами. Примечательно, что даже внешность предателей обманчива – как показывают поэты, за приятной наружностью и прекрасными манерами они скрывают недобрые чувства и неправомерные амбиции.

Характерно, что образ предателей, судя по рассмотренным здесь *chansons de geste*, созданным в период времени от конца XI в. до начала XIV в., практически не изменяется с течением времени, и это обстоятельство может свидетельствовать о постоянном отношении средневекового общества к тем, кто нарушает его правовые и моральные принципы. В героическом эпосе предателей, как мы видели, всегда ждет наказание – позорная смерть и геенна огненная. В таком однозначном и неизменном отношении средневекового общества к предателям и предательству в полной мере проявляются этические принципы феодальной эпохи.

Очевидно, плодотворное изучение предательства возможно лишь в том случае, если мы будем рассматривать этот феномен в конкретно-историческом контексте – ведь в это понятие вкладывается разный смысл в зависимости от того, о какой эпохе мы говорим. Предпринятый здесь анализ этого понятия применительно к Средневековью, как мне представляется, достаточно полно раскрывает особенности феодального социального порядка, в основе которого – вассальные, родственные и религиозные связи. Именно этим связям угрожают изображенные в *chansons de geste* предатели и изменники.

¹ О политическом предательстве см. материалы коллоквиума, недавно организованного французскими медиевистами: *La trahison au Moyen âge: de la monstrosité au crime politique*. V–XV. ss. / Ed. M. Billoré et M. Soria. Rennes, 2009.

² Некоторые подходы к анализу этого аспекта феномена средневекового предательства можно найти в книге Ж. Дюби: *Duby G. Le chevalier, la femme et le prêtre*. P., 1981. P. 201–223.

³ От *perfidia* – вероломство. См. об этом подробнее в кн.: *Blumenkranz B. Perfidia* // *Archivium latinum aevi*. Bruxelles, 1952. Vol. 22. P. 157–170.

⁴ Самая известная из этого цикла песнь – “Рауль из Камбрэ”, повествующая о сложных отношениях рыцаря Бернье и его сеньора Рауля, наносящего ему череду оскорблений и сжигающего его мать в монастыре. В одном из самых драматичных пассажей песни Бернье произносит следующие слова: “Мой сеньор Рауль хуже Иуды, но он мой сеньор. Он дарит мне лошадей и одежду, оружие и дорогие шелковые ткани из Багдада. Я не изменю ему за все сокровища Дамаска, даже если все скажут: “Бернье, ты вправе ему изменить”. См.: *Raoul*

- de Cambrai* / Ed. P. Meyer et A. Longnon. P., 1882. V. 1381–1385: “R. Mesires est plus fel que Judas; / Il est mesires; chevaux me done et dras, / Et garnement et palles de Baudas; / Ne li fauroie por l’onor de Damas”. Все же потом Бернье вступает в противоборство с нечестным сеньором, кода тот, разгоряченный вином (в день Поста!) бьет Бернье палкой по голове. О цикле в целом см.: *Calin W.C. The Old French Epic of Revolt: “Raoul de Cambrai,” “Renaud de Montauban,” “Gormond et Isembard”*. Geneva, 1962. См. также: *Kay S. The Chanson de geste in the Age of Romance: Political Fictions*. Oxford, 1995.
- ⁵ *Heintze M. König, Held und Sippe: Untersuchungen zur Chanson de geste des 13. und 14. Jahrhunderts und ihrer Zyklenbildung*. Heidelberg, 1991.
- ⁶ *La Chanson de Roland* / Ed. I. Short. 2-ième éd. P., 1990 (далее – *Chanson de Roland*); *Gaydon* / Ed. F. Guessard et S. Luce. P., 1862 (далее – *Gaydon*); *Fierabras: Chanson de geste du XII siècle* / Ed. A. Kroeber et G. Servois. P., 1860 (далее – *Fierabras*); *Macaire* / Ed. F. Guessard. P., 1865 (далее – *Macaire*); *La Prise de Pampelune: Altfranzösisches Gedicht aus venezianischer Handschrift* / Hrsg. v. A. Mussafia. Wien, 1864 (далее – *La Prise de Pampelune*); *L’ Entrée en Espagne* / Ed. L. Gautier. P., 1858 (далее – *Entrée en Espagne*); *Li romans de Berte aux grands piés* / Ed. P. Paris. P., 1832 (далее – *Berte aux grands piés*); *Couronnement de Louis* / Ed. E. Langlois. P., 1920 (далее – *Couronnement de Louis*); *Charroi de Nîmes* / Ed. J.-L. Perrier. P., 1931 (далее – *Charroi de Nîmes*); *Aye d’Avignon: Chanson de geste, publiée pour la première fois d’après le manuscrit unique de Paris* par F. Guessard et P. Meyer. P., 1861 (далее – *Aye d’Avignon*); *Gaufrey* / Ed. F. Guessard et P. Chabaille. P., 1859 (далее – *Gaufrey*); *Parise la duchesse* / Ed. F. Guessard. P., 1860 (далее – *Parise la duchesse*); *Huon de Bordeaux* / Ed. F. Guessard et Ch. Grandmaison. P., 1860 (далее – *Huon de Bordeaux*); *Aiol, chanson de geste, publiée d’après le manuscrit unique de Paris, par J. Normand et G. Paris*. P., 1877 (далее – *Aiol*). Жанровые особенности этих литературных памятников подробно рассмотрены в кн.: *Михайлов А.Д. Французский героический эпос: Вопросы поэтики и стилистики*. М., 1995. О цикле Гийома см.: *Frappier J. Les chansons de geste du cycle de Guillaume d’Orange*. P., 1965.
- ⁷ *Hofer S. Das Verratmotiv in den chansons de geste // Zeitschrift für Romanische Philologie*. 1924. Bd. XLIV, Hf. 1. S. 594–608.
- ⁸ *Dessau A. L’idée de la trahison au Moyen âge et son rôle dans la motivation de quelques chansons de geste // Cahiers de civilisation medievale*. Poitiers, 1960. № 3. P. 23–25.
- ⁹ *Heintze M. Op. cit.* S. 414–444.
- ¹⁰ См.: *Gaydon*. V. 120, 138, 140, 694, 1875, 1263, 3042, 3162, 3189, 3192, 3187, 3289, 5394; *Gaufrey*. V. 4846, 4870, 5135, 53280; *Parise la Duchesse*. V. 272, 422, 308, 390, 418, 420, 428, 2512, 2641, 2646, 2661, 3034; *Huon de Bordeaux*. V. 95218, 1017, 1255, 1384, 2084, 2116, 3875, 4179, 9023.
- ¹¹ См.: *Gaydon*. V. 313, 380, 436, 454, 577, 1782, 3515, 4675, 10117, 10124, 10128, 10136, 10321; *Parise la Duchesse*. V. 26, 183–184, 3030; *Huon de Bordeaux*. V. 934, 2166, 9498–9499, 10 350; *Berte aux grands piés*. V. 360, 365, 387, 690, 1833, 2268, 1833, 2262, 2300.
- ¹² См.: *Aye d’Avignon*. V. 289, 310, 319; *Berthe aux grans piés*. V. 1870; *Couronnement de Louis*. V. 1436.
- ¹³ См.: *Gaydon*. V. 458 (cuivert, le traïtor renois). V. 1140 (Ganes, li cuivers renoiez). V. 1263 (Ganelon, le traïtor prouvé). V. 5278 (li fel traitres). V. 9549 (fiuls à putain, gloutons). V. 10129 (cuivert felon); *Gaufrey*. V. 4780 (le cuivert putainnier); *Parise la Duchesse*. V. 90 (lo cuvert, le traïtor) etc.

- ¹⁴ См.: Gaydon. V. 143, 424, 578, 3075, 3184, 10 142 (fel); V. 5278 (li fel traitres); Fierabras. V. 4511; Parise la Duchesse. V. 19,1981, 2049.
- ¹⁵ Об этом понятии см.: *Illmer F. Treuebruch, Verrat und Felonie im deutschen Strafrecht. Würzburg, 1937.*
- ¹⁶ Gaufrey. V. 5379: “Et donques traïtour si feïtement Grifon? / Il ne ressemble pas à son pere Doon, / Ni a sa mere Flandrine a la clere fachon, / ains hons de son lignage ne pensa traïson”.
- ¹⁷ Ibid. V. 2207–2209.
- ¹⁸ Так, в “Гоффрее” нарисована настоящая генеалогия предателей. См.: Gaufrey. V. 3999–4004: “Que de li issi puis Ganelon et Hardré, Milon et Auboin et Herpin et Gondrez, / Pinabel de Sorence et Tiebaut et Fourrés, / Et Hervien de Lion qui sot du mal asses. / Et Tiebaut d’Aspremont qui fu moult redoutés. / De li issi geste don’t Kalles fu irés...”
- ¹⁹ Aye d’Avignon. V. 151–152, 355–360.
- ²⁰ Gaydon. V. 4166–4169.
- ²¹ La Prise de Pampelune. V. 2839–2841.
- ²² Fierabars. V. 4455–4458: “Qui fuit furent neveu et cousin et parents”.
- ²³ Gaydon. V. 7998: “li traïtor sont plain de desmesure”.
- ²⁴ Chanson de Roland. V. 3797–3799: “Pur Pinabel se cuntient plus quei: / Dist l’un a l’autre: ‘Bien fait a remaneir! / Laisum le plait e si preïum le rei / Que Guenelun cleimt quite ceste feïz...”
- ²⁵ Песнь о Роланде. Коронование Людовика. Нимская телега. Песнь о Сиде. Романсеро. / пер. Ю. Корнеева. М., 1972 (далее – “Песнь о Роланде”). Ст. 3097. См. в оригинале: Chanson de Roland. V. 3907: “Dist Pinabel: ‘Ne placet Damnedeu! / Sustenir voeill trestut mun parentét, / Ne m’ recerrai pur nul hume mortel...”
- ²⁶ Gaydon. V. 43: “Thiebaus respond: Je ne le puis amer: ‘Par maintes fois a fait mon cuer irer, / No lingnaige a honi et vergonde, / Gane, mon frère, fist ardoir en .I. ré / Sor Ro)cheoure, et tout discipliner, / Et Pynabel, mon neveu l’alósé, / Fist il à eves de cheval trainer”.
- ²⁷ Ibid. V. 615: “XIII. conte en sont en piés levé, / De son lingnaige et de son parenté”.
- ²⁸ Aye d’Avignon. V. 704: “Se je vois en enfer, selon m’entencion, / Je trouverai laiens mon oncle Ganelon, / Pinabel de Sorence e mon parent Guion: / Nou seron moult grant geste en cele region”.
- ²⁹ Ibid. V. 3910–3913: “Il furent XII contes que cosin que parent”.
- ³⁰ Parise la Duchesse. V. 15 “...ot en Vauvenice. XII. pers moult felons, / Qui lor seignor murtrirent par moult grant traïson: / Herderez et Aloriz, et Tiebauz d’Aspremont, / Et Pineauz, et R [o]giers, et Herveies de Lion. / Pinabiaus et Roers, et Sanses d’Orion; / Cil furent del lignaige al cuvert Ganellon”.
- ³¹ Gaydon. V. 15: “C’est de Thiebaut, qui d’Aspremont fu nés; / Freres fu Gane, dont tant oï avez, / Qu’an Ronscevals trai les. XII. pers, / Et les .XX. mil de chevaliers armez...”
- ³² Ibid. V. 762: “Drois empereres, li dus Ogiers a dit, / ‘Ne crééz pas le lynгнаige Aulori; / Ne le lynгнаige qui onques bienne fist, / En Ronscevaux vostre neveu traït, / Et les .XX. des chevaliers hardis”.
- В том же “Гейдоне” рыцарь Жоффруа напоминает Тибо, что тот – брат Ганелона, подлеца и вероотступника, предавшего сарацинам Роланда и Оливье, а также лучших архиепископов и 12 пэров и 20 тысяч рыцарей. См.: Gaydon. V. 1140: “Mai li fel Ganes, li cuivers

- renoeiz, / Vendi Marsille, Rollant et Olivier, / Et l'arcevesques, et Gerin et Gelier, / Les. XII. pers dont li rois fu iriez, / Et les. XX m de chevaliers proisiez".
- ³³ Aye d'Avignon. V. 334: "E Garniers lor reproche lor pere Ganelon, / Qui porta le message au roi Marcillon, / Dont furet mort a glaive li .xii. conpaignon". В той же песни Айя Авиньонская напоминает о том, что род Ганелонидов доставлял немало беспокойств Франции. См.: Ibid. V. 505 "E toute sa lingnie soit de feu alumee, / Qui ont par tantes fois douce France trouble. / Par eus fu mort Roillans a la chiere menbree / E le conte Olliviers – c'est verité prouee..."
- ³⁴ Именно такими словами говорит о предателе Милоне герой "Герцогини Париз". См.: Parise la Duchesse. V. 431: "Et Miles l'an desfent, li traitres provez, / Vos savez bien qu'il est de mauvaise parenté".
- ³⁵ См. об этом: *Flori J. Chevalier et chevalerie au Moyen âge*. P., 1998. P. 23–56.
- ³⁶ *Chanson de Roland*. V. 510–512.
- ³⁷ *Galien*. V. 1298–1299.
- ³⁸ *La Prise de Pampelune*. V. 2820–2828: "Guron a nom; ond s'il veut fer dolour coral / A çarille, si l'ocie; ond Frans e Provençal / Seront plus esbaïs pour lu sens jeu ne bal / Che pour dis mil des autres de la giant communal. / A Maoçaire diriés che ast fu ou principal / Che sa ville li veut amblicom desloial: / Or s'en pora vençier, s'il a sen natural. / Ne faites long demor on le giant creminal: / Mes de ci à tierçe nuit soies ci en cist terra..."
- ³⁹ Aye d'Avignon. V. 1630ff.
- ⁴⁰ Об этом см. подробнее в статье: *Dessaud E.* Op. cit. P. 23–25.
- ⁴¹ Песнь о Роланде (пер. Ю. Корнеева). Ст. 35–39. См. оригинал: *Chanson de Roland*. V. 35–39: "En ceste tere ad asez osteiet: / En France, ad Ais, sen deit ben repaier. / Vos le sivrez a feste seint Michel, / Si recevrez la lei de chrestiens: / Serez ses hom par honur e par ben".
- ⁴² *Chanson de Roland*. V. 201–210.
- ⁴³ *Fierabras*. V. 4404–4413: "Karles est moult dolens, coureciés et irés. / L'emperere manda Guenelon et Hardre, / Grifonnet d'Autefueille o le grenon mellé, / Alori et Macaire et des autres asses, / Et si manda Renier de Genne l'alossé. / Baron, dist l'emperere, quell conseil me donnés? / Perdu ai mes barons, moult en sui abosmés, / Moult en sui afoiblis et mes pres avillés; / Je vous rent la couronne dont je suis couronnes / Jamais jour de ma vie n'en tenrai l'ireté".
- ⁴⁴ Ibid. V. 4419–4450: "Ralons nous ent en Franche, se mon conseil créez. / Li enfant qui la sont petit, de joule aés. / Seront tuit parcreu anchois .XX. ans passez; / Donc, criere en Espagne au retor vous metés, / Puis conquerrons les teres et les grans irétés, / Et les dignes reliques, dont lou ai grant pités. / Lois vengerés Rollant, don't vous estes irés, / Et les autres barons, qui mort sont et finés; / Par verte le vous di, jamais ne le[s] verrés..."
- ⁴⁵ Ibid. V. 4443 "Et dist à soi meismes: 'Caitis, que deverrés? / Si je m'en vois arriere, ce sera lasquetés; / Tous li mondes dira Karles est rasotes. / Miels ain perdre la teste que soie retournés'".
- ⁴⁶ Ibid. V. 4447–4450.
- ⁴⁷ Aye d'Avignon. V. 1630–1643.
- ⁴⁸ *Fierabras*. V. 1650ff.
- ⁴⁹ Aye d'Avignon. V. 1610: "En droit sarrazinois Berengiers li respond".
- ⁵⁰ Ibid. V. 1630–1645.
- ⁵¹ Ibid. V. 1644: "Par Mahonmet, dist il, vos esteres de nos!"
- ⁵² Ibid. V. 1510–1514.
- ⁵³ Ibid. V. 1515–1517.

- ⁵⁴ Ibid. V. 2408–2410.
- ⁵⁵ Ibid. V. 3440–3675.
- ⁵⁶ Ibid. V. 3678–3725.
- ⁵⁷ Ibid. V. 3727: “Voz avez mon enfant de la mort secoru, / Vos l’eüssiez destruit si vos eust pleü, / E vos l’avez amé, norri e chier tenu”.
- ⁵⁸ Aye d’Avignon. V. 3795–3800.
- ⁵⁹ Chanson de Roland. V. 1753–1760: “Rollant ad mis l’olifan a sa buche, / Empeint le ben, par grant virtut le sunet. / Halt sunt li pui e la voiz est mult lunge: / Granz trnt liwes l’oïrent il respundre. / Karles l’oït e ses cumpaignes tutes. / Ço dit li reis: ‘Bataille funt nostre hume!’ / E Guenelun li respunt encuntre: ‘S’altre l’desist, ja semblasr grant mençunge’”.
- ⁶⁰ Le Charroi de Nîmes, chanson de geste du XII s. / Ed. J.-L. Perrier. P., 1931. V. 684–690: “Des or s’en vet Guillelmes le guerrier, / En sa compaignie maint gentil chevalier, / La flor de France vos a fet si vuidier, / S’il vos sort guerre, ne vos porroiz aidier, / Et di croi bien qu’il revendra a pié; / Tiot li autre erent mené a mendier”.
- ⁶¹ Это не кто иной, как Тьерри из “Песни о Роланде”, решившийся сразиться с Пинабелем.
- ⁶² Gaydon. V. 58: “Ce fait Gaydon, nostre annemis mortex, / Il et ses oncles, dus Nayme le senez, / Et li Danois, cui Dex puist mal donner, / Cil sont dou roi del tout issi prive / Que ses conseuls ne puer sans euls fuier”.
- ⁶³ Ibid. V. 105–106: “Ogiers et Naymes seront are en un rée / Gaydon sera a chevax traïneez”.
- ⁶⁴ Ibid. V. 101: “Lors sera mors, ne porra plus durer”.
- ⁶⁵ Fierabras. V. 292–327.
- ⁶⁶ Ibid. V. 3–23: “Il ira voirement, ja n’en ert respitié, / Mais s’il est mors ne pris, tu seras vergonnié, / Et trestout ti parent fors de France cacié...”.
- ⁶⁷ Huon de Bordeaux. V. 235–236: “Gerard et Hues, doi malvais iretier, / Qui ne vous degnent server ne essaucier”.
- ⁶⁸ Ibid. V. 450–451: “se Hues vient à Paris courtoier, / De douce France sera gonfanonnier, / Et li maisnés sera mes camberiers”.
- ⁶⁹ Ibid. V. 478: “Il vous tauront de France I quartier”.
- ⁷⁰ Ibid. V. 491–495: “En cel bruellet, nous irons embussier. / Quant li garçon quideront cevauchier, / Courons lour sus, si lor copons les ciés; / On ne saura quis ara detrnciés: / Et dist Karlos: ‘Jou l’otroi volentiers’”.
- ⁷¹ Huon de Bordeaux. V. 737–780.
- ⁷² Aye d’Avignon. V. 236–239: “Fumes fil Aulori e neveu Haguenon, / E Mile e Auboïn, fil Pinabel le blon, / Qui tint tote la terre dusqu’es vaus de Matron. / Il fu jadis ocis por le plait Ganelon”.
- ⁷³ Ibid. V. 245–250: “Seignor, quel la ferons, franc chevalier baron? / Moulte par est cis rois fel e plain de traïson, / De mal e de voidie e de sujection; / Poi nous leisse de terre que nous tenir doion. / Pres sui que je l’ocie, voiant .m. compaignon, / En bois ou en riviere, ou la ou nous porrons. / Quant nous l’arons ocis, de noiant nous douton”.
- ⁷⁴ Ibid. V. 253–257: “E nous li respondismes: ‘Par ma foi, non feron. / Miex volons tous jors perdre que le roi ocion’ / A ce trai a garant Auboïn e Milon / Que Karles fust ocis se nous l’otroïssons’”.
- ⁷⁵ Aiol. V. 45–48: “Il li toil sat ere e chou qu’il dut tenir, / Et le catcha de France a paine et a essil / Par le conseil Makaïre, que ja Dieus n’en ait, / Un mavais losengier, un quiver de put lin”.

- ⁷⁶ Ibid. V. 210–214: “Quant vous venrés en France le signorie, / Gardez vos de Makaiire, Dieus le maudie! / Le sien acointement ne tenés mie, / Car quivers est et fel et plains d’envie; / Il me cacha de France par félonie”.
- ⁷⁷ Ibid. V. 3521–3527: “‘Sire, franc domoiseis, ce dist li rois, / Je voi bien que molt estes preus et cortois. / Vencue as la bataiile et le tornoï; / Molt i appris chevaus et palefrois, / Jamais n’ert un seus jors miex ne t’en soit, / .II. et .IIII. je t’en otroï; / Et Monleun en France et Estanpoic’”.
- ⁷⁸ Ibid. V. 3556: “‘Tais, glous”, dist Loyes, “mais n’en plaidiés. / Fieus a putain, traitres, fel losengiers. / Onques en ton vivant ne fesis bien. / Tel home m’as tolu don’t sui iriés».
- ⁷⁹ Песнь о Роланде (пер. Ю. Корнеева), ст. 3775–3778. См. в оригинале: *Chanson de Roland*. V. 3775–3778: “Jo desfiai Rollant le poignëor, / e Oliver e uiz lur cumpaignun; / Carles l’oïd e si noble baron. / Vengét m’en sui, mais n’i ad traïsun”.
- ⁸⁰ *Chanson de Roland*. V. 609–617: “Un faldestoed I out d’un olifant. / Marsilies fait porter un livre avant: / La lei I fut Mahum e Tervagan. / Co ad juret li Sarrazins espans: / S’en reregarde troevr le cors Rollant, / Cumbatra sei a tresute sa gent, / E, sè il poet, murrat I veirement. / Guenes respunt: ‘Ben seit vostre comant!’”
- ⁸¹ Ibid. V. 520–580.
- ⁸² Песнь о Роланде (пер. Ю. Корнеева). См. в оригинале: *Chanson de Roland*. V. 596–600: “Chi purreit faire que Rollant I fust mort, / Dunc perdreit Carles le destre braz del cors, / Si remeindreient les merveilluses oz; / N’assemblerait jamais si grant esforz; / Rere Major remeindreit en repos”.
- ⁸³ Couronnement de Louis. V. 98–109: “Delez le rei sist Arneïs d’Orliens, / Qui molt par fu er orgoillos et fiers; / De grans lozenges le prist a araisnier: / ‘Dreiz emperere, faites pair, si m’oiez. / Mes sires est juvenes, n’a que quinze anz entiers, / Ja seroit morz quin fereit chevalier. / Ceste besogne, se vous pliait, m’otriez, / Tresque’a treis anz que verrons commentiert. / S’il vuelt proz ester ne ja bons ertiers, / Je li rendrai de gré et volentiers, / Et acreistrai ses terres et se fiez’”.
- ⁸⁴ Couronnement de Louis. V. 130: “Le poing senestre li a meslé el chief, / Halce le destre, enz el col li assiet: / L’os de la gole li a par mi brisié; / Mort le trebuchet a la terre a ses piez...”
- ⁸⁵ Couronnement de Louis. V. 1435–1440: “Qui li aportent unes noveles aspres; / Que morz esteit li emperere Charles; / A Looïs sont remeses les marches; / Li traïtor, cui li cors Deu mal lace, / Del fill Richart de Roen a la barbe”.
- ⁸⁶ Ibid. V. 1970sq.
- ⁸⁷ Gaydon V. 43–48: “Thiebaus respond: ‘Je ne le puis amer: ‘Par maintes fois a fait mon cuer irer, / No lingnaige a honi et vergonde, / Gane, mon frère, fist ardoir en .I. ré / Sor Rocheoure, et tout discipliner, / Et Pynabel, mon neveu l’alôsé, / Fist il à eves de chevax trainer’”.
- ⁸⁸ Ibid. V. 101–102: “Toi me ferez en France coroner; / Si voz donrai les riches heritez, / Orliens, et Rains, et Biauvais la cité”.
- ⁸⁹ Ibid. V. 1785–1786: “Rois cuidai iestre de France et de Loon; / Mais Dex ne vault, par son saintisme non”.
- ⁹⁰ Gaufrey. V. 4860–4867: “Et Grifon respondi: ‘Par Dieu de majesté! / Se poveie tant fere qu’il le m’eust donné, / Ains que passast li an i seroit il fremé, / Et en seroit encore courouchié et iré, / Et si seoit Gaufrey et tout mon parenté / Quant il sera moult bien fet et en haut levé, / Hautefeuille ara nom, ainsi l’ai en pensé’”.
- ⁹¹ Parise la Duchesse. V. 20–26: “XII. pers moult felons, / Qui lor seignor murtrirent par moult grant traïson: / Herderez et Aloriz, et Tiebautz d’Aspremont, / Et Pineauz,

- et R [o]giers, et Herveies de Lion. / Pinabiaus et Roers, et Sanses d'Orion; / Cil furent del lignaige al cuvert Ganellon".
- ⁹² Ibid. V. 31–32: "Car, s'elle s'aperçoit son pere mort avon, / Elle nos fera pendre ou ardoir au charbon".
- ⁹³ Ibid. V. 20–40.
- ⁹⁴ Huon de Bordeaux. V. 894–895: "Karles est mors, Diex en soit beneis! / France es sans oir, si tenrau le país".
- ⁹⁵ Gaydon. V. 454–460: "La traïson deffaut je endroit moi; / Ne la pensaisse, por les memres ardoir. / Li dus Rollans me norri, par ma for; Gel servie bien de cuer en bonne foi; / .VII. anz toz plains li gardai son conroi; / En Roncevaux ou noz fumez destroir. / En la bataill ou ne fumez que troi, / Ce fu Rollans et l'arcevesque et moi."
- ⁹⁶ Gaydon. V. 5375–5376: "Sire, dist Naynmes, ja mar en douterez, / Car tout paraige pass le loiaitez; / Ne nos lingnaige ne fist jor fausetez".
- ⁹⁷ Коронавание Людовика (перевод Ю. Корнеева) // Песни о Гильоме Оранжском / изд. Ю.Б. Корнеев, А.Д. Михайлов. М., 1985. Ст. 1913–1915. См. оригинал: Couronnement de Louis. V. 1913–1915: "Traître lerre li cors Deut e confonde! / Par quei fiaseis ton dreit segnor tel honte. / Richarz tes pere ne porta onc corone".
- ⁹⁸ Коронавание Людовика (перевод Ю. Корнеева). Ст. 1970–1971. См. оригинал: Couronnement de Louis. V. 1970–1971: "Ensi deit on traïtor justicier / Qui son segnor vuley traïr et boiser".
- ⁹⁹ Huon de Bordeaux. V. 9558 "Vous volies ester l'autrier .I. de nos peres".
- ¹⁰⁰ Parise la Duchesse. V. 26–88.
- ¹⁰¹ Ibid. V. 102–188.
- ¹⁰² Colliot R. Structure de la trahison dans les diverses versions de la légende de Berte aus grans piés // Essor et fortune de la Chanson de geste dans l'Europe et l'Orient latin. Actes du IXe Congrès international de la Société Rencesvals (Padoue-Venise, 29 Aout – 4 Septembre 1982). Modena, 1984. T. 2. P. 663–678.
- ¹⁰³ Berthe aux grands piés. V. 690–691: "Ains de tele traïson / Puis que de Judas fu nostre Sires vendus".
- ¹⁰⁴ Ibid. V. 2150–2160: "Et Blancheflore s'escrie: 'Harou! traï! traï!'".
- ¹⁰⁵ Macaire. V. 53–55: "Macharie de losane se faite apeler, / Or entendes del traïtor losençer / Como vose li rois onir e vergogner, / E por force avoir sa muler".
- ¹⁰⁶ Gaydon. V. 5391–5393: "Folie faites, que tex gens sortenez. / Par cui France est chéue en tel viltez. / La mort Rollant vostre neveu vendez".
- ¹⁰⁷ Ibid. V. 3162–3164: "Il ainme miex les traïtors failles / Que il ne fait les chevaliers gentiz; / Que loiaument l'ont servi a touz des..."
- ¹⁰⁸ Ibid. V. 3184–3187: "Mais li felon, par lor avoir donner, / Ont fait Karlon del tout si aveugler / Que loiaus hom ne puet riens conquerer. / Li traïtor l'en ont fait fors bouter".
- ¹⁰⁹ Ibid. V. 10142–10144: "Voz amez mieus les parens Ganelon, / Hardré le fel, Amboyn et Milon, / Et le lyngnaige qu'ainz ne fist se mal non / Que nul prend home qui soit en vo maison".
- ¹¹⁰ Ibid. V. 10145–10146: "Karl les l'entent, si baisse le menton / Le traïtres m'ont tellement ensorceles".
- ¹¹¹ Gaufrey. V. 5052–5052.
- ¹¹² Ibid. V. 5118: "Combien a qu'il la server roi Gloriant".
- ¹¹³ Ibid. V. 10051–10052: "Sire, dist dus Naimez, ne le vous dis je mie? / Je vous dis que Grifon est plan de tricherie".

- ¹¹⁴ Huon de Bordeaux. V. 218–250.
- ¹¹⁵ Ibid. V. 9512: “Gerars en oeuvre par mortel traïson”.
- ¹¹⁶ Parise la Duchesse. V. 354–365.
- ¹¹⁷ Ibid. V. 423–425: “Sire, dux San Gile, vers moi entendez, / De cui clanés vos donques ceste bone cite, / Et le fié, et la tere, et tote l’erité...?”
- ¹¹⁸ Ibid. V. 731–733: “Dame, dit Clarembaus, or ne vos estraez, / die an preigne pitie par la soe bonté! / Por amor de Guarnier, vostre pere le ber”.
- ¹¹⁹ Huon de Bordeaux. V. 2816–2817: “Ja sui jou pers de France et du païs, / E vos compains dou ester et vos amis”.
- ¹²⁰ На эту тему см.: *White S.D.* The problem of treason: the trial of Daire le Roux // Law, laity and solidarities. Essays in honour of Susan Reynolds / Ed. by P. Stafford, J. L. Nelson and J. Martindale. Manchester; N.Y., 2001. P. 95–116.
- ¹²¹ Chanson de Roland. V. 698–794.
- ¹²² Gaydon. V. 1782.
- ¹²³ Huon de Bodeaux. V. 2151–2166.
- ¹²⁴ Ibid. V. 9998–10000: “Saciés de voir que, si vous I mores, / Jamais ne quier vostre Diu apeler / ains renoierai sante crestienté”.
- ¹²⁵ Aye d’Avignon. V. 351–352: “Devant le roi jurerent si que François l’oïrent, / Que Garnier vot mordre le roi par felonie”.
- ¹²⁶ Ibid. V. 397–544.
- ¹²⁷ Garin le Loherenc / Ed. A. Iker-Gittleman. P. 1996. V. 6332–6334 : “Tenez, vassal, le cuer de vostre ami, / or le poez et saler et rostir / Onques Garins vers le roi ne mesprist”.
- ¹²⁸ Macaire. V. 1098–1099: “Gran fu la meslée entre Macharie eli can; / Major non vi nesun homo vivan”.
- ¹²⁹ Ibid. V. 1129–1132: “Et cil por Dieu en vait merci criant: “Hé! Gentis rois qui sortos es poissans, / Ne me laissier morir à tel torment! / Un confessor me mandés maintenant, / Qe voi o conter tot lo mon engan”.
- ¹³⁰ См. об этом: *Dessaud E.* Op. cit. P. 23–25.
- ¹³¹ Gaydon. V. 6438ff: “Dist a Guiot: “Biau niés, or entendez: ‘se voz volez faire mes volentez / Et mon commant, la bataille vaintrez. / Et tout ayant a Dammeldeu vuez / Que ja à home ne tenras loiautez; / Vo seignor lige ja foi ne porterez, / Les loiuas homes traïssiez et vendez, / Le mal hauciez et le bien abatez, / Se voz à home compaigne prenez, / En devant lui tout adez le loez, / Et enderrier à la gent le blasmer. / Les povres gens laidengiez et gabez, / Les orphelins a tort desheritez... Les vesves dames lor doyares tolez, / Les murtrissores, les larrons souztenez. / Et sainte eglise adez deshonorez, / Prestres et clers fUIez et eschievez, / Rendus et moïnes, par tous les desrobez / Et Cordeliers et Jacobins batez. / Petits anfans en la boe gietez, / Et coïement les prenez et mordez; / S’on ne voz voit, as mains les estraingler, / Les vielles gens empoingniez et boutez, / Ou an visaiges au main les escopez. / Les abéies escilliez et gastez, / Et les nonnains toutes abandonnez. / Et en touz les lieus là où voz esterez / Hardiement mentez et parjurez, Que ja vo foi nul jor ne mentirez / Devant ice que voz oi avex, / Ja à nul jor deconfiz ne serez”.
- ¹³² Ibid. V. 95–105.
- ¹³³ Parise la duchesse. V. 56–59: “xxx pomes ont prises des plus belles del mont. / Il ont prises les pomes, el mortier mis les on[t], / Si les ont destrampées, dedanz [misent poison], / Ses ont avenimées, dedanz [misent poison]”.
- ¹³⁴ Gaydon. V. 153–154: “Je te donrai mon hermin pelison, / Mon palefroi et mon esmeillon”.
- ¹³⁵ Ibid. V. 160–170.

- ¹³⁶ Parise la duchesse. V. 52–54.
- ¹³⁷ Ibid. V. 88–92: “‘Je m’an suis repariés, si vueil mon guardon’. / Et il li respondirent: ‘Et nos le te donron’. / En un pois lo giterent, lo cuvert, le traïtor, / Si que le couz li brise a tot le chaanon. / De cestui est il pais, jamais non iert raison”.
- ¹³⁸ Gaufrey. V. 5070–5085.
- ¹³⁹ Ibid. V. 5085: “Gran merchism dist le roi, refuser ne le quier”.
- ¹⁴⁰ Ibid. V. 5111: “Chel qui a deniers fet auques son talent”.
- ¹⁴¹ Aye d’Avignon. V. 3167–3170: “Milles li Ardenois a tant le roi pramis / E or fin e argent e bons chevaus de pris / Qu’il ot au rois apes de Garnier le marchis; / E li donna la terre au palazin marchis”.
- ¹⁴² Gaydon. V. 1916–1947.
- ¹⁴³ Aye d’Avignon. V. 3207–3209: “Diex ne fist onques hons, se d’avoir est menans, / C’il est bon viandiers et larges despendans, / n’aït le los en cest siècle e le bruit de la gent”.
- ¹⁴⁴ Parise la duchesse. V. 183–193.
- ¹⁴⁵ Ibid. V. 276–290.
- ¹⁴⁶ Песнь о Роланде (пер. Ю. Корнеева). Ст. 282–284. См. оригинал: *Chanson de Roland*. V. 282–284: “Vairs out les oilz e mult fier lu visage, / Gent out le cors et les costez our larges; / Tant par fu bels, tuit si per l’en esguardent”. См. также V. 3762–3764.
- ¹⁴⁷ *Chanson de Roland*. V. 605: “Les bras ot lons et les poins bien quarrez, / La face blanche et le vis coulouré / Et les iex vairs comme faucius muez”.
- ¹⁴⁸ Gaufrey. V. 4925–4926: “Qui tel ami aroit bien aroi son talent; / Moult est liée la dame à qui il est amant”.
- ¹⁴⁹ Ibid. V. 4927–4928: “Mès poi sevent de li cuer ne le talent’ / Qu’il veut traï ses frères, qui tant ierent vaillant”.
- ¹⁵⁰ Gaufrey. V. 5005–5014: “Sire, Gaufrey, mon frère, par Dieu, honni nous a. / Dis qu’il fu chevalier, si fort se desréa / Que moi et tous mes frères tous ensemble lessa. / .I. roi a en Sulie que l’en li enseigna, / .I. felon Sarrasin, qui onques Dieu n’ama; / Chil a nom Gloriant; mon frère à li ala. / Ne soi quel vi deable Gaufrey encanté a, / Que devant trestous nous Damedieu renoia, / Et au roi Gloriant pour server s’en ala”.
- ¹⁵¹ Huon de Bordeaux. V. 8912: “Et chil le baise en autel loiauté / Que fist Judas qui traï Damedé”.
- ¹⁵² Ibid. V. 9030–9500.
- ¹⁵³ Ibid. V. 9558.
- ¹⁵⁴ Gaufrey. V. 5377–5378: “Traïstres est me sirez, onques si ne fu hom; / Miex aime .I. traïtour que ne fet .I. predon”.
- ¹⁵⁵ Gaydon. V. 4280–4288.
- ¹⁵⁶ Gaydon. V. 4674–4677: “Dist Savaris: ‘Pere, par saint Simon, / Ainz va d’omme qui mainne traïzon, / Moult me t’en peast se fussiez loaius om, / Mais n’en donroie vallissant .I. bouton’”.
- ¹⁵⁷ Ibid. V. 1786–1790: “Mais Dex ne vault, par son saintisme non, / Nel di por ce, n’en quier avoir pardon, / Ne vers nul prestre nulle confession; / Car en anfer aurai harbergison / Avec mon frer le comte Ganelon”.
- ¹⁵⁸ Ibid. V. 5229–5233: “Li traïtor dient en soupirant: / ‘Seignor baron, soiez lie et joiant, / Ce sont li ange qui l’emportent chantant, A .C. diables il la vont craventant’ / Ce dist Hardrez: ‘Moult, en vous merveillant; / Se anger fussent, il alaissent volant’”.

- ¹⁵⁹ Gaydon. V. 3050–3053: “Li traïtor I furent maintenant trainé, / Tez .III. ou feu les ont et flatiiiz et getez / Li feus fa granz et chanz, tantot fu ambrásé, / Les harmes d’euz s’an vont osteler”.
- ¹⁶⁰ Aye d’Avignon. V. 707: “Nou seron moult grant geste en cele region”.
- ¹⁶¹ Коронование Людовика (пер. Ю. Корнеева). Ст. 16059. См. оригинал: Couronnement de Louis. V. 1605–1609: “Ge te desfi, Richarz, tei et ta terre: / En ton service ne vuelt ore plus estre. / Quant traïson vuels faire ne porquerre, / Il est bien dreiz et raison que i perdes”.
- ¹⁶² В песни “Aliscans” рыцарь Гильом, отбив язычников, произносит следующие слова: “Dieu si vengié, si m’en est molt bon gré” (См.: Aliscans / Ed. F. Guessard et A. de Montaiglon. P., 1870. V. 1062).

А.Б. Герштейн

КРЕСТОВЫЙ ПОХОД ФРИДРИХА II: ПРЕДАТЕЛЬСТВО КРЕСТОНОСНОЙ ИДЕИ?

УДК 94(430).025

В статье анализируются существенные обстоятельства, которые сыграли роль в формировании идеи 6-го Крестового похода (1228–1229). Автор сравнивает различное отношение Церкви и мирян к идее похода, воплощенные в фигурах императора Фридриха II и папы Григория IX. Автора интересуют различные формы борьбы за власть (*plenitudo potestatis*) между Церковью (*sacerdotium*) и Империей (*regnum*). А. Герштейн показывает, что одни и те же действия могли быть интерпретированы по-разному в разных системах ценностей – как исполнение обета или как предательство идеи Крестового похода.

Ключевые слова: Крестовый поход, император Фридрих II, *bellum sacrum*, обет крестоносца, предательство, Иерусалим.

Key words: Crusade, Emperor Frederick II, *bellum sacrum*, solemn vow of a Crusader, treachery, Jerusalem.

*Проклят, кто дело Господне делает небрежно,
и проклят, кто удерживает меч Его от крови!*

Иер. 48:10¹

Предательство чаще всего подразумевает взаимоотношения между двумя лицами или группами лиц. Тот, кого предали, нередко выступает обличителем: опираясь на правовые или моральные нормы общества, указывая на данные (и нарушенные!) обещания, он называет те или иные поступки предательством. В ряде статей альманаха, посвященных этому феномену, показано, что осознание содеянного как предательства было также и у того, кто совершил этот неблагоприятный поступок. Когда факт предательства признается и потерпевшим, и сотворившим его – возможно выявить общие представления о предательстве и предателе в том или ином обществе или его отдельной социальной группе. В ситуации же, когда одна сторона заявляет о том, что совершено предательство, а другая не признает этого – становится особенно важно выяснить, на основании каких правовых, моральных или религиозных норм выносится такое суждение и правомерно ли оно в таком случае. Характер аргументации обоих участников в таком интеллектуальном споре также представляет научный интерес.

Если предательство в межличностных отношениях ярко проступает в оценках как минимум одной стороны, то предательство идеи – более сложный случай. Возможно ли вообще предательство идеи? Если да – то кто будет пострадавшим, кто и по какому праву может выступить обвинителем и насколько можно доверять такой оценке? Если предают идею, можно ли вообще однозначно сказать, что этот человек – предатель, или корректнее будет квалифицировать подобные суждения как борьбу интерпретаций, манипуляцию “преданной” идеей в своих целях?

Эти вопросы разбираются в статье на примере Крестового похода германского императора Фридриха II Штауфена в 1228–1229 гг. Под крестоносной идеей в данном случае понимается комплекс представлений о том, как должен проходить крестовый поход, каковы его цели и методы ее достижения, как подобает вести себя предводителю похода. Фридрих II предпочел войне с неверными (*bellum sacrum*), которую пропагандировала христианская церковь, дипломатические переговоры. В результате в 1229 г. был заключен мир с султаном аль-Камилем, по которому главная христианская святыня – Иерусалим – возвращалась христианам. Этот договор вызвал неоднозначную оценку в христианском мире.

Дискуссия о том, как трактовать действия Фридриха в Святой Земле – как предательство крестоносной идеи или, напротив, как служение ей, вписывалась в более широкий контекст взаимоотношений *regnum* и *sacerdotium*. Духовные лица и светские правители, оценивая действия друг друга, создавали определенное представление у паствы и подданных о соотношении сил духовной и светской властей. Характер суждений заинтересованных сторон и образы крестоносца, которые конструировали оба лагеря, складывались на основании идеологических, правовых и моральных норм двух систем ценностей средневекового мира – светской и духовной.

Различия в понятии допустимых и недопустимых способов ведения похода создали предпосылки для системного конфликта между двумя институтами власти, двумя идеологиями – светской и духовной. Но одновременно в столкновении идей, представлений и практики рождался новый способ обретения христианских святынь. В 1228–1229 гг. имело место нарушение канона, которое могло стать новым образцом поведения для крестоносца и изменить идеологию крестовых походов².

Действия крестоносца Фридриха II в Палестине оценивались через призму канонического и светского права. Те шаги кресто-

носца, которые в одной правовой системе могли противоречить канону и потому заслуживать наказания, в другой могли трактоваться как вполне оправданные. Существование двух систем права в средневековом мире было прочной основой для многолетних противоречий между светскими и духовными правителями, но одновременно оставляло возможность для согласованных действий и компромиссов *regnum* и *sacerdotium*, что было особенно важно для успеха Крестового похода. В свою очередь, конкуренция между этими двумя институтами власти была мощным стимулом к развитию средневекового права. Работа легистов и канонистов была призвана обосновать претензии правителей и легитимировать их действия.

События и итоги Крестового похода Фридриха II показали, как существенно могли различаться система ценностей и суждения у представителей высшего духовенства и светской власти. Обстоятельства крестового похода 1228–1229 гг. раскрывают сходства и различия, с одной стороны, фанатичного взгляда на мир папы Римского и патриарха Иерусалимского Герольда, делящих людей на верных и неверных, и более гибкого, политического и дипломатического мышления императора Фридриха II – с другой. Штауфен осознавал, что является и христианином, и правителем, и крестоносцем, он старался своим поведением успешно реализовать задачи каждой из этих своих “ролей”. Какой из перечисленных образов власти был для Фридриха главным в 1228–1229 гг.? В какой ипостаси он предстал (и в какой его видели) перед султаном, патриархом Иерусалима, крестоносцами, а какая роль осталась несыгранной? Крайне важно выяснить, насколько ему удалось воплотить образ “защитника веры”, добиться своих политических целей, исполнить обещанное.

Главное в обете крестоносца Церкви – способствовать освобождению христианских святынь от неверных. Но давший клятву также обязывался выполнить ряд необходимых для этого условий. Конкретные условия клятвы предполагали правовую регламентацию взаимоотношений между крестоносцем и Церковью. Так, Церковь могла разрешить, но и запретить отправиться в крестовый поход; канонический крестовый поход предпринимался в соответствии с папской буллой и под эгидой церковной власти, которую персонифицировал сопровождавший крестоносцев папский легат; крестоносец должен был непременно достичь главной цели похода – Иерусалима и пр.³ Однако нередко вопрос о том, исполнил ли свой обет помощи Святой Земле тот, кто принял

крест, – оставался в области моральных категорий. У представителей светской и духовной власти была своя точка зрения, какие действия правильны и допустимы, а какие – ошибочны и лишь извращают благое начинание.

В этом смысле Крестовый поход Фридриха II стал одним из самых ярких примеров идейного конфликта между *regnum* и *sacerdotium*, когда одни и те же действия оценивались с разных точек зрения. Для светской власти поход 1228–1229 гг. был успешным, поскольку главная его цель – возвращение Иерусалима в руки христиан – была достигнута. Для духовной – он был бесконечной цепью нарушений норм и обычаев. Неточные исполнения клятв крестоносца, поход, заключение договоров с сарацинами в период ведения военных действий, союз с противником-иноверцем – все эти обстоятельства высшее духовенство расценило как неверность святой идее, а в средневековом сознании это было тождественно предательству Христа, вероотступничеству.

Действительно, поход императора Фридриха II 1228–1229 гг. во многом был необычным предприятием с того момента, как правитель дал обет крестоносца, и до его возвращения из Святой Земли. Задача статьи состоит в том, чтобы выяснить, как Церковь оценивала действия Штауфена, в чем состояла полемика между императором и представителями высшего духовенства, какие аргументы приводили обе стороны. Можно ли рассматривать как предательство крестоносной идеи установку Фридриха вернуть Иерусалим любым путем и почему?

КЛЯТВА КРЕСТОНОСЦА ФРИДРИХА II И ЕГО ПОДГОТОВКА К КРЕСТОВОМУ ПОХОДУ

Правители династии Штауфенов принимали деятельное участие в крестовых походах. Это было частью их идеологической программы и “знаком” правящего рода⁴. Внук императора Фридриха Барбароссы и сын императора Генриха VI, Фридрих II, верный штауфенской традиции, с самого начала своего правления в качестве германского короля поспешил вступить в ряды крестоносцев.

Впервые обет крестоносца германский король Фридрих II дал 25 июля 1215 г., на коронации в Ахене⁵. “Вскоре после коронации он принял крест, чтобы помочь Святой Земле, когда схоласт Иоанн Ксантенский в том же месте проповедовал крест”⁶. Для многих современников, в том числе и для Римского понтифика,

это было неожиданным⁷: “Сразу же после мессы этот король *неожиданно* (курсив мой. – А.Г.) принял знак животворящего креста...”⁸

Вскоре после имперской коронации 22 ноября 1220 г. Фридрих повторил свой обет крестоносца перед папой: в марте будущего года он отправит отряд воинов на помощь Святой Земле и лично возглавит поход в августе 1221 г.⁹ Однако император не выполнил этого полностью: весной 1221 г. в Святую Землю выступил отряд немецких крестоносцев. Возглавил его, однако, не сам Фридрих II, а Людвиг, герцог Баварский и пфальцграф Рейнский, которого император отправил в Святую Землю как собственного заместителя¹⁰. Войска под командованием Людвига Баварского не смогли предотвратить потерю Дамиецты, а сам герцог попал в плен. Множество факторов определили неудачу крестоносной кампании 1221 г., в частности, действия папского легата Пелагия. Апостольский престол обвинил Фридриха II в поражении войска Христова.

Тот факт, что правитель сам не отправился в Палестину в 1221 г. Гонорий III ставил ему в вину, причем сразу по нескольким причинам. То, что император не выступил в поход, как обещал, по сути, обмануло чаяния крестоносцев, которые взирали на Фридриха в надежде на его отправление¹¹. Существенно для нашей темы, что Гонорий III указал здесь на *не оправдавшиеся ожидания*, которые были вызваны данным Фридрихом обещанием. По сути, в этих словах выражена формула предательства, понимаемого в моральных категориях. Теперь же, продолжал папа, возвращение Иерусалима в руки христиан откладывается¹². Осознавая утрату Дамиецты как “поражение рода Христова и обиду, [нанесенную] самому Иисусу Христу, искупителю наших грехов, который предан хуле”¹³, Гонорий III квалифицировал поведение Фридриха как тяжкую вину (*gravis culpa*) по отношению к крестоносному делу. И эта вина требует, чтобы Фридрих “дал удовлетворение Богу и людям” и приготовился отомстить за обиду, нанесенную Христу и роду Христову¹⁴.

Ключевым обвинением в катастрофе при Дамиецте стали многочисленные просьбы Фридриха о переносе даты начала его похода в Палестину. Именно они, по убеждению Гонория III, предопределили это “бесчестье, которое претерпело христианство всего мира и которое невозможно стереть в забвении”¹⁵. “О, сколько раз ты просил, – писал папа, – чтобы тебе перенесли срок

отправления, и сколько раз мы удовлетворяли твои просьбы – об этом и мы знаем, и твое мудрейшество не в неведении”¹⁶.

Более того, факт, что дата Крестового похода Фридриха переносилась с разрешения апостольского престола, дискредитировал папство перед лицом всего западного христианского мира, как справедливо указывал Гонорий III. “Из-за того, что мы, как ты знаешь, не заставили тебя переправиться на помощь Святой Земле, твоя вина целиком легла на нас, и – при всех обстоятельствах – не совсем беспричинно”¹⁷, “из-за тебя христианский народ не перестает осыпать нас и римскую Церковь неслыханными унижениями”¹⁸.

Фактически одним действием – невыполненным в срок обещанием – Фридрих способствовал падению Дамиетты, отдалил возвращение Иерусалима в руки христиан и сумел возложить моральную ответственность за случившееся перед христианами Западной Европы не на себя, а на папский престол. Поведение Штауфена в 1215–1221 гг., как считал Гонорий III, шло вразрез с миссией крестоносца и строгим соблюдением крестоносного обета.

Тогда же из уст папы впервые прозвучала угроза отлучить императора от Церкви в случае пренебрежения клятвой крестоносца: “И мы даже торжественно объявим, что ты отлучен от Церкви как презревший собственный обет, и мы сделаем так, что это станет известно на весь христианский мир – тебе на позор. Так как ты человек умный и католический правитель, внимательно отнесись к тому, что мы говорим, и благоразумно поостерегись попасть в это сложное положение, из которого ты не сможешь высвободиться без усилий”¹⁹.

Фридрих успокаивал папу новыми обещаниями, а затем снова просил отсрочки, мотивировав это необходимостью навести порядок в Сицилийском королевстве, в частности, речь шла о подавлении восстаний сарацин²⁰. В марте 1223 г. при личной встрече императора и папы в Фиорентино первый вновь дал клятву выступить на освобождение Святой Земли, на сей раз 24 июня 1225 г. Он также обещал жениться на Иоланте Иерусалимской, наследнице короны²¹. Новую невесту овдовевшему Фридриху предложил именно папа, с намерением усилить мотивацию императора отправиться в Святую Землю. К указанному сроку Фридрих взял в жены Иоланту, но дата крестового похода переносится в очередной раз, на август 1227 г. – и вновь под угрозой отлучения от Церкви. 18-м июля 1225 г. датируется письмо папы

Гонория III императору Фридриху II, в котором понтифик сетовал на то, что постоянные отсрочки бросают тень на репутацию самого Фридриха и апостольского престола²².

25 июля 1225 г. между императором и папой было заключено программное соглашение, в котором оговаривались сроки и условия предстоящего крестового похода. Император подписался под следующим обещанием: “Фридрих, милостью Божьей император римлян, вовеки августейший, и король Сицилии. Настоящим соглашением мы заявляем повсеместно: 1. что мы отправимся на помощь Святой Земле через два года, считая с этого августа, [т.е. в августе 1227 г.] и за это двухлетие отправим туда по меньшей мере тысячу воинов”²³. На протяжении всего текста император подчеркивал, что он был движим “доброй верой” (“bona fide”), и что его усилия по организации крестового похода идут на службу Богу и Святой Земле (in servitio Dei et Terre Sancte).

“Тогда, – писал Фридрих, – мы лично поклялись, что мы отправимся за море на подмогу Святой Земле в вышеназванный поход, и Рейнальд, герцог Сполето, поклялся от нашего имени, что мы твердо и верно послужим всему, что необходимо сделать. И мы выполним все, о чем было объявлено во имя доброй веры. И из этого следует, что если мы не отправимся в вышеназванный поход или не возглавим или не соберем тысячу воинов или не выделим определенную сумму денег, то мы подпадем под опубликование приговора об отлучении [нас] от Церкви, как было установлено ранее”²⁴.

Угроза отлучения императора от Церкви была своеобразной страховкой обеим сторонам. Папа в случае саботажа Фридриха смог бы отмежеваться от “неверного сына Церкви”, нарушающего клятвы и пренебрегшего долгом христианина и правителя. Штауфен же в случае своего бездействия испытал бы, насколько папа нуждался в его силе: принял бы понтифик принципиальное решение об отлучении, либо, не имея более сильного полководца, остался бы в союзе с императором, пойдя ему на новые уступки.

Однако папа Гонорий III не дожил до судьбоносной даты, когда Фридриху предстояло выступить в поход или, в противном случае, апостольский престол должен был пойти на решительные действия.

ОТЛУЧЕНИЕ ФРИДРИХА II ОТ ЦЕРКВИ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

Гонория III на папском престоле в марте 1227 г. сменил Григорий IX, который, еще будучи кардиналом-епископом Остии и Веллетри, вручил Фридриху крест во время имперской коронации в 1220 г. Новый понтифик сразу же дал Фридриху понять: прежняя форма поведения императора по отношению к апостольскому престолу более невозможна. Сразу же после своего избрания Григорий IX отправил Фридриху письмо, где просил поторопиться с отправлением за море²⁵. Папа указывал, что близилась заветная дата, август 1227 г., когда, согласно очередному обещанию, император должен был отплыть в Святую Землю. Хотя в тексте письма прямо не говорится о возможном отлучении от Церкви, столь решительное напоминание служило для Фридриха II явным сигналом и говорило о твердости намерений Григория IX.

На этот раз императору почти удалось выполнить все, что он обещал. К концу лета 1227 г. он собрал войско крестоносцев, которое готовилось отплыть в Святую Землю из портов Сицилийского королевства. Хронист XIII в. Риккардо Сан-Джерманский подробно описал события тех дней. «Тем временем, значительная часть принявших крест в Апулии из-за вспыхнувшей эпидемии погибла. Император же с ландграфом [Людвигом IV Тюрингским] и остальными крестоносцами готовился к выступлению. Так, на Рождество Богородицы выйдя из Бриндизи²⁶, Фридрих направился к Отранто, внушив надежду на свое прибытие тем, кого выслал вперед, но по необходимости решил задержаться в Отранто, где, волею случая, упомянутый ландграф скончался, а сам же император не переправился [в Святую Землю], как предполагал, из-за внезапной болезни. По этой причине папа выступил против него: находясь в Ананьи в конце сентября на праздник архангела [Михаила], без разбора дела по существу объявил тотчас же в Сан-Джермано, что этот правитель подпал под приговор об отлучении от Церкви. Император же отправился из Апулии к купальням Поццуоли. Папа Григорий [IX] вернулся в Рим, держа путь из Ананьи через Веллетри. Император направил к нему своих посланников с извинениями, Регийского и Барийского архиепископов, Рейнальда, называемого герцогом Сполето, и графа Генриха Мальтийского. Но [папа] не более веря им, чем их вестям о болезни императора, созвал в Рим прелатов из-за Альп и из королевства [Сицилийского], кого смог, [и] в восьмой день [от праздника]

блаженного Мартина²⁷ публично отлучил императора от Церкви, и по всему Западу разослал об этом соответствующие письма²⁸.

В этом рассказе подчеркивалось, что помощи Фридриха II ждали многие – воины, которые недавно отправились в Палестину, западноевропейское общество, и, конечно, апостольский престол. В этом смысле обет крестоносца рассматривался ими не как формальность, а как обещания, которые надо исполнить обязательно и в срок. Однако возвращение Фридриха представлялось автору хроники вполне оправданным ввиду объективных причин.

Папе Григорию IX, напротив, причины возвращения императора не казались убедительными. Мотивы своего решения понтифик подробно аргументировал в булле, где отлучил Фридриха от Церкви. Григорий IX подробно описал прежние клятвы крестоносца Фридриха II, сроки обещанных выступлений и поводы для очередных отсрочек. Тем самым понтифик подчеркивал, что Фридрих *множественно* нарушал свой обет крестоносца. Это послужило обоснованием приговора об отлучении императора от Церкви. При такой аргументации наказание выглядело заслуженным и справедливым. Эта кара – свидетельство того, что поведение Фридриха папа квалифицировал как предательство по отношению к делу освобождения Святой Земли. Такое поведение императора апостольский престол с полным правом расценил как отступничество, нарушение верности принесенному обету, Церкви и христианской вере.

Епископ Рима неоднократно указывал, что Фридрих сам давал согласие подвергнуться такому наказанию, если он не отправится в поход в назначенный срок²⁹. Казалось бы, признание и императорской, и папской сторонами таких условий свидетельствовало о том, что и для светского, и для духовного правителя все договоренности и обещания, касающиеся подготовки крестового похода, воспринимались как обязательные и были убедительным стимулом к тому, чтобы исполнить их в точности. Однако Фридрих II относился к своей клятве крестоносца не столь строго.

Итак, император не исполнил своего обета в августе 1227 г. Григорий IX указал, что этим поступком император нарушил нормы христианской морали, поскольку пренебрег спасением своей души. Папа подчеркивал: “Его часто уговаривали и предшественник наш, и мы, чтобы он подготовил все с усердием и добросовестно выполнил то, что клятвенно обещал – он же забыл обо всех обещаниях, которые давал апостольскому престолу и кре-

стоносам в своих письмах, забыл о клятвенных обязательствах относительно похода, необходимого [снаряжения] и провианта, как и о спасении своей души – забыл”³⁰.

Поскольку действия крестоносца – как проповедовала Церковь – должны были способствовать торжеству христианской веры и прославлению Спасителя, бездействие Фридриха, по оценке папы, нанесло христианству тяжелый урон³¹. Григорий IX нашел выход из положения, на которое сетовал Гонорий III: из-за Фридриха апостольский престол упрекают в нерадении за веру Христову. В таких обстоятельствах дальнейшее потакание апостольского престола Штауфену расценивалось папой как отход самого понтифика от Бога: “Да не покажется впредь, что мы против Бога потакаем этому человеку, словно немые сторожевые псы, не могущие лаять³², и не наказываем *за то, что он учинил такое разорение в народе Божьем* (курсив мой. – А.Г.)”³³. Оставаясь на стороне Всевышнего, Григорий IX разорвал союз с императором, объявив его несправедным правителем и крестоносцем, отступником, не радеющим за дело Божье.

Еще одно серьезное нарушение Фридриха, по мнению папы, заключалось в том, что исполнению клятвы крестоносца император предпочел наведение порядка в Сицилийском королевстве и германских землях. Григорий IX обвинял крестоносца Фридриха в том, что тот занимался не подобающими его статусу делами: “Также он, [находясь] под знаменем креста, вплоть до настоящего времени полностью и до совершенства завершил свои собственные дела”³⁴. Такой приоритет означал нерадение императора за веру, его пренебрежение не только обязанностями крестоносца, но и шире – христианина. Отлучение императора от Церкви подчеркивало именно общехристианскую вину Фридриха II – вину правителя, христианина, защитника веры.

Для папской стороны с чисто юридической точки зрения обет крестоносца – и не только императора – был ответственным шагом, отказ от которого мог повлечь за собой серьезные последствия, в том числе и политические. Неисполнение его под разными предлогами воспринималось как сознательное упорство и каралось отлучением от Церкви³⁵. Она вменяла в обязанность тому, кто дал клятву, отправиться в крестовый поход, но, как уже отмечалось, имела право и запретить это. За отступление от обета Крестового похода полагалось церковное отлучение.

Для Фридриха же, очевидно, принесенный обет являлся договором о намерениях, но не более того. Конкретные даты начала

похода, которые выдвигались папой и на которые давал согласие император, не являлись для Штауфена незывлемыми. Отчасти такое отношение правителя было связано с политическими реалиями, действительной необходимостью социально-экономического обустройства Сицилийского королевства и разграничениями полномочий с германскими князьями.

“Всезнающему известно, – писал Фридрих в свое оправдание, – что они обрушились на нас несправедливо, утверждая, что мы не переправились к назначенному сроку, хотя нас удержали от того многие дела Церкви и Империи, неизбежные и тягостные, и еще некстати случившаяся болезнь. Среди них, в первую очередь, была дерзость восстания сицилийцев. И нам не казался здоровым и разумным для христианства совет, чтобы мы отправились в Святую Землю, оставляя за спиной войну внутри [Сицилийского королевства]. Так лекарь не посоветует применить перевязку как лекарство к ране, из которой еще торчит меч”³⁶.

Фридрих трактовал насущные дела Сицилийского королевства как “дела Церкви и Империи” и свои задачи государя – как интересы христианства в целом, т.е. что важно для императора – столь же важно и для Церкви. Сомнительное тождество, отражающее, однако, саморепрезентацию Фридриха как *христианского* правителя и “верного сына Церкви”. Такой аргумент Фридриха свидетельствует о том, что он сознательно представлял свои действия в Сицилийском королевстве как часть собственной миссии крестоносца. Император небезосновательно считал себя главной силой крестового похода и поэтому в данный период мог позволить себе использовать такую ко многому обязывающую связь.

Отлучение от Церкви, опубликованное папой, казалось бы, полностью делегитимировало дальнейшие крестоносные инициативы Фридриха II. По крайней мере, до тех пор, пока император не заслужит прощения и не будет снова принят в лоно Церкви. Записи монастыря св. Эммерама Регенсбургского свидетельствуют, что после отлучения Фридриха от Церкви “папа, по наущению дьявола, всех, кто принял крест, мольбой своей отговаривал, и после того, как множество проповедей уже склонило многих к служению и помощи Святой Земле, призывал отменить всю экспедицию. Но император, находясь в положении отлученного, не прекратил усилий по возвращению Иерусалима и Святой Земли”³⁷. В этих строках хрониста отражена альтернатива: или поход в Святую Землю ради возвращения Иерусалима состоится,

но под началом отлученного от Церкви крестоносца, или он будет отменен по причине того, что правитель-крестоносец отлучен от Церкви. Папа ратовал за второй вариант. Для него был важен способ освобождения Палестины и четкое соблюдение всех условий крестового похода. Для Фридриха же папская санкция не являлась обязательным условием Крестового похода, и путь к успеху ему виделся не столько в строгом исполнении идеологических установок, выработанных папским престолом, сколько в создании и эффективном использовании всех условий, способных привести к освобождению Иерусалима.

Наконец, в июне 1228 г. Фридрих выступил в Крестовый поход. К этому времени император так и не добился прощения от папы и не был возвращен в лоно Церкви. В том, что отлученный правитель возглавил крестоносную экспедицию, был явный вызов папе. Если бы Штауфен закончил свое предприятие с успехом (неоспоримым успехом было бы возвращение Иерусалима в руки христиан), все бы поняли, что Бог благоволил Фридриху как правителю, крестоносцу и христианину. Соответственно, папа, не благословивший этот поход, и даже противодействовавший ему, оказывался в положении “несправедливой стороны”, которая, получалось, действовала не по божественному соизволению. В этом случае Фридрих II доказал бы папе и всему христианскому миру свою правоту, свою богоизбранность как правителя и лишил бы морального основания папский приговор об отлучении. В случае неудачи Фридрих мог лишиться трона как “неудобный Богу правитель”. Папская интервенция в земли Сицилийского королевства в 1228–1230 гг.³⁸ подтверждала всю опасность положения Фридриха II.

Таким образом, император Фридрих был кровно заинтересован в успехе организованного им похода. Возвращение Иерусалима являлось первоочередной задачей императора на Востоке, от этого зависел не только престиж его власти, но и, в значительной мере, легитимность Штауфена как правителя.

На этом этапе четко определились расхождения во взглядах на крестовый поход у императора и папы. Понтифик считал, что Фридрих дискредитировал себя как крестоносец, и, отлучив императора от Церкви, по сути запретил правителю эту миссию. Штауфен же не считал свои поступки нарушением признанных канонов ведения крестового похода. Более того, он стремился представить свои действия как этап крестоносного дела. Эти шаги, подчеркивал Фридрих, необходимо было совершить для

того, чтобы приблизить возвращение Иерусалима в руки христиан. Если Григорий IX своим приговором показывал, что на Фридрихе более нет благодати божьей, то император считал иначе и надеялся показать, что он угоден Господу, добившись успеха в своем крестовом походе.

ДОГОВОР ФРИДРИХА II И ЕГИПЕТСКОГО СУЛТАНА МАЛИКА АЛЬ-КАМИЛЯ

Была ли болезнь Фридриха действительной или мнимой, но она, задержав прибытие Штауфена в Палестину, открыла западному императору новые возможности для маневра. На Востоке тем временем шли территориальные разделы между Айюбидами. И Фридрих II, поддерживавший контакты с египетским султаном аль-Маликом аль-Камилем I Насир ад-Дином, находясь еще в Сицилии, предпочел за благо дожидаться момента, когда расстановка сил между мусульманскими правителями Сирии и Египта стабилизируется³⁹.

Когда император прибыл в Святую Землю, в конце 1228 г., аль-Камиль осаждал Дамаск, куда бежал его племянник. Но осада затягивалась, а войско крестоносцев в Акре не позволяло султану перебросить все силы к Дамаску. В этой ситуации аль-Камиль скорее хотел уклониться от военного противостояния еще и в Палестине, нежели инициировать военную кампанию с “войском Христовым” под началом Фридриха. Когда император послал к султану Томмазо Ачеррского⁴⁰ и Балиана Сидонского⁴¹ возвестить о своем прибытии, мусульманский правитель приказал своему посреднику Фар-ад-Дину навестить императора и вести переговоры до тех пор, пока Дамаск не падет или Штауфен не отправится обратно в Европу. У каждого из правителей, несмотря на тесные контакты, были, конечно, свои цели. Но каждая сторона располагала ограниченными военными ресурсами. Ни у того, ни у другого правителя не было достаточно сил для полноценной военной кампании в Палестине, хотя оба хотели иметь эти территории под своим контролем⁴².

Дипломатическое разрешение ситуации способно было принести обеим сторонам большие выгоды, чем военное столкновение. Если сражение привело бы к непредсказуемому итогу, то переговоры были удобным способом для обеих сторон контролировать ход событий и следить за тем, чтобы принципиальные требования и даже детали условий были соблюдены всеми.

Доктрина *bellum sacrum*, которая воодушевляла крестоносцев, начиная с 1096 г., предполагала именно *отвоевание* святых мест у неверных. Именно в военной победе над иноверцами видели торжество христианской религии и необходимое “очищение” христианских святынь, находившихся в руках неверных. Надо отметить, что *bellum sacrum* воспринималась подавляющим большинством западных христиан как единственный путь обретения Иерусалима. Такой подход исключал переговоры с иноверцами, где предметом торга были бы христианские святыни, паритетные позиции сторон, компромисс между “верными” и “неверным”, взаимное уважение взглядов и претензий. Однако столкновение на Востоке с представителями иной культуры, иной религии, а также политические реалии иногда вынуждали вождей крестоносцев отходить от принятых норм бескомпромиссной войны с неверными.

Вопрос о приоритетах и альтернативе, отношении к идеологии *bellum sacrum* и/или возможности обрести священные для христиан города Святой Земли – решался представителями светской и духовной власти по-разному. Впервые острота такой альтернативы проявилась в 1219–1221 гг. Тогда папский легат Пелагий отклонил предложение о мире, которое султан аль-Камиль предлагал крестоносцам трижды, в августе и октябре 1219 г. и июле 1221 г.⁴³ С потерей Дамиетты надежды на возвращение Иерусалима стали более призрачными, в то время как, предлагая мир, египетский султан готов был передать в руки христиан Иерусалим и Галилею в обмен на Дамиетту. Он был согласен на возведение разрушенных каменных стен Святого Города. Однако предложение султана противоречило духу “священной войны” и потому было отвергнуто. После утраты Дамиетты в 1221 г. Пелагий вынужден был заключить перемирие с аль-Камилем сроком на восемь лет, но Иерусалим – главная цель крестоносцев – так и не перешел тогда под контроль христиан.

Возможно, это перемирие было еще одной причиной столь длительной задержки с выступлением Фридриха II: император, поддерживавший связи с египетским султаном, не спешил превращаться для аль-Камиля из друга во врага и нарушать восьмилетний мир. В этом также проявлялось различие во взглядах между представителями высшего духовенства и императором. Крестоносец Фридрих II поступал как рыцарь, соблюдая договоренности аль-Камиля с Пелагием, в то время как для папы Римского и для самого Пелагия договор с сарацинами был в принципе

неприемлем. Но эта задержка с отправлением стоила Фридриху отлучения от Церкви и поставила под вопрос признание его экспедиции в Палестину крестовым походом со стороны папы и некоторых духовно-рыцарских орденов. Не исключено, что стратегия Фридриха во многом определялась и ограничивалась сиюминутными обстоятельствами, вынуждая его действовать таким образом, чтобы непременно достичь возвращения Иерусалима. Так или иначе действия Фридриха II в 1228–1229 гг. сформировали новую модель правителя-крестоносца, во многом противоречащую традиционной. Воспринималась ли она как предательство? – кем? и в чем оно, в таком случае, состояло?

Обмен посольствами между Фридрихом II и аль-Камилем продолжался всю осень 1228 г. и почти всю зиму 1229 г. К февралю 1229 г. Дамаск все еще выдерживал осаду египетского султана. Фридрих II тем временем закончил возведение оборонительных сооружений в Яффе – крестоносное войско в укрепленном городе подготовилось к полноценным военным действиям. Желал ли Фридрих II таким образом подтолкнуть аль-Камиля к ведению результативных переговоров или же он действительно собирался открыть военную кампанию для египетского султана – в точности неизвестно. Но дальнейшее развитие событий показало, что уместнее говорить о ставке христианского императора на дипломатию. Характерная деталь: посланник султана Фар-ад-Дин посоветовал императору еще раз направить своих послов, Томмазо Ачеррского и Балиана Сидонского, к Аль-Камилю.

11 февраля послы вернулись с условиями султана. Фридрих II принял их, и через неделю, 18 февраля 1229 г. был подписан мирный договор сроком на 10 лет. К христианам отходили сам Иерусалим, Вифлеем, коридор через Лиду до Яффы, Назарет и западная Галилея, включая Монфорт и Торон⁴⁴. В руках мусульман оставался квартал Иерусалима, где находилась мечеть аль-Акса, а она располагалась напротив южного внутреннего двора Храма Гроба Господня. То есть, рядом с главным для христиан храмом Святого Города находилось святилище “неверных”, в котором отправляли богослужения. По договору Иерусалим перешел в руки христиан, но не приходилось говорить о том, что после 18 февраля 1229 г. христианство утвердилось в городе как единственная религия. Такое соседство скорее подчеркивало сосуществование двух религий, но отнюдь не доминирующее положение христианства. Население города также было неоднородным. Мусульмане, жившие в Иерусалиме, сохранили свои дома и все имущество⁴⁵.

Встреча у стен Иерусалима императора Фридриха II и султана Египта Малика-аль-Камиля (“Новая хроника” Виллани)

Условия договора могли заставить некоторых усомниться в том, что с возвращением Святого Города восторжествовала христианская вера.

Сам факт договора⁴⁶ с неверными, а также толерантность Фридриха к иноверцам стали предметом яростного возмущения со стороны патриарха Иерусалима Герольда. Сарацины не рассматривались христианским правителем как враги. Им, как считал Фридрих, можно было предложить договор, предметом которого стала бы главная для христиан святыня, Иерусалим. Церковные иерархи не принимали ни такой дипломатической инициативы христианского правителя, ни собственно “торг” с мусульманами

как способ обретения Иерусалима – вместо отвоевания Святого Города у неверных.

Допустимо – по мнению Фридриха, но не по мнению представителей высшего духовенства – обмениваться подарками с египетским султаном⁴⁷, смотреть на выступления посланных аль-Камилем танцовщиц и певцов⁴⁸, посылать свои доспехи в знак того, что не собирается воевать против султана⁴⁹. В таком поведении Фридриха II можно видеть дипломатический ход, попытку приобрести доверие султана, который, так же, как и Фридрих, является правителем. И в этом смысле от решений султана в определенной степени зависела судьба Иерусалима. Фридрих таким образом стремился показать, что воспринимает аль-Камиля как своего партнера.

Однако с точки зрения патриарха Герольда, император тем самым нарушал моральные принципы крестоносца – общался с неверным, врагом, которого, казалось, ничто не могло объединить с христианами. То, что Фридрих нашел общий язык с султаном, интересуясь его обычаями, образом правления или обсуждая возможно схожие политические интересы – все это встречало резкое осуждение Герольда и трактовалось им как моральное предательство интересов крестоносцев и дела защиты христианской веры.

Фридрих вернул Иерусалим в руки христиан невоенным путем. Этим он отступил от образа крестоносца-воина, избрал более гибкий, дипломатический вариант. Выбор Штауфена в пользу мирных переговоров и отказ от военного пути к обретению Иерусалима был ключевой претензией патриарха Герольда. “Он был не только весьма расположен к сарацинам, но и щедро одарил их, – докладывал патриарх папе Римскому, – поскольку он пожелал добиться мира, которого не смог добыть оружием, внушая страх и будучи беспощадным”⁵⁰.

Таким образом, христиане, их интересы и претензии уравнивались с притязаниями других политических сил Ближнего Востока – египетского султана, сирийского султана и т.д., что было неприемлемо для христианской Церкви.

Напомню, что ранее Штауфен неоднократно клялся выступить на помощь Святой Земле – “*ad subsidium Terrae Sanctae*”. Папой Григорием IX и членами духовно-рыцарских орденов эта помощь традиционно понималась как военная помощь. В этом смысле действия Фридриха не могли восприниматься большей частью представителей духовенства⁵¹ как крестовый поход – но как лукавство (*malitia*) или коварство (*fraus*)⁵².

Далее, патриарх Иерусалима изображал Фридриха как изменника, который порывает с Церковью в лице представителей духовенства, находящихся в Палестине, и не советуется с ними, когда принимает важные для всего христианства решения. «Если он узнавал, – писал патриарх Герольд, – что мы по какой-либо необходимости покинули Иерусалим, или что дело осталось незавершенным – он говорил: “Я получил Святой Город, который разрушил патриарх и легат римской Церкви, я начал обносить укреплениями Яффу, разрушенную по милости этого же легата”. *И не только нам, но и Церкви вменял [это] в вину* (курсив мой. – А.Г.)»⁵³. Пересказывая, как император критиковал церковных иерархов, руководивших предыдущими походами, Герольд обозначил еще одну ступень отхода Фридриха от такого образа крестоносца, для которого служение и подчинение интересам Церкви было приоритетом. Для духовных лиц такие приоритеты были привычными, именно такого поведения ожидали от правителя-крестоносца. Герольд также подчеркивал, что между Штауфеном и Церковью нет согласия, и инициатива размежевания исходит именно от императора.

Еще одна черта поведения Фридриха, по мнению церковных иерархов, противоречила образу истинного крестоносца. Фридрих при заключении договора не принял во внимание интересы духовно-рыцарских орденов и вообще христиан: *«Ибо нас в первую очередь надо было известить* (здесь и далее курсив мой. – А.Г.), что султан намерен передать во владение императора и его слуг Святой Город для обнесения стенами. Ни о Церкви, ни о христианах не упоминалось. *И не было никакого совета с нами*, хотели бы мы, чтобы Иерусалим был укреплен – поскольку после отъезда императора султан мог бы сказать: “Уходите, с вами я не заключал договора”»⁵⁴.

Крестоносец Фридрих II, по мнению Герольда, пренебрег не только приказами и советами представителей духовенства, но и соблюдением интересов Церкви и всех христиан. В этом смысле, при формально состоявшемся возвращении Иерусалима в руки христианского императора, о полноценном свободном владении христианами Святым Городом говорить не приходилось. Договор Фридриха и султана представлялся Герольду частным соглашением двух лиц, но никак не событием, существенно улучшившим положение христиан всего мира, которое позволяло говорить о торжестве христианской веры на земле. Модель происходящего, которую представлял патриарх Герольд, иллюстрировала столь

существенное отступление Фридриха от идеи крестовых походов, что фактически главное дело, несмотря на договор, так и осталось невыполненным.

Совершенно иная оценка событий и достижений Штауфена в 1228–1229 гг. дана в манифесте самого императора, который он издал вскоре после заключения договора. Своим достижениям Фридрих придавал поистине мировое значение. Обретение Иерусалима – это великий триумф для христианства и знак благоволения Господа – Фридриху. “Да возрадуются все и да возликуют о Господе⁵⁵ праведные сердцем, – писал император, – ибо благоугодно Ему милостиво возвеличить кротких над народом своим. Восславим и мы Того, Кого ангелы славят, ведь Он – Господь Бог наш, Кто один свершает великие чудеса и Кто давнее милосердие свое не забыл, но в наши дни обновил свои чудеса, которые, как [можно] прочесть, Он совершал в древности, ибо когда Он являет [всем] знак могущества своего – всегда слава Его не во всадниках или колесницах, и теперь Он сотворил себе славу в кругу немногих мужей”⁵⁶.

Бог благоволил к “своему верному слуге” – и дает императору победу в Крестовом походе, в главном деле вождя-крестоносца, обретении Святого Города. Победа Фридриха – это триумф Бога, а триумф Бога – это триумф Фридриха.

Не только сама победа, но и форма ее признавалась Фридрихом “божьим милосердием”: слава Господа не в военной победе, ратной славе, но в чуде, непостижимом для многих, *невоенном* обретении Иерусалима. Этот тезис – острая контроверза церковной доктрины *bellum sacrum*, иной идеологический концепт, также способный привести к нужному результату – обретению Иерусалима, причем в том случае, когда военный путь не приносит результата.

В череде по-литургически восторженных славословий в манифесте также содержался тонкий намек на позицию папы по отношению к “воле Бога”: “Теперь же наступает этот день спасения, в который истинные христиане (читай – Фридрих! – А.Г.) получают спасение от Господа Бога своего, чтобы весь мир узнал и понял, что Он и никто другой дает спасение своим слугам когда хочет и как хочет”⁵⁷. Здесь Фридрих II отказывал кому бы то ни было (и папе в первую очередь) в притязаниях объявлять о том, что случилось “божье спасение”, или о том, что предприятие заведомо лишено “божественной благодати”. Себя же Фридрих

считал вправе трактовать те или иные события как “божье милосердие”. Тем самым, император не предполагал никакого посредника между ним и Господом, т.е. Римский папа в этой системе не стоит между императором и Богом, а находится в стороне, вне этих отношений. Такое положение императора, папы и Всевышнего противоречит теории о двух мечях – доктрине папского примата. Фридрих II отстаивал светскую концепцию императорской власти как связанной с Богом напрямую.

Эта идея получила свое развитие в описании Фридрихом собственной коронации в храме Гроба Господня. Напомню, что император в то время все еще был отлучен от Церкви, и даже весть о передаче Иерусалима не подвигла папу объявить о прощении Фридриха. Это было еще одной существенной причиной неприязни между некоторыми представителями духовенства и императором во время всего пребывания Штауфена в Палестине. “И тотчас мы, – писал Фридрих, – как католический император, почтительно воздав поклонение гробу Господню, на следующий день короновались той короной, которую Господь Всемогущий от трона величества своего приготовил для нас, по особой милости и доброте своей он чудесным образом возвысил нас среди остальных правителей мира (здесь и далее курсив мой. – А.Г.), чтобы, пока мы справляем торжество по поводу достижения такого высокого достоинства, подобающего нам по праву королевской власти, всему миру становилось бы все яснее, что все это совершила рука Господа”⁵⁸.

Фридрих отправился в Палестину отлученным от Церкви – это создало ситуацию жесткой конфронтации императора с папой. Тем самым император поставил понтифика перед выбором: уступить призывам светских правителей⁵⁹, примириться с Фридрихом и оказать поддержку Крестовому походу императора либо же принципиально и демонстративно придерживаться линии неприятия действий Штауфена. Григорий IX решил остаться твердым и не тратить силы и средства на такое “освобождение Святой Земли”, о котором столь долго мечтал его предшественник Гонорий III.

Понтифик не только не благословил экспедицию 1228–1229 гг., но и не считал ее Крестовым походом как таковым. И хотя Фридрих направлял в Рим письма с просьбами назвать условия папского прощения (чем являл собой пример ревностного и благочестивого христианского правителя), Григорий IX не сделал и шага навстречу. Такая жесткая позиция апостольского престола объясня-

лась как нормами канонического права, так и уверенностью папы в неудаче экспедиции Фридриха и нежеланием связывать себя как главу Церкви с еще одним провалом в Святой Земле.

Крестовый поход стал важной картой в идеологической игре папы и императора: обоим было важно показать, что Бог выступает на их стороне. Возвращение Иерусалима, таким образом, должно было показать, кто прав в этом споре светской и духовной власти.

Победа Фридриха на Востоке, казалось бы, однозначно говорила о правоте императора в его конфликте с папой, и могла усилить позиции Штауфена при примирении с Григорием IX. Возвращение Иерусалима давало Фридриху не только моральное и фактическое превосходство над папой, но и оправдание всех его действий как крестоносца, а также компрометировало решение Григория IX об отлучении и интердикте Фридриха. Был тут выигрыш и иного рода: успех в Крестовом походе мог способствовать усилению торговых и культурных связей Сицилийского королевства со странами Ближнего Востока.

Таким образом, один этот дипломатический ход способствовал тому, что Фридрих решал сразу несколько политических задач, как идеологических, связанных с “моральным превосходством” над папой, так и вполне насущных для королевства и империи.

Через месяц после заключения договора, в третье воскресенье Великого поста, 18 марта 1229 г., Фридрих II отправился на мессу в Храм Гроба Господня. Там не было ни одного духовного лица (таков был запрет папы), только тевтонские рыцари. Нисколько не смущенный этим, Фридрих возложил королевскую корону на свою голову. Затем магистр Тевтонского ордена Герман фон Зальца провозгласил, сначала на немецком, потом на французском, панегирик императору и королю, описывая его достижения и справедливость его политики⁶⁰.

Самокоронация – возложение короны без участия духовного лица – прецедент, который выглядел в исполнении Фридриха глубоко продуманным. Коронации в Средневековой Европе, как правило, включали в себя четыре элемента: избрание, одобрение и аккламация, помазание, коронавание⁶¹.

Этот торжественный акт имел сугубо светские корни, в то время как помазание, слившееся с коронацией к концу IX в. (*ordines coronationis* Хинкмара Реймского), понималось как церковный ритуал, поскольку моделью служило библейское описание помазания первосвященниками царей Израиля⁶².

Несмотря на различную природу описанных выше обрядов, важно, что к XIII в. и собственно возложение короны, и помазание срослись в единую торжественную церемонию. Соответственно, Фридрих II, отлученный от Церкви, мог провести в Храме Гроба Господня только светскую часть коронации.

Э. Канторович писал, что после возвращения Иерусалима христианам Фридрих уже не считал себя отлученным от Церкви⁶³. Именно это убеждение позволило ему посетить службу в храме. Однако поведение императора свидетельствовало как раз о том, что он хорошо помнил о своем положении. Церковный обряд помазания над Фридрихом совершен не был, а светская часть коронации была выполнена таким образом, словно корону на голову Штауфена надел сам Христос⁶⁴. Коронация была призвана легитимировать действия Фридриха-крестоносца, как в глазах рядовых христиан, так и перед лицом высших церковных иерархов.

Отношение к обряду патриарха Герольда было иным. Для него было существенным, что Фридрих все еще имел статус отлученного от Церкви⁶⁵. Поэтому Герольд не присутствовал на коронации Штауфена в Храме Гроба Господня. Однако, как ему передали, во время этой церемонии магистр Тевтонского ордена Герман фон Зальца держал речь перед знатью и народом, в которой превозносил императора, а Церковь по своему согласию обвинял на разные лады⁶⁶. Характерно, что Герольд подразумевал под “Церковью” папу, себя и тех, кто не помогал Штауфену. Он снова подчеркивал разлад между “официальной” Церковью и Фридрихом с его сторонниками. Противодействие императору представлялось Герольду богоугодным, правильным поведением: “Если бы мы узнали, что император действовал во всем этом лукаво и коварно – мы без дальнейших разбирательств строго-настрога запретили бы паломникам вступать в Иерусалим и посещать Храм Гроба Господня...”⁶⁷

К правовому и идеологическому аспектам добавлялся также моральный. Тесные, даже дружеские контакты Фридриха с египетским правителем, обмены дарами, посольствами, совместные пиры⁶⁸ – такое поведение императора не соответствовало представлениям высших церковных иерархов о том, как должен вести себя крестоносец. Именно расхождение поведения Фридриха с ожидаемым от него духовными лицами послужило основой для соответствующих оценок ими достижений императора в Палестине.

Таким поведением Фридрих добавил новые черты не только в образ крестоносца, но и шире – в *modus vivendi* западноевро-

пейского правителя. Штауфен показал, что христианский император может принимать и уважать черты иной культуры, религии, использовать такую толерантность для достижения своих целей. Крестовый поход 1228–1229 гг. показал, что в этот период рациональность политического мышления правителя стала превалировать над религиозными догмами и в то же время, в его понимании, продолжала служить вере и укреплять его власть на христианском Западе.

Очевидно, что Крестовый поход Фридриха II, его характер и достижения оцениваются Герольдом негативно. Но в чем же состояло предательство Фридриха-крестоносца?

Крестовые походы – это, как правило, совместное предприятие духовной и светской властей средневековой Западной Европы, но именно папство выступало в нем главным идейным вдохновителем и определяло, какие действия правильны и допустимы для крестоносца, а какие – неприемлемы.

С точки зрения Штауфена, итог Крестового похода 1228–1229 гг., возвращение в руки христиан Святого Города, которого он смог добиться, не только не было предательством крестоносной идеи, но *служением* ей и интересам всего христианского мира. Этим шагом императору удалось реализовать главную миссию крестоносца и христианского правителя – быть угодным Богу, способствовать торжеству веры. Несмотря на все трудности, крестоносцу Фридриху удалось, как он считал, сохранить верность своему обету и исполнить его.

Суждение о Крестовом походе Фридриха II как о предательстве принадлежало только одной стороне – Церкви. Ее представители расценивали действия императора как предательство крестоносной идеи: отступничество правителя-крестоносца, его недолжное поведение имели место на всех этапах похода 1228–1229 гг. – в его пренебрежении клятвой, отказе от доктрины *bellum sacrum*, религиозной терпимости правителя-крестоносца, отказе от руководства папы. Пострадавшей, “преданной” стороной выступала христианская вера, а обвинителями – представители Церкви. Фридрих предстал в посланиях папы и патриарха не как защитник веры. Напротив, император показал себя как неверный сын Церкви, вероотступник.

Представления о Крестовом походе 1228–1229 гг. формировались обеими сторонами так, чтобы подчеркнуть доминирующее положение собственной власти. Именно идеологические

установки, а не правовые, имели решающее значение при оценке действий Фридриха II как исполнения миссии крестоносца или предательства крестоносной идеи. Политика папы Григория IX и патриарха Герольда в 1227–1229 гг. была направлена на дискредитацию Крестового похода Фридриха II и его достижений. Стремление высшего духовенства представить императора в образе крестоносца-вероотступника, нарушителя норм, презревшего свои обеты и навредившего христианству, было еще одним способом утвердить превосходство *sacerdotium* над *regnum*.

¹ Этот стих послужил основой для формирования доктрины *bellum sacrum*, которая играла ведущую роль в идеологии Крестовых походов. Согласно Р. Бартлетту, приведенный отрывок из книги пророка Иеремии был одним из любимых у папы Григория VII. См.: *Бартлетт Р. Становление Европы: Экспансия, колонизация, изменения в сфере культуры: 850–1350 гг.* / пер. с англ. М., 2007. С. 285.

² Крестоносец Людовик Святой в 1248 г. не пошел по пути переговоров, как Фридрих II. Французский король был “крестоносцем старого образца, отвергающим все дипломатические ходы с единственной целью договоров или перемирий, путь к которым указал Фридрих II” *Alphandéry P. La Chrétienté et l'idée de croisade* / Ed. A Dupont. Paris, 1959. Т. 1. Р. 201. См. также: *Ле Гофф Ж. Людовик IX Святой* / пер. с фр. В.И. Матузовой; коммент. Д.Э. Харитоновича. М., 2001. С. 143–163.

³ Все эти вопросы рассмотрены в кн.: *Villey M. La croisade Essai sur la formation d'une theorie juridique*. Р., 1942.

⁴ Так, король Конрад III в 1146 г. принял крест и вместе с французским королем Людовиком VII отправился в Святую Землю сражаться против сельджуков. Преемник Конрада Фридрих Барбаросса участвовал в III Крестовом походе вместе с Ричардом Львиное Сердце и Филиппом Августом. Сын Барбароссы император Генрих VI в 1197 г. снарядил экспедицию на Восток, и лишь внезапная кончина помешала его походу за море. Его младший брат Филипп Швабский установил налог в пользу Святой Земли. См.: *Monumenta Germaniae Historica: Constitutiones et acta publica imperatorum et regum inde ab a. MCXCVIII usque ad a. MCCLXXII (1198–1272)* / Ed. L. Weiland. Hannoverae, 1896. Т. 2. Р. 16–17, особенно 17. (Далее – Const.)

⁵ Д. Абулафия указывает, что Фридрихом тогда двигало желание воздать Господу за то множество благодеяний, которыми Он наделил его самого. См.: *Abulafia D. Frederick II: A medieval emperor*. L., 1988. Р. 212.

⁶ “Quo mox consecrato, Iohanne Xantensi scolastico cruce ibidem predicante, ad subventionem sanctae terrae cruce signatur”. *Annales Colonienses maximi* / Ed. K. Pertz // *MGH SS. Hannoverae*, 1861. Т. 17. Р. 828.

⁷ То, что Фридрих II принял крест и не предупредил о своих намерениях папу, весьма схоже с историей короля Конрада III, давшего обет под влиянием проповеди святого Бернарда Клервосского. Некоторые выступления проповедников перед светскими собраниями, каковым была проповедь святого Бернарда, планировались правителями заранее. Такого мнения придерживается, в частности, Саймон Ллойд. См.: *Ллойд С. Крестоносное движение. 1096–1274* //

История Крестовых походов / под ред. Дж. Райли-Смита. М., 1998. С. 57. Не исключено, что и в 1215 г. имела место хорошо разыгранная “случайность”, и церемониальный образец этого действия был дан Фридриху его предком еще в середине XII в.

- ⁸ “Nec mora, post missam idem rex *ex insperato* (курсив мой. – А.Г.) signum vivifice crucis accepit...” Reineri Annales / Ed. G.H. Pertz // MGH SS. Hannoverae, 1859. Т. 16. P. 673. О реакции апостольского престола подробнее см. ниже.
- ⁹ Historia diplomatica Friderici Secundi, sive constitutiones, privilegia, mandata, instrumenta quae supersunt istius Imperatoris et filiorum ejus. Accedunt epistolae Paparum et documenta varia. Collegit, ad fidem chartarum et codicum recensuit, juxta seriem annorum disposuit et notis illustravit / Ed. J.-L.-A. Huillard-Breholles. Parisiis, 1852. Т. 1. P. 802. (Далее – HD) Тогда же Фридрих, пообещав собрать на нужды крестоносного дела 5000 марок, уговорил папу отложить отправку до августа будущего 1221 г. См.: von Riezler S.R. Ludwig I: Herzog von Baiern // Allgemeine Deutsche Biographie / Hg. von der Historischen Kommission bei der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. München, 1884. Bd. 19. S. 494.
- ¹⁰ Ibid.
- ¹¹ См. письмо папы Гонория III Фридриху II после потери Дамиетты, 19 ноября 1221 г.: “...scis quod te jam a pluribus annis cruce signatos sub spe ac specie tui transitus detinente...” MGH. Epistolae saeculi XIII e regestis pontificum romanorum selectae / Ed. C. Rodenberg. Berolini, 1883. Т. 1. P. 128. См. также: France J. The Crusades and the expansion of Catholic Christendom: 1000–1714. S. I. Routledge, 2005. P. 183.
- ¹² “Unde propter expectationem tui subsidii quod etiam per litteras tuas promisisti exercitui s[a]epe dicto, refutata est compositio, per quam Hierosolymitana civitas restituebatur cultui christiano...” MGH. Epistolae saeculi XIII e regestis pontificum romanorum selectae. Т. 1. P. 129.
- ¹³ “...confusionem christiani nominis, et ipsius injuriam Jesu Ghristi qui, peccatis nostris exigentibus, blasphematur...” Ibid. P. 128.
- ¹⁴ “...nec ante laetitiam laetaberis, quam feceris aliquid per quod satisfacisse Deo et hominibus videaris. Expergiscere igitur, expergiscere, serenissime princeps, et ad vindicandam injuriam Christi et nominis christiani accingere totis viribus toto corde”. Ibid. P. 129.
- ¹⁵ “...ac demum tota christianitas passa est illius confusionem opprobrii, quod nulla poterit oblivione deleri”. Ibid. P. 128.
- ¹⁶ “Sed quoties ipsum prorogari terminum postulaveris et quoties in hoc tuae acquieverimus voluntati, et nos scimus, et tua prudentia non ignorat”. Ibid. P. 129.
- ¹⁷ “Eo quod te, sicut noveras, transire non compulimus in subsidium Terrae Sanctae, culpam tuam in nos penitus refundendo, et utique non prorsus immerito”. Ibid. P. 128.
- ¹⁸ “...nos et Romanam Ecclesiam pro te inauditis lacessere contumeliis non desistit”. Ibid. P. 129.
- ¹⁹ “Quinimmo te tanquam voti proprii contemptorem excommunicatum solemniter publicabimus idque per totum christianum orbem faciemus in confusionem tuam publico nunciari. Tu ergo sicut vir sapiens et catholicus princeps diligenter attende que dicimus et cave prudenter ne te ipsum in ejus articulum difficultatis inducas de quo facile nequeas expediri”. HD. Т. 2. P. 222.
- ²⁰ Действительно, в 1222 и 1223 гг. Фридриху пришлось подавлять два сарацинских восстания, результатом которых стало решение Фридриха об основании Лучеры, сарацинского поселения в Апулии.

²¹ HD. T. 1. P. 896.

²² HD. T. 2. P. 499.

²³ “Fridericus Dei gratia Romanorum imperator semper augustus et rex Sicilie. Per presens scriptum notum facimus universis: 1. quod nos transibimus in subsidium terrae sanctae ab instanti Augusto presentis tertie decime indictionis ad duos annos et per biennium tenebimus ibi mille milites ad minus...” Const. T. 2. P. 129.

²⁴ Ibid. P. 130.

²⁵ HD. T. 3. P. 6–7.

²⁶ Фридрих II с войском отплыл из порта Бриндизи 8 сентября 1227 г.

²⁷ 18 ноября 1227 г.

²⁸ “Interea pars cruce signatorum non modica in Apulia, superveniente infirmitate cecidit per mortis occasum. Imperator tamen cum lancravio et reliquis cruce signatis se parat ad transitum, ita quod in die nativitatis beate Virginis a Brundisio transfertans venit Ydrontum, et spem faciens hiis quos premiserat de transitu suo, morari apud Ydrontum ex causa necessaria voluit; ubi casu accidente dictus lancravio obit, et ipse tunc etjam imperator, sicut disposuerat, superveniente egritudine non transivit. Quam ob rem papa motus contra eum, apud Anagniam penultimo mensis Septembris in festo dedicationis archangeli sine cause cognitione denunciavit ipsum imperatorem in latam dudum apud Sanctum Germanum excommunicationis sententiam incidisse. Imperator de Apulia tunc venit ad balnea Puteoli. Gregorius papa, de Anagnia per Velletrum iter habens, redit ad Urbem. Ad quem ad suam excusationem suos dirigit nuntios imperator, Reginum scilicet et Barensem archiepiscopos, Raylandum dictum ducem Spoleti, et comitem Henricum de Malta; quibus non plus credens quam nuntiis suis de invalidudine imperatoris, vocatis ad Urbem prelati cis montes et de regno quos potuit, in octavis beati Martini publice excommunicat ipsum, et per totum Occidentem litteras super hoc dirigit generales”. Ryccardi de Sancto Germano notarii chronica / Ed. G.H. Pertz // MGH. SS. T. 19. P. 348.

²⁹ О договоренностях Фридриха и Гонория см. выше. См. также в булле Григория IX: “...он должен был быть отлучен от Церкви вместе с другими крестоносцами, если они не отправятся в срок” (“...se ac alios cruce signatos excommunicari obtinuit, nisi certo proficiscerentur tempore”. HD. T. 3. P. 25); “...[император] добровольно согласился, что он сам и его королевство подвергнется приговору об отлучении от Церкви, если всего этого не будет исполнено”. (“...et sponte consentiens in ipsum et regnum suum ferri sententiam, si hec non fuerint observata”. Ibidem.). О согласии Фридриха с таким условием см. выше, примеч. 22.

³⁰ “Idem a predecessore nostro ac nobis frequentius monitus, ut diligenter pararet omnia et fideliter que sponderat adimpleret, ipse omnium promissorum que apostolice Sedi et cruce signatis per litteras suas fecerat de sponsione passagii, necessariorum et victus, et sue salutis immemor...” HD. T. 3. P. 26–27.

³¹ См. примеч. 33.

³² Ис. 56:10.

³³ “Porro ne tanquam canes muti, non valentes latrare, videamur deferre homini contra Deum, non sumentes ultionem de illo, qui tantam ruinam in Dei populo procuravit”. HD. T. 3. P. 29.

³⁴ “Sicque idem sub crucis vexillo usque ad hec tempora negotia propria plenius et perfectius consummavit”. HD. T. 3. P. 25.

³⁵ Подробнее об этом см.: *Villey M.* Op. cit.

- ³⁶ “In nos etiam, novit Scrutator omnium, injuste debacchantur, dicentes nos nolle terminis tranfretasse constitutes, cum multa me de eo et ecclesiae et imperio inevitabilia ac ardua negotia, praeter infirmitatis incommode, detinebat, quorum primum fuit rebellium Siculorum insolentia; nec videbatur nobis sanum fuisse consilium expediens Christianitati, nos in Terram Sanctam transisse, bellum intestinum post terga relinquentes; sicut nec medico, ferro infixio vulneri, fomentum adhibere medicinae”. Matthaei Parisiensis, monachi Sancti Albani, *Chronica majora* / Ed. H.R. Luard. London, 1876. Т. 3. Р. 153.
- ³⁷ “... ipso papa diabolo instigante omnes signatos a voto suo revocante, cum multa predicatio multos ad servitium et subsidium terrae sanctae adduxisset expeditio omnis solvitur. Ipse tamen imperator, in excommunicatione positus, Ierosolime pro recuperatione sanctae terrae strenue cum paucis laborare non destitit”. *Notae sancti Emmerammi* / Ed. Ph. Jaffé // MGH SS. Hannoverae, 1861. Т. 17. Р. 574.
- ³⁸ См. об этом одну из новейших специальных работ: *Loud G.A. The papal ‘Crusade’ against Frederick II 1228–1230 // La Papauté et les croisades* / Ed. M. Balard. P., 2011. Р. 95–103.
- ³⁹ 11 ноября 1227 г. скончался султан Дамаска, аль-Малик аль-Муаззам Шараф ад-Дин, оставив свои земли 21-летнему сыну аль-Малику ан-Насиру Салах ад-Дин Дауду. Два его дяди, аль-Камиль и аль-Ашраф Музафар решили захватить земли племянника. Аль-Камиль рассчитывал завладеть Палестиной. Когда Фридрих был уже на пути в Святую Землю, братья спешно решили поделить земли между собой.
- ⁴⁰ Томмазо I Аквинский (до 1201 г. – 27-го февраля 1251 г.), граф Ачерры (с 1220 г.) происходил из старинного знатного рода лангобардов. Традиционно семья выступала на стороне германских императоров. С 1221 г. Томмазо становится близким соратником Фридриха II, в частности, в 1222 г. он присутствует на встрече папы Гонория III и императора в Верули, где обсуждались условия предстоящего Крестового похода. Летом 1227 г., уже после опубликования отлучения Фридриха от Церкви, император отправляет Томмазо в Каир для переговоров с султаном аль-Камилем. До прибытия Фридриха в Палестину между ним и Томмазо шла переписка: так, гонец графа сообщил императору о кончине сирийского султана на Пасху 1228 г. После заключения договора о передаче Иерусалима между Фридрихом и аль-Камилем Томмазо на короткое время остается в Палестине в должности наместника императора в Иерусалимском королевстве. Но затем Фридрих призывает своего ценного помощника в Италию. Томмазо прибывает в Бриндизи 10 июня 1229 г. и позже сыграть важную посредническую роль при заключении мирного договора между императором и папой при Сан-Джермано в 1230 г. Подробнее см.: *Cuozzo E. Tommaso I d'Aquino, conte di Acerra* [on line:] http://www.treccani.it/enciclopedia/tommaso-i-d-aquino-conte-di-acerra_%28Federiciana%29/
- ⁴¹ Балиан Гарнье, (ок. 1192/1195 – 1241 гг.) граф Сидона (с 1202 г.) – один из самых могущественных баронов Иерусалимского королевства в первой половине XIII в. Балиан выступал союзником Фридриха II в его правах на престол Иерусалимского королевства. В 1229 г. Фридрих передал Балиану власть над Тиром, а в 1231 г. тот стал одним из двух наместников (бальи) короля Иерусалимского королевства, совместно с немецким крестоносцем Вернером фон Эгисхаймом.
- ⁴² *Runciman S. A History of the Crusades*. Cambridge, 1954. V. 3: The Kingdom of Acre and the Later Crusades. P. 185.
- ⁴³ См. например: *Bradbury J. The medieval siege*. Woodbridge, 1992. P. 198.

- ⁴⁴ HD. Т. 3. P. 97. См. также: *Бильбасов В.А.* Крестовый поход Фридриха II. СПб., 1863. С. 118; *Неусыхин А.И.* Германия при Фридрихе II Гогенштауфене: Очерки по истории Германии в средние века (до XV в.) // Проблемы европейского феодализма: Избранные труды. М., 1974. С. 330; *Ришар Ж.* Латино-Иерусалимское королевство. СПб., 2002. С. 430.
- ⁴⁵ Текст этого соглашения сохранился в переписке патриарха Герольда на французском языке. Текст договора в изложении Фридриха см.: HD. Т. 3. P. 93–95.
- ⁴⁶ Для самого договора патриархом было выбрано слово “confidentia”, что может быть передано как “дерзость” или “наглость”. См.: Ibid. P. 104.
- ⁴⁷ Ibid.
- ⁴⁸ Ibid.
- ⁴⁹ Ibid.
- ⁵⁰ “Erga Sarracenos non solum largus extitit sed effusor, ac si emere vellet pacem quam obtinere non poterat violentia vel timore”. Ibid. P. 104.
- ⁵¹ В первую очередь, папой Григорием IX, патриархом Герольдом, госпитальерам, частично тамплиерами. Тевтонцы во главе с магистром ордена Германом фон Зальца выступали на стороне императора Фридриха II.
- ⁵² HD. Т. 3. P. 107.
- ⁵³ «...et si postmodum de Hierusalem aliqua necessitate contingeret nos exire vel opus relinquere imperfectum, diceret: “Ego acquisivi civitatem sanctam quam perdidit patriarcha et Ecclesie romane legatus; incepti munire Joppen et est perdita per eundem,” et non solum nobis, verum etiam Ecclesie imputaret». Ibid.
- ⁵⁴ «Cum igitur inprimis nobis constaret quod Soldanus civitatem sanctam imperatori ac suis bajulis ad muniendam et habendam dedisset, nulla de Ecclesia vel christianis habita mentione, non fuit nostrum consilium quod de munitione illa intromittere nos vellemus, quia post recessum imperatoris dicere posset Soldanus: “Exite, nullam habeo conventionem vobiscum”...» Ibid. P. 108.
- ⁵⁵ Ср.: Пс. 149:2.
- ⁵⁶ “Letentur omnes in Domino et exultent recti corde quoniam beneplacitum est ei super populo suo ut exaltet mansuetos in salute. Laudemus et nos eum quem laudant angeli quoniam ipse est Dominus Deus noster qui facit mirabilia magna solus, quique antique misericordie sue non oblitus ea miracula nostris temporibus innovavit que fecisse legitur in diebus antiquis, quia cum ipse ut notam faciat potentiam suam semper non in equis aut curribus gloriatur nunc dedit sibi gloriam in paucitate virorum...” HD. Т. 3. P. 93–94.
- ⁵⁷ “Ecce nunc quidem dies illa salutaris advenit in qua veri christicole salutare suum accipiunt a Domino Deo suo, ut cognoscat et intelligat orbis terrarum quod ipse est et non alius qui servorum suorum salutem quando vult et quomodo vult operatur”. Ibid. P. 94.
- ⁵⁸ “Et statim tamquam catholicus imperator, adorato sepulchro dominico reverenter, sequenti die coronam portavimus, quam Dominus omnipotens de throno maiestatis sue nos habendam providens, de speciali gratia pietatis sue inter orbis principes nos mirabiliter exaltavit, ut sic, prosequentibus nobis tante dignitatis tripudium, que nobis competit iure regni, magis ac magis notorium universis appareat, quod manus Domini fecit hec omnia”. Const. Т. 2. P. 166.
- ⁵⁹ RI, V 2, 4. № 11011. 20 февраля 1228 г. Генрих III, король Англии, писал папе, что он получил его послание о том, что император не помогал Святой Земле. А также ставил понтифика в известность, что потом получил письмо императора. В нем Фридрих подавал жалобу на многократно причиненные ему несправедливости и сообщал, что, несмотря на эти обстоятельства, отправится

в поход в середине мая 1228 г. Кроме этого, английский король сообщал Григорию IX, что показал письмо папскому клирику магистру Стефану и дал на этот счет совет императору, чтобы он повиновался папе и Церкви и не предпринимал ничего необдуманного; но Генрих III также просил и папу в интересах Святой Земли примириться с императором, если тот окажется готовым к послушанию и к заключению мира.

⁶⁰ *Runciman S.* A History of the Crusades. Cambridge, 1954. V. 3. P. 189.

⁶¹ *Джексон Р.А.* Коронации королей и императоров // Словарь средневековой культуры. М., 2003. С. 230.

⁶² Там же.

⁶³ *Kantorowicz E. H.* Kaiser Friederich II. Berlin, 1927. S. 182.

⁶⁴ Эта потестарная традиция была широко распространена как в Сицилийском королевстве, особенно со времени Отвилей, так и в Германии при Салиях.

⁶⁵ См.: HD. Т. 3. P. 108.

⁶⁶ Ibid. P. 103.

⁶⁷ "Cumque videremus quod in omnibus his malitiose ac fraudulenter procederet imperator, peregrinis indifferenter denegavimus licentiam intrandi Hierusalem et visitandi Sepulchrum..." Ibid. P. 108.

⁶⁸ Ibid. P. 104.

Р.О. Шляхтин

ПРЕДАТЕЛЬСТВО НА ПОНТЕ:
ИЗМЕННИКИ, РЕНЕГАТЫ И ПЕРЕБЕЖЧИКИ
В ВИЗАНТИЙСКО-СЕЛЬДЖУКСКОМ
ВОЕННОМ КОНФЛИКТЕ (1070–1204 годы)

УДК 94(495).03

Представленное исследование обобщает имеющуюся в источниках информацию о предателях и перебежчиках, которые проявили себя во время византийско-тюркского противостояния в Малой Азии во второй половине XI–XII в. В статье анализируются термины, которые употреблялись византийскими авторами для обозначения различных видов предательства. Особо выделяется судьба боковой ветви дома Комнинов, которая дала Византии сразу нескольких выдающихся предателей и перебежчиков, включая знаменитого Андроника Комнина (1173–1175). Помимо перебежчиков из императорского дома, в статье также рассматривается судьба азиатской фамилии Гавр, члены которой на протяжении нескольких поколений успешно использовали предательство в качестве инструмента для укрепления собственных позиций в регионе.

Ключевые слова: Византия, тюрки, династия Комнинов, история культуры, Мануил I Комнин, Андроник I Комнин, история терминов, битва при Мириокефале, ислам, предательство.

Keywords: Betrayal, treason, Byzantium, Manuel I Komnenos, Andronikos I Komnenos, cultural history, historiography, battle at Myriokephalon, cultural studies.

Согласно определению словаря Ожегова, предательство – это “вероломство, гнусный поступок”¹. Глагол “предать”, согласно тому же словарю, имеет значение “изменнически выдавать”. Ситуация в английском языке несколько иная. Онлайн-версия Британской Энциклопедии сообщает, что слово betrayal означает либо военное дезертирство, либо “уход из семьи или коллектива в сложной ситуации”². Таким образом, в современных языках мы встречаемся с несколькими типами предательства, которые в целом можно разделить на предательства личные (дома, семьи) и общественные (предательство государства) и т.д.

В данной работе мы намерены выяснить, что же считали предательством византийские писатели XI–XII вв., и проследить, как это понятие (а вернее понятия) использовались авторами при описании византийско-сельджукского противостояния XI–XII вв.³

Византийско-сельджукское военное противостояние мы определяем как цепь военных конфликтов, которая началась с азиатских походов Романа Диогена (1070 г.) и закончилась после падения империи под ударами крестоносцев (1204 г.)⁴. Мы последовательно рассмотрим случаи предательства среди сельджуков (под этим термином мы понимаем пришедших в Малую Азию кочевников-тюрок), после этого опишем предательства среди византийцев, сконцентрировав наше внимание на описании деяний одной боковой ветви правящей династии Комнинов⁵. В завершение статьи будет описана судьба одного понтийского клана, который сделал предательство в рамках одного региона (Пафлагонии) едва ли не семейным делом. В итоговой части работы будет определена роль предательства в византийских текстах XII в. (на материале нарративных источников) и сделана попытка провести параллели с темой предательства в иных культурах данного периода. Начать в данной ситуации следует с выяснения того, что византийцы считали предательством.

ТРИ ВИДА ПРЕДАТЕЛЬСТВА

Евангелия используют для обозначения предательства как действия и предателя как человека производные формы одного и того же глагола. Это глагол *παράβδωμι* – “сдавать, передавать, предавать”⁶. Причина такой согласованности в словарях четырех евангелистов нам неясна. В Деяниях апостолов предательство Иуды описано уже другим глаголом – *παράβαινω*, который Лиддл-Скотт переводит на английский как “transgress, overstep”⁷. Изначально мы предположили, что именно эти глаголы будут использованы для обозначения предательства византийскими авторами XI–XII вв. Поиск в базе данных *Thesaurus Linguae Graecae* показал, что оба глагола достаточно активно использовались в средневизантийский период, однако явно в неевангельском значении. Так, Анна Комнина использует глагол *παράβδωμι* при описании перехода командования над войском от одного командующего к другому, а также в других значениях. Значение “предательства” у этого глагола (в корпусе текстов *Thesaurus Linguae Graecae*) не наблюдается.

Другое классическое понятие “предательства” досталось Византии в наследство от поздней Западной Римской империи. То, что римское (и ранневизантийское) право называло *crimen laesae majestatis*, – преступление против магистрата, а затем и

правителя, – получило в грекоязычном законодательстве Восточной Империи название καθοσίωσις⁸. Однако этот термин в историографии средневизантийского периода практически не использовался, хотя в принципе и был известен.

Вместо этого термина мы встречаем как минимум четыре разных слова, обозначающих предательство в той или иной форме. Во-первых, это предательство военное, которое происходит в тот момент, когда солдат одной армии перебегает в другую. Для обозначения этого вида измены византийцы использовали термин αὐτομολία и его производные. Термин этот был хорошо известен и употреблялся многими авторами рассматриваемой эпохи в указанном специфическом значении, а также авторами более ранних юридических текстов. Так, например, историк Никита Хониат использует его для описания измены Исаака Комнина, которая произошла непосредственно во время боя у Неокесарии⁹. Интересно отметить, что термин не имеет негативных коннотаций и обозначает действие и того перебежчика, который переходит на византийскую сторону. Некоторые случаи его употребления будут рассмотрены ниже.

Во-вторых, для предательства вообще византийские авторы использовали более общий термин. Перефразируя тексты Евангелий, писатель конца XI в. Михаил Атталиат употребляет термин πρδοσία, который толкуется словарем И.Х. Дворецкого как “предательство, измена”. В таком значении термин активно употребляется авторами той эпохи. В отличие от упомянутого выше “военного предательства”, перехода к врагу, этот термин используется в более широком смысле слова и может обозначать как измену государству (у Михаила Атталиата: “πρδοσία καί ἐπιβουλή”), так и измену духовную, ересь (см. соответствующие пассажи у Глики)¹⁰. Использование термина Константином Манассией дает нам повод для спекуляций на тему принадлежности данного слова к более низкому регистру стиля, чем понятие военного перебежничества: написанная для норманнской принцессы стихотворная история Византии не отличается излишним следованием классическим нормам¹¹. Это же слово содержится и в более ранних сборниках византийских законов, где оно употребляется в значении, которое можно уподобить современному понятию “измена родине”.

Однако самым распространенным понятием, обозначающим то, что мы можем условно назвать предательством, является слово ἀλοστῆσία, которое обозначает “заговор против государствен-

ной власти, бунт”. В этом значении слово активно употребляется Пселлом и Атталиатом и затем не сходит со страниц исторических сочинений весь XII в.¹². Это едва ли не самый распространенный термин для обозначения предательства в византийских источниках эпохи Комнинов, что не удивительно: большинство источников уделяют особое внимание внутренней жизни империи, которую постоянно сотрясали заговоры и мятежи как отдельных знатных фамилий, так и членов императорского дома¹³. Особое внимание этим мятежам уделяет Никита Хониат, последняя часть работы которого является едва ли не каталогом мнимых и реальных заговоров.

Таким образом, в византийских источниках комниновской эпохи мы нашли три понятия, которые весьма условно могут быть соотнесены с тем, что современные люди называют “предательством”. Между тем, в Западной Европе этого периода тема предательства является одной из главных в эпических произведениях. Классическим примером является “Песнь о Роланде”. В ней есть достаточно четко прописанный образ предателя – Ганелона, который изменяет своему сеньору и своей религии¹⁴. Также именно в XII в. в Южной Европе формируется понятие того или иного политического объединения как “родины”, которое в известной степени связано с концепцией предательства¹⁵. Несмотря на то, что королевство-“родина” в этот период еще не выделяется из общехристианского мира, сам факт появления данного понятия важен для нашей темы.

В Византии ситуация была несколько иной. Империя XI в. считала себя вселенской и всемирной, империя XII в. старалась соответствовать былому величию. Существование традиции воспевания “малой родины” среди узкого круга интеллектуалов не находилось ни в каком противоречии с официальными вселенскими претензиями императоров, которые в середине XII в. вновь звучали с новой силой¹⁶. В работах византийских писателей было место для рассуждений о верности империи, но не о личной верности¹⁷. Исключением, подтверждающим правило, здесь является Никита Хониат. В его “Истории” можно встретить эпизоды, в которых он говорит о чем-то, что отдаленно напоминает западные понятия о верности. В частности, Хониат упоминает верного телохранителя императора Андроника Комнина, тюрка Пупака [Абу-Бакра]¹⁸. Во время правления Мануила Комнина Андроник попал в опалу и был посажен в тюрьму. Он бежал из заключения и Пупака спрятал его от преследователей. Мануил Комнин узнал

об этом и распорядился публично наказать Пупаку плетьюми. В Западной Европе этот случай мог бы послужить поводом для превозношения Пупаки как верного слуги, однако Хониат видит в нем лишь человека, “отблагодарившего своего благодетеля”¹⁹. Похвала вполне классическая, но вряд ли можно видеть в ней доказательство того, что Никита Хониат развивает в своей работе понятие о личной верности.

Появлению такого понятия, на наш взгляд, вряд ли способствовала внешняя и внутренняя конъюнктура рассматриваемой эпохи. В конце XI в. в Византии наступило время, которое мы вслед за Спиросом Врионисом можем назвать “смутным”²⁰. В 1071 г. император Роман IV Диоген был разбит султаном Алп-Арслном из династии Великих Сельджуков на поле Манцикерта и попал в плен. После десятилетней смуты, во время которой Византия потеряла значительную часть своей территории, к власти в 1181 г. пришла династия Комнинов. Эта династия утвердилась на престоле во многом за счет успешного подавления восстаний конкурирующих кланов и групп. После этого в течение 80 лет империя практически непрерывно воевала на западе и на востоке. Все эти обстоятельства, как пишет М. Джонс, способствуют появлению предателей²¹. В центре нашего внимания находятся предатели и изменники, которые так или иначе взаимодействовали с восточным противником империи, а именно с кочевыми государственными образованиями тюрок-сельджуков, – султанатом Великих Сельджуков, а позже с султанатом Иконийским и эмиратом Данишмендидов, противостояние с которыми развивалось в районе Понта²². Итак, рассмотрим данные о трех видах предательства.

ПЕРЕБЕЖЧИКИ СУЛТАНСКОГО РОДА. СЕЛЬДЖУКСКИЕ ВОЖДИ ПРИ ДВОРЕ ВИЗАНТИЙСКИХ ИМПЕРАТОРОВ

Первое переметничество зафиксировано в византийских источниках еще до битвы при Манцикерте. О нем в своей истории повествует судья и придворный императоров конца XI в. Михаил Атталиат²³. Согласно его тексту, незадолго до сражения при Манцикерте император Роман IV Диоген отправил Мануила Комнина – брата будущего императора Алексея – на восток Малой Азии для того, чтобы отражать набеги тюрок султаната Великих Сельджуков, тревоживших византийские провинции²⁴. В 1069 г. Роман Диоген совершил крупную экспедицию против сельджуков в

Сирию, однако добиться существенных успехов не смог: кочевники избегали прямых столкновений с византийской армией, которая к тому же страдала от недостатка фуража и еды.

Мануил Комнин не смог превзойти своего коронованного предшественника. На востоке Малой Азии турки разбили его наголову, а сам византийский полководец попал в плен. Многочисленные родственники уже собирали выкуп, когда Мануил Комнин внезапно явился в Константинополь в сопровождении странного спутника: это был “предводитель, который пожертвовал личными связями в царском доме и избрал для себя невольный переход (ἀυτομόλα. – Р.Ш.) на сторону противника (...) Причиной тому было то, что султан, властвующий над персами, воспринимал его как отступника, отправил против него войско и вождей, и он, объятый страхом, задумал уйти от опасности не иначе, как через бегство к императору римлян”, – сообщает Михаил Атталиат²⁵.

Описывающий эти события в 30-е годы XII в. Никифор Вриенний уточняет, что сельджук по имени Хризоскул (Χρυσόσκουλος)²⁶ стал отступником от султана (ἀποστάτης) еще до встречи с полководцем из дома Комнинов, а потому когда пленный византиец начал с ним переговоры о переходе на сторону империи, он не сильно и не долго противился ему. По данным Вриониса и Каана такое развитие событий было вполне возможным: лидеры отдельных отрядов на границе султаната Великих Сельджуков часто находились в проблемных отношениях с центром.

Роман Диоген не спешил раскрыть объятья перебежчику. Хризоскула допустили в присутствие императора только после длительного ожидания и представили сенату. По словам Атталиата, это был “юноша, карлик для своего возраста, со скифскими глазами и неприятного вида”²⁷. Роман Диоген включил сельджукского вождя в состав своей армии, отправившейся весной 1071 г. под стены Манцикерта. Вриенний сообщает, что незадолго до битвы Хризоскул едва не умер, когда узнал о смерти Мануила Комнина, приведшего его к византийцам. Если верить Вриеннию, сельджукский вождь не только смог выжить в хаосе сражения, но и неплохо сориентировался в последовавшую за Манцикертом эпоху. В 1078 г. Хризоскул выступает в роли агента Никифора Вотаниата и помогает ему привлечь перед походом на Константинополь на свою сторону наемников-тюрок²⁸. После этого Хризоскул еще раз исполняет роль посредника, чтобы потом исчезнуть в водовороте, следовавшем за воцарением Комнинов.

Как видим, карьера человека, которого источники совершенно определенно называют “военным предателем” и “бунтовщиком”, складывалась вполне успешно. Ни Вриенний, ни Михаил Атталиат не осуждают Хризоскула за переход на сторону империи, но и не хвалят его. Для Атталиата он остается неким непонятным персонажем, безымянным юношей со скифскими глазами и уродливым лицом, в то время как Вриенний наделяет его вполне положительными чертами: Хризоскул проливает слезы рядом со смертным одром своего бывшего пленника и находит свой путь в бурную эпоху конца 1070-х – начала 1080-х годов.

Позже, в эпоху Алексея Комнина, переход тюрок на сторону византийцев (с крещением или без оного) стал достаточно массовым явлением. В конце XI в. при взятии Алексеем Комнином города Кизика в Малой Азии осажденные тюрки, по словам Анны Комнины, не только изъявили покорность императору, но и приняли крещение²⁹. Тюрки в качестве союзников неоднократно упоминаются в описаниях византийской армии XII в.: Иоанн Киннам сообщает, например, о некоем Пупаке, который сопровождал Мануила Комнина во время его рейда на Иконий в 1146 г.³⁰ Однако все эти случаи не могут идти в сравнение с другим перебежчиком, которым стал султан Иконийский Клыч-Арслан II³¹.

В 1161 г. правитель малоазийского полукочевого султаната со столицей в Иконии прибыл в Константинополь просить мира. Иоанн Киннам называет его вполне определенно: αὐτόλοσ, т.е. перебежчик³². Иконийский султан прибыл во дворец, где изъявил свою покорность Мануилу Комнину и прошел через процедуры символического унижения: через 90 лет после сражения при Манцикерте в константинопольском дворце самый крупный тюркский вождь Малой Азии преклонил колена перед императором. В ответ он был вознагражден огромным количеством золота, драгоценной посуды и прочих украшений³³. Император взял с него клятву никогда не нападать на империю, передать Византии несколько спорных городов и предоставлять императору вспомогательные войска. После этого Мануил объявил иконийского султана своим представителем в Малой Азии и поручил ему разбирать споры представителей второго сельджукского государственного образования Малой Азии – Данишмендидов. Узнав об этом Данишмендиды также прибыли в Константинополь, но было поздно: Мануил поручил обласканному “перебежчику” Клыч-Арслану решать проблемы его соперников.

Султан оказался ненадежным слугой императора. Уже через несколько лет иконийцы возобновили рейды на территорию империи, а через десять лет и вовсе начали полномасштабную войну против Мануила Комнина. Противостояние между Мануилом и Клыч-Арсланом закончилось в 1176 г. кровавым побоищем в ущелье Мириокефала³⁴. За сто лет, прошедшие со времени Манцикерта, турки научились искусно пользоваться предательством как техническим приемом для достижения своих внешнеполитических целей.

Впрочем, они были не одиноки. История византийско-сельджукского конфликта знает целые династии предателей, которые сделали пересечение пограничной зоны едва ли не семейным делом. Первой и главной из таких династий является боковая ветвь уже знакомого нам рода Комнинов, а именно – брат Иоанна Комнина и его многочисленное потомство. Второй династией является род Гавр. Оба рано “специализировались” на предательствах, которые так или иначе были связаны с причерноморскими провинциями Византии. Сначала расскажем о перебежчиках из дома Комнинов.

ПРЕДАТЕЛЬСТВО – ДЕЛО СЕМЕЙНОЕ.

ИОАНН КОМНИН И ЕГО ДЕТИ НА ПРОСТОРАХ МАЛОЙ АЗИИ В 1130-х—1140-х ГОДАХ

После смерти Алексея Комнина его престол в результате недолгой борьбы за власть перешел к его сыну Иоанну. Это дало византийской историографии сразу двух авторов. Проигравшая борьбу за трон Анна Комнина была отправлена под комфортный домашний арест в фамильный монастырь³⁵. Ее супруг Никифор Вриенний потерял статус претендента на престол и получил время для собственных исторических штудий и военных походов³⁶. Они были не единственными пострадавшими в борьбе за власть. Новый император и его главный помощник – тюрок Иоанн Аксук – оттеснили от власти другого сына Алексея Комнин – севастократора Исаака Комнина.

Это привело к первому (но не последнему) бегству представителя правящего дома Комнинов в соседние государства. Исаак Комнин скрылся из Константинополя вместе со старшим сыном Иоанном. Вот как рассказывает об этом Никита Хониат:

“Из-за ссоры <...> он отделился и сбежал из пределов Романии. Его спутником <...> был его перворожденный сын Исаак, муж

тяжелодоспешный и воинственно-шумный, храбрый и одаренный блестящей внешностью.”³⁷

Долгие странствия Исаака Комнина по Ближнему Востоку ни к чему не привели. Он закончил свои путешествия в Иконийском султанате. Правитель этого кочевого протогосударства султан Масуд радушно его принял, но помогать отказался. В итоге Исаак, если верить Хониату, счел за благо вернуться в Константинополь. “Император радостно принял его с сыном (...) и радостно обнял его”, – завершает свою историю о перебежчиках Никита Хониат³⁸.

Судя по использованной лексике, Хониат не считает бегство Исаака Комнина прямым предательством. Однако поступок этот все-таки не воспринимается как благородный: Хониат в принципе плохо относится к перебежчикам из дома Комнинов, считая их постоянные мятежи одной из причин упадка империи в правление династии Ангелов. Бегство Исаака к тюркам в данной ситуации является первым в ряду подобных инцидентов, счет которым в конце XII в. шел едва ли не на десятки.

Никита представляет своего героя почти что жертвой обстоятельств. Между тем, другой историк XII в., Иоанн Киннам, умалчивает о бегстве Исаака к сельджукам, но добавляет к его биографии несколько колоритных деталей. Он сообщает, что на момент смерти Иоанна Комнина в 1138 г. Исаак Комнин снова сидел в оковах в Иракии Понтийской³⁹. После смерти Иоанна Комнина на престол взшел его сын Мануил. Новый император возил дядю с собой. В 1146 г. во время одного рискованного сражения Исаак снова попытался захватить власть над империей⁴⁰. Киннам не называет Исаака предателем напрямую, однако дважды повторенное обвинение в попытке захвата власти, на наш взгляд, вполне подпадает под одну из обозначенных выше категорий измены/предательства, а именно под апостасию. Если верить Киннаму и Хониату, во всех случаях апостасия Исаака Комнина не удалась. Этого нельзя сказать о его сыновьях, которые превзошли в странствиях даже своего неугомонного отца.

Старший из сыновей Исаака Комнина, Иоанн бежал из Константинополя вместе с Исааком в 1130-х годах. Второй раз он осуществил бегство уже самостоятельно во время войны Иоанна с набиравшим силу эмиратом Данишмендидов в Пафлагонии на Понте⁴¹. Во время экспедиции Иоанна Комнина против Амира Гази Данишмендида в 1139 г. византийские войска решились на зимовку под стенами Неокесарии. Византийские солдаты, осо-

бенно кавалеристы, страдали от недостатка фуража. Хорошие лошади были наперечет. Во время одной из атак Иоанн Комнин приказал своему племяннику и тезке передать лошадь знамени-тому западному наемнику. После перебранки Иоанн согласился, однако затем, “наполненный гневом, он взял копье, сел на другого коня и понесся к вражеским порядкам. Продвинувшись вперед, он развернул свое копье [острием] назад и стал перебежчиком к персам, положив шлем на плечо”⁴².

Никита Хониат называет Иоанна Комнина αὐτόμολος. Таким образом, сын перебежчика и бунтовщика-неудачника Исаака Комнина стал первым Комнином, совершившим предательство во время сражения. Так же как и предательство эмира Хризоскула, оно оказало влияние на дальнейший ход военных действий. Опасаясь того, что Иоанн-младший расскажет тюркам о бедственном состоянии византийцев, Иоанн Комнин в спешке отступил к морю⁴³.

Впрочем, действия перебежчика Иоанна Комнина на этом не закончились. “Сам Иоанн через небольшое время отрекся от веры христиан и взял в жены дочь перса из Икония (т.е. дочь султана Масуда. – *Р.Ш.*)”, – сообщает Никита Хониат⁴⁴. Для обращения в иную веру (рenegатства) он использует глагол ἐξόμνῳσι, подразумевающий отречение от каких-либо положительных вещей. Показательно, что сам факт религиозного отступничества не сопровождается у Хониата каким-либо значимым комментарием, несмотря на то, что данный автор написал специальный труд, посвященный борьбе с ересями, к которым он причисляет и ислам.

Дальнейшая судьба Иоанна Комнина-рenegата нам неизвестна. Когда в 1146 г. его двоюродный брат император Мануил подошел к стенам Иконии, дочь Иоанна-рenegата и сельджукской принцессы (по имени не названа) обратилась к нему с речью на греческом языке, прося императора не разорять могилы матери султана⁴⁵.

Эта речь породила совершенно неожиданный отклик через три века. В середине XV в. греческий чиновник на службе у османов Георгий Сфрандзи сумел найти историю о семье Иоанна Комнина. Он поставил повествование об отпрысках дома Комнинов на службу идеологии турок-османов. По версии Сфрандзи, дочь Иоанна-рenegата по имени Камеро вышла замуж за предка дома Османов⁴⁶. Используя деяния боковой ветви Комнинов, Сфрандзи создал для османской династии генеалогию, которая позволяла всем образованным грекам без всяких проблем присягать на вер-

ность новым повелителям Константинополя: по версии историка, в 1453 г. столицу Византии брал штурмом Мехмед II Комнин.

Иоанн-рenegат и его дочь остались не забытыми даже в период упадка империи. Впрочем, другой сын Исаака Комнина – Андроник Комнин – стал еще более знаменитым героем исторических произведений⁴⁷. Он начал свою карьеру с не самого доблестного деяния: во время охоты в Малой Азии Андроник попал в плен к туркам, признававшим над собой власть иконийского султана⁴⁸. После выкупа он был назначен дукой города Браничево на границе с венграми. Киннам отмечает, что Андроник пытался создать “тиранию”, т.е. собственное владение на границе. Мануил отозвал беспокойного родственника в Константинополь и заключил его в тюрьму, однако Андроник бежал в Галич с помощью своей жены и верного оруженосца Пупаки, о котором мы уже упоминали⁴⁹. После некоторого времени странствий Андроник вернулся в Константинополь и попросил у Мануила прощения. Император назначил его правителем “проблемной” провинции Киликии.

Здесь Андроник снова попытался сплести заговор и после разоблачения бежал в государства крестоносцев. Там он обольстил сначала Филиппу Антиохийскую, а затем вдову иерусалимского короля Феодору. Вместе с Феодорой Андроник скрылся на территории восточно-анатолийского эмирата Артукидов, правитель которого взял беглого Комнина под свою опеку⁵⁰. Вместе с сельджуками Андроник совершал набеги на Византию, за что первым из клана Комнинов был предан церковной анафеме⁵¹. Через некоторое время он вместе с Феодорой и прижитыми детьми вновь возвратился в Константинополь. Император простил его и отправил в один из провинциальных городков.

После смерти Мануила в 1180 г. Андроник Комнин, по свидетельству Хониата, задумал “захватить престол” у юного наследника Мануила Алексея (1180–1183). Внутриполитическая обстановка в империи благоприятствовала его планам: жена Алексея Мария Комнина и ее временщик протосеваст Алексей вызывали недовольство у значительной части правящего клана. По словам Хониата (повествование которого является единственным источником для данного эпизода биографии Андроника), сын бунтовщика и бунтовщик использовал для начала своего выступления текст собственной клятвы на верность Мануилу⁵². Андроник устроил массовую рассылку писем всем недовольным, которые устремились к месту его заключения. Собрав сообщников, он пошел к Константинополю. Никакой серьезной оппозиции Анд-

роник он не встретил. После долгих колебаний императорский двор капитулировал. Андроник вступил в город, организовал жестокий разгром латинских кварталов, которые поддерживали жену Мануила, императрицу Марию. После этого он отстранил Марию от власти и стал опекуном императора-ребенка⁵³. Андроник был провозглашен соимператором и заставил маленького Алексея подписать смертный приговор своей матери. Через некоторое время клеветы нового императора покончили и с сыном Мануила: малолетнего правителя задушили тетивой лука, а труп бросили в море⁵⁴. Андроник стал единолично править империей и достиг наконец той вершины, к которой безуспешно стремились его отец и брат.

Правление Андроника оказалось недолговечным и кровавым. Новый император заигрывал с плебсом и жестоко подавлял любые проявления недовольства. Он начал охоту за сановниками и полководцами Мануила. Некоторые из них поднимали против Андроника восстания, которые ему удавалось подавлять. Репрессии обрушивались не только на врагов Андроника, но и на вечерашних друзей. На площадях Константинополя разворачивались кровавые сцены казней.

Однако все это продолжалось лишь два года: в 1185 г. вельможа Исаак Ангел убил пришедшего за ним слугу Андроника – Стефана Айохристофорита. Убийца испугался возмездия и бежал под своды Святой Софии в поисках убежища⁵⁵. Собравшаяся толпа встала на его защиту: вскоре послышались предложения сделать его императором. Андроник был на отдыхе вне стен Константинополя и долго не верил в реальность бунта. Он попытался усмирить восставших, однако те, кто недавно клялся ему “ужасными клятвами”, оказались глухи к словам императора⁵⁶. Тогда Андроник попытался бежать, но был опознан и пойман жителями Понта. Свергнутого императора вернули в Константинополь: толпа жестоко издевалась над ним в течение нескольких дней и наконец зарубила насмерть на ипподроме. Так окончил свои дни первый и последний император из боковой ветви дома Комнинов, основанной братом императора Иоанна Комнина Исааком.

История о злодеяниях Андроника дает нам редкую возможность сопоставить два взгляда на предательства этого человека. Повесть о правлении императора-убийцы дошла до бедного рыцаря Робера де Клари. На протяжении небольшого отрывка своего произведения хронист прямо именует Андроника (которого он называет “Андромом”) предателем и злодеем. По мнению фран-

цузского рыцаря, Андроник несколько раз предал своего господина Мануила Комнина и убил его ребенка⁵⁷. В глазах крестоносца, который в 1204 г. вошел в покоренный Константинополь, такое действие, несомненно, было *личным* предательством: вассал предал своего сюзерена. Были ли эти действия предательством в глазах византийцев?

Однозначного ответа здесь, как ни странно, нет. С одной стороны, образ Андроника в трудах Киннама и Хониата связан с темой нарушенной верности и измены, будь то измена многочисленным любовницам или то, что можно назвать изменой государству. По словам Иоанна Киннама, во время правления Мануила Андроник неоднократно замышлял тиранию, т.е. пытался создать территорию под собственной властью. Это ему не удалось⁵⁸. Позже он принял участие в сельджукских набегах на территорию Византии, за что попал под церковную анафему: эта анафема была с него снята не позднее 1185 г. – вероятнее всего, во время его очередного возвращения в Константинополь⁵⁹. Можно ли считать анафему признаком измены? Мы полагаем, что да: анафеме подвергали за дела, несовместимые со званием христианина, либо за несоблюдение церковной клятвы. Таким образом, в произведении Иоанна Киннама Андроник предстает как дважды предатель – сначала законов человеческих (тирания), а затем и церковных (за что его и анафематствовали).

Несколько по-другому трактует образ Андроника и его предательства Никита Хониат. С одной стороны, он вслед за Киннамом рассказывает о попытках Андроника поднять мятеж против Мануила Комнина. Но акцент у Хониата сделан не столько на Андронике-бунтаре, сколько на Андронике-интригане: при описании его действий он не использует термины, связанные с изменой, а об анафеме вообще не упоминает. Беглый сын Иоанна Комнина предстает у него скорее героем авантюрного романа, чем обычным предателем⁶⁰. Эта линия продолжается и в той части работы Хониата, которая описывает события в империи после смерти Мануила Комнина: здесь Андроник также является не столько противником дела Мануила (к которому Хониат относится критически), сколько талантливым борцом за власть. Сам захват власти Андроником у Хониата возмущения не вызывает: протест у историка вызывают действия, последовавшие после этого захвата. Череда убийств делает Андроника в глазах Хониата тираном на троне, своего рода анти-императором. В повествовании появляются апокалиптические нотки. По сообщению Хониата,

слуга Андроника Комнина Айохристофорит прозывался в народе Анти-христофоритом⁶¹. Однако предателем напрямую Андроник не назван: он всего лишь добивается своей цели. При этом он использует все средства, в том числе и клятвы, данные им Мануилу Комнину и его сыну. Тема верности клятве вновь возникает у Хониата уже в конце правления Андроника: по словам Никиты, сторонники Андроника, связавшие себя страшными клятвами, после начала восстания Исаака Ангела покинули императора. По Хониату, возвышение Андроника началось с ложной интерпретации клятвы и закончилось клятвопреступлением⁶². Однако нигде напрямую Хониат Андроника предателем не называет.

То, что современному человеку может показаться предательством, для византийцев зачастую было всего лишь примером хорошей политической игры. Исследователь трудов Михаила Атталиата Димитриос Краллис охарактеризовал такое отношение как “fluidity of loyalty” (что правильнее всего будет перевести как “пластичная преданность”)⁶³. Несколько примеров подобной пластичности продемонстрировали в XII в. представители понтийского греческого рода Гавр.

СЛУГИ МНОГИХ ГОСПОД:
РОД ГАВР МЕЖДУ КОНСТАНТИНОПОЛЕМ
И СЕЛЬДЖУКАМИ В КОНЦЕ XI – НАЧАЛЕ XII в.

Вскоре после сражения при Манцикерте один из крупнейших городов византийского Понта – Трапезунд был захвачен тюрками⁶⁴. Уже к концу 1070-х годов его отбил представитель византийской знати Феодор Гавра⁶⁵. Как Гавра оказался в Трапезунде, до сих пор не очень ясно. Его однофамилец или родственник Михаил Гавра принимал участие в борьбе за власть в середине XI в., однако потом его имя пропадает со страниц источников. Феодору Гавре удалось избежать такой судьбы. Он сохранил власть над Трапезундом в 90-е годы XI в. и принял активное участие в борьбе с сельджуками, которые в тот момент активно осваивали плоскогорья Малой Азии. По словам Анны Комнины, Алексей Комнин обратил внимание на талантливое полководца: он дал ему титул дуки Трапезунда, но оставил его сына Михаила в Константинополе⁶⁶. Юный Гавра попытался бежать из города, однако воины Алексея смогли перехватить его в море и вернуть⁶⁷. Через несколько лет его отец погиб в битве с тюрками: поздняя традиция приписывает ему мученическую смерть от рук одного из эмиров.

Умерший в конце XI в. Феодор Гавра в XII в. стал первым “новомучеником” Малой Азии, к которому обращались с молитвами в борьбе против неверных.

Его сын Григорий Гавра (Таронит) правил городом в 1103–1106 гг., однако затем был смещен Алексеем и отправлен обратно в Константинополь⁶⁸. По словам Анны, в 1116 г. некий Гавра командовал левым крылом византийской армии во время последней кампании Алексея I против тюрок. Можно предположить, что речь идет о сыне Феодора Гавры, которого Алексей воспитывал при дворе: к 1116 г. ему было более двадцати лет и он уже руководил крупными военными соединениями.

Другой Гавра, который, возможно, был сыном Феодора, появляется в текстах, относящихся к значительно более позднему времени. Никита Хониат сообщает, что к 1136 г. некий Константин Гавра подчинил себе Трапезунд и правил в нем “по обычаю тиранов”⁶⁹. Слово *τύραννος* в корпусе текстов Хониата означает человека, захватившего власть над какой-то областью на границе с империей: так, “тираном” неоднократно называется король норманнов Сицилии. В речах Хониата речь идет также о некоем пожилом “тиране” немцев: можно предположить, что речь идет о Фридрихе Барбароссе, который лично общался с историком и произвел на него большое впечатление. Однако создание собственного государства по Хониату не является предательством: это не бунт (*ἀλοστάσια*) и не переход на сторону противника во время боевых действий (*αὐτομόλια*). В своем описании Хониат нигде напрямую Гавру предателем не называет.

Иные представители этого славного рода продолжили дело Константина Гавры. В 1146 г. войска внука Алексея Комнина Мануила I совершили рейд на территории Иконийского султаната. На обратном пути в узком ущелье Мириокефала на византийцев напали сельджуки: в схватке гвардейцы Мануила зарубили несколько знатных турок, среди которых оказался еще один представитель рода Гавр. Вот что пишет о нем Иоанн Киннам:

“Был некто в варварском войске, чей род происходил из Романии, но кто был выращен и воспитан в Персии и по счастливому стечению судьбы получил сатрапию. Его звали Гавра. В тот день римляне убили его вместе с другими, отрубили ему голову и правую руку и отвезли их в лагерь”⁷⁰.

В одной фразе византийский писатель фактически описывает судьбу очередного представителя пограничного рода. При этом термин “предательство” Киннам не употребляет. Его можно было

бы заподозрить в сочувствии к воспитанному тюрками вельможе, если бы не одно “но”, – отсутствие имени. Как нам кажется, оно указывает в данной ситуации на разницу между врагом и другом, – но, конечно, не может указывать на факт предательства. Таким образом, Гавра-сельджук также не осуждается Киннамом.

Однако главным и наиболее интересным для исследования вопросов о “предательстве” является другой представитель этого рода – человек, которого историк Энтони Брайер называет [Хасаном ибн] Гаврой⁷¹. Мы приводим скобки не случайно: византийские источники говорят о некоем Гавре, в то время как сирийские источники (Михаил Сириец) говорят о советнике султана Клыч-Арслана II по имени Ихтийяр Хасан. Э. Брайер, С. Врионис и К. Каэн считают, что речь идет об одном и том же человеке. В нашей работе мы следуем данному научному консенсусу: никаких альтернативных версий пока высказано не было.

По нашему мнению, данная гипотеза имеет весьма интересное (если не сказать зашифрованное) подтверждение в византийских исторических нарративах второй половины XII в., в которых тоже фигурирует персонаж по имени Гавра.

Гавра появляется в повествованиях Никиты Хониата и Иоанна Киннама во время описания сражения при Мириокефале (1176 г). Единственный манускрипт работы Киннама обрывается непосредственно перед описанием битвы, однако на последних листах автор упоминает о неудачной экспедиции союзного византийцам эмира из династии Данишмендидов и генерала Михаила Гавры в Амасию. После этого Киннам утверждает, что перед сражением султан Клыч-Арслан II отправил к Мануилу “одного из самых сильных мужей, называемого Гаврой”, с просьбой о мире⁷². В византийских текстах XII в. термин “самый сильный муж” может означать разных функционеров Иконийского султаната, однако никакой дальнейшей конкретизации Киннам не дает. Нам неясно, какую должность занимал Гавра при сельджукском дворе или что входило в его компетенцию. В отличие от “византийского” Гавры, который ходил на Амасию, сельджукский носитель этой фамилии даже не назван по имени. Это роднит его с предыдущим перебежчиком из этого рода, о котором мы говорили выше.

Никита Хониат (который в начале своего труда использовал работу Киннама) вообще не упоминает о посольстве с участием Гавры, фокусируя внимание читателя на постоянном соперничестве Клыч-Арслана и Мануила. Он вводит Гавру в свое повествование только во время описания сражения. Армия Мануила

вошла в ущелье Мириокефала, тюрки атакуют ее со всех сторон, и большая часть войска (по Хониату) гибнет. Мануил в сопровождении немногих воинов достигает лагеря. В этот момент, по мнению византийского автора, происходит некоторое подобие чуда. Хониат описывает обстановку в лагере иконийского султана следующим образом: “Но Тот, кто в древности оставил семя Израилю, (...) Тот подчинил душу султана чуждому ей состраданию (...) Тот, Кто через Хусия разрушил совет Ахитофела и изменил ход мыслей Авессалома, (...) Тот и теперь отвел владыку персов от должного. Согласившись на убеждения своих вельмож, (...) султан (...) предлагает императору мир, и опять просит о заключении договора”⁷³.

В результате совета Клыч-Арслан предлагает Мануилу заключить мир. После ночных переговоров и нескольких стычек Мануил I Комнин соглашается на условия Клыч-Арслана II. Послом сельджуков при заключении мира становится Гавра (который также как и у Киннама не назван по имени).

«При виде царя, Гавра воздал ему, по варварскому обычаю, глубокое поклонение (...) Гавра увидел, что у императора поверх доспеха надета одежда золотистого цвета. “Этот цвет не служит добрым знаком, о, царь”, – сказал он – “А во время войны он особенно противодействует удаче”. После этих слов император, слабо и через силу улыбнувшись, снял надпанцирную одежду, вышитую пурпуром и золотом, и отдал ее Гавре”⁷⁴.

Кем же был этот Гавра? Его статус определен у Хониата с большей точностью, чем у Киннама. Гавра у Хониата это “первый среди вельмож”, что в иерархии сельджукских эмиратов могло означать либо атабека, либо визиря⁷⁵. Я сомневаюсь, что в данном случае речь идет именно об атабеке: судя по другим упоминаниям этого термина в корпусе работ Хониата, он (вслед за Анной Комниной) мог принять этот титул за варварское имя. Версия о визире подтверждается Э. Брайером, который однозначно отождествляет упомянутого Хониатом и Киннамом Гавру с визирем Иконийского султаната Ихтийяром Хасаном. Итак, и до, и во время сражения при Мириокефале роль посредника между султаном и императором играл визирь первого Ихтийяр Хасан ибн Гавра. Судя по тексту Хониата, он был образованным человеком, блестяще владел греческим языком и даже позволял себе шутить в присутствии императора. Однако ограничивалась ли его роль лишь исполнением дипломатических функций?

Для того, чтобы ответить на этот вопрос, нам необходимо провести интерпретацию библейских аллюзий, использованных Хониатом при описании мирных переговоров. Византийский автор сравнивает положение в сельджукском лагере после битвы с тем, какое было в лагере сына Давида, Авессалома, после битвы против отца. Согласно тексту Библии, советник Авессалома Ахитофел советовал ему довести дело до конца и уничтожить войско отца, в то время как тайный союзник Давида Хусий дал Авессалому совет, который спас Давиду жизнь.

На наш взгляд, данное сравнение употреблено Хониатом сознательно. Давиду уподобляется Мануил Комнин (Хониат употребляет это сравнение в описании битвы), Авессалому – Клыч-Арслан II (который во время церемонии заключения мира 1161 г. был символически усыновлен Мануилом). Место “злого советника” Ахитофела остается вакантным: судя по описанию Михаила Сирийца, на его месте мог быть один из эмиров наемников-туркмен. Зато кандидат на место Хусия, тайного союзника Мануила-Давида, очевиден. По нашему мнению, под маской Хусия Хониат скрывает уже знакомого нам персонажа, а именно ренегата и визиря Хасана ибн Гавру. Именно этот “старый друг” и спас Мануила от неминуемой (по мнению Хониата) гибели в зловещем ущелье Мириокефала. Именно утешение Гавры и его злая шутка (см. выше) заставили героя Никиты Хониата улыбнуться и выйти из состояния шока, которое византийский хронист описывает предельно подробно. На следующий день император уже мог нормально руководить войском.

Таким образом, по Хониату предательство является далеко не однозначным явлением. Гавра служит для автора образцом “хорошего предателя”, который не только становится орудием Божьей воли в спасении жизни императора, но и выводит его из шока через катарсис юмора. Религиозный статус предателя при этом для Хониата не важен.

Остается добавить, что после Хасана ибн Гавры представители рода продолжили нести службу при дворах ключевых династий Малой Азии. Следуя сложившейся в XII в. традиции, многие из них становились дипломатами и губернаторами. В XIII в. военный конфликт, породивший и возвысивший Гавр, потерял свою актуальность. Это не нанесло существенного урона статусу рода: один из Гавр возглавлял сельджукское посольство к Фридриху II Гогенштауфену, другие служили Великим Комнинам Трапезунда, а третьи занимали важные посты в Константинополе. Клан

воинов стал кланом дипломатов и ученых: один из потомков рода уже в XIV в. вошел в византийскую литературу как писатель.

Впрочем, способность членов данного рода к смене политической и религиозной ориентации забыта не была. В сельджукском эпосе “Данишменд-наме” мы встречаем несколько героев по фамилии Гавра. Речь идет именно о представителях клана: коллективный автор текста называет их “сыновьями Гавры”. Эти сыновья сначала подчиняются тюркам и даже принимают ислам, однако позже вновь переходят в христианство, поднимают восстание в тылу у турок и убивают мусульман. Главному герою “Данишменд-наме”, эмиру Данишменду, удается справиться с ними с большим трудом⁷⁶. Так поздний эпос зафиксировал пограничную, если не сказать предательскую, позицию рода Гавр.

ВИЗАНТИЯ: ТОЛЕРАНТНОСТЬ К ПРЕДАТЕЛЬСТВАМ?

В византийских источниках XII в. нами обнаружено несколько терминов, обозначающих то, что современные толковые словари называют предательством. Византийцам были известны понятия “переметничества” (в военных условиях), “измены” как таковой и “бунта”. Однако во всех трех случаях речь идет о предательстве государства, но не о предательстве личности или церкви. Мы пришли к выводу, что для образованных византийцев XII в. понятие личной верности фактически было чуждым, а обращение того или иного знатного человека в другую веру не считалось чем-то особо примечательным. Переход на сторону вчерашнего противника описывается в текстах практически как норма. Таким образом, можно констатировать, что взгляды византийцев и их западноевропейских современников на проблему личной верности существенно различались.

Разница во взглядах и подходах становится очевидна при исследовании образа Андроника Комнина. Этот образ присутствует в работах как византийских, так и западных историков. Для Робера де Клари Андром-Андроник в первую очередь – вассал, предавший своего сюзерена и родственника. Для Иоанна Киннама – он бунтовщик и отступник от церкви. Для Никиты Хониата он – талантливый авантюрист, не лишенный положительных черт, тиран на троне Константинополя, не гнушающийся никакими средствами для достижения своих целей. Ни Киннам, ни Хониат не говорят о нарушении Андроником каких-то обязательств личной верности Мануилу: они фигурируют лишь в работе Хо-

ниата в виде неких “клятв”, которые Андроник интерпретирует в свою пользу. По большому счету, у Хониата Андроник является не столько предателем, сколько божьим наказанием, которое прекращает свергнувший Андроника Исаак Ангел. Это неудивительно: согласно последним изысканиям А. Симпсон, Никита Хониат начал писать свою работу во время правления императоров из династии Ангелов⁷⁷.

Отношение византийцев к предательствам на границе также может показаться нам парадоксальным. Переход отдельных членов императорской фамилии на сторону врага рассматривается авторами едва ли не как норма. Религиозное отступничество не вызывает серьезных нареканий даже у Хониата, который написал дошедшую до нас работу по каноническому праву⁷⁸. Авторы весьма редко дают сколь-нибудь резко негативные характеристики бунтовщиков. В отдельных ситуациях изменники и отступники могут играть положительную роль: такую роль во время сражения при Мириокефале сыграл визирь султана Клыч-Арслана II Хасан ибн Гавра. Это обуславливало известную терпимость к тем людям, которых можно, с точки зрения относительно современных понятий и определений, назвать предателями и изменниками. Византийские авторы не уделяли перебежчикам какого-то специального внимания.

Наличие в источниках положительных образов предателей, героических перебежчиков и царственных бунтовщиков привело нас к мысли о том, что византийские писатели в целом относились к предательству достаточно толерантно. В обществе, где понятие личной верности отсутствовало, предательство было лишь одним из инструментов для достижения личных целей. Судя по описаниям Киннама и Хониата, этот инструмент активно использовали не только византийцы, но и тюрки. Такое отношение к предательству было не всегда понятно носителям развивавшейся в странах Западной Европы рыцарской культуры. В 1204 г. носители этой культуры осадили и взяли штурмом Константинополь, положив конец Византии Комнинов и Ангелов.

¹ Словарь русского языка / под редакцией С. Ожегова. М., 1953. С. 527.

² Доступна по адресу <http://www.britannica.com/>. Последнее обращение: 20.09.2011.

³ О перебежчиках в более ранний период см.: *Shukurov R. The Crypto-Muslims of Anatolia // Anthropology, Archeology and Heritage in the Balkans and Anatolia or the Life and Times of F.W. Hasluck (1878–1920) / Ed. David Shankland. 2 vols. Istanbul, 2004. Vol. 2. P. 135–145.*

- ⁴ Базовыми работами по периоду и по сей день остаются труды К. Каэна и С. Вриониса. *Cahen C. Formation of Turkey: The Seldjukid Sultanate of Rum. Eleventh to Fourteenth Centuries* / tr. P. M. Holt. L., 2001; *Vryonis S.Jr. The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor and the Process of Islamization from the Eleventh through the Fifteenth century*. L., 1971.
- ⁵ Главной работой по династии Комнинов (и едва ли не главной работой по Византии XII в. в целом) считается работа Пола Магдалино: *Magdalino P. The Empire of Manuel Komnenos (1143–1180)*. Cambridge, 1993. Просопографический справочник по династии выполнен Вардзосом: *Βαρζος Κ. Η Γενεαλογία των Κομνηνών. Θεσσαλονίκη*, 1984.
- ⁶ См., например: *Evangelium secundum Joannem* // *The Greek New Testament* / Ed. K. Aland, M. Black, C.M. Martini, B.M. Metzger, A. Wikgren. Stuttgart, 1968. 18:5.
- ⁷ Мы пользовались онлайн-версией словаря, которая доступна через *Thesaurus Linguae Graecae*. Автор выражает благодарность факультету истории Средних веков Центрально-Европейского университета за возможность пользования базой данных.
- ⁸ *Oxford Dictionary of Byzantium*. L., 1991. Vol. II. P. 2110.
- ⁹ Более детально об этой измене мы будем говорить позже. См.: *Choniates Nicetas. Historia* / Hg. A. van Dieten. Berlin, 1975. S. 132–134. О Хониате см.: *Каждан А.П. Никита Хониат и его время* // *Никита Хониат и его время* / ред. Я. Любарский. СПб., 2005; *Niketas Choniates: a historian and a writer* / Ed. S. Efthymiadis, A. Simpson. Geneva, 2009.
- ¹⁰ *Attaleiates Michael. Historia* / Ed. I. Perez-Martin. Madrid, 2002. P. 98, 9.
- ¹¹ *Manasses Constantine. Breviarium Chronicum* / Ed. O. Tzoulakis. Athens, 1996. Col. 6222.
- ¹² См., например, использование данного термина Михаилом Пселлом: *Psellos Michael. Imperatori di Bisanzio (Cronografia)* / introduzione di D. Del Corno; testo critico a cura di S. Impellizzeri; commento di U. Criscuolo; traduzione di S. Ronchey. 1a ed. Milano, 1984. T. I. P. 6.
- ¹³ О мятежах в комниновскую эпоху см.: *Cheyne J.-C. Pouvoir et Contestations à Byzance (963–1210)*. Paris, 1990.
- ¹⁴ О предательстве и предателях в “Песни о Роланде” и в более поздних эпических произведениях см. статью Майкла Джонса: *Jones M. ‘Bons Bretons et Bons Francoys’: The Language and Meaning of Treason in Later Medieval France* // *Transactions of Royal Historical Society*. Vol. 32 (1982). P. 91–112; *Fitz B.E. Cain as Convict and Convert? Cross-Cultural Logic in the “Song of Roland”* // *Modern Language Notes: Comparative literature*. 1998. Vol. 113. P. 812–822; *Dessau A. L’idée de la trahison au Moyen âge et son rôle dans la motivation de quelques chansons de geste* // *Cahiers de civilisation médiévale*. Poitiers, 1960. № 3. P. 23–26.
- ¹⁵ См.: *Kantorowicz E. Pro Patria Mori in Medieval Political Thought* // *The American Historical Review*. 1951. Vol. 56. P. 476–478.
- ¹⁶ Обретение “родины” началось у византийцев позже, в эпоху Палеологов. Именно тогда империю стали представлять именно как империю эллинов. В XII в. с этим определением (которое использовали враги – сицилийцы и чиновники Священной Римской империи Барбароссы) – императоры в Константинополе были решительно несогласны. См.: *Kresten O. Der “Anredestreit” zwischen Manuel I Komnenos und Friedrich I. Barbarossa nach der Schlacht von Myriokephalon* // *Römische Historische Mitteilungen*. 1992/1993. Bd. 34–35. S. 65–110.

- ¹⁷ Пол Магдалино отмечает, что трое из пяти условно положительных героев работы Хониата являются латинянами. См.: *Magdalino P. The Empire of Manuel... P. 13.*
- ¹⁸ *Brand C. The Turkish element in Byzantium: Eleventh-Twelfth Centuries // Dumbarton Oaks Papers. Vol. 53. P. 8.*
- ¹⁹ *Choniates Nicetas. Historia... S. 151f.*
- ²⁰ О предателях и предательстве в предшествующий период византийской истории см.: *Μπουρδάρη Κ. Καθολίωσις και Τυραννός κατά τους Μέσους Βυζαντινούς Χρόνους. Μακεδονικά Δυναστεία (867–1056). Αθήνα, 1981.*
- ²¹ *Jones M. Op. cit.*
- ²² Называя Иконийский султанат “султанатом” необходимо понимать, что речь идет не об оседлом и устоявшемся государстве, а о сложной структуре, которая состоит из кочевых племен и их лидеров, с одной стороны, и из населения плодородных долин – с другой. Во главе этой системы стоит султан, или в случае Данишмендидов – эмир. Общие механизмы превращения таких конгломератов в “оседлые” государства описаны Хазановым. См.: *Khazanov A. Nomads and the Outside world. Cambridge, 1984. P. 228–303.*
- ²³ Работа Атталиата долгое время оставалась на периферии византинистики. Однако в последнее время интерес к ней возрос во многом за счет появления критического издания, выполненного испанским палеографом Иммакуладой Перес-Мартин (см. примеч. 6) и обстоятельной монографии Димитрия Ки-раллиса – *Krallis D. Michael Attaleiates: History as Politics in Eleventh-Century Byzantium: Ph.D Thesis. University of Michigan, 2006.*
- ²⁴ *Βαρζος Κ. Η Γενεαλογία... Τ.Α'. Σ. 61.*
- ²⁵ *Attaleiates Michael. Historia... P. 106, 10–20.*
- ²⁶ К. Каэн считает его одним из дальних родственников султана Великих Сельджуков Алп-Арслана. См.: *Cahen C. La première pénétration turque en Asie Mineure (seconde moitié du XIe s.) // Byzantion. 1948. Vol. 18. P. 20–35.*
- ²⁷ *Attaleiates Michael. Historia... P. 106–107, 24–2.*
- ²⁸ *Bryennios Nikephoros. Historical Material / Ed. P. Gautier. Brussels, 1975. P. 240.*
- ²⁹ *Komnene Anna. Alexiada / Hg. A. Kambyllis, D. Rheinsch. Berlin, 2001. VI.13. S. 198, 95–5.*
- ³⁰ *Choniates Nicetas. Historia... S. 132–134; Brand C. The Turkish element in Byzantium, Eleventh-Twelfth Centuries // Dumbarton Oaks Papers. Vol. 53. P. 1–25.*
- ³¹ Необходимо отметить, что Клыч-Арслан II был не первым султаном-побежчиком из Иконийского султаната. Согласно данным Михаила Сирийца, в Константинополь во время войны в султанате в 1130-х годах бежал его отец Масуд Иконийский. Этот сюжет упоминает в своей недавней статье Дмитрий Коробейников. *Michel le Syrien. La Chronique / Trad. J.P. Chabeaut. Paris, 1910; Korobeinikov D. A sultan in Constantinople: the feasts of Ghiyath al-Din Kay-Khusraw I // Eat, Drink and be Merry: Food and Wine in Byzantium Papers of the 37th Annual Spring Symposium of Byzantine Studies / Ed.L. Brubaker, K. Linardou. Aldershot, 2007. P. 93.*
- ³² При этом прочтении необходимо учитывать панегирический характер труда Киннама. *Cinnamus Ioannes. Epitoma rerum ab Ioanne et Alexio Comnenis Gestarum. Bonn, 1836. S. 204, 23.*
- ³³ Если верить Хониату, Мануил предоставил своему гостю комнату, полную золота. *Choniates Nicetas. Historia... S. 121.*
- ³⁴ *Choniates Nicetas. Historia... S. 185–195.*

- ³⁵ Во многих обзорных работах присутствует общее место о якобы тяжелых условиях, в которых содержалась Анна. Эта точка зрения была опровергнута на основании нескольких посвященных Анне риторических произведений. В одном из них упоминаются лошади и колесницы (!) которые были доступны опальной дочери Алексея, в другом – обильный стол, который предоставляла участникам своего “салона” узница монастыря. Иными словами, условия, в которых протекала жизнь Анны, сложно назвать некомфортными. Подробнее об Анне см. сборник статей под редакцией Таилии Гумы-Петерсон: *Anna Komnene and Her Times* / Ed. T.Gouma-Peterson. L., 2000.
- ³⁶ Более подробно об отсылках к середине XII в. в труде Анны см. статью Пола Магдалино: *Magdalino P. The Pen of the Aunt: Echoes of the Mid-Twelfth Century in the Alexiad* // *Anna Komnene and Her Times...* P. 25–29.
- ³⁷ *Choniates Niketas. Historia...* S. 32, 33–36.
- ³⁸ *Choniates Niketas. Historia...* S. 32, 46–48.
- ³⁹ Интересно отметить, что Иоанн не услав Исаака на западную границу империи, а отправил его на восток, который к моменту ссылки был лишь недавно отбит у Данишмендидов. О причинах такой ссылки можно только догадываться.
- ⁴⁰ Та же судьба, возможно, постигла и Никифора Вриенния. Жалобы Анны на постоянную занятость мужа в военных походах, равно как и смерть Вриенния непосредственно во время византийской экспедиции в Киликию, дают основания предположить, что Иоанн Комнин предпочитал, чтобы ближайшие родственники и претенденты на престол не оставались в Константинополе во время его отсутствия. Это подтверждает и судьба Исаака Комнина, которого услали далеко на Понт.
- ⁴¹ Об эмирате Данишмендидов см.: *Oikonomides N. Les Danishmendides entre Byzance, Bagdad et le Sultanat d’Iconium* // *Revue Numismatique. 1983. T. 25 / 6. P. 190–205.*
- ⁴² *Choniates Niketas. Historia...* S. 32, 50–55.
- ⁴³ См. описание этого конфликта у Каэна: *Cahen C. Formation of Turkey...* P. 18–21.
- ⁴⁴ *Choniates Niketas. Historia...* S. 36, 50.
- ⁴⁵ *Ibid.* S. 46–54.
- ⁴⁶ *Βαρζοῦς Κ. Η Γενεαλογία...* Τ. Α'. Σ. 485.
- ⁴⁷ Подробная биография Андроника была написана Октавиушем Юревичем. *Юревич О. Андроник I Комнин*. М., 2004. Ряд эпизодов его жизни разобран в уже упомянутой нами работе Пола Магдалино. Обобщающих монографий, посвященных политической истории Византии эпохи Андроника Комнина, насколько нам известно, до сих пор нет.
- ⁴⁸ *Choniates Niketas. Historia...* S. 55, 55–60.
- ⁴⁹ *Ibid.* S. 151.
- ⁵⁰ Об Артукидах см.: *Cahen C. Formation of Turkey...* P. 8–9; *Vryonis S. The Decline of Medieval Hellenism...* P. 118.
- ⁵¹ *Cinnamus Ioannes. Epitoma...* P. 251, 6.
- ⁵² *Choniates Niketas. Historia...* S. 228, 84.
- ⁵³ По словам Хониата (который, возможно, сгущает краски), Андроник Комнин посетил могилу Мануила и, несмотря на показное благочестие, шепотом поносил имя покойного императора. *Choniates Niketas. Historia...* S. 256f.
- ⁵⁴ *Ibid.* S. 274.
- ⁵⁵ *Ibid.* S. 342f.

- ⁵⁶ Ibid. S. 350, 23.
- ⁵⁷ У нас не было доступа к старофранцузскому изданию текста, и нам пришлось опираться только на английский перевод (который впрочем считается классическим). См.: *Robert of Clari. Conquest of Constantinople // Three Old French Chronicles of the Crusades / Ed. Edward N. Stone. Seattle, 1939. Ch. 21–23. <http://www.deremilitari.org/resources/sources/clari.htm> (последнее обращение 27.08.2011).*
- ⁵⁸ *Cinnamus Ioannes. Epitoma...* P. 125, 13.
- ⁵⁹ Случай довольно редкий в византийско-сельджукских отношениях. См.: *Cinnamus Ioannes. Epitoma...* P. 251, 6.
- ⁶⁰ Никита Хониат несколько раз сравнивает Андроника с Одиссеем. Об образе Андроника см.: *Gaul N. Andronikos Komnenos, Prinz Belthandros und der Zyklus: Zwei Glossen zu Niketas Choniates' Chronikē diēgēsis // Byzantinische Zeitschrift. 2003. Bd. 96/2. P. 623–660.*
- ⁶¹ *Choniates Niketas. Historia...* S. 293, 11.
- ⁶² Ibid. S. 228, 84; S. 350, 23.
- ⁶³ *Krallis D. Michael Attaleiates: History as Politics...* P. 362.
- ⁶⁴ *Attaleiates Michael. Historia...* P. 124.
- ⁶⁵ Подробнее о первом Гавре см.: *Bryer A. Byzantine Family: The Gabrades // University of Birmingham Historical Journal. 1969–1970. Vol. 12. P. 164–169.* О Гаврах см. также: *Бартикян Р.М. О византийской аристократической семье Гаврас // Историко-филологический журнал / АН Арм ССР. 1987. № 3. С. 190–200.*
- ⁶⁶ Повествование Анны является главным источником по истории Византии конца XI – начала XII в. Однако не стоит забывать о том, что свой труд она составляла в 1130–1150-х годах, т.е. почти через четверть века после событий, описанных в “Алексиаде”.
- ⁶⁷ *Komnena Anna. Alexiade...* P. 256–258.
- ⁶⁸ О проблемах идентификации Гавры-Таронита см. статью Маргарет Маллетт: *Mullett. M. The Madness of Genre // Dumbarton Oaks Papers. 1992. Vol. 46. P. 235–243.*
- ⁶⁹ *Choniates Niketas. Historia...* S. 34, 84–93.
- ⁷⁰ *Cinnamus Ioannes. Epitoma...* P. 56, 11–13.
- ⁷¹ *Bryer A. Byzantine Family...* P. 175–185.
- ⁷² *Cinnamus Ioannes. Epitoma...* P. 299, 9–10.
- ⁷³ *Choniates Niketas. Historia...* S. 186, 19–34.
- ⁷⁴ Ibid. S. 189.
- ⁷⁵ Ibid. S. 189, 47–48.
- ⁷⁶ *Danishmend-name / Tr. I. Melikoff. P., 1960. P. 444sq.* Также см.: *Oxford Dictionary of Byzantium. Oxford, 1991. Vol. I. P. 586; Мелиоранский П.М. Сельджук-намэ как исторический источник // Византийский временник. 1889. Т. 1. С. 613–641; Savvides A. Some major Seljuk, Persian and Ottoman Sources regarding Byzantine-Seljuk Relations: (A Bibliographical Survey) // *Mésogeios. 2005. Vol. 25–26. P. 13–14.**
- ⁷⁷ *Simpson A. Before and After 1204: The Versions of Niketas Choniates' Historia // Dumbarton Oaks Papers. 2006. Vol. 60. P. 189–223.*
- ⁷⁸ *Van Dielen L.J. Zur Überlieferung und Veröffentlichung der Panoplia Dogmatike des Niketas Choniates. Amsterdam, 1970.*

О.И. Тогоева

РЫЖИЙ ЛЕВША: ТЕМА ПРЕДАТЕЛЬСТВА ИУДЫ В СРЕДНЕВЕКОВОМ ПРАВОВОМ ДИСКУРСЕ

УДК 94(4). 375/1492

Статья посвящена проблеме понимания предательства в Западной Европе в Средние века и, в частности, предательства секты ведьм и колдунов по отношению к христианскому сообществу. В ней исследуются такие вопросы, как формирование представлений о “секте” ведьм, их “заговоре” против христиан, об их отношениях с дьяволом и участии в шабаше. Специальное внимание уделено проблеме визуализации образа ведьмы-предательницы и использования в ранних изображениях ведьм и колдунов образа Иуды Искариота.

Ключевые слова: Средние века, предательство, ведовская секта, шабаш, христианская община, Иуда Искариот, ранняя иконография ведьм.

Key words: Middle ages, treachery, witch, witches' sabbath, Christian community, Judas the traitor, early witches' iconography.

Приступая к рассмотрению проблемы предательства в средневековом праве, следует прежде всего отметить многообразие форм, которые принимала измена в данный период. Это могло быть и частное дело, касавшееся исключительно членов одной семьи (супружеская измена)¹, и измена вассала сеньору, и предательство короля, которое (в частности, во Франции) к концу XV в. трансформировалось в предательство всей страны². Предательством люди Средневековья называли также нарушение клятвы, данной врагу в условиях плена³, поведение слуги-вора в доме хозяина⁴, дачу ложных показаний в суде по делу собственного друга⁵. Даже убийство, виновным в котором оказывалось домашнее животное (например, свинья), часто рассматривалось как предательство, совершенное им в отношении собственного владельца⁶.

Существовало, однако, и более широкое понимание предательства – как преступления против всего рода людского, вернее, против сообщества истинных христиан. Подобное злодеяние в Средние века считалось прерогативой совершенно определенных людей и/или групп населения: различных религиозных сект, язычников, евреев, а также конверсов, вновь обратившихся к вере отцов. С начала XV в. к ним также присоединились колдуны и ведьмы, которые и будут занимать мое внимание прежде всего.

Что понималось в Средние века под предательством ведьмы? Как мне представляется, на этот вопрос не существует какого-то одного, конкретного ответа: весь образ жизни членов ведовской “секты”, подчинявшихся правилам, установленным самим дьяволом, с точки зрения людей Средневековья, противоречил основным принципам человеческого общежития, расценивался как предательство христианской общины, как отказ от исполнения Божественных установлений. Такое восприятие колдовства прослеживается по материалам самых ранних массовых ведовских процессов, имевших место в Сионском диоцезе (на территории современной Швейцарии) и в соседнем Берне. Здесь уже с 80-х годов XIV в. судьям было знакомо понятие “заговора” ведьм, называемых “сообщницами” (*consortes*)⁷. Речь, таким образом, шла не об индивидуальных занятиях колдовством, а об организованных группах – о “сектах”, для членов которых обязательными являлись заключение договора с дьяволом, принесение ему оммажа и клятвы верности, отказ от христианских догм (иными словами, предательство веры), целенаправленное нанесение окружающим вреда. Данные первых ведовских процессов подтверждаются и одним из самых ранних сочинений, посвященных проблемам демонологии, – “Запиской” Ганса Фрюнда, составленной на немецком языке в самом начале 30-х годов XV в.⁸

Выходец из Люцерна, Фрюнд кратко описал ставшие ему известными из первых рук⁹ подробности ведовских процессов, имевших место в Вале (Сионский диоцез) примерно в 1420–1428 гг.¹⁰ Он отмечал их массовый характер, вызванный существованием большого количества ведьм и колдунов в данном регионе¹¹. Все эти люди находились под влиянием “злого духа” (*boesen geist*), который, воспользовавшись их тайным желанием сделаться богатыми и могущественными, обучил их “многочисленным техникам”, необходимым, чтобы отомстить противникам и заставлять страдать тех, кто причиняет им неудобства¹². Однако, прежде чем передать новоявленным адептам свое “учение”, “злой дух” обязал их перейти к нему на службу и поклоняться ему, отказавшись от веры в Бога и церковные догматы¹³. Для этого ведьмы и колдуны заключали с ним договор, обещая выплачивать ежегодные поборы, будь то черный баран или ягненок, мера овса или части собственного тела¹⁴. Встречи со “злым духом”, согласно признаниям обвиняемых, являвшимся им в виде черного животного (медведя или барана)¹⁵, происходили по ночам, в секретных местах¹⁶, куда они переносились с его помощью верхом на стульях¹⁷. Там они

обучались различным магическим практикам (насылать болезни; превращаться в волков; становиться невидимыми; снимать порчу, наведенную другими колдунами; портить урожай, особенно зерно и вино; понижать удои от коров)¹⁸. Кроме того они промышляли каннибализмом: убивали собственных детей, жарили и ели их мясо¹⁹.

“Сообщество” местных ведьм и колдунов, по мнению Ганса Фрюнда, включало около 700 человек²⁰ и было настолько велико, что уже через год они могли бы избрать короля из своей среды²¹. “Злой дух” внушал им, что им следует становиться все сильнее, дабы не бояться никакой власти, никакого трибунала и, напротив, создать свой собственный суд и угрожать всему христианскому миру²².

Следует особо отметить, что для Фрюнда угроза, которая исходила от описанного им сообщества ведьм и колдунов, была абсолютно реальна. Немецкий хронист искренне верил, что “секта” существует на самом деле и что она представляет угрозу остальному, христианскому миру.

Весьма схожим оказывался и образ, созданный автором еще одного трактата – “*Errores gazariorum*”, написанного во второй половине 30-х годов XV в. предположительно в Аосте²³. Итальянским словом “*gazarii*” с начала XIII в. обозначали самых разных еретиков (патаренов, катаров), однако с конца XIV в. оно также использовалось по отношению к вальденсам Северной Италии²⁴.

“*Errores...*” стали первым сочинением, в котором демонологическая концепция колдовства обрела законченный, структурированный вид. Основное внимание было уделено “секте” ведьм и колдунов, правилам вступления в нее, отношениям ее членов с нечистыми силами. Именно в “*Errores...*” впервые появилось упоминание дьявола, который лично привлекал на свою сторону новых адептов при помощи посредников – людей, уже вступивших в преступное сообщество (*in societate*)²⁵. Дьявол обычно предстал перед ними в виде черного кота (*cati nigri*), которому следовало принести оммаж, поцеловав в зад и пообещав после смерти отдать ему часть собственного тела²⁶. Необходимо было также дать клятву (*iuramentum fidelitatis*): пообещать хранить верность дьяволу и всем членам секты, оберегать ее и никогда не раскрывать ее секреты посторонним, приносить на ее собрания трупы убитых детей, быть готовым бросить все дела ради этих собраний и, наконец, всеми силами “с использованием зелий и

других злодеяний” пытаться мешать любым свадебным церемониям²⁷.

Очень подробно в “*Errores...*” описывались и встречи членов секты, названные здесь “синагогами” (*in loco synagoge*)²⁸. Церемонии принятия в свои ряды новых адептов ведьмы и колдуны посвящали лишь первую часть таких собраний, всегда проходивших по ночам²⁹. Остальное время было отдано “празднику”³⁰: банкету, где поедалось вареное или жареное мясо убитых детей, танцам, а также сексуальным оргиям, на которых царили полная свобода и вседозволенность³¹. Все эти явления расценивались автором “*Errores...*” как абсолютная реальность, недаром он постоянно (как и Ганс Фрюнд) ссылаясь на признания ведьм и колдунов, сделанные в суде³².

Вполне понятно, что подобные описания имели мало общего с действительностью. Скорее, их следует рассматривать как некую искусственную конструкцию, созданную на основании самых различных – как “ученых”, так и “народных” – представлений о колдовстве и последовательно навязываемую обвиняемым на ведовских процессах. Истоки этих представлений далеко не всегда доступны исследователю: так, например, полет на шабаш на стульях, о котором упоминал в своей “Записке” Ганс Фрюнд, является совершенно уникальной особенностью данного сочинения и не повторяется более нигде. Однако в том, что касается темы предательства ведьм и колдунов по отношению ко всему остальному человечеству, истоки образа, на мой взгляд, проследить отчасти возможно.

В этой связи особый интерес представляет пассаж из упомянутого выше “*Errores gazariorum*”. Описывая многочисленные зелья, которые использовали ведьмы и колдуны для наведения порчи на окружающих, анонимный автор данного трактата подробно останавливался на одном таком рецепте. Он сообщал, что ведьмы часто похищают католиков, причем особое предпочтение отдают людям с рыжими волосами. Они раздевают и привязывают к лавке свою жертву, а затем помещают в тело несчастного ядовитых насекомых, которые попадают внутрь через рот, нос, анальное и прочие отверстия, кусают и отравляют человека, так что он в результате умирает. Затем они подвешивают его труп за ноги и собирают вытекающие из тела жидкости в специальные сосуды. Из этих жидкостей, перемешанных с детскими внутренностями и ядовитыми насекомыми, которые ранее использовались для доведения человека до смерти, они готовят при помощи

дьявола свое колдовское зелье, способное убить любого, на кого оно попадет³³.

Исследователи уже отмечали несомненную связь данного пассажа с историей одного из самых известных в христианской культуре предателей – Иуды Искарриота. На это прежде всего указывает весьма специфическая смерть человека, попавшего в руки членов ведовской “секты”, – повешение вверх ногами, представляющее собой нечто иное как пародию на распятие Христа³⁴. Не менее интересным элементом рассказа следует назвать и выделяющиеся из тела соки, которые собирают ведьмы. Именно этот последний момент особенно напоминает о судьбе предателя Христа – в том виде, в котором она получила широкую известность в Средние века.

Наиболее показателен в этом контексте пассаж из жития св. Матаса, помещенного в “Золотую легенду” Иакова Ворагинского, где приводится апокрифический рассказ о жизни Иуды Искарриота, основные элементы которого отсылают в свою очередь к истории Эдипа. Иуда точно так же убивает своего отца и женится на собственной матери, после чего во искупление данного греха отправляется к Христу и становится одним из его учеников³⁵. Затем следует предательство и самоубийство героя, описанное Иаковом Ворагинским особенно ярко: “Он собирался повеситься при помощи шнурка, а когда это произошло, его живот лопнул и оттуда выпали его внутренности, но ничего не вышло из его рта. И было справедливым то, что внутренности, в которых и была задумана измена, оказались растерзаны, а горло, откуда вышли слова предательства, было задушено шнурком. Он умер, подвешенным в воздухе, поскольку, оскорбив ангелов на небесах и людей на земле, он оказался помещен вдали от их жилищ и уподоблен демонам воздуха”³⁶.

Иконографический сюжет повешенного на дереве Иуды (часто – с выпадающими из живота внутренностями) получил в Средние века широкое распространение: мы наблюдаем его развитие, в частности, на барельефе из собора Сен-Лазар в Отене (XII в.)³⁷ или на миниатюре из Роскошного часослова герцога Беррийского (XV в.)³⁸. Однако в тот же период в иконографии Иуды возникли и другие, не менее устойчивые, но значительно более важные для нашей темы мотивы. Среди них прежде всего следует назвать цвет волос главного героя: начиная с каролингского времени (а особенно с XII–XIII вв.) Иуда – как и некоторые другие известные предатели (Каин, Далила, Саул, Ганелон) – стал изоб-

ражаться *рыжим*. Впервые возникнув в германских землях, данная традиция постепенно захватила всю Западную Европу, хотя в Италии и Испании подобные изображения двенадцатого апостола встречались достаточно редко³⁹.

Как отмечает Мишель Пастуро, именно образ рыжего Иуды оказал влияние на иконографию других средневековых предателей: постепенно такой цвет волос и/или бороды превратились в отличительный знак *любого* из них. Все, кто, с точки зрения людей Средневековья, занимались бесчестным или незаконным делом, должны были быть рыжими: сенешали, бальи и прево, желавшие обмануть своих сеньоров, палачи, проститутки, менялы, ростовщики, фальшивомонетчики, жонглеры и даже хирурги⁴⁰. К этому стоит добавить, что на изображениях изменился и цвет кожи предполагаемых или явных предателей, и цвет их одежды, которые также стали рыжими, о чем свидетельствует, к примеру, фигура Иуды из немецкого евангелия XII в.⁴¹

В тексте “*Errores gazariorum*”, как мы помним, речь также шла о рыжем человеке, повешенном ведьмами и колдунами за ноги. Однако тема предательства вообще и предательства Иуды в частности обыгрывалась в этом трактате, как мне кажется, особенно изящно. Рыжим оказывался здесь не предатель Сына Божьего и христианской веры, но истинный католик, который в данном случае выступал в роли предателя идеалов собственно ведовской “секты”, за что и нес соответствующее наказание⁴². Любопытно отметить, что упоминание рыжего цвета в столь специфическом контексте встречается и в материалах средневековой судебной практики – например, в деле некоей Изабель Пера, чей процесс проходил в 1498 г. в Доммартене (территория современной Швейцарии). Обвиненная в занятиях колдовством, Изабель, в частности, заявила, что при вступлении в секту дьявол требовал от нее отречься от Богородицы, но она отказалась это сделать. Тем не менее, она много раз присутствовала на шабаше, участники которого обзывали Богородицу “Рыжей”⁴³.

Эти данные, однако, не означают, что тема предательства Иуды всегда трактовалась средневековыми демонологами в столь оригинальном ключе. Напротив, в большинстве случаев речь все же шла о стандартной аналогии, при которой Иуде уподоблялись сами ведьмы и колдуны. В частности, анонимный автор “*Errores Gazariorum*” в заключении к своему трактату сам отмечал, что члены преступной “секты” на первый взгляд практически не отличимы от обычных католиков. Более того, их можно легко при-

нять за самых примерных прихожан, ибо в течение года они регулярно посещают мессу и исповедуются. Однако на самом деле, писал он далее, ведьмы и колдуны причащаются точно так же как Иуда, который принял хлеб, обмакнутый в вино из рук Христа⁴⁴, т.е. делают это из страха, что их отказ от таинств может выдать их и их предательство будет раскрыто⁴⁵.

Прямая отсылка к евангельскому тексту, в котором фигура Иуды ассоциировалась с Сатаной, толкающим людей на путь предательства, особенно интересна применительно к восприятию ведьм и колдунов в Средние века. С точки зрения демонологов того времени, именно дьявол – как и в случае с Иудой – стоял за всеми действиями членов преступной “секты”: ему они приносили клятву верности, отказываясь таким образом от верности Христу и истинной вере. Такое понимание проблемы прослеживается и по материалам судебных дел. Например, на процессе 1467 г. некая Пьеретт Тротта из Веркорена (территория современной Швейцарии) обвинялась в связи с дьяволом, который совратил ее и сделал своим адептом. Он назывался ей именем Иуды и представлялся перед ней в образе черного человека с крючковатым носом и в высоком волосатом колпаке⁴⁶.

Однако еще более ясно связь между фигурой Иуды и средневековыми ведьмами прослеживается по иконографическому материалу. Несмотря на то, что от XV–XVI вв. таких изображений сохранилось крайне мало, мы можем, как мне кажется, говорить об определенной тенденции *визуализации* темы ведьмы-предательницы. Прежде всего эта последняя становится рыжеволосой, как на миниатюре 1460 г. к трактату Иоганна Тинктора “Поношение секты вальденсов”⁴⁷ или на картине Ганса Бальдунга (1484/1485–1545) “Ведьмы”, созданной в 1508 г.⁴⁸ Эти изображения любопытно сравнить с более ранними образцами, появившимися в тот период, когда колдовство не воспринималось еще как реальность, заслуживающая самого пристального внимания, а потому мало кого интересовало, как может (или должна) выглядеть настоящая ведьма. Так, на миниатюре из “Декрета” Грациана, датирующейся началом XIV в., перед нами предстает женщина, цвет волос которой определить еще довольно трудно⁴⁹. Верхом на фантастическом монстре она устремляется в неизвестном направлении, что, возможно, призвано было проиллюстрировать сам текст Грациана, для которого полеты на шабаш и происходящее там являлись иллюзией, посланной дьяволом⁵⁰.

К середине XV в. данная концепция, однако, начала постепенно уступать место иной точке зрения, согласно которой колдовство рассматривалось как *реальная угроза*⁵¹. Как следствие, изменилась и иконография ведьмы: отныне не только ее волосы, но и одежда изображалась рыжей, что соответствовало изменениям в образе всех категорий средневековых предателей, отмеченным выше. В рыжее платье одета одна из ведьм на самом раннем изображении полета на шабаш – миниатюре из “Защитника дам” Мартина Ле Франка (около 1451 г.)⁵².

Следует, однако, отметить, что негативное восприятие рыжего цвета не являлось отличительной особенностью эпохи Средневековья. По мнению Мишеля Пастуро, эта традиция имела давние и весьма различные корни: библейские, греко-романские и германские. Кроме того рыжий цвет не всегда указывал исключительно на отрицательных персонажей (в частности, на предателей). Подтверждением тому может служить иконография библейского царя Давида, постоянно изображавшегося с рыжими волосами и бородой. Еще более важным представляется тот факт, что и сам Христос начиная с XII в. становится на средневековых миниатюрах рыжеволосым – точно так же как и Иуда. Таким образом, с точки зрения М. Пастуро, подчеркивалась не столько дистанция между этими персонажами, сколько их близость – близость их судеб, близость, возникающая между жертвой и ее палачом⁵³.

Данное наблюдение имеет, как мне представляется, непосредственное отношение к другой особенности средневековой иконографии Иуды Искариота, который с начала XIV в. изображался преимущественно *левшой*. Отныне его рыжих волос и одежд, а также звероподобного лица было уже недостаточно, чтобы выделить двенадцатого апостола из группы учеников Христа. А потому все значимые действия Иуда совершал теперь левой рукой: ею он сжимал кошелек с 30 сребренниками, прятал за спиной ворованную рыбу, брал хлеб в сцене Тайной Вечери и даже прилаживал веревку к суку, на котором собирался повеситься. Точно такое же использование левой (а не правой) руки мы наблюдаем и на тех редких изображениях ведьм, которые дошли до нас от эпохи Средневековья. Например, на миниатюре из “Защитника дам” Мартина Ле Франка XV в. ведьма левой рукой направляет свою метлу, а в “Письме Офеи Гектору” Кристины Пизанской (начало XV в.) – собирает лягушек⁵⁴.

Данный иллюстративный материал, безусловно, не означает, что все без исключения члены ведовской “секты” представлялись

людям Средневековья рыжими и/или левшами: например, на гравюре из анонимного английского памфлета 1593 г. ведьма кормит своих домашних питомцев именно правой рукой⁵⁵. Точно так же в 1419 г. убийцы Жана Бесстрашного, герцога Бургундского, отрубили ему именно *правую* руку – дабы положить конец колдовству, которым он, по слухам, занимался⁵⁶. Любопытно, однако, отметить, что иногда устойчивый страх перед правой рукой ведьмы или колдуна, зафиксированный в том или ином конкретном случае в *письменных* источниках, не находил подтверждения в *иконографическом* материале. Наиболее любопытным примером такого “несовпадения” может служить история убийства в 1407 г. герцога Орлеанского, которого также подозревали в занятиях колдовством. Согласно текстам XV в., в момент убийства правая рука герцога была отрублена для того, чтобы после смерти он не смог вернуться к своему преступному ремеслу⁵⁷. Однако для автора одной из сохранившихся до наших дней миниатюр, посвященных этому событию, было совершенно очевидно, что отрубленная рука была (или должна была быть) *левой*⁵⁸.

Таким образом, рассуждать о существовании некоей устойчивой традиции в восприятии средневековых ведьм и колдунов исключительно как левшей (или как правшей) представляется мне несколько преждевременным. Возможно, что в данном случае мы имеем дело с определенным смещением в понимании дихотомии правое/левое, с переносом смысла, подобным описанной выше ситуации с одинаковым цветом волос у Иисуса Христа и Иуды Искариота. Этот сюжет, на мой взгляд, заслуживает дальнейшего детального изучения.

Одно остается, тем не менее, ясным. Тема предательства Иуды, безусловно, имела самое непосредственное отношение к формированию средневекового образа ведьмы, к оценке угрозы, которую представляли для окружающих “секты” ведьм и колдунов. С точки зрения людей той эпохи, ведьма предавала христианскую общину, саму веру, избирая своим учителем дьявола вместо Сына Божьего, точно так же, как Иуда предавал Христа. Данная аналогия, таким образом, служила *нравственным* обоснованием охоты на ведьм, самого уголовного преследования подобного преступления, что становится особенно ясно при анализе использования истории Иуды при оценке некоторых других преступлений, связанных с темой предательства. В частности, интерес вызывает явное присутствие данной темы в символике “еврейской казни”, при которой приговоренных к смерти (прежде всего евреев, но

вместе с ними и предателей-христиан, и ростовщиков-христиан, и должников-христиан) – так же как в примере из “*Errores gazatium*” – вешали вниз головой⁵⁹.

Прямые или косвенные отсылки к теме предательства Иуды мы находим и в описаниях случаев политического предательства, известных по художественной литературе и по хроникам Средневековья. Как мне представляется, только так можно объяснить весьма туманную историю, рассказанную Эберхардом Виндеке в “Книге императора Сигизмунда” (30–40-е годы XV в.) и посвященную откровению Жанны д’Арк, призывавшему ее поспешить на помощь королю, находящемуся в опасности: речь шла о торжественном обеде, в ходе которого Карла VII собирались отравить. Жанна, проверив еду на собаках и убедившись в истинности своего видения, указала на одного из присутствовавших в зале шевалье и назвала его предателем⁶⁰. Данный эпизод, не имеющий ничего общего с реальной эпопеей Жанны д’Арк, становится, тем не менее, понятнее, если обратить внимание на важное уточнение, сделанное автором: за столом, согласно Виндеке, сидело 12 королевских гостей, один из которых оказался предателем. Как мне представляется, именно этот, незначительный на первый взгляд, элемент рассказа дает возможность интерпретировать всю сцену как аналогию Тайной вечери, где Карлу VII отводилась роль Христа, а неизвестному шевалье – роль Иуды.

То же сравнение предателя с Иудой присутствует и в латинской хронике Жана Шартье, созданной в конце 40-х годов XV в. Речь в ней вновь идет о Жанне д’Арк, а также о Жане Люксембургском, вассале герцога Бургундского, взявшем девушку в плен около Компьеня: “Увы, она была захвачена Люксембургом. Узнав об этом, все подданные королевства плакали от всего сердца. И тогда Люксембург, наподобие Иуды, предавшего Христа, не побоялся продать невинную [Жанну] после мучительного тюремного заключения [и сделал это] под давлением англичан. И этот злодей, виновный во многих других ужасных преступлениях, по наущению дьявола повесился в своей постели, как Иуда, спустя довольно большое время”⁶¹.

Любопытно, что именно эпопея Жанны д’Арк дает нам возможность убедиться в том, что тема предательства Иуды как морально-нравственного обоснования преследования любых форм измены доживает в европейском правовом дискурсе до конца XIX в. В 1894 г., когда в Риме шел процесс канонизации французской героини, архиепископ Экс-ан-Прованса монсеньор Гонт-

Сулар в речи, посвященной этому знаменательному событию, уподоблял Жанну самому Иисусу Христу, а епископа Кошона, осудившего ее на казнь, Иуде, которого церкви надлежало отторгнуть как чужеродный член⁶².

Я полагаю, впрочем, что не только история Жанны д'Арк может предоставить нам свидетельства исключительной живучести образа предателя Иуды в европейском правовом дискурсе. И эта тема, возможно, еще привлечет внимание специалистов.

¹ См. об этом: *Тогоева О.И.* Униженные и оскорбленные: Мужская честь и мужское достоинство в средневековом суде // *Казус: Индивидуальное и уникальное в истории* / под ред. М.А. Бойцова и И.Н. Данилевского. М., 2007. Вып. 8. С. 71–101.

² Наиболее подробно данный сюжет рассмотрен в: *Gauvard C.* “De grace especial”: Crime, Etat et société en France à la fin du Moyen Age. P., 1991.

³ См., к примеру: *Тогоева О.И.* Несостоявшийся поединок: Уильям Фелтон против Бертрана Дюгеклена // *Казус: Индивидуальное и уникальное в истории* / под ред. Ю.Л. Бессмертного и М.А. Бойцова. М., 1997. Вып. 1. С. 199–212.

⁴ Специальная подборка уголовных дел, рассмотренных в суде парижского прево в конце XV в., была посвящена теме предательства слуги, совершившего кражу, по отношению к хозяину: *Registre criminel du Châtelet de Paris du 6 septembre 1389 au 18 mai 1392* / Ed. H. Duplès-Agier. 2 Vol. P., 1861–1864. Т. 1. P. 398, 406; Т. 2. P. 70, 171, 374, 455.

⁵ *Ibid.* Т. 1. P. 344; Т. 2. P. 332.

⁶ О процессах над животными, в ходе которых возникала тема предательства, см.: *Pastoureau M.* Les procès d'animaux: Une justice exemplaire? // *Pastoureau M.* Une histoire symbolique du Moyen Age occidental. P., 2004. P. 29–48.

⁷ Материалы этих дел пока не опубликованы, их подробное описание см. в: *Ammann-Doubliez C.* La première chasse aux sorciers en Valais (1428–1436?) // *Imaginaire du sabbat. Edition critique des textes les plus anciens (1430 c. – 1440 c.)* / Réunis par M. Ostorero, A. Paravicini Bagliani, K. Utz-Tremp, en collaboration avec C. Chêne. Lausanne, 1999. P. 63–93. Андреас Блауэрт, основываясь на анализе судебных документов из Лозаннского диоцеза, Савойи, Пьемонта, Базеля и Люцерны, также приходил к выводу о росте к началу XV в. в этих регионах количества ведовских процессов. Впрочем, их отличительной чертой немецкий историк полагал внимание к традиционным магическим практикам (наведению и снятию порчи) и отсутствие “ученой” концепции колдовства: *Blauert A.* Frühe Hexenverfolgungen: Ketzler-, Zauberei- und Hexenprozesse des 15. Jahrhunderts. Hamburg, 1989. S. 58–59.

⁸ *Fründ H.* Rapport sur la chasse aux sorciers et sorcières menée dès 1428 dans le diocèse de Sion // *Imaginaire du sabbat.* P. 23–45.

⁹ О возможных информаторах Фрюнда см.: *Ammann-Doubliez C.* *Op. cit.* P. 90–93. Против авторства Фрюнда высказывался Андреас Блауэрт, полагавший, что “Записка” является переводом на немецкий язык более раннего анонимного трактата: *Blauert A.* *Op. cit.* S. 68.

- ¹⁰ Fründ H. Op. cit. P. 40–42. Эти сведения подтверждаются данными судебных документов, свидетельствующих, что процессы шли уже в 10-х годах XV в.: *Ammann-Doubliez C.* Op. cit. P. 80–81.
- ¹¹ «Der hexssen und der zu^obrern, beide wiben und mannen, die da heissent “sortiley” ze latin» (Fründ H. Op. cit. P. 30).
- ¹² “So versu^ocht er den mo^onshen und git inen ze verstân, er welle sÿ rich machen, gewaltig und dabÿ künstenrich und das sÿ ir selbs schaden mo^ogen rechen und den mo^onshen bu^ossen und kestigen, der inen ze leit getân hette” (Ibidem. P. 32).
- ¹³ “Und ee dz er sÿ wo^olte leren, so mu^osten sy sich dem bo^osen geiste eigenen und damitte verlougnen gottes und aller siner heiligen, des heiligen cristenen touffes und der helgen kilchen” (Ibid.).
- ¹⁴ Ibid.
- ¹⁵ “In eines swartzen tieres wise, etwenn in forme eines beren, etwenn in forme eines widers, und suss in grüwelicher bo^oser forme” (Ibid.).
- ¹⁶ “Es waren o^och ettliche under inen, die fu^oren nachttes in die schu^olen an heimlich stett zesamen” (Ibid. P. 36).
- ¹⁷ Ibid. P. 34.
- ¹⁸ Ibid. P. 34–36.
- ¹⁹ “Ouch warent ettliche under inen, die ir eigenen kint toten und sÿ brieten und assen und sutten, und in ir geselleschafft tru^ogent und assent” (Ibid. P. 36).
- ²⁰ “In der geselleschafft wol vii^c sÿen gesin” (Ibid. P. 42).
- ²¹ “Und wz ir als vil worden, das sy meintent, mo^ochtten sÿ noch ein jare gerichsnet han, so wolttten sÿ einen kúng haben uffgeworffen under inen selben” (Ibid.).
- ²² Ibid.
- ²³ Errores gazariorum, seu illorum qui scopam vel baculum equitare probantur // *Imaginaire du sabbat.* P. 277–299. О датировке трактата см.: *Ostorero M.* Commentaire // *Imaginaire du sabbat.* P. 301–337, здесь P. 330–334; *Paravicini Bagliani A.* La genèse du sabbat des sorciers et des sorcières. Bern, 2003. P. 3–6, 10.
- ²⁴ Quellen und Untersuchungen zur Geschichte des Hexenwahns und der Hexenverfolgung im Mittelalter // Hrsg. von J. Hansen. Bonn, 1901. S. 118, Anm. 1; *Andenmatten B., Utz Tremp K.* De l’hérésie à la sorcellerie: l’inquisiteur Ulric de Torrenté OP (vers 1420–1445) et l’affermissement de l’inquisition en Suisse romande // *Zeitschrift für Schweizerische Kirchengeschichte.* 1992. Bd. 86. S. 69–119, здесь S. 99–100; *Ostorero M.* Op. cit. P. 301–303.
- ²⁵ “Ipsis existentibus in loco synagoge, seducens diabolo, rationabilis creature inimico, seductum presentare satagit” (Errores gazariorum... P. 288. § 2).
- ²⁶ “Et in signi homagii osculator diabolum in humana vel – ut premititur – in alia specie apparentem, et in culo vel ano, dando ei pro tributo unum menbrum sui corporis post mortem” (Ibid. P. 290. § 3).
- ²⁷ Ibidem. P. 288. § 2.
- ²⁸ Насколько можно судить, термин “шабаш” применительно к сборищу ведьм и колдунов впервые появился только в середине XV в., в материалах судебных дел. В 1446 г. в регистре Парижского Парламента упоминалось о процессе, на котором обвиняемая, находившаяся в тот момент в тюрьме епископа Санта, призналась, что “на их шабаш много раз являлся черный человек с огромными сверкающими глазами”: “Confessa que a leur sabbat venoit aucunes foiz un gros homme noir a gros yeux estincelés” (Archives Nationales de la France. Série X – Parlement de Paris. Série X 2 – Parlement criminel. X 2a – Registres criminels. X 2a 24, f. 114–115, avril 1446). Лагинское “sabbatum” первый раз в интересующем нас значении было использовано около 1462 г. в сочинении

- “Flagellum maleficorum” Пьера Мармориса, описывающего, в частности, встречу ведьм и колдунов “ad demoniaca sabbata”: *Anheim E., Boudet J.-P., Mercier F., Ostorero M.* Aux sources du sabbat. Lectures croisées de “L’imaginaire du sabbat / Edition critique des textes les plus anciens (1430 c. – 1440 c.)” // *Médiévales*. 2002. N 42. P. 153–176, здесь P. 161.
- ²⁹ “Persistentesque in illis usque ad medium noctis vel circa, et non ultra, quia hec est hora eorum et potestas tenebrarum” (*Errores gazariorum*... P. 296. § 11).
- ³⁰ Подробнее о восприятии шабаша как праздника в показаниях обвиняемых на ведовских процессах и в первых демонологических трактатах см.: *Тогоева О.И.* Шабаш как праздник // *Жизнь как праздник: Интерпретация культурных кодов: 2007 / отв. ред. В.Ю. Михайлин.* Саратов; СПб., 2007. С. 101–119.
- ³¹ *Errores gazariorum*... P. 290. § 3. Интересно, что в специальной литературе полностью отрицается существование в материалах ведовских процессов вплоть до XVI в. описаний гомосексуальных контактов, о которых упоминает, в частности, автор “*Errores...*”: *Herzig T.* The Demons’ Reaction to Sodomy: Witchcraft and Homosexuality in Gianfrancesco Pico della Mirandola’s “*Strix*” // *Sixteenth Century Journal*. 2003. T. 34, N 1. P. 53–72.
- ³² “Item ex confessione combustorum constat quod illi de secta...” (*Errores gazariorum*... P. 298. § 18). См. также: *Ibid.* P. 294, 296.
- ³³ “Item predicti pestiferi cum possunt habere unum rufum hominem non quidem de secta, sed fidelem catholicam, expoliant eum nudum, eum ligantes super scampnum taliter quod neque manus neque cetera membra movere potest. Quo ligato, circumquaque adducuntur animalia venerata, que coguntur ubique eum mordere per homines aliquos de ipsa secta magis immisericordes et crudeles taliter et adeo quod pauper homo in illis tormentis existens expirat et moritur suffocaturque a veneno. Quo mortuo, suspendunt eum per pedes, ponentes sub ore eius aliquod vas vitreum vel terreum ad tenendum immunditias et venenum, per os et per alios meatus hominis distillant. Qua recollectione facta, cum pinguedine suspensorum in partibus et interioribus puerorum ac etiam animalibus venenatis predictis, que hominem interfecerunt veneno, ministerio diabolico unguentum aliud conficiunt, quod solo tactu interficit omnes homines” (*Errores gazariorum*. P. 292. § 7). О зелье, одно прикосновение к которому убивает человека, упоминается, в частности, в показаниях Жаке Дюрье, обвиненного в колдовстве в 1448 г. в Веве (*Ostorero M.* “*Folâtrer avec les démons*”. *Sabbat et chasse aux sorciers à Vevey (1448)*. Losanne, 1995. P. 196).
- ³⁴ *Ostorero M.* *Commentaire*... P. 317.
- ³⁵ См. подробнее: *Boureau A.* L’inceste de Judas. Essai sur la genèse de la haine antisémite au XIIe siècle // *Boureau A.* L’événement sans fin. Récit et christianisme au Moyen Age. P., 1993. P. 209–230.
- ³⁶ “Quos tamen poenitentia ductus retulit et ahiens laqueo se suspendit et suspensus crepuit medius et diffusa sunt omnia viscera ejus. In hoc autem delatum est ori, ne per os effunderetur, non enim diguum erat, ut os tam viliter inquinaretur, quod tam gloriosum os scilicet Christi contigerat. Dignum enim erat, ut viscera, quae prodicionem conceperant, rupta caderent et guttur, a quo vox proditoris exierat, laqueo artaretur. In aere etiam interiit, ut qui angelos in coelo et homines in terra offenderat, ab angelorum et hominum regione separaretur et in aere cum daemonibus sociaretur” (*Legenda aurea vulgo historia Lombardica dicta ad optimorum librorum fidem / Recensuit Th. Graesse.* Lipsae, 1850. Cap. XLV: De sancto Mathia apostolo. P. 186).

- ³⁷ Воспроизведение см.: Гуревич А.Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников: (Exempla XIII века). М., 1989. С. 237.
- ³⁸ Воспроизведение см.: Казель Р., Ратхофер И. Роскошный часослов герцога Беррийского. М., 2002. С. 156. Об иконографии Иуды Искариота см. прежде всего: *Porte W.* Judas Ischarioth in der bildenden Kunst. Berlin, 1883.
- ³⁹ *Pastoureau M.* L'homme roux. Iconographie médiévale de Judas // *Pastoureau M.* Une histoire symbolique du Moyen Age occidental. P. 197–209.
- ⁴⁰ *Ibid.* P. 199. Неслучайно хозяйка постоянного двора в Нефшателе, где, согласно обвинению 1431 г., вместе с другими женщинами “неподобающего поведения” долгое время якобы проживала Жанна д’Арк, имела прозвище *La Rousse* (Рыжая), указывавшее на ее занятия сводничеством: *Тогоева О.И.* “Истинная правда”: Языки средневекового правосудия. М., 2006. С. 148.
- ⁴¹ Воспроизведение см.: *Pastoureau M.* Une histoire symbolique du Moyen Age occidental (цветная вклейка).
- ⁴² Пассаж из “*Errores Gazariogum*” – не единственный пример того, как библейские сюжеты получали в средневековых текстах трактовку, далекую от оригинала. Не менее любопытен, с этой точки зрения, “Дневник” Парижского горожанина, в котором “классическая” история Юдифи служит аналогией для рассказа о неудавшемся штурме Парижа, предпринятом Жанной д’Арк в сентябре 1429 г. В отличие от всех прочих авторов XV в., именовавших Жанну второй Юдифью и называвших Ветулией спасенный ею от англичан Орлеан, Парижский горожанин видел в Деве Олоферна, осаждавшего столицу Франции. Подробнее см.: *Тогоева О.И.* “Истинная правда”... С. 170.
- ⁴³ *Pfister L.* L'enfer sur terre. Sorcellerie à Dommartin (1498). Lausanne, 1997. P. 70.
- ⁴⁴ Ср.: “Сказав это, Иисус возмутился духом, и засвидетельствовал, и сказал: истинно, истинно говорю вам, что один из вас предаст Меня. Тогда ученики озирались друг на друга, недоумевая, о ком Он говорит... Иисус отвечал: тот, кому Я, обмакнув кусок хлеба, подам. И, обмакнув кусок, подал Иуде Симонову Искариоту” (Иоан. 13, 21–22, 26). См. также: Лук. 22, 21–23.
- ⁴⁵ “Item ex confessione combustorum constat quod illi de secta inter ceteros fideles videntur esse meliores et communiter audiunt missam, sepe in anno confitentes; et multotiens capiunt sacram eukaristiam ad instar Iude, qui de manu domini etc., et hoc ne, si se retraherent a sacramentorum perceptione, deprehenderentur aut detegeretur eorum error etc.” (*Errores gazariogum*... P. 298. § 18).
- ⁴⁶ Об этом процессе см.: *Strobino F.* Française sauvée des flammes? Une Valaisanne accusée de sorcellerie au XVe siècle. Lausanne, 1996. P. 74, 130–135.
- ⁴⁷ Воспроизведение см.: *Imaginaire du sabbat* (цветная вклейка).
- ⁴⁸ Воспроизведение см.: Пирь. Балы. Торжества / под ред. С. Экшута, Т. Евсеевой, О. Лесняк. М., 2010. С. 42.
- ⁴⁹ Данное изображение доступно на сайте: <http://www.moyenageenlumiere.com>.
- ⁵⁰ “Sortilegi sunt qui sub nomine fictae religionis...divinationes scientiam profitentur” (*Decretum magistri Gratiani* // *Corpus Iuris Canonici* / Hrsg. von A. Friedberg. Leipzig, 1879. Pars II. C. XXVI. Col. 1019–1046, здесь Q. I. C. I. Col. 1020).
- ⁵¹ Об отношении к колдовству как к иллюзии или как к реальности среди средневековых теологов, церковных и светских судей см.: *Тогоева О.И.* Ересь или колдовство? Демонология XV в. на процессе Жанны д’Арк // *Средние века*. Вып. 68 (4). М., 2007. С. 160–182.
- ⁵² Воспроизведение см.: *Imaginaire du sabbat* (цветная вклейка).
- ⁵³ *Pastoureau M.* L'homme roux. P. 199–202.

- ⁵⁴ Воспроизведение см.: *Imaginaire du sabbat* (цветная вклейка). См. также подборку гравюр XVI–XVII вв. из английских памфлетов, посвященных ведовским процессам, на которых многие изображенные персонажи также являются левшами: *Игина Ю.Ф.* Ведовство и ведьмы в Англии: Антропология зла. СПб., 2009. С. 81, 136, 204.
- ⁵⁵ Воспроизведение см.: *Игина Ю.Ф.* Указ. соч. 231. См. также: Там же. С. 138, 140.
- ⁵⁶ *Fresne de Beaucourt G. du.* Histoire de Charles VII. 6 vol. P., 1881–1891. Т. 1. P. 171; *Warner M.* Joan of Arc. The Image of Female Heroism. L., 2000. P. 97.
- ⁵⁷ *Fresne de Beaucourt G. du.* Op. cit. P. 171; *Warner M.* Op. cit. P. 98.
- ⁵⁸ Воспроизведение см.: *Warner M.* Joan of Arc. The Image of Female Heroism (цветная вклейка).
- ⁵⁹ Подробнее о ритуале “еврейской казни” и его символике см.: *Тогоева О.И.* “Истинная правда». С. 222–254.
- ⁶⁰ *Lefèvre-Pontalis G.* Les sources allemandes de l’histoire de Jeanne d’Arc: Eberhard Windecke. P., 1903. P. 190–192.
- ⁶¹ “A jam dicto de Lucemburgo extitit (proth dolor!) mancipata quo divulgato regnicole merito corde defleverunt ac extunc ipse de Lucemburgo eam innoocentem ad instar Jude Christi traditoris Anglicis emulantibus post longincam carceris torturam venumdari non veritus est” (Bibliothèque Nationale de France. Nouv. acq. lat. 1796. F. 49)
- ⁶² “L’évêque Cauchon ne nous appartient plus que Judas, puisque nous l’avons répudié par le jugement le plus authentique et le plus solennel” (цит. по: *Winock M.* Jeanne d’Arc // Les lieux de mémoire / Sous la dir. de P. Nora. III: Les France. P., 1992. Т. 3: De l’archive à l’emblème. P. 675–733, здесь P. 696).

Е.Д. Браун

РИЧАРД III И “ПРИНЦЫ В ТАУЭРЕ”: РОЖДЕНИЕ ЛЕГЕНДЫ

УДК 94(420)"1457/1485"

В статье исследуется, пожалуй, самый известный случай предательства в истории Англии – убийство сыновей Эдуарда IV, знаменитых “принцев в Тауэре”. На протяжении столетий Ричард III провозглашался предателем именно потому, что он запер в Тауэре и, возможно, велел умертвить своих племянников. Автор пытается проанализировать процесс складывания легенды о “принцах в Тауэре”. Такая постановка вопроса дает возможность понять, была ли ситуация очевидной для современников, считали ли Ричарда III предателем в XV в., или легенда о “вероломном тиране” не более чем результат работы придворных историков Тюдоров.

Ключевые слова: Предатели, предательство, измена, Англия в Средние века, Войны Роз, Ричард III, Тюдоры, принцы в Тауэре, тюдоровская историография.

Key words: Traitors, treason, betrayal, Medieval England, Wars of the Roses, Richard III, Tudors, Princes in the Tower, Tudor Historiography.

Ричард III (1452–1485, король Англии с 1483) – фигура в высшей степени одиозная. Репутация этого монарха такова, что он вполне мог бы претендовать на сомнительно почетное звание величайшего злодея и предателя в истории Англии. Литературно-драматическая версия биографии Ричарда Глостера известна всем, кто хотя бы поверхностно знаком с творчеством Шекспира. Сценический Ричард III – это монстр, уродливый телом и душой; огромный горб, кривые плечи, высохшая левая рука и другие физические недостатки являются отражением его многочисленных пороков. Уже в первых строках одноименной трагедии Ричард III называет себя “коварным, лживым и вероломным” (“I am subtle, false, and treacherous”)¹. Хотя с точки зрения русского литературного языка “treacherous” правильнее переводить как “вероломный”, по смыслу более точным представляется прилагательное “предательский” или перифраза “коварный, вероломный предатель”.

В “Исторических хрониках” Шекспир показал Ричарда III прежде всего как изощренного лицемера, который ради короны погубил род Ланкастеров и свою собственную семью. Шекспир дважды прямо называет Ричарда Глостера предателем (traitor) за

то, что тот поддержал мятеж Эдуарда IV против законного короля², и за то, что убил принца Эдуарда Ланкастера³. Литературный Ричард III совершает ряд других действий, которые можно интерпретировать как предательство: он вероломно убивает короля Англии Генриха VI, хотя это измена законному государю; с жаром клянется вызволить из тюрьмы своего брата герцога Кларенса, а затем подсылает к нему наемных убийц; обещает умирающему Эдуарду IV жить в мире с родственниками королевы и арестовывает их почти сразу же после смерти монарха; клянется, что безумно любит Анну Невиль, но приказывает отравить несчастную женщину через несколько месяцев после их свадьбы и т.д. Своеобразным венцом преступлений шекспировского Ричарда III становится приказ задушить племянников – законных наследников короны, хотя как лорд-протектор Ричард обязан был их защищать. Это “кровавое дело (...) самое (...) безжалостное убийство, которым когда-либо запятнало себя королевство”⁴, описано как нечто настолько ужасное, что у Шекспира даже родная мать Ричарда проклинает его и желает ему смерти.

Как многие литературные персонажи, созданный Шекспиром монстр имеет весьма отдаленное отношение к действительности. До 1483 г. исторический Ричард Глостер не давал ни малейшего повода для обвинений в предательстве. Он был безупречным вассалом своего старшего брата – короля Эдуарда IV (1442–1483, король Англии с 1461): сражался с Ланкастерами и шотландцами, занимал должность губернатора Севера и превратил проблемный регион в главную опору династии Йорков. Такая честность была тем более похвальной, что в эпоху Войн Роз примеры предательства можно было найти даже внутри королевской семьи. Например, в конце 1460 г. средний брат Эдуарда IV Джордж Кларенс поднял восстание против короля, в 1470-м перешел на сторону Ланкастеров, а в 1471-м перебежал обратно к Йоркам. Неудивительно, что перед смертью Эдуард IV назначил Ричарда Глостера протектором королевства. Должность протектора подразумевала, что Ричард III будет управлять королевством до совершеннолетия старшего сына короля – двенадцатилетнего Эдуарда – или, если с ним что-то случится, то до совершеннолетия его брата – девятилетнего Ричарда.

Вопреки расчетам Эдуарда IV, это назначение привело к катастрофе: Ричард Глостер обманул доверие брата, нарушил клятву верности, которую принес королю во время его коронации, и как минимум трижды предал вверенных его попечению племянников.

Во-первых, принцев буквально вырвали из привычного окружения. При жизни Эдуарда IV воспитание наследников было доверено ближайшим родственникам по материнской линии – их дяде (лорду Риверсу) и сводному брату (Ричарду Грею). Несмотря на протесты принца Эдуарда, эти люди были арестованы и впоследствии казнены. Во-вторых, в июне 1483 г. герцог Глостер объявил детей Эдуарда IV незаконнорожденными и узурпировал трон. В-третьих, принцы оказались пленниками в королевских покоях в Тауэре. Возможно, Ричард III совершил и четвертое, самое страшное предательство, отдав приказ убить детей своего брата.

Для непрофессионалов никакого “возможно” не существует, со времен Шекспира Ричард III остается предателем “высшей пробы” именно потому, что, одержимый властолюбием, он отстранил от власти и, как верили и верят многие, приказал умертвить родных племянников. С точки зрения специалистов ситуация выглядит куда менее определено. О том, можно ли считать Ричарда III предателем, историки спорят как минимум с середины XVII в.; при этом основными оппонентами выступают традиционалисты и “ричардианцы”, т.е. исследователи, отстаивающие невиновность Ричарда III.

Историю так называемого “великого спора о Ричарде III” можно условно разделить на два этапа. До конца XIX столетия традиционалисты не колеблясь утверждали, что Ричард Глостер был именно таким, каким его описали Полидор Вергилий, Томас Мор и Шекспир⁵. Ричарда III считали виновным в целом букете преступлений: в убийстве Генриха VI Ланкастера и его сына принца Эдуарда, в смерти герцога Кларенса и королевы Анны, в государственном перевороте, тираническом правлении и, наконец, в убийстве “принцев в Тауэре”. С точки зрения традиционалистов, в истории сыновей Эдуарда IV не было никаких белых пятен. Они уверенно называли время совершения преступления (июль 1483 г.), имена заказчика (Ричард III), исполнителей (Джеймс Тирелл, Джон Дайтон и Майлз Форест), а также способ убийства (принцев якобы задушили подушками)⁶.

Защитники Ричарда III, напротив, утверждали, что последний король из династии Йорков был не предателем, а честнейшим человеком, и что все его “прегрешения” – не более чем выдумки тюдоровской пропаганды⁷. Поскольку большинство “ричардианцев” не принадлежало к числу профессиональных историков, в академическом сообществе их аргументы воспринимались со снисходительным равнодушием. Тем не менее, к середине XIX в. защит-

никам Ричарда III удалось доказать, что он не обладал заметными физическими недостатками. В 1858 г. один из наиболее ревностных традиционалистов, Д. Эббот, с грустью отмечал, что хотя Ричард Глостер совершил множество ужасных преступлений, по всей вероятности, он все же выглядел как обычный человек⁸.

“Ричардианцы” также смогли поставить под сомнение вину своего кумира в самом страшном предательстве – убийстве племянников, предложив несколько альтернативных версий. Г. Велпул заявлял, что принцы не были убиты в Тауэре: по приказанию Ричарда III их якобы увезли за границу. Более того, знаменитый Перкин Уорбек, поставленный во главе восстания йоркистов против Генриха VII Тюдора в 1496–1497 гг., якобы являлся младшим сыном Эдуарда IV – Ричардом герцогом Йоркским⁹. А. Легге, напротив, полагал, что принцы были убиты в 1483 г., но не Ричардом III, а герцогом Бэкингемом и его сообщниками Кэтсби и Рэтклифом (двумя дворянами из окружения Ричарда III)¹⁰. М. Клементс утверждал, что сыновья Эдуарда IV были умерщвлены Тиреллом в 1486 г. по приказу Генриха VII¹¹. Стоит отметить, что благодаря усилиям Клементса тема “принцев в Тауэре” приобрела новое звучание. Он настаивал, что так называемый тюдоровский миф о злодее Ричарде Глостере был создан только для того, чтобы сделать более убедительной легенду о смерти “принцев в Тауэре”¹².

Именно в этом направлении развивались дальнейшие историографические дискуссии. На протяжении XX столетия чаша весов в так называемом “великом споре” все больше склонялась в сторону защитников Ричарда III. В настоящее время даже самые ярые традиционалисты сомневаются, что Ричард Глостер убил Генриха VI и Эдуарда Ланкастера, отравил жену и т.д.¹³ Тюдорианцы продолжают называть Ричарда III “вероломным тираном”¹⁴, “самым ужасным человеком, который когда-либо занимал английский трон”¹⁵, но единственными обвинениями, которые они могут предъявить последнему из Йорков, оказываются узурпация трона и убийство племянников. Таким образом, в современной историографической ситуации ответ на вопрос о том, был ли Ричард III предателем, зависит от решения так называемой “проблемы принцев”. Не случайно еще в середине XX в. П.М. Кендалл заявлял, что, поскольку Ричард III не имел отношения к смерти принцев, узурпацию 1483 г. нельзя считать предательством, так как Ричард действовал в интересах династии Йорков¹⁶.

Стоит отметить, что к окончательному решению “проблемы принцев” защитники Ричарда III приблизились не больше,

чем традиционалисты, до сих пор повторяющие версию Томаса Мора¹⁷. Привлечение новых источников показало, что тексты XVI в. нельзя считать полностью достоверными¹⁸. Это “ниспровержение авторитетов” открыло простор для появления самых неординарных теорий. Так, О. Вильямсон полагает, что Джеймс Тирелл был не палачом, а заботливым опекуном сыновей Эдуарда IV; именно его стараниями дети были увезены в Бургундию¹⁹. Э. Поллард утверждает, что Перкин Уорбек был младшим из пропавших сыновей Эдуарда IV²⁰. Б. Филдс настаивает, что самозванцы, действовавшие в Англии в конце XV в., должны были очистить путь для настоящих принцев, которые все это время находились под опекой своей тетки Марии Бургундской²¹. Пожалуй, самая спорная гипотеза была выдвинута Р. Мариусом. По его мнению, Джеймс Тирелл был тайным агентом Генриха VII. Тирелл блестяще справился с секретной миссией – убить наследников Эдуарда IV так, чтобы подозрения пали на Ричарда III²². На этом пестром, калейдоскопическом фоне взгляды умеренных “ричардианцев”, вслед за П.М. Кендалом утверждающих, что точная дата смерти принцев неизвестна, а их убийцами с равным успехом могут быть и Генрих VII, и Бэкингам²³, кажутся истинным отдохновением.

Итак, на настоящем этапе развития исторической науки выяснить, что именно случилось с сыновьями Эдуарда IV, и таким образом ответить на вопрос “а был ли Ричард III предателем?” не представляется возможным. Гораздо более реальной является другая задача: проанализировать историю возникновения и становления легенды о “принцах в Тауэре” и установить, употребляли ли современники слова “предатель” и “предательство” по отношению к Ричарду III, говорили ли они о том, что Ричард “предал” своих племянников. Помимо прочего, такая постановка проблемы позволит установить, в какой момент Ричард Глостер начал приобретать репутацию “вероломного тирана”, насколько быстрым и “успешным” было это превращение.

Отправной точкой нашего исследования должен стать анализ семантического наполнения слова “предательство” в Англии второй половины XV в. В современном английском языке есть два термина, обозначающих предательство: “treason” (известно с XV в.), чаще всего употребляющееся в словосочетании “high treason” – государственная измена, покушение на жизнь и здоровье главы государства, – и “treachery” (известно с XIII в.), что можно условно перевести как “частное предательство”, зло-

употребление доверием²⁴. Границы между этими терминами не четкие, слово “treason” в наши дни может употребляться и как синоним вероломства, коварства, никак не затрагивающего государственные интересы. Анализ текстов XV столетия показывает, что в тот период термин “treachery” употреблялся крайне редко. Во всяком случае, автору не удалось найти ни одного случая употребления указанного слова или производных от него в обширных эпистолярных комплексах Пастонов, Стоноров и Пламptonов, в хрониках и политических памфлетах. Термины “treason”, “traitor”, “traitorous” в XV столетии чаще всего использовались в официальных документах для обозначения тех, кого обвиняли в государственной измене. В частности, протоколы восьми из двенадцати парламентов, заседавших в период Войн Роз (1455–1485), содержат акты, осуждающие государственных изменников (traitors)²⁵. В том же значении указанные слова употреблялись в хрониках и эпистолярных комплексах²⁶, при этом наиболее распространенным словесным клише было словосочетание “rebels and traitors” – “бунтовщики и предатели”. Фактически в словаре XV в. предательство было равнозначно заговору, мятежу или иному посягательству на авторитет законных властей. Если удастся обнаружить, что современники или ближайшие потомки именовали Ричарда III предателем, это даст основания утверждать, что его действия воспринимались как очевидно незаконные, противоречащие благу королевства.

Любой исследователь, пытающийся разобраться в печальной истории “принцев в Тауэре”, неизбежно наталкивается на почти полное отсутствие современной событиям информации. В течение первых трех лет после исчезновения принцев было создано всего два сочинения, авторы которых упоминают о судьбе сыновей Эдуарда IV, – это труд итальянского монаха Доминико Манчини “О занятии английского престола”²⁷ и так называемое “продолжение Кройлендской хроники”²⁸. Кройлендская хроника использовалась исследователями чуть ли не с XVI столетия, “история” Доминико Манчини, напротив, была введена в научный оборот только в 30-х годах XX в. Тем не менее, на данный момент сочинение Манчини считается наиболее подробным и достоверным источником, повествующим о событиях 1483 г.²⁹

Доверие к сочинению Манчини имеет под собой серьезные основания. Во-первых, Манчини был непосредственным очевидцем событий – он находился в Лондоне с января по июль 1483 г.³⁰, чтобы собрать материал для книги о Людовике XI, которую пла-

нировал написать его патрон – архиепископ Вьеннский Анджело Като. Во-вторых, итальянский монах не принадлежал ни к одной из группировок, боровшихся за власть в 1483 г. В-третьих, свои воспоминания Манчини записал почти сразу после возвращения; последняя точка в его работе была поставлена 1 декабря 1483 г.³¹ Единственным существенным недостатком сочинения Манчини является то, что его автор не знал английского языка, поэтому вполне мог допустить ошибки, неправильно поняв сообщения своих информаторов.

Доминико Манчини описал Ричарда III как искусственного властолюбца, действующего в духе Макиавелли. Хорошо знакомый с методами итальянских политиков, в частности, бывшего в 1483 г. вице-канцлером римской курии так называемого “аптекаря Сатаны” Родриго Борджиа (1431–1503), Манчини был далек от того, чтобы безоговорочно осудить герцога Глостера. Во всяком случае, “предателем” Манчини не называет Ричарда III ни разу, ни в связи с историей сыновей Эдуарда IV, ни в связи с другими обстоятельствами государственного переворота. По всей видимости, итальянский монах считал смерть принцев печальным, но неизбежным итогом их отстранения от власти. Он утверждал, что после 13 июня 1483 г.³² Эдуард и Ричард “были переселены во внутренние покои Тауэра, и с каждым днем их видели все реже и реже за решетками окон, пока, наконец, они совершенно не перестали появляться. Страсбургский доктор, последний из людей короля, которому разрешили продолжать оказывать ему услуги, говорил, что юный король, подобно жертве, приготовленной для заклятия, искал отпущения грехов через ежедневные исповеди и епитимьи, так как верил, что смерть стоит у его порога {...} У многих было подозрение, что его [старшего сына Эдуарда IV] устранили. Однако каким способом он был устранен и какой смерти его предали – об этом мне ничего не известно”³³. Поскольку Манчини фактически не имел связи с Англией после своего отъезда (июль 1483 г.)³⁴, исчезновение принцев и появление слухов об их смерти можно отнести к первому месяцу правления Ричарда III.

Стоит отметить, что сочинение Манчини было известно во Франции гораздо лучше, чем в Англии. В январе 1484 г. близкий друг и покровитель Манчини канцлер Франции Гийом де Рошфор в торжественной речи по случаю открытия Генеральных штатов заявил, что дети Эдуарда IV были убиты по приказу их дяди – Ричарда III³⁵. С.А. Армстронг и П. Кенделл полагают, что де Рошфор получил информацию от Манчини и “отредактировал” ее в

своих целях³⁶. Дело в том, что 1484 г. на троне Франции оказался несовершеннолетний Карл VIII. Трагическая судьба английских принцев была блестяще использована канцлером как предостережение для тех, кто хотел бы ограничить полномочия юного монарха. Итак, благодаря предприимчивости де Рошфора французы уже в начале 1484 г. “знали”, что сыновья Эдуарда IV мертвы. Необходимо подчеркнуть, что французский канцлер назвал Ричарда Глостера убийцей принцев, но не предателем. Это вполне логично, так как на тот момент Ричард III был правителем Англии, а такого рода высказывание означало бы, что Франция не признает его права на престол.

“Продолжение Кройлендской хроники” было написано неизвестным монахом одноименной обители во второй половине 1486 г., т.е. три года спустя после исчезновения принцев и через год после гибели Ричарда III. Хроника, по всей видимости, была составлена на основе не дошедшего до наших дней светского исторического сочинения. Автором этого исходного текста скорее всего был аристократ, принимавший самое активное участие в событиях 1483–1485 гг.³⁷

По свидетельству кройлендского хрониста, в июле 1483 г. принцы были еще живы. Закончив рассказ о торжественном пребывании Ричарда III в Йорке в ходе коронационного турне, автор хроники отметил: “Тем временем, пока происходили все эти события, двое сыновей вышеуказанного короля Эдуарда оставались в лондонском Тауэре под присмотром надежных людей, назначенных для этой цели [охраны принцев]”³⁸. Вскоре был организован заговор с целью их освобождения, однако, как раз в тот момент, когда стало известно о намерении герцога Бэкингема присоединиться к восставшим, “распространился слух, что сыновья Эдуарда умерли насильственной смертью, но было неизвестно как именно”³⁹. О том, что на самом деле случилось с детьми Эдуарда IV, кройлендский монах не упоминает; иными словами, он не был убежден в том, что принцы действительно были убиты до 1486 г. Это отсутствие уверенности логически вытекает из оценки правления Ричарда III: как и Манчини, кройлендский хронист не находил в действиях короля ничего, выходящего за рамки привычного порядка вещей. Он не называл Ричарда III ни предателем, ни зурпатором.

Необходимо отметить, что “Кройлендская хроника” зафиксировала более позднее, по сравнению с интерпретацией Манчини, появление слухов о смерти принцев. Несмотря на то, что разница

сравнительно невелика (Манчини говорил об июле, а кройлендский хронист о сентябре 1483 г.), для историков она имеет огромное значение. В соответствии с разработанной позднее тюдоровской версией истории “принцев в Тауэре”, приказ об убийстве был отдан Ричардом III как раз в июле, во время коронационного турне. “Кройлендская хроника”, напротив, подчеркивает, что в июле принцы все еще пребывали в добром здравии. К настоящему моменту отсутствие бесспорных доказательств делает выбор между двумя вышеуказанными источниками вопросом веры. Традиционалисты, разумеется, предпочитают ссылаться на Манчини, ревизионисты, напротив, говорят о большей объективности “Кройлендской хроники”⁴⁰.

Если оставить в стороне незначительные расхождения в датировке, свидетельства кройлендского хрониста и Манчини оказываются очень схожими – оба они описывают Ричарда III как расчетливого политика, но не более того; оба источника утверждают, что принцы скорее всего были убиты и что детали этого преступления неизвестны. Наконец, оба автора не расценивают узурпацию 1483 г. или исчезновение принцев как предательство в том смысле, в каком это слово употребляли во второй половине XV в. Иными словами, в глазах непосредственных современников событий Ричард III не был государственным изменником, а его действия имели хотя бы видимость законности.

Воцарение династии Тюдоров не могло не сказаться на интерпретации столь значимой в политическом отношении темы, как отстранение от власти и исчезновение сыновей Эдуарда IV, ведь пропавшие дети имели гораздо больше прав на престол, чем дальний родственник Ланкастеров Генрих VII. В данном случае вряд ли уместно говорить о прямом политическом давлении; тем не менее, нельзя не отметить, что в источниках, созданных в правление Генриха VII, смысловые акценты расставлены гораздо более определенно, чем в свидетельствах современников.

Первым по хронологии примером такого рода являются “Мемуары” Филиппа де Коммина. По мнению исследователей, так называемые английские экскурсии были написаны в 1489–1490 гг.⁴¹, т.е. максимум спустя шесть лет после исчезновения детей Эдуарда IV. Необходимо подчеркнуть, что сведения, сообщаемые автором “Мемуаров” об “английских делах”, сложно назвать правдивыми. Филипп де Коммин использовал общую канву событий 1483–1485 гг., чтобы проиллюстрировать свои политико-философские взгляды. По его мнению, Ричард III получил трон неза-

конно, за что Бог покарал его, передав престол Генриху Тюдору⁴². Коммин не называет Ричарда III предателем – в первую очередь потому, что правитель подотчетен только Богу⁴³, т.е. только Бог имеет право судить его и осуждать.

Так как при реконструкции событий Войн Роз Коммин полагался только на вторичные свидетельства⁴⁴ (слухи, ходившие в окружении Генриха Тюдора в период его пребывания при французском дворе в 1484–1485 гг., и, возможно, трактат Манчини), он описал судьбу принцев крайне сжато и неточно. Коммин отметил, что “после смерти Эдуарда его второй брат, герцог Глостер, убил двух сыновей Эдуарда, объявил его дочерей незаконнорожденными и венчался на царство”⁴⁵. В вышеприведенной цитате присутствует явное искажение порядка событий: Ричард Глостер сначала объявил детей Эдуарда IV незаконнорожденными, затем узурпировал трон и только после этого, возможно, расправился с принцами. Фактически из “Мемуаров” Филиппа де Коммина мы можем узнать только то, что в конце 1480 г. по другую сторону Ла-Манша Ричарда III по-прежнему называли убийцей племянников, но еще не начали именовать предателем.

В составленной на рубеже 1480–1490 гг. “Истории королей Англии” антиквара и священника Джона Росса⁴⁶ интерпретация личности и правления Ричарда III подверглась существенной переработке. Стоит отметить, что “История...” была не первым политически ангажированным сочинением предприимчивого антиквара. Летом 1483 г. он собственноручно преподнес Ричарду III составленную в самых льстивых выражениях родословную Невилей⁴⁷. “История королей Англии” была написана уже “в новом ключе”: она открывалась посвящением основателю династии Тюдоров, а заканчивалась длиннейшим перечнем знамений, предвещавших королю долгое и необычайно счастливое царствование. Стремясь дезавуировать прошлые, излишне лестные высказывания в адрес Ричарда III, Росс уподоблял свергнутого монарха Антихристу⁴⁸, чья дьявольская сущность проявилась еще до рождения, – Ричард якобы “пребывал в материнской утробе два года и появился на свет с зубами во рту и волосами до плеч”⁴⁹.

Хотя Росс ни разу прямо не назвал Ричарда III предателем, последний король из династии Йорков описан как предатель и в государственном, и в моральном смысле. Джон Росс пишет, что Ричард Глостер “принял своего господина и короля Эдуарда V радушно, с объятиями и поцелуями, но всего через три месяца или немного больше, он [Ричард] убил его [Эдуарда V] вместе с его

братом⁵⁰ ⟨...⟩ но после лишь немногие знали, какой мученической смертью они умерли”⁵¹. Поскольку Росс называет Эдуарда V “господином и королем” герцога Глостера, убийство принца Эдуарда можно истолковать именно как предательство, государственную измену в самом прямом смысле этого слова. Радужный прием, оказанный Ричардом Глостером сыновьям Эдуарда IV, должен был подчеркнуть его вероломство. Упоминание о “поцелуях” также не является случайным – вероятно, при помощи этого намека Росс уподобляет Ричарда III самому страшному предателю, которого знал христианский мир, – Иуде.

Напомним, что “История...” Росса была написана не позднее 1491 г.⁵², т.е. максимум через шесть лет после смерти Ричарда III. Каким бы предвзятым ни было сочинение Джона Росса, нельзя сбрасывать со счетов то обстоятельство, что уже в самом начале правления Генриха VII часть англичан воспринимала Ричарда Глостера как предателя, вероломно умертвившего своего короля и ближайшего родственника.

Было бы ошибкой полагать, что точка зрения Джона Росса сразу же получила широкое признание. В частности, Лондонская хроника, известная под условным названием “Вителлиус А-XV”⁵³, описывает события 1483 г. бесстрастно, почти отстраненно. Показательно, что в тексте правление Эдуарда V никак не выделено: после 22-го года правления Эдуарда IV начинается первый год царствования Ричарда III. Поскольку Эдуард V не был коронован, его, скорее всего, не воспринимали как короля в полном смысле слова – для многих современников он так и остался принцем.

В лондонской хронике Ричард Глостер не уподобляется ни Антихристу, ни скорпиону⁵⁴, ни Иуде. Любопытно, что единственная оценочная характеристика касается именно убийства принцев. Повествуя о предпосылках восстания Бэкингема, хронист сообщает, что “упомянутый король Ричард ⟨...⟩ предал смерти двух детей короля Эдуарда, и по этой причине он утратил любовь народа”⁵⁵. Иными словами, Ричард пользовался “любовью народа”, но утратил ее, убив своих племянников. Речь о предательстве в данном случае не идет, но смерть сыновей Эдуарда IV начинает восприниматься как роковое событие, положившее начало падению Ричарда III.

Единственным преступлением Ричарда III убийство принцев остается и в “Истории короля Генриха VII” придворного поэта и историографа Генриха VII Бернара Андре. Андре можно смело назвать одним из основоположников английской ренессансной

историографии. Именно с его “Генриха VII” для Англии началась традиция сочинения пышных речей, вкладываемых в уста “героев исторической драмы”. “История короля Генриха VII” в конечном итоге превратилась в помпезный панегирик, в котором Ричарду III отводилось более чем скромное место. Последний король из династии Йорков появляется на страницах “Истории Генриха VII” всего дважды – в занимающем несколько строк рассказе об узурпации 1483 г. и в более развернутом повествовании о битве при Босворте. Бернар Андре предъявляет Ричарду III всего два обвинения – в тирании и в убийстве племянников⁵⁶. Необходимо подчеркнуть, что ни одно из этих действий не расценивается как предательство.

Следующий шаг к закреплению за Ричардом III репутации предателя был сделан в “Новых хрониках Англии и Франции”⁵⁷ Роберта Фабиана. Фабиан подчеркивает незаконность переворота 1483 г., выделяя промежуток от смерти Эдуарда IV до провозглашения королем Ричарда III в отдельное царствование. Для автора “Новых хроник” Эдуард V – это не принц, а “законный король”⁵⁸. Следовательно, его смещение с престола должно трактоваться как государственная измена. Сам термин Фабиан не употребляет, но именно он впервые сообщает, что узурпация 1483 г. якобы вызвала отрицательный общественный резонанс: “Те, кто раньше любили и хвалили его, кто могли бы вверить ему свою жизнь и свое добро, если бы он по-прежнему оставался протектором, теперь выражали недовольство и роптали против него”⁵⁹. Фабиан подчеркивает, что в 1483 г. “вышеупомянутое недовольство усилилось в основном потому, что распространился слух, будто король Ричард в Тауэре тайно предал смерти двух сыновей своего брата Эдуарда IV”⁶⁰. После этого ужасного события Ричард III правил в “страхе и агонии”⁶¹, окруженный “великой ненавистью”⁶². Так же как лондонский хронист, Фабиан считает убийство сыновей Эдуарда IV поворотным событием, но в “Новых хрониках” смысловые акценты расставлены намного жестче: пока принцы были живы, Ричарда окружали “ропот и недовольство”, после их смерти “недовольство” превратилось в “великую ненависть”, а узурпатор – в тирана.

Итак, Фабиан первым заговорил о том, что англичане якобы ненавидели Ричарда III. Он же стал первым, кто сообщил хоть какие-то подробности о судьбе принцев. Автор “Новых хроник” писал, что “по слухам король Ричард (...) в этом [деле, т.е. в убийстве принцев] и в других случаях действовал по наущению

герцога Бэкингема”⁶³. Имя ближайшего соратника Ричарда III Бэкингема так глубоко вплетено в историю узурпации 1483 г., что связать герцога еще и с исчезновением принцев было бы вполне логично. Возможно, Фабиан действительно обнаружил сведения, по прихоти судьбы не попавшие в поле зрения других хронистов. Существование слухов о причастности Бэкингема к смерти сыновей Эдуарда IV вполне вероятно, но все же с момента исчезновения принцев до завершения “Новых хроник” прошел 21 год. Не исключено, что Фабиан зафиксировал на бумаге сплетню, возникшую не в 1483 г., а в начале XVI в.

Законченная в 1512 г. “Большая хроника Лондона” в оценке правления Ричарда III и его моральных качеств практически не отличается от хроники Фабиана. Два текста настолько близки, что в первой половине XX в. было выдвинуто предположение, что оба они вышли из под пера Фабиана⁶⁴. Современные исследователи подчеркивают: сходство вызвано тем, что указанные тексты основаны на лондонских муниципальных записях, при этом “Большая хроника Лондона” содержит гораздо больше интересных, но недостоверных деталей⁶⁵.

“Большая хроника Лондона” сообщает новые детали предполагаемого убийства принцев. По свидетельству хрониста, это преступление было совершено между 1483 и 1485 гг. В год, когда мэром города был Эдмунд Шей, т.е. до 28 октября 1483 г. принцев видели играющими во дворе Тауэра⁶⁶. В 1485 г. в Лондоне ходили самые разные слухи о способе умерщвления принцев – “некоторые говорили, что они [сыновья Эдуарда IV] были задушены между двумя перинами, некоторые говорили, что они были утоплены в мальвазии”⁶⁷, а некоторые полагали, что они были умерщвлены с помощью ядовитого питья. Но каким бы способом они ни были убиты, было достоверно известно, что к тому времени [1485 г.] они уже покинули этот мир; говорили, что исполнителем этого жестокого дела был сэр Джеймс Тирелл, но другие возлагали вину за это [преступление] на старого слугу короля Ричарда по имени (здесь хронист оставил пустое место)”⁶⁸.

Перечисление нескольких взаимоисключающих способов умерщвления принцев доказывает, что о деталях преступления лондонцы вообще ничего не знали. Гораздо более интересны сведения о непосредственном убийце сыновей Эдуарда IV. Подчеркнем, что автор “Большой хроники” не утверждает, что убийцей принцев был именно Джеймс Тирелл. Хронист говорит о слухах, причем довольно неопределенных, так как наряду с именем

Тирелла, возможно, упоминалось и имя другого человека. Хронист мог оставить пустое место для имени убийцы по двум причинам: либо он боялся назвать этого человека, либо лондонцы говорили о “некоем слуге Ричарда III” без указания имени. Установить, какая из этих версий является правильной, вряд ли возможно.

О том, был ли Джеймс Тирелл убийцей сыновей Эдуарда IV, историки спорят уже более 300 лет. Как уже было отмечено выше, диапазон мнений необычайно широк – от безоговорочных утверждений, что Тирелл виновен, до столь же безоговорочных отрицаний его причастности к этому преступлению. В данном случае достаточно упомянуть, что Джеймс Тирелл (около 1450–1502) был одним из доверенных лиц Ричарда III и единственным из ближайшего окружения монарха, кто сохранил все титулы, имени и пост коменданта крепости Гине (в окрестностях Кале) в годы правления Генриха VII. Тем не менее, в 1501 г. Тирелл поддержал восстание йоркистов; он был помещен в Тауэр и в 1502 г. казнен. Официально Тирелла не называли убийцей принцев ни до процесса 1502 г., ни после. Сопоставление данных Фабиана и “Большой хроники Лондона” позволяет предположить, что соответствующие слухи распространились уже после его казни. В хронике Фабиана какие бы то ни было обвинения в адрес Тирелла отсутствуют; по-видимому, к 1504 г. данный слух еще не получил широкого распространения. “Большая хроника” показывает нам легенду о Тирелле, так сказать, в процессе формирования. В 1512 г. в столице поговаривали, что Джеймс Тирелл умертвил “принцев в Тауэре”, но часть лондонцев полагала, что убить принцев по поручению Ричарда III мог кто-то еще.

Стоит отметить, что и “Новым хроникам”, и “Большой хронике Лондона” явно недостает смысловой целостности. Отрывки, в которых звучит жесткая критика тирана Ричарда III, чередуются в них с вполне спокойным по тону рассказом о событиях его царствования. Таким образом, за два десятилетия, прошедших с момента смерти Ричарда III, историки собрали обширный, но разрозненный фактический материал. В разное время были зафиксированы легенды о неестественном рождении Ричарда Глостера, убийстве Генриха VI, отравлении королевы Анны и якобы окружавшей монарха ненависти. Однако упомянутые “факты” излагались скупо и бессистемно. Так же лапидарно описывалось и убийство “принцев в Тауэре”, немногочисленные детали приводились со ссылкой на слухи. Не случайно на рубеже XV–XVI вв. далеко не все англичане были готовы принять на веру одобрен-

ную властями “ученую” версию легенды о принцах. Успех, с которым Перкину Уорбеку в 1495–1499 гг. удалось играть роль младшего из “принцев в Тауэре”, красноречиво свидетельствует о распространенной в народе вере в чудесное спасение сыновей Эдуарда IV. По всей видимости, в начале XVI в. портрет узурпатора, тирана и злодея Ричарда III все еще выглядел недостаточно убедительным, так как был нарисован слишком крупными мазками. Кроме Джона Росса, сумбурное сочинение которого очень трудно для восприятия, никто не делал попыток систематизировать “преступления” Ричарда III или дать им четкую моральную оценку. Помимо прочего, события 1483–1485 гг. существенно контрастировали с первой половиной жизни Ричарда Глостера, когда он был верен своему брату – королю Эдуарду IV.

Следующим логическим шагом стало переосмысление правления Ричарда III в рамках ренессансной историографии. Как известно, в трудах гуманистов история трактовалась как серия нравоучительных примеров, помогающих лучше понять настоящее и предвидеть будущее. Профессиональная обязанность историка заключалась в том, чтобы “причесать” события, сделав характеры “героев исторической драмы” более рельефными⁶⁹. Для этого прошлое требовало, если можно так выразиться, литературной обработки – неотъемлемой частью ремесла историка стало сочинение речей и целых драматических сцен, а также добавление живых деталей, которые могли придать повествованию большую выразительность⁷⁰.

В этой связи логично, что новые подробности “преступлений” Ричарда III, в том числе и истории “принцев в Тауэре”, стали известны именно в первые годы правления покровительствовавшего гуманистам Генриха VIII. В 1514–1518 гг. Полидор Вергилий и Томас Мор дорисовали портрет Ричарда III, превратив его в своего рода отрицательный образец тирана и предателя.

Полидор Вергилий вписал правление Ричарда III в широкий исторический контекст. В законченной в черновиках к 1514 г. “Истории Англии” была создана историографическая модель Войн Роз как династического конфликта, начавшегося в 1399 г. и окончившегося с воцарением Тюдоров⁷¹. Полидор Вергилий работал по заказу Генриха VII, поэтому в оценке событий он должен был руководствоваться волей венценосного покровителя.

Излагая историю правления Ричарда III, Вергилий припомнил все обвинения, когда бы то ни было выдвигавшиеся в адрес этого монарха (убийство Генриха VI, отравление жены, намере-

ние вступить в брак с племянницей), и добавил к ним ряд новых пунктов. Автор “Истории Англии” был первым, кто заявил, что Ричард Глостер лично убил принца Эдуарда Ланкастера; он также обвинил Ричарда в причастности к смерти его брата Джорджа Кларенса⁷².

Хотя в “Истории Англии” слово “предательство” по отношению к герцогу Глостеру не употребляется, Вергилий описывает Ричарда как предателя по натуре, человека коварного, вероломного и двуличного. Наиболее ярко эти качества проявляются по отношению к сыновьям Эдуарда IV, история гибели которых была изложена Вергилием по всем канонам драматического искусства. “Завязкой” сюжета служит сообщение о том, что “умирающий король Эдуард доверил ему одному [Ричарду Глостеру] свою жену, детей, имущество и все остальное (...) и как только Ричард услышал это, он немедленно загорелся желанием получить корону”⁷³. Ричард Глостер якобы принес клятву верности своему племяннику⁷⁴ и немедленно начал плести тайный заговор. Он радушно встретил старшего принца и “коварными обещаниями”⁷⁵ заставил королеву Елизавету передать ему младшего. К моменту убийства принцев страсти в “Истории Англии” накаляются до предела. Ричард III узурпировал корону, но, сознавая всю незаконность своих действий, “находился в постоянном страхе”⁷⁶ и под влиянием этого чувства решил убить племянников. Ричард III “написал Роберту Брэкенбери, коменданту лондонского Тауэра, приказывая ему найти какое угодно подходящее средство, чтобы побыстрее умертвить его племянников (...) Однако, когда комендант лондонского Тауэра получил от короля это ужасное приказание, он был потрясен (...) и ничего не предпринял в надежде, что король пощадит мальчиков королевской крови (...) Тогда Ричард (...) поручил это дело другому человеку – Джеймсу Тиреллу. Вынужденный совершить это, тот с печалью поехал в Лондон и убил королевских детей (...) но неизвестно, какую смерть приняли бедные мальчики”⁷⁷. Вергилий рассказывает о том, что Ричард сам распустил слух о гибели принцев и подробнейшим образом описывает, как Елизавета Вудвиль приняла это чудовищное известие⁷⁸. Можно констатировать, что в описанной Вергилием истории принцев Ричард III оказывается и государственным изменником, нарушившим клятву верности законному монарху, и вероломным обманщиком, который с распростертыми объятиями принял племянников, а затем приказал их убить.

Необходимо подчеркнуть, что имеющиеся в распоряжении историков факты не позволяют ни подтвердить, ни опровергнуть эту версию. В пользу достоверности сообщения Вергилия свидетельствует тот факт, что Джеймс Тирелл действительно ездил в Лондон по поручению Ричарда III в июле 1483 г. (он должен был привезти в Йорк все необходимое для возведения сына короля в ранг принца Уэльского)⁷⁹. Однако эта поездка не была тайной. Если бы Полидор Вергилий задался целью подтвердить слухи о причастности Тирелла к убийству принцев, он мог обнаружить упоминание об этом путешествии там же, где его нашли современные исследователи, – в хозяйственных документах королевского двора. В то же время, очевидное политическое значение темы “принцев в Тауэре”, заказной характер труда Вергилия, значительное количество допущенных им фактических ошибок заставляют относиться к свидетельству гуманиста с осторожностью.

Намеченный Полидором Вергилием портрет вероломного тирана был дорисован в “Истории Ричарда III” Томаса Мора. Мор развил намеченную Полидором Вергилием смысловую линию и блестяще разрешил противоречие между поведением герцога Глостера до и после смерти Эдуарда IV. Томас Мор подчеркивал, что Ричард Глостер “задолго до смерти короля Эдуарда замыслил сам стать королем”⁸⁰; иными словами, он никогда не был по-настоящему верен своему брату. Мор описывает Ричарда III как человека исключительно коварного, просчитывающего каждое свое действие и идущего к трону буквально по головам. Как и Джон Росс, Мор уподобляет герцога Глостера Иуде: “Со смирением в лице и высокомерием в сердце, внешне льстивый перед теми, кого внутренне ненавидел, он не упускал случая поцеловать того, кого задумал убить”⁸¹.

Необходимо подчеркнуть, что Томас Мор стал первым, кто употребил в отношении Ричарда Глостера термин “treason” (государственная измена). Заговор, составленный Ричардом Глостером для захвата власти, Мор называет “ужасным предательством” (horrible treason)⁸². Кроме того, именно в труде Томаса Мора появляется ставшее впоследствии хрестоматийным словесное клише “traitorous tyranny” (вероломный тиран). Наконец, Мор описывает убийство принцев именно как предательство. Он пишет, что сыновья короля Эдуарда приняли “вероломную смерть” (traitorous death)⁸³.

Рассказ об убийстве принцев является своеобразной кульминацией “Истории Ричарда III”. Как и в других случаях, Мор

расширил и обогатил подробностями версию, предложенную Полидором Вергилием. Вергилий сообщил, что первоначально приказ об убийстве принцев был отослан коменданту Тауэра Роберту Брэкенбери, – Томас Мор прибавил к этому имя посланца: Джон Грин. Любопытно, что в “Истории Ричарда III” образ Тирелла претерпел существенные изменения. У Вергилия Тирелл отправился выполнять ужасное приказание скрепя сердце. Томас Мор превращает убийцу принцев в беспринципного честолюбца, который надеялся таким путем сделать карьеру и получить рыцарский пояс⁸⁴. По мнению Полидора Вергилия, Тирелл убил принцев собственноручно, Томас Мор вводит в историю двоих подручных Тирелла – Майлза Фореста, “запятнавшего себя когда-то убийством”⁸⁵, и Джона Дайтона – “головореза огромного роста”⁸⁶; именно они задушили детей подушками, а потом доложили Тиреллу, что принцы мертвы.

Вышеуказанные детали не добавляют новых черт к образу предателя Ричарда III, они, скорее, характеризуют присущее Томасу Морю отношение к историческим фактам. Большинство исследователей полагает, что “История Ричарда III” далека от достоверности, так как Томас Мор вообще не имел намерения создать историческое сочинение⁸⁷. Его произведение называют и сатирической драмой⁸⁸, и нравоучительным трактатом⁸⁹, и политическим памфлетом⁹⁰. Основанием для такого суждения служат три обстоятельства. Во-первых, “История Ричарда III” основана преимущественно на трудах других историков⁹¹. Во-вторых, сочинение Мора содержит множество фактических ошибок, сознательных искажений и полностью вымышленных эпизодов⁹². В-третьих, в “Истории Ричарда III” изложение материала полностью подчинено главной цели – создать политический портрет идеального государя (его роль по воле Томаса Мора сыграл Эдуард IV) и его антипода – тирана (это “амплуа” было отдано Ричарду III); именно поэтому каждое событие в “Истории...” получает четкое моральное истолкование⁹³.

В этой связи логично, что новые детали, касающиеся судьбы принцев, оказываются не вполне точными. Историкам удалось отыскать информацию о настоящих Джоне Грине, Майлзе Форесте и Джоне Дайтоне, но детали их биографии не укладываются в созданную Мором схему. Например, настоящий Майлз Форест оказался не слугой и бывшим убийцей, а уважаемым хранителем гардероба в замке Бейнард Касл, расположенном далеко на Севере Англии⁹⁴. Предложенная Мором интерпретация био-

графии Джеймса Тирелла также не соответствует историческим фактам. В 1483 г. Тиреллу не было нужды идти на преступление ради карьеры, так как он занимал должность главного конюшего; свой рыцарский пояс Тирелл получил задолго до смерти принцев – в 1471 г.⁹⁵ Между тем, Томас Мор сообщает, что все вышеуказанные детали он получил из исповеди Тирелла и Дайтона, изложенной в 1502 г.⁹⁶ Ошибки, допущенные Мором при изложении биографии Джеймса Тирелла, позволяют усомниться в том, что он правильно указал источник своих сведений. В истории Джона Дайтона также не все гладко. Томас Мор сообщает, что Генрих VII велел отпустить Дайтона после того, как тот признался в убийстве принцев⁹⁷. Сохранившиеся документы не дают возможности опровергнуть это утверждение, но такой поступок Генриха VII представляется маловероятным. Мы допускаем, что сенсационные подробности убийства принцев могли быть вымышлены Томасом Мором, чтобы сделать “Историю...” более драматичной и придать ей видимость достоверности. Не случайно, ознакомившись с “Историей Ричарда III”, Вергилий не стал переделывать собственное сочинение – в 1534 г. оно было опубликовано именно в том виде, который мы проанализировали выше.

Итак, к концу 1510-х годов Полидору Вергилию и Томасу Мору удалось создать внутренне непротиворечивый образ Ричарда-предателя. В данном случае вполне уместно говорить о личном вкладе Мора и Вергилия в создание тюдоровской легенды. До публикации указанных сочинений в народе продолжали циркулировать все предыдущие варианты истории “принцев в Тауэре”, а моральные оценки правления Ричарда III оставались прежними. В частности, опубликованные в 1530 г. “...Хроники разных королевств” Джона Растелла показывают, что к 30-м годам XVI в. не все англичане воспринимали Ричарда III как предателя, а новые подробности истории принцев не были широко известны. Растелл излагает историю узурпации 1483 г. почти бесстрастно; кроме того, он описывает два разных способа убийства принцев – отроки были либо задушены подушками, либо погребены заживо⁹⁸.

О том, что вера в чудесное спасение сыновей Эдуарда IV сохранилась как минимум до середины второго десятилетия XVI в., свидетельствует следующее обстоятельство. Перед тем как поведать свою версию смерти принцев, Томас Мор счел необходимым объяснить, почему в его время не все верили, что сыновья Эдуарда IV были убиты. Он писал: “Смерть и окончательная гибель их [сыновей короля Эдуарда] <...> оставались под сомнением

так долго, что некоторые до сих пор пребывают в неуверенности, были ли они убиты в те дни или нет. И это не только потому, что Перкин Уорбек <...> так долго обманывал мир, но и потому, что в те дни [в правление Ричарда III] все дела делались тайно <...> поэтому <...> люди ко всему относились с внутренним подозрением: так искусные подделки вызывают недоверие к настоящим драгоценностям”⁹⁹. По-видимому, англичане не так уж много знали о том, что в короткое царствование Ричарда III происходило за стенами королевских резиденций. Этот недостаток информации служил питательной средой для возникновения самых разных слухов о судьбе принцев.

Предложенная Полидором Вергилием и Томасом Мором интерпретация царствования Ричарда III закреплялась в умах англичан в середине – второй половине XVI в. В этот период перевод последних глав Вергилия и “История Ричарда III” были опубликованы в составе хроник Хардинга (1543), Холла (1548) и Холиншеда (1580). Наибольший успех пришелся на долю сочинения Томаса Мора. Изыщество формы, безупречная внутренняя логика поступков “героев исторической драмы” и редкая убедительность сделали “Историю Ричарда III” одним из самых авторитетных исторических трудов XVI в.¹⁰⁰

Разумеется, для простых англичан труд Томаса Мора оказался слишком сложным. В сочинениях, рассчитанных на широкую аудиторию, воспроизводились скорее основные факты и моральные оценки. Например, в записанной в конце XVI в. балладе “Песнь леди Бесси” Ричард III – не просто вероломный правитель, он назван предателем (traitor)¹⁰¹. Любопытно, что предложенные Мором детали убийства принцев были восприняты далеко не так скоро. В ранней версии вышеуказанной баллады сестра принцев (Елизавета Йорк, будущая супруга Генриха VII) не в состоянии четко сформулировать, как Ричард III умертвил ее братьев: в 27-й строке она заявляет, что принцы были убиты в постели, а в 28-й, что их утопили в вине¹⁰². В более позднем варианте картина разительно меняется – леди Бесси сообщает, что Эдуард IV на смертном одре призвал Ричарда Глостера, Роберта Брэкенбери и Джеймса Тирелла, чтобы те привезли принцев в столицу, но эти трое сговорились и обрекли благородных отроков на смерть¹⁰³.

По единодушному мнению историков¹⁰⁴, предложенная Мором версия смерти принцев стала общепринятой вскоре после постановки трагедии “Ричард III”. Стоит отметить, что рассказ Шекспира является упрощенным вариантом текста Мора –

Холиншеда, которым великий драматург пользовался в качестве основного источника. Освещая первую попытку Ричарда III справиться с племянниками, Шекспир предпочел более раннюю версию, видимо, сохранявшуюся в устной традиции: в “Исторических хрониках” Ричард III первоначально обращается не к Брэкенбери, а к гораздо более известному всем Бэкингеу. Применительно к теме данного исследования гораздо важнее то, что Шекспир до предела “сгустил” окружавший Ричарда III ореол вероломного тирана. Как уже было отмечено в начале статьи, каждое преступление Ричарда Глостера в “Исторических хрониках” описывается именно как предательство.

* * *

Анализ источников позволил прийти к следующим выводам. Хотя для большинства Ричард III по-прежнему остается своего рода эталоном предателя, мастерски описанным в “Исторических хрониках” Шекспира, такая репутация закрепилась за ним далеко не сразу. Современники не видели в действиях Ричарда III, в том числе и в возможном устранении принцев, ничего выходящего за рамки обычных для эпохи Войн Роз методов политической борьбы. Собственно, в период правления Ричарда III значительная часть англичан вообще не была уверена в смерти сыновей Эдуарда IV. После воцарения Тюдоров картина начала меняться. Первая попытка осмыслить Ричарда III именно как предателя была предпринята в сочинении Джона Росса, не получившем широкого распространения из-за крайне неудачной риторической формы. Остальные историки шли по пути постепенных трансформаций. На протяжении первых тридцати лет происходило постепенное “накапливание” знаний о преступлениях Ричарда III; его виновность в гибели принцев уже не ставилась под сомнение; более того, было “доказано”, что смерть сыновей Эдуарда IV вызвала широкую волну общественного недовольства и что после этого события Ричард III якобы был окружен “всеобщей ненавистью”. Существовала и еще одна любопытная тенденция. По мере удлинения исторической дистанции гибель принцев казалась потомкам все более чудовищной. Однако до конца первого десятилетия XVI в. Ричарда III предателем не называли, его действия осмысливались не как предательство (государственная измена), а как узурпация.

Миф о Ричарде-предателе обязан своим рождением усилиям двух известнейших гуманистов – Полидора Вергилия и Томаса

Мора. Исходя из понимания истории как серии назидательных примеров, они превратили Ричарда Глостера в образец вероломного тирана, чье правление должно было служить предостережением потомкам. К концу XVI в. каждое действие Ричарда III было переосмыслено и интерпретировано именно как предательство, а сам король стал восприниматься как двуличный властолюбец, готовый на все ради короны. Список предательств Ричарда Глостера в итоге оказался настолько обширным, что его можно условно разделить на изменнические акты (убийство Генриха VI, убийство Эдуарда Ланкастера, узурпация 1483 г.) и “личные предательства” (убийство герцога Кларенса, отравление жены). При этом устранение сыновей Эдуарда IV воспринималось как самое страшное преступление, предательство в обоих смыслах, если можно так выразиться, предательство “высшей пробы”.

Эта же схема применима и к разработке деталей “убийства в Тауэре”. До Полидора Вергилия и Томаса Мора о гибели принцев было почти ничего не известно. Уверенно называлось только имя заказчика преступления – Ричарда III. Нам представляется, что появление исчерпывающей информации о судьбе сыновей Эдуарда IV именно в сочинениях известных гуманистов вряд ли было простым совпадением. Сообщенные Вергилием и Томасом Мором подробности в значительной степени явились результатом сознательной, целенаправленной переработки истории в интересах династии Тюдоров.

¹ *Shakespeare W.* The Tragedy of Richard the Third / From Mr. William Shakespeares comedies, histories, & tragedies: published according to the true originall copies. L., 1623. Act I, Scena Prima. P. 173. (Далее: *Shakespeare W.* Richard III).

² *Idem.* Henry VI. Part III / Ed. M. Hattevey. Cambridge, 1993. Act V, Scene 5. P. 187–188.

³ *Idem.* Richard III. Act I. Scena Quarta. P. 181.

⁴ “Bloody act ⟨...⟩ most ⟨...⟩ piteous massacre that ever yet this land was guilty of”. *Shakespeare W.* Richard III. Act IV. Scena Secunda. P. 194.

⁵ *Gardner J.* History of the Life and Reign of Richard the Third to which is added the story of Perkin Warbeck. Cambridge, 1898. P. 96–122; *Abbot J.* Richard III. N.Y.; L., 1858. P. 301–302; *Heneage J.* Memoirs of King Richard the Third and some of his Contemporaries, with an historical drama on the Battle of Bosworth: In 2 vols. L., 1862. Vol. 1. P. 23–34; *Legge A.D.* The Unpopular King: the Life and Times of Richard III: In 2 vols. L., 1885. Vol. 2. P. 56–69.

⁶ *Gardner J.* Op. cit. P. 180–183; *Abbot J.* Op. cit. P. 291–299, etc.

⁷ *Buck G.* The History of the Life and Reigne of Richard the Third. L., 1647. P. 1–2; *Halsted C.A.* Richard III as Duke of Gloucester and King of England. L., 1844. P. V–VII; *Walpole H.* Historic Doubts on the Life and Reign of King Richard the

- Third. L., 1768. P. 1–3; *Clements M.* Richard III – his life and character. Portway-Bath, 1968. P. 163.
- ⁸ *Abbot J.* Op. cit. P. 58.
- ⁹ *Walpole H.* Op. cit. P. 125–131.
- ¹⁰ *Legge A.* Op. cit. Vol. 2. P. 96–105.
- ¹¹ *Clements M.* Op. cit. P. 269.
- ¹² Ibid.
- ¹³ *Desmond S.* Richard III: England’s Black Legend. L., 1983. P. 156–159.
- ¹⁴ *Griffiths R.A., Thomas R.S.* The Making of the Tudor Dynasty. Gloucester, 1985. P. 27–34.
- ¹⁵ *Desmond S.* Op. cit. P. 4.
- ¹⁶ *Kendall P. M.* Richard III. L., 1972. P. 420–437.
- ¹⁷ Именно на использовании информации Томаса Мора построено исследование А. Вейр. *Weir A.* The Princes in the Tower. L., 1992. P. 203–207.
- ¹⁸ *Hanham A.* Richard III and his early historians: 1483–1535. L., 1975. P. 147, 153.
- ¹⁹ *Williamson A.* The Mystery of the Princes. Gloucester, 1978. P. 203–246.
- ²⁰ *Pollard A.J.* Richard III and the Princes in the Tower. Gloucester, 1991. P. 115–127.
- ²¹ *Fields B.* Royal Blood: Richard III and the Mystery of the Princes. N.Y., 1998. P. 200–217.
- ²² *Marius R.* Thomas More. Harvard, 1999. P. 98–121.
- ²³ *Kendall P. M.* Op. cit. P. 418.
- ²⁴ Encyclopaedia Britannica. Режим доступа: <http://www.britannica.com/>.
- ²⁵ Rotuli Parliamentorum ut et petitiones, et placita in parlamento / Ed. J. Strachey et al. L., 1832. Vol. 5: (1439–1468). P. 346, 349–350, 479; Vol. 6 (1472–1503). P. 29, 145–146, 244, 250, 276, etc.
- ²⁶ Cotton Vitellius A-XVI: Chronicles of London / Ed. Ch. Kingsford. Oxford, 1905. P. 182, 180, 179, 170, 199; Paston letters / Ed. J.Fenn & A. L. Ramsey. L., 1840. Letters CCCI, CCCXXXIX, CCCXXXV, CCCXLIV; Plumpton correspondence. L., 1839. P. 18, 19, 120, 142; The Stonor letters and papers / Ed. Ch. Kingsford. L., 1862. P. 116, 134, 178.
- ²⁷ *Mancini D.* De occupatione Regni Angliae / Ed. C.A. Armstrong. Oxford, 1936.
- ²⁸ *Historiae Croylandensis Continuatio // Rerum Anglicarum Scriptorum Veterum.* Oxford, 1684. Vol. 1.
- ²⁹ *Hicks M.* Edward V. L., 2003. P. 46–57; *Hanham A.* Op. cit. P. 65–70; Richard III: A Medieval Kingship. L., 1993. P. 137; *Kendall P.M.* Op. cit. P. 166.
- ³⁰ *Mancini D.* Op. cit. P. 3–4.
- ³¹ Ibid. P. 118.
- ³² В этот день состоялось печально знаменитое заседание Королевского Совета в Тауэре, в ходе которого Ричард Глостер нейтрализовал своих политических оппонентов: лорд Гастингс был казнен, епископы Мортон, Ротерхэм и лорд Стэнли были арестованы.
- ³³ *Mancini D.* Op. cit. P. 112.
- ³⁴ *Hanham A.* Op. cit. P. 66.
- ³⁵ *Masselin J.* Journal des Etats Généraux de France tenus à Tour en 1484 / Ed. A. Bernier. P., 1835. P. 52–54.
- ³⁶ *Kendall P.M.* Op. cit. P. 395–396; *Mancini D.* Op. cit. P. 15.
- ³⁷ *Hanham A.* Op. cit. P. 82–83.
- ³⁸ “Interim & dum hæc agerentur, remanserunt duo prædekti Regis Edwardi filii sub certa deputata custodia infra Turrim Londiniarum”. *Historiae Croylandensis Continuatio.* P. 567.

- ³⁹ “Vulgatam est, diktos Regis Edwardi pueros, quo genere violent interitus ignoratur, decettisse in fata”. Ibid. P. 568.
- ⁴⁰ *Dockray K.* Richard III: Myth and Reality. L., 1992. P. 54–67.
- ⁴¹ *Dufournet J.* Angelo Cato et le Mémoires de Ph. de Commynes // *Mélanges de langue et de littérature médiévales offerts à Pierre Le Gentil.* P., 1973. P. 213–222.
- ⁴² *Mémoires de Philippe de Commynes // Mémoires: contenans l'histoire des rois Louys XI et Charles VIII.* P., 1747. T. 1. P. 44–45.
- ⁴³ Ibid. P. 46.
- ⁴⁴ *Малинин Ю.П.* Филипп де Коммин и его “Мемуары” // *Филипп де Коммин. Мемуары.* М., 1986. С. 387–397.
- ⁴⁵ “Apré que Edouard fut mort, son frere second, Duc de Clocester, fait mourir lex deux filz dudit Edouard: & declara ses filles bastardes, & se fait couronner Roy”. *Commynes Ph.* Op. cit. P. 44.
- ⁴⁶ *Joannis Rossi Antiquarii Warwicensis Historia Regum Angliae.* L., 1745. (Далее – *Ross J.*)
- ⁴⁷ Из рода Невилей происходила супруга Ричарда III Анна.
- ⁴⁸ *Ross J.* Op. cit. P. 218.
- ⁴⁹ “Biennio matris utero tentus, exiens cum dentibus & capillis ad humeros”. Ibid. P. 215.
- ⁵⁰ “Dominum suum regem Edwardium quintum blandiendo cum amplexibus & osculis recepit, & infra circiter tres menfes vel parum ultra cum fratre suo interfecit”. Ibid. P. 215.
- ⁵¹ “Ita quod ex post paucissimis notum fuit qua morte martirizati sunt”. Ibid. P. 214.
- ⁵² В 1491 г. Джон Росс скончался. *Gransden A.* The Antiquaries: John Rous and William Worchester // *Gransden A.* Historical Writing in England: c. 1307 to the early sixteenth century. L., 1996. P. 310.
- ⁵³ *Chronicles of London / Ed. Ch. Kingsford.* L., 1977.
- ⁵⁴ *Ross J.* Op. cit. P. 215.
- ⁵⁵ “The said kyng Richard (...) put to deth the the ij childer of kyng Edward, for whiche cause he lost the hertes of the people”. *Chronicles of London.* P. 191.
- ⁵⁶ *Andrea B.* Historia Regis Henrici VII / Ed. J. Gardner. L., 1858. P. 24.
- ⁵⁷ “Новые хроники...” были составлены на основе лондонских муниципальных записей до 1504 г., текст был впервые опубликован 1516 г. *Hanham A.* Op. cit. P. 110–111.
- ⁵⁸ *Fabian R.* The new Chronicles of England and France / Ed. H. Ellis. L., 1811. P. 668, 669, 670.
- ⁵⁹ “Suche as before louyd and praysed hym, and wolde haue imparted lyfe and good with hym if he had remayned styll as protectoure, now murmury and grudgyd agayne hym”. Ibid. P. 668.
- ⁶⁰ “In this yere the foresayd grudge encreasinge, and the more for (...) the common fame went that kyng Richarde hadde within the Tower put vnto secrete deth the ii sonnes of his broder Edwarde the iiiii”. Ibid. P. 670.
- ⁶¹ Ibid. P. 671.
- ⁶² Ibid.
- ⁶³ “The common fame went that kyng Richarde (...) for the whiche, and other causes hadde within the brest of the duke of Bukkyngham”. Ibid. P. 670.
- ⁶⁴ *Thomas A.H.* Preface // *The Great Chronicle of London / Ed. A.H. Thomas & J.D. Thornley.* L., 1938. P. LXIV.
- ⁶⁵ *Walters G.* Rewriting History: the Portrayal of Richard III. Gloucester, 2000. P. 65–77; *Hanham A.* Op. cit. P. 114–116.

- ⁶⁶ The Great Chronicle of London / Ed. A.H. Thomas & J.D. Thornley. L., 1938. P. 234.
- ⁶⁷ В данном случае хронист воспроизвел сплетню, ходившую о другом политическом убийстве. По слухам, в бочке с мальвазией был утоплен брат Эдуарда IV – герцог Кларенс.
- ⁶⁸ “Some said they were murdered atween two feather beds, some said they were drowned in malvesy, and some said they were sticked with venomous potion. But howsoever they were put to death, certain it was that before that day they were departed from this world, of which cruel deed Sir James Tyrell was reported to be the doer, but others put that weight upon an old servant of King Richard's named (name left blank)”. Ibid. P. 236–237.
- ⁶⁹ Барг М.А. Шекспир и история. М., 1979. С. 32–35.
- ⁷⁰ Hanham A. Op. cit. P. 114–116.
- ⁷¹ Gransden A. The Humanist historians: Thomas More and Polidor Vergil // Gransden A. Historical Writing in England: c. 1307 to the early sixteenth century. L., 1996. P. 425–453.
- ⁷² Polydore Vergil. Anglica Historia (1555 version) / Ed. D.J. Sutton. Irvine, 2005. Liber XXIV–XXV. Режим доступа: <http://www.philological.bham.ac.uk/polvergi/contents.html>
- ⁷³ “Regem morientem ei soli uxorem, filios, opes, et denique omnia commisisse... Haec ubi Ricardus intellexit, coepit statim incendi cupiditate regnandi”. Polydore Vergil. Op. cit. Liber XXV, 1.
- ⁷⁴ Ibid.
- ⁷⁵ “Promissis inimico”. Ibid. Liber XXV, 8.
- ⁷⁶ “Perpetuo in timore esset”. Ibid.
- ⁷⁷ “Quocirca per literas Roberto Brachyngburio praefecto turris Londinensis mandat ut aliquo honesto modo nepotes ipsos quamprimum necandos curet (...) Caeterum praefectus turris Londinensis, ubi regis horribile mandatum accepit, rei atrocitate attonitus (...) illud non continuo confecit, sperans regem sanguini aut aetati parsurum (...) Ricardus statim atque accepit praefectum differre quod praecepisset, alteri, id est Iacobo Terello, dederit negotium caedis maturandae. Ille imperata facere compulsus dolenter Londinum proficiscitur ac regios pueros (...) necavit (...) sed quo genere mortis miselli pueri affecti fuerint non plane liquet”. Ibid.
- ⁷⁸ Ibid.
- ⁷⁹ Kendall P. M. Op. cit. P. 404–405.
- ⁸⁰ “He long time in king Edwardes life, forethought to be king”. The death of king Henry the sixt // More Th. The History of King Richard III. Online edition transcribed from W. E. Campbell's facsimile of the Rastell edition of 1557 by Richard Bear at the University of Oregon, January-March 1997. Режим доступа: <http://www.r3.org/bookcase/more/moretext.html>. (Далее: *More* RIII).
- ⁸¹ “Lowlye, of counteynaunce, arrogant of heart, outwardly coumpinable where he inwardely hated, not letting to kisse whome hee thoughte to kyll”. The description of Richard the thirde // *More* RIII.
- ⁸² Catesby // *More* RIII.
- ⁸³ Authority loueth no partners // *More* RIII.
- ⁸⁴ Syr Iames Tyrell // *More* RIII.
- ⁸⁵ “Fleshed in murther before time”. Miles Forest // *More* RIII.
- ⁸⁶ “Big brode square strong knaue”. Ihon Dighton // *More* RIII.
- ⁸⁷ Барг М.А. Указ. соч. С. 38; Осиновский И.Н. Томас Мор и его время // Томас Мор. Утопия. Эпиграммы. История Ричарда III. М., 1998. С. 330–331; Kinney D. Kings' Tragicomedies: Generic Misrule in More's History of Richard III // *Moreana*.

1985. N 86. P. 128–150; *Candido J.* Thomas More. The Tudor Chroniclers and Shakespeare's Altered Richard // *English Studies*. 1987. N 68. P. 137–141; *Pollard A.J.* Op. cit. P. 78; *Hanham A.* Op. cit. P. 152–190; *Anderson J.H.* More's Richard III: History and Biography // *Biographical Truth: The Representation of Historical Persons in Tudor-Stuart Writing*. New Haven, 1984. P. 75–109, etc.
- ⁸⁸ *Hanham A.* Op. cit. P. 152.
- ⁸⁹ *Осиновский И.Н.* Указ. соч. С. 330.
- ⁹⁰ *Grant P.* Thomas More's Richard III: Moral Narration and Humanist Method // *Language and the Discovery of Method in the English Renaissance*. L., 1985. P. 19–47.
- ⁹¹ *Hanham A.* Op. cit. P. 153–155.
- ⁹² Мор на 12 лет завывает возраст Эдуарда IV, неверно указывает имя герцога Бэкингема, путает даты и искажает порядок событий, в подробностях рассказывает о событиях, не имевших места в действительности, например, описывает якобы состоявшееся в соборе св. Павла венчание Эдуарда IV и Елизаветы Вудвиль и т.д.
- ⁹³ *Grant P.* Op. cit. P. 19–47.
- ⁹⁴ *Hampton W.E.* Sir James Tyrell: with some notes on the Austin Friars London and those buried there // *Ricardian: Journal of the Richard III Society*. 1978. Vol. IV, N 63, December. P. 9–22; *Kendall P.M.* Op. cit. P. 474.
- ⁹⁵ Ibid.
- ⁹⁶ The yong kyng and his brother murdered // *More RIII*.
- ⁹⁷ Ibid.
- ⁹⁸ *Rastell J.* The Pastime of People, or the Chronicles of divers Realms / Ed. T.F. Dibden. L., 1811. P. 292–293.
- ⁹⁹ “Whose death and final infortune hath (<...> so far comen in question, that some remain yet in doubt, whither they wer in his dayes destroyde or no. Not for that onely that Perken Warbeck (<...> so long space abusing the worlde (<...> but for that also that all thynges wer in late daies so couertly demeaned (<...> for (<...> men had it inwardly suspect, as many well counterfayted iewels make the true mistrusted”. *More RIII*.
- ¹⁰⁰ *Candido J.* Op. cit. P. 139.
- ¹⁰¹ Lady Bessye // *Bishop Percy's Folio Manuscript. Ballads and Romances* / Ed. J.W. Hales & F.J. Furnivall: In 3 Vol. L., 1868. Vol. III. P. 320.
- ¹⁰² Ibid. P. 321.
- ¹⁰³ “Since my father King Edward, that King royall,
At Westminster on his death bed lee,
He called to him my unckle Richard,
So he did Robert of Brakenbury,
And James Terrill he was the third;
He sent them to Ludlow in the West Countrey
To fetch the Duke of York and the Duke of Clarence...
But a balle-full game was then among,
When they doomed these two Lords to dye”.
The most pleasant song of Lady Bessy / Ed. Th. Heywood. L., 1829. P. 6–7.
- ¹⁰⁴ *Барт М.А.* Указ. соч. С. 190–191; *Bullough G.* The Uses of History // *Shakespeare's World* / Ed. J. Sutherland & J. Hurtsfield. N.Y., 1964. P. 96–115; *Rossiter A.P.* Angel With Horns: The Unity of Richard III // *Shakespeare. The Histories* / Ed. E.M. Waith. Englewood Cliffs, 1961. P. 66–84, etc.

О.В. Окунева

ПРЕДАТЕЛИ И ПРЕДАТЕЛЬСТВО
ВО ФРАНЦУЗСКОЙ БРАЗИЛИИ
XVI – НАЧАЛА XVII в.

УДК 94(44).35/.04

В статье исследуются случаи предательства – единоверцев, соотечественников, союзников, – виновниками или жертвами которого становились французские колонисты в Бразилии XVI – начала XVII в. Рассматриваются обстоятельства, связанные с “предательством веры” Н.Д. де Вильганьона, основателя первой французской колонии в Бразилии, а также история перебежчика Ж. Коинты, перешедшего на сторону португальцев и способствовавшего падению колонии своих соотечественников. Отдельное внимание уделяется вопросу о месте предательства в отношениях французов и их индейских союзников в Бразилии.

Ключевые слова: предатели, предательство, Франция, Бразилия, “Антарктическая Франция”, Н.Д. де Вильганьон, Ж. Коинта, индейцы Южной Америки.

Key words: traitors, betrayal, France, Brazil, “Antarctic France”, N.D. de Villegagnon, J. Cointa, Amerindians.

На протяжении нескольких десятилетий XVI в. часть атлантического побережья Южной Америки, вошедшая в дальнейшем в состав Бразилии, представляла собой арену, где столкнулись интересы нескольких европейских держав¹. Португалия, заявляя претензии на Бразилию по праву первооткрывателя, с начала XVI в. уделяла не слишком много внимания своей американской колонии, сосредоточившись на Ост-Индии, экспорт товаров которой представлялся намного более выгодным делом. Этим обстоятельством воспользовались французские мореплаватели и купцы, отправлявшиеся в Бразилию с торговыми и военными экспедициями. “Страну красного дерева”, получившую имя по названию ценного дерева *paу бразил*, они регулярно посещали до первой четверти XVII в., основав там несколько колоний (но не сумев в дальнейшем их удержать).

История французского присутствия соткана из эпизодов военных стычек и мирного сосуществования; в ней были примеры рыцарского вызова на поединок и ударов из-за угла, верности долгу и предательства. Некоторые обстоятельства подчас оставались невидимыми для сильных мира сего, а некоторые имели громкий

резонанс. Всё это в полной мере относится к случаям предательства – единоверцев, соотечественников, союзников, – виновниками или жертвами которого становились французы в Бразилии. Историям некоторых из них и посвящена эта статья.

НИКОЛЯ ДЮРАН ДЕ ВИЛЬГАНЬОН:
“НАШ ВЕРНЫЙ ШЕВАЛЬЕ” ИЛИ “КАИН АМЕРИКИ”

В ноябре 1555 г. французские корабли под командованием мальтийского рыцаря и вице-адмирала Бретани Николя Дюрана де Вильганьона вошли в залив Гуанабара (у современного г. Рио-де-Жанейро), где была основана колония под названием “Антарктическая Франция”. Но поселение просуществовало недолго: Вильганьон, поначалу проявлявший симпатию к протестантизму и даже обратившийся к Кальвину с просьбой прислать ему проповедников, изменил свое мнение о “реформированном культе” и вернулся в католичество. Это решение, ставшее для добравшихся из Швейцарии и Франции кальвинистских проповедников настоящим предательством их веры, ослабило “Антарктическую Францию”, а отъезд главы колонии в Европу за подкреплением и вовсе оставил ее без защиты перед лицом португальцев: племянник Вильганьона, оставленный им в качестве заместителя, не обладал военными талантами своего дяди. Французская крепость оказалась в руках португальцев, а уцелевшие протестанты, частью рассеявшиеся среди индейских союзников французов, частью сумевшие вернуться на родину, стали самыми беспощадными обличителями “предателя” Вильганьона. Кем же был этот человек?

Николя Дюран (имя Вильганьон он получил позже, когда вступил во владение небольшой одноименной деревней)² родился в 1510 г. в городе Провен недалеко от Парижа, в семье королевского прокурора. Решив избрать традиционную для его семьи карьеру законоведа, он изучал право³, однако затем резко сменил сферу деятельности, вступив в 1531 г. в духовно-рыцарский орден Св. Иоанна Иерусалимского (незадолго до этого император Священной Римской империи Карл V пожаловал ордену остров Мальта в обмен на обязательство защищать его от турок, после чего за орденем укрепилось новое название – Мальтийский).

На протяжении 40-х годов XVI в. Вильганьон участвовал в алжирском походе Карла V, целью которого было подчинение Алжира для усиления контроля над Средиземным морем (1541)⁴, а

также сражался в рядах императорской армии против турок в Венгрии⁵. Одним из самых дерзких его предприятий стала шотландская экспедиция 1548 г., в ходе которой он командовал галерами, прорвавшими английскую блокаду и доставившими из Шотландии малолетнюю Марию Стюарт для помолвки с наследником французского престола Франциском II⁶. Здесь Вильганьон выступал уже не как мальтийский рыцарь, подчиняющийся Папе Римскому и императору Священной Римской империи, а как французский подданный. В этом же качестве он командовал галерами во время осады французами удерживаемой англичанами Булони в 1548–1549 гг. и выполнял поручения французского короля Генриха II в Бретани в 1552–1554 гг. За разработку плана фортификаций и улучшения состояния артиллерии г. Бреста Вильганьон получил титул вице-адмирала Бретани⁷.

Таким образом, к 1555 г. Вильганьон приобрел значительный опыт в военной сфере. Благодаря такой репутации, а также протекции адмирала Гаспара Колиньи, Генрих II назначил его командующим экспедицией, отправляющейся в Бразилию для основания колонии. Сохранилось распоряжение короля Счетной палате о выделении 10 тыс. турецких ливров на “расходы, необходимые для одного предприятия, которое мы никак не хотим определять и разглашать и которое нами поручено нашему верному шевалье Вильганьону, вице-адмиралу Бретани...”⁸.

Был ли Вильганьон протестантом до отплытия в Бразилию? Ответ на этот вопрос в значительной мере определяет, считать ли его предателем гугенотов в заливе Гуанабара. Мнения о религиозных взглядах вице-адмирала до начала бразильской экспедиции расходятся. Наиболее распространенная версия событий восходит к утверждениям протестантских авторов XVI в., более чем пристрастно относившихся к “предателю истинной веры” и склонных преувеличивать степень симпатии Вильганьона к “реформированному культу”, чтобы ярче оттенить всю глубину его падения. Так, Жан де Лери, приехавший в Бразилию вместе с кальвинистскими проповедниками и описавший события 1555 г. двадцать лет спустя, утверждал, что Вильганьон распространял слухи о создании заокеанского убежища для гонимых во Франции протестантов, что снискало ему поддержку видных деятелей реформированной церкви и Колиньи⁹. Интересно, что в ранней версии событий (1561 г.) участие Колиньи не упоминается, но говорится об убежище от преследований, хотя читателю дают по-

нять, что для Вильганьона это было не более чем обещанием, которое он не собирался выполнять¹⁰.

Точка зрения, согласно которой именно поддержка Колиньи стала решающей в деле основания “Антарктической Франции”, в дальнейшем была всесторонне развита французскими историками, отмечавшими, что колония в Бразилии могла бы быть не только убежищем для гугенотов, но и плацдармом для распространения протестантизма, и это подорвало бы монополию католических Испании и Португалии в деле обращения индейцев в христианство¹¹; что бразильская колония Франции могла бы стать для метрополии примером мирного сосуществования католиков и протестантов¹²; что предприятие Вильганьона, наряду с протестантскими колониями начала 1560-х годов в Канаде и во Флориде, являлось частью “великого атлантического плана Колиньи” по созданию за океаном убежища для гугенотов¹³.

Оппоненты подобной точки зрения указывают на то, что французская Реформация к середине XVI в. была еще достаточно расплывчатой в доктринальном плане, о чем свидетельствуют нередкие переходы католиков в стан протестантов и обратно. Это не позволяет характеризовать предприятие Вильганьона как исключительно протестантское и порождает сомнения в том, что вице-адмирал к началу 1550-х годов сделал осознанный выбор в пользу протестантизма. При таком подходе среди мотивов, обусловивших создание заморской колонии, приоритет отдается военно-стратегическим соображениям (поощрение уже имеющегося французского присутствия в регионе и создание плацдарма для давления на Португалию, а также для продвижения к Рио-де-Ла-Плате)¹⁴. То обстоятельство, что большую часть своего пребывания в Бразилии Вильганьон был поглощен сооружением форта, о чем говорят все побывавшие в колонии, свидетельствует в пользу такого предположения. В рамках данной гипотезы выбор Вильганьона в качестве главы экспедиции обусловлен не его симпатиями к протестантизму, а солидным послужным списком и опытом возведения фортификаций.

Прибыв в Бразилию, вице-адмирал начинает обустройство французской колонии на острове в заливе Гуанабара, чтобы обезопасить себя от возможного нападения как португальцев, так и индейцев. Ценой значительных усилий возводится форт и устанавливается весьма строгая дисциплина для колонистов, что порождает недовольство и создает питательную почву для заговоров¹⁵. Одновременно с этим Вильганьон обращается к Кальвину

с просьбой прислать проповедников “для него и его людей”, и на этот призыв откликается группа протестантов из Швейцарии и Франции. Они приезжают в Бразилию в марте 1557 г., находят радужный прием, но вскоре после этого в колонии разгорается теологическая дискуссия о сущности евхаристии, в ходе которой Вильганьон встает на позиции католических теологов, что оказывается неприемлемым для вновь прибывших¹⁶. Окончательный разрыв вице-адмирала с протестантами вынуждает их покинуть колонию и дожидаться попутного судна, чтобы возвратиться в Европу. Несколько гугенотов, не выдержав лишений и утраившись плаванья на весьма ненадежном судне, решают вернуться к Вильганьону, но тот приговаривает их к смерти по подозрению в шпионаже и предательстве. Для протестантских авторов второй половины XVI в. трое казненных становятся первыми мучениками за веру¹⁷, а к списку преступлений Вильганьона добавляется еще одно.

Тот факт, что атака португальцев против “Антарктической Франции” в 1560 г. пришлось на время отсутствия Вильганьона, решившего вернуться в Европу, чтобы лично убедить королевскую администрацию в необходимости послать подкрепления, сыграл не в пользу вице-адмирала. Даже некоторым католикам по прошествии времени это решение казалось спорным¹⁸. Кроме того, усилиями протестантских авторов была начата настоящая памфлетная война против “предателя” Вильганьона, а его усилия по организации католической миссии для поддержки колонии в заливе Гуанабара остались в тени¹⁹.

Интересно, что среди обвинений Вильганьона основным было не падение “Антарктической Франции” (так, в 1560 г. Франциск II продолжает называть вице-адмирала “нашим генеральным наместником в упомянутом завоевании” [выше в том же документе уточняется, что речь идет об “определенном крае в Бразилии, который позже был назван Антарктической Францией”. – *О.О.*]²⁰), а именно предательство веры. Масла в огонь подлило и то обстоятельство, что по возвращении во Францию Вильганьон встал на сторону Гизов, злейших врагов гугенотов, и активно включился в дискуссию с протестантами, обращая против них как перо, так и оружие в гражданской войне²¹. Произошедшее в Бразилии для обеих сторон стало поводом для взаимных обвинений, причем тон публикаций как из одного, так и из другого лагеря постепенно меняется. Если в 1560 г. Вильганьон издает “Обращенный к христианам ответ Николя Вильганьона, мальтийского рыцаря, на кальвинистские положения о традициях и таинстве причастия,

обнародованные проповедниками в Антарктической Франции”, то в 1561 г. он уже вынужден написать “Ответ читателю-христианину на пасквили, публикуемые на шевалье де Вильганьона”. А вот названия некоторых сочинений его оппонентов: “Разнос Никола Дюрану...”, “Чванство мэтра Кола Дюрана...”, “Опровержение безумных выдумок и отвратительного богохульства, ошибок и лжи Николя Дюрана, который называет себя Вильганьоном...”, “Краткий рассказ о скорби и рассеянии общины верных в Бразилии”²². Распространялись летучие листки, где Вильганьона изображали в виде Полифема или короля каннибалов²³; его обвиняли в предательстве, клевете, каннибализме²⁴, обжорстве²⁵ и корыстолюбии, трусости, распутстве (последнее обвинение считал нужным опровергнуть даже идейный оппонент Вильганьона Жан де Лери²⁶). Среди прочих нелестных эпитетов за Вильганьоном закрепляется прозвище “Каина Америки”.

Если протестантская партия действовала единым фронтом, то голоса в поддержку Вильганьона оставались изолированными. В 1585 г. на защиту главы “Антарктической Франции” попытался встать Андре Теве, побывавший в Бразилии в 1555 г. вместе с Вильганьоном, но его “История двух путешествий в южные и западные Индии”, содержащая специальный раздел “Ответ на клеветнические памфлеты, опубликованные против шевалье де Вильганьона”²⁷ осталась неизданной; к тому же Теве к этому времени проигрывает в полемике с протестантами (и в первую очередь с Жаном де Лери), так что его свидетельства во многом дискредитированы. Еще до этого за прежние благожелательные отзывы о Вильганьоне досталось поэту Пьеру де Ронсару; в стихотворении “Упреки народу Франции” (конец 1562–начало 1563 г.) он обыгрывает это обстоятельство и представляет себе, что скажут о нем гугеноты: “Ну ничего, он свое скоро получит, как и Вильганьон, которому не поздоровилось схлестнуться с великим Кальвином”²⁸. А вот как к Ронсару обращается анонимный протестантский автор: “Неужели памятный пример шевалье Вильганьона, который за меньшую или схожую провинность оказался превращенным в старую мартышку²⁹, ничему тебя не научил?...”³⁰

Интересно, что почти сразу после перехода Вильганьона в стан католиков высказывались мнения, что и в этом качестве его можно использовать на благо Франции: всех подобных ему “папистов” нужно изгнать из страны и отправить завоевывать новые земли³¹. Однако затем в развитие этого “колониального дискурса” протестанты стали подчеркивать предательство Вильганьона не

только перед Богом, но и перед королем Франции: завоевание, предпринятое его именем, оказалось потерянными. Так, третьему и четвертому изданию “Истории одного путешествия в Бразилию” Жана де Лери (1585 и 1599 гг.) было предпослано сразу несколько стихотворений, развивающих данный тезис: предатель Вильганьон лишил Францию Бразилии, но перо Лери позволило хотя бы частично принести утешение в этой потере³². Лери, действительно, еще с первого издания своей книги (1578 г.) утверждал, что, если бы Вильганьон остался протестантом, колония насчитывала бы до 10 тыс. человек; по его словам, гугеноты уже снаряжали экспедицию в Бразилию численностью до 700–800 человек, однако те, кто вернулся из колонии, рассказали о том, что там происходило, и планы экспедиции расстроились³³. В свою очередь Вильганьон в письме Колиньи (вошедшем в его сочинение “Спорные вопросы, возникшие между шевалье Вильганьоном и мэтром Жаном Кальвином”) подчеркивал “ущерб и потери, понесенные из-за проповедников этой доктрины, помешавших моему предприятию в Бразилии, которое, как Вы знаете, так успешно начиналось и которое стоило мне и моим людям больших усилий и затрат”³⁴.

Среди мотивов, связанных с разработкой темы предательства Вильганьона в протестантской лирике, отметим еще один: измена “реформированному культу” со стороны вице-адмирала трактуется как испытание, посланное укрепить избранных. Так, в сонете, сопровождающем “Историю одного путешествия” Лери с первого издания 1578 г., “ярость Вильганьона”, “ложь Теве” и гражданская война между французами рассматриваются как препятствия, задержавшие выход в свет книги Лери, но, делает вывод автор, порой и несчастья выковывают дух и тем самым оказываются во благо³⁵. Подобную идею развил сам Лери в “Сонете автора”: поэтапное преодоление опасностей служит ему доказательством его избранности, за что он и благодарит Творца³⁶.

На фоне яростной критики Вильганьона его соотечественниками удивительно обнаружить сдержанную, а порой и хвалебную оценку со стороны португальцев. Конечно, так было не сразу: в 1560 г., непосредственно до и сразу после захвата “Антарктической Франции” видный деятель иезуитской миссии в Бразилии Мануэл да Нобрега не жалеет красок, чтобы описать опасность, которую представляет Вильганьон (он якобы называет себя вице-королем Бразилии и угрожает перейти на сторону Великого Турка, если Генрих II не пришлет подкреплений). Со своей стороны, генерал-губернатор Бразилии Мем де Са призывал королеву-ре-

гентшу Португалии Катарину основать город в заливе Рио-де-Жанейро, иначе французы станут неуязвимыми и слова Вильганьона о том, что его не изгонит и Великий Турок, станут реальностью³⁷. Интересно, что весьма чуткие к малейшему признаку “ереси из Ла-Рошели” (т.е. протестантизму) португальские иезуиты, бывшие свидетелями взятия “Антарктической Франции”, ни словом не обмолвились о существовавшей когда-то у Вильганьона симпатии к учению Кальвина; вся их антигугенотская риторика направлена против французских колонистов, но не против их руководителя.

Уже в 1563 г. в письме португальского посла во Франции Жоау Перейры Дантеша королю Себастьяну, наряду с отрицательными отзывами о Вильганьоне, содержится и такая характеристика: “Он заслужил потерять все, что потерял, за то, что отправился обустриваться на землях, которые, как ему было известно, принадлежат Вашему Величеству. Тем не менее, будучи дворянином и весьма хорошим католиком, ревнителем религии, (...) он заслуживает милости и более справедливого отношения к себе, чем может ожидать любой другой человек”³⁸.

Таким образом, благородное происхождение Вильганьона (в сочетании со званием мальтийского рыцаря, о котором известно португальским авторам), а также его приверженность католицизму делают бывшего грозного противника достойной уважения личностью. Особенно ярко эта метаморфоза прослеживается у иезуита Жозе де Аншьеты, который в 1560 г. сопровождал португальские войска, отправившиеся на захват “Антарктической Франции”, затем вел трудные переговоры с индейскими союзниками французов, склоняя их на сторону Португалии, а в 1584 г. так оценил Вильганьона:

Николя де Вильганьон, по всеобщему мнению, был очень ученым человеком и превосходным рыцарем (...). Он был всецело предан католической религии (...) Вероятно, его отъезд во Францию произошел в 1559 г., так как к моменту захвата башни [главной крепости колонии. – *О.О.*] Мемом де Са его там не было, и это был истинно божий промысел, потому что, как все утверждали, если бы он оставался на месте, форт ни за что бы не взяли, настолько выдающимся он был военным. Поэтому взятие крепости больше обязано божественной поддержке, нежели человеческим силам, что и стало для всех очевидно в ходе сражения. Господь явил немалую милость, избавив португальцев от встречи с этим капитаном³⁹.

Немаловажными достоинствами Вильганьона в глазах Аншьеты оказываются также установленные им для колонистов строгие правила общения с индианками (вспомним, что даже протестант

Лери считал возможным похвалить за это своего идеологического противника), а также то, что он выкупал у индейцев захваченных теми в плен португальцев, которых иначе по индейскому обычаю предали бы смерти, а тела съели.

На фоне резко негативного отношения к французам в Бразилии со стороны иезуитов, которые умело раздували степень угрозы со стороны “еретиков-кальвинистов”, образ Вильганьона у Аншьеты оказывается резко отделен от представлений о его соотечественниках в Бразилии. Не в последнюю очередь это связано с самим характером иезуитских сочинений XVI в., всегда тесно связанных с непосредственными “вызовами времени” и свидетельствующих о возможности изменить взгляд на происходящее постфактум, когда угроза (реальная или преувеличенная) остается в прошлом⁴⁰. В дальнейшем образ Вильганьона в сочинениях португальских авторов XVII–XVIII вв. останется достаточно схематичным; признание достоинств по сравнению с соотечественниками-протестантами уйдет в прошлое, а на первый план выдвинется критика самого намерения посягнуть на владения Португалии в Новом Свете. Это отношение достигнет апофеоза в сочинениях бразильского историка конца XIX–начала XX в. Р. Помбу, который назовет предприятие Вильганьона “малозначительной страницей нашей истории, [отмеченной] самым грязным из пачкающих ее пятен”⁴¹.

Во Франции же образ Вильганьона остался теснейшим образом связан с историей его “предательства веры”. Даже исследователи конца XIX–XX в., попытавшиеся противостоять этой “черной легенде”, не всегда оказывались свободны от штампов, появившихся еще в XVI столетии⁴².

Впрочем, в одном отношении имя Вильганьона все же обрело исключительно нейтральное звучание: с 1560-х годов и по сей день так называется остров в заливе Гуанабара, на котором располагалось ядро “Антарктической Франции”.

ЖАН КОИНТА, “МОНСЕНЬОР ДЕ БУЛЕ”: ИСТОРИЯ ПЕРЕБЕЖЧИКА

В отличие от Вильганьона, на голову которого пали основные обвинения в предательстве веры и в падении колонии, поведение одного из его подчиненных, Жана Коинты, известного в дальнейшем также как “монсеньор де Буле”⁴³, вызвало меньший резонанс, хотя значение совершенного им поступка было весьма

велико: именно он, перейдя на сторону португальцев перед штурмом “Антарктической Франции”, снабдил нападавших важными сведениями и лично участвовал в военных действиях против колонии, в которой сам когда-то жил.

Сведения о перебежчике, сыгравшем роковую роль в падении колонии, достаточно скудны. Сам он утверждал, что родился в провинции Труа во Франции⁴⁴ и в молодости отдал дань и военному ремеслу, и наукам⁴⁵. Его взяла к себе на службу вдовствующая королева Шотландии (мать Марии Стюарт, выданной замуж за Франциска II), что дало ему возможность познакомиться с адмиралом Гаспаром де Колиньи. Коинта собирался отправиться в Шотландию, но, по его словам, Колиньи убедил его поехать в Бразилию, чтобы помочь Вильганьону выработать “статуты” управления колонией⁴⁶, которую в тот момент сотрясали заговоры. В дальнейшем, выступая перед трибуналом португальской инквизиции, он особо настаивал на том, что исполнял поручение адмирала Колиньи и действовал исключительно в светской области⁴⁷; категоричность последнего утверждения связана с обвинением Коинты в ереси и его желанием затушевать некоторые свои действия в колонии.

В Бразилию он прибыл в марте 1557 г., с тем самым подкреплением из Швейцарии и Франции, которое состояло преимущественно из протестантов. Во французской колонии его называли Жан Коинта, он же сам настаивал на наименовании “господин Эктор, ранее доктор Сорбонны”⁴⁸. За время совместного путешествия через Атлантический океан протестантские пасторы не составили о нем хорошего мнения, однако Коинта в ходе первого же причастия по кальвинистскому образцу публично отрекся от католицизма и вскоре женился на одной из протестантских девушек, прибывших в Бразилию в составе той же экспедиции. Впрочем, описывающий этот эпизод Жан де Лери намекает, что матримониальные устремления Коинты объяснялись тем, что его избранница получила в наследство от умершего уже в Бразилии родственника-колониста товары, предназначенные для меновой торговли с индейцами, – ножи, рыболовные крючки, гребни, зеркала, разноцветные ткани. Женившись, Коинта не замедлил прибрать это наследство к рукам и обратить его себе на пользу⁴⁹.

Вскоре в глазах своих спутников-протестантов он пал еще ниже: “Решив [вслед за Вильганьоном] продемонстрировать свои познания, Коинта принялся публично учить Святому Писанию. Но, взявшись за Евангелие от Иоанна – предмет возвышенный и

весьма сложный, как это хорошо известно теологам, – он чаще всего изрекал нелепицы...”⁵⁰. Протестантские проповедники стали его критиковать, он в ответ начал выступать в богословских диспутах на стороне Вильганьона, оспаривавшего некоторые кальвинистские положения о евхаристии⁵¹. В результате Коинта перессорился и с протестантами, и с Вильганьоном и покинул остров, пробыв там всего полгода: по версии его оппонентов-кальвинистов, его изгнал Вильганьон⁵², по версии самого Коинты – он покинул общество главы колонии по собственной воле и дожидался лишь попутного корабля, чтобы вернуться в Европу⁵³. Точно в таком же положении изгнанников оказались и протестантские проповедники после окончательного выбора Вильганьона в пользу католической доктрины, однако не похоже, чтобы общие неурядицы сблизили обе стороны, пострадавшие от “тирании” главы “Антарктической Франции”.

Протестанты, среди которых был и Жан де Лери, провели несколько месяцев в ожидании корабля, на котором можно было бы возвратиться во Францию, но в результате все же дождались такого судна. Коинта же, прождав некоторое время, отправился в ближайшее португальское капитанство⁵⁴ Сан-Висенти и перешел на сторону португальцев: сначала помог им отразить атаку индейцев, среди которых были также эмиссары Вильганьона⁵⁵, а затем перебрался южнее, в капитанство Ильеус, где разыскал генерал-губернатора М. де Са и “открыл ему намерения упомянутого Вильганьона и тот ущерб, который [его действия] на этом побережье нанесут [португальской короне]”⁵⁶. Тем самым Коинта выступил против собственных соотечественников дважды. Чем же он при этом руководствовался?

В материалах процесса против Коинты, длившегося несколько лет сначала в Бразилии, а затем в Португалии, содержатся разные версии его поступка. Сам Коинта по ходу дела менял тональность своих заявлений, выдвигая на первый план то одно, то другое обстоятельство. Интересно при этом, что термин “предательство” не фигурирует в показаниях ни свидетелей обвинения, ни свидетелей защиты – вероятно, из-за того, что весь процесс был инспирирован португальской стороной, а участвующие в нем французы (в том числе бывшие колонисты “Антарктической Франции”) привлекались лишь для характеристики религиозных убеждений Коинты, да и то их показания во многом зависели от формулировки вопроса⁵⁷.

Среди трех ключевых поступков Коинты, каждый из которых все больше отделял его от “Антарктической Франции” (уход

с острова Колиньи, решение покинуть залив Гуанабара и уйти в капитанство Сан-Висенти с дальнейшим переходом на сторону португальцев; согласие участвовать вместе с М. де Са в штурме французской колонии) наиболее подробно освещаются первый и третий.

Так, на вопрос, почему Коинта покинул Вильганьона, давались следующие ответы: Коинта не смог более терпеть обиды от протестантских проповедников, те же преследовали его за то, что он им возражал (вариант – проповедники угрожали его жизни)⁵⁸; колонисты не пожелали получить от Коинты те “статуты” и “установления”, ради которых его послал в Бразилию адмирал Колиньи, и он захотел их оставить и уйти жить на материк⁵⁹. Тем не менее пока что Коинта все же не покидает сферы французского влияния и теоретически еще может участвовать в общих для колонии делах.

Все меняется на втором этапе, когда Коинта уходит в Сан-Висенти. При этом в показаниях как его самого, так и свидетелей его защиты акцент искусно смещен с вопроса о причинах этого поступка на описание конкретного воплощения данного решения (уход с берега залива Гуанабара вместе с многочисленным индейским отрядом, отправившимся воевать с португальцами в Сан-Висенти; в его составе находились и люди Вильганьона). Лишь единожды Коинта дает “политическое” объяснение:

Капитан колонии французов сговорился с индейцами и все вместе постановили напасть на капитанство [Сан-Висенти], и тогда [он, заявитель] вернулся в форт и заявил капитану и всем находившимся в колонии о своем несогласии и о том, что не следует ни брать в союзники индейцев, ни оказывать им какую-либо поддержку против португальцев, потому что [Португалия] является союзницей короля Франции и адмирал [Колиньи] поручал не причинять португальцам никакого вреда. Но так как после этого [глава колонии] не захотел отказаться от своего намерения, [он, заявитель] отправился в Сан-Висенти (...) и предупредил о готовящемся нападении⁶⁰.

Существует и другое возможное объяснение – менее возвышенное и более прагматическое. Коинта хотел поскорее вернуться в Европу, и, прождав попутного корабля полгода, он мог решить попытать счастья у португальцев, а чтобы расположить их к себе, оказать им услугу в виде раскрытия плана индейского нападения⁶¹.

В Сан-Висенти Коинта не остался (в дальнейшем он заявлял, что его немалые заслуги по спасению капитанства от разорения

не были оценены по достоинству), а отправился к генерал-губернатору М. де Са в Ильеус. О том, что инициатором их встречи был именно “монсьеюр де Болес”, свидетельствуют спутники генерал-губернатора⁶². Сам Коинта так говорит о своем решении выступить вместе с М. де Са против своих соотечественников: генерал-губернатор убедил его, что Вильганьон обосновался в Бразилии без королевского мандата, и изгнать лютеран, находящихся в Рио-де-Жанейро⁶³ против воли французского монарха, будет “хорошей службой моему королю [курсив мой. – О.О.]”. Однако затем Коинту одолели сомнения: появились сведения, что король Франции сам стал протестантом и провозгласил в своем королевстве временное правление. Тогда Коинта заявил генерал-губернатору, что не пойдет с ним воевать против французов в Рио-де-Жанейро: ранее он собирался это сделать только потому, что они лютеране, а раз теперь его король сам лютеранин, то воевать с ними будет неправильно⁶⁴. В одних показаниях Коинта утверждает, что никому не рассказал о причинах нежелания идти с М. де Са; в других, напротив, подробно описывает, как генерал-губернатор публично уговаривал его оставить сомнения:

Опасаясь идти против своего короля, я искал способа не выполнять обещанного генерал-губернатору. Увидев это, он собрал свой совет и в присутствии всех сказал мне, что требует моего участия как во имя Бога, так и во имя короля Португалии и Франции. Он сказал также, чтобы я не сомневался и сопровождал его в походе и приказал зачитать или же сам лично прочел письмо, которое ему об этом написала [королева-регентша Катарина], где говорилось, что она обратилась к королю Франции, а тот ответил, что не знает, кто эти люди [из колонии], они сами покинули его королевство и пусть ее величество [королева Катарина] их накажет⁶⁵.

Интересно, что последнее обстоятельство упоминается в источниках с французской стороны: посол Франции в Лиссабоне Жан Нико сообщает Франциску II, что именно таким образом королева-регентша Португалии Катарина оправдывает действия португальцев в Бразилии⁶⁶. У самого Нико такая отговорка вызывает лишь возмущение.

Аргументы М. де Са показались Коинте убедительными, но все же он поставил еще одно условие: все участники похода против французской колонии должны подписаться под тем, чтобы не причинять вреда людям, не отнимать их имущества, а дать им корабль и позволить вернуться на родину. На этих условиях Коинта согласился сопровождать генерал-губернатора и “сделать так, чтобы тот захватил крепость”⁶⁷. Не свидетельствует ли это заяв-

ленное стремление спасти жизнь колонистам в обмен на захват колонии о том, что в глубине души Коинта осознавал свое предательство?

Есть и прямое признание Коинты в том, что его тревожила совесть: оказавшись в тюрьме по обвинению в ереси, исходившем от главы ордена иезуитов в Бразилии, Луиса де Грау, он считал это небесным возмездием: “Я решил, что Бог меня так страшно наказал за совершенный грех, и меня стало угнетать содеянное”⁶⁸. Впрочем, после того, как стало известно, что слухи о переходе короля Франции на сторону протестантов оказались ложными и что преемник Франциска II Карл IX стал преследовать гугенотов, Коинта избавился от угрызений совести⁶⁹.

Вот как сложилась затем его судьба: судебный процесс по обвинению в ереси, продолжавшийся с 1561 по 1564 г., Коинте удалось выиграть: он убедил инквизицию, что его симпатии к протестантам были временными и что он в них раскаивается. Во время разбирательства он запросил официальное подтверждение своих заслуг перед португальцами – как в том, что касается отражения нападения на капитанство Сан-Висенти, так и в отношении взятия “Антарктической Франции”. Вероятно, полученные свидетельства склонили португальских инквизиторов к принятию решения о помиловании Коинты после принесения им покаяния в соответствующей форме и прохождения “испытательного срока” в монастыре. Тем не менее иезуиты в Бразилии продолжали считать его подозрительным; в дальнейшем на основании их заявлений разных лет возникла легенда, что в 1567 г. Коинту приговорили к повешению по приказу М. де Са, и приговор помог привести в исполнение один из видных иезуитов, Жозе де Аншьета. Это мнение было опровергнуто исследователями только в XX в.⁷⁰, когда на основании найденных документов стало известно, что Коинта закончил свои дни не в Бразилии, а в Индии, где ему опять пришлось столкнуться с португальской инквизицией, но уже с неблагоприятным исходом⁷¹.

Так кем же в результате оказался Коинта – предателем соотечественников или единоверцев? Приводимые им в свое оправдание аргументы показывают, насколько менялось его представление об общности, связывавшей его с поселенцами из “Антарктической Франции”: религиозное здесь тесно связано с политическим. Обида на протестантских проповедников (представленная затем как борьба с их “ересью”) отступает в его душе перед известием, что дело гугенотов побеждает в самой Франции, и вот уже под

влиянием этого Коинта вновь признается в симпатии к “реформированной вере”. С другой стороны, согласие Коинты с мнением португальцев об отсутствии у Вильганьона королевского мандата на основание колонии сменяется признанием законности предприятия, если и король, и поселенцы оказываются протестантами. Кроме того, на все эти соображения накладывались и поиски личной выгоды, сопряженные с необходимостью лавировать между несколькими сторонами, и стремление спасти свою жизнь, оказавшись перед трибуналом инквизиции.

ПРЕДАТЬ СВОЕГО СОЮЗНИКА? ФРАНЦУЗЫ И ИНДЕЙЦЫ В БРАЗИЛИИ

Если вопрос о предательстве Вильганьона и Коинты относится к сфере взаимоотношений как французов между собой, так и французов и португальцев в Новом Свете, оставаясь при этом тесно связанным с религиозными противоречиями в Европе XVI в., то рассмотрение проблемы верности и предательства в отношениях французов и индейцев в Бразилии лежит в иной плоскости. Здесь межконфессиональные различия отходят на второй план или вовсе исчезают из поля зрения; в рамках союзнических отношений с индейцами французы выступают как более или менее единое целое. Даже разница между дружественными отношениями, достигнутыми в условиях одного лишь французского присутствия в Бразилии (без активной колонизации), и союзническими отношениями, декларировавшимися в период существования французских колоний, оказывается не столь принципиальной, так как они зиждутся на одном и том же фундаменте; вторые невозможны без первых и именно в них черпают свою легитимность.

Для того чтобы охарактеризовать союзнические отношения французов и индейцев и определить, было ли в них место предательству, необходимы некоторые общие замечания. Индейцы, населявшие атлантическое побережье Бразилии (в XVI в. именно с ними в основном имели дело как португальцы, так и конкурировавшие с ними французы), в основном принадлежали к семье тупи-гуарани; племена часто враждовали между собой. Война и связанная с ней ритуальная антропофагия по отношению к пленным играли для индейцев тупи важную социальную роль⁷². Суть ее оставалась непонятной для европейских наблюдателей XVI в., но само существование межплеменных конфликтов было им отлично известно; и португальцы, и французы старались об-

ратить их себе на пользу, вербуя союзников из враждующих лагерей. “Дикари, поддерживающие португальцев, воюют с теми, кто держит сторону французов, и наоборот”, – писал в 1557 г. в своих “Особенностях Антарктической Франции” Андре Теве⁷³; принцип “друг моего врага – мой враг” был распространен и на европейцев, поддерживавших те или иные племена. Разумеется, по мере все возрастающей активности португальских колонизаторов у племен атлантического побережья Бразилии возникали и другого рода конфликты с португальцами; французы пользовались этим, поддерживая недовольных и обеспечивая себе саму возможность находиться в Бразилии, откуда португальцы всеми силами старались их изгнать. Тем самым во взаимоотношениях французов и их индейских союзников поле для маневра оказывалось во многом ограниченным; сохранение хороших отношений с местным населением оставалось приоритетной задачей как для частных “посетителей” из Франции, так и для колонистов.

Соответственно, в образе бразильских индейцев, сложившемся во Франции благодаря сочинениям путешественников, побывавших в “стране красного дерева”, важное место занимал мотив доброго приема, оказываемого французам в Бразилии; его характеризовали в эмоциональных терминах “любви” и “дружбы”. В 1530-х годах поэт и мореплаватель Пьер Криньон утверждал, что французы способны завоевать для короля Франциска дружбу и преданность народов тех стран, доступ к которым преграждают им португальцы; их, в отличие от французов, местное население не любит и не почитает⁷⁴; в анонимном сочинении 1550 г., описывающем торжественный въезд короля Генриха II в Руан, где был устроен своеобразный “бразильский спектакль”, утверждалось, что жители этой далекой страны всем сердцем поддерживают французов, и этот союз заставит отступить “вражескую Португалию”⁷⁵; наконец, уже в начале XVII в., во времена второй французской колонии в Бразилии – “Равноденственной Франции” – капуцины Клод д’Аббвиль и Ив д’Эврё в своих сочинениях развернули настоящую пропаганду “сердечного согласия” и тесных союзнических уз между французами и индейцами. Яркие примеры проявления любви и дружбы индейцев по отношению к своим французским союзникам приводил и Жан де Лери несколькими десятилетиями ранее.

Одновременно с этим внимательное рассмотрение свидетельств о пребывании французов в Бразилии показывает, что взаимоотношения с индейцами были окрашены не только в розовые тона. Весьма точную формулировку нашел здесь Андре Теве,

говоря об “американцах, называющих себя нашими друзьями”⁷⁶. С одной стороны, эти индейцы поддерживают ставшие уже традиционными торговые контакты с французами, с другой стороны, они вызывают опасение возможным нападением на колонию Вильганьона. Их характер отличается воинственностью, и если однажды они научатся обращаться с европейским оружием, нет никакой гарантии, что они не обратят его против французов, писал Теве⁷⁷. Кроме того, несмотря на глубокое внутреннее убеждение европейцев, что их индейские союзники действуют согласно их интересам, сами индейцы альянсом с европейцами преследуют собственные цели. Так, вполне возможно, что инициатива похода на капитанство Сан-Висенти, которым воспользовался Континта, чтобы уйти из “Антарктической Франции”, исходила как раз от индейцев, а французы лишь поддержали уже сложившийся план (по крайней мере, об этом свидетельствует состав сил: несколько тысяч индейцев и менее десятка французов, пусть даже и вооруженных огнестрельным оружием).

Интересно, что несмотря на радушный прием, который Вильганьону и его спутникам оказали индейцы в месте первой высадки французов в Бразилии у мыса Кабо Фрио, в дальнейшем глава “Антарктической Франции” предпочел устроить свою колонию на острове – в том числе и из-за опасения нападения индейцев. Первоначально колонисты считали, что подобная атака будет связана с желанием завладеть привезенными из Франции товарами на обмен. Несколько месяцев спустя, когда среди местного населения разразилась эпидемия странной инфекционной болезни (по всей вероятности, связанная с отсутствием у индейцев иммунитета к бактериям и вирусам из Старого Света), это стало еще одним поводом опасаться нападения индейцев на колонию. Так, штурман экспедиции Вильганьона Николя Барре не уставал радоваться тому факту, что у колонистов были пушки, которыми они смогли бы усмирить пыл индейцев, если бы те их атаковали⁷⁸.

Тем не менее случаев прямого выступления против французов во времена колонии в заливе Гуанабара отмечено не было; более того, генерал-губернатор М. де Са в письме королеве-регентше Катарине еще до штурма колонии особо подчеркивал своеобразие индейской политики Вильганьона, который жестко наказывал собственных подчиненных за вред, причиненный индейцам, чем снискал себе их преданность⁷⁹.

Описывая время, проведенное среди индейцев, Жан де Лери подробно остановился на союзнических отношениях с непосред-

ственными соседями “Антарктической Франции” (не утаив, правда, и случаев, когда другие племена оказывались не столь лояльны французам). В его изложении то, что удерживает индейцев от предательства, в конечном счете соответствует интересам самих индейцев: “Тупинамба хорошо знают, что [среди европейцев] португальцы уже являются их врагами, и если бы они убили француза, то между ними разразилась бы такая непримиримая война, что они навсегда были бы лишены [столь необходимых им] европейских товаров”⁸⁰. Кроме того, тот факт, что союзнические отношения были неоднократно подтверждены обеими сторонами, представлял значительную ценность для индейцев, придававших большое значение передаче памяти и традиций от предков к потомкам.

Подобным отношением к себе как к французу в конце XVI в. воспользовался другой иностранец, англичанин Энтони Найвет; в результате он жестоко обманул доверие индейцев и фактически предал их, обещав привести к местам стоянок французских кораблей, а сам вывел их под пули португальцев⁸¹. Однако то, что он не являлся французом, а лишь выдавал себя за него, чтобы обеспечить себе безопасность среди индейцев, не позволяет в полной мере включить этот эпизод в историю предательств во французской Бразилии.

Один из немногих документально подтвержденных эпизодов предательства индейцем французов относится ко временам “Равноденственной Франции” в Мараньяне (на севере Бразилии). Несмотря на то что усилиями капуцинов Клода д’Абвиля и Ива д’Эврё была развернута масштабная “рекламная кампания” по превозношению “любви и дружбы”, связывающих французов и индейцев, “мечтающих в будущем стать одной нацией”, в реальности французам приходилось применять не только уговоры, но и принуждение (правда, соизмеряя в каждом случае эффект от примерного наказания или демонстративного помилования⁸²). Во многом это было связано со своеобразием расклада сил среди индейцев Мараньяна: окружавшие французскую колонию земли были заселены индейскими общинами, зачастую находившимися в родственных отношениях, но при этом отчаянно враждовавшими между собой. Кроме того, некоторые племена, например тупинамба, исторические союзники французов, пришли в эти края сравнительно поздно под натиском португальцев, изгнавших их с их исконных земель, и сами оказались втянутыми в конфликт с коренными жителями Мараньяна.

Заключая договоры о союзе с различными племенами, не всегда ладившими между собой, французы оказывались в положении гарантов перемирия. Отсюда и вытекала необходимость поддерживать свой статус союзника, которого не только любят, но и опасаются⁸³.

Случай предательства индейцем французов, о котором пойдет речь, как раз и был связан с общей рыхлостью политической и межплеменной конфигурации. Это один из редких эпизодов, когда капуцины, весьма благожелательно относившиеся к индейцам из окрестностей “Равноденственной Франции”, употребляют слово “предатель”. Обозначенный таким образом индеец, уже конфликтовавший ранее с колонистами, выдал их местонахождение португальскому отряду Мартина Соареша Морено, отправившемуся в Мараньян на “разведку боем”. Узнав о приближении отряда, французы договорились со своими индейскими союзниками, что те будут отрицать любое французское присутствие в Мараньяне, и тем самым усыпят бдительность португальцев, устроив им засаду. Однако индеец по имени Себастьян раскрыл португальцам этот замысел⁸⁴.

Сам Мартин Соареш Морено рассказал, что Себастьян присоединился к ним, “движимый сочувствием к португальцам”. Его христианское имя было ему дано французами (следовательно, он был крещен капуцинами, которые уделяли большое внимание этому свидетельству лояльности индейских союзников), сам он являлся уроженцем Мараньяна, однако в окрестности колонии его привели французы⁸⁵.

Помимо Себастьяна, другим информатором португальцев стал индейский старейшина из поселения под названием Итапарис. Ив д’Эврё сообщал, что его допрашивали португальцы по многим вопросам, “но неизвестно, что именно тот им ответил”. Свидетельства спутников Мартина Соареша Морено подтверждают, что старейшина действительно выдал сведения о французах и в награду получил топор⁸⁶. В отличие от Себастьяна, который ушел вместе с португальцами, опасаясь наказания за свое предательство, старейшина Итапариса вернулся к себе домой. Неизвестно, применили ли к нему французы какие-либо санкции, так как конец главы книги Ива д’Эврё, где описывался этот случай, не сохранился до наших дней. Однако такое предположение весьма вероятно, судя по опасениям Себастьяна.

Если французам приходилось оказываться жертвами предательства индейцев, были ли обратные случаи? Если вспомнить о многочисленных обещаниях французов “защищать индейцев от

их врагов”, которые щедро раздавались в первые месяцы существования “Равноденственной Франции”, то перемирие, заключенное французами с португальцами, а затем и сдача крепости на острове Мараньян может быть охарактеризована если не как предательство, то по меньшей мере как невыполненное обещание. После того как падение французского поселения открыло путь для португальских колонизаторов, индейцы Мараньяна подняли восстание, продолжавшееся три года. Они осаждали спешно возводимые португальские укрепления, португальцы в ответ высылали карательные экспедиции. В результате восставшие были частью истреблены, частью рассеяны; захваченных в плен направили на строительство новых португальских фортов. Что же касается населения острова Мараньян (ядра “Равноденственной Франции”), то оно, хотя и не принимало участия в восстании, не избежало участи соплеменников; причиной стали не карательные экспедиции, а европейские болезни⁸⁷. Этим союзникам французов так и не довелось получить от них обещанную поддержку.

* * *

Подводя итог представлению эпизодов предательства во французской Бразилии XVI – начала XVII в., отметим, что большинство из них в долгосрочной перспективе приводит к серьезным последствиям, несмотря на кажущийся поначалу незначительным масштаб поступка. Так, расплатой за сравнительно недолго высказывавшиеся Вильганьоном симпатии к положениям протестантского вероучения стало клеймо “предателя веры”, сопровождавшее имя главы “Антарктической Франции” спустя не только десятилетия, но и века после событий 1555–1558 гг. Переход Коинты на сторону португальцев в 1560 г., хотя и оказавший несомненное влияние на дальнейшие события, предопределил падение французской колонии в меньшей степени, чем отсутствие Вильганьона. Предательство индейца Себастьяна и старейшины Итапариса позволило отряду Мартина Соареша Морено получить сведения о французах в Мараньяне и укрепить тем самым решимость колониальной администрации Бразилии изгнать их из этого региона.

Эпизоды предательства единоверцев или соотечественников в Новом Свете получают дополнительную эмоциональную окраску в освещении европейских авторов, не покидавших пределов своего континента. В этой связи весьма удачным представляется определение французского исследователя Ф. Лестрингана, го-

ворящего о “черной легенде”, сформировавшейся в отношении Вильганьона. Здесь же можно отметить, что пристрастные суждения о религиозных взглядах Коинты оказываются более значимыми для характеристики его поступков, чем оценка его предательства (по существу, оказавшегося услугой португальцам). Наконец, в отношениях французов и индейцев подозрения в предательстве порой связаны с эмоциональной оценкой действий, изначально вовсе не направленных на предательство. Так, рассуждение Ж. де Лери о верности тупинамба Рио-де-Жанейро французам было навеяно излишне пристрастной оценкой ситуации, в основе которой лежало недоразумение, в чем сам он и признается.

Таким образом, проанализированные случаи предательства добавляют новые штрихи к освещению того глобального перелома, который совершался в Европе в XVI в. и был связан как с открытием и покорением новых земель, так и с религиозными конфликтами в Старом Свете. Рассмотренные эпизоды позволяют увидеть в необычном ракурсе некоторые важные стороны французского присутствия в Бразилии в раннее Новое время.

Изученные случаи предательства позволяют углубить наше понимание нюансов и тончайших взаимопереплетений человеческих судеб, амбиций и устремлений той эпохи, детально рассмотреть и высветить сложные отношения, связывавшие участников длительного процесса освоения новых территорий.

¹ Подробнее о начальном периоде этого соперничества см.: Окунева О.В. В погоне за красным золотом: франко-португальское соперничество в Бразилии в первой половине XVI в. // Новая и новейшая история. 2005. № 5. С. 198–211.

² Morison S.E. The European Discovery of America: the Southern Voyages (1492–1616). N.Y., 1974. P. 590.

³ Существует версия, что во время обучения в Сорбонне Вильганьон мог познакомиться с Жаном Кальвином, и это обстоятельство в дальнейшем повлияло на приглашение кальвинистов в бразильскую колонию. Встреча Вильганьона и Кальвина могла состояться в 1528 г., до отъезда этого последнего в Орлеан и Бурж или же в 1532 г., после его возвращения в Париж. (Heulard A. Villegagnon, roi d'Amérique: L'homme de mer au XVIe siècle (1510–1572). P., 1913. P. 4). Согласно другой версии, Вильганьон обучался праву в Орлеане, где он и встретился с Кальвином. (Lestringant F. Villegagnon: entre la légende noire et la légende dorée // Les aventures des Bretons au Brésil à l'époque coloniale / Dir. Mérian J.Y. Rennes, 2007. P. 165).

⁴ Expédition de Charles-Quint contre Alger // Bibliothèque de l'École des Chartes. P., 1896. T. 57. P. 510–511.

⁵ Heulard A. Op. cit. P. 30.

- ⁶ Cloulas I. Henri II. P., 1985. P. 186; *Baudouin-Matuszek M.-N.* Henri II et les expéditions françaises en Ecosse // Bibliothèque de l'École des Chartes. P., 1987. T. 145. P. 340, 354, 359–364.
- ⁷ Cloulas I. Op. cit. P. 286; *Heulard A.* Op. cit. P. 72–73.
- ⁸ Распоряжение Генриха II от 26 марта 1554 г. (по новому стилю это 1555 г., так как в то время Новый год начинался с Пасхи, а не с 1 января. – *О.О.*). – Цит. по: *Heulard A.* Op. cit. P. 99.
- ⁹ *Léry J. de.* Histoire d'un voyage fait en la terre du Brésil (1578, seconde édition – 1580) / Ed. F. Lestringant. P., 1999. P. 106.
- ¹⁰ Histoire des choses mémorables advenues en la terre du Brésil, partie de l'Amérique australe, sous le gouvernement de N. de Villegaignon, depuis l'an 1555 jusques à l'an 1558 (s.d., 1561) // *Nouvelles annales des voyages. 5e série.* P., 1854. Vol. 144. T. 4. P. 198.
- ¹¹ *Chinard G.* Réfugiés huguenots en Amérique. P., 1925. P. 5–6.
- ¹² *Julien Ch.-A.* Les voyages de découverte et les premiers établissements (XVe–XVIe siècles). P., 1947. P. 188.
- ¹³ *Lestringant F.* Le Huguenot et le Sauvage: L'Amérique et la controverse coloniale en France au temps des guerres de Religion (1555–1589); troisième édition. Genève, 2004; *Idem.* Genève et l'Amérique: le rêve du Refuge huguenot au temps des guerres de Religion (1555–1600) // *Revue de l'histoire des religions.* P., 1993. T. 210, № 3. P. 331–347; *Idem.* Geneva and America in the Renaissance: the Dream of the Huguenot Refuge 1555–1600 // *Sixteenth Century Journal.* Summer 1995. Vol. 26, Issue 2. P. 285–295.
- ¹⁴ *McGrath J.* Polemic and History in French Brazil, 1555–1560 // *Sixteenth Century Journal.* Summer 1996. Vol. 27, Issue 2. P. 389.
- ¹⁵ [*Barré N.*] Copie de quelques lettres sur la navigation du chevalier de Villegaignon es terres de l'Amérique outre l'æquinoctial, iusques soubz le tropique de Capricorne; contenant sommairement les fortunes encourues en ce voyage avec les mœurs et façons de vivre des Sauvages du païs; envoyées par un des gens dudit seigneur (1557) // *Gaffarel P.* Histoire du Brésil français au XVIe siècle. P., 1878. P. 382–385.
- ¹⁶ Речь идет о различном понимании пресуществления хлеба и вина в плоть и кровь Христа во время таинства причастия и связанных с этим разногласиях относительно особенностей проведения обряда. Подробнее см.: *Lestringant F.* Tristes tropistes: Du Brésil à la France, une controverse à l'aube des guerres de religion // *Revue de l'histoire des religions.* 1985. T. CCII, Fasc. 3. Juillet-septembre. P. 267–294.
- ¹⁷ *Crespin J.* Histoire des martyrs: persecutez et mis à mort pour la verité de l'Evangile, depuis le temps des Apostres jusques à l'an 1597 comprinse en douze livres, contenant les Actes memorables du Seigneur en l'infirmité des siens, non seulement contre les efforts du monde, mais aussi contre diverses sortes d'assaux et heresies monstrueuses. Genève, 1597. P. 413–418. (Первое издание – 1564).
- ¹⁸ Mémoires de Claude Haton, contenant le récit des événements accomplis de 1553 à 1582, principalement dans la Champagne et la Brie, publiés par Félix Bourquelot. P., 1857. Vol. 1. P. 40.
- ¹⁹ *Poulenc J.* Tentatives de Nicolas Durand de Villegaignon en vue d'obtenir un envoi de missionnaires en France Antarctique (1560) // *Archivum Franciscanorum historicum.* Firenze, 1967. T. 60. P. 397–407.
- ²⁰ Lettre de François II au Père Gardien des Cordeliers de Paris (Fontainebleau, 15 août 1560) // *Ibid.* P. 404.

- ²¹ Примечательна здесь эпитафия Вильганьону, которую оставил в своих мемуарах католический священник Клод Атон: подводя итог деятельности вице-адмирала, Атон не упоминает о бразильской колонии (хотя в его мемуарах есть весьма ценные сведения об обстоятельствах подготовки экспедиции 1555 г.), но сосредотачивается на борьбе с протестантами: “В мирное время он не переставал воевать с гугенотами духовным оружием святого слова Божия, извлеченного из Евангелий и сочинений древних и современных докторов (...) Он написал много прекрасных книг как на латыни, так и на французском, чтобы опровергнуть ложное мнение своего однокашника Жана Кальвина и других проповедников обманной лютеранской и гугенотской доктрины. Против этой ереси он поднимал материальное и вещественное оружие, служа Богу и своему королю, как, например, в 1562 г. перед городом Руаном в Нормандии, где пушечным ядром ему оторвало ногу (...) или в 1567 г. в городе Санс, где он был королевским наместником и где он разбил гугенотское войско принца Конде, к великому стыду этого принца и его людей”. (*Mémoires de Claude Haton*. Vol. 2. P. 622–623.)
- ²² Названия сочинений Вильганьона и его оппонентов приводятся по изданию: *Heulard A.* Op. cit. P. 214–227.
- ²³ *Lestringant F.* Le Huguénot et le Sauvage... P. 420–447; *Idem.* Villegagnon: entre la légende noire et la légende dorée... P. 167–174.
- ²⁴ Узнав после пребывания в Бразилии о ритуальной антропофагии индейцев, гугеноты стали активно использовать этот образ в антикатолической пропаганде: католики, буквально понимающие пресуществление хлеба и вина в плоть и кровь Христа во время таинства причастия, “поедают” Бога и потому сравнимы с каннибалами. Подробнее см.: *Lestringant F.* Catholiques et cannibales: Le thème du cannibalisme dans le discours protestant au temps des guerres de religion // *Pratiques et discours alimentaires à la Renaissance. Actes du colloque de Tours 1979* / Dir. Margolin J.-C., Sauzet R.P., 1982. P. 233–245.
- ²⁵ Вот пример такого обвинения в стихах: “Vide Villegagnonem / Nunc mutatum ganconem / Qui solum facit ventrem / Falerno et Dapibus / Fruens partis opibus / Derelictum inermem” (“Взгляни на Вильганьона, ныне превращенного в мартышку; он только и делает, что набивает себе брюхо едой и фалернским вином, наслаждаясь добытыми богатствами; [теперь] он остается беспомощным”). *Maillard N.* Prosa magistri Nicolai Mallarii... // *Le Moine R.* Amérique et les poètes français de la Renaissance. Ottawa, 1972. P. 137. Существует еще один вариант прочтения (и, следовательно, перевода) этой эпиграммы: так, Ф. Лестринган указывает, что несмотря на созвучие слов “Villegagnon” и “guénon” (мартышка), “опрокинутое” из французского в латынь, в данном случае следует читать “Nunc mutatem ganconem”, имея в виду атрибут, связанный с трактиром или харчевней (столб или шест). *Lestringant F.* Villegagnon: entre la légende noire et la légende dorée. P. 175. Латинско-русский словарь И.Х. Дворецкого дает несколько иной перевод слова “ganeo” – гуляка, кутила. В любом случае подобное прочтение усиливает основную мысль Н. Майара: приписывание Вильганьону греха чревоугодия и пьянства для еще большей дискредитации его образа.
- ²⁶ “[В вопросе о чистоте и строгости нравов] он был достоин похвалы: и сколь угодно было бы Богу – как для продвижения его Церкви, так и для пользы, которую извлекли бы многие добропорядочные люди, – если бы и во всех других отношениях он поступал бы так же правильно, как в этом [деле]”. (*Léry J.* *de.* Op. cit. P. 181).

- ²⁷ Histoire d'André Thevet, augoumoisain, cosmographe du Roi, de deux voyages par lui faits aux Indes australes et occidentales contenant la façon de vivre des peuples Barbares, et observation des principaux points que doivent tenir en leur route les Pilotes, et mariniers, pour éviter le naufrage, et autres dangers de ce grand Océan, Avec une response aux libelles d'injures, publiées contre le chevalier de Villegagnon [circa 1588]. Отрывки из этого последнего сочинения Тевет опубликовались в следующем издании: Les Français en Amérique pendant la deuxième moitié du XVIe siècle. P., 1953. P. 241–300.
- ²⁸ “Voyant cette écriture ils [les huguenots] diront en courroux: / Et quoi de gentil sot écrit donc contre nous! [...] / Avant qu'il soit long temps on lui rendra son change / Comme à Villegagnon qui ne s'est bien trouvé / D'avoir ce grand Calvin au combat éprouvé”. *Ronsard P.* Remontrance au peuple de France (1562–1563) // Le Moine R. Op. cit. P. 211.
- ²⁹ См. примеч. 23.
- ³⁰ “Et quoi? l'exemple mémorable / Du Chevalier Villegagnon / Qui pour la faute moindre ou semblable / Fut changé en vieil quénon, / Ne t'a point fait devenir sage / Sans m'en donner la peine à ton dommage”. *Anonyme.* Soudaine métamorphose de Mons. Pierre de Ronsard en messire Rossard (между 1560 и 1577 гг.) // Le Moine R. Op. cit. P. 246.
- ³¹ “...Il vaut mieux hors France les jeter, / Avec Villegagnon, pour terres conquister / Pendant notre pays de telles gens délivre”. *Anonyme.* Aux papistes (1556–1560) // Ibid. P. 229.
- ³² “Tu fus par ci-devant la fidèle trompette / Qui ce monde Antarctique sommas à notre foi, / Et n'eût été le Traître à Dieu et à son Roi, / La conquête sans glaive en était toute faite”. *Anonyme [Pierre Poupo?]*. A Jean de Léry (1585) // Ibid. P. 242; см. также *Léry J. de.* Op. cit. P. 54. “Un Traître a le Brésil ôté / Au Français, prodiguant sa foi. / Tu y a remède apporté / Ta Muse le tire avec toi”. *N.D.B.* A l'auteur même [Jean de Léry], 1599 // Le Moine R. Op. cit. P. 169; см. также *Léry J. de.* Op. cit. P. 58.
- ³³ Ibid. P. 506.
- ³⁴ Цит. по: *McGrath J.* Op. cit. P. 396, n. 33.
- ³⁵ “Malheur est bon (dit-on) à quelque chose / Et des forfaits naissent de bonnes lois / De ce, Léry, l'on voit à cette fois / Preuve certaine en ton Histoire enclose. / Fureur, mensonge et la guerre dispose / Villegagnon, Thevet et le François / A retarder de ta plume la voix / Et le discours tant beau qu'elle propose”. *Anonyme.* A Jean de Léry sur son Histoire de l'Amérique // Le Moine R. Op. cit. P. 232; *Léry J. de.* Op. cit. P. 53.
- ³⁶ *Léry J. de.* Sonnet de l'auteur (1599) // Ibid. P. 56.
- ³⁷ Carta do P. Manuel da Nóbrega ao Cardeal Infante D. Henrique. S. Vicente, 1 de junho de 1560 // Leite S. Monumenta Brasiliae. Roma, Monumenta historica societatis Iesu, 1958. Vol. III. P. 244–245; Carta de Mem de Sá para a Rainha D. Catarina; S. Vicente, 17 de Junho de 1560. Цит. по: *D. Barbosa Machado.* Memórias para a história de Portugal que comprehendem o governo d'El-Rei D. Sebastião. Lisboa, 1736. T. 1. P. 440–441.
- ³⁸ Carta de João Pereira Dantas, de 10 de Janeiro de 1563. Цит. по: *Oliveira Belchior E. de.* Conquistadores e povoadores do Rio de Janeiro. Rio de Janeiro, 1965. P. 501. О примере трактовки письма Перейры Дантеша как весьма негативного по отношению к Вильгальону см.: *Laborie J.-C.* Le Huguenot au Brésil à travers les documents portugais (1560–1584) // Bulletin de la Société de l'histoire du protestantisme français. Juillet-septembre 1998. T. 144. P. 577–578. Note 24.

- ³⁹ *Anchieta J. de. Informação do Brasil e de suas capitánias (1584). São Paulo, 1964. P. 24–25.*
- ⁴⁰ *Laborie J.-C. Op. cit. P. 585, 587–588.* Впрочем, изменение тональности отзыва – это не единственный способ засвидетельствовать, что “гроза прошла стороной”. Чаще всего по мере ослабления “французской угрозы” любые сведения о французах просто исчезают из иезуитских отчетов, как если бы их никогда и не было, при том, что французское присутствие еще не полностью ликвидировано. Об этом красноречиво свидетельствует издание писем иезуитов из Бразилии XVI в. в пяти томах, осуществленное видным историком и членом Ордена иезуитов С. Лейте. – *Leite S. Monumenta Brasiliae. Roma, 1956–1968. Vol. 1–5.*
- ⁴¹ *Помбу Р. История Бразилии. М., 1962. С. 95.*
- ⁴² *Lestringant F. Villegagnon: entre la légende noire et la légende dorée. P. 177–182.*
- ⁴³ Написание этой части имени описываемого персонажа весьма разнится (кроме того, оно известно в основном из португальских источников). В протоколах допросов португальской инквизиции сам Коинта подписывался как Des Boullez, хотя в материалах дела его обозначают также как “de bolles”, “desboulest”, “des boulest”. (Processo de João de Bolés // *Annaes da Biblioteca nacional do Rio de Janeiro. Rio de Janeiro, 1903. Vol. 25. P. 269, 272, 276, 264, 267.*) Наиболее распространенным вариантом обозначения остается все же “de boles” или “bolés”: такое написание преобладает как в материалах судебного процесса по обвинению Коинты в ереси, так и в отчете о деятельности генерал-губернатора М. де Са, где идет речь о взятии “Антарктической Франции”. (Instrumento dos serviços de Mem de Sá // *Annaes da Biblioteca nacional do Rio de Janeiro. 1905. Rio de Janeiro, 1906. Vol. 27. P. 134–216.*)
- ⁴⁴ Показания Ж. Коинты в присутствии епископа Бразилии (Салвадор, 22 июня 1561 г.) (Processo de João de Bolés... P. 255).
- ⁴⁵ В письмо своему недоброжелателю епископу Бразилии Коинта не без претенциозности говорит об этом так: “Узнав, что Ваша милость уделяет большое внимание вопросу, обучен ли я наукам и если да, то священным или светским, я решил ответить сам, чтобы избавить вас от этой работы. Знайте, что я всегда считал себя дворянином и полагаю зазорным называться просто образованным (letrado), как это делают здесь [в Бразилии]; хотя я и потратил детство и отрочество на обучение наукам, тем не менее молодость моя прошла в битвах, для которых я был рожден (...) [С тех пор, как] я вошел в возраст, в руках я всегда держал книгу или меч. Я не учился наукам, чтобы зарабатывать с их помощью; светские науки я постигал для собственного удовольствия, священные же – по велению совести (...) Побывав во Франции, Испании и Италии, я ни разу не нашел того, кто сравнился бы со мной в грамматике, риторике, диалектике, логике, физике и философии. Никто не мог превзойти меня и в глубине Священного Писания, и в практической теологии. Если в прошлый раз я сказал, что не являюсь теологом, то для того, чтобы не вступать в спор и не усложнять дело; я не отрицал, что не знаю Библии, но хотел сказать, что хотя и невысоко ценю спорные и запутанные вопросы, я не переставал всю жизнь читать и дополнять комментарии древних докторов – еврейских, греческих и латинских. И хотя Ваша милость сочла меня в этих вопросах не слишком сведущим (...), я еще раз хочу объявить о своих познаниях в этой области (...)”. Письмо Ж. Коинты епископу Бразилии (Салвадор, 26 августа 1561 г.) (Processo de João de Bolés... P. 265–266.)

- ⁴⁶ Показания Ж. Коинты в присутствии епископа Бразилии (Салвадор, 22 июня 1561 г.) (Ibid. P. 255.)
- ⁴⁷ Показания Ж. Коинты перед трибуналом инквизиции (Лиссабон, 16 ноября 1563 г.) (Ibid. P. 273.)
- ⁴⁸ *Léry J. de*. Op. cit. P. 166–167.
- ⁴⁹ Ibid. P. 189–190.
- ⁵⁰ Ibid. P. 185.
- ⁵¹ Ibid.
- ⁵² “...Среди тех, кого Вильганьон выгнал со своего острова как нахлебников, был и Коинта ⟨...⟩ У него было время подумать о зле, которое принесли его амбиции: его лишил всего тот, от кого он хотел получить наибольший почет и уважение; и вот его бросили на берегу вместе с дикарями как никчемного человека. Он вздыхает, ропщет и проклинает тот день и час, когда познакомился с Вильганьоном”. *Crespin J. Histoire des martyrs* (édition de 1597). P. 403.
- ⁵³ Показания Ж. Коинты перед трибуналом инквизиции (Лиссабон, 16 ноября 1563 г.) (Processo de João de Bolés... P. 273.)
- ⁵⁴ Единица административно-территориального деления Бразилии в XVI в. под управлением капитана, обладавшего исполнительной и судебной властью и подчинявшегося, в свою очередь, генерал-губернатору.
- ⁵⁵ Иск Ж. де Болеса о признании его заслуг (процесс Лиссабонской инквизиции № 1568) (Processo de João de Bolés... P. 299.)
- ⁵⁶ Свидетельство М. де Са (Instrumento dos serviços de Mem de Sá... P. 134.)
- ⁵⁷ Показателен в этой связи фрагмент свидетельства Гильермо де ла Порта (Гийома де ла Порт), знакомого с Коинтой: в документах, подготовленных епископом Бразилии и имеющих явный обвинительный уклон, слова этого свидетеля о причинах разногласий с Вильганьоном интерпретируются следующим образом: Вильганьон возвел крест в своей крепости и под страхом смертной казни повелел всех ему поклоняться, что для лютеранина Коинты было неприемлемо. (Показания Гильермо де ла Порта перед епископом Бразилии (Салвадор, 24 июля 1560 г.) (Processo de João de Bolés... P. 250.) Все же последующие показания Коинты и привлеченных им свидетелей-французов направлены на то, чтобы доказать, что во время пребывания в “Антарктической Франции” он был католиком, а период увлечения протестантскими взглядами пришелся на более позднее время. Здесь также фигурирует имя Г. де ла Порта, с объяснениями, при каких обстоятельствах он мог слышать высказывания Коинты в пользу учения Кальвина. – См., в частности: Признание грехов перед трибуналом инквизиции (Лиссабон, после 11 ноября 1563 г.) (Ibid. P. 271.)
- ⁵⁸ Иск Ж. де Болеса о признании его заслуг (процесс Лиссабонской инквизиции № 1568) // Ibid. P. 298, 303, 305; Показания Ж. Коинты перед трибуналом инквизиции (Лиссабон, 16 ноября 1563 г.) (Ibid. P. 273.)
- ⁵⁹ Ibid.
- ⁶⁰ Ibid. P. 273–274.
- ⁶¹ Интересно в этой связи стилистическое оформление фрагмента показаний Коинты: “[Он удалился вместе со своими людьми на материк и оставался там шесть или семь месяцев], и *поскольку корабль сильно задерживался* и глава колонии французов сговорился с индейцами ⟨...⟩ [Коинта] вернулся в форт и заявил капитану ⟨...⟩”. – Ibid. P. 273. Курсив мой. – О.О.
- ⁶² См., в частности, свидетельство Луиша да Косты: Instrumento dos serviços de Mem de Sá. P. 182.

- ⁶³ Имеется в виду одноименное капитанство или залив Гуанабара, также называемый Рио-де-Жанейро, но не город, с которым это название ассоциируется сейчас; город был основан португальцами лишь в 1565 г., через пять лет после падения “Антарктической Франции”.
- ⁶⁴ Показания Коинты перед трибуналом инквизиции (Лиссабон, 10 февраля 1564 г.) (Processo de João de Bolés... P. 285.)
- ⁶⁵ Письменный ответ Де Буле на официальное обвинение (Лиссабон, после 10 и до 18 февраля 1564) (Ibid. P. 288.)
- ⁶⁶ “[Королева-регентша] ответила мне, что один из моих предшественников на посту посла в Португалии ей сказал, что Вильганьон был изгнан из Франции и не осмеливался туда возвращаться, и что покойный король [Генрих II], Ваш досточтимый отец, не заботился ни о нем, ни о его крепости... Все эти отговорки здесь в большом ходу, на них опираются как на посох”. (Lettre de J. Nicot au roi (Lisbonne, 12 avril 1561) // Jean Nicot, ambassadeur de France en Portugal au XVIe siècle: sa correspondance diplomatique inédite / Ed. E. Falgairolle. P., 1897. P. 126.) О том, что предприятие Вильганьона на самом деле было санкционировано Генрихом II, а затем мандат главы “Антарктической Франции” был подтвержден Франциском II, см. выше в данной статье.
- ⁶⁷ Письменный ответ Де Буле на официальное обвинение (Лиссабон, после 10 и до 18 февраля 1564) (Processo de João de Bolés... P. 288.)
- ⁶⁸ Ibid.
- ⁶⁹ Ibid. P. 290.
- ⁷⁰ *Le Gentil G.* Le mouvement intellectuel au Brésil // Bulletin hispanique. 1932. Vol. 34, № 1. P. 63; *Oliveira Belchior E. de.* Conquistadores e povoadores do Rio de Janeiro. P. 126.
- ⁷¹ *Révah I.S.* João Cointa, sieur des Boulez, exécuté par l’Inquisition de Goa en 1572 // Annali – Sezione romanza dell’Università degli studi di Napoli “l’Orientale”, 1960. Vol. 2, fasc. 2. P. 71–75.
- ⁷² Речь идет о самоидентификации через противопоставление себя врагу и о символическом “восполнении” целостности общины после насильственной смерти одного из ее членов во вражеском плену. Подробнее о социальной роли войны и ритуальной антропофагии у тупи см.: *Fernandes F.* A função social da guerra na sociedade tupinambá. São Paulo, 1970 (первое издание – 1952); *Carneiro da Cunha M.L., Viveiros de Castro E.B.* Vingança e temporalidade: os tupinambá // Journal de la société des américanistes. P., 1985. T. LXXI. P. 191–208.
- ⁷³ *Thevet A.* Les singularités de la France Antarctique, autrement nommée Amérique, et de plusieurs terres et îles découvertes de notre temps. Par F. André Thevet, natif d’Angoulême // Le Brésil d’André Thevet. Les Singularités de la France Antarctique (1557) / Ed. F. Lestringant. P., 1997. P. 158, 159.
- ⁷⁴ [*Crignon P.*] Discours d’un grand navigateur du port de Dieppe en France, sur les voyages faits aux terres nouvelles des Indes Occidentales, dans la partie appelée la Nouvelle France, depuis le 40e jusqu’au 47e degré, sous le pôle arctique, aux terres du Brésil, de la Guinée et aux îles de Saint-Laurent et de Sumatra, jusqu’où sont parvenus les caravelles françaises // Estancelin L. Recherches sur les voyages et découvertes des navigateurs normands en Afrique, dans les Indes orientales et occidentales. P., 1832. P. 232.
- ⁷⁵ L’Entrée de Henri II, roi de France, à Rouen, au mois d’octobre 1550. Imprimé pour la première fois, d’après un manuscrit de la bibliothèque de Rouen. Orné de dix planches gravées à l’eau forte par Louis de Merval. Accompagné de notes

- bibliographiques et historiques par S. de Merval. Rouen, 1868. F. XVIII. См. также: France et Brésil: catalogue d'une exposition organisée par les Archives Nationales de France (24 mai – 27 juin 1955). P., 1955. P. 32.
- ⁷⁶ *Thevet A.* Op. cit. P. 158.
- ⁷⁷ *Ibid.* P. 158, 159.
- ⁷⁸ [*Barré N.*] Op. cit. P. 384–385.
- ⁷⁹ Carta de Mem de Sá para a Rainha D. Catarina; S. Vicente, 17 de Junho de 1560. Цит. по: *D. Barbosa Machado.* Op. cit. P. 441.
- ⁸⁰ *Léry J. de.* Op. cit. P. 467.
- ⁸¹ Весьма убедительные доказательства в пользу этого приводит комментатор и издатель свидетельства Э. Найвета И. Мендеш душ Сантуш: *Knivet A.* Admirables aventures et singulières infortunes d'Anthony Knivet qui accompagna Master Thomas Cavendish dans son second voyage aux Mers du Sud (1591) // *Un aventurier Anglais au Brésil; les tribulations d'Anthony Knivet (1591).* P., 2003. P. 106, 253.
- ⁸² См., в частности: *L. de Pézieu.* Brief recueil des particularitéz contenues aux lettres enuoyees par Monsieur de Pezieu à Messieurs ses parents et amis de France, de l'isle de Marignan au Brezil, où il est encore à présent, pour le service de sa Majesté Tres Chrestienne Louys XIII, par la Grace de Dieu, Roy de France et Nauarre. Lyon, 1613. P. 13; *Evreux Y. d'.* Suite de l'Histoire des choses plus mémorables advenues en l'île de Maragnan es années 1613 et 1614 // *Voyage au nord du Brésil fait en 1613 et 1614 /* Ed. H. Clastres. P., 1985. P. 69, 77.
- ⁸³ *Ibid.* P. 135, 76, 112, 108, 261.
- ⁸⁴ *Ibid.* P. 55–56.
- ⁸⁵ Показания индейца Себастьяна. – Carta del presidente de la Española con testimonio de una información del Capitán Martín Suarez Moreno que fue a examinar el Río Marañon, por orden del Gobernador del Brasil. Santo Domingo, 15 diciembre 1613 // *Annaes da Biblioteca Nacional do Rio de Janeiro.* Rio de Janeiro, 1905. Vol. 26. 1904. P. 178–179.
- ⁸⁶ Свидетельство индейца Балтазара. (*Ibid.* P. 174.)
- ⁸⁷ *Hemming J.* Red Gold. The Conquest of Brazilian Indians (1500–1760). Cambridge (Mass.), 1978. P. 214–216.

Л.А. Пименова

КАК КОРОЛЬ СТАНОВИТСЯ ПРЕДАТЕЛЕМ

УДК 94(44).35/.04

В статье исследуются варианты толкования понятия “измена” во французских словарях, энциклопедиях, юридических сочинениях и законодательных актах XVIII – начала XIX в. Рассматриваются обвинения Людовика XVI в измене, выдвигавшиеся в период Французской революции, на примере революционной публицистики, карикатур, выступлений депутатов Конвента и материалов судебного процесса свергнутого короля. Особое внимание уделено вопросу о соотношении моральных и правовых категорий в революционном дискурсе конца XVIII в.

Ключевые слова: измена, изменник, Конституция 1791 г., Национальный конвент, оскорбление величества, предатель, предательство, суд над Людовиком XVI, Уголовный кодекс 1791 г., Уголовный кодекс 1810 г., Французская революция.

Key words: betrayal, constitution of 1791, criminal code of 1791, criminal code of 1810, French Revolution, lese-majesty, National Convention, traitor, trial of Louis XVI.

По словам М. Фуко, в ходе революции во Франции совершился поворот от наказания как “церемониала, посредством которого восстанавливается на миг нарушенная власть суверена”, к новой стратегии, которая “легко вписывается в общую теорию договора” и согласно которой “правонарушитель становится общим врагом. На самом деле он хуже врага, поскольку наносит удары изнутри общества, – он предатель”¹. Это рассуждение Фуко о правонарушителе как предателе интересов общества вызывает в памяти многочисленные обвинения в предательстве, звучавшие в годы революции в адрес короля Людовика XVI. Как же и почему так вышло, что монарх стал выглядеть изменником, предателем² в глазах своих подданных и какой смысл заключался в этих обвинениях?

Сначала попытаемся разобраться в том, что понимали под изменой люди XVIII в. и какие действия они могли относить к разряду предательских. С этой целью обратимся к определениям соответствующих понятий в словарях и энциклопедиях XVIII в. Согласно четвертому изданию французского “Словаря Академии” (1762) “la trahison” – это “вероломство, действие того, кто предаёт”. За данным определением в словаре следовали примеры употребления термина: “Трусливое, неслыханное, тяжкое, чер-

ное, гнусное, отвратительное, невероятное, явное предательство. Я узнал о его предательстве. Предательство раскрыто. Он не осмелился открыто выступить против него и убил его предательски. Он предал своего друга”. Особо было выделено значение термина, выражающее понятие государственной измены. Примеры такого его употребления в статье были навеяны событиями еще не закончившейся Семилетней войны: “Говоря об английских делах, государственной изменой называют оскорбление величества и любое другое преступление против законов отечества. Государственная измена [дословно: преступление высшей измены. – Л.П.]. Он был обвинен в государственной измене”³.

Характерные особенности этого текста XVIII в. станут видны после сравнения его с более поздним, восьмым изданием “Словаря Академии” (1932–1935). В словаре, вышедшем 150 лет спустя, статья стала короче, из нее ушли некоторые эпитеты (“неслыханное”, “тяжкое”, “невероятное”). Толкование стало более узким: выпало значение термина, относящееся к сфере частной жизни (“предал своего друга”). В словаре 1930-х годов статья стала выглядеть так: “Предательство. Действие того, кто предает. Гнусное, отвратительное, явное предательство. Трусливое, черное предательство. Предательство раскрыто. Предательски убить кого-либо. Наказать за предательство. Государственной изменой называют преступления, касающиеся, в первую очередь, безопасности Государства. Он был обвинен в государственной измене”⁴. Государственная измена тоже стала трактоваться более узко. Разумеется, в 1930-е годы речи не шло ни о каком “оскорблении величества”. Помимо этого, государственной изменой называлось не вообще “любое преступление против законов отечества”, а именно преступление, угрожающее безопасности государства. Очевидно, что расширительная трактовка понятия, представленная в ранней редакции словаря, вписывалась в традиционную правовую систему Старого порядка, где “во всяком правонарушении совершается *crimen majestatis*, малейший преступник – потенциальный царубийца”⁵.

Шевалье де Жокур, автор статьи “Trahison” для “Энциклопедии” Дидро и д’Аламбера, определял измену как “вероломство; более или менее тяжкое нарушение верности родине, государю, другу или тому, кто доверился нам”. Примечательно, что эта статья имела пометку “мораль”, однако за рассуждениями морального порядка следовало освещение и юридической стороны вопроса. Автор этой части статьи, Буше д’Аржи перечислил возможные виды измены и положенные за них наказания: “Измена, совер-

шенная по отношению к отдельному лицу, карается, смотря по обстоятельствам, штрафами и даже телесными наказаниями, если она стала причиной преступления. Но гораздо серьезнее *измена* королю или государству; такое преступление совершают те, кто вступают в общество, сговор, лигу наступательного или оборонительного характера против личности, власти или достоинства короля, либо между собой, либо с другими властителями, республиками, группами иностранцев или их послами, как внутри Королевства, так и вне его, прямо или косвенно, лично или через посредников, устно или письменно ⟨...⟩. Ординарное наказание за это преступление – отсечение головы для дворян, виселица для простолюдинов и иногда даже колесование для людей низкого положения. Если преступник дерзнет посягнуть на особу короля, наказание будет еще более суровым”⁶. Автор ссылаясь при этом на тексты ряда королевских эдиктов и ордонансов второй половины XVI в. Кроме того, он знакомил читателя с английской судебной практикой, где различались преступления высшей и малой измены (*le crime de haute trahison, le crime de petite trahison*). К числу первых относились покушения и заговоры против короля и государства, убийство канцлера или главного казначея, порча монеты, подделка королевской печати; к числу последних – убийство жены, отца, детей или господина. Повествование завершилось отсылками к статьям “Верность”, “Доверие (Злоупотребление доверием)”, “Заговор”, “Клятва, присяга”, “Мошенничество”, “Оскорбление величества”, “Отцеубийство”, “Подлог”.

Из рассмотренных статей видно, что государственная измена и измена королю были тождественными понятиями, что и неудивительно, так как государство, в соответствии с политико-правовыми представлениями Старого порядка, было неотделимо от персоны монарха, являвшегося его живым олицетворением. Из сказанного следует, что измена со стороны короля, во всяком случае, государственная измена – это нонсенс, король не может быть изменником по отношению к самому себе⁷. Правда, шевалье де Жокур в статье для “Энциклопедии” оговорил возможность измены со стороны самого монарха. “Те властители, – писал он, – которые позволяют ее [измену. – Л.П.], сами подавая тому пример, заслуживают, чтобы она обернулась против них; и тогда никто не будет в безопасности”. Однако автор не конкретизировал, к каким именно ситуациям применимо его суждение.

Если мы теперь от словарей обратимся к текстам юридического характера, мы увидим, что термин “измена” в них встреча-

ется нечасто. В одном из самых популярных и влиятельных произведений правовой мысли XVIII в., трактате Чезаре Беккариа “О преступлениях и наказаниях” о такой категории преступлений вообще не упоминается⁸.

Ш.-Л. Монтескьё, рассуждая в трактате “О духе законов” о возможных разновидностях преступлений, вполне осознанно избегал термина “измена”⁹. Предлагая реформу правовой системы, имеющую целью гарантировать свободу гражданина, Монтескьё предостерегал против злоупотребления эмоционально перегруженными и недостаточно четко определенными понятиями, такими как “святотатство”, “ересь”, “измена” или “оскорбление величества”. С его точки зрения, “обвинения в этих преступлениях могут иметь самые пагубные последствия для свободы и породить бесчисленные акты тирании, если законодатель не сумеет ввести их в надлежащие границы”¹⁰. По словам Монтескьё, зачастую изменой считают то, что в действительности таковой не является. Свою мысль он пояснял таким примером: “Один английский закон, проведенный при Генрихе VIII, объявлял виновным в государственной измене всякого, кто предсказывает смерть короля. Вот, поистине, недостаточно ясный закон. Деспотизм так ужасен, что губит даже самих деспотов. Во время последней болезни этого короля медики ни разу не осмелились сказать, что он находится в опасности, и, конечно, сообразно с этим лечили его”¹¹.

Но редкое присутствие термина “измена” в юридических сочинениях объясняется не только тем, что это понятие расплывчатое и несет на себе груз субъективных эмоций. Примечательная деталь: статья о предательстве в “Энциклопедии” Дидро и д’Аламбера была отнесена авторами – как свидетельствует пометка в начале текста – к области морали, а не права. Дело в том, что в уголовном законодательстве Старого порядка понятие измены вообще отсутствовало. Преступления, которые в словарях именовались “изменой”, в юридических документах квалифицировались как “оскорбление величества” (*le crime de lèse-majesté*).

Разрабатывая понятие “оскорбления величества”, французские юристы основывались на нормах римского права, в котором выделялись четыре вида преступлений данной категории: покушение на жизнь и безопасность государя; секретные сношения с врагами государства; антиправительственные смуты и мятежи; надругательство над изображениями государя, самовольная чеканка монеты и присвоение себе символов верховной власти¹². Во Франции толкование понятия “оскорбление величества” со-

держалось в целой серии королевских ордонансов, принятых на протяжении нескольких веков. Как правило, французские юристы Старого порядка ссылались на ордонанс Франсиска I, изданный в Сен-Жермен-ан-Лэ (1534). Согласно ордонансу, “тот, кто получает письма или послания от иностранного государя, врага Короля, с которым он ведет войну, повинен в оскорблении величества, если не сообщит об этом Королю или его приближенным”¹³.

Во французском королевском праве различались оскорбление величества первой и второй степени. К оскорблению величества первой степени относились покушение на особу короля, участие в заговорах и мятежах, переход на сторону внешнего врага, выдача военных и иных государственных секретов, оказание платных услуг иностранным государям лицами, состоящими на королевской службе¹⁴. К оскорблению величества второй степени – дезертирство, незаконное ношение оружия, самовольные сбор армии, строительство или разрушение укреплений, переход на иностранную службу, созыв Генеральных или провинциальных штатов, изготовление фальшивых монет, документов и печатей¹⁵.

Поворотным моментом в развитии французской правовой и пенитенциарной системы стали события революции конца XVIII в. 25 сентября – 6 октября 1791 г. Учредительное собрание по докладу М. Лепелетье де Сен-Фаржо приняло Уголовный кодекс. Современные исследователи называют его обратной стороной “Декларации прав человека и гражданина” и Конституции 1791 г., так как наряду с этими двумя основополагающими текстами он участвовал “в определении нового политического порядка. Его главной целью была защита не имущества и личности, а новых, протореспубликанских институтов и ценностей”¹⁶. В основу нового уголовного законодательства, как и всего законодательства в целом, был положен принцип общественного договора. Преступление стало рассматриваться не как действие, направленное против монарха, а как нарушение общественного договора. В соответствии с новым принципом преступления, относившиеся ранее к категории “оскорбления величества”, квалифицировались в Уголовном кодексе 1791 г. как “преступления, направленные против общественного блага” (“*crimes et attentats contre la chose publique*”). Термин “*trahison*” встречается в тексте кодекса лишь один раз, в главе 5 раздела “О преступлениях против внешней безопасности государства” (“*Des crimes contre la sûreté extérieure de l’Etat*”), где речь идет о “предательствах <...> совершенных во время войны по отношению к союзникам Франции, действующим

против общего врага”¹⁷. Впоследствии такие формулировки, как “преступление против общественного блага” и “преступление против безопасности государства”, перешли в наполеоновский Уголовный кодекс 1810 г.¹⁸ Правда, в кодекс 1810 г. вернулось прежнее понятие “оскорбление величества”, под которым теперь подразумевались только “покушение или заговор, направленные против жизни или личности императора”, и преступление такого рода приравнивалось к отцеубийству¹⁹. Термин “измена” в наполеоновском Уголовном кодексе вообще не фигурировал.

Место прежнего короля-помазанника занял король, наделенный верховной исполнительной властью на основании общественного договора. Но при этом Конституция 1791 г. в части “О королевской власти и о короле” гарантировала королю неприкосновенность и провозглашала его особу священной. Привлечь короля к суду за какие-либо проступки можно было только после его отречения от власти. Согласно конституции, короля следовало признать отрекшимся, “если в течение месяца после приглашения со стороны законодательного корпуса король не принесет присяги или если по принесении ее он отречется от нее (...); если король станет во главе армии и направит войска против народа или если путем формального акта не воспротивится подобному предприятию, выполняемому его именем (...); если король, покинув королевство, не возвратится после приглашения, обращенного к нему законодательным корпусом, в установленный в прокламации срок, который не должен превышать двух месяцев (...). После явно выраженного или законно предполагаемого отречения король переходит в разряд граждан и может быть подвергнут обвинению и судим наряду с прочими лицами за деяния, совершенные после его отречения”²⁰. Получалось, таким образом, что в соответствии с конституцией король занимал исключительное положение в государстве и не входил “в разряд граждан”. Ни за какие действия, в том числе и направленные против общественного блага и безопасности государства, король по закону не подлежал суду. Единственным наказанием для него могло стать признание отрекшимся от власти. Судить бывшего короля допустимо было лишь за проступки, совершенные уже после отречения.

Конституция, казалось бы, ограждала короля от возможных обвинений в измене. Но трибунал общественного мнения судил по своим законам. Тень обвинений в измене легла на королевскую семью уже в самом начале революции. Изменниками в глазах революционно настроенных граждан выглядели эмигрировавшие

аристократы, включая братьев короля. Изменницей называли и королеву Марию-Антуанетту, что нашло отражение, в частности, в появившемся в октябре 1789 г. памфлете “Искарриотка Французская, или австрийский депутат”²¹. Но на самого короля до поры до времени эта тень ложилась лишь косвенно. Исключение составлял “друг народа” Жан-Поль Марат, который в самом начале 1791 г. утверждал: “Измена – любимое оружие королей. Для них нет ничего святого, и они не знают стыда”²². Обвинениями короля в измене была наполнена написанная месяцем позднее статья “Отечество на краю гибели”²³. Впрочем, понятие “измены”, “предательства” занимало центральное место в рассуждениях Марата, и язык этого автора отличался от общепринятого юридического дискурса его времени. Так, в составленном им за десять лет до начала революции “Плане уголовного законодательства” (1778 г., напечатан в 1780 г.) Марат писал о наказаниях за “предательство родины”: “Государственными преступлениями следует считать: предательство родины, подразумевая под этим переход на сторону неприятеля (...). Переход этот составляет государственное преступление лишь в тех странах, где армия состоит из граждан; и так как в подобном случае переход этот становится предательством интересов родины, пусть преступник навсегда лишится своих гражданских прав”²⁴.

Но по-настоящему широко вопрос об измене самого Людовика XVI впервые встал во время “Вареннского кризиса”, последовавшего за неудачной попыткой бегства королевской семьи из революционного Парижа. Этот поступок короля спровоцировал всплеск антимонархических настроений, появление множества обличающих монарха газетных статей²⁵, памфлетов и карикатур. Одна из них – под красноречивым названием “Король-Янус, или двуличный человек” – демонстрировала публике Людовика, который, с одной стороны, дает депутату Учредительного собрания обещание защищать конституцию, а с другой – говорит священнику: “Я уничтожу конституцию”²⁶.

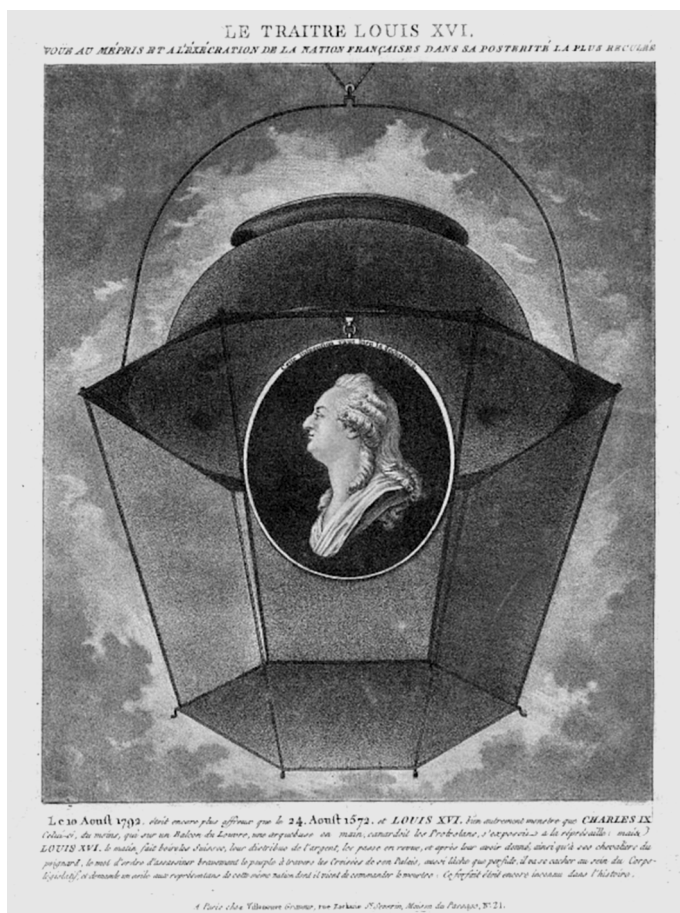
И, наконец, особенно активно вопрос об измене короля стал дебатироваться после свержения монархии. Во время штурма и разграбления королевского дворца Тюильри 10 августа 1792 г. были захвачены документы – письма, прошения на имя монарха, распоряжения и записки, многие из которых компрометировали короля. Национальный конвент образовал чрезвычайную “комиссию двадцати четырех”, уполномоченную разбирать захваченные в Тюильри документы. После месяца работы, в на-

чале ноября депутат Ш. Дюфриш-Валазе представил Конвенту заключение комиссии “о преступлениях бывшего короля”²⁷. Изложив почерпнутые из документов сведения о сношениях Людовика с контрреволюционерами и внешними врагами, о вербовке вооруженных сторонников, докладчик сделал вывод, что “королям свойственно искусство обманывать”²⁸ и “король, чья измена столь очевидно доказана”²⁹, должен быть лишен неприкосновенности, гарантированной ему конституцией.

Вскоре в распоряжении обвинителей оказались дополнительные улики, когда в коридоре дворца Тюильри, соединявшем спальни короля и дофина, был найден скрытый в стене тайник за железной дверцей. Этот тайник, который стали называть “железным ящиком”, изготовили весной 1792 г. по приказу Людовика XVI для хранения секретных бумаг. Многие из обнаруженных там нескольких сотен документов, включая секретную дипломатическую переписку с австрийским двором и свидетельства о подкупе должностных лиц и депутатов, давали поводы для новых обвинений в измене³⁰.

Слово “измена”, официально брошенное с трибуны Конвента, создало эффект прорванной плотины, и в адрес свергнутого короля хлынул поток обвинений. Появлялись памфлеты, в самих названиях которых король именовался “изменником нации”, “предателем Капетом” и т.п.³¹ На улицах распевали куплеты о “Людовике-изменнике”³². Распространялись рисунки и карикатуры на “предателя Людовика”. Примером может служить эстамп, озаглавленный “Изменник Людовик XVI, обреченный на презрение и проклятия французской нации во всех последующих поколениях”³³. На нем изображен фонарь³⁴ с подвешенной головой Людовика XVI (ил. 1).

Смысл эстампа раскрывает пространная подпись: “10 августа 1792 г. было еще ужаснее, чем 24 августа 1572 г., а Людовик XVI – еще большим чудовищем, чем Карл IX. Этот, по крайней мере, стреляя в протестантов из аркебузы с балкона Лувра, подставлял себя под ответный удар; а Людовик XVI с утра напоил швейцарцев, раздал им деньги, провел им смотр и дал этим своим рыцарям кинжала приказ без страха убивать народ из окон Дворца, а затем, как трус и предатель, спрятался в Законодательном корпусе и попросил убежища у представителей той самой нации, которую он только что повелел убивать; история еще не знала подобного преступления”³⁵. Характерная черта этого эстампа – существенное расхождение между изображением и текстом. Визуальный ряд – в отличие от “Короля-Януса” – это уже не про-

Ил. 1. Изменник Людовик XVI. Карикатура 1792 г.

сто обвинение в измене, а призыв к физической расправе. Но текст, цель которого, очевидно, – объяснить, почему Людовик XVI назван изменником и за что его голова висит на фонаре, развивает идею, заложенную в первом эстампе: король на самом деле – враг нации, но он не выступает против нее открыто, а трусливо и вероломно пытается расправиться с ней чужими руками. Точку в этом ряду ставит знаменитый анонимный эстамп под названием “Людовик-изменник, читай свой приговор”³⁶ (ил. 2).

На листке изображена рука Провидения, выводящая на кирпичной кладке текст: “Господь счел дни твоего царствования и

Ил. 2. Людовик-изменник, читай свой приговор. Эстамп 1793 г.

положил им конец. Ты был взвешен на весах и оказался слишком легким”³⁷. Подпись внизу гласит, что весь запас великодушия французской нации уже исчерпан и за свои контрреволюционные деяния “это чудовище” (“se monstre”) должно быть осуждено и наказано. Чтобы ни у кого не оставалось сомнений в том, что это значит, посреди текста помещена гильотина со зловещей надписью: “Она ожидает виновного”. Почему именно Людовик назван изменником, здесь, по сути, не объясняется – приговор уже вынесен и обжалованию не подлежит. Авторам сатирических куплетов, памфлетов и эстампов не вменялось в обязанность строго выбирать слова, и их хлесткие обвинения в измене не имели юридической силы. Другое дело – депутаты Конвента. Взяв на себя полномочия суда над королем, они должны были давать серьезное правовое обоснование своим выводам. Когда 7 ноября 1792 г. депутат Ж.-Б. Майль делал от имени Законодательного комитета доклад с обоснованием правомерности суда над Людовиком XVI, перед ним стояла непростая задача, так как конституция гарантировала королю неприкосновенность. Следуя той же логике, какую за несколько дней до этого взял на вооружение Дюфриш-Валазе, докладчик выстроил свою аргументацию вокруг темы предательства, доказывая, что король сам нарушил конституционный договор, предал нацию, попрал конституцию и тем самым поставил себя вне закона. Он должен быть отдан под суд как предатель и заговорщик, и суд над свергнутым королем будет справедливой местью тирану со стороны преданной им нации³⁸.

Образ короля-изменника активно эксплуатировался на заседании Конвента 13 ноября 1792 г., посвященном суду над свергнутым монархом. Депутат Ш.-Ф.-Г. Мориссон признавал, что во Франции нет такого позитивного права (имея в виду конституцию и уголовный кодекс), по которому Людовик XVI мог бы быть осужден. Но, по мнению депутата, он подлежит суду на основании естественного права, так как виновен в измене, а изменой Мориссон называл сношения с иностранными монархами, нежелание энергично вести войну против внешнего врага, подавление народных восстаний: “Очевидно, что Людовик XVI предал родину; он повинен в самом гнусном вероломстве; он неоднократно подло нарушал клятву; он замыслил поработить нас под ярмом деспотизма; он поднял против нас часть Европы; он предал врагу наши города и имущество наших братьев; он принес в жертву наших отважных защитников; он повсюду сеял анархию и беспорядок; он передал деньги Франции врагам, которые вооружились

и объединились против нее; он истребил тысячи граждан, виновных лишь в том, что они любили свободу и родину; кровь этих несчастных жертв еще дымится вокруг и взывает о мести”³⁹.

Тему измены затронул и Л.-А. Сен-Жюст в своей знаменитой речи на том же заседании, но трактовал он ее иначе, чем Мориссон. Исходя из того, что “невозможно царствовать и не быть виновным”, Сен-Жюст объявлял короля изменником по определению, просто в силу его королевского сана, так как “всякий король – мятежник и узурпатор”⁴⁰. Марат в написанной к заседанию Конвента 3 декабря речи “О суде над бывшим монархом” призывал “наказать вероломного бывшего монарха, изменника, клятвопреступника и заговорщика”⁴¹. Максимилиан Робеспьер в речи на заседании 3 декабря предложил внести пункт об измене короля в обвинительный приговор и потребовал, “чтобы Национальный конвент немедленно объявил его изменником французской нации, преступником против человечества”⁴². Через неделю Робер Ленде в докладе, предварявшем чтение обвинительного акта, подробно изложил многочисленные конкретные деяния, которые вменялись в вину свергнутому королю. Перечисляя все имевшие место с начала революции акты насилия против народа, связи с эмигрантами и иностранными монархами, тайные сношения с контрреволюционерами внутри страны, Ленде оценивал действия короля и при этом оперировал не только и даже не столько правовыми, сколько моральными категориями (“тиран”, “деспот”, “предательство”)⁴³. Об измене короля говорили и другие депутаты при обсуждении доклада Ленде⁴⁴. Сам докладчик в новой обвинительной речи вернулся к этой теме. По его словам, французские города были сданы армии прусского короля в результате вероломства (“perfidies”) со стороны Людовика XVI, который ничего не предпринимал, тогда как его братья и прочие враги государства и эмигранты от его имени поднимали полки, делали займы и заключали союзы, так что “нация оказалась брошенной и преданной врагам”⁴⁵.

В своих выступлениях депутаты давали волю эмоциям, и слова об измене короля постоянно звучали с трибуны Конвента. Но если от текстов пламенных речей мы обратимся к принятым в итоге документам, то мы увидим менее экспрессивную и более строгую в юридическом отношении лексику. В составленном после обсуждения “Акте, излагающем преступления Людовика, последнего короля французов”, перечислялись конкретные проступки, в которых был уличен бывший монарх: нарушение кон-

ституционной присяги, связи с внешними врагами и контрреволюционерами и т.д. Слово “измена” встречается в акте только один раз. Таким образом была квалифицирована попытка бегства короля с семьей из Парижа летом 1791 г.⁴⁶

В ходе последовавшего за принятием акта многочасового допроса Людовика XVI ему предъявлялись обвинения в “покушениях на народный суверенитет” (“avoir attenté à la souveraineté du peuple”)⁴⁷, в нарушении конституционной клятвы, в попытках “развратить общественный дух” (“corrompre l’esprit publique”) и “поднять контрреволюционное движение в провинциях” (“imprimer un mouvement contre-révolutionnaire aux provinces”)⁴⁸, в связях с “врагами Государства” (“ennemis de l’Etat”), которые от его имени собирали и вооружали войска эмигрантов, в связях с иностранными державами, в потворстве созданию антифранцузской коалиции, в саботаже национальной обороны, в дезорганизации армии и флота. Фактически речь неоднократно заходила об измене, но при этом само слово, как правило, не произносилось. Так же как и в “Акте, излагающем преступления Людовика”, изменой был назван только один поступок короля: его бегство в Варенн⁴⁹. Во всех остальных случаях использовались другие формулировки. В конечном счете, согласно определению, вынесенному на голосование в Конвенте, король был признан виновным в “заговоре против свободы нации и общей безопасности государства”⁵⁰.

Широкая популярность обвинений в измене отнюдь не случайна. Образ короля-предателя оказался востребован и содействовал установлению нового политического режима. Когда Эдмунд Бёрк в начале 1790 г. писал “Размышления о революции во Франции”, он увидел в вынужденном переселении королевской семьи из Версаля в Париж под давлением революционной толпы (октябрь 1789 г.) признаки перехода от патриархально-личностной системы властных отношений к принципиально иной, рационалистически-бюрократической системе. “Век рыцарства прошел, – писал Бёрк. – За ним последовал век софистов, экономистов, конторщиков (...). Сейчас все изменилось. Все привлекательные иллюзии, которые делали власть великодушной, повинение добровольным, придавали гармонию разнообразным жизненным оттенкам, внушали чувства, украшающие и смягчающие частную жизнь, – все они исчезли от непреодолимого света разума”⁵¹.

Среди таких “привлекательных иллюзий, которые делали власть великодушной”, центральное место занимал традицион-

ный образ короля-отца. Именно поэтому, по мнению современной американской исследовательницы Линн Хант, “убийство короля было самым важным политическим актом Революции и центральной драмой революционного семейного романа”, казнь короля стала водоразделом между старым и новым общественно-политическими порядками и явилась своего рода отцеубийством, убийством короля его восставшими детьми-подданными⁵². Казнив короля-отца, революционеры окончательно уничтожили вместе с ним патриархально-абсолютистскую модель власти и установили новую модель власти, основанной на договоре между равноправными индивидами. Но необходимым условием такого акта была полная дискредитация короля, и обвинения в измене как нельзя лучше служили этой цели. А король-изменник – это, прежде всего, король, изменивший традиционной и общепризнанной роли отца, предательски бросивший своих детей и в силу измены лишенный неприкосновенности. Этим, по-видимому, и объясняется тот факт, что именно попытка бегства короля из Парижа (бегство отца из семьи!) было названо изменой в “Акте, излагающем преступления Людовика”.

В то же время всего лишь однократное упоминание об измене в этом акте и отсутствие такого обвинения в тексте, вынесенном на голосование, связано с тем, что оно относилось к области не столько права, сколько морали. Злоупотребление взятым не из уголовного кодекса, но не ставшим от этого менее популярным понятием “измена” демонстрировало свойственное яacobинцам обыкновение говорить “морально-религиозным языком”⁵³, неуместным при вынесении судебного решения.

¹ Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. М., 1999. С.73, 130, 131.

² Понятия “предательство” и “измена” – а также “предатель” и “изменник” – будут употребляться как синонимы, потому что по-французски выражаются одним термином “la trahison” (соответственно “le traître”).

³ “TRAHISON. s.f. Perfidie, action de celui qui trahit. Trahison lâche, insigne, signalée, noire, détestable, horrible, énorme, manifeste. J'ai reconnu sa trahison. La trahison est découverte. Il n'a osé le prendre en brave homme, il l'a tué en trahison. Il a fait une trahison à son ami. En parlant Des affaires d'Angleterre, on appelle Crime de haute trahison, Le crime de Lèse-Majesté, & toute autre entreprise contre les Lois de la Patrie. Crime de haute trahison. Il fut accusé de haute trahison” (<http://artfl.atilf.fr/dictionnaires/ACADEMIE/QUATRIEME/quatrieme.fr.html>).

⁴ “TRAHISON. n. f. Action de celui qui trahit. Trahison détestable, horrible, manifeste. Lâche, noire trahison. La trahison est découverte. Tuer quelqu'un en trahison, par trahison. Punir la trahison. Haute trahison se dit des Crimes qui intéressent au premier chef la sûreté de l'État. Il fut accusé de haute trahison, de

crime de haute trahison” – (<http://atilf.atilf.fr/dendien/scripts/generic/cherche.exe?30;s=2841025380> обращение 29.11.11).

⁵ Фуко М. Указ соч. С. 80.

⁶ “TRAHISON, s. f. TRAHIR, v. act. (*Morale.*) perfidie; défaut plus ou moins grand de fidélité envers sa patrie, son prince, son ami, celui qui avoit mis sa confiance en nous. (...) Dès-lors que des princes l’auroient autorisée par leur exemple, ils méritent qu’elle se tourne contre eux; & dès-lors personne ne seroit en sûreté. (...) La *trahison* commise envers quelque particulier est punie selon les circonstances par des peines pécuniaires, ou même corporelles s’il s’en est ensuivi quelque crime. Mais la *trahison* envers le roi & l’état est encore plus grave; tel est le crime de ceux qui entrent dans quelque association, intelligence, ligue offensive ou défensive, contre la personne, autorité & majesté du roi, soit entr’eux ou avec autres potentats, républiques & communautés étrangères ou leurs ambassadeurs, soit dedans ou dehors le Royaume directement ou indirectement par eux ou par personnes interposées, verbalement ou par écrit. (...) La peine ordinaire de ce crime est d’être décapité pour les nobles, la potence pour les roturiers, & même quelquefois la roue pour des gens de basse condition. Si le criminel a osé attenter à la personne du roi, la peine est encore plus sévère” (Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers. P., 1751–1780. T. 16. P. 522–523).

⁷ О сравнении понятия “измена” в английской и французской правовых традициях см.: Walzer M. Regicide and Revolution: Speeches at the Trial of Louis XVI. Cambridge, 1974. P. 42–46.

⁸ См.: Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 1995.

⁹ Об этом красноречиво свидетельствует отсутствие термина “trahison” в “Электронном словаре Монтеस्कье” (см.: <http://dictionnaire-montesquieu.ens-lyon.fr/index.php>).

¹⁰ Монтеस्कье Ш. Избранные произведения. М., 1955. С. 320, сл.

¹¹ Там же. С. 325.

¹² *Muyart de Vouglans P.-F.* Institutes au droit criminel, ou Principes généraux en ces matières, suivant le droit civil, canonique, et la jurisprudence du royaume; avec un traité particulier des crimes. P., 1757. P. 456sq.

¹³ “Par l’Edit de François I. donné à Saint Germain en Laye en Juillet 1534, celui qui reçoit des Lettres ou des Messages de la part d’un Prince Etranger ennemi du Roi, avec qui il est en guerre, est criminel de leze-Majesté, s’il n’en donne avis au Roi ou à ses Officiers” (*Du Rousseaud de La Combe G.* Traité des matières criminelles, suivant l’ordonnance du mois d’août 1670 & les édits, déclarations du roi, arrêts et réglemens intervenus jusqu’à présent. 7-ème édition, revue et augmentée considérablement. P., 1768. P. 47).

¹⁴ *Du Rousseaud de La Combe G.* Op. cit. P. 46–48; *Muyart de Vouglans P.-F.* Op. cit. P. 459sq.; Code pénal ou Recueil des principales ordonnances, édits et déclarations sur les crimes et délits. P., 1752. См. также: Une autre Justice: 1789–1799. Contributions à l’histoire de la justice sous la Révolution française / Sous la dir. de R. Badinter. P., 1989. P. 88–93.

¹⁵ *Muyart de Vouglans P.-F.* Op. cit. P. 461–478.

¹⁶ *Lascoumes P., Poncela P.* Classer et punir autrement: les incriminations sous l’Ancien Régime et sous la Constituante // Une autre justice... P. 74.

¹⁷ “Les trahisons (...) commises en temps de guerre envers les alliés de la France, agissant contre l’ennemi commun” (Archives parlementaires de 1787 à 1860. Recueil complet des débats législatifs et politiques des chambres françaises / Sous la dir. de J. Mavidal et E. Laurent. 1-ère série. P., 1875–1889. T. 31. P. 330).

- ¹⁸ Code pénal suivi de l'exposé des motifs du gouvernement, des rapports faits au corps législatif, d'une table méthodique et d'une table alphabétique et raisonnée des matières du Code. P., 1810. Т. 1. P. 17–20.
- ¹⁹ “L’attentat ou le complot contre la vie ou contre la personne de l’Empereur, est crime de lèse-majesté; ce crime est puni comme parricide” (Code pénal. P. 20).
- ²⁰ Документы истории Великой французской революции. М., 1990. Т. 1. С. 121, сл.
- ²¹ См.: *De Baecque A.* Le corps de l’histoire. Métaphores et politique (1770–1800). P., 1993. P. 198–205.
- ²² *Марат Ж.-П.* Избранные произведения: в 3-х т. М., 1956. Т. 2. С. 238.
- ²³ Там же. С. 251, сл.
- ²⁴ *Марат Ж.-П.* Избранные произведения... Т. 1. С. 248, сл.
- ²⁵ См., например, серию статей Марата в газете “Друг народа”: № 497, 22 июня 1791; № 500–501, 25–26 июня 1791; № 507–508, 1–2 июля 1791 (*Марат Ж.-П.* Избранные произведения... Т. 3. С. 7–22).
- ²⁶ Le Roi Janus, ou l’homme à deux visages // www.roger-violett.fr/resultat.aspx; *Duprat A.* Le roi décapité: Essai sur les imaginaires politiques. P., 1992. P. 66–67; *Idem.* Les rois de papier: La caricature de Henri III à Louis XVI. P., 2002. P. 74–75.
- ²⁷ Archives parlementaires de 1787 à 1860: Recueil complet des débats législatifs et politiques des chambres françaises / Fondé par J. Mavidal et E. Laurent, continué par L. Lataste, L. Claveau, C. Pionnier, A. Ducom. 1-ère série. P., 1898. Т. 53. P. 210–217.
- ²⁸ “L’art de tromper est naturel aux rois” (Ibid. P. 210).
- ²⁹ “Un roi dont la trahison était si bien attestée” (Ibid. P. 215).
- ³⁰ См. подробнее: *Girault de Coursac P. et P.* Enquête sur le procès du roi Louis XVI. P., 1982. P. 83; *Petitfils J.-C.* Louis XVI. P., 2005. P. 903–906.
- ³¹ Rapport fait à l’Assemblée nationale par le commandant de garde au poste des appartemens du traître Louis XVI. P., 1792; Paris et la France sauvées, le ci-devant Louis XVI détroné, ou Le ministre des 36 heures 44 minutes et 25 secondes, ou Louis XVI perfide et traître à la nation, suite de la conjuration découverte. P., S.g.; Désespoir et réflexions du traître Capet, gardien du temple. P., 1793.
- ³² Например, “Chanson nouvelle, au sujet des justes reproches dûs à Louis-le-traître”.
- ³³ “Le Traître Louis XVI Voué au mépris et à l’exécration de la Nation françaises dans sa postérité la plus reculée”.
- ³⁴ Во время революции фонарь стал символом народного правосудия, что нашло выражение, в частности, в популярном лозунге “Аристократов на фонарь!”.
- ³⁵ “Le 10 Aoust 1792. étoit encore plus affreux que le 24. Aoust 1572. et Louis XVI. bien autrement monstre que Charles IX. Celui-ci, du moins, qui sur un Balcon du Louvre, une arquebuse en main, canardoit les Protestans, s’exposoit à la réprésaille: mais Louis XVI. le matin fait boire les Suisses, leur distribue de l’argent, les passe en revue, et après leur avoir donné, ainsi qu’à ses chevaliers du poignard, le mot d’ordre d’assassiner bravement le peuple à travers les Croisées de son Palais, aussi lâche que perfide, il va se cacher au sein du Corps législatif, et demande un asile aux représentans de cette même nation dont il vient de commander le meurtre: Ce forfait étoit encore inconnu dans l’histoire”.
- ³⁶ “Louis le traître lis ta sentence”.
- ³⁷ “Dieu a calculé ton règne et l’a mis à fin, tu as été mis dans la balance et tu as été trouvé trop léger”.

- ³⁸ Archives parlementaires. Т. 53. P. 275–281.
- ³⁹ “Louis XVI a bien évidemment trahi sa patrie; il s’est rendu coupable de la perfidie la plus affreuse; il s’est lâchement parjuré plusieurs fois; il avait formé le projet de nous asservir sous le joug de despotisme; il a soulevé contre nous une partie de l’Europe; il a livré nos places et les propriétés de nos frères; il a sacrifié nos généreux défenseurs; il a cherché partout à établir l’anarchie et ses désordres; il a fait passer le numéraire de la France aux ennemis qui s’étaient armés, qui s’étaient coalisés contre elle; il a fait égorger des milliers de citoyens qui n’avaient commis d’autre crime à son égard que celui d’aimer la liberté et leur patrie; le sang de ces malheureuses victimes fume encore autour de cette enceinte; elles appellent tous les Français à les venger” (Archives parlementaires. Т. 53. P. 387).
- ⁴⁰ Сен-Жюст Л.А. Речи. Трактаты. СПб., 1995. С. 10–16.
- ⁴¹ Марат Ж.-П. Избранные произведения... Т. 3. С. 198.
- ⁴² Мнение о суде над Людовиком XVI // Робеспьер М. Революционная законность и правосудие: Статьи и речи. М., 1959. С. 58, сл., 62; Archives parlementaires. Т. 54. P. 74.
- ⁴³ Archives parlementaires. Т. 54. P. 740–747.
- ⁴⁴ Archives parlementaires. Т. 55. P. 1.
- ⁴⁵ “(...) la nation, perdue et trahie, était livrée à ses ennemis (...)” (Цит. по: Girault de Coursac P. et P. Enquête sur le procès du roi Louis XVI... P. 347, 349).
- ⁴⁶ Archives parlementaires. Т. 55. P. 3–5.
- ⁴⁷ Interrogatoire du roi // Girault de Coursac P. et P., Varaut J.-M. La défense de Louis XVI. P., 1993. P. 39–50.
- ⁴⁸ Ibid. P. 41.
- ⁴⁹ Ibid. P. 42.
- ⁵⁰ “Conspiration contre la liberté de la nation et la sûreté générale de l’Etat” (Archives parlementaires. Т. 57. P. 58).
- ⁵¹ Берк Э. Размышления о революции во Франции. М., 1993. С. 79, сл.
- ⁵² Hunt L. The Family Romance of the French Revolution. Berkeley; Los Angeles, 1992. P. 2.
- ⁵³ Люсьен Жом увидел в этом характерную особенность якобинского дискурса. См.: Jaume L. Le discours jacobin et la démocratie. P., 1989. P. 130, 249–252.

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

В.А. Кузнецов

ЖИЗНЬ ДО РОЖДЕНИЯ: ИСТОРИЯ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ АРАБО-МУСУЛЬМАНСКОЙ СИСТЕМЕ ЗНАНИЙ

УДК 94(620)640/1517

Статья посвящена анализу исторических представлений средневековых арабов. Автор пытается выяснить, какое место исторические знания занимали в средневековой арабо-мусульманской эпистемологии. Поскольку в средневековом арабском мире жанры историописания в традиционном смысле отсутствовали, то для анализа В.А. Кузнецов привлекает самые разные типы исторических произведений, включая генеалогии, жизнеописания, рассказы о пророках и пр. Его интересует, как отразилась в этих памятниках идея истории, с помощью каких терминов арабские авторы обозначали историю и историческое знание. Автор показывает, что долгое время идея единого исторического знания или исторической науки была чужда арабо-мусульманской традиции, хотя преобладал общий взгляд на историю как теофанию. В средневековой арабо-мусульманской гносеологической системе, сформировавшейся в X в. и продолжавшей существование в дальнейшем, историческое знание представлено слабо. История в целом занимала в этой системе подчиненное положение по отношению к прочим видам наук. Автор приходит к выводу, что лишь в позднесредневековый период (Ибн-Халдун и др.) намечается тенденция выделять историописание в отдельный вид познания.

Ключевые слова: историописание, историческое знание, арабо-мусульманская эпистемология, Мухаммад, ат-Табари, аз-Захаби, Ибн-Халдун, шииты, сунниты, Коран, Библия, арабо-мусульманская историческая память.

Key words: historiography, historical knowledge, arab-muslim epistemology, Muhammad, At-Tabari, al-Dhahabi, sunnies and Shiites, Koran, Bible, arab-muslim historical memory.

Цель статьи – выявить то место, которое исторические знания занимали в средневековой арабо-мусульманской эпистемологии.

Классическая арабо-мусульманская культура обыкновенно мыслится как чрезвычайно историческая в том смысле, что она

вся сосредоточена на собственной исторической идее, на священной истории ислама. Определенные основания для этого ощущения создаются тремя обстоятельствами.

Первое – это огромный комплекс историографической литературы, созданный средневековыми арабо-мусульманскими авторами. Жизнь Мухаммада, его проповедь, окружение, развитие его общины как в период деятельности Пророка, так и в первые годы после его смерти тщательно изучались, информация о них сохранялась и передавалась средневековыми интеллектуалами, которые в поисках правды создали целый комплекс верификационных процедур, фактически заложив основу специфического мусульманского источниковедения¹.

Второе обстоятельство – это постоянное обращение к историческим аргументам в арабо-мусульманском общественно-политическом дискурсе, как средневековом, так и современном².

Наконец, третьим – и самым убедительным – свидетельством служит сама проповедь пророка Мухаммада, в которой существенное место занимали рассказы о пророках и посланниках Аллаха.

Цель ниспослания этих историй объясняется в 120 аяте суры “Худ”: “И передаем Мы тебе из вестей о посланниках [прежних] все то, чем укрепляется сердце твое. И с [рассказами] этими пришли к тебе и Истина, и увещевание, и наставление для [всех] верующих”³. В XI в. автор “Рассказов о пророках” (*Кисас ал-анбийа’*) ас-Са‘алиби (ум. 1038) называл пять основных целей пророческих аятов в Коране, причем три из них были чисто историческими:

1. Побуждение читателя к тому, чтобы он подражал героям этих историй, и предостережение от того, за что следует кара Аллаха.

2. Утверждение позиций Мухаммада и прославление его и его народа, ведь они были избавлены от многих обязанностей, которыми были обременены их предшественники⁴.

3. Сохранение памяти о героях этих историй и их дел, дабы люди, стремясь войти в историю, вели себя лучше⁵: “Не умирает тот, память о ком жива”, “Цари и богатые люди тратят деньги на цитадели, крепости и дворцы, чтобы остаться в памяти”⁶.

Здесь, однако, мы сталкиваемся с серьезной и хорошо известной проблемой, а именно – насколько ново было обращение Мухаммада к историям пророков?

В замечательном очерке, посвященном историческим представлениям арабов эпохи Джахилии, П.А. Грязневич когда-то выделял две их основные черты: прагматизм (история как хранилище правовых норм и социальных иерархий) и ограничение истории памятью о прошлом кровно-родственной группы (отсюда географическая и временная локализация, отсутствие идеи истории мира)⁷. Несмотря на схожесть выводов П.А. Грязневича с выводами исследователей, занимавшихся иными регионами⁸, их абсолютизация кажется не совсем верной. Если, согласно как самому кораническому тексту, так и последующим комментаторам, Мухаммад обращался к священной истории в поисках аргумента, подтверждающего истинность его собственной миссии, то история эта не могла быть совершенно неизвестной его аудитории. По крайней мере часть легенд, на которые ссылался Пророк, должны были быть не только известны арабам, но и считаться вполне достоверными (что кажется тем более естественным, что среди аравийских племен были и христианские, и иудейские), другое дело, что интерпретация их в проповеди Пророка вполне могла быть и совершенно необычной. Совершенно неясно также, как эти более или менее известные и достоверные рассказы соотносились с родоплеменной коллективной памятью арабов: вполне может быть, что они рассматривались как некий вневременной (или удаленный в абстрактное “когда-то”) миф⁹, а заслугой Мухаммада была, среди прочего, их историзация.

В целом же, историзм Мухаммада имеет определенную специфику. Основной его принцип, выраженный в кораническом тексте, – взгляд на прошлое как на теофанию (Богоявление), был взглядом, по существу своему, иудейским – преобладающий мотив как еврейской Библии, так и пророческих айатах Корана – это мотив взаимоотношений Бога и человека¹⁰. Однако если еврейская историческая память уже во времена Мухаммада полностью удовлетворялась священной историей и практически не пыталась выразить себя в каких-либо иных формах историописания¹¹, то для мусульманской *уммы* проповеди Мухаммада оказалось недостаточно: довольно скоро там появились и исторические биографии (агиографии), генезис которых А.А. Шеддади связывает с влиянием позднего эллинизма¹², и династийная хронистика, в рамках которой получило развитие персидское культурное наследие.

Активные влияния других ближневосточных историографических школ объясняются, конечно, контактами мусульман с

населением завоеванных стран, но не только. Их следует объяснять еще и тем, что изначально проповедь Мухаммада была исторически неполна – в этом ее существенное отличие от Библии. В Библии, несмотря на все лакуны и противоречия, содержится более или менее последовательное историческое повествование, полное не только в идеологическом, но и в содержательном отношении. В Коране же сообщается лишь основная идея: после сотворения мира Бог посылал к народам своих посланников и пророков, люди их слушали, но потом сбивались с праведного пути и искажали божественные слова. Всего в тексте фигурирует 25 посланников, но говорится также, что их было много больше, и даже, что “у каждого народа свой пророк”¹³. Таким образом, сообщается только общая формула, которая иллюстрируется рядом примеров, само же содержание истории оказывается открытым для новых эпизодов.

Появление этих эпизодов и их включение в общую матрицу священной истории было связано с необходимостью сочетать ее с арабским племенным преданием, с одной стороны, и с историческими традициями завоеванных народов – с другой. Однако историописание, появившееся вскоре после начала арабских завоеваний, мыслилось современниками довольно своеобразно.

ОТСУТСТВИЕ ПОНЯТИЯ

В средние века идея истории обозначалась обыкновенно, как и сегодня, словом *та'рих* – история, дата, эра или сочинение по истории.

Согласно словарю XII в. *Лисан ал-'араб ат-та'рих* может быть определено как датировка или исчисление времени (летоисчисление)¹⁴.

Если же обратиться к трудам историографов¹⁵, то, поскольку почти никто из них не пытался специально определить используемую им терминологию, имеет смысл посмотреть, как они объясняли свой собственный труд – благо чуть ли не каждая их работа начинается с общего введения.

Как указывает современный тунисский философ Фатхи Трики, по отношению к определенной области знания слово *та'рих* стало употребляться уже после возникновения ислама и, хотя точной даты его появления в исторических трудах назвать нельзя, известно, что оно прочно закрепилось в языке только в IX в. Первой из известных работ, в заглавии которой автор употре-

бил этот термин, была книга ‘Умама Ибн ал-Хакама ал-Ахбари (ум. 766/765) “*Китаб ат-та’рих*” (“Книга истории”)¹⁶.

Действительно, понятие *та’рих* не встречается ни в Коране, ни в работах ранних авторов. Одно из первых его упоминаний мы встречаем у Халифы ибн Хаййата (ум. 854), который начинает свою “*Китаб ат-та’рих*” следующими словами: “Сказал Халифа бин Хаййат: Это книга *ат-та’рих*, а по *ат-та’рих* люди знали о необходимости совершить хадж, поститься, об истечении неприкосновенности (*идад*) их жен и о сроке уплаты долга”¹⁷. Существенно здесь не только само понимание *ат-та’рих* как датировки или хронологии, но и то, что автор считает необходимым сразу пояснить читателю значение этого слова – оно явно еще не было общеупотребительным.

Даже такие уже не совсем ранние историописцы, как Ибн Кутайба (ум. 889) и ад-Динавари (ум. 894/895), практически его не используют. И тот, и другой, по всей видимости, вообще не рассматривали свои труды как что-то цельное, скорее как собрание или коллекцию рассказов. “В этой книге я собрал знания...”¹⁸, – пишет Ибн Кутайба и далее на нескольких страницах перечисляет, какие именно. Ад-Динавари вторит ему: “Книга длинных известий, в ней упоминание о... известия о...”, и далее: “... в книгах людей, знающих первые известия, я обнаружил...”¹⁹. Первый для обозначения своего сочинения выбирает слово *ма’ариф* – знания и *фунун* – искусства, умения или знания, второй – *ахбар* и *азкар* – известия и упоминания, но оба они затрудняются определить одним словом, что же они описывают. Впрочем, Ибн Кутайба все же говорит об *ат-та’рих*, однако понимает под ним исключительно исчисление сроков существования мира²⁰.

Ат-Та’рих встречается у ат-Табари (839–923), правда, всего один раз (не считая названия) в значении эпохи или хронологии: “...мы упомянули хронологию (*та’рих*) царей прошлого и сумму известий о них, и времена (*азман*) посланников и пророков и длительность их жизней...”²¹. Вообще, ат-Табари волнует проблема точной хронологии: даже в тексте предисловия различные маркеры времени встречаются чрезвычайно часто, а первые разделы самой книги называются: “Слово о том, что такое время” и “Слово обо всем количестве времени от его начала до конца, от первого до последнего”²². Появление этих разделов, да к тому же в самом начале работы, ярко демонстрирует интересы автора и специфику задач, которые он перед собой ставил: *Та’рих ат-Табари* – это вовсе не история, как обычно предполагается, и уж тем

более это не эпическое полотно прошлого человечества, как воспринимается эта работа сегодня. Это хронология, карта времени, помогающая определять координаты событий. В таком понимании гораздо логичнее звучит и название сочинения *Мухтасар тарих ар-русул ва-л-мулук ва-л-хулафа*: не “Сокращенная история пророков, царей и халифов”, а “Краткая хронология пророков, царей и халифов” – краткая, потому что служит не для описания всего прошлого, а для ориентировки во времени.

Для ал-Мас‘уди (ум. 956) – младшего современника ат-Табари – понятие *та’рих* начало приобретать обобщенное значение знания о прошлом, употребляет он его уже значительно чаще – только во введении 20 раз, правда, значение, которое он вкладывает в это понятие, определить не всегда просто: “...сочинение Дауда бен ал-Джараха по *ат-та’рих*, собирающей многие известия о персах и других народах...”²³, “...*та’рих* Абу ‘Исы бен ал-Мунджима о том, что ему возвестила Тора и о прочих известиях о пророках, царях и *куттаб ат-та’рих*...”²⁴. В ряде случаев, как это было и у ат-Табари, *та’рих* дополняется известиями (*ахбар*)²⁵, жизнеописаниями (*сийар*) и преданиями (*асар*)²⁶; а в других – вбирает в себя *ахбар*²⁷.

Схожее значение мы обнаруживаем в тексте ал-Мутаххара (Макдиси) (ум. после 966 г.) – автора “Книги начала и истории”, где речь идет о “датированной истории”²⁸.

Мискавайх (ум. 1030), подобно ал-Мутаххару, употребляет слово *ат-та’рих* редко, всего дважды: первый раз в одном ряду с известиями и жизнеописаниями²⁹, а второй так: “А о том, чьего жизнеописания не сохранилось, я упомянул только его имя, дабы строй истории (*низам ат-та’рих*) был сохранен”³⁰. По всей видимости, здесь имеется в виду хронологический строй истории.

Ибн ал-Джаузи (1126–1200), спустя более чем столетие после Мискавайха обратившийся к жанру всемирно-исторической хроники, понимает под *ат-та’рих* эру³¹, а под множественным числом – *ат-таварих* – по всей видимости, то же, что и под *ахбар* – известия³², и при этом противопоставляет им жизнеописания (*сийар*). Наконец, он использует слово *ал-му’аррихун*, понимая под ним всех тех, кто пишет о прошлом, т.е. историков³³.

Его младший современник Ибн ал-Асир (1160–1233) подразумевает под *ат-та’рих* и знание прошлого, и его датированное изложение, и эпоху, и летоисчисление³⁴.

Необходимость четкого и ясного определения терминологии осознавалась и позднесредневековыми мусульманскими “методо-

логами” истории, которые в этой своей лингвистической страсти выступали наследниками многих поколений мусульманских филологов³⁵. В сохранившихся трактатах XIV – XV вв. – в “Скромном подношении сидящему на троне” ал-Иджи (ум. в конце XIV в.), и в “Очерке об исторической науке” аль-Кафийаджи (1386/1387–1474), и в “Открытом осуждении порицателей истории” ас-Сахави (1427–1497) – содержатся целые разделы, посвященные дефинициям понятий *та’рих/таурих*.

Ал-Иджи приходит к выводу, что понятие это означает период времени, ограниченный, с одной стороны, важным или известным событием, а с другой – интересующим моментом. Завершая параграф об определениях, ал-Иджи упоминает, что иногда *та’рих* употребляется в отношении науки (*‘илм*), имеющей дело с “первособытиями”: “*Та’рих* употреблялось в специальном значении как наука, связанная с событиями, достойными служить точкой отсчета для *та’рих*, и с известиями о них”³⁶.

Ал-Кафийаджи практически дословно повторяет ал-Иджи, а ас-Сахави добавляет к сказанному, что понятие это обозначает “познание времени”, необходимое для педантичного “установления условий, влияющих на передатчиков преданий и религиозных лидеров: их рождения и смерти, умственное и физическое здоровье, путешествия и паломничества... степень надежности и ненадежности приписываемого им и т.п. ... К этому прибавляются важные события и случившиеся происшествия. Такими событиями являются: появление религии, возложение новых религиозных обязанностей; события, касающиеся халифов и визирей, набеги, битвы и войны, завоевания стран и их освобождения от узурпаторов, смена династий. А иногда содержание [этого понятия] расширяется до такой степени, что включает в себя начало Творения, истории пророков и дела народов прошлого, а также обстоятельства Воскресения и события, предшествующие этому, которые только произойдут. А кроме того, речь может идти о таких второстепенных вещах, как строительство мечетей, мадраса, мостов, дорог и других всем известных полезных объектов; о том, что относится к тайнам небес, как то: нашествия саранчи, солнечные и лунные затмения; или же к тайнам земным, как, например, землетрясения, пожары, наводнения, потопа, засухи, моры и подобные им чудесные знамения и великие чудеса”³⁷.

Наконец, необходимо упомянуть о тексте Ибн Халдуна. Если понимание терминологии, которой автор описывал собственное исследование, вызывает ряд трудностей, то выражение им идеи

истории кажется совершенно ясным. *Ат-Та'рих* – это искусство, или умение (*фанн*), имеющее хождение среди всех народов и во все времена, собрание известий “о днях и династиях” и давних временах³⁸.

Итак, мы видим, что, прежде чем слово *ат-та'рих* стало пониматься как историческое знание вообще, оно прошло долгий путь развития, начавшийся со значения даты, датировки и летоисчисления. Оно не сразу стало использоваться в трудах, которые мы считаем историческими, а когда и стало, то прежде всего в смысле хронологии, датировки или эпохи. Только к середине IX в. (или даже в начале X в.) возникла идея *ат-та'рих* как вида литературы, объединяющего в себе хронологически выстроенные знания о прошлом. На протяжении всего последующего периода это значение сосуществовало с предыдущими, но не переставало восприниматься как их производная, как нечто вторичное и необязательное, о чем со всей ясностью свидетельствуют тексты “методологов” и особенно приведенный отрывок из ас-Сахави. Наконец, в работе Ибн Халдуна это обобщенное понимание становится основным, и *ат-та'рих* превращается из хронологии в познание прошлого.

Помимо этого слова, широко использовалось также слово *хабар* – известие. Основные значения понятия *хабар* – информация, связь, поиск, критика, а также (правда, несколько реже) само событие. Это слово выражает главным образом идею передачи достоверной информации, причем без всякого ее анализа. Это описание единичного события, ценного самого по себе, никак не связанного с другими, – рассказ, миф, легенда, история, т.е. все то, что составляет содержание таких произведений, как, например, “*Айам ал-'араб*”³⁹. Вместе с тем *хабар* означает композиционно и семантически завершенную часть исторического повествования. Например, “*Та'рих...*” ат-Табари может рассматриваться как совокупность *ахбар*, расположенных в хронологическом порядке, имеющих четкую структуру и отделяющихся друг от друга авторскими вставками.

То, что арабское *ат-та'рих* произошло от датировки (и близких значений), а не от рассказа (*хабар* или его синонимы), служило серьезным препятствием для создания единого исторического нарратива о прошлом. *Ат-Та'рих* не предполагало единства текста ни в XV в., ни уже в Новое время, когда историописание сохраняло черты средневековой хронистики. Другими словами, если в Европе наблюдается увеличение объема нарратива (а история – это изначально *narratio*), то в арабо-мусульманском мире

увеличивалось количество связанных между собой сообщений. Может быть, именно поэтому Ибн Халдун, вводя идею единства общественного развития, писал, что создал новую науку, – *‘илм ат-та’рих* отвергала внутреннее единство на уровне семантики.

Итак, можно констатировать, что, несмотря на раннее появление литературы о прошлом, на протяжении очень долгого времени в арабо-мусульманской традиции отсутствовала идея *единого* исторического знания, или исторической науки. Однако огромный комплекс исторических в современном понимании текстов должен был найти какую-то нишу в существовавшей тогда эпистемологической системе. Чтобы определить эту нишу, необходимо обратиться к проблеме жанров историописания.

НЕОПРЕДЕЛЕННОЕ МНОЖЕСТВО ЖАНРОВ

Самими историками четкой теории, которая бы их разграничивала, создано не было, поэтому слово “жанры” условно. Однако в позднесредневековых трудах нас ждет неожиданная удача. Так, ас-Сахави посвящает классификации исторических произведений целый раздел, в котором он сначала приводит перечень, составленный аз-Захаби (1274–1348), а потом дополняет его.

Классификация аз-Захаби

1. Жизнеописание Мухаммада (*сира*).
2. История пророков (*кисас ал-анбийа’*).
3. История сподвижников Мухаммада.
4. История праведных халифов, Омейядов, Аббасидов, а также Марванидов в Испании, ‘Убайдитов в Магрибе и Египте.
5. История царей (*мулук*) и династий (*дувал*): правители Персии и Византии, мусульманские правители, такие как Тулуниды, Ихшидиды, Бувайхиды, Сельджуки и т.п.; правители Хорезма, Сирии, татар и все остальные, кто называется царями.
6. История визирей. Первыми среди них были Харун⁴⁰, Абу Бакр, Умар... Некоторые из них становились пророками, халифами... и царями.
7. История эмиров, высших чиновников (*вали*), правителей областей (*нуваб ал-мамалик*), великих секретарей. Часть из них были администраторами, другие – литераторами и поэтами.
8. История факихов, основателей мазхабов, религиозных лидеров разных эпох, экспертов по делам о наследстве, авторитетных муджтахидов.
9. История чтецов Корана, придерживающихся одного из семи методов чтения.

10. История знатоков Корана.
11. История авторитетнейших мухаддисов.
12. История историков (*му'аррихун*).
13. История грамматиков, литераторов, лексикографов, поэтов, знатоков стилей и метрик.
14. История рабов Аллаха, аскетов, святых, суфиев и набожных людей.
15. История судей и управителей, а также история свидетелей (*шухуд*) и чиновников от юриспруденции.
16. История учителей, книгопродавцев, переписчиков, рассказчиков историй, странствующих шутов и шарлатанов.
17. История проповедников, ораторов (*хутаба'*), певцов, придворных (*нудама'*), музыкантов.
18. История людей благородных, великодушных, умных, остряков и мудрецов.
19. История медиков, философов (*фаласифа*), еретиков (*занадика*), геометров и им подобных.
20. История мутакаллимов, джахмитов, му'тазилитов, аш'аритов, карматов и антропоморфистов (*муджсима*).
21. История различных направлений шиизма – крайних, рафидитов и др.
22. История различных направлений хариджизма, навуситов⁴¹, новаторов (*мубтади'а*) и сектантов.
23. История суннитских 'улама, суфиев, факихов и мухаддисов.
24. История скряг, паразитов, скучных людей, жадин, глупцов, хлыщей и болванов⁴².
25. История слепых, инвалидов, глухих, немых и горбунов.
26. История астрологов, колдунов, алхимиков, охотников за сокровищами и фокусников.
27. История знатоков генеалогий, собирателей *ахбар* и бедуинов.
28. История смельчаков, фарисов, лакеев и посланников.
29. История торговцев, людей, совершивших удивительные пешие и морские путешествия.
30. История ремесленников, рабочих, ловких изобретателей и изготовителей разного рода предметов.
31. История монахов (*рахбан*), отшельников и других представителей извращенного мистицизма.
32. История тех, кто ведет за собой молящихся, муэдзинов, толкователей снов.
33. История грабителей, убийц, игроков в шахматы, шашки и кости...
34. История красавчиков, поклонников, рабов любви, танцоров, выпивох, дебоширов, лжецов, сводников, женоподобных мужчин.
35. История умных, решительных, экономных, ловких и хитрых людей.
36. История нищих, мошенников, тех, кто притворяется инвалидами, содомитов, распутников, богачей, богатых наследников, лжецов.

37. История сумасшедших, тех, на кого навели порчу, лунатиков, людей умственно неполноценных и заколдованных.

38. История попрошаек, нищих, вымаливающих подаяние...

39. История тех, кто умер [во время чтения] Корана, от любви, страха или просто внезапно.

40. Предсказатели эпохи джахилийи, лже-чудотворцы, чудеса которых выглядят, как божественная милость, и т.д.

41. (В своей работе историк может объединять несколько из этих тем)⁴³.

В первых пунктах своей схемы ас-Сахави придерживается модели предшественника, но затем он эту схему существенно меняет, выделяя работы по *региональной истории, географические сочинения и исторические сочинения per se*. Последние, в свою очередь, делятся на сочинения об исторических событиях (ал-Касталани, ат-Табари, ал-Хамадани, Мискавайх, аль-Мас'уди и др.), авторов которых не интересуют исторические личности и их биографии; сочинения о "событиях и датах смертей"⁴⁴, сочетающие в себе традиции хронистики и биографических описаний⁴⁵ (Ибн ал-Асир, ад-Димашки, ал-Макризи и др.), и, наконец, на биографические сочинения (*тараджим*), к которым, например, относится трактат Ибн Халликана "*Вафайат ал-а'йан*" (Кончины благородных).

Все его 40 пунктов посвящены описанию тех или иных социальных групп, человеческих типов или отдельных личностей, и естественно было бы ожидать от автора, чтобы он использовал понятие *сира* – биография или жизнеописание, а не связанное с хронологией *та'рих*, однако *сира* упоминается только в одном случае, когда речь идет о Пророке. Учитывая то, что ас-Сахави дополняет список биографическими сочинениями, следует предположить, что аз-Захаби (по представлению ас-Сахави) под историями социальных групп подразумевал не целостное описание жизненного пути того или иного человека, а выделение и описание некоторых социальных ролей. Роли эти выстраиваются в определенной иерархии – список начинается с Мухаммада и других посланников Аллаха и заканчивается разного рода маргиналами, однако предлагаемая иерархия не всегда соблюдается строго, и иногда уступает место ассоциативным связям (пункт 23). Признаки, по которым производится объединение, самые разные – и профессиональная деятельность, и личные качества, и физические характеристики, и др.

Ас-Сахави же пытается сконструировать некую тотальную модель, которая бы охватывала все известные ему труды по ис-

тории. Этим стремлением, видимо, и объясняется тот факт, что последние пункты – те, в которых говорится о региональной истории, истории *per se* и географии, – плохо коррелируют с предшествующими. Сюда явно были включены те труды, которые не попадали ни в один из разрядов, приведенных аз-Захаби.

Эти две классификации показывают, кроме того, что в пост-классический период арабо-мусульманские историки были сосредоточены, главным образом, на описании людей, их биографий, их социальных и психологических типов⁴⁶.

Однако так было не всегда, и, обращаясь к источникам, мы обнаруживаем совершенно другую жанровую картину. Довольно определенно выделяются у хронистов и методологов такие, частично выше уже упоминавшиеся, жанры, как *ахбар* – известия, *ансаб* – генеалогии, *кисас ал-анбийя* – рассказы о пророках, *магази* – завоевания, *сийар (тараджум)* – жизнеописания, *фада'ил* – преимущества⁴⁷, *табакат* – разряды и – появившиеся позже остальных – собственно хроники – *таварих*.

Некоторые методологические сложности связаны с определением хадисной литературы и, например, шиитских *усул* (ед.ч. – *асл*). Следует ли считать такую литературу исторической?

С одной стороны, традиционно в арабистике принято рассматривать ее в лучшем случае как предтечу историописания: в этом ключе о хадисах говорят и Ф. Розенталь, и Т. Халиди, и другие авторы.

С другой же стороны, – если понимать историческую литературу предельно широко, т.е. включать в нее все произведения о прошлом, обладавшие в конкретном обществе интересубъективной достоверностью, то исключать из нее хадисы и *усул* нет никаких оснований. Если в хадисах описываются эпизоды жизни Пророка, то в шиитских “корнях”⁴⁸ приводятся ответы ранних имамов на самые разнообразные вопросы. Первыми составителями *усул* были, в основном, ученики Мухаммада ал-Бакира (ум. 732) и Джа'фара ас-Садики (ум. 765). Постепенно ответы ранних имамов дополнялись ответами их потомков и обрастали комментариями мухаддисов. На основе этих источников была создана шиитская хадисная литература, в том числе четыре канонических сборника, наиболее ранним и самым полным из которых считалось сочинение Мухаммад ибн Йакуба ал-Кулайни (ум. 941) “*Китаб ал-кафи фи 'илм ад-дин*” (“Достаточное знание о вере”).

В то же время, в какой степени верно само утверждение, что в данном случае мы имеем дело с литературой о прошлом?

Разумеется, каждый слушавший хадисы осознавал, что и Пророк, и шиитские имамы жили много лет назад, и их речения, в отличие, скажем от ниспосланного Аллахом, а значит из Вечности исходящего Корана⁴⁹, – относятся ко Времени. Однако самая суть этих текстов состояла во вневременной истинности заключенных в них смыслов.

Таким образом, средневековое сознание оказывалось в несколько неловкой ситуации: ему необходимо было ответить на вопрос, каким образом можно вписать в историчность конкретных человеческих судеб абсолютную истинность слов и поступков?

Шииты – особенно крайние из них – решали проблему довольно просто, причем, собственно говоря, еще до ее появления: признавая эманацию божественного начала в роду Мухаммада, они помещали тем самым его потомков во внеисторический контекст Вечности⁵⁰.

Сунниты, не воспринявшие концепцию эманации, могли ссылаться на богоизбранность Мухаммада: Пророк – человек, однако все же не только и даже не столько человек, сколько “ретранслятор” речи Аллаха, и, следовательно, любое его слово отмечено Божественной печатью.

На самом деле это тот случай, когда интеллектуалы были вынуждены следовать за народным сознанием, предоставляя выработавшимся и устоявшимся в нем представлениям, некоторое логическое обоснование. Очень рано начавшаяся мифологизация образа не только одного Мухаммада, но и всех действующих лиц времен ниспослания и праведных халифов, да и самих этих эпох, и их превращение не просто в миф, но в миф осевой, по всей видимости, происходили стихийно. Таким образом, политическим элитам и интеллектуалам приходилось “оседлывать” эти неподконтрольные им процессы.

Итак, можно сказать, что семантически хадисы не были историческими произведениями, более того, – связанные с эпохой Призыва они оказались (или же – в некоторых случаях – были преднамеренно) “деисторизированны”, введены в область мифа, по М. Элиаде⁵¹.

Показателен в этом отношении тот факт, что и позднейшие средневековые классификаторы наук выделяли *‘илм ал-хадис* (знание/наука хадисов) в особую область, отличную от истории, предписывая последней осуществлять ее “техническое обслуживание” – проверять достоверность иснадов и т.п.⁵²

В приведенной таблице видно, когда возникали упомянутые жанры и как они менялись. В целом тенденция была к включению

Эволюция жанров средневековой арабо-мусульманской литературы о прошлом					
0	1	2	3	4	5
Ахбар	Ахбар <i>хадисы</i>	Ахбар <i>хадисы</i> (выделение из них <i>хадисов</i>)	Ахбар <i>хадисы</i> (неисторическая литература о прошлом)	Ахбар <i>хадисы</i> (неисторическая литература о прошлом)	Ахбар <i>хадисы</i> (неисторическая литература о прошлом)
Ансаб	Ансаб	Ансаб	Ансаб	Ансаб	Ансаб
Южноаравийское предание и <i>ис-ра илий йат</i>	Кисас ал-анбийа'	Кисас ал-анбийа'	Та'рих (ахбар как структурный элемент, кисас ал-анбийа', магази, сира	Та'рих (ахбар как структурный элемент, магази, сира	Та'рих (ахбар как структурный элемент, магази, сира
Иудео-эллинистическая историческая традиция	Магази-сира	Фада'ил Магази	Пророка, ансаб, фада'ил)	пророка, кисас ал-анбийа', ансаб, фада'ил)	сира пророка, кисас ал-анбийа', ансаб, фада'ил, жиз-неописания-та-раджим)
Персидская историческая традиция		Сира Пророка (ансаб)	Сира	Сира	См. класс. аз-Захаби и ас-Сахави.
		Табакат (ансаб + фада'ил)	Табакат	Табакат	Табакат

всех жанров в *та'рих*, что видно и по приведенной классификации аз-Захаби – ас-Сахави.

Кисас ал-анбийя' и *сира* прямо упоминаются в тексте, *фада'ил* присутствуют в нем в более поздней форме региональной истории.

Что касается *ахбар* и *магази*, то первые уже в X в. превратились в структурный элемент хроник, хотя одновременно и продолжали существовать как отдельный жанр синонимичный *хадисам*⁵³, а вторые к тому же времени вовсе исчезли.

Таким образом, единственный историографический жанр, не нашедший отражения в представленных классификациях – это *ансаб*. Как уже сообщалось, генеалогии еще в VIII в. начали входить отдельными частями, как в биографическую литературу (например, “Жизнеописание Пророка” Ибн Исхака-Ибн Хишам), так и (чуть позже) в хронистику.

Игнорирование же *ансаб* поздними классификаторами, вероятно, связано с тем, что в IX в., когда генеалогические списки арабских племен были составлены окончательно, этот жанр был вытеснен из мейнстрима арабо-мусульманского историописания – не случайно в приведенном перечне *та'рих* составителей генеалогий стоит в одном ряду с *та'рих* собирателей *ахбар* и бедуинов. Во всех трех случаях речь идет о написании истории носителей бедуинской культуры, которая современниками аз-Захаби и ас-Сахави рассматривалась как архаичная и по всем параметрам уступающая культуре городского общества, к которому принадлежали они сами⁵⁴.

Однако, несмотря на маргинализацию *ансаб* и их имплицитную включенность в другие формы литературы о прошлом, жанр все же не был совсем забыт в позднее Средневековье, однако рассматривался историками-*му'аррихун* как отличный от *та'рих*.

Если *та'рих* строился по принципу суммирования *ахбар* и их упорядочивания в соответствии с хронологией и (позже) тематикой, то основным элементом *табакат* оказалась сначала генеалогия, а затем жизнеописание.

Табакат возникли, вероятно, в начале или середине IX в. как некий синтез *ансаб* и *фада'ил*: по меньшей мере, ранние сочинения этого рода могут с равным успехом рассматриваться как литература, призванная возвысить тот или иной город через благородные генеалогии его жителей, либо же как традиционные генеалогические сборники, адаптированные к новым условиям,

когда арабские племена расселились по старым и новым городам Ближнего Востока.

Такой справочник не только служил хорошим подспорьем для выверения *иснадов*, но также был средством утверждения определенной иерархии городов. По справедливому замечанию Т. Халиди, значимость того или иного города в раннеисламском обществе определялась количеством живших в нем сподвижников Мухаммада и их потомков⁵⁵. Расселяясь по разным уголкам Обители ислама, они несли с собой частицы пророчества, отраженное сияние самого Бога, и тем самым превращали никому вчера еще неизвестные гарнизонные поселения в хранилища традиции, интеллектуальные центры, Обители ислама, и вместе с тем самым своим присутствием гарантировали искренность веры жителей.

В течение своего дальнейшего развития *табакат* претерпели серьезные изменения. Прежде всего, само название этого типа литературы довольно скоро утратило непосредственную связь со структурой произведений – в основной их части статьи выстраиваются вовсе не по поколениям или иерархии авторитетности, а в алфавитном порядке. Изменилось и содержание работ – авторы все меньше внимания уделяют генеалогии, и все больше – биографическому материалу (уже у Ибн Са‘да содержатся большие биографические фрагменты⁵⁶); они посвящают свои труды ‘*улама*, литераторам, грамматикам, *фукаха*’ – т.е. носителям книжных знаний, и как правило, к каждой статье прилагают список произведений ее героя⁵⁷. Как показал Э. Фаньян, сборники *табакат* в позднее Средневековье и Новое время оставались одним из наиболее важных средств определения религиозно-правовых школ и сохранения их исторической памяти⁵⁸, хотя они и необязательно посвящались представителям какого-то определенного *мазхаба* – существовали *табакат* известных людей того или иного города или страны (например, факихов Йемена у Ибн Самуры (ум. 1190)).

На наш взгляд, на протяжении всей долгой истории существования литературы *табакат*, помимо функций чисто практических, она не переставала выполнять важнейшую функцию меморизации двух типов идентичности – социальной и культурно-географической. Социальная идентичность, определявшаяся сначала по генеалогиям, с развитием городской культуры, лишенной жесткой вертикальной иерархии, постепенно стала структурироваться по профессиональным и конфессиональным группам. Идентичность же культурно-географическая, впервые заявленная

в поместных *фада'ил*, затем находила выражение в локальных *табакат*.

Теперь, когда мы более или менее прояснили ситуацию с собственн историей и его формами, осталось понять, как все это существовало в эпистемологической системе.

НЕОПРЕДЕЛЕННОЕ МНОЖЕСТВО И СТРОГАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЯ

Первое, что здесь необходимо сказать, это то, что сама идея знания – *'илм* – занимала в мусульманской культуре чрезвычайно важное, может быть, даже центральное место, что прекрасно показал когда-то Франц Роузенталь в своем “Торжестве знания”.

Достаточно сказать, что в Коране понятие *'илм* – одно из самых частотных, оно употребляется 750 раз, т.е. составляет около 1% всего коранического словаря. Оно на пятом месте по частотности, уступая только глаголам “быть” и “сказать” и словам “Аллах” и “Господь” (*рабб*). Обладание знанием – важнейший атрибут Аллаха: “Он знает, а вы нет” – часто встречаем в Коране. При этом, истинно верующий – это тот, кто знает Бога, а истинное знание – это всегда знание Бога⁵⁹.

В общем, эта кораническая идея была центральной для развития средневековой эпистемологии, для которой главной целью всегда оставалось познание Бога.

Так понималось знание с самого начала. Характерно при этом, что в Коране мы не встречаем упоминания множественного числа от *'илм* – *'улум*, т.е. знаний. Где-то до IX в. такого понимания не существовало вовсе. Только в VIII в. встречается первое упоминания “знаний” как каких-то частей одного большого знания, потом начинают возникать разные науки и к X в. система знания превращается в систему знаний, включающую в себя множество частных наук. К XVI в. их число достигнет, по некоторым авторам, 316 (например, у Ташкёпрю-заде в *Мифтах ас-са'ада*).

При этом в развитии эпистемологии наблюдаются два основных течения – условно богословское и условно философское⁶⁰.

Фалясифа – философы, следовавшие в своем философствовании древнегреческим традициям – основывались на классификации Аристотеля:

1. Логика (инструмент всех наук)
2. Теоретические науки:
 - Физика

- Математика
- Метафизика
- 3. Практические науки:
 - Этика
 - Политика
 - Экономика
- 4. Поэтические науки:
 - Риторика
 - Поэтика

Ал-Фараби (870–950), применяя эту схему к арабо-мусульманским реалиям X в., выдвигает на первое место науки о языке, за ними следует логика, потом физика и метафизика и, наконец, общественные науки, т.е. “политика” (управление), юриспруденция и богословие⁶¹.

Традиция, заложенная ал-Фараби, была развита Ибн Синой (980–1037) – принципы, легшие в основу его классификации, ярко демонстрируют причину, по которой ни в ней, ни в ей подобных не нашлось места истории. В теоретические науки у Ибн Сины входят физика, математика и метафизика. Последовательность этих трех наук, которые философ характеризует соответственно как низшую, промежуточную и высшую, или “божественную” (*ал-‘илм ал-илахий*), определяется степенью их связи с чувственно воспринимаемыми предметами и их движениями – чем абстрактней, тем выше. При этом каждой чистой науке соответствует наука прикладная⁶².

Чистая метафизика делится на пять разделов, которые имеют соответственно предметом своего исследования: 1) понятия, относящиеся к сущему как таковому; 2) первые начала наук; 3) доказательство существования бытийно необходимого, его единства и его атрибутов; 4) первичные и вторичные “духовные субстанции”; 5) способ подчинения небесных и земных телесных субстанций упомянутым “духовным субстанциям”. К прикладной метафизике относится наука об откровении и потусторонних воздаяниях.

Несмотря на то что в предложенной иерархии исторические знания отсутствуют (по той же причине, что и у Аристотеля), в ней все же уже обозначено место, которое они в принципе могли бы занять: рядом с прикладными метафизическими науками в качестве “ремесла”, обеспечивающего их существование. В самом деле, эти религиозные знания (об откровении, о воздаяниях) основываются на педантичной передаче традиции, поскольку текст,

служащий их основой был открыт человечеству в конкретный момент времени.

Вероятно, такой логике следовали Братья Чистоты (X в.), фактически предложившие в своих Посланиях две классификации. Одна из них выражается самой структурой трактата, другая же специально описывается в седьмом послании (“Глава о родах наук” и “Глава о Божественной науке”, т.е. метафизике)⁶³, причем в ней доля традиционных исламских наук значительно выше, чем в первой⁶⁴. Исторические дисциплины представлены в этой классификации довольно широко, и потому стоит остановиться на ней подробнее.

Они выделяют три рода наук. Первый из них – математические, или науки вежества, необходимые в практической жизни. Среди этих наук наравне с грамматикой, арифметикой, гаданиями мы обнаруживаем и науку жизнеописаний и известий. Они стоят на последнем месте.

Второй род наук – науки шариата, которые применяются для лечения душ и в ожидании загробной жизни, их шесть видов, один из которых – наука преданий, или хадисоведение.

Третий род – философские науки, среди которых выделяется метафизика, в рамках которой существуют науки об управлении. Одна из них – наука об управлении обществами. И вот в ее рамках есть наука о генеалогиях и разряды.

Несмотря на то что приведенная классификация существенно отличается от той, что была разработана Ибн Синой, она основывается на тех же принципах – сначала называются науки, наиболее необходимые человеку в его повседневной жизни, затем – занимающие среднее положение (шариат), и наконец, чисто философские знания, требующие максимального абстрагирования и подлежащие теоретизации. История как таковая не встречается нигде, а слово *та'рих* ни разу не упоминается. Тем не менее исторические по сути своей дисциплины мы встречаем в каждом из трех основных разрядов научных знаний.

В первом они представлены жизнеописаниями и известиями, во втором – религиозным преданием, в третьем – генеалогиями и разрядами. Характерно при этом, что *ахбар* авторами Посланий понимаются в двух смыслах – как известия вообще (в первом случае) и как известия о Пророке и его сподвижниках (во втором), причем *ахбар*-известия вообще представляются как знание, не тождественное, но близкое к знанию жизнеописаний. В то же время генеалогии и разряды рассматриваются как знания, ничего

общего с *ахбар*, *сийар* или *ривайат* (предания) не имеющие и стоящие значительно ниже их по значимости⁶⁵, что совпадает с приводящимся ас-Сахави утверждением, что *табакат* и *ансаб* не имеют отношения к истории (*та'рих*)⁶⁶. В целом же, все упомянутые исторические дисциплины выполняют вспомогательные функции.

Что касается классификации наук, выраженной в структуре Посланий, то она, в соответствии с пифагорейской традицией⁶⁷, начинается с математики⁶⁸. Традиционных наук, а следовательно и истории в ее техническом понимании, здесь практически нет.

Однако, история, хоть и в специфической форме, присутствует в метафизике посланий, описывающей влияние небесных сфер на человеческую жизнь. Такое космологическое понимание истории вполне согласуется с базовой идеей всей деятельности Братьев, состоящей в том, что мир стоит накануне смены царства Зла и Тьмы на царство Добра и Света, которая должна произойти под влиянием космических сил⁶⁹.

Конечно, говоря о присутствии историософского аспекта в метафизических рассуждениях “Братьев Чистоты”, нельзя забывать, что аспект этот выделяется здесь *post factum*, исходя из современных представлений о философии истории. Сами авторы Посланий не рассматривали свои спекуляции в контексте именно исторической мысли, что вполне понятно: историософия Братьев по сути своей антиисторична, основанная на дедуктивном методе, она базируется не на анализе исторического опыта, а на логике и метафизике.

Схожую картину мы встречаем и у традиционалистов X в. – исторические знания встречаются то тут, то там, главным образом как подспорье религиозных дисциплин или как подспорье наук вежества (*адаб*).

Такой подход будет сохраняться и в дальнейшем, причем принят он будет не только философами, но и самими историографами. Остановимся в связи с этим на двух схемах, разработанных уж на излете средневековья ал-Иджи и Ибн Халдуном.

Из них более интересна классификация ал-Иджи, восходящая к традиции, представленной Братьями Чистоты. Подобно им, автор “Скромного подношения...”, хорошо знакомый как с *фалсафа*, так и с исламскими науками, делит все знания на три части: *аш-шари'а*, *ал-хикмийа* и *ал-адабийа* – шариат, философию и вежество⁷⁰. Структура *ал-адабийа* следующая:

- 1) дисциплины, связанные с отдельными высказываниями;

2) дисциплины, связанные с произведениями словесного искусства;

А. дисциплины, исследующие форму текстов (например, литературная критика, просодия);

В. дисциплины, изучающие тематику словесного искусства (искусство беседы, поэзия, рассказывание баек и т.д.);

1. все, что связано с сохранением поэзии (знание стихов);

2. все, что связано с воспроизведением поэзии (декламация и сочинение);

3. все, что связано с сочинением прозы;

4. все, что связано с сохранением прозы;

а. проза, передаваемая буквально (например, поговорки);

б. проза, сохраняемая не буквально, а только по смыслу;

с. проза, сохраняемая, как буквально, так и по смыслу (например, изречения пророков).

Категория *б* – проза, сохраняемая не буквально, а по смыслу, – “это ‘*илм ал-ахбар*, извещающая об обстоятельствах сотворенных вещей (главным образом, людей, и только изредка других), их действиях, их генеалогиях, их жилищах, их странах, их дорогах и замечательных феноменах и оставшихся видимых следах (*асар*) их деятельности. Каждая часть этой науки имеет собственное название”⁷¹:

1. Часть, связанная с изложением обстоятельств жизни людей в прошлые времена, в том случае, если в тексте фиксируются конкретные периоды времени, отделяющие описываемое от каких-либо значимых событий, называется ‘*илм ат-та’рих*.

2. Часть, связанная с обстоятельствами жизни выдающихся личностей называется ‘*илм ас-сийар*.

3. Часть, связанная с людьми, объединенными по общему признаку, называется ‘*илм ал-кисас*.

4. Часть, связанная с генеалогиями, называется ‘*илм ал-ансаб*.

5. Часть, связанная с войнами, называется ‘*илм ал-малахим*.

6. Часть, связанная с известиями о странах – ‘*илм ал-асар ва-л-масалик ва-л-мамалик* (буквально наука о древностях, путях и царствах).

7. Часть, повествующая о странных (*гара’иб*) и забавных вещах, называется ‘*аджа’иб*.

8. Анекдоты и сообщения, фиксирующие информацию о бессловесных созданиях и неизвестных местах, называются *ал-хикаят*⁷².

Как можно видеть, схема, предлагаемая ал-Иджи отличается от схем его предшественников в нескольких отношениях.

Во-первых, здесь впервые заявлено о существовании исторической науки – *'илм ат-та'рих* – и это вполне согласуется с показанными выше изменениями в семантике понятия *та'рих*. Вместе с тем наравне с *'илм ат-та'рих* методолог выделяет и другие исторические по существу науки, которые к моменту составления классификации либо полностью утратили самостоятельное существование, либо были близки к этому (*ансаб, сийар, кисас, малахим/магази*). Это вполне естественно, поскольку в “Скромном подношении...” вся арабо-мусульманская книжная культура рассматривается как единое целое, вне какой-либо диахронии, и соответственно классификация описывает все когда-либо существовавшие в Обители ислама жанры словесного искусства.

Во-вторых, чистое историописание (*'илм ат-та'рих*) и близкие к нему жанры (*сийар, ансаб* и т.д.) рассматриваются автором в одном ряду с такими видами прозаической литературы, как *асар, 'аджа'иб* и *хикайат* – сегодня мы бы отнесли их, вероятно, к географии, этнографии или научно-популярной литературе. Все вместе это включается в “науку известий” – *'илм ал-ахбар*, под которой, видимо, следует понимать любую “документальную” прозу⁷³ повествовательного характера (именно требование повествовательности исключает из *'илм ал-ахбар табакат*). Такое деление еще раз показывает, что идея истории, вызревшая в арабо-мусульманской культуре в позднее Средневековье, занимала в ней все же периферийные позиции. Если писать о тварном мире, то почти не имеет значения ни аспект времени, ни проблема социального/естественного миров – рассказ обо всем, что было и что есть – это *'илм ал-ахбар*⁷⁴.

Ал-Иджи не был первым, кто выделил *'илм ал-ахбар* в отдельную дисциплину (она упоминалась и у ал-Хаварезми, и у Братьев Чистоты), однако в отличие от предшественников он счел необходимым подчеркнуть ее внутреннюю неоднородность (“...каждая ее часть имеет собственное название”⁷⁵), что, с одной стороны, позволяет нам, наконец, понять, чем же это знание отличается от исторического, а с другой – говорит о наметившемся его разделении на совершенно отдельные дисциплины, наиболее сформированной из которых к XIV в. была именно *'илм ат-та'рих*⁷⁶.

Третья бросающаяся в глаза особенность классификации ал-Иджи в том, что автор полностью исключает *'илм ал-ахбар* со всеми ее инвариантами из *'улум аш-шари'а*. Этот шаг, однако, не

должен вводить нас в заблуждение: история не перестала быть наукой, обеспечивающей нормальное функционирование религиозной традиции. Причина вывода *ахбар* в разряд *адабийя*, по всей видимости, заключается в желании продемонстрировать подчиненное положение этих насущно необходимых знаний. Шариат – религиозное знание, связанное с соблюдением завета Аллаха, философия занимается высокими сущностями, что же до наук вежества – то они настоящие служанки, обслуживающие и шариат, и философию, и вообще человека во всей его дольней жизни, и не смеющие претендовать на нечто большее.

Наконец, последняя классификация, о которой здесь необходимо упомянуть, – это та, что была представлена Ибн Халдуном в Мукаддиме. Модель, описанная в шестой главе книги, кажется вполне заурядной и основывается на обычном разделении наук на традиционные и философские, правда последние, по всей видимости, ценятся Ибн Халдуном выше первых, так как они “естественны для человека” как существа, наделенного разумом.

Ни в этом параграфе, ни в последующих, посвященных разбору отдельных дисциплин, автор Мукаддимы не упоминает ни о каких исторических дисциплинах – единственным намеком на них могут служить рассуждения о разрядах наук, связанных с передачей хадисов⁷⁷. В них, правда, также не говорится ни о *‘илм ат-та’рих*, ни о *‘илм ал-ахбар*, однако рассматривается вопрос о необходимости тщательной проверки иснадов⁷⁸, что по умолчанию предполагает изучение прошлого.

О причинах, заставивших великого историка полностью проигнорировать ту область знания, которой посвящен его основной труд, можно только гадать⁷⁹, однако нет никаких сомнений в том, что на самом деле Ибн Халдун рассматривал историописание именно как науку, причем не традиционную, а философскую, которой люди занимались всегда и везде⁸⁰. Что же касается “новой науки”, основы которой стремился заложить ученый, то она, исследующая глубинные основы жизнедеятельности человеческого общества, должна была стать некоторым “рамочным” знанием для всех прочих, занять место философии в ее перипатетическом понимании⁸¹.

Таким образом, в средневековой арабо-мусульманской гносеологической системе, сформировавшейся в X в. и сохранявшей далее основной свой строй, исторические знания были представлены очень слабо – в большинстве классификаций они либо вообще не представлены (ал-Фараби, Ибн Сина), либо не представ-

лены в явном виде (ал-Хаварезми), либо занимают подчиненное положение по отношению ко всем прочим видам наук. В тех классификациях, где исторические дисциплины упоминаются (Братья Чистоты, Ибн ан-Надим), они все же рассматриваются вне какой-либо целостности (особенно у Братьев) и в лучшем случае объединяются в рамках некоего более общего знания – науки извештий, посвященной всем знаниям об обстоятельствах тварного мира (Ибн ан-Надим, ал-Иджи). Они рассматриваются либо как техническое подспорье традиционных наук, либо как составная часть адабных. Вместе с тем в позднесредневековый период намечается выделение историописания в отдельный вид познания, что выражается в появлении *'илм ат-та'рих* у ал-Иджи и у Ибн Халдуна (у последнего не в самой классификации, а в тексте Мукаддимы), однако его место в гносеологической системе пока что остается не вполне ясным (подчиненное положение у ал-Иджи и системообразующее у Ибн Халдуна).

¹ Наиболее известная из этих процедур – тщательное установление достоверности *иснада*, т.е. цепочки передатчиков того или иного исторического сообщения. При верификации *иснада* требовалось подтвердить как фактическую возможность передачи информации, так и авторитет каждого из передатчиков. В идеальном случае сообщение должно было иметь несколько *иснадов*, восходящих к разным авторитетным лицам.

² В средневековом политическом пространстве это наиболее заметно по символике власти: черное знамя шиитов в память об убитом имаме Хусейне, личные вещи Пророка (плащ, меч), использовавшиеся в официальном церемониале, и т.д.; в современном – ярчайшим примером служат салафиты, призывающие к возвращению к праведной вере, а иногда и образу жизни предков.

³ Коран, 11:120. Пер. М.-Н. О. Османова.

⁴ См. Коран, 31:20.

⁵ См. Коран, 26:84.

⁶ ас-Сахави. ал-И'лан би-т-таубих ли ман замма-т-та'рих. Бейрут, 1979. С. 16–17.

⁷ Грязневич П.А. Развитие исторического сознания арабов: (VI–VIII вв.) // Очерки истории арабской культуры V–XV вв. М., 1982. С. 75–155. Но в то же время в VI в. в этом отлаженном механизме существования древних арабов начали происходить изменения, не соответствовавшие такому прагматичному восприятию прошлого. Все чаще в стихах этого времени появляется тема судьбы и рока, тема неотвратимости перемен. Все чаще и чаще встречаются вопросы вроде: “Есть ли молодцу защитник от бедствий времени?..” (ал-Муаззак ал-'Абди).

⁸ Ср., например, с описанием “хронотопа” нехристианизированных германских народов у А.Я. Гуревича: Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры // Он же. Избранные труды. М.; СПб., 1999. Т. 2. С. 87–131.

⁹ До некоторой степени такая трансформация ветхозаветной истории имела место в еврейской коллективной памяти (*Йерушалми Й.Х.* Захор: еврейская исто-

- рия и еврейская память. Москва; Иерусалим, 2004/5764. С. 41–58). Учитывая специфику религиозной ситуации в Аравии и низкий уровень развития письменности, экстраполяция кажется правдоподобной.
- ¹⁰ В христианстве также присутствует идея истории как теофании (ярче всего у Августина Бл. в “О Граде Божием”), однако она существенно отличается, как от иудейской, так и от исламской. Богоявление в еврейской Библии проявляется в регулярно заключающихся бого-человеческих договорах, которые либо исполняются обеими сторонами, либо нет. Богоявление в Коране – это регулярно посылаемые к человечеству пророки, чьи слова либо принимаются людьми, либо искажаются и забываются. В обоих случаях речь идет о некоторой последовательности однотипных действий, которые могут быть определены именно как диалог Бога и Человека. Христианство с его идеей сущностной целостности Ветхого Завета – “детоводителя ко Христу” – фактически превратило историю в монолог Бога, последовательно раскрывающего себя человечеству.
- ¹¹ См. об этом: *Йерушалми Й.Х.* Захор: еврейская история и еврейская память. М.; Иерусалим, 2004/5764. С. 1–58. Вообще средневековым еврейским интеллектуалам было свойственно презрительное отношение к историописанию – так, Маймонид, до тонкостей знавший мусульманскую философию, считал чтение профанных исторических книг “пустой тратой времени” (Там же. С. 37). См. также: *Baron S.W.* History and Jewish Historians. Philadelphia, 1964.
- ¹² *Cheddadi A.* Les arabes et l’appropriation de l’histoire. Arles, Sindbad // Actes Sud, 2004. P. 18–20.
- ¹³ О “пророческих рядах” см: *Гайнутдинова А.Р.* Пророчество Корана: истории пророков как элемент построения коранического текста. Автор. дис. на ... канд. филол. наук. М., 2008.
- ¹⁴ *Ибн Манзур* Лисан ал-‘араб. Ал-Кахира: Дар ал-хадис, [б.г.]. Т. 1. С. 160–161.
- ¹⁵ Речь пока что идет об источниках, относимых к историографическому жанру востоковедческой традицией. О возможности создания строгой классификации и определении исторического для арабо-мусульманской средневековой письменной традиции см. ниже.
- ¹⁶ *Triki F.* L’esprit historien dans la civilisation arabe et islamique. Tunis, Maison Tunisienne de l’Edition – Faculté des Sciences Humaines et Sociales de Tunis, 1991. P. 43.
- ¹⁷ *Халифа бин Хаййат.* Та’рих. Ар-Рийад, Дар Тиба, 1985. С. 49.
- ¹⁸ *Ибн Кутайба,* ал-Ма’ариф, Каир, Дар ал-ма’ариф, [б.г.]. С. 1.
- ¹⁹ *Ад-Динавари,* Абу Ханифа Ахмад бин Дауд. Китаб ахбар ат-тивал. Лейден, 1888. С. 2–3.
- ²⁰ *Ибн Кутайба.* Указ. соч. С. 56–58.
- ²¹ *ат-Табари.* Та’рих ат-Табари. Бейрут, 1995. Т. 1. С. 13.
- ²² Там же. С. 14, 15–19.
- ²³ *ал-Мас’уди.* Мурудж аз-захаб уа-ма’адин ал-джаухар. Бейрут, 2000. Т. 1. С. 22.
- ²⁴ Там же. С. 23.
- ²⁵ Там же. С. 20, 24.
- ²⁶ Там же. С. 24.
- ²⁷ Там же. С. 22, 23.
- ²⁸ *Ал-Макдиси.* Китаб ал-бада’ ва-т-та’рих. Каир, Мактаба ас-сакафа ад-динийа, [б.г.]. Т. 1. С. 6, 8.

- ²⁹ *Miskawayh*. Ал-Мукаддима ли китаб Таджариб ал-умам = Textes inédits de Miskawayh // *Annales islamologiques*. 1963. № 5. P. 181–205. Textes ar. et fr. En ligne: <http://www.ifao.egnet.net/anisl/> P. 24.
- ³⁰ Там же. P. 26.
- ³¹ *Ибн ал-Джаузи*. ал-Мунтазам фи та'рих ал-мулук ва-л-умам. Бейрут, Дар-ал-китаб ал-'илмийа, 1992. Т. 1. С. 116.
- ³² Там же. С. 117.
- ³³ Там же. С. 115–118.
- ³⁴ *Ибн ал-Асир* ал-Камил фи-т-та'рих. Бейрут, [б.г.]. Т. 1. С. 2–10.
- ³⁵ То, что именно филология находилась на переднем крае развития мусульманских наук вообще, хорошо известно. Теоретики историописания, принадлежавшие к этому традиционному знанию, естественным образом восприняли основные его принципы. Не случайно, как указывает ас-Суйути, ал-Кафийаджи посвящает первую часть неизвестного нам трактата о толковании Корана проблеме разграничения понятий тафсир и та'вил. См.: *Ас-Суйути Джалал ад-Дин*. Совершенство в коранических науках. М., 2000. Вып. 1: Учение о толковании Корана. С. 28–29.
- ³⁶ *al-Iji*. Tuhfat al-faqir ila sahib as-sarir / eng. tr. by F. Rosental // Rosental F. A history of muslim Historiography. Leiden, 1968. P. 208.
- ³⁷ *Ас-Сахави*. Указ. соч. С. 7.
- ³⁸ *Ибн Халдун* Мукаддима. Бейрут, [б.г.]. С. 4.
- ³⁹ *Rosenthal F*. Op. cit. P. 66–67.
- ⁴⁰ Библейский Аарон.
- ⁴¹ Навуситы – приверженцы одной из имамитских сект, отрицавшие смерть Джа'фара ас-Садика и считавшие его махди.
- ⁴² Ас-Сахави далее пишет, что аз-Захаби не интересовался антиподами приведенных типов (людьми благородными и т.п.), считая, что приведенного выше достаточно, хотя это не так. *Ас-Сахави*. Указ. соч. С. 85.
- ⁴³ Там же. С. 84–86.
- ⁴⁴ Там же. С. 144–146.
- ⁴⁵ Этот тип работ останется, пожалуй, наиболее распространенным и в новое время (напр. ал-Джабарти)
- ⁴⁶ Впрочем, основу этой традиции заложил еще ал-Джахиз (ум. 869) в своих книгах о скупых, о проделках ночных и дневных воров и т.д. Писатель утверждал, что ставил себе задачей описание всех известных ему социальных групп (М.С. Киктев сравнивал эту авторскую программу с “Человеческой комедией” О. де Бальзака).
- ⁴⁷ Прежде всего, фада'ил включают в себя описания замечательных черт, особенностей того или иного города или страны, а также разного рода диковинки, хотя существовали и фада'ил, посвященные отдельным родам или племенам (о них см.: *Крачковский И.Ю.* Арабская географическая литература. М., 2004. С. 57–60; их примеры из текста ал-Мас'уди с анализом см.: *Микульский Д.В.* Арабо-мусульманская культура в сочинении ал-Мас'уди “Золотые копии россыпи самоцветов”. М., 2006. С. 52, 61). Уже в первых суннитских сборниках хадисов появляются главы о достоинствах различных городов. Самым же ранним сочинением, целиком посвященным местным особенностям, традиция называет “Книгу достоинств Мекки”, приписываемую Хасану ал-Басри (ум. 728) (*Прозоров С.М.* Арабская историческая литература в Ираке, Иране и Средней Азии VII – середины X в. М., 1980. С. 44–45). Характерные примеры

- фада'ил* см.: Ибн 'Абд ал-Хакам А. Завоевание Египта, ал-Магриба и ал-Андалуса. М., 1985. С. 168–169.
- ⁴⁸ *Асл* – ар. корень.
- ⁴⁹ Заметим, что проблема сотворенности Корана здесь значения особого не имеет (догмат о несотворенности утвердился в суннитском богословии в IX в. при ал-Мутаваккиле (847–861)), важен сам факт его ниспослания.
- ⁵⁰ Несмотря на все сложности хронологизации зарождения шиизма, судя по всему, тенденция к обожествлению Мухаммада и 'Али проявилась в исламе очень рано (например, деятельность 'Абдаллаха ибн Саба').
- ⁵¹ “В целом миф описывает различные, иногда драматические, мощные проявления священного... в этом мире. Именно эти проявления явились реальной основой создания мира, и сделали его таким, каков он есть сегодня”: *Элиаде М. Аспекты мифа*. М., 2001. С. 34.
- ⁵² *ас-Сахави*. Указ. соч. С. 7–15.
- ⁵³ См.: *Khalidi T. Arabic historical Thought in the classical Period*. Cambridge, 1996. P. 137–151.
- ⁵⁴ Характерно, что Ибн Халдун, выстраивая иерархию обществ, арабских кочевников считал наиболее приближенными к состоянию дикости.
- ⁵⁵ *Khalidi T. Op. cit.* P. 46.
- ⁵⁶ *Ibid.*
- ⁵⁷ *Fagnan E. Les tabaqates malekites*. [М. Escar] (Zaragoza), 1904. P. 105.
- ⁵⁸ Первыми к табакат обратились шафииты в конце IV в. х., в начале VI в.х. их примеру последовали ханбалиты и маликиты, а в VIII в. – ханифиты. Последний автор табакат – 'Абд ал-хайй ал-Кунави – жил в конце XIX в. в Хайдерабаде – *Fagnan E. Op. cit.* P. 105–112. Однако, по данным В.В. Орлова, еще в XX в. в Марокко создавались тексты *табакат*.
- ⁵⁹ Подробнее см.: *Розенталь Ф. Торжество знания*. М., 1978.
- ⁶⁰ Это довольно грубое обобщение, необходимое нам лишь для того, чтобы фиксировать два противоположных вектора философствования, которые на практике совершенно не обязательно противостояли друг другу, наоборот – они прекрасно порой сосуществовали. Об этом см., например: *Тауфик К. Ибрагим*. Между разумом и верой: рационалистические интенции классической исламской эпистемологии // *Arabia Vitalis: Арабский Восток, ислам, Древняя Аравия*. М., 2005.
- ⁶¹ *Аль-Фараби*. Слово о классификации наук // Аль-Фараби. *Философские трактаты*. Алма-Ата, 1970. С. 105–192; *Аль-Фараби*. Указ. соч. С. 105–192. Анализ см.: *Nasr S.H. Science and Civilization in Islam*. N.Y., 1987.
- ⁶² *Ибн-Сина*. Даниш-намэ. Книга знания. Сталинабад, 1957. С. 141.
- ⁶³ *Раса'ил ихван ас-сафа'*. Бейрут, 2004. Т. 1. С. 266–275
- ⁶⁴ А. Умлил на этом основании утверждает, что эксплицитно выраженная классификация искусственна и самими авторами не признавалась за истинную, однако же оснований для столь резкой позиции явно недостаточно. *Oumlil A. L'histoire et son discours: essai sur la méthodologie d'Ibn Khaldoun*. [Б.м.], Editions techniques nord-africaines, 1979. P. 53–54.
- ⁶⁵ Известия, жизнеописания и предания относятся непосредственно к *адабу* и шариату, генеалогии и *табакат* – к общественной политике, которая, в свою очередь, относится к метафизике, являющейся одной из областей философии.
- ⁶⁶ *Ас-Сахави* приводит такие слова ал-Бурхана ибн Фархуна: “Сказал ал-Бурхан Абу Исхак Ибрахим бен 'Али бен Фархун, племянник [упомянувшегося ранее] в предисловии к своим “Разрядам маликитов” (*Табакат ал-маликийя*):

- известно, что знать эту науку (*та'рих*. – В.К.) почетно, а быть в ней невежей – порицаемо. О ней не скажешь, что она бесполезна и нет вреда в том, чтобы ее не знать. Зато это высказывание [можно отнести] к знанию генеалогий ('*илм ал-ансаб*), которое к ней не относится (*ва хува фанн гайр хаза*)..." – *Ас-Сахаби*. Указ. соч. С. 33.
- ⁶⁷ Ссылка на нее присутствует в самом начале первого послания: Раса'ил... Т. 1. С. 48.
- ⁶⁸ Текст Посланий начинается со словословия философии и указания четырех ее областей, затем следуют рассуждения о числе. Раса'ил... Т. 1. С. 48.
- ⁶⁹ *Oumlil A.* Op. cit. P. 56.
- ⁷⁰ То, что в схеме ал-Иджи шариат выдвинут вперед философии (по сравнению со схемой Братьев) – следствие его принадлежности к 'улама'. К XIV в. эпоха фалсафы отошла в прошлое, и превосходство религиозных знаний над всеми остальными не подвергалось сомнению.
- ⁷¹ *Al-Idji.* Op. cit. P. 206–207.
- ⁷² Арабский текст, приводимый Ф. Розенталем, позволяет иначе разделить последние три параграфа, однако деление, предложенное переводчиком, кажется наиболее естественным. Арабский текст: "... ва-би-л-билад '*илм ал-асар ва-л-масалик ва-л-мамалик ва-л-гара'иб ва-л-мадахик суммийа би-л-'аджа'иб ва-н-навадир ва-л-мауду'ат 'ан ал-'аджмават ва-л-маджахил би-л-хикайат*". *Al-Idji.* Op. cit. P. 207. Возможно, этот стилистический изъясн связан с общей конспективностью всего трактата.
- ⁷³ Ср. эту классификацию с предлаженной Кудамой ибн Джа'фаром. См., например: *Демидчик В.П.* Мир чудес в арабской литературе XIII–XIV вв. М., 2004. С. 24–44 (особенно с. 37–39).
- ⁷⁴ Но писать можно не только о реальности, но и о вымышленном, однако тогда это не '*илм* – не наука.
- ⁷⁵ *Al-Idji.* Op. cit. P. 206.
- ⁷⁶ Косвенным доказательством этого выступает сама структура описываемого фрагмента "Скромного подношения...". По всей видимости, перечень отраслей науки об известиях построен по принципу уменьшения значимости (и, быть может, объема) упоминаемых дисциплин, как и вся классификация. Первой здесь называется *ат-та'рих*, причем ей дается наиболее полная характеристика, в то же время три последних пункта описываются туманно до такой степени, что даже неясно, что там к чему относится. Этот косвенный аргумент кажется вполне правомочным, учитывая все вышесказанное.
- ⁷⁷ *Ибн Халдун.* Мукаддима... С. 440–445.
- ⁷⁸ Там же. С. 441.
- ⁷⁹ Автор не ставил себе целью перечислить все существующие науки (например, он отмечает, что наук о хадисах очень много, и он остановится только на некоторых (*Ибн Халдун.* Мукаддима... С. 440). Возможно, отсутствие упоминаний о '*илм ал-ахбар/ат-та'рих* связано с тем, что им посвящено все сочинение целиком, и об их значении уже было немало сказано ранее.
- ⁸⁰ Непосредственное указание на это в самом начале Мукаддимы: *Ибн Халдун.* Мукаддима... С. 4.
- ⁸¹ Знаменательна в этом отношении резкая критика, которой автор подверг *фаласифа* за то, что они исследуют вещи принципиально непостижимые разумом ("Глава о ложности философии и вреде занятий ею" – *Ибн Халдун.* Мукаддима... С. 514). Что же касается вещей постижимых, то они должны рассматриваться через призму "новой науки" – именно поэтому в Мукаддипе уделяется внимание всем сторонам человеческой жизнедеятельности.

ИСТОРИК И ВРЕМЯ

*А.В. Шарова**

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ САВИН: НЕИЗВЕСТНАЯ ЖИЗНЬ ИЗВЕСТНОГО ИСТОРИКА

УДК 929(092).94

На основе новых архивных материалов в статье воссоздается биография историка А.Н. Савина (1873–1923), рассматриваются его общественно-политические взгляды и участие в жизни Московского университета. Анализируется восприятие ученым событий академической отставки 1911 г., его представление о долге и чести профессора, отношение к политике государства в сфере образования. Внимание уделяется поведенческим стратегиям московской профессуры в начале XX века.

Ключевые слова: А.Н. Савин, Московский университет, П.Г. Виноградов, отставка, историк, С.А. Котляревский, Р.Ю. Виппер, Д.М. Петрушевский.

Key words: A. Savin, Moscow university, P. Vinogradov, resignation, historian, S. Kotlyrevskiy, R. Vipper, D. Petrushevskiy.

В отечественной историографии до сих пор есть фигуры, чье научное наследие оценивается высоко, тогда как личность такого человека остается вне сферы интереса исследователей. Причин этого может быть много: и недостаточное количество источников, и долгий период забвения имени историка по политическим мотивам¹, и созданный традицией образ “кабинетного” ученого, неяркий, а потому и неинтересный для исследователей. Это последнее обстоятельство и стало, вероятно, определяющим в отношении нашего героя, Александра Николаевича Савина, профессора Московского университета, представителя замечательной русской

* В статье использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта № 11-01-0116, реализованного в рамках Программы “Научный фонд НИУ ВШЭ” в 2012–2013 гг.”. Использованы также результаты проекта “Восток и Запад Европы в Средние века и раннее Новое время: общее историко-культурное пространство, региональное своеобразие и динамика взаимодействия”, выполненного в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2012 г.

аграрной школы. Труды его хорошо знакомы специалистам по истории Англии, но личность этого человека так и остается в тени своих более ярких учителей и современников – П.Г. Виноградова, Д.М. Петрушевского, Н.И. Кареева и других. А ведь именно о нем говорили как о “сверх-ученом” молодом человеке еще в студенческие годы, энциклопедизм его знаний восхищал не только историков, но и социологов, и экономистов. А.Н. Савин скончался в Лондоне в январе 1923 г. и был похоронен на кладбище Kensal Green². Было ему на тот момент всего 49 лет. Коллеги и ученики почтили память ушедшего историка на совместном заседании факультета общественных наук, Исторического общества и Исторического института РАНИОН 11 марта 1923 г. Спустя несколько лет вышел в свет сборник научных статей и воспоминаний об ученом³. В 1923 г. на смерть Александра Николаевича отозвались и такие его коллеги, как Н.И. Кареев, Д.Н. Егоров и Ю.В. Готье⁴, но их статьи в сборник не вошли. Как, впрочем, и любопытный некролог, написанный М.Н. Покровским⁵. Именно в этот момент и была заложена та “легенда” о личности А.Н. Савина, которая продолжает существовать и поныне. Легенда о замечательном коллеге, преподавателе и учителе, далеком от политики, типичном “кабинетном ученом”. Ученик А.Н. Савина, Е.А. Косминский, был одним из тех, кто фактически заложил эту традицию, написав следующие слова: “История не была для Савина башней, на которую он удалялся от действительности. Прошлое и настоящее сливалось у него в живое единство; к настоящему он подходил с острым аналитическим взглядом историка; в прошлом он отмечал живые корни настоящего (...) Но, зорко проникая в жизнь, он не был захвачен ее водоворотом. Он оставался все тем же скептиком и аналитиком, исследователем и ученым”⁶. Для советской России середины 1920-х годов, только что пережившей эпопеи с насильственной эмиграцией выдающихся деятелей науки и культуры, с гонениями на правые политические партии и процессами левых эсеров, излишне нейтральный тон воспоминаний об историке был вполне понятен. Никто не упомянул о симпатиях А.Н. Савина по отношению к кадетству, не обмолвился ни словом о его активной общественно-политической позиции в качестве автора статей таких изданий как “Русские ведомости” и “Московский вестник”. Наконец, даже в качестве профессора Московского университета и, позднее, Института красной профессуры, деятельность А.Н. Савина выглядела исключительно лояльной и далекой от реальной политики.

Вероятно, в том числе и благодаря такому созданному образу, в советский период имя историка не подвергалось остракизму, его традиционно называли в официальных докладах в качестве достойного представителя “русской аграрной школы” историков⁷. “Лекции по истории английской революции” А.Н. Савина переиздавались в 1924 и даже в 1937 гг., а курс лекций “Век Людовика XIV” вышел в свет в 1930 г. В декабре 1943 г. состоялось специальное заседание Отделения истории и философии АН СССР, посвященное памяти ученого⁸. О “буржуазном объективизме” исследователя заговорили значительно позднее, в конце 1940-х годов, в рамках критики старшего поколения советских историков, в том числе медиевистов⁹. В эти же годы была защищена кандидатская диссертация, в которой вполне в духе времени критиковались работы А.Н. Савина, его философский позитивизм и кадетские симпатии¹⁰. Это было первое исследование, автор которого обратилась к материалам фонда историка в Отделе рукописей РГБ, хотя использовались они весьма фрагментарно. В дальнейшем авторы, писавшие об А.Н. Савине, преимущественно анализировали его научные труды, концепции аграрного строя Англии XVI и XVII вв., характеристики ее социальной структуры, специфику деятельности английских судебных учреждений, оставляя обычно за кадром собственно личность историка или же вскользь намечая штрихи его скромного портрета, а больше повторяя уже сложившиеся стереотипы¹¹. До самого последнего времени историк оставался в восприятии большинства исследователей тем “скептиком и аналитиком”, который “не был захвачен водоворотом” жизни¹².

Поэтому задача данной статьи состоит прежде всего в том, чтобы на материале ранее не использованных источников показать особенность мировосприятия А.Н. Савина, его участие в общественно-политической жизни университета и страны в начале XX в. (до Октябрьской революции 1917 г.). Основными источниками стали его дневниковые записи¹³, по большей части посвященные жизни Московского университета с 1908 по 1917 г., стихотворения и небольшой комплекс эпистолярных источников, а также воспоминания его коллег и современников, статьи историка в периодических изданиях. Мы сознательно оставим за границами данного повествования анализ всего научного наследия А.Н. Савина, поскольку эта тема требует объемного и всестороннего исследования, для которого рамки данной статьи могут быть слишком узки.

Александр был старшим сыном в многодетной семье Николая Савина¹⁴ и Крискентии Павловой. Отец работал старшим фельдшером¹⁵ на писчебумажной фабрике компании Говарда в селе Кондрове Медынского уезда Калужской губернии. Фабрика эта имела давнюю историю и считалась одним из наиболее крупных местных предприятий. Впоследствии по стопам отца пойдет один из братьев А.Н. Савина, который станет врачом, закончив также Московский университет.

Александр Савин блестяще закончил Калужскую гимназию в 1891 г., и там еще долго ходили легенды о “феноменальном ученике”. В 1899 г. их слышал другой выпускник этой гимназии, а затем и коллега А.Н. Савина по университету и ученому поприщу, Д.Н. Егоров¹⁶. По окончании гимназии А.Н. Савин поступил в Московский университет на историко-филологический факультет. Однокурсникам он запомнился таким: “среднего роста, немного сутулый, бледный, с характерным, необычного типа лицом, в котором прежде всего обращал внимание высокий открытый лоб; он носил очки, и была сразу видна его сильная близорукость”. Он быстро выделился своим серьезным отношением к учебе, осознанным интересом к исторической науке. Юноша Савин казался сдержанным и замкнутым, “не искал популярности среди своих товарищей и едва ли интересовался их мнением о себе; он держался скорее особняком и многие его считали нелюдимым”. Но проходило время и выяснилось, что скромный калужанин на самом деле – “чуткий, полный внутреннего достоинства человек, которого сдерживала во внешних проявлениях врожденная застенчивость и постоянное недоверие к самому себе”¹⁷. Впрочем, москвич Ю.В. Готье, однокурсник А.Н. Савина, оставивший воспоминания об их студенческих годах, честно заметил, что не был в курсе того, насколько этот ученый юноша был “близок к своим землякам – калужанам”.

Студенческие землячества были весьма важными объединениями в российских университетах, они нередко становились первичными ячейками общественно-политической жизни. В Московском университете были как организационно оформленные землячества, так и существовавшие помимо официальных объединений. Немаловажное обстоятельство заключалось в том, что студенты в таких землячествах обычно знали друг друга еще с гимназических времен и могли друг другу доверять. “Во вне эти объединения имели только благотворительные цели, и большинство членов во все остальные, нелегальные, задачи и не

посвящались”, – признавался один из современных А.Н. Савину студентов екатеринославского землячества¹⁸ Московского университета, лютеранин немецких кровей, Ф.А. Шлиппе. Человек состоятельный и настроенный промонархически, он с большим недовольством констатировал, что его двоюродный брат, Дмитрий Дмитриевич Гончаров (“младший”), увлекся “левыми” идеями и политической борьбой. Дмитрий Гончаров был наследником большого состояния и, прежде всего, владельцем третьей писчебумажной фабрики в Медынском уезде – в селе Полотняный завод. Он поступил в университет в 1893 г. и, оказавшись в калужском землячестве, “попал под влияние левых товарищей, особенно братьев Савиных, и все глубже и глубже уходил в активную работу”¹⁹. Дмитрий Гончаров впоследствии не только ввел на своей фабрике восьмичасовой рабочий день и выплату пенсий престарелым рабочим, но и, будучи искренним любителем искусства, организовал в своем имени любительский театр.

Таким образом, рискнем предположить, что в период студенчества А.Н. Савин придерживался достаточно прогрессивных воззрений, так что они показались откровенно “левыми” убежденному монархисту. Интерес к социалистическим идеям в различном их проявлении историк сохранил и в последующие годы. Во время командировки в Англию в 1901–1902 гг. Савин регулярно посещал дискуссионные клубы и собрания, в частности, знаменитого “Фабрианского общества”, в составе которого были Сидней и Беатрис Вебб, Б. Шоу и другие деятели²⁰. Младший из братьев, Иван Савин, закончивший калужскую гимназию в 1900 г.²¹, стал одним из участников студенческого движения, был не только исключен из Московского университета в 1902 г., но и оказался под арестом. За Ванечку Савина отчаянно хлопотала, используя все свои связи, московская знаменитость – музыкант Елена Фабиановна Гнесина²². К этому времени старшая из сестер Гнесиных, Евгения, уже была супругой Александра Николаевича Савина.

Трудно сказать теперь, не имея достоверных данных на этот счет, когда и при каких обстоятельствах произошло их знакомство, но можно предположить, что калужские контакты и здесь оказались не бесполезны. Дело в том, что сестры Гнесины, организовавшие в 1895 г. Музыкальное училище в Москве, много выступали на благотворительных концертах. Возможно, именно там и произошло знакомство Александра Савина и Евгении Гнесиной. Так или иначе, и А.Н. Савин, и сестры Гнесины, были хорошо знакомы с упоминавшимся уже Д.Д. Гончаровым. Достоверно

известно, что знакомство Елены Гнесиной с Дмитрием Гончаровым произошло на концерте, данном в пользу одного из землячеств²³. Знакомство переросло в дружбу. А ведь именно у него в имении Полотняный завод в 1898 г. ожидал приговора будущий комиссар советского правительства А.В. Луначарский, считавший Дмитрия Гончарова “дорогим товарищем”. Он вспоминал, что Полотняный завод того времени был похож на “маленькие Афины: концерты, оперные спектакли, литературные вечера чередовались там, принимая зачастую весьма оригинальный и привлекательный характер”²⁴. При содействии Гончаровых с А.В. Луначарским познакомилась и Елена Гнесина, сумевшая впоследствии при его поддержке сохранить музыкальное училище, благополучно пережив его национализацию в 1920 г. Елена Гнесина не одно лето гостила в Полотняном заводе, выступая там перед взыскательной публикой. Она впоследствии вспоминала: “Будучи по убеждениям социал-демократом, Гончаров собирал у себя и революционеров, иногда давал длительный приют в своем большом доме тем из них, которые подвергались гонениям полиции. Некоторые из них, с которыми я там встречалась, стали видными политическими деятелями. Среди них был будущий народный комиссар по просвещению, А.В. Луначарский”²⁵.

Отметим, что настроения в семье Савиных и Гнесиных были схожи. В 1905 г. братья Гнесины, Григорий и Михаил, стали активными участниками студенческого движения в Петербурге. Особенно отличился Григорий, учившийся в Технологическом институте, который за революционную деятельность был исключен из учебного заведения, арестован и выслан из города²⁶. В Москве в это время, если судить по воспоминаниям Елены Гнесиной, в училище находили убежище от полиции такие же активные демонстранты.

Александр Савин и Евгения Гнесина обвенчались 25 апреля 1901 г. в Лондоне, где магистрант Савин находился в командировке и собирал материалы для диссертации²⁷.

Среди близких друзей семейства Гнесиных были С.В. Рахманинов и А.И. Скрябин, К.С. Станиславский и В.И. Качалов. Евгения Фабиановна преподавала теоретические предметы в Кружке любителей музыки и искусства, которым руководил К.С. Станиславский. Таким образом, в круг общения этой музыкальной семьи входили наиболее известные деятели музыки и театра конца XIX – начала XX в., а с появлением в доме Александра Савина, здесь стали собираться и профессора Московского университета.

“У нас нередко устраивались собрания, – писала Елена Гнесина, – в которых принимали участие такие ученые-историки, как Покровский, Кизеветтер, Петрушевский, Виппер, знаменитый историк Ключевский и академик Виноградов. Позже в этих собраниях стали принимать участие и ученики Савина”²⁸. Дом Гнесиных на Собачьей площадке, где жил с женой и А.Н. Савин, “с его небольшим, загроможденным, но все же респектабельным кабинетом”, стал местом “встречи людей и мнений”. Д.Н. Егоров вспоминал, что историк “любил и ценил” такие собрания: «тонкий и опасный спорщик, он обладал редким умением “выслушивать” противника, принимать его всегда всерьез, и бывали случаи, что он рыцарски приходил на помощь даже видному оппоненту, формулируя за него возможные возражения»²⁹. Об удивительном сочетании атмосферы музыкальной и научной культуры говорил и М.Н. Покровский на 30-летию училища, которому в 1925 г. было присвоено имя Гнесиных: “Для меня ваша школа – живой символ редкого, но по существу естественного и в высокой степени желательного союза науки и искусства. Другими словами, представление о ней у меня неразрывно связывается с образом незабвенного Александра Николаевича, научные успехи которого сердечно радовали его старших друзей”³⁰.

Александр Савин органично вошел в музыкальное сообщество Гнесиных, поскольку сам обладал тонким художественным вкусом и был не лишен литературного дарования. По его рецензиям и документам личного характера заметно, как он старательно подбирал слова, наиболее точно передававшие его мысли и ощущения. Оказавшись в командировке в Англии, он с большим интересом отнесся равно и к ее музыкальной и театральной жизни. В течение нескольких десятилетий он писал и стихи, по большей части “в стол”³¹. Впрочем, близким друзьям и коллегам о его увлечении было хорошо известно, потому что с годами историк стал иногда зачитывать их и на публичных собраниях.

Следует отметить, что несмотря на внешнюю замкнутость и образ исключительно занятого наукой человека, вокруг А.Н. Савина со студенческих лет было немало добрых знакомых и друзей, искренне восхищавшихся как его научными талантами, так и высоко ценивших его душевную чуткость и теплоту. Он сохранял добрые дружеские отношения со многими из своих однокурсников, в частности, с С.А. Котляревским и Ю.В. Готье. Историк находил общий язык с такими сложными характерами как Д.М. Петрушевский и П.Г. Виноградов, В.И. Герье и Р.Ю. Виппер,

а молодое поколение учеников ценило его заботу и постоянное участие (Е.А. Косминский, В.М. Лавровский, С.Д. Сказкин, С.В. Фрязинов)³².

Общественно-политические и научные взгляды юного историка формировались под влиянием одной из наиболее ярких на тот момент фигур Московского университета – П.Г. Виноградова. Явно увлеченный лекциями профессора на первом курсе по истории Древней Греции и Средних веков, А.Н. Савин вместе с другими студентами стал посещать и его семинарий по греческой истории на втором курсе. Как вспоминал впоследствии участник этого кружка Ю.В. Готье, “сама необязательность этих занятий возбуждала наше рвение и интерес”³³. Затем студенты также прослушали семинарий по Средневековью и уже на четвертом курсе стали работать по обязательной программе, изучая “Афинскую политику” Аристотеля³⁴. Одним из наиболее деятельных участников семинаров П.Г. Виноградова был Александр Савин, получивший золотую медаль за объявленное учителем сочинение об Ассизах Иерусалимского королевства. На четвертом же курсе произошло событие, оказавшее большое влияние не только на “ученое мировоззрение” студентов. С ноября 1894 г. начал собираться настоящий “ученый кружок”, объединивший преподавателей и студентов. Из числа приват-доцентов университета там заметную роль играли П.Г. Виноградов, П.Н. Милюков и С.Н. Трубецкой³⁵. Разные по мировоззрению и научным интересам, они в середине 90-х годов XIX в. олицетворяли прогрессивные силы Московского университета. Возможно, что именно общение с этими историками и философами, в частности, с С.Н. Трубецким, оказало непосредственное влияние на процесс поиска А.Н. Савиным своего философского и этического кредо.

О влиянии П.Г. Виноградова на формирование научных интересов А.Н. Савина писалось неоднократно. Во введении к магистерской работе “Английская деревня в эпоху Тюдоров” (1903) историк счел необходимым отметить, что «всего более обязан своему учителю, проф. П.Г. Виноградову. Его московские семинарии, живые в памяти всех слушателей и особенно дорогие активным участникам, были моею историческою школой; его “Вилланство в Англии” остается для меня образцом точного и широкого исторического исследования; его личное внимание и содействие во многом облегчило мне первые шаги на английской почве»³⁶. Принадлежа к научной школе П.Г. Виноградова, Савин и многие свои поступки, и размышления о текущей политической

ситуации сверял с позицией учителя. Будучи далеко не во всем согласен с его оценками и действиями, он, тем не менее, считался с ними.

Размышления С.Н. Трубецкого, принимавшего участие в “московском кружке философов” вместе с Вл. Соловьевым и Л.М. Лопатиным, заставляли задумываться о соотношении веры и разума, о возможности преодоления разрыва между рационализмом, эмпиризмом и мистицизмом³⁷, т.е. способствовали развитию у А.Н. Савина интереса к проблемам познания и философии науки, отвечали актуальным на тот момент в русском обществе размышлениям о нравственных добродетелях человека и его деятельности. Эти идеи оказались отражены в неизданном философском сочинении историка “О законности и возможности нравственного удовлетворения”, который он закончил в 1898 г. В этот же год в печати появился первый его научный труд, точнее, перевод знаменитого сочинения Д. Локка “Опыт о человеческом разуме”.

В сфере университетской жизни интерес исследователя к этим проблемам был тем более заметен, поскольку историк был частым гостем на научных диспутах по философии и юриспруденции. По предложению Л.М. Лопатина и ряда других ученых, в октябре 1899 г. А.Н. Савин был избран в действительные члены Психологического общества при Московском университете³⁸. Это было сообщество, в которое входили выдающиеся русские философы – Н.Я. Грот, Л.М. Лопатин, Вл. Соловьев, Г.Г. Шпет, И.А. Ильин, поскольку психология еще существовала как составная часть философии. Общество издавало журнал “Вопросы философии и психологии”, регулярно проводило научные диспуты в помещении Московского университета. А.Н. Савин присутствовал на некоторых из них.

А.Н. Савин считался среди коллег “чудом” осведомленности, не только в “своей” области, не только в “истории вообще”, включая и русскую – традиционного деления он никогда не признавал, – но и в экономике (специалисты долго помнили его разработку трудов И. Тюнена³⁹ для магистерского экзамена), философии, социологии⁴⁰. Широта его интересов и осведомленности чувствуется как в научных работах, так и в лекционных курсах, в опубликованных рецензиях.

Дебют историка в качестве научного оппонента также прошел не по “исторической части”. Он выступил оппонентом по юридической диссертации К.А. Кузнецова об исторической школе права⁴¹ (вторым оппонентом был С.А. Котляревский). В дневнике

историк записал об этом знаменательном для него дне: “Присутствовавшие на диспуте юристы говорили мне, что я возражал удачно; я себе вовсе не судья, но мне не было стыдно за свой дебют, который странным образом был дан мне не на моем факультете”⁴².

Общение со студенческих лет с представителями знаменитого философского кружка, искания новой религиозности и новой церкви, столь характерные для русского общества начала XX в., не могли не повлиять на его религиозные представления. Великолепный историк, он тонко проникал в суть религиозных проблем и истории религиозных движений. Проблемы истории церкви были Савину интересны не только в отношении Англии XVI–XVII вв.⁴³ Он анализировал процессы, происходившие в Русской православной церкви, и в частности, внимательно прислушивался к разговорам о церковной реформе. А.Н. Савин видел ее как возможность “осуществить выборное начало, по крайней мере, в среде самого клира (чтобы священники выбирали священников, архиереи – архиереев)”⁴⁴. Более того, участвуя в одном из первых заседаний совета факультета, А.Н. Савин имел “длинную беседу” с В.О. Ключевским, в ходе которой затрагивались вопросы как о кандидатуре Александра Николаевича для работы в Московской духовной академии, так и о секуляризации кафедры церковной истории, которая находилась в совместном ведении Синода и Министерства просвещения⁴⁵.

С.Н. Трубецкой для многих современников был не только учителем и замечательным философом. Это была знаковая для московской профессуры фигура, поскольку в 1905 г. он стал первым выборным ректором Московского университета, добивался его автономии и умер, фактически отстаивая право университета на это завоевание. Для А.Н. Савина университетская автономия была не просто идеей, но ценностью, которую надо было всячески защищать, как и сам университет⁴⁶.

После защиты в 1907 г. докторской диссертации по теме “Английская секуляризация” и получения профессорского звания А.Н. Савин обрел также право присутствовать на заседаниях советов университета и факультета. На факультете в ноябре 1907 г. он был избран “всеми против одного”, что отражало отношение некоторых коллег больше к П.Г. Виноградову, чем к его талантливому ученику. Однако дело осложнилось на совете университета. Вопрос о кандидатуре А.Н. Савина, ходатайство об избрании которого на должность экстраординарного профессора было

составлено Р.Ю. Виппером, Д.М. Петрушевским, и поддержано В.О. Ключевским, М.М. Покровским и В.К. Поржезинским, вызвал серьезные дебаты. Некоторые члены совета выразили желание отсрочить баллотировку А.Н. Савина и вместо этого пригласить вернуться в Москву его учителя – П.Г. Виноградова. Однако в итоге этот вопрос удалось успешно разрешить, и баллотировка была проведена⁴⁷. Приказом от 4 февраля 1908 г. Савин был назначен экстраординарным профессором университета, так что 19 февраля в совете университета состоялось его представление. “Ректор встал, приветствуя меня по прочтении трехсловной бу-мажки. За ним поднялись все члены Совета. Я поклонился. Это обычай Совета”⁴⁸. Вступая в это святилище Московского университета, вновь испеченный профессор не преминул записать: “Мое первое впечатление было такое, что на Совете, к которому приват-доценты относятся с ироническим благоговением, ибо это святая святых, куда их в Москве никогда, даже в разгар революций, не пускали, это впечатление было неблагоприятно. Мало торжественности. Я разочаровался ... Плохо слушают, разговаривают друг с другом, иногда голосуют, совершенно не зная о чем идет речь”⁴⁹.

В отличие от большого совета, идти на заседание совета факультета для Савина было “не страшно”, так как “все знакомы”. На таких заседаниях магистры держали экзамены⁵⁰.

Несмотря на понятный пиетет к присутствовавшим на университетском совете профессорам, и свой малый стаж профессорства, А.Н. Савин быстро становится активным участником заседаний, которые регулярно посещает и итоги которых анализирует. 1 сентября 1908 г. он занес в дневник первую запись о таком событии: “Мое первое интересное и важное заседание. Борьба единодушного совета с идущим сверху разрушением университета”. Действительно, на этом заседании принималась резолюция “о невозможности увольнения” профессоров, подписавших в свое время знаменитое Выборгское воззвание. В 1906 г. группа депутатов подписала обращение к народу с призывом в знак протеста против роспуска I Государственной думы проявить гражданское неповиновение – не платить налоги и отказаться от военной службы. К оппозиционерам были применены серьезные меры воздействия, многие оказались подвергнуты аресту, лишены права участия в выборах. В Московском университете опальных “выборжцев” набралось 5 человек (С.А. Муромцев, Г.Ф. Шершеневич, С.А. Котляревский, Ф.Ф. Кокошкин, П.И. Новгородцев). Особенно бли-

зок к А.Н. Савину был Сергей Андреевич Котляревский⁵¹, вместе с которым они учились на историко-филологическом факультете и посещали научный кружок, а потом преподавали в университете. Талантливый ученый, он не только получил степень доктора по всеобщей истории, занимаясь прежде всего проблемами истории католической церкви (сказалось влияние философских идей С.Н. Трубецкого), но и впоследствии защитил магистерскую и докторскую диссертации, получив звание профессора государственного права. Присутствовавший на его докторском диспуте по праву А.Н. Савин восторженно записал: “Удивительный человек: защищает четвертую диссертацию, причем четвертая лучше предыдущих”⁵². С.А. Котляревский был активным участником политической жизни России, кадетом. В 1906 г. он был против Выборгского воззвания, но, тем не менее, ареста не избежал, поскольку присутствовал при его составлении. Весной 1908 г. Уголовный Кассационный Департамент Правительствующего Сената отверг все доводы защиты и утвердил ранее принятое решение, в том числе запрет для осужденных занимать общественные должности. Фактически это грозило профессорам удалением из Императорского университета.

Так что для А.Н. Савина этот вопрос о “выборжцах” был вовсе не умозрительным, поскольку напрямую затрагивал если не его политические пристрастия, то его дружеские чувства. Поэтому на первом в своей практике заседании совета ученый обратился к комиссии, составлявшей проект ответа для министерства. Савин предлагал указать, что историко-филологический факультет особенно пострадает от “ухода” этих специалистов. Более того, после зачитывания самого текста он выступил и “сказал несколько слов в разъяснение того, что Котляревский и Муромцев важны для нашего факультета”⁵³.

Как свой первый “парламентский успех” оценил историк подготовленный советом факультета ответ на запрос из Министерства просвещения о количестве вспомогательных преподавателей, которое может быть на факультете. При этом совету не было разрешено обсуждать вопрос о количестве профессорских ставок, что делало обсуждение проблемы численности вспомогательных преподавателей совершенно бессмысленным. После выступления А.Н. Савина ответ был один: “при неведомости устава невозможно говорить о числе вспомогательных преподавателей, которых должно быть сообразно с числом основных”, а сама

“возможность отвечать устраняется запретом обсуждать самый важный вопрос – число профессур и доцентур”⁵⁴.

Следует отметить, что если первоначально дневниковые записи историка имели целью прежде всего фиксацию происшедшего непосредственно в университете или связанного с ним, то скоро историк взялся привычно анализировать и оценивать события и явления, свидетелем и участником которых он оказывался. Так, в конце 1908 – начале 1909 г. он более четко зафиксировал свои политические предпочтения, зачислив себя в число “левых” профессоров.

Тонко чувствующий и глубоко порядочный человек, А.Н. Савин с горечью видел, как нередко политические пристрастия и групповые интересы разрушают целостность академического сообщества. Он предпочитал компромисс ожесточенному противостоянию и, пусть не без сомнения, но посещал такие торжества, как юбилей ставшего “правым” В.И. Герье или проводы декана. “Мы, левые, – записывал в дневнике А.Н. Савин по этому поводу, – должны показать свое умение возвыситься над партийностью правых, показать свое моральное превосходство”⁵⁵. Для многих на факультете в этот период Д.М. Петрушевский и А.Н. Савин являлись несомненным олицетворением “кадетства”⁵⁶. Действительно, Д.М. Петрушевский в свое время участвовал в деятельности Академического союза, представляя на его организационных собраниях делегацию от Варшавы, а близкие дружеские отношения А.Н. Савина с наиболее яркими представителями кадетской профессуры, в частности, с С.А. Котляревским и А.А. Кизеветером, ни для кого не были секретом.

На фоне нараставшей реакции и борьбы со студенческим и революционным движением, образ мыслей А.Н. Савина и политические пристрастия его домочадцев подвергались неожиданным испытаниям. Иногда – достаточно анекдотичным. Историк в дневнике записал рассказ о том, как 26 февраля 1909 г. околоточный надзиратель принес ему сверток и соответствующую бумагу “из охранки” с разъяснением, что это его вещи. Считая, что это может быть студенческая работа, ученый вскрыл конверт, чтобы обнаружить там чужую переписку, видимо, изъятую в результате обыска. Он повез это имущество к ректору, который посоветовал написать градоначальнику о произошедшей ошибке. Ведь в охранке не удосужились проверить ни имя, ни семейное положение ученого. “Авось градоначальник укажет этим господам на их глупость и лень”⁵⁷, – завершил изложение курьеза А.Н. Савин.

Но ошибка ошибкой, а в качестве Савина-политического посчитали именно историка, а не другого его московского однофамильца.

“Левым” настроениям ученого предстояло пережить серьезное испытание – начались студенческие манифестации, занятия были сорваны, автономия университета оказалась под угрозой и со стороны министерства А.Н. Шварца, и студенческой массы. Идея массовой отставки в качестве оружия профессуры, обсуждавшаяся в университетском сообществе, воспринималась А.Н. Савиным скептически, ведь в этом случае замены ушедшим бы не было, а значит, последовал бы “временный разгром русской высшей школы”. Но и для профессора университета такой шаг будет очень болезненным, отмечал в дневнике историк, поскольку несмотря ни на что «профессора работают в высшей школе не только по “буржуазной” тяге к жалованию и гонорару, но и по высоко патриотичным и даже сверхнародным побуждениям»⁵⁸. Так за несколько лет до событий 1911 г. историк уже определил свой выбор – отставка не его путь. Но принять это решение было трудно, равно как и следовать ему, поскольку слишком многие в университетском сообществе, начиная с ректора, видели только в таком отчаянном поступке возможность сказать решительное “нет” разрушению университета и “сверху” и “снизу”. В январе 1910 г. А.Н. Савин отметил, что его учитель П.Г. Виноградов “говорит, что непременно выйдет в отставку”, если будет принят проект нового университетского устава, подготовленного Министерством просвещения⁵⁹. Речь шла о проекте университетского устава, подготовленного А.Н. Шварцем и сокращавшего те университетские автономии, которые были получены в 1905 г.

Однако в январе 1911 г. ситуация в университете обострилась. После студенческих забастовок 1910 г. министр народного просвещения Л.А. Кассо издал циркуляр “О временном недопущении публичных и частных студенческих собраний в стенах высших учебных заведений”, который был принят Советом министров 11 января 1911 г. В соответствии с ним в стенах высших учебных заведений России запрещалось проводить студенческие собрания и митинги. В противном случае на градоначальников возлагалась обязанность с помощью полиции принимать меры для восстановления правопорядка. Таким образом, администрация университета и его совет оказывались перед фактом: в нарушение университетской автономии решение по университетским делам принималось не университетскими органами власти.

В качестве протеста против такого покушения на университетскую автономию в отставку подало руководство в лице ректора А.А. Мануйлова, помощника ректора М.А. Мензбира и проректора П.А. Минакова. Экстренные заседания совета университета шли до поздней ночи. В три часа утра 3 февраля А.Н. Савин, подробно изложив все перипетии прошедшего заседания и отставки, отметил в дневнике: “Это, конечно, самое печальное из моих заседаний, и может быть, даже последнее, ибо при всей моей умеренности, может быть даже я буду вынужден подать прошение об отставке”⁶⁰. Подобные мысли стали для историка еще более актуальными, когда был опубликован Высочайший приказ об увольнении подавших в отставку, а профессора и приват-доценты университета начали массово подавать прошения в поддержку своих товарищей. Среди первых были близкие А.Н. Савину люди – Д.М. Петрушевский и А.А. Кизеветтер. Перед историком стоял сложный нравственный выбор. Поверяя свои раздумья дневнику, он искал логику в действиях других и – оправдание своему не-действию. Поскольку он наравне с другими участвовал в выборах ректора и руководства университета, как член совета одобрил их решение об отставке, то должен был бы их поддержать наравне со всеми. Но как поддержать людей, протестующих подобным образом против фактической отмены университетской автономии? «Я вижу только один путь, – признавался историк, – самому подать прошение об отставке. Но я хорошо знаю, что этот путь, давая удовлетворение нравственному порыву, чувству товарищества, нисколько не поможет, а может быть, даже повредит университету. Пусть 30–40 штатных профессоров выйдут в отставку. На их место сейчас же либо в скором времени назначат из провинции либо из числа приват-доцентов, людей в духе “чего изволите” или прямых реакционеров». А так как, по мнению историка, такие профессора по своим “учено-педагогическим капиталам” уступают прогрессивной профессуре, то “уровень учено-педагогической жизни” в университете непременно понизится. “Это пустяки в сравнении с вечностью и даже с общими судьбами России. Но это очень тяжело для людей, десятки лет живущих жизнью университета”⁶¹, – завершал свои печальные размышления в тот день А.Н. Савин.

В этой ситуации неожиданно для многих именно он стал, если судить по дневниковым записям, тем человеком, кто хладнокровно анализировал происходящее и искал из него приемлемый для университета и факультета выход. При этом А.Н. Савин старался

предотвратить потерю Московским университетом лучшей части профессуры. Однако он оказался и политически наивен, и слишком уверен в порядочности и единстве университетской корпорации.

Описывая собрание совета историко-филологического факультета, состоявшегося вечером 4 февраля, историк заметил, что председатель произнес “малоосмысленную речь”, а один из филологов “пришел прямо-таки пьяный и нескоро утихомирится. Как эта обстановка подходит к трагическому положению!”⁶² А.Н. Савин вынес на голосование сразу два предложения. Во-первых, “просить подавших в отставку подождать”. Он действительно продолжал надеяться, что депутация от университета будет принята министром Л.А. Кассо, и ректору и другим вернут профессорские должности. Тогда это было бы компромиссное решение и для правительства, и для университета. Но историк подчеркивал, что уволенные не смогут вернуться, если их коллеги ради них уйдут в отставку. Подавший в отставку Д.М. Петрушевский с этим предложением своего товарища согласился, равно как и все собравшиеся.

А второе предложение Савина одобрения не получило. Еще бы, ведь он предложил весьма радикальный шаг – чтобы административную ответственность с ректором разделил весь совет университета, который одобрил его прошение об отставке. Профессора решили, что их как членов совета наказывать не за что.

На следующий день “печально было в факультетском совещании, еще грустнее в совете (университета. – А.Ш). Народу немного”. Ученому стало понятно, что былого единства больше нет: медики на совет вообще не явились, а из юристов пришли только трое. “В заседании много даже внешнего беспорядка. Прения вначале бессистемны, иногда говорят несколько человек подряд, старшие члены ходят чуть ли не группами по зале. Вот он, распад университета {...} Людская пыль”⁶³.

А.Н. Савин все больше убеждался в том, что никаких реальных действий предпринято не будет, а еще одно обращение к Министерству просвещения, написанное в более резком тоне, успеха не принесет, став еще одной “пустой бумагой”. А коллеги между тем продолжали подавать в отставку.

На заседании совета университета, куда были приглашены подавшие в отставку, предложение А.Н. Савина повременить с отставкой поддержки с их стороны не встретило. В.И. Вернадский, В.П. Сербский, В.М. Хвостов и другие профессора заявили,

что поскольку отставка есть “дело их совести, их чести и личного достоинства”, то в этих вопросах они не подчинятся даже решению большинства (т.е. совета), если оно будет принято. Однако после состоявшегося бурного обсуждения вдруг выяснилось, что никакого решения все равно принять невозможно, так как нет кворума. Каков же результат? – задавался вопросом А.Н. Савин, заполняя страницы дневника рассказом об этих событиях 6 февраля 1911 г. Ему казалось, что наступит “либо страшный разгром университета, либо позорные для правительства уступки. Я считаю первый вариант более вероятным и непримиримую тактику ошибочной ⟨...⟩. Но сейчас мало верю и в успех примирительной тактики. Если я скоро подам в отставку, то сделаю это исключительно из чувства товарищества, с твердым убеждением в безнадежности университетского положения, хотя конечно мое убеждение еще не достоверность”⁶⁴.

А еще через два дня уже сам А.Н. Савин выступил в защиту позиции подавших в отставку, отказываясь от своего первоначального предложения. Теперь уже он объяснял коллегам в совете факультета, что неэтично просить Д.М. Петрушевского, А.А. Кизеветтера, А.В. Кубицкого и других остаться в вузе до лета, чтобы не срывать учебный процесс. Ведь оказался затронут “вопрос личной чести” этих ученых. В этом случае потребности учебного процесса отходили на второй план.

На заседании совета университета 11 февраля председательствовал уже попечитель Московского учебного округа А.А. Тихомиров. В самом факте его присутствия и настойчивых попытках заставить профессию обратиться к студентам с требованием вернуться в аудитории, ученый увидел стремление “смирить рабские души намеками на связь профессорской фронды с политической смутой”. А.Н. Савин записал в дневнике: “Я считаю это сплетение (университета с политикой. – *А.Ш.*) великим несчастьем для университета и считаю вредным заблуждением мнение некоторых подавших в отставку, что мы возвращаемся к положению 1903–1904 гг. По моему мнению, Россия еще далека от сильного революционного движения, хотя правительственная политика сильно способствует усилению и распространению политического недовольства ⟨...⟩ Я вообще считаю вредною для университета связь между политикой и университетом, я хорошо знаю, что эта связь неизбежна, но неизбежное зло остается злом. И, по моему мнению, долг университетского преподавателя по мере сил ослаблять эту

связь. Вот почему, даже помимо эгоистических побуждений самосохранения, подача прошения об отставке представляется мне теперь вещью далеко не бесспорною: при теперешних обстоятельствах подача прошения несомненно приобрела в глазах правительства привкус политической манифестации, между тем как в глазах большинства подающих профессоров это исполнение нравственного, товарищеского долга, изъявление готовности пострадать вместе с товарищами-профессорами, и только, без всякой политической примеси. Как тяжело жить в этой роковой и безвыходной смуте и путанице!.. Скольким преподавателям разобьет жизнь и расстроит здоровье эта трагедия!”⁶⁵

Колебания историка закончились, он честно признался и в своей слабости, и в правильности первоначальной точки зрения. Ведь он с самого начала в отставку подавать не собирался, а мысли о ней – скорее дань чувству товарищества и той корпоративной этике, которые для историка всегда были составной частью “бытия” ученого в Московском университете. Отставка же по политическим мотивам никогда не была для него привлекательной.

Объясняя окружающим и самому себе правильность своего решения, А.Н. Савин, тем не менее, в дневнике не раз упрекал себя за “малодушие”. Он никак не мог избавиться от чувства вины перед своими ушедшими в отставку коллегами и восстановить чувство самоуважения. В марте 1911 г. на заседании историко-философского факультета Высших женских курсов, где вместе с Савиным преподавали многие из “ушедших”, он чувствовал себя как “почти изменник в глазах подавших (прошение об отставке. – *А.Ш.*) и даже других”. Те же чувства преследовали его на собраниях преподавателей ВЖК и год спустя⁶⁶.

Летом 1913 г. Савин с семьей Гнесиных отдыхал в имении В.И. Танеева, брата знаменитого композитора, недалеко от Клина. Там же проживал “на дачах” и К.А. Тимирязев, которого историк в своей системе ценностей относил (вместе с П.Г. Виноградовым), к поистине “большим людям”. «Я боялся знакомства с ним, – писал в дневнике А.Н. Савин, – потому что слышал, будто он нетерпим к тем, кого не уважает. А ввиду того, что я принадлежу к “оставшимся”, я имел основания причислять себя к не заслуживающим уважения». Разумеется, опасения историка оказались напрасными, и “после встречи на нейтральной почве” Савина неоднократно любезно принимали в доме Тимирязева. Историк не преминул отметить, что великий ученый “очень

приятен, конечно, знает себе цену и тверд во взглядах, но прост, отнюдь не кичлив, и очень приветлив у себя дома”⁶⁷.

Когда весной 1913 г. известный либеральными взглядами литературовед П.Н. Сакулин занес историку свою новую книгу, А.Н. Савин радостно отметил в дневнике: “Я был этому очень рад: значит, он не считает меня ренегатом”⁶⁸.

Заметным потрясением для историка, если судить по дневниковым записям, стала та легкость, с которой Министерство просвещения пошло на увольнение массы преподавателей старейшего университета страны. Несмотря на весь свой скепсис по отношению к власти, такого массового разгрома Савин явно не ожидал, разделяя в этом мнение многих своих коллег. Другим неприятным открытием для ученого стала и деятельность оставшихся в университете профессоров, которые стали торопливо “приписывать” себе студентов от ушедших в отставку преподавателей, присваивая, тем самым, и полагавшийся им гонорар. Историк видел в этом проявление упадка корпоративной этики, так как “люди распоясываются и готовы предстать перед студентами в чем мать родила. Вот реакции достойные плоды”⁶⁹. Становилось понятным, что нравственных препон не существует, и на освободившиеся места в университете скоро появится немало претендентов. А.Н. Савин вовсе не питал надежды на то, что факультетам разрешат самим заполнить опустевшие должности. Как показало время, он был в этом совершенно прав.

А министерство тем временем торопило университет с замещением мест ушедшей профессуры. Предписание об этом было получено деканами уже 15 марта 1911 г. В эти дни А.Н. Савин опять проявил себя в качестве активного участника университетской жизни, несмотря на “склоки и интриги”, которые не замедлили разгореться. В действиях А.Н. Савина изначально видно было стремление сохранить для Д.М. Петрушевского возможность вернуться на кафедру. Для этого ученый сначала на заседании факультета предлагал в целом определиться с “нуждами” кафедры всеобщей истории, с тем, чтобы решить, нужен ли вообще именно сейчас третий профессор на место уволенного Д.М. Петрушевского. Ведь теперь на кафедре оставались профессорами только двое – сам Савин и Р.Ю. Виппер, и от единства их позиции многое могло зависеть. Так думал А.Н. Савин. К его искреннему недоумению, Р.Ю. Виппер, состоявший в сложных отношениях с Д.М. Петрушевским, сначала вообще не явился на

заседание факультета, а потом и вовсе устранился от обсуждения животрепещущих тем⁷⁰.

Но покорность судьбе была не характерна для А.Н. Савина. Он продолжал бороться. Историком казалось, что придуманная им вместе с и.о. ректора М.К. Любавским и ушедшим в отставку П.И. Новгородцевым схема по защите уволенных коллег, в частности, Д.М. Петрушевского, могла бы сработать. Для этого надо было оставшимся преподавателям принять на себя нагрузку ушедших. Таким образом, их должности удавалось бы оставить незамещенными и оставалось дожидаться “лучших времен”. Но даже такие наивно самоотверженные, но отвечающие представлениям Савина о порядочности и корпоративной этике действия, поддержки большинства не встретили. И первым из их числа оказался, к величайшему огорчению А.Н. Савина, его же коллега по кафедре Р.Ю. Виппер. Он отказался брать на себя дополнительную учебную нагрузку, не посещал заседаний совета факультета и даже не назвал кандидатуру на замещение профессорской должности.

Между тем, историко-филологический факультет все же принял формулировку А.Н. Савина для ответа министерству о замещении кафедр. Было решено сообщить, что по кафедре всеобщей истории кандидатур пока нет, но “немедля приступят к обсуждению вопроса о замещении”, а пока (и на следующий год!) “постараются обеспечить преподавание средней истории (истории Средних веков. – *А.Ш.*) наличными преподавательскими силами”. Такими силами вызвались быть двое – профессор А.Н. Савин и приват-доцент Н.Г. Попов⁷¹.

Для А.Н. Савина, никогда не отличавшегося хорошим здоровьем, такое решение было серьезным вызовом судьбе. К тому же он брался вести новые курсы, что означало дополнительные усиленные занятия, в том числе знакомство с большим объемом новой литературы. Тогда как зрение нередко подводило ученого, одно время ему даже грозила слепота. А.Н. Савин с благодарностью отметил в дневнике, что верный друг С.А. Котляревский помог ему принимать экзамены у студентов по истории Средневековья. Р.Ю. Виппер в очередной раз помочь отказался.

В марте 1911 г. А.Н. Савин вместе с С.А. Котляревским и Д.Ф. Егоровым были избраны в состав комиссии совета университета, в ведение которой входило в тот момент проведение выборов руководства университета, назначенных на апрель⁷².

Накануне группа профессоров собралась на совещание-обед в ресторане “Прага”. А.Н. Савин отмечал, что настроения членов совета университета “сильно переменялось вправо”, а сам совет “из кадетского стал чем-то вроде левооктябристского”. Через несколько дней историк уточнил политический диагноз – совет стал “правооктябристским”⁷³. Произошло это после выборов. Впрочем, подчеркивал ученый, “эти термины плохо выражают профессорскую психологию, ибо университет или вернее, профессорский мир, довольно далек от политики”. Это не помешало ему отметить, что ранее составлявшие “центр” в совете (Д.Ф. Егоров, С.А. Котляревский и сам А.Н. Савин) “ходом событий превращены в левое крыло”.

Однако на выборах выяснилось, что намеченные ранее профессурой кандидатуры не прошли. Неожиданно для Савина выбирают в ректоры М.К. Любавского, накануне заверявшего собравшихся в “Праге”, что он от баллотировки отказывается⁷⁴. Впрочем, далеко не все в совете оказались согласны с этой кандидатурой и голоса распределились так: 38 против 25. Вывод А.Н. Савина был неутешителен: “Февральская катастрофа провела глубочайшую борозду в истории совета. Ушедшие в отставку совершили огромную политическую ошибку. Ушедшие думали, что уходом они спасут автономию”, а вместо этого объективно “облегчили правительству его задачу” и “напугали профессоров, прежде всего жаждущих покоя, и отбросили их далеко направо”⁷⁵. Понятно, что к этой последней категории историк себя не относил.

А.Н. Савин нередко совершал поступки, которые даже окружающим казались излишне “компромиссными”, а некоторым его биографам – даже отступом “вправо”⁷⁶. Однако, здесь скорее можно предложить другое объяснение, ссылаясь на запись в дневнике самого историка. «Я наблюдаю с интересом, с напряженным любопытством. Но мой девиз: “Nil admirari”»⁷⁷. Когда после прошедших выборов ученый отправляется вместе с “новой властью” все в ту же “Прагу”, он идет “из любопытства, узнать настроения и манеры этого кружка”. При этом он признавался, что быть среди этих людей ему трудно⁷⁸. Почему? Прежде всего из-за того, что решения теперь принимались келейно, за спиной профессорской корпорации, да и сами решения не делают чести. Так вскоре выяснилось, что не информировав А.Н. Савина, ректор М.К. Любавский пригласил историка А.А. Васильева баллотироваться на кафедру всеобщей истории. Другое “коварство” нового ректора заключалось в том, что Савину фактически навя-

зывалась должность ординарного профессора (вместо Д.М. Петрушевского), в противном случае ее намеревались предоставить кому-то другому из числа экстраординарных профессоров. Все вместе взятое, с одной стороны, окончательно закрывало пути для возвращения Д.М. Петрушевского в университет, а с другой – вносило разлад в отношения ушедших и остававшихся. Однако А.Н. Савин открыто предупредил ректора, что прежде, чем дать ответ, он намерен был посоветоваться с подавшим в отставку коллегой⁷⁹.

Вся эта ситуация еще раз убедила А.Н. Савина в правоте принятого решения. Ситуация с Выборгским воззванием, по его мнению, ничему не научила профессоров, “мечтавших одолеть министерство в университетском вопросе”. Действительно, для человека скептического склада, каким был историк, всякие “мечтания”, особенно на политические темы, выглядели донельзя наивными и бессмысленными. Более того, историк допускал, что правительство сознательно спровоцировало ситуацию с отставкой и тем самым смогло осуществить “чистку” (термин Савина!) вузов. Печальный опыт его друга, С.А. Котляревского, подвергнутого тюремному заключению за участие в выборгских событиях, должен был дать историку хорошую пищу для размышлений.

При этом, судя по записям дневника, скепсис изменял самому Савину, как только речь заходила о Д.М. Петрушевском, за судьбу которого историк сильно переживал. И если сам Петрушевский был убежден, что ему нет возврата в университет, то у Савина долго оставалась надежда на благополучный исход этого дела. При этом возвращение уволенного коллеги на кафедру он напрямую связывал с устойчивостью положения министра просвещения Л.А. Кассо. Именно об этом он размышлял, узнав об убийстве П.А. Столыпина, чьим ставленником он считал министра, вновь и вновь записывал в дневнике слухи о скорой его отставке осенью 1911 г. А.Н. Савин писал: “Моя заветная мечта – увидеть возвращение Петрушевского”⁸⁰. Историк, видимо, подспудно стремился снять с себя нравственный груз от несостоявшегося поступка, которого в свое время от него многие ожидали. С другой стороны, исполнение этой “мечты” давало ему возможность с чистой совестью принять должность ординарного профессора, занять которую он все же дал согласие весной 1911 г.

Но в феврале 1912 г. из министерства был получен отрицательный ответ – перевод в ординарные А.Н. Савина был найден “несвоевременным”. В дневнике историк записал: “Я хорошо по-

нимаю, почему министерство против моего назначения – надо наказать фрондера, который не исполнил министерского желания”. Действительно, он так и не назвал факультету кандидата на вакантную должность на кафедре. Впрочем, “наказать” историка, по его собственному мнению, можно назначением ординарным профессором кого-либо из его младших сослуживцев, но министерство на эту меру не решалось. В то же время, в Москве подходящего на место ординарного профессора медиевиста тоже не было⁸¹. В эти месяцы историк записал: «Потомки будут удивляться нашему долготерпению. У нас оправдание одно: раньше бывало еще хуже. Наши университетские предки были еще терпимее. Правда, у них не было еще ни “конституции”, ни “автономии”»⁸².

При всем своем скепсисе А.Н. Савин оставался весьма активным участником университетских реформ, касалось ли это вопроса об организации философского отделения на факультете, оплаты труда приват-доцентов или создания комиссии университета по хозяйственным вопросам. Историк не просто участвовал в обсуждениях, но предлагал свои варианты проектов, настаивал на особом мнении и новых ходатайствах⁸³. Он даже решился выступить с речью на одном из профессорских банкетов, чтобы “громко заявить о возвращении ушедших”. Правда делал он это, по собственному признанию, весьма “политично”, произнося “неискренние и отчасти даже противные слова о служении университету, о забвении прошлого и всеобщем примирении”. Тактика историка заключалась в том, чтобы, с одной стороны, усыпить бдительность “черных” (т.е. черносотенных) профессоров, а с другой – закончить войну с “теперешними господами университетского положения”. Только тогда, через взаимное примирение и восстановление хотя бы видимости единства университетской корпорации, по мнению историка, может быть реализована задача возвращения “ушедших” в 1911 г.⁸⁴ Эта тема поднималась среди преподавателей университета, близких по своим воззрениям к А.Н. Савину, еще не раз. Наконец было решено в узком кругу обсудить вопрос о “возвращении трех М” (Мануйлов, Мензбир, Минаков). Большинство признали такое возвращение невозможным, поскольку старые профессора не все согласятся подписать обращение к министру, а вновь назначенные (министром, а не выбранные советом) будут против, боясь потерять место. Собравшимся оставалось лишь признать правоту Д.Н. Егорова, который верно подметил: если ушедшие вернуться на волне политических перемен, а не с помощью коллег, то “будут видеть в оставшихся

если не врагов, то презренных и трусливых себялюбцев”⁸⁵. Оставшимся не получалось оправдаться ни в собственных глазах, ни в глазах ушедших. А ведь еще было студенчество, вовсе не единое в своих воззрениях, и общественное мнение.

Проявлением политических симпатий по тем временам считалось и посещение (или не посещение) разных мероприятий, от похорон известных лиц до банкетов и домашних посиделок. А.Н. Савин был в числе немногих профессоров, кто решился в октябре 1913 г. прийти на банкет по случаю юбилея крупной либеральной газеты “Русские Ведомости”. Однако празднество было сорвано полицией, сначала воспрепятствовавшей говорить речи и зачитывать телеграммы, а потом и вовсе велевшей участникам расходиться. Вместе с тем, единственный из “левых” профессоров, он присутствовал на праздновании Татьянинного дня в 1913 г., объясняя это тем, что ему было “интересно” сопоставить свои впечатления от празднества 1910 г. “Одно из сильных, но и неприятных впечатлений в моем опыте”, – вынужденно констатировал профессор⁷⁵. Ведь те, кого «зовут теперь “левыми”, это только всего приличные, порядочные люди, сохранившие искру привязанности к университетской автономии, искру чуткости к достоинству московского университета». Позже он опечалится тем, что новый совет университета почти забудет отметить столетие смерти Т.Н. Грановского подобающей речью. К нему обратится М.К. Любавский с предложением о выступлении всего за два часа до начала, и Савин посчитает себя обязанным ее произнести, ведь “не сказать ничего в такой день было бы стыдно”⁸⁷. Несмотря на то что в эти годы в дневнике историка нередко проскальзывали замечания, что он “вовсе не занимается политикой”, рассуждения о ней присутствовали постоянно.

Историк, что видно по его дневниковым записям, не пропускал заседаний университетских советов. Голосуя за то или иное решение, А.Н. Савин постоянно определял свою позицию. Жизнь в университете и за его пределами заставляла его высказываться все с большей определенностью. Собственно, все подталкивало к этому, даже тот исторический материал, к изучению которого А.Н. Савин готовил своих студентов в университете и на Высших женских курсах. Профессиональные занятия английской аграрной историей весьма актуально звучали на фоне столыпинских реформ. История Французской революции XVIII в. и содержание наказов Генеральным штатам наводили на размышления о работе Государственной думы. А интерес к истории русско-герман-

ских отношений и проблемам международных отношений в целом явился закономерным следствием событий 1914 г. Интересы специалиста по Новому времени, в качестве которого он был взят на кафедру Московского университета, по вполне объективным причинам “сдвигались” все ближе к современности.

С началом Первой мировой войны скептическое отношение историка к власти в России только усилилось. Впрочем, почитателем российской монархии и ее институтов А.Н. Савин и так никогда не был. Выслушав в свое время рассказ М.М. Богословского об интересе Николая II к истории, он записал в дневнике: “Если б только в монархах достоинства частного человека находились хотя в каком-нибудь соответствии с их правительскими способностями и добродетелями!”⁸⁸

Пережив в первые годы войны период весьма сильных антигерманских настроений, что особенно заметно по характеру дневниковых записей, А.Н. Савин от всей души приветствовал формирование в обществе особенного интереса к Англии и контактам с этим государством. С одной стороны, это в полной мере отвечало настроениям самого историка, а с другой – подпитывалось несомненным влиянием П.Г. Виноградова, к взглядам и оценкам которого историк на правах ученика продолжал относиться очень внимательно. Так, в январе 1915 г. А.Н. Савин обсуждал с ним проблему перспектив взаимоотношения Англии с мусульманским миром и даже сделал конспект этой беседы⁸⁹. Эту же тему историк поднял и во время публичной лекции “Война империй и мир ислама”, которую прочитал несколько месяцев спустя⁹⁰. А.Н. Савин принял весьма деятельное участие в работе созданного в 1915 г. Общества сближения с Англией⁹¹, которое после смерти М.М. Ковалевского возглавил П.Г. Виноградов.

В период войны А.Н. Савин не только активно интересовался происходившими событиями. Он выступал с публичными лекциями, стал постоянным автором кадетской газеты “Русские ведомости”⁹². Именно на страницах этой газеты он анализировал проблему проливов, столь актуальную для российской внешней политики на протяжении XVIII–XIX вв., и критиковал внешнеполитический демарш Н.П. Милюкова⁹³. А.Н. Савин, как и большинство его единомышленников, лояльно отнесся к Февральской революции 1917 г., однако быстро разочаровался в способности Временного правительства успешно управлять государством. “У нас фактически установилось время республики, – писал он в дневнике, – и пока даже без президента. Я совершенно сво-

боден от предрассудков в политике, не боюсь решительно никаких страшных слов, но должен признаться, что очень боюсь, патриотически боюсь и болею за мою несчастную родину, над которой проделывали, проделывают и будут проделывать самые истязательские, мучительные эксперименты”⁹⁴. В марте 1917 г. А.Н. Савин и его коллега по университету и кадетской печати С.А. Котляревский ездили во Вторую артиллерийскую бригаду “беседовать с офицерами и солдатами о текущем политическом положении”. Фактически речь идет об участии ученого в партийной пропаганде кадетов среди военнослужащих. В тот раз историк говорил “об армии во Французской революции и о международном положении России”. В дневнике он отметил, что “офицеры и солдаты слушали очень внимательно и устроили нам настоящую овацию”⁹⁵. Вся эта деятельность А.Н. Савина совершенно не вяжется с мифом о “кабинетном ученом”. Более того, в дневниках коллег историк характеризуется как “государственно мыслящий” человек⁹⁶, занимающий вполне определенную и активную жизненную позицию.

Смена власти способствовала и переменам в университете, в которых ученому выпало сыграть заметную роль. На заседании совета университета 5 марта 1917 г. именно А.Н. Савин выступил с предложением вернуть тех, кто ушел в отставку в 1911 г.⁹⁷ Однако ситуация оказалась весьма болезненной и конфликтной, поскольку новое Министерство просвещения провело законопроект, по которому подлежали увольнению все ранее назначенные министерством (а не выбранные советами университетов) профессора. Так, на историко-филологическом факультете оказался лишен места М.М. Богословский, с которым А.Н. Савина связывали дружеские отношения⁹⁸. Что касается “ушедших”, то они потребовали восстановить их на прежних должностях без каких-либо дополнительных выборов. С этим ультиматумом приходилось считаться. На квартире заболевшего А.Н. Савина (простудился во время выступления перед солдатами) 19 марта состоялось собрание более 30 профессоров университета, включая ректора М.К. Любавского, на котором решался вопрос о выборах делегатов в комитет возрождавшегося Академического союза. И, главный, вероятно, на тот момент другой вопрос – как отнестись к требованиям “отставленных” в 1911 г. Спустя месяц А.Н. Савин участвовал во встречах с теми, кто решил вернуться в университет. И если первое собрание прошло “мирно”⁹⁹, то второе собрание, проводившееся в доме у историка, его явно разоча-

ровало непримиримостью позиции вернувшихся профессоров, их тоном превосходства. К великому сожалению А.Н. Савина, в университете вновь преобладали “мелкие счета и расчеты в те дни, когда мы объаты вихрем красных и черных катастроф”¹⁰⁰. В новой университетской администрации, выборы которой проходили в апреле–мае 1917 г., историк стал одним из членов специальной комиссии совета университета, которой предстояло решать вопросы о “допуске” студентов к университетским делам, определяться с полномочиями приват-доцентов, вести переговоры с младшими преподавателями и т.д.¹⁰¹. И опять именно на квартире А.Н. Савина в начале мая 1917 г. проходило собрание группы “левой” профессуры, согласовавшей кандидатуры на место помощника ректора и проректора¹⁰².

По сохранившимся материалам дневниковых записей учебного отчетливо видно, что период 1910–1911 гг. и 1917 г. – это время его наибольшей общественно-политической активности. Первый – связан с обсуждением и борьбой против нового устава и защитой университетской автономии, второй – осознанием возможности реальных изменений в университетской жизни, равно как и в жизни страны. Но и в другие годы А.Н. Савин никогда не оказывался в стороне от политики, высказывая свою точку зрения или на страницах газет, или в совете университета и кругу друзей.

Летом-осенью 1917 г. перемены в России нарастали стремительно, менялось и руководство университета. Активное участие в делах университета, равно как и умение идти на компромисс, – все это делало историка фигурой, достойной доверия коллег. 30 сентября 1917 г. А.Н. Савин был избран проректором Московского университета 36 голосами против 21¹⁰³. Такое голосование отражало новый расклад сил. Совет университета, по мнению историка, стал в это время “кадетообразен, но ведь кадеты самая правая из надпольных партий, а скоро и они могут уйти в подполье, начать подвергаться арестам и казням”¹⁰⁴. Хорошо зная историю английской и французской революций, А.Н. Савин точно предвидел грядущий ход событий. Наступал советский период в отечественной истории и новый этап в жизни ученого.

¹ Так, например, на протяжении долгого времени не звучало имя известного в свое время медиевиста А.С. Вязигина, поскольку тот был убежденным монархистом. См. подробнее: *Каплин А.Д., Степанов А.Д.* “Только вера дает силу жить”: Андрей Сергеевич Вязигин (1867–1919) // *Воинство святого Георгия: Жизнеописания русских монархистов начала XX века.* / сост. и ред.

- А.Д. Степанов, А.А. Иванов. СПб., 2006. С. 339–368. Наиболее известные труды А.С. Вязигина: *Вязигин А.С. Григорий VII, его жизнь и общественная деятельность*. СПб., 1891; *Он же*. Распадение преобразовательной партии при папе Александре II. Харьков, 1897; *Он же*. Экономические воззрения Фомы Аквинского. СПб., 1899; *Он же*. Идеалы Божьего царства и монархия Карла Великого. СПб., 1912; *Он же*. Манифест созидательного национализма. М., 2008.
- ² НИОР РГБ. Ф. 263. К. 30. Ед. хр. 2. Л. 1.
- ³ Памяти Александра Николаевича Савина. 1873–1923: Сборник статей. М., 1926 (Труды Института истории; Вып. 1). Статьи Д.М. Петрушевского и учеников – В.М. Лавровского, Е.А. Косминского и С.Д. Сказкина, Н.М. Дружинина.
- ⁴ *Егоров Д., Кареев Н.* Памяти А.Н. Савина // *Анналы*. 1923. № 3. С. 220–227; *Готье Ю.В.* Александр Николаевич Савин: (Студенческие воспоминания) // *Голос минувшего*. 1923. № 2. С. 183–187.
- ⁵ *Покровский М.Н.* Профессор А.Н. Савин // *Тр. Института красной профессуры за 1921–1922 гг.* М., 1923.
- ⁶ *Косминский Е.А.* Исследования А.Н. Савина по истории Англии // *Памяти Александра Николаевича Савина ...* С. 41.
- ⁷ См., например: *Косминский Е.А.* Изучение истории западного средневековья: (Работы русских дореволюционных и советских историков) // *Вестн. АН СССР*. 1945. № 10–11. Перездано: *Косминский Е.А.* Проблемы английского феодализма и историографии средних веков: Сборник статей. М., 1963.
- ⁸ Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1а. Д. 36; *Сказкин С.Д.* Александр Николаевич Савин // *Исторический журнал*. 1944. № 7–8. С. 39–42.
- ⁹ См. *Шарова А.В.* Историк средневековой Англии в советской России: компромиссы академика Е.А. Косминского // *Одиссей: Человек в истории*. 2003. С. 285–286.
- ¹⁰ *Балалаева Н.М.* Проблемы аграрной истории Англии XVI в. и их освещение в трудах А.Н. Савина: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / МГПИ им. Ленина. М., 1952.
- ¹¹ См.: *Глебов А.Г.* Некоторые методологические аспекты работ А.Н. Савина по аграрной истории Англии // *Вопросы отечественной и всеобщей истории в трудах русских историков XIX – начала XX века*. Воронеж, 1983. С. 85–94; *Могильницкий Б.Г.* К вопросу о методологических основах взглядов А.Н. Савина // *Средние века*. М., 1959. Вып. 16. С. 102–124; *Нарзикулов И.* Английский манор XVI–XVII вв. в трудах А.Н. Савина и современное состояние проблемы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Киев. гос. университет. Киев, 1967; *Виноградова М.В.* Кто такие “последние вилланы” в Англии XVI в.? // *Средние века*. М., 2001. Вып. 62. С. 84–95.
- ¹² *Косминский Е.А.* Исследования А.Н. Савина по истории Англии // *Памяти Александра Николаевича Савина ...* С. 41.
- ¹³ См.: *Далин В.М.* А.Н. Савин: “Nil admirari”: (Дневник историка) // *Исторические этюды о Французской революции: Памяти В.М. Далина*. М., 1998. С. 31–69; *Шарова А.В.* Университетское сообщество и власть в начале XX века: (По материалам дневниковых записей А.Н. Савина) // *Вестн. РГГУ. Сер. “Исторические науки. Всеобщая история”*. М., 2010. № 18 (61). С. 270–287. В.М. Далин говорил о том, что существовали две машинописные копии дневников А.Н. Савина, которые он вел с 1908 по 1917 г., у С.Д. Сказкина и В.М. Лавровского. Однако есть еще третья – в фонде Е.А. Косминского. Всего –

687 страниц машинописного текста. См. Архив РАН. Ф. 1514. Оп. 2. Д. 103а. Заголовок дела “А.Н. Савин. Университетские дела. Дневник 1908–1912”. Документ представляет собой машинописную копию с дарственной надписью “Глубокоуважаемому и дорогому Евгению Алексеевичу Косминскому от любящих его Е. Гнесиной, В.М. Лавровского, С.Д. Сказкина 25 марта 1957 г.”. Е.А. Косминский, в фонде которого хранится эта копия, добавил к дневнику стихотворения университетского товарища А.П. Рудакова 1908–1909 гг.

Часть дневниковых записей ученого (с 12 января 1914 г. по 4 сентября 1917 г.) была опубликована В.Ф. Молчановым по материалам, хранящимся в фонде А.Н. Савина в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки (См.: *А.Н. Савин. Дневниковые записи 1914–1917 гг.* / публ. и примеч. В.Ф. Молчанова // *Зап. отдела рукописей / Рос. гос. б-ка; отв. ред. вып. В.И. Лосев, А.П. Вихрян. М., 2004. Вып. 52. С. 179–257*).

Автор выражает искреннюю благодарность сотрудникам НИОР РГБ за возможность ознакомиться с этим материалом.

При ссылке на текст неопубликованных частей дневников А.Н. Савина я ссылаюсь на дату, под которой сделана запись, а не на лист документа.

¹⁴ В архивных документах нередко фамилия пишется как Саввин.

¹⁵ См.: Аттестат Николая Савина // ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 64. Д. 366. С. 10–11 об.

¹⁶ *Егоров Д.Н.* А.Н. Савин // *Анналы. 1923. № 3. С. 220.*

¹⁷ *Готье Ю.В.* Указ. соч. С. 183–184.

¹⁸ *Шлиппе Ф.А.* Автобиографические записки. 1914–1946 // *Российский архив: История отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М., Вып. 17. 2008. С. 39.*

¹⁹ В тексте источника, скорее всего, опечатка, так как значатся “братья Савинковы” и дана сноска на Б.В. Савинкова, который учился в Варшаве, а потом в Санкт-Петербурге, и к калужскому землячеству никакого отношения не имел. *Шлиппе Ф.А.* Указ. соч. С. 40. Автор выражает искреннюю благодарность директору “Мемориального музея-квартиры имени Елены Фабиановны Гнесиной” (НММКЕЛФГ) – В.В. Тропцу за информацию об этом источнике.

²⁰ В фонде ученого сохранились достаточно подробные записи этих дискуссий, которые делал А.Н. Савин с его нередко весьма выразительными портретными зарисовками и характеристиками // НИОР РГБ. Ф. 465. К. 31. Ед. хр. 1.

²¹ НММКЕЛФГ. Инв. № 823.

²² НИОР РГБ. Ф. 465. К. 12. Ед. хр. 91. Л. 1–5 об.

²³ *Риттих М.* О наставнике и друге // *Елена Фабиановна Гнесина: Воспоминания современников. М., 2003. С. 23.*

²⁴ *Луначарский А.В.* Воспоминания из революционного прошлого // *Луначарский А.В. Силуэты. М., 1965. С. 437.*

²⁵ Цит. по: *Елена Фабиановна Гнесина... С. 24.*

²⁶ Там же. С. 302.

²⁷ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 64. Д. 366. Л. 43–43 об.

²⁸ *Елена Фабиановна Гнесина ... С. 23.*

²⁹ *Егоров Д.* Указ. соч. С. 223.

³⁰ *Елена Фабиановна Гнесина... С. 303.*

³¹ На сегодняшний день сохранились стихотворения историка за 1915–1922 гг., записанные в двух клеенчатых тетрадах. При этом большая часть из почти сотни произведений относится ко времени 1915–1917 гг. А.Н. Савин скрупулезно помечал, когда и где рождалось стихотворение, однако, создав текст,

- видимо, к нему не возвращался, так как следов доработки и исправлений в тетрадах практически не встречается. НММКЕЛФГ. Инв. № X-10(1–3). О поэтических произведениях А.Н. Савина см.: Шарова А.В. Историк и ... поэт: Революционная эпоха в прозе и поэзии Александра Николаевича Савина // Личность в переломную эпоху. М., (в печати)
- ³² О студенческих годах историка проникновенно написал Ю.В. Готье (см.: Готье Ю.В. Александр Николаевич Савин: (Студенческие воспоминания)...), о коллеге по университету – Д.Н. Егоров (см. Егоров Д.Н. А.Н. Савин // Анализы. 1923. № 3. С. 220–224). Об учителе с пиететом писали С.Д. Сказкин, Е.А. Косминский, В.М. Лавровский (см.: Памяти Александра Николаевича Савина. 1873–1923...). Об одном из учеников А.Н. Савина – С.В. Фрязинове см. Воробьева И.Г., Кузнецов А.А. Историк Запада в российском провинциальном вузе: Сергей Васильевич Фрязинов (1891–1971) // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2011. Вып. 36. С. 377–403.
- ³³ Готье Ю.В. Указ. соч. С. 184.
- ³⁴ Об особой роли семинаров как школообразующих практик см.: Свешников А.В. Петербургская школа медиевистов начала XX века: Попытка антропологического анализа научного сообщества. Омск, 2010. С. 228–242; о роли семинаров по всеобщей истории П.Г. Виноградова см. Антощенко А.В. Учитель и ученик: В.И. Герье и П.Г. Виноградов (к вопросу о московской исторической школе) // История идей и воспитание историй: Владимир Иванович Герье. М., 2008. С. 105–117.
- ³⁵ Готье Ю.В. Указ. соч. С. 185
- ³⁶ Савин А.Н. Английская деревня в эпоху Тюдоров. М., 1903. С. III–IV.
- ³⁷ Много лет спустя, один из участников этого научного кружка и близкий товарищ А.Н. Савина напишет о русском философе. См.: Котляревский С.А. Миросозерцание князя С.Н. Трубецкого // Вопросы философии и психологии. 1916. Кн. 131.
- ³⁸ НИОР РГБ. Ф. 263. К. 30. Ед. хр. 54/а-б. Л. 2.
- ³⁹ Иоганн Генрих Тюнен – немецкий экономист, чьи теоретические труды по экономике сельского хозяйства пользовались достаточной известностью, в частности, его теория дифференциальной ренты на основе трудовой стоимости. Некоторые положения своей теории он даже попытался воплотить на практике в своем хозяйстве. “Изолированное государство в его отношении к сельскому хозяйству и национальной экономике” И.Г. Тюнена частично было переведено на русский язык М. Волковым в 1857 г.
- ⁴⁰ Егоров Д.Н. Указ. соч. С. 221.
- ⁴¹ Кузнецов К.А. К характеристике исторической школы юристов. Одесса, 1914.
- ⁴² НИОР РГБ. Ф. 263. К. 7. 14 октября 1913 г.
- ⁴³ См.: Могильницкий Б.Г. Проблемы истории религии в трудах А.Н. Савина // Тр. Томского ун-та. Томск, 1963. Т. 165. С. 119–136.
- ⁴⁴ НИОР РГБ. Ф. 263. К. 7. 4 октября 1912 г.
- ⁴⁵ Там же. 2 сентября. 1908 г.
- ⁴⁶ См. об этом: Шарова А.В. Университетское сообщество и власть в начале XX века: (По материалам дневниковых записей А.Н. Савина) // Вестн. РГГУ. Сер. “Исторические науки. Всеобщая история”. М., 2010. № 18. С. 270–287.
- ⁴⁷ Подробнее об этом вопросе см.: Антощенко А.В. П.Г. Виноградов: долгое возвращение в alma mater // Мир историка: историографический сборник. Омск, 2009. Вып 5. С. 188–190.

- ⁴⁸ НИОР РГБ. Ф. 263. К. 7. Л. 1 (“Заметки о моих выборах”).
- ⁴⁹ Там же. Л. 3–4.
- ⁵⁰ Там же. Л. 5.
- ⁵¹ См.: *Томсинов В.А.* Сергей Андреевич Котляревский (1873–1939) // Российские правоведы XVIII–XX веков: Очерки жизни и творчества: В 2 т. М., 2007. Т. 2. С. 364–413.
- ⁵² НИОР РГБ. Ф. 263. К. 7. 8 февраля 1909 г.
- ⁵³ Там же. 1 сентября 1908 г.
- ⁵⁴ Там же. 25 ноября 1908 г.
- ⁵⁵ Там же. 15 декабря 1908 г.
- ⁵⁶ Именно так об историках отозвался декан факультета М.К. Любавский. (Там же. 22 марта – 5 апреля 1909 г.).
- ⁵⁷ Там же. 26 февраля 1909 г.
- ⁵⁸ Там же. 30 сентября 1908 г.
- ⁵⁹ Там же. 30 января 1910 г.
- ⁶⁰ Там же. 2/3 февраля 2 часа ночи 1911 г.
- ⁶¹ Там же. 4 февраля 1911 г.
- ⁶² Там же. Вечер 4-го февраля 1911 г.
- ⁶³ Там же. Вечер 5-го февраля 1911 г.
- ⁶⁴ Там же 6 февраля 1911 г.
- ⁶⁵ Там же 12 февраля 1911 г.
- ⁶⁶ Там же. 12 марта 1911 г., 17 ноября 1912 г.
- ⁶⁷ Там же. 29 августа 1913 г.
- ⁶⁸ Там же. 5 мая 1913 г. П.Н. Сакулин был одним из подавших в отставку в 1911 г. Что касается книги, то это, скорее всего его работа “Из истории русского идеализма: Кн. В.Ф. Одоевский. Мыслитель-писатель” (т. I, ч. 1 и 2. М., 1913).
- ⁶⁹ Там же. 7 марта 1911 г.
- ⁷⁰ Весь разговор А.Н. Савина с коллегой “оказался недоразумением”. Ученый записал в дневнике: “Виппер достиг поразительной и чистой резиньяции, с высоты или низости которой он и сохранит мимо несущийся поток явлений. Мы переходим к невинным темам, к коллоквиумам и учительским экзаменам и кончаем замечаниями об электрических лампах Осрам. Как грустно! О срам!” (Там же. 19 апреля 1911 г.)
- ⁷¹ Там же. 22 апреля 1911 г.
- ⁷² Там же. 26 марта 1911 г.
- ⁷³ Там же. 22 апреля, 30 апреля 1911 г.
- ⁷⁴ Оценка деятельности М.К. Любавского на посту ректора Московского университета весьма серьезно разнится не только в мемуарах современников, но и историков. См.: *Ермолаев Ю.Н.* Ректор Московского университета М.К. Любавский // Академик М.К. Любавский и Московский университет. М., 2005.
- ⁷⁵ НИОР РГБ. Ф.263.К.7. 30 апреля 1911 г.
- ⁷⁶ *Далин В.М.* А.Н. Савин ...С. 55; *Балалаева Н.М.* Проблемы... С. 7.
- ⁷⁷ *Савин А.Н.* Дневниковые записи... С. 194.
- ⁷⁸ НИОР РГБ. Ф. 263. К. 7. 30 апреля 1911 г.
- ⁷⁹ Там же. 20 мая, 22 мая 1911 г.
- ⁸⁰ Там же. 5 октября 1911 г.
- ⁸¹ Там же. 7 февраля 1912 г.
- ⁸² Там же. 2 марта 1912 г.
- ⁸³ Там же. 13 марта и 17 апреля 1912 г., 7 декабря 1913 г.

- ⁸⁴ Там же. 29 апреля 1912 г.
- ⁸⁵ Там же. 9 декабря 1912 г.
- ⁸⁶ Там же. 12 января 1913 г.
- ⁸⁷ Там же. 7 апреля, 9 марта 1913 г.
- ⁸⁸ Там же. 26 марта 1913 г.
- ⁸⁹ Там же. К. 31. Ед. хр. 7. Л. 1–1 об.
- ⁹⁰ Савин А.Н. Война империй и мир ислама: Публичная лекция. М., 1915.
- ⁹¹ См.: Россия и Англия: Речи, произнесенные на торжественном открытии Общества сближения с Англией в Москве, 22 мая 1915 г. / под ред. и с предисл. А.К. Дживелегова. М., 1915.
- ⁹² В мае 1917 г. историк записал в дневнике: «Я кажется становлюсь газетчиком. Сегодня был на редакционном совещании в “Русских Ведомостях» (НИОР РГБ. Ф. 263. К. 7. 10 мая 1917 г.)
- ⁹³ Савин А.Н. Проливы // Русские ведомости. 1917. 14 мая.
- ⁹⁴ Савин А.Н. Дневниковые записи ... С. 229–230.
- ⁹⁵ Савин А.Н. Дневниковые записи 1914–1917 гг / публ. и примеч. В.Ф. Молчанова // Зап. отдела рукописей / РГБ; М., 2004. Вып. 52. С. 234.
- ⁹⁶ Готье Ю.В. Мои заметки. М., 1997. С. 40.
- ⁹⁷ Богословский М.М. Дневники (1913–1919): Из собрания Государственного Исторического музея. М., 2011. С. 320.
- ⁹⁸ Там же. С. 323–325; 340–341. “Очень жаль Богословского”, – записывал в дневнике А.Н. Савин 12 марта 1917 г.
- ⁹⁹ НИОР РГБ. Ф. 263. К. 7. 16 апреля 1917 г.
- ¹⁰⁰ Там же. 22 апреля 1917 г.
- ¹⁰¹ Там же. 1 марта, 24–25 мая 1917 г.
- ¹⁰² Там же, 10 мая, 20 мая 1917 г.
- ¹⁰³ ЦИАМ. Ф.418. Оп. 95. Д. 811.
- ¹⁰⁴ А.Н. Савин. Дневниковые записи... С. 242.

Г. Альгази

ОТТО БРУННЕР – “КОНКРЕТНЫЙ ПОРЯДОК” И ЯЗЫК ВРЕМЕНИ*

ВВЕДЕНИЕ¹

6 июля 1937 г. Отто Бруннер выступил с докладом на XIX конгрессе германских историков в Эрфурте². Доклад Бруннера содержал ключевые тезисы его основного труда “Земля и господство” (“Land und Herrschaft”), вышедшего в 1939 г. В отличие от многих публикаций того времени, эта книга и по сей день пользуется большим успехом и признанием. Как известно, она была отредактирована автором для четвертого издания (1959): многие пассажи были сокращены, некоторые ссылки на ставшие одиозными публикации и авторов в примечаниях были удалены³. Но прежде всего были заменены все выражения, имевшие неприемлемые в новых условиях политические коннотации⁴. В такой форме книгу быстро канонизировали как образцовое произведение⁵. Так что Петер Бликле, например, мог написать в 1983 г., что книга Бруннера представляет собой “одно из самых важных произведений немецкоязычной исторической науки нашего века”⁶. Для Райнхарта Козеллека книга представляет собой “хороший пример” того, “что и политически обусловленные интересы в познании могут привести к теоретически и методически новым выводам, сохраняющим актуальность и после исчезновения породившей их ситуации”⁷.

Это чрезвычайно примечательно. Подобное суждение провоцирует вопрос о том, как происходит такой процесс превращения из “политически обусловленных интересов в познании” в “теоретически и методически новые выводы”. Как, собственно, научно-историческое произведение способно избавиться от следов контекста своего происхождения? Каковы эти следы, оставленные на научном труде политическими условиями его создания? В какой плоскости их искать? Насколько легко можно устранить⁸?

* *Algazi G.* Otto Brunner – “Konkrete Ordnung” und Sprache der Zeit // *Geschichte als Legitimationswissenschaft, 1918–1945* / Hg. von P. Schöttler. Frankfurt a.M., 1997. S. 166–203. Статья публикуется с любезного разрешения автора и продолжает тему истории понятий, затронутую в 22-м выпуске “Одиссея”. Гади Альгази – профессор кафедры истории Тель-Авивского университета, главный редактор журнала “История и память” (“History and Memory”), член редколлегии журналов “Прошлое и настоящее” (“Past & Present”) и “Историческая антропология” (“Historische Anthropologie”).

Якобы имевшая место трансформация отдельно взятой книги обращает наше внимание на трансформационные процессы, которые участвуют в создании границ между политикой и исторической наукой. Как раз поэтому данная книга особенно подходит для того, чтобы задаться вопросом об этих границах.

Изучение случая “Земли и господства” Бруннера интересно еще и потому, что эта книга – в отличие от других его работ – на первый взгляд обнаруживает совсем мало непосредственно политического: в ней почти не содержатся проявления расизма⁹, в ней вовсе нет антисемитизма¹⁰ и – насколько я могу видеть – там нет прямых высказываний в поддержку территориальных притязаний “Третьего Рейха”¹¹. Еще более важным в контексте дискуссии об исторической науке и политической легитимации является то обстоятельство, что в Средневековье Бруннер не усматривает ни “народной общности (Volksgemeinschaft)”, ни “сословного государства”¹².

Таким образом, в поле моего внимания не попадают ни эксплицитные политические утверждения практикующих историков, ни завуалированные намеки на “внешние обстоятельства” их научной деятельности в условиях национал-социализма. Все-му этому уже были посвящены важные труды¹³. Меня гораздо больше интересует то, как политический, социальный и культурный контексты участвуют в формировании “внутренней” продукции истории на уровне метода и фигур мышления. Исследовать это – значит не считать границу между наукой и политикой ни само собою разумеющейся, ни сакральной, ибо тогда, чтобы снять проблему политической обусловленности исторического исследования, хватило бы простого указания на существование этой границы. Но ее также нельзя и отрицать или недооценивать, иначе достаточно было бы определить политическую ориентацию историков, чтобы сформировать адекватное суждение об их работе. Напротив, интересны именно устанавливающие такую границу *трансформационные механизмы*, которые могут превращать политические лозунги (Schlagworte) в научные понятия.

Если бы мы смогли показать, как создаются научно-исторические работы на уровне метода и фигур мышления, это имело бы интересные последствия. Тогда методически было бы не просто разделить “внешние временные обстоятельства” и “чисто научную ценность” работы¹⁴. Такого рода анализ “внутренней” про-

дукции историографии имел бы и другие последствия для науки, помимо эксплицитных политических оценок. Политические позиции все-таки можно четко распознать и принципиально изолировать. Если же “внешние” по отношению к науке интерпретационные модели и свойственные культуре образцы мировосприятия трансформируются в процедуры и фигуры мышления, присущие дисциплине, то они, по всей видимости, получают новый образ. В этом новом образе, частично избавленные от своего политического содержания и освобожденные от первоначального исторического контекста, они будут, пожалуй, сохраняться и после глубоких политических перемен на таком уровне, где смогут обрести жизнь гораздо более долгую и беспрепятственную.

Я полагаю, что именно этот случай демонстрирует книга Отто Бруннера “Земля и господство”. Далее я попытаюсь выявить в общих чертах, в чем эта книга испытала влияние своей эпохи. Здесь можно выделить три аспекта: во-первых, это тематика и основные тезисы; во-вторых – фигуры мышления и [аналитические] процедуры; в-третьих, это влияние на языковом уровне и в особенностях словоупотребления в историографическом дискурсе.

НАСИЛИЕ И ГОСУДАРСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО (VERFASSUNG)

Первая часть книги Бруннера посвящена [феодальной] междоусобице. Если многие историки еще считали усобицу явлением распада, то Бруннер помещает ее в центр своего изображения государственного устройства в позднее Средневековье. Она особенно хорошо подходит для наглядной демонстрации ограниченности “позитивистской” историографии. Согласно Бруннеру, усобица представляет собой не реликт, а напротив, является основным моментом позднесредневекового государственного устройства “земли (Land)”, понимаемой как объединение господ, способных вести войну; это не преступление, а облеченное в определенную форму и легитимное средство разрешения спора.

Похоже, в данном случае национал-социалистическая реабилитация насилия как политического средства сделала возможным переосмысление его роли в Средневековье, в отдаленном историческом контексте, который стал восприниматься как близкий¹⁵. Этой точкой зрения Бруннер явно обязан Карлу Шмитту¹⁶. Когда он описывает ритуализованные бои знатных господ, разнообразно-

сти формализованного разрушения, эти описания принадлежат к числу наиболее ярких страниц его книги.

Картина военных столкновений между господами, которые были способны отстоять свое право на насилие вопреки притязаниям центральной власти, перекрывается, однако, другой картиной. В соответствии с нею, в средневековом мире “всякое применение силы, всякая битва есть борьба за мир и право” и “сила (Macht) все же повсюду основывается на праве”¹⁷, праве, которое возвышается над действующими лицами¹⁸ и в то же время внутренне присуще им как “ощущение права” (Rechtsempfinden)¹⁹. Если политическая власть являет себя раздробленной, то германское право, разделяемое “людьми того времени”, царит над всем²⁰. Речь, по Бруннеру, идет о правовом сознании, для которого,

«право и справедливость, право и закон, в конце концов, суть одно и то же; для которого всякий “закон”, всякий порядок, установление, заповедь действует только в рамках “права”, т.е. того свойственного народу восприятия, которое *не может и не хочет* разделять идеальное и позитивное право, поскольку право – есть народное право, “убежденность всех в целом в том, что следует считать правильным, подобающим, убежденность каждого в отдельности, из глубины души которого оно прорывается с ничем не сдерживаемой силой”²¹. Но людям того времени их убежденность в том, что следует считать правильным, подобающим, представляется неизменной, вечной, как *ēwa*, и все “позитивное” право воспринимается как часть этого непрерывного порядка, так что расхождение между правом и справедливостью совершенно не может проявиться. Поэтому Генрих Миттайс и назвал средневековое право “правом, основанным на убежденности (Überzeugungsrecht)”»²².

То, что Бруннер цитирует здесь Миттайса в высшей степени дезориентирующим образом, не должно далее нас занимать²³. То, что основные характеристики этой картины средневекового права восходят к Фритцу Керну, давно известно. Спросить же следовало бы о том, какую роль эта своеобразная смесь реализма и благолепия играет в изображении Бруннера²⁴. Если в позднее Средневековье право – это одна из основных сфер, в которых разворачивались социальные конфликты, то каким образом отсюда следует, что “расхождение между правом и справедливостью совершенно не может проявиться”? Является ли мир, в котором право якобы есть “народное право” и люди *не могут и не хотят* разделять “идеальное и позитивное право”, тем же самым, нарисованным Бруннером, миром, который существует под

знаком “грабежа и пожара”, усабицы между господами и повсеместного насилия?²⁵

Таким образом, Бруннер показал центральное место насилия господ в позднее Средневековье и вступил в полемику с позитивистской теорией права, которая усматривала в этом явлении лишь противоречащий норме взрыв насилия. Но вскрывая одно, он тем самым вновь затушевывал нечто другое, что могло там обнаружиться, а именно – гетерогенность позднесредневековых правовых воззрений и роль насилия господ в процессе воспроизводства позднесредневековых структур власти²⁶.

И от других историков его времени не укрылось то обстоятельство, что аристократия рассматривала свои усабицы как легитимные. Позиция Бруннера отличается лишь тем, что он представил это свойственное только знати воззрение как всеобщее. Данный взгляд вытекает уже из самой постановки вопроса о “сознании того времени”²⁷ и презумпции Бруннера, что “народу” можно приписать недифференцированное, разделяемое всеми “ощущение права”. Уже в 1929 г. Бруннер посвятил феодальной усабице большую статью. Если сравнить этот ранний текст с книгой, вышедшей 10 лет спустя, бросается в глаза, что в ней исчезла социальная привязка этого взгляда. То, что в статье еще является специфической точкой зрения знатных господ²⁸, в книге выдается за основополагающий элемент средневекового “государственного устройства”²⁹.

Бруннер отказывается учитывать то обстоятельство (причем отказывается именно в тот момент, когда, казалось бы, открывает его для себя), что в Средние века словоупотребление перспективировано, т.е. ориентировано на разные социальные перспективы, что существует множество правовых точек зрения, порою противоречащих друг другу, которые свойственны по-разному позиционированным группам. Расставание с “государственнической” или “позитивистской” концепцией средневекового общества не ведет у него к радикальному признанию множественности социальных перспектив; более того, они растворяются в размытом “сознании того времени” и, как я хотел бы показать ниже, в его “основных понятиях”.

В этой книге в тесном переплетении насилие (*Gewaltsamkeit*) средневековых господ и раскрывается, и мистифицируется; о насилии открыто говорится, но одновременно оно маскируется как право. Оправдать это можно, как представляется, только поправкой на реабилитацию насилия как политического средства в

национал-социализме. Распознать тут обращение к социальной истории вряд ли получится. Скорее, тезис о легитимности уособицы воспроизводит ту же самую, предвзято правоведческую, точку зрения его противников, юристов-позитивистов, только с обратным знаком, и отвлекает внимание от роли уособицы как социальной практики³⁰. Но строго историко-правовое изображение позволяет, по меньшей мере, четко выявить границы такого метода рассмотрения³¹. У Бруннера же, когда он маскирует насилие, выдавая его за право, дело обстоит иначе: насилие интерпретируется здесь в рамках расплывчатого понятия государственного устройства (*Verfassung*), смысл которого может колебаться, в зависимости от контекста и потребности, между “институциональными рамками”, “фактическим распределением власти” и “неписаной нормативной фундаментальной структурой” общества³², так что реальность власти всегда может закрадываться в то, что выдается за описание нормативной структуры.

“КОНКРЕТНЫЙ ПОРЯДОК” ДЛЯ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

То обстоятельство, что аналитическое различие между фактическим распределением власти и нормативными структурами у Бруннера размыто, подводит к важнейшему вопросу о контексте его работы. Возможно, потому, что Бруннера всегда рассматривали в традиции немецкоязычной историографии, основополагающая роль национал-социалистической юриспруденции в его книге осталась нераспознанной. Речь здесь идет не о простых “политических лозунгах”, которые столь же легко можно добавить, как потом снова убрать из текста³³, а о том, как Бруннер перенимает фигуры мышления, процедуры, способы аргументации, которые пронизывают всю его книгу.

Под ними я имею в виду прежде всего разработанное Карлом Шмиттом и его сподвижниками “мышление в категориях конкретного порядка (*konkrete Ordnungsdenken*)”³⁴. Социальные образования или сферы жизни, такие как семья, род, сословие, профессиональное сообщество, чиновничество или войско, считались “конкретными порядками” – причем понятие это не имело единого и однозначного смысла³⁵ – и располагали “собственным внутренним порядком и важными в правовом отношении субстанцией и структурой”³⁶. Введение “мышления в категориях конкретного порядка” подразумевало нечто большее, нежели придание “фактическому” [положению дел] статуса нормы³⁷.

Это был трюк национал-социалистических правоведов, с помощью которого утверждалась нормативность действий без необходимости подчинять их четко формулируемым правовым нормам. Нацистской власти, для которой правовая регламентация и соблюдение норм являли собой только препятствия³⁸ и которая в то же время стремилась сохранить некую видимость права, это было весьма кстати. Право было заменено на якобы фактически предзаданные условия жизни³⁹, из которых, в свою очередь, выводились нормы, соответствовавшие национал-социалистическому мировоззрению⁴⁰, – а чаще просто сиюминутным потребностям властей. Поэтому “конкретными” эти “порядки” ни в коем случае не были: слова-заклинания “конкретный” или “живой” были призваны служить исключительно тому, чтобы разрушить или выхолостить абстрактную норму. Расплывчатый образ “конкретного порядка” состоял, скорее, из эвокативных идеалов и подогнанных под них поведенческих максим (“верность”), которые, однако, нельзя было формулировать систематически и эксплицитно, дабы они не были истолкованы как границы осуществления власти⁴¹.

Перенесение “мышления в категориях конкретного порядка” на Средневековье было подготовлено уже в работах Карла Шмитта и его сторонников. В 1934 г. Шмитт в своей программной работе о трех видах юридического мышления (“Über drei Arten des Rechtswissenschaftlichen Denkens”) утверждал, что “германское мышление Средневековья” является “в высшей степени конкретным мышлением в категориях порядка”⁴². Третий Рейх, пояснял в 1935 г. и Курт Эмиг, “подобно немецкому государству Средневековья, строится на естественных порядках”, и добавлял: «германское правовое мышление Средневековья было поэтому “конкретным правовым мышлением”»⁴³. Книгу “Земля и господство” Бруннера можно считать наиболее влиятельной попыткой ввести “мышление в категориях конкретного порядка” в обиход исторической науки. Действительно, ее первое издание было сплошь заполнено “конкретными порядками”⁴⁴. В своем докладе на эрфуртском конгрессе историков Бруннер выдвинул программное требование “описывать исторические структуры Средневековья как конкретные порядки”⁴⁵, а в заключительной главе “Земли и господства” он с особой настойчивостью повторял: “Мы снова и снова указывали на то, что совокупность обсуждаемых нами структур мы описывали как конкретные порядки”⁴⁶. В соответствии с этим даже право отдельных земель (Landrecht) является

“конкретным порядком”⁴⁷ и, что еще важнее, господство следует понимать как “конкретный порядок”. Центральную роль “мышления в категориях конкретного порядка” в книге Бруннера отчетливо показал Генрих Миттайс в своей рецензии на нее в “Historische Zeitschrift” в 1941 г.:

«Мы обратились к мышлению в категориях “конкретных”, т.е. выведенных индуктивно, взятых прямо из жизненного закона сообщества порядков, к выявлению внутри целого необходимой соотношенности всех содержаний. Историком неизвестны такие порядки; они содержатся уже в “правовых округах” Средневековья. Нынешняя теория права исходит из конкретных понятий авторитета, ответственности, долга политической верности так же, как и вообще современное государство, которое, подобно немецкому государству прежнего времени, снова в большей степени ориентировано на личные связи, нежели на абстрактно-объективные, институциональные»⁴⁸.

Впрочем, мне кажется важным не задерживаться на констатации внешних влияний, а задаться вопросом о том, как перенятые Бруннером фигуры мышления и методы функционируют в его научно-историческом труде. Какой эффект они производят, если их поместить в историческую конструкцию?

Прежде всего использование “мышления в категориях конкретного порядка” усугубляет уже имеющуюся двойственность традиционной истории государственного устройства (Verfassungsgeschichte). Так, господство как “конкретный порядок” повторно описывается как нормативное образование, а если возникают противоречия, то в картину по умолчанию опять вводятся социальные категории: общественное разделение власти и свободные пространства для действий (Handlungsspielräume). Для книги Бруннера характерна постоянная смена места действия⁴⁹. Так “конкретный порядок” делает возможной именно ту особенную смесь реализма и благолепия в изложении, на которую указывалось выше⁵⁰.

Еще более важным представляется то, что все крупные социальные категории, будь это классы или сословия, у Бруннера заменяются на “конкретные порядки”⁵¹. Его картина “внутреннего строения” позднего Средневековья состоит именно из многих “конкретных порядков”, а в остальном – только из “земли” и “народа”. Анахронистическую систематизацию правоведов-позитивистов, которая изображала средневековое государственное устройство по аналогии с организацией современных государств, он заменяет другой, которая знает только господство в рамках домовладения, поместья, города или земли (Land) и сулит обой-

тись без сословий и классов, но также и без экономики, религии и культуры. В основе ее лежит своеобразное представление об обществе, которому не ведомы структурные различия, а только повторение больших и малых, но по сути всегда однородных, образований. В этом контексте и нужно понимать попытку Бруннера определить, какова была “сущность” средневекового “господства как такового”⁵².

“Избирательное сродство” между книгой Бруннера “Земля и господство” и национал-социалистической юриспруденцией его времени не ограничивается применением одинаковых фигур мышления; также и сопутствующий им метод аргументации обнаруживает четкие параллели. Бернд Рютерс описывает, как сторонники “мышления в категориях конкретного порядка” часто определяли “сущность” того или иного “порядка”, чтобы из этой “сущности” выводить потом отдельные нормы:

«Когда Шмитт хочет вывести нормативные следствия из определенного конкретного порядка, он пользуется аргументами, апеллирующими к “сущности” соответствующей сферы жизни. [...] Подобным же образом строили свою аргументацию и другие последователи мышления в категориях конкретного порядка. Зиберт, например, обращается к “сущности” труда или трудового коллектива, когда хочет подвести основания под новую правовую регламентацию трудовых отношений. [...] Своеобразие мышления в категориях конкретного порядка состоит, как считается, в осознании “сущности вещей” и их “целостной смысловой взаимосвязи”. Из “сущности” отдельных конкретных порядков должны выводиться нормативные, обязательные образцы, в которых воплощается “соответствующее сущности” поведение людей, – например, “добропорядочный крестьянин”, “храбрый солдат”, “сознающий свой долг чиновник” и т.д.»⁵³

Таким же образом действует и Бруннер, когда вновь и вновь сводит системы социальных отношений к тому, что якобы составляет их “сущность”, чтобы сделать из этого свои безапелляционные выводы:

«Проводя различия между сферой управления и судебной практикой [т.е. между различными правами господ. – Г.А.], следует исходить из того, что в этом мире [в Средние века] всякое действие [господ] является действием правовым, между прочим и те установления и меры, которые проистекают “из милости” господина. *Ведь сущность отношений преданности и верности такова*, что они остаются в границах “приемлемого с правовой и нравственной точки зрения (Г. Миттайс)”⁵⁴.

Пресловутая “сущность” господства, как выясняется, – это та самая норма, которая, по предположению Миттайса, царила в отношениях между феодалами и вассалами. Эту сконструированную историком норму Бруннер сгущает до “сущности” отношений, превращающей всю практику господства в “правовые действия”. Отвергаемая Бруннером в других случаях история права признает хотя бы, что бывает нарушение правовой нормы, тогда как его “сущность отношений преданности и верности” никаких нарушений не предполагает⁵⁵.

Перенесение “конкретных порядков” как фигуры мышления из теории права в историю государственного устройства превращает порою историка в законодателя задним числом, чьи заявления обладают непонятым статусом. Когда, например, утверждается, что отношение суверена с подданной знатью (Landschaft) определяется “верностью и преданностью, советом и помощью” – идет ли речь о констатации факта или о нормативном предписании?⁵⁶ Точно так же, когда утверждается, что “сущность” дома и господства состоит “в верности и преданности, в защите и покровительстве, в совете и помощи”⁵⁷ и что в отношениях поземельного господства “идеи защиты, преданности, верности и помощи” стоят “в центре”⁵⁸.

Бруннер сводит общество к образованиям, которые кажутся конкретными, локальными и осязаемыми, однако они нигде точно не локализируются; их “сущность” составляют столь дорогие ему “основные понятия”. И если несмотря на все это впоследствии данный вид “истории народа” (Volksgeschichte) и “мышления в категориях конкретного порядка” удалось, как считается, превратить в “историю структур”, то это нужно рассматривать как настоящее чудо⁵⁹.

С другой стороны, если кто-то надеется, что, перенеяв подход Бруннера и его якобы “восходящие к источникам понятия”, сможет приблизиться к действующим лицам истории и сумеет лучше реконструировать их голоса и опыт, то он заблуждается⁶⁰. Ибо здесь говорят “конкретные порядки”, т.е. образования, которые, если их спросит историк со способностью к чревоуещанию, на удивление ясным голосом будут повторять все время одно и то же: “Верность и преданность, защита и покровительство, совет и помощь”⁶¹.

ИСТОРИЯ ПОНЯТИЙ И “ЯЗЫК ВРЕМЕНИ”

Если общество может заменяться на “конкретные порядки”, если вместо структуры и взаимозависимости гетерогенных социальных конфигураций его образ составляет повторение однородных потестарных образований, то “основные понятия” должны играть, без преувеличения, центральную роль. В качестве композиционных элементов текста Бруннера они придают изображаемой им картине связность, поскольку постоянно повторяются; в качестве “основных понятий”, которые якобы регулярно встречаются во всех изучаемых институтах⁶², они внушают мысль о параллельности различных “порядков” и тем самым подтверждают презумпцию об общей “сущности” господства. Если эти “порядки” не находятся в органической взаимозависимости, их, таким образом, можно объявить параллельными “формами народного порядка”⁶³. Когда Бруннер указывает на “континуитет расы, языка”, причем последний изображается им как “одновременно и континуитет форм мышления”⁶⁴, становится очевидным, что исторические “основные понятия” у него должны свидетельствовать также и о континуитете “народно-национальной субстанции” (*völkische Substanz*) во все времена⁶⁵. Ведь, в конце концов, в книге для него главное “не отдельные учреждения и правовые институты”, а “основные идеи, определяющие немецкий народ и его народный порядок”⁶⁶. Даже если при желании расценивать ее заключительную фразу, в которой говорится, что “основные политические понятия Третьего Рейха” можно понять “в конечном счете лишь исходя из германских основ”, как признание лицемерное, только на словах, – все равно роль “основных понятий” для всей книги Бруннера остается основополагающей.

Таким образом, эти “основные понятия”, “звучащие просто и неброско”, но при этом, как утверждается, “взятые из языка источников”, придают книге Бруннера структурную связность текста, когезию, тогда как когерентность, т.е. целостность, смысловое единство, – едва ли. Причина в том, что их регулярная повторяемость – кажущаяся: повторяются слова, но не понятия. В другом месте я уже попытался подробно показать, что речь идет о только кажущемся единстве понятий, поскольку своим значением слова в каждом отдельном случае обязаны исключительно социальному контексту, соответствующей игре языка, в условиях которой они используются⁶⁷. То, что на деле означает, например, слово *Schirm* (“покровительство”) в социальной конфигурации, которая характеризуется угнетением и принуждением, имеет мало об-

щего с тем, что это слово значит на другом уровне социальной структуры. “Покровительство” может означать и “активную защиту”, иногда – патронаж, и “отказ от действия с позиций силы” или просто только “господство”. Во всех этих значениях данное слово употребляется не только в современных источниках, но и в книге Бруннера, причем не говорится ясно, что именно оно обозначает в том или ином контексте. Вследствие смешения различных значений (что в то же время означает смешение социальных контекстов и вариантов игры языка, которые заменяются на “народ” и “конкретный порядок”), словоупотребление теряет как свою социальную гетерогенность, так и основополагающее для него качество – перспективированность, зависимость от того, кто и с какой позиции употребляет те или иные слова. Это приводит к в высшей степени сомнительным интерпретациям источников⁶⁸, так что говорить о простом “существовании научной точности и партийной истории”⁶⁹ ни в коем случае нельзя.

Апеллирующая к историзму полемика Бруннера с альтернативными историографическими традициями, от представителей которых укрылась вся историческая обусловленность их взглядов, уводит внимание от *социальной* обусловленности как его собственного взгляда, так и взглядов действующих лиц истории. Такое может произойти только потому, что эти действующие лица заменяются на “народ”, а отвергнутое Бруннером понятие “общество” – на “народный порядок”.

Даже при том, что впоследствии Бруннер перестал открыто признавать себя сторонником понятия “народ”, его книга остается образцом историописания, которое оперирует неперспективированным, лишенным социально локализованного носителя понятием “язык времени”, затушевывающим гетерогенность словоупотребления. Подобный исторический анализ отказывается тем самым от важного аспекта исторической динамики. Игра многозначностей типична для повседневного языка и может производить идеологический эффект. Но использование таких многозначностей в социальных конфликтах не становится у Бруннера предметом исторического анализа, а пронизывает у него язык самого научно-исторического описания. Если язык исторического анализа и мнимый “язык времени” взаимно переходят друг в друга, то к затушеванной социальной локализованности словоупотребления людей прошлого добавляется затушеванная социальная локализованность словоупотребления практикующего историка. Введение в историографический дискурс засвидетель-

ствованных источниками слов с переменчивыми, ситуативно обусловленными значениями, разжижает содержание научных исторических понятий и делает характерную для книги Бруннера постоянную смену точек зрения почти неуловимой. Это подобно игре с зеркалом: взгляд наблюдателя, полностью лишенный социальной локализации, встречается с самим собой в образе понятий – якобы свойственных времени, соответствующих источникам и столь же не локализованных социально.

РЕВИЗИЯ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ПОНЯТИЙ

Но этим роль мнимого “языка времени” в нарисованной Бруннером картине Средневековья еще не исчерпывается. Ведь дело здесь не просто в недопустимом употреблении сомнительных этимологий с тем, чтобы задним числом наполнить язык Средневековья более глубокими, якобы архаическими, значениями; даже если некоторые из этих этимологий не были признаны ошибочными в ходе последующих исследований, современники, вероятно, вряд ли их осознавали⁷⁰. Доступа к их видению социальных отношений этимологии не открывают. Тогда какую же роль они играют в “Земле и господстве”?

На самом деле для Бруннера речь идет о гораздо большем, а именно, о введении нового дискурса. Как он пишет в заключительном разделе, книга должна была наглядно продемонстрировать, как оправдали себя на практике “разработанные в ней понятия”, а “унаследованный от XIX столетия понятийный аппарат” должен “быть разрушен”⁷¹. Господство и земля, защита и покровительство, верность и помощь – эти понятия Бруннер преподносит как главный результат своего труда⁷². Активное внедрение “понятий” подобного рода в язык историописания является результатом не анализа источников, а презумпций относительно “сущности” господства – это подтверждается многими местами текста, где Бруннер рекомендует историкам применение определенных выражений:

«Господин предстает как попечитель, фогт, опекун – все это понятия, которые должны вызывать наш пристальный интерес. Но лучше всего, если мы скажем, что господин *waltet* [владевает, правит] в доме. Здесь мы уже констатируем, что из этого слова “*walten*” можно вывести как *Gewalt* [насилие], так и *Verwaltung* [управление]. То, что направленное вовнутрь проявляется как управление (*Verwaltung*), во вне – означает защиту и покровительство (*Schutz und Schirm*) при угрозе насилия (*Gewalt*) со стороны других»⁷³.

Если “насилие (Gewalt)” и “управление (Verwaltung)” – в реальности, в норме или, возможно, только в языке – выводятся из слова “walten”, то идеологический круг замыкается. Этот повторяющийся основополагающий историографический прием можно описать следующим образом: социальные отношения сводятся к “конкретным порядкам”, которым, в свою очередь, всякий раз приписывается некая “сущность”, а она со своей стороны привязывается к остающимся на удивление константными “основным понятиям”; из этих “основных понятий” в итоге можно “вывести” права и полномочия. Здесь открывается сфера магии слова. Таким способом можно добиться эффекта легитимности без какого-либо для нее основания. Достаточно сослаться на “язык времени” и специфический метод историка. Есть ли фактические подтверждения существованию этого метода в Средневековье, даст ли он результат при исследовании сложных вопросов легитимности в позднесредневековом обществе, – мне представляется в высшей степени сомнительным; все это выглядит больше как ученый трюк современной историографии.

Смысл этого приема состоял в том, чтобы окольным путем – через интерпретацию прошлого – ввести и закрепить новый дискурс (институционально оформленную манеру говорить). Вспомним призыв Карла Шмитта “Мы переосмыслим правовые понятия”⁷⁴, который Бернд Рютерс интерпретирует так: “Обновление права посредством изменения понятий: унаследованным от прошлого правовым понятиям, которые мы рассматриваем как пустые словесные оболочки, мы придаем новое содержание, понимая их и заполняя в соответствии с национал-социалистическим мировоззрением”⁷⁵. В этот же ряд можно поставить и призыв Бруннера на эрфуртском конгрессе историков:

“Главное сегодня, – это *ревизия основных понятий*. Невыносимо состояние, когда понятия, порожденные мертвой действительностью, все еще определяют основные масштабы и вопросы для эпохи, чье внутреннее устройство было абсолютно иного рода. Это требование следует формулировать с максимальной радикальностью”⁷⁶.

Роль Бруннера в формировании специфически немецкого варианта исторической семантики следует осмысливать именно на этом фоне. Его подход, базирующийся на истории понятий, дал ему возможность ввести в метаязык исторического описания и анализа многозначные “понятия из источников”. Большой резонанс, в том числе и научный, таких двусмысленных понятий, как

“защита и покровительство”, был обусловлен, в числе прочего, и тем, какое политическое значение они получили в современном Бруннеру обществе⁷⁷. То, как этот историк использовал в своем изображении Средневековья якобы язык источников и тем самым осуществлял “имплицитное образование понятий”, вполне можно охарактеризовать словами М. Вебера (1922), видевшего в подобном подходе “половинчатое решение, при котором историк не может отказаться от оценочного суждения и одновременно пытается уклониться от ответственности за него”⁷⁸.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Здесь мне хотелось бы сделать две оговорки. Моя основная задача состояла отнюдь не в том, чтобы доказать, что отдельные термины “Земли и господства” порождены “языком времени”⁷⁹. Гораздо важнее было реконструировать *изнутри* функцию, которую они выполняли в этом главном труде Бруннера. Поэтому в первую очередь моя критика относилась не к самому факту заимствования им выражений, обремененных нацистскими политическими коннотациями, а к тому, как он их усваивал и применял в контексте историографической практики⁸⁰.

Речь, таким образом, идет о “рассмотрении изнутри” [позиции] медиевиста, а не о “внешней истории науки”, которая ставит своей задачей изучение роли научной практики в контексте господства национал-социализма. Такое рассмотрение историка “изнутри” может пролить свет на некоторые обстоятельства – например, на активное усвоение им в научной работе “обусловленных временем понятий”. Но многое при таком подходе остается вне поля зрения и упускается. Предпочтение, следовательно, стоило бы отдать такой истории науки, которая воздает должное обоим, комплементарным по отношению друг к другу, ракурсам рассмотрения и не исчерпывается поиском интеллектуальных предтеч или, наоборот, “охотой на ведьм” внутри специальности, но также и не довольствуется простым “внешним” упорядочиванием часто обманчивых программных заявлений⁸¹ и извлечением политических лозунгов из историографических работ.

Другая оговорка обусловлена тем, что в фокусе исследования оказалась работа одного единственного автора. Нужно основательнее изучать роль усвоения понятий и фигур мышления нацистского периода в исторической науке и роль возможного использования “внешних обстоятельств времени” в процессах

смены иерархии внутри цеха немецких историков, что, однако, выходит за рамки моей задачи и компетентности. В этом смысле результаты моего исследования еще нуждаются в более точной контекстуализации. Но чтобы обозначить место избранного здесь подхода и отчетливо показать вытекающие из него следствия, в заключение нужно сопоставить его с некоторыми расхожими способами интерпретации и методами исследования.

HISTOIRE TOTALE И ТОТАЛИТАРНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

В недавних попытках представить Бруннера как предтечу *histoire totale* затушевываются существенные различия между конкурирующими точками зрения на то, как понимать тотальность⁸². Недостаточно указать на факт сочетания различных дисциплин в традиции немецкой “истории земель (*Landesgeschichte*)”, чтобы доказать близость Бруннера и тогдашней “истории народа (*Volksgeschichte*)” к основателям “Анналов” Марку Блоку и Люсьену Февру⁸³. Ведь смысл *histoire totale* не в каком-то иллюзорном полном охвате действительности прошлого. Главное в ней – “тотальность” как взаимосоотнесенность различных *аспектов*⁸⁴. Однако именно эту множественность аспектов (*Aspektivität*) “мышление в категориях конкретных порядков” ликвидирует⁸⁵. Бруннер прямо заявляет, что “конкретные порядки” – это альтернатива попыткам его современников изучать историю с помощью социологического понятия “взаимозависимость”⁸⁶.

У национал-социалистического правового мышления Бруннер перенял и отказ от “разделяющего мышления (*Trennungsgedenken*)”⁸⁷, якобы господствовавшего с XIX в. При этом он, кажется, перестарался со своей критикой, отрицающей возможность различия между государством, обществом и экономикой в европейских обществах до эпохи Современности. По его мнению, не только разделение государства и общества было неведомо Средневековью: в “напряженных отношениях между государством и обществом, индивидом и объединением, бытием и долженствованием, природой и духом, правом и властью” Бруннер сумел усмотреть не что иное как простое “отражение внутренней расщепленности мира Нового времени”⁸⁸. Отрицание всех этих различий имеет мало общего с *histoire totale*, а напротив, представляет собой скорее вариант тоталитарной истории⁸⁹.

Если Бруннер, таким образом, отвергает как многоаспектность исторического исследования, так и обусловленность его

социальной локализацией, – то остается вопрос, каково же то “целое”, о котором он грезит? В чем состоит единство этого “целого”?

“Но ключевой пункт, из которого объединение людей видится как целое, – это его судьба, это политика, это вопрос о внутреннем порядке, который делает возможным дальнейшее существование объединения людей. Таким образом, всякая истинно историческая постановка вопроса носит историко-политический характер. [...] Этой нацеленной на внутренние связи всего объединения историко-политической точкой зрения определяется также и отношение историка к настоящему. Для него речь идет не об историческом генезисе отдельных явлений или сфер деятельности, а об историческом становлении собственно мира, *конкретных объединений (Verbände) народа и государства*, в которых он состоит. С этой позиции должен ставиться вопрос о значении исторических единств (Einheiten) прошлого для современности”⁹⁰.

Если еще не ясно, что подразумевается под этой “историко-политической точкой зрения”, Бруннер объясняет наглядно:

“История поселений – это, определенно, в значительной степени экономический процесс, но если ее рассматривать как целое, то она представляет собой расширение жизненного пространства народа, и в плане ее движущих сил ее можно понять только с общеисторической точки зрения”⁹¹.

Такое представление о целом лежит в основе всех работ Бруннера. Я не вижу, каким образом оно может привести к истории структур⁹². Если же несмотря ни на что Бруннера изображают провозвестником истории структур, то тут зачастую налицо смешение слова и понятия⁹³. При ближайшем рассмотрении метода работы Бруннера обнаруживается, что он отнюдь не говорит о “структуре” в том смысле, который можно привести в соответствие с употреблением этого понятия, например, в функционалистской социологии, структурной антропологии и т.д. Речь у него на самом деле идет о “конкретном порядке”, также иногда описываемом как “внутреннее строение объединения”. Ирония судьбы заключается в том, что смешение слова и понятия как основная характеристика метода Бруннера в “Земле и господстве” удваивается в истории этой книги и ее переработки и в конечном итоге еще раз повторяется в истории историографии⁹⁴.

ОТТО БРУННЕР И КАРЛ ШМИТТ:
ВЛИЯНИЕ И УСВОЕНИЕ

На влияние Карла Шмитта на Отто Бруннера в последнее время многократно указывалось. При этом остается невыясненным, каким образом Бруннер усваивал перенятые у Шмитта конструкции и какую роль они играют в его работе. Хотя Бруннер охотно воспроизводил у себя нападки Шмитта на позитивизм, в других случаях он, однако, остерегался перенимать сделанный Шмиттом анализ потестарных отношений.

Столько неприкрытой власти и откровенной борьбы за власть, как у Шмитта, в бруннеровском Средневековье не должно было быть. Ведь у него там над людьми царило германское право – представление, которое Шмитту явно всегда было совершенно чуждым. Отношение “друг/враг”, как пишет Бруннер, является “основополагающей категорией германской древности и Средневековья”. Однако он хочет показать, что это отношение “исходит от друга, а не от врага”⁹⁵. Когда, например, Карл Шмитт без прикрас изображает связь между “защитой и повиновением”, а “защиту” связывает с покровительством (Protektion) и протекторатом⁹⁶, становится хорошо видно, в чем Бруннер отклоняется от Шмитта. Хотя он перенимает общую конструкцию Шмитта, она плавает у него в сладеньком сиропе благих пожеланий: отношения между господином и подчиненными ему крестьянами он описывает как построенные на взаимности и аналогичные отношениям на других уровнях социальной организации. При этом он не учитывает ни разницу между объемами власти, которой обладали действующие лица, ни структуру отношений зависимости между ними⁹⁷. Шмитт же, напротив, недвусмысленно подчеркивает, что в каждом конкретном случае природу отношений между людьми определяет соотношение сил между ними, а не надуманная “сущность” господства, так что о “подлинной обоюдности и взаимности” можно говорить только применительно к отношениям между теми, кто более или менее равны друг другу по силе⁹⁸.

Таким образом, констатировать факт внешнего “влияния” Карла Шмитта на Бруннера недостаточно⁹⁹. Речь идет в большей степени об активном усвоении, в ходе которого многое из того, что Шмитт безжалостно называет своими именами, Бруннер отбрасывает, затуманивает и смешивает с представлениями, несовместимыми с представлениями самого Шмитта, например о германском “праве, основанном на убежденности”

(Überzeugungsrecht)¹⁰⁰. Благодаря этому возникает та своеобразная смесь реализма и благолепия, которая характерна для книги Бруннера. Своими важными выводами она обязана тому обстоятельству, что в некоторых случаях автор оказался способен отчетливо распознать центральную роль насилия и власти в позднее Средневековье, однако взгляд тут же снова затуманивается елейными описаниями предписанных установок и повторяющимся, как заклинание, упоминанием “конкретных порядков”.

ЛЕГИТИМИРУЮЩАЯ НАУКА?

Если доказать “избирательное сродство” главной книги Бруннера с фигурами мышления, способами рассмотрения, словоупотреблением, свойственными национал-социализму, это еще не даст точного определения ее функции. Разумеется, данный вид историографии придавал системе определенную респектабельность. Но шла ли при этом речь также и о легитимации? Это зависит от того, из какого понятия легитимации исходить. По большому счету, следовало бы задаться вопросом, насколько нацистам вообще важна была легитимация (в строгом смысле слова) их господства. Конечно, им важно было в тех или иных случаях оправдать отдельные шаги; но понятие легитимации подразумевает нечто гораздо большее. Система, вероятно, никогда не захотела бы заплатить ту цену, в которую обошлось бы ей создание всеохватной легитимационной базы. Поэтому всякая попытка описывать национал-социалистическую историографию под таким углом зрения должна начинаться с поиска ответа на встречный вопрос: нужна ли была нацистам на самом деле историческая наука? Не предпочли бы они ограничиться несколькими послушными писаками и хронистами? Разве не указывает именно на такое положение вещей неудача, постигшая Вальтера Франка, равно как и другие неудавшиеся попытки дать не ведающей меры системе господства скроенную по мерке философию или юриспруденцию? Поэтому гораздо более важным и имеющим роковые последствия представляется мне выхолащивание всякой легитимации “мышлением в категориях конкретного порядка” и ему подобными конструктами, в которое работа Бруннера тоже внесла свою лепту. Долговременным результатом такой историографии стало то, что общепринятыми сделались расплывчатое словоупотребление и связанный с ним взгляд на общество – нынешнее или прежнее, – который не может и не хочет отличать нормативное

от фактического, чем значительно облегчает признание фактических потестарных отношений¹⁰¹.

На вопрос о причинах неослабевающего резонанса, вызванного “Землей и господством”, и канонизации этой книги в послевоенное время, здесь невозможно дать убедительного ответа. Рассмотрение самого текста может способствовать этому тоже лишь в ограниченной мере. Я удовольствуюсь лишь несколькими замечаниями.

Результатом переноса Бруннером мнимого “языка источников” в метаязык исторического анализа стала многозначность понятий, усилившаяся за счет повторной переработки “Земли и господства”, и она весьма облегчила рецепцию этого его главного труда. Можно без конца всякий раз удивляться тому, что же читатели полагают найти в этой книге? Дело отчасти еще и в том, что точку зрения Бруннера легко можно спутать с точкой зрения источников, иными словами, трудно различить, когда он якобы передает содержание исторических текстов, а когда излагает собственный анализ социальных отношений прошлого.

Амбивалентность позиции Бруннера благоприятствовала позднейшим перетолкованиям его теории и таким образом способствовала ее канонизации. Уже в 1943 г. историк права Карл Зигфрид Бадер интерпретировал выводы Бруннера в том смысле, что в них был верно распознан договорный характер отношений между крестьянами и их господами¹⁰². Это привело к тому, что в послевоенный период распространилась фатальная смесь из тезисов Бруннера, сформулированных под знаком отказа от всякого формального юридического рассмотрения (пусть часто и остававшихся во власти именно этого подхода) и реанимированных построений истории права¹⁰³. Так концепция Бруннера, изображавшая уособицу как правомерный институт, отождествлявшая нормативное государственное устройство (*Verfassung*) с тем, в каком виде оно существовало в действительности (*Verfassungswirklichkeit*), и не разделявшая право и власть, приобрела более “цивилизованный” и “юридический” характер, причем Бруннер, насколько я могу судить, не протестовал против этого. Его попытка включить себя в “имплицитную генеалогию социальной истории в ФРГ”¹⁰⁴, сделала картину его прежних воззрений еще более размытой.

Созданный Бруннером образ Средневековья был воспринят не вопреки его якобы новаторскому характеру, а именно потому, что он так легко укладывался в существующие фигуры мышле-

ния и образы истории. Взять, например, образ темного, архаического Средневековья: достаточно было только убрать внешние признаки восхищения и забыть про желание возвратиться в это воображаемое Средневековье, чтобы сам этот образ в основных его чертах (пусть и с обратным знаком) принять. Древняя Европа Бруннера еще лучше вписывалась в то упрощенное противопоставление “модернизированного” и “традиционного” общества, от которого, почти без сомнений и проверок, отправлялись течения, доминировавшие в 50–60-е годы в социологии, истории и антропологии. Также и поэтому работа Бруннера сумела оказать стойкое воздействие на западногерманскую традицию истории понятий. Однако здесь мы не будем говорить об этом подробно.

Включение Отто Бруннера в галерею родоначальников социальной истории послевоенного времени – палка о двух концах: если представить его труд в свете устоявшейся, главенствующей традиции, это может способствовать его посмертной реабилитации. Вместе с тем, только тогда и будет замечена та длинная тень, которую отбрасывает его наследие на всю эту традицию.

История понятий, используемых в тексте “Земли и господства”, заставляет взглянуть на саму книгу с долей иронии. В основе ее переработки для четвертого издания (1959) лежит допущение, имеющее конститутивное значение для пропагандируемого и практикуемого в ней варианта истории понятий: значение приковано к каждому “понятию”, так что достаточно рассмотреть изолированно эти отдельные “понятия” и выяснить их “значение”, чтобы реконструировать определенное видение социального мира. Если следовать такой логике, данный метод годится и для переделки книги в послевоенное время: достаточно заменить обремененные нацистскими идеологическими коннотациями выражения другими, чтобы стереть в тексте следы “языка времени”. То, что при этом главные аргументы и структура книги, даже отдельные тезисы, как правило, остаются без изменений, стало быть, значения не имеет.

Однако данная операция ведет к неразрешимым апориям. Если считать ее успешной, смущает то, с какой легкостью удалось в кратчайшие сроки произвести замену одних “основных понятий” на другие: ведь если основные понятия столь легко можно изменить, многое ли они меняют на самом деле? Со своей стороны, Бруннер утверждал в предисловии к четвертому изданию “Земли и господства”, что “в основе своей характер книги остался без изменений”¹⁰⁵. Если это, в свою очередь, верно, то

встают принципиальные вопросы к пропагандируемому в книге методу, основанному на истории понятий. Как может сохраняться значение книги, если ее “основные понятия” заменены другими? Может быть, это значение формируется все же на ином уровне организации языка? История этой исторической книги, таким образом, принципиально ставит под сомнение некоторые из ее основных тезисов, и *mutatis mutandis* эта проблема касается всей западно-германской традиции “основных исторических понятий”, которая, как кажется, разделяет некоторые из основных допущений “Земли и господства”¹⁰⁶.

Перевод с немецкого М.А. Арнаутовой

¹ Автор выражает благодарность за критические указания участникам дискуссионной секции “История как легитимирующая наука?” конгресса историков в Лейпциге (1994) и на конференции “Исторический дискурс IV: Кризисное сознание и инновации, 1880–1945” в Центре междисциплинарных исследований в Билефельде (1996). Особенная благодарность за критику и конструктивные предложения – С. Бертрам, Д. Динеру, Д. Хеллер, Л. Кухенбуху, О.Г. Эксле и П. Шёттлеру; сердечная благодарность также Э.Бертрам за помощь в получении некоторых публикаций.

² *Brunner O. Politik und Wirtschaft in den deutschen Territorien des Mittelalters // Vergangenheit und Gegenwart. 1937. Bd. 27. S. 405–422* (особенно примеч. 2). На этом конгрессе Вальтер Франк попытался навязать цеху историков свою позицию (т.е. превратить этот конгресс, единственный за всю историю Третьего Рейха, в демонстрацию поддержки национал-социалистического режима – примеч. пер.). Именно в этом контексте Ховард Камински и Джеймс Ван Хорн Мелтон предложили рассмотреть доклад Бруннера; см. их “Предисловие” к переводу книги Бруннера: *Kaminsky H., Melton J.V.H. Translators' Introduction // Brunner O. “Land” and Lordship: Structures of Governance in Medieval Austria / Ed. and transl. H. Kaminsky, J.V.H. Melton. Philadelphia, 1992. P. XIII–LXI* (здесь с. XLVII, примеч. 10).

³ *Brunner O. Land und Herrschaft: Grundfragen der territorialen Verfassungsgeschichte Süddeutschlands im Mittelalter. Wien, 1939*. Переработанное четвертое издание вышло в 1959 г. и с тех пор издается без изменений, поэтому цитаты далее приводятся по пятому изданию: *Brunner O. Land und Herrschaft: Grundfragen der territorialen Verfassungsgeschichte Süddeutschlands im Mittelalter. 5. Aufl. Wien, 1965*.

⁴ В предисловии к четвертому изданию (1959) Бруннер пишет, что ему удалось “осуществить в некоторых местах сокращения и заменить устаревшую литературу указаниями на вышедшие в последнее время работы”; “в основе своей характер книги” все же “остался без изменений” (с. VII). Только в конце второй части он сделал в виде примечания добавление, что выражение “история структур” (*Strukturgeschichte*) представляется ему наиболее подходящим, “поскольку оно в наименьшей степени способно вызвать недоразумения”: “А они неизбежны при таких терминах, как история народного порядка (*Geschichte der Volksordnung*), социальная история (*Sozialgeschichte*), история

государственного устройства в широком смысле (Geschichte der Verfassung), прежде употреблявшихся также и мною”. (*Brunner O.* Land und Herrschaft. 5. Aufl. Wien, 1965. S. 164, Anm. 1).

⁵ *Dipper Ch.* Otto Brunner aus der Sicht der frühneuzeitlichen Historiographie // *Annali dell’Istituto storico italo-germanico in Trento.* 1987. Vol. 13. P. 73–96 (P. 88).

⁶ *Blickle P.* Otto Brunner, 1898–1982 // *Historische Zeitschrift.* 1983. Bd. 236. S. 779.

⁷ *Kosellek R.* Sozialgeschichte und Begriffsgeschichte // *Sozialgeschichte in Deutschland: Entwicklungen und Perspektiven im internationalen Zusammenhang /* Hg. von W. Schieder, V. Sellin. Göttingen, 1986. Bd. I. S. 89–109 (S. 108–109, Anm. 4). Но не было недостатка также и в критических отзывах: *Braudel F.* Sur une conception de l’histoire sociale // *Annales: Économies, Sociétés, Civilisations.* 1959. Vol. 14. P. 308–319; *Nicholas D.* New Paths of Social History and Old Paths of Historical Romanticism // *Journal of Social History.* 1969. Vol. 3. P. 277–294; *Kuchenbuch L.* Vorbemerkung // *Feudalismus – Materialien zur Theorie und Geschichte /* Hg. von L. Kuchenbuch, B. Michael. Frankfurt a.M.; Berlin; Wien, 1977. S. 145–154 (особенно с. 147–148); *Wehler H.-U.* Geschichtswissenschaft heute: Stichworte zur “geistigen Situation der Zeit”. Frankfurt a.M., 1980. Bd. II. S. 725. Критический анализ дискуссий вокруг работы Бруннера, имевших место до 1984 г., а также важные новые подходы см.: *Oexle O.G.* Sozialgeschichte – Begriffsgeschichte – Wissenschaftsgeschichte: Anmerkungen zum Werk Otto Brunners // *Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte.* 1984. Bd. 71. S. 305–341. Ссылки на более поздние публикации см. в предисловии к английскому переводу книги Бруннера: *Kaminsky H., Melton J.V.H.* Translators’ Introduction. Также: *Troßbach W.* Das “ganze Haus” – Basiskategorie für das Verständnis ländlicher Gesellschaft deutscher Territorien in der frühen Neuzeit? // *Blätter für deutsche Landesgeschichte.* 1993. Bd. 129. S. 277–314; *Melton J.V.H.* From Folk History to Structural History: Otto Brunner (1898–1982) and the Radical-Conservative Roots of German Social History // *Paths of Continuity: European Historiography from the 1930s to the 1950s /* Ed. H. Lehmann, J.H.V. Melton. Cambridge, 1994. P. 263–292; *Opitz C.* Neue Wege der Sozialgeschichte? Ein kritischer Blick auf Otto Brunners Konzept “ganzen Hauses” // *Geschichte und Gesellschaft.* 1994. Bd. 20. S. 88–98; *Groebner V.* Außer Haus. Otto Brunner und die “alteuropäische Ökonomik” // *Geschichte in Wissenschaft und Unterricht.* 1995. Bd. 46. S. 69–80.

⁸ Камински и Мелтону они кажутся легкоустранимыми: Бруннер, как они пишут, придал своей книге “внешние признаки национал-социалистического новаторского подхода”, «приправив “модными лозунгами” и дав заключение в духе германского нового порядка” [...] В четвертом издании он сумел избавиться от “модного жаргона”, не повлияв на ее суть» (*Kaminsky H., Melton J.V.H.* Translators’ Introduction. P. XLII).

⁹ См. ссылку на Отто Хёфлера, где Бруннер выражает свое согласие с его концепцией: «В своей работе “Проблема германского континуитета” (“Das germanische Kontinuitätsproblem”, 1937) Хёфлер указывал на континуитет расы, языка, который в то же время является континуитетом форм мышления, и на континуитет ключевых форм народного порядка (Volksordnung). К ним мы можем добавить континуитет земли и господства, империи, которая изначально является формой королевского господства, подобно территориальному господству (Landesherrschaft) и господству над городом и

- поместьем». (*Brunner O. Land und Herrschaft* (1. Aufl. 1939). S. 510). Об отzyвах Бруннера, несколько критических, по поводу работ Лили Вайзерс и Отто Хёфлера, где обсуждаются древнегерманские мужские союзы, а также его собственный взгляд на команды юношей, воинские союзы мужчин, на инициацию, использование звериных масок, образ Водана как предводителя дикой охоты и на позднесредневековых наемников см.: Там же. С. 112–115.
- ¹⁰ Ср.: *Melton J.V.H. From Folk History to Structural History*. P. 269–270. Многие, правда, зависят от того, как истолковывать понятие “народ (Volk)” у Бруннера. В 1939 г. в одной программной статье он пишет об этом: «“Народ” здесь [...] действительность, кровная и расовая, которая живет в конкретном народном порядке (Volksordnung) и осознает свое единство в переживании народной общности (Volksgemeinschaft). Благодаря своему государству народ превращается в правоспособное и дееспособное единство; партия является носителем его политической воли, вермахт – это вооруженный народ. Тем самым разделение государства и общества упраздняется. Народ, в частности народная общность и вожди (Volksgemeinschaft und Führung), являются центральными понятиями государственного устройства (Verfassung)» (*Brunner O. Moderner Verfassungsbegriff und mittelalterliche Verfassungsgeschichte // Mitteilungen des Österreichischen Instituts für Geschichtsforschung*. 1939. Ergänzungsband 14. S. 513–528 (S. 517)).
- ¹¹ О других его работах этого сказать нельзя. См.: *Oberkrome W. Volksgeschichte: Methodische Innovation und völkische Ideologisierung in der deutschen Geschichtswissenschaft 1918–1945*. Göttingen, 1993. S. 148–149. Ср. также: *Melton J.V.H. From Folk History to Structural History*. P. 269–270.
- ¹² *Brunner O. Land und Herrschaft* (1. Aufl. 1939). S. 398, 455. В заключении к книге он пишет, что хотя возвращение в Средневековье невозможно, “но политические понятия Третьего Рейха, вожди (Führung) и народная общность (Volksgemeinschaft), в конечном счете следует понимать только исходя из их германских основ” (*Ibid.* S. 512).
- ¹³ Поэтому в дальнейшем я не буду стремиться определить политические взгляды Бруннера. О его политической позиции и высказываниях см.: *Jütte R. Zwischen Ständestaat und Austrofaschismus: Der Beitrag Otto Brunners zur Geschichtsschreibung // Tel Aviver Jahrbuch für deutsche Geschichte*. 1984. Bd. 13. S. 377–362; *Schönwälder K. Historiker und Politik: Geschichtswissenschaft im Nationalsozialismus*. Frankfurt a.M.; N.Y., 1992. S. 126–130; 234–237 passim; *Melton J.V.H. From Folk History to Structural History*. P. 266–272; 287–288.
- ¹⁴ Подобное разделение лежит, например, в основе работ Клауса Шрайнера, который пишет об “уступках Бруннера политическому духу времени”: *Schreiner K. Wissenschaft von der Geschichte des Mittelalters nach 1945: Kontinuitäten und Diskontinuitäten der Mittelalterforschung im Geteilten Deutschland // Deutsche Geschichtswissenschaft nach dem zweiten Weltkrieg (1945–1965) / Hg. von E. Schulin*. München, 1989. S. 87–146 (S. 137). Поэтому Шрайнер причисляет Бруннера к тем историкам, которые “в интерпретациях делали уступки современным им идеалам, не поступаясь наукой ради идеологизации”. (*Idem. Führertum, Rasse, Reich: Wissenschaft von der Geschichte nach der nationalsozialistischen Machtübernahme // Wissenschaft im Dritten Reich / Hg. von P. Lundgreen*. Frankfurt a.M., 1985. S. 163–252 (S.208). Шрайнер полагает, что способен различать в работе Бруннера “методически осмысленную передачу фактов” и “формирование исторических суждений”, и пытается установить “противоречие между основанной на источниках констатацией и обуслов-

- ленной временем интерпретацией исторических фактов” (*Idem*. *Wissenschaft von der Geschichte des Mittelalters...* S. 140). Критику этой позиции см.: *Oexle O.G.* *Sozialgeschichte – Begriffsgeschichte – Wissenschaftsgeschichte*. S. 327.
- ¹⁵ Ср.: *Boldt H.* *Otto Brunner: Zur Theorie der Verfassungsgeschichte // Annali dell’Istituto storico italo-germanico in Trento*. 1987. Vol. 13. P. 39–62 (P. 50–51). В целом о проблеме см.: *Oexle O.G.* *Das Mittelalter und das Unbehagen an der Moderne: Mittelaltersbeschwörungen in der Weimarer Republik und danach // Spannungen und Widersprüche: Gedenkschrift für František Graus / Hg. von S. Burghartz u. a. Sigmaringen*, 1992. S. 125–153.
- ¹⁶ *Oexle O.G.* *Sozialgeschichte – Begriffsgeschichte – Wissenschaftsgeschichte*. S. 319–320. Ср. также с позднейшей работой Шмитта: *Schmitt K.* *Der Nomos der Erde im Völkerrecht des Jus Publicum Europaeum*. Köln, 1950. S. 90, 98, 123–125. (рус. перевод: *Шмитт К.* *Номос Земли*. М., 2008. – *Примеч. пер.*).
- ¹⁷ *Brunner O.* *Land und Herrschaft* (5. Aufl. 1965). S. 132–133.
- ¹⁸ “...Напомним о том, что *право* в средневековом смысле – это стоящий над людьми, освященный религиозно порядок”. (*Brunner O.* *Land und Herrschaft* (5. Aufl. 1965). S. 262; см. также с. 140, 359, 400). Ср.: *Brunner O.* *Land und Herrschaft* (1. Aufl. 1939). S. 162, 505.
- ¹⁹ *Brunner O.* *Land und Herrschaft* (5. Aufl. 1965). S. 346, 71, 293. Критику см.: *Graus F.* *Verfassungsgeschichte des Mittelalters // Historische Zeitschrift*. 1986. Bd. 243. S. 529–589 (S. 554–555).
- ²⁰ *Brunner O.* *Land und Herrschaft* (5. Aufl. 1965). S. 140.
- ²¹ Здесь у Бруннера в примечании дается ссылка на работу, оставшуюся мне недоступной: *Schwerin C. von.* *Der Geist des altgermanischen Rechts // Germanische Wiedererstehung / Hg. von H. Nollau*. Heidelberg, 1926. S. 205 ff.
- ²² *Brunner O.* *Land und Herrschaft* (5. Aufl. 1965). S. 139–140 = *Idem.* *Land und Herrschaft* (1. Aufl. 1939). S. 165–166 со ссылкой на работу Г. Миттайса: *Mitteis H.* *Rechtsgeschichte und Machtgeschichte // Wirtschaft und Kultur: Festschrift zum 70. Geburtstag von Alfons Dopsch / Hg. von G. P. Bonetti*. Baden bei Wien; Leipzig, 1938. S. 547–580; *Hugelmann K.G.* *Das deutsche Recht // Das Mittelalter / Hg. von O. Brunner*. Leipzig, 1930. S. 217. (Употребленный здесь Бруннером древнегерманский термин *ēwa* (ahd.) означает “закон, обычай”; имеет общий индоевропейский корень со словом *ewig* (ahd.) – вечный. – *Примеч. пер.*).
- ²³ По мнению Г. Миттайса, историк сталкивается в Средние века с “противоречиями между тем, как должно быть и как есть, между властью и правом или же между различными правовыми принципами, которые часто сосуществуют, не будучи никак между собою связаны”; неистовая борьба “внутри некоторых средневековых правовых институтов” историку “невольно напоминает о современности”. (*Mitteis H.* *Op. cit.* S. 554). Текст Миттайса, конечно, в высшей степени противоречив. В том месте, на которое ссылается Бруннер, он повторяет распространенную мысль о том, что “немецкое право следует назвать, скорее, правом, основанным на убежденности, а не на обычае” (*Ibid.* S. 566), и в том же абзаце даже утверждает: “В сущности это одно и то же, принимает ли решение судебная община (*Urteilergemeinde*) или вождь (*Führer*). В формировании его воли тоже проявляется общая воля” (*Ibid.* S. 565). Однако в первом абзаце он старается во всех подробностях доказать, что в условиях “большой и едва ли преодолимой напряженности” в высокое Средневековье теория о праве, основанном на убежденности, вряд ли может быть актуальна. В виде исключения он соглашается с тем, что “эта традиционная связанность общей правовой убежденностью в какой-то мере сохранялась лишь в немногих

- замкнутых правовых сферах, например, в среде крестьянства”, – высказывание, которое он, со своей стороны, сильно смягчает ссылкой на работы Альфонса Допша, Эрны Патцельт и Германа Виснера. Об образе средневекового права у Миттайса см.: Там же. С. 556 и примеч. 48 ниже.
- ²⁴ За усобицей стоит, по мнению Бруннера, “одна из сильнейших нравственных сил общественной жизни – страстное правовое чувство каждого отдельного члена объединений (Verbände)” (*Brunner O. Land und Herrschaft* (1. Aufl. 1939). S. 130).
- ²⁵ См.: *Algazi G. “Sie würden hinten nach so geil”*: Vom sozialen Gebrauch der Fehde im 15. Jahrhundert // *Physische Gewalt: Studien zur Geschichte der Neuzeit* / Hg. von A. Lüdtkе, Th. Lindenberger. Frankfurt a.M., 1995. S. 39–77 (особенно с. 47–52).
- ²⁶ См.: *Algazi G. Herrengewalt und Gewalt der Herren im späten Mittelalter*. Frankfurt a.M., 1996. S. 135–167.
- ²⁷ *Brunner O. Land und Herrschaft* (1. Aufl. 1939). S. 22 = *Idem. Land und Herrschaft* (5. Aufl. 1965). S. 11.
- ²⁸ По замыслу Бруннера, в статье приводятся “некоторые данные” об усобице в позднесредневековой Австрии “из одного австрийского архива знатной семьи, позволяющие показать, что с этой стороны проблема видится совсем иначе, нежели предполагалось прежде” (*Brunner O. Beiträge zur Geschichte des Fehdewesens im spätmittelalterlichen Österreich // Jahrbuch für Landeskunde Niederösterreichs*. 1929. Bd. 22. S. 431–507. Ср. также с вводными замечаниями на с. 431).
- ²⁹ Мелтон и Камински, по-моему, правы, когда называют концепцию Бруннера “глубоко аристократической конструкцией”. К этому следует добавить, что у Бруннера, кажется, государство ни в коем случае не играет центральной роли, тогда как, например, у Эрнста Роберта Хубера в центре стоит “тотальное государство”, “тотальность” (см. ниже примеч. 38 и 86). Их попытка принизить роль “народа” и “народного порядка” в “Земле и господстве” или задним числом сделать ее непротиворечивой имеет под собой слабые основания. (*Kaminsky H., Melton J.V.H. Translators’ Introduction*. P. XLII). Описанная здесь трансформация – превращение специфически аристократической точки зрения на социальные отношения в размытое “свойственное эпохе сознание” – стала возможной именно благодаря использованию “мышления в категориях конкретного порядка” и “народных (völkische)” фигур мышления. В этом отношении Бруннера можно причислить, скорее, к весьма уязвимым для критики сторонникам “консервативной революции”. В дальнейшем, однако, речь пойдет не о его эксплицитно выраженной политической точке зрения или ее непосредственном, неприкрытом перенесении на эпоху Средневековья (например, когда речь заходит о “Германской империи” или о “немцах, живущих за границей и в приграничных районах” (*Auslands- und Grenzdeutsche – специфическое для периода между двумя мировыми войнами понятие для обозначения этнических немцев, также и без германского гражданства, проживающих в других странах и в областях, отчужденных у Германии после поражения в Первой мировой войне. Они были отдельным предметом внимания нацистской пропаганды. – Примеч. пер.*)), а о существенных сходствах на уровне фигур мышления и аналитических процедур.
- ³⁰ Мелтон предпринимает отчаянную попытку провести параллели между изображением усобицы Бруннером и работами Н.З. Дэвис, Р. Дарнтон или Э.П. Томпсона (*Melton J.V.H. From Folk History to Structural History*. P. 275).

- Однако я не вижу повода утверждать, будто бы Бруннер “раскодировал” феодальную усобицу, попытался раскрыть “лежащую в ее основе рациональность”. Об этом подробнее: *Algazi G.* “Sie würden hinten nach so geil”: Vom sozialen Gebrauch der Fehde... S. 50–51.
- ³¹ Прекрасный пример тому – работа: *Keen M.* The Laws of War in the Later Middle Ages. L., 1965.
- ³² Ср. с замечаниями по этому поводу Ф. Грауса: *Graus F.* Verfassungsgeschichte des Mittelalters. S. 587.
- ³³ На примеры подобной переработки текста “Земли и господства” при последующих переизданиях книги уже многократно указывали исследователи, например, Л. Кухенбух (*Kuchenbuch L.* Vorbemerkung) или К. Шрайнер (*Schreiner K.* Führertum, Rasse, Reich. S. 209–210).
- ³⁴ *Schmitt C.* Über drei Arten des Rechtswissenschaftlichen Denkens. Hamburg, 1934; *Rüthers B.* Entartetes Recht: Rechtslehren und Kronjuristen im Dritten Reich. 2. Aufl. München, 1984. S. 63–75; *Diner D.* Rassistisches Völkerrecht: Elemente einer nationalsozialistischen Weltordnung // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1989. Hf. 37. S. 23–56 (особенно с. 24–27); *Grimm D.* Die “Neue Rechtswissenschaft”: Über Funktion und Formation nationalsozialistischer Jurisprudenz // Wissenschaft im Dritten Reich / Hg. von P. Lundgreen. Frankfurt a.M., 1985. S. 31–54 (особенно с. 36–40); *Weitzel J.* Sonderprivatrecht aus konkretem Ordnungsdenken: Reichserbhofrecht und allgemeines Privatrecht 1933–1945 // Zeitschrift für neuere Rechtsgeschichte. 1992. Bd. 14. S. 55–79 (особенно с. 60–64). В дальнейшем я воздержусь от рассмотрения различных вариантов “мышления в категориях конкретного порядка” (например, у Карла Ларенца), чтобы сконцентрироваться на той версии, которая является для Бруннера определяющей.
- ³⁵ *Rüthers B.* Entartetes Recht. S. 71.
- ³⁶ *Schmitt C.* Über drei Arten des Rechtswissenschaftlichen Denkens. S. 20; *Rüthers B.* Op. cit. S. 65–66.
- ³⁷ *Schmitt C.* Op. cit. S. 19.
- ³⁸ *Boldt H.* Deutsche Verfassungsgeschichte. München, 1990. Band II: Von 1806 bis zur Gegenwart. S. 270. “Новое государство”, как писал, например, Хубер в 1935 г. в своей программной статье, динамично, оно – “историческая воля, постоянно обновляемые политические решение и действие”, которые рождаются в недрах “живого порядка”. Политика “исходит из живого образа – народа” (*Huber E.R.* Die deutsche Staatswissenschaft // Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft. 1935. Bd. 95. S. 1–65 (S. 29–30)). Удивительно, но у Анны Люббе Хубер упоминается как один из тех историков-государственников, “у которых не прозвучало однозначных признаний в том, что лейтмотивом их научной деятельности была национал-социалистическая идеология” (*Lübbe A.* Die deutsche Verfassungsgeschichtsschreibung unter dem Einfluß der nationalsozialistischen Machtergreifung // Rechtsgeschichte im Nationalsozialismus: Beiträge zur Geschichte einer Disziplin / Hg. von M. Stolleis, D. Simon. Tübingen, 1989. S. 63–78 (S. 72)).
- ³⁹ “Условия жизни, поскольку они носят общественный характер, уже в силу этого являют собой большее, нежели “просто данность (Faktizität)”; поэтому они содержат эталон для поведения индивида, который находится в этих условиях” (*Larenz K.* Über Gegenstand und Methoden des völkischen Rechtsdenkens. Berlin, 1938. S. 27. Цит. по: *Rüthers B.* Entartetes Recht. S. 65). См. также: *Grimm D.* Die “Neue Rechtswissenschaft”. S. 37.

- ⁴⁰ *Rüthers B.* Entartetes Recht. S. 71–75. Также и Юрген Вайтцель ссылается на позицию Франца Виакера, «который описал “порядок” в национал-социалистическом смысле как “целостность конкретного народного (völkisch) особого круга людей, владений или территории и поставленных задач»». Право он рассматривал “не как регулятор [общественных отношений], а как выражение основополагающей народной законности (völkische Grundgesetzlichkeit)”. Задача состояла в том, чтобы обнаружить “целостности”, в которых “присутствует и становится видимой народная жизнь и в которых поэтому право тождественно бытию уже до того, как позитивными правилами создается норма” (*Wieacker F.* Eigentum und Eigen // *Deutsches Recht.* 1935. S. 495–501 (496–501). Цит. по: *Weitzel J.* Sonderprivatrecht aus konkretem Ordnungsdenken. S. 62).
- ⁴¹ *Diner D.* Rassistentes Völkerrecht. S. 24–27, 36.
- ⁴² *Schmitt C.* Über drei Arten des Rechtswissenschaftlichen Denkens. S. 10. В противоположность этому, как он полагает, есть народы, “которые существуют без земли, без государства, без церкви, только “в законе”; им мышление в категориях норм представляется единственно разумным правовым мышлением, а всякий другой вид мышления кажется непонятым, мистическим, фантастическим или смешным”. Здесь Шмитт имеет в виду евреев, как он прямо говорит в другом месте: со средневековым “мышлением в категориях конкретных порядков” было “покончено как с неюридическим и ненаучным” прежде всего вследствие рецепции римского права; к этому в XIX в. добавилось “нашествие еврейского пришлого народа (Gastvolkes)”. “Еврей” мыслит в категориях норм, поскольку он “живет только в законе и в норме”, и как чужак “видит право народа, у которого он гостит, в категориях норм и лишь под углом зрения правовой защищенности. Ведь он не причастен к той действительности народа, среди которой живет”. (*Schmitt C.* Nationalistisches Rechtsdenken // *Deutsches Recht: Zentral-Organ des Bundes Nationalsozialistischer Deutscher Juristen.* Bd. 4, Nr. 10 (25. 05. 1934). S. 225–229 (S. 226). Ср.: *Diner D.* Rassistentes Völkerrecht. S. 33.
- ⁴³ *Emig K.* Der Begriff der Verfassung im heutigen deutschen Recht // *Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft.* 1935. Bd. 95. S. 463–482 (S. 473). См. также позитивный отзыв К. Шмитта о книге Бруннера, в которой, по его словам, “государство изображено как конкретное, связанное с исторической эпохой понятие”. (*Schmitt C.* Verfassungsrechtliche Aufsätze aus den Jahren 1924–1954: Materialien zu einer Verfassungslehre. 3. Aufl. Berlin, 1958 (ND 1985). S. 375–385 (S. 384). Об образе Средневековья у самого Шмитта см. также его работу: *Schmitt C.* Nationalistisches Rechtsdenken. S. 226.
- ⁴⁴ См., например: *Brunner O.* Land und Herrschaft (1. Aufl. 1939). S. 11, 163, 271, 506, а также цитату из примеч. 10. Ср.: *Idem.* Politik und Wirtschaft... S. 421 (примеч. 14, которое повторяется в “Земле и господстве” как примеч. 11 на с. 139).
- ⁴⁵ *Brunner O.* Politik und Wirtschaft... S. 412.
- ⁴⁶ *Brunner O.* Land und Herrschaft (1. Aufl. 1939). S. 506.
- ⁴⁷ *Brunner O.* Land und Herrschaft (1. Aufl. 1939). S. 505 = *Idem.* Land und Herrschaft (5. Aufl. 1965). S. 440.
- ⁴⁸ С небольшой оговоркой: “Но подобно тому, как в современном государстве Средневековье не возвращается в неизменном виде, сегодняшние понятия также часто можно использовать только в смысле аналогий или сравнения”. (*Mitteis H.* Rezension zu Otto Brunner, Land und Herrschaft (1. Aufl. 1939) //

- Historische Zeitschrift. 1941. Bd. 163. S. 255–281 (ND: Herrschaft und Staat im Mittelalter / Hg. von H. Kämpf. Darmstadt, 1960. S. 20–65 (S. 40 ff)). Позиция Миттайса еще нуждается в подробном изучении. Однако мнение О.Г. Эксле (*Oexle O.G. Sozialgeschichte – Begriffsgeschichte...* S. 318), будто Миттайсу “ни в коем случае нельзя приписать политическое или духовное соучастие в национал-социализме или хотя бы даже близость ему”, не выдерживает критики: см. высказывания Миттайса: Там же. С. 21, 39, 58. На с. 56 он соглашается со сравнением средневековых налогов с современной “зимней помощью” (Winterhilfe, форма благотворительной помощи вермахту в Третьем Рейхе. – *Примеч. пер.*), “вдохновляемой сознанием нравственного долга внести вклад в общее дело”. См. также: *Lübbe A. Die deutsche Verfassungsgeschichtsschreibung unter dem Einfluß der nationalsozialistischen Machtergreifung. Passim; Schreiner K. Wissenschaft von der Geschichte des Mittelalters. S. 140 (примеч. 206).*
- ⁴⁹ Подробнее см.: *Algazi G. Herrengewalt und Gewalt der Herren. S. 103–110.*
- ⁵⁰ Противоположную оценку дают Мелтон и Камински (*Kaminsky H., Melton J.V.H. Translators' Introduction. P. XLI*): “то, что принес нацистский режим в 1933 г., было, по существу, кристаллизацией, возможно, даже кризисом сознания, который поставил основополагающие вопросы в их острейшей форме. Такое ощущение, несомненно, было и у самого Бруннера” (выделено мною. – *Г.А.*).
- ⁵¹ См. подробнее: *Idem. Land und Herrschaft (1. Aufl. 1939). S. 460–462; Idem. Land und Herrschaft (5. Aufl. 1965). S. 395–404.*
- ⁵² *Brunner O. Land und Herrschaft (1. Aufl. 1939). S. 276. Ср.: Idem. Land und Herrschaft (5. Aufl. 1965). S. 241–242: «Следует задаться вопросом, что составляет сущность этого общего элемента – “господства” – и какое значение она имеет для всего комплекса сеньориальной власти в широком смысле». Тут ничего не меняет и невнятная оговорка: “Мы далеки от желания стереть различия между этими разными формами господства [над городом, над землей (Land)]. – *Г.А.*]. Однако различие заключается здесь не в структуре господства, а в его объекте”. См. также с. 88, 113, 258, 310, 344.*
- ⁵³ *Rüthers B. Entartetes Recht. S. 71–72; ср.: Schmitt C. Über drei Arten des Rechtswissenschaftlichen Denkens. S. 22; Grimm D. Die “Neue Rechtswissenschaft”. S. 39.*
- ⁵⁴ *Brunner O. Land und Herrschaft (5. Aufl. 1965). S. 327 (выделено мною. – *Г.А.*).*
- ⁵⁵ *Grimm D. Op. cit. S. 44.*
- ⁵⁶ *Brunner O. Land und Herrschaft (1. Aufl. 1939). S. 505 = Idem. Land und Herrschaft (5. Aufl. 1965). S. 440: «Средневековый территориальный властитель связан правом, которое исходит не от него одного. Его обязанность – блюсти “справедливость” в полном юридическом и нравственном смысле; его этос изложен в “княжеских зерцалах”».*
- ⁵⁷ *Brunner O. Land und Herrschaft (1. Aufl. 1939). S. 505. = Idem. Land und Herrschaft (5. Aufl. 1965). S. 440.*
- ⁵⁸ *Brunner O. Land und Herrschaft (5. Aufl. 1965). S. 343–344.*
- ⁵⁹ Поэтому представляется сомнительным, когда Козеллек пишет, что «Отто Бруннер ввел термин “история структур”, чтобы избежать обусловленной временем формулировки “история народа” (Volksgeschichte), которая, по его теоретическому замыслу, уже в 1939 г. была нацелена на изучение структур» (*Kosellek R. Sozialgeschichte und Begriffsgeschichte. S. 108–109; примеч. 4. (выделено мною. – *Г.А.*).*)

- ⁶⁰ Ср. с попыткой Камински и Мелтона продемонстрировать близость Бруннера к истории повседневности. (*Kaminsky H., Melton J.V.H. Translators' Introduction. P. XLIV.*)
- ⁶¹ *Brunner O. Land und Herrschaft* (1. Aufl. 1939). S. 505 = *Idem. Land und Herrschaft* (5. Aufl. 1965). S. 440 (“Заклочение”).
- ⁶² *Brunner O. Land und Herrschaft* (1. Aufl. 1939). S. 505 = *Idem. Land und Herrschaft* (5. Aufl. 1965). S. 440.
- ⁶³ Это понятие всплывает у Бруннера в “Заклучении”. (*Brunner O. Land und Herrschaft* (1. Aufl. 1939). S. 510). Он позаимствовал его у Отто Хёфлера (*Höfeler O. Die Germanische Kontinuitätsproblem ...* (1937)).
- ⁶⁴ *Ibid.*
- ⁶⁵ Здесь высказывание Бруннера направлено против трактовки континуитета Альфонсом Допшем. (*Brunner O. Land und Herrschaft* (1. Aufl. 1939). S. 511, примеч. 11).
- ⁶⁶ *Ibid.*
- ⁶⁷ Подробнее см.: *Algazi G. Herrengewalt und Gewalt der Herren. S. 22–29, 235–253.*
- ⁶⁸ Подробную аргументацию см. там же: с. 51–96. Только предпринятый в этой работе анализ источников подвел меня к критике методов Бруннера и их предпосылок.
- ⁶⁹ *Schreiner K. Führertum, Rasse, Reich. S. 211.*
- ⁷⁰ *Kroeschell K. Haus und Herrschaft im frühen deutschen Recht. Göttingen, 1968; Algazi G. Herrengewalt und Gewalt der Herren. S. 97–101.*
- ⁷¹ *Brunner O. Land und Herrschaft* (1. Aufl. 1939). S. 505.
- ⁷² “Считаю, что поставленная в этой книге задача – разрушить полную противоречий и неисторичную терминологию XIX в. и разработать основы языка понятий, соответствующего реалиям и источникам (sach- und quellengemäßen Begriffssprache) – в главном решена” (*Brunner O. Land und Herrschaft* (1. Aufl. 1939). S. 506.). Бруннер не использует ни кавычки, ни курсив, чтобы маркировать свои понятия, поэтому трудно решить, следует ли их понимать в данном контексте как термины или концепты и приписывать ли им “историческое” или все же “современное” значение.
- ⁷³ *Brunner O. Politik und Wirtschaft. S. 408* (выделено в оригинале); почти дословно этот фрагмент повторяется в: *Idem. Land und Herrschaft* (5. Aufl. 1965). S. 258.
- ⁷⁴ “Все страны и народы стремятся вернуться на свою собственную почву, к своей собственной крови и к естественным порядкам, которые возникают из крови и почвы, и освободиться от искусственной надстройки общих идей. [...] Мы пересмыслим правовые понятия”. (*Schmitt C. Nationalsozialistisches Rechtsdenken. S. 229*). Ср. также: *Oexle O.G. Sozialgeschichte – Begriffsgeschichte. S. 319.*
- ⁷⁵ *Rüthers B. Entartetes Recht. S. 68.*
- ⁷⁶ *Brunner O. Politik und Wirtschaft. S. 422* (выделено в оригинале).
- ⁷⁷ О резонансе, вызванном лозунгом “Schutz und Gehorsam” [защита и повиновение] в политике того времени, см.: *Algazi G. Herrengewalt und Gewalt der Herren. S. 121–127.*
- ⁷⁸ *Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre. (7. Aufl.). Tübingen, 1988. S. 200* (цит. по русскому изданию: *Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 399*).
- ⁷⁹ Поэтому здесь не предпринималось попыток показать полную генеалогию введенных Бруннером понятий, восходящих к другим авторам (например, к

Гунтеру Ипзену, Хансу Фрайеру и др.). См. об этом: *Dipper Ch. Otto Brunner aus der Sicht der frühnezeitlichen Historiographie*. S. 85–88.

- ⁸⁰ В этом пункте я не могу согласиться с К. Диппером, хотя в других случаях его анализ мне вполне близок. Он иначе определяет основную проблему: “В конечном счете, главный вопрос в том, обязана ли книга Бруннера своим возникновением преимущественно внутринаучным эпистемологическим интересам или же внеаучным, т.е. в данном случае политическим ценностям эпохи между двумя мировыми войнами” (*Dipper Ch. Op. Cit.* S. 78).
- ⁸¹ Так, проведенный Эксле анализ того, как Бруннер обращается с историей понятий и понятийным аппаратом, базируется почти исключительно на методологических или программных высказываниях самого Бруннера, которые к тому же были сделаны им, как правило, в более позднее время. См.: *Oexle O.G. Sozialgeschichte – Begriffsgeschichte*. Passim (особенно с. 309, 325).
- ⁸² Ср.: *Oexle O.G. Was deutsche Mediävisten an der französischen Mittelalterforschung interessieren muß // Mittelalterforschung nach der Wende 1989 / Hg. von M. Borgolte*. München, 1995. S. 89–122; *Schlötter P. Das “Annales-Paradigma” und die deutsche Historiographie (1929–1939): Ein deutsch-französischer Wissenschaftstransfer? // Nationale Grenzen und internationaler Austausch: Studien zum Kultur- und Wissenschaftstransfer in Europa / Hg. von L. Jordan, B. Kortländer*. Tübingen, 1995. S. 200–220 (особенно с. 200–202, 216–217).
- ⁸³ Эта попытка реабилитации с отчетливостью просматривается у Камински и Мелтона. Однако они систематически путают различающиеся и противостоящие друг другу концепты “целое” и “тотальность”. Хотя авторы и цитируют одно место, где Бруннер поясняет, что для него важно понимание “земли” как “конкретного порядка” (*Kaminsky H., Melton J.V.H. Translators’ Introduction*. P. XXIII), они, однако, не задумываются, что именно это в его понимании означало, и приписывают Бруннеру проект создания “holistik history” или “total, pan-disciplinary history” (*Ibid.* P. XXIV–XXVII). “Народная общность (Volksgemeinschaft) и вожди (Führung), – пишут они, – ныне осуждаются, но сами по себе они не были преступными принципами”. Вслед за этим идет их главный тезис, опирающийся на Мартина Брошата: “Национал-социалистический режим принес прогрессивные, конструктивные изменения во многих областях, и их историческое значение нельзя адекватно понять, если видеть в них просто функциональные элементы нацистского нового порядка, судьба которого – погибнуть среди руин собственных преступлений. Эти прогрессивные конструкции пережили 1945 год, чтобы стать частью демократического массового общества Федеративной Республики Германии (и *mutatis mutandis* прежней ГДР)” (*Ibid.* P. XLI). В этом контексте они хотят рассматривать и книгу Бруннера. Сам труд они пересказывают некритично, явно соглашаясь с ним; “дом”, например, у них – “интегральная общественная структура”: “она также включала культурный комплекс моральных, религиозных и правовых идей, *разделяемых всеми*, как духовную основу для всего остального” (*Ibid.* P. XXVIII–XXIX. Выделено мною. – Г.А.). Логично, что они также говорят о некоем недифференцированном, гомогенном “самовосприятии [...] средневековых субъектов и объектов” господства. (*Ibid.* P. XXIX). Единственная критика, которую Мелтон и Камински допускают, относится исключительно к употреблению “политических лозунгов” и концепции германского континуитета (*Ibid.* P. XXXVI, LVI (примеч. 77)). От “модного жаргона” Бруннер, по их утверждению, отказался уже в 4-м издании (см. выше примеч. 8), а тезис о “германском континуитете” они предлагают отделять как ненужный,

обусловленный временем довесок от главных тезисов книги, что не будет означать никаких изменений в ее основном содержании (Ibid. P. XIII). Таким образом, Бруннер становится у них истинным пионером *histoire totale*, социальной истории и истории повседневности.

⁸⁴ См. подробнее: *Schulze W. Deutsche Geschichtswissenschaft nach 1945. München, 1989. S. 292.*

⁸⁵ “Найти новый взгляд мы не сможем, пока будем противопоставлять государство и власть культуре и ее отдельным “сторонам”, праву, экономике и т.д. Не государство, не культура являются для нас предметом истории, а народ и держава” (*Brunner O. Moderner Verfassungsbegriff. S. 515–516*).

⁸⁶ В 1937 г. О. Бруннер, полемизируя с Цвидинек-Зюденхорстом, который упрекал Генриха Миттайса в одностороннем, юридическом способе рассмотрения Средневековья, выразился так: “Нам важна не взаимозависимость между сферами деятельности, рассматриваемыми в качестве автономных: нам важен конкретный порядок исторических образований. Об историческом месте такой социологии, для которой центральным является понятие взаимозависимости, можно составить представление по книге К. Маннхайма “Человек и общество в эпоху преобразования” (“*Mensch und Gesellschaft im Zeitalter des Umbaus*” (1935))” (*Brunner O. Politik und Wirtschaft. S. 421, примеч. 14*). Та же мысль повторяется у Бруннера и в “Земле и господстве”: «Сам Цвидинек исходит из “трех категорий – государственной власти, права и экономики”, – “взаимозависимость” которых он призывает изучать, а не из строения одного конкретного порядка» (*Brunner O. Land und Herrschaft (1. Aufl. 1939). S. 139, примеч. 11*). Бруннер, по крайней мере в 1930-е годы, кажется, не видел, в чем разница между “реальными” разделениями и аналитическими различиями: в противоположность Веберу он отвергал возможность применения таких понятий, как “экономика”, чтобы рассматривать под определенным углом зрения аспекты, или измерения, прошлого. (См. об этом: *Brunner O. Zum Problem der Sozial- und Wirtschaftsgeschichte // Jahrbuch für Nationalökonomik. 1936. Bd. 7. S. 671–685, 674*). Поэтому я не могу согласиться с Эксле, когда он усматривает у Бруннера “аспективное понимание познания в области истории государственного устройства и социальной истории” (*Oexle O.G. Sozialgeschichte – Begriffsgeschichte. S. 330*).

⁸⁷ О том, как национал-социализмом понималось “либеральное разделяющее мышление (*liberales Trennungsgedenken*)”, есть часто цитируемая и имеющая программный характер работа Эрнста Рудольфа Хубера (*Huber E.R. Die deutsche Staatswissenschaft.*), на которую многократно ссылается и сам Бруннер (*Brunner O. Land und Herrschaft (5. Aufl. 1965). S. 116, 148*). Хубер перечисляет “парные оппозиции” понятий, типичные для отвергаемого им “либерального разделяющего мышления”: государство и общество, государство и право, государство и товарищество, государство и личность, государство и экономика. От всех этих “разделений”, пишет он, следует решительно отказаться. Также и остальные “антитезы, характерные для времени либерализма” он хотел бы одним махом отменить: “Разделение идеи и экзистенции, бытия и долженствования, культуры и природы, статики и динамики, механизма и организма, церкви и государства, науки и государства, солдата и бюргера, капитала и труда, национализма и социализма – все это дальнейшие примеры того хаоса противопоставлений, в котором всякое единство беспрестанно разлагается на составные элементы. Основой этого разделяющего мышления является характерная для либерализма способность к абстракции,

не имеющая, однако, сил для конкретного единства”. (*Huber E.R. Die deutsche Staatswissenschaft. S. 25*). Нельзя не заметить, что в глазах Хубера все это представляет настоящую опасность: мир становится необозримым, отрасли науки – самостоятельными, “члены” – “эмансипируются” (*Ibid. S. 25. Ср. также со с. 15*). Это смесь научной утомленности перед лицом невыносимого многообразия социальной действительности с политическими сетованиями на то, как трудно с этой действительностью справиться. Действительно, за теоретическими различиями Хуберу чудится “скрытое волевое решение опрокинуть политический порядок” (*Ibid. S. 26*). Близость между фантазией о “новой тотальной научной системе” и “программой новой [тоталитарной. – Г.А.] политической позиции” (*Ibid. S. 7*) здесь очевидна.

⁸⁸ *Brunner O. Land und Herrschaft (5. Aufl. 1965). S. 163. Ср. с высказыванием Карла Шмитта, по мнению которого, национал-социалистическое движение “преодолело многовековые, стоящие на службе определенных политических тенденций раскол и разрыв”, т.е. “целую систему антитез – души и тела, духа и материи, права и политики, права и экономики, права и морали – бесконечную литанию дуалистических пар, разрывающих вещи, которые в жизни и по сути нераздельны”. Из этого Шмитт делает вывод, что является “заблуждением, если не хуже, сегодня еще стремиться в отношении конкретных фактов правовой жизни разрывать юридическое и политическое, юридическое и мировоззренческое, юридическое и моральное” (*Schmitt C. Nationalistisches Rechtsdenken. S. 225*).*

⁸⁹ Вилли Оберкромме пишет по этому поводу обратное: “прошлое крупных этнических или государственных образований” Бруннер мог представить себе “только во всей его комплексности”, изобразить которую можно лишь “принимая во внимание разнообразные релевантные аспекты при сочетании широкого набора свойственных отдельным дисциплинам подходов” (*Oberkrome W. Volksgeschichte, Methodische Innovation und völkische Ideologisierung... S. 147. См. также: Kocka J. Geschichtswissenschaft und Sozialwissenschaft: Wandlungen ihres Verhältnisses in Deutschland seit den 30er Jahren // Geschichtswissenschaft vor 2000: Perspektiven der Historiographiegeschichte, Geschichtstheorie, Sozial- und Kulturgeschichte: Festschrift für Georg Iggers zum 65. Geburtstag / Hg. von K.H. Jarausch, J. Rüsen, H. Schleier. Hagen, 1991. S. 345–359, 351*). Имеет ли смысл причислять Бруннера к “историкам народа (*Volkshistoriker*)”, как предлагает Оберкромме, это еще вопрос. Тут следовало бы задуматься, не является ли сама “история народа (*Volksgeschichte*)”, по крайней мере после 1933 г., скорее политическим лозунгом и лозунгом научной политики, титулом, за который состязаются друг с другом различные конкурирующие между собой течения, отчего его трудно использовать как точное обозначение одного когерентного направления внутри исторической науки. В любом случае, “Земля и господство” Бруннера едва ли соответствует тем исследовательским принципам, которые Оберкромме описывает как характерные признаки *Volksgeschichte*.

⁹⁰ *Brunner O. Zum Problem der Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. S. 677 (выделено мною. – Г.А.)*.

⁹¹ *Ibid. S. 678*.

⁹² Шрайнер, кажется, не замечает этого, когда изображает отказ Бруннера от “разделяющего мышления” как стремление добиться “целостного рассматривания”, а оно интерпретируется им как попытка “обнаружить отношения взаимообусловленности и взаимовлияния” (*Schreiner K. Wissenschaft von der*

Geschichte des Mittelalters. S. 140.). В соответствии с этой установкой, Шрайнер употребляет термин “разделяющее мышление” как не имеющий идеологической нагрузки и приписывает ему собственное значение – “распад исторической науки на несвязанные между собою сферы”, который он отождествляет с “изолированием путем обозначения разными понятиями того, что конкретно-исторически составляет одно целое” (Ibid.). Это гипостазированное разделение “сфер” Шрайнер, получается, путает с обязательным в исследовании понятийным различением аспектов, что позволяет ему сконструировать для Бруннера такую научную традицию, которая ведет от Карла Маркса через Отто Гирке к Карлу Лампрехту (Ibid. S. 141).

⁹³ Ср.: *Oberkrome W. Volksgeschichte, Methodische Innovation und völkische Ideologisierung...* S. 146. Винфрид Шульце, как кажется, не видит четкой разницы между изменением термина и изменением понятия. Описывая возникновение социальной истории в ФРГ, он излишне ориентируется на употребление термина “структура”, не проясняя при этом различные понятия о “структуре”, “обществе” и т.п. (Ср.: *Schulze W. Deutsche Geschichtswissenschaft nach 1945. S. 296*). Причина этого, в том числе, и в том, что размытым остается само понятие о “понятии”: «“Политическая история народа (politische Volksgeschichte)” 1943 г. в четвертом издании 1959 г. превратилась в “историю структур (Strukturgeschichte)” в смысле Вернера Конце» (Ibid. S. 290, выделено мною. – Г.А.). То, что произошла замена терминов, – здесь ясно; но то, что благодаря этому задним числом добавился также и новый смысл – при том что метод работы, презумпции и дискурсивный контекст остались те же самые – не может не вызвать возражений. “Смена понятий, – пишет Шульце далее, – начало которой было заложено уже Адольфом Хельбоксом в новой “Структурной теории народного тела” (“Strukturlehre vom Volkskörper” (1936)), теперь смогла осуществиться в полной мере. Тем самым Бруннер, по его собственному высказыванию, заменил до сих пор применявшиеся им понятия “история народного порядка” и “социальная история”, попутно создав тем самым имплицитную генеалогию современной социальной истории”. Это, по-моему, меткая характеристика эксперимента Бруннера. Однако не является ли данная “генеалогия социальной истории” фиктивной, выяснить таким способом невозможно, поскольку описание этой операции разделяет те же самые презумпции, которые были заложены в ней самой. Поэтому, как мне представляется, история историографии при описании своего предмета – историографической операции Бруннера – сама оказалась втянутой в эту операцию.

⁹⁴ Подобное можно констатировать у Клауса Шрайнера: не отличая друг от друга понятия о “тотальности” и “структуре” и путая слово с понятием (но не в случае с термином “народ”), он утверждает, что понятие “тотальности” “в поле исторической науки” – в отличие от политики – могло и должно было “способствовать соответствующему фактам познанию, будучи понятием упорядочивающим и объясняющим”, доказательством чего и служит у него книга Бруннера. Потому Шрайнеру только и остается, что рекомендовать “избегать понятий, обремененных политическими коннотациями”, – тут он, видимо, имеет в виду термины, а не концепты, – “и заменять их такими, которые имеют в высокой степени формальный, инструментальный характер” (*Schreiner K. Wissenschaft von der Geschichte des Mittelalters. S. 142*). Поскольку Бруннер именно это и сделал, заменив “историю народа” (1939) на “историю структур” (1959), в итоге у Шрайнера остается только чувство некоторого

- неудовольствия по поводу “произвольности и манипулируемости исторических понятий” (Ibid. S. 142).
- ⁹⁵ Brunner O. Land und Herrschaft (1. Aufl. 1939). S. 11 (примеч. 4). Ср.: *Idem*. Land und Herrschaft (5. Aufl. 1965). S. 2, 36. Здесь поэтому Бруннер усваивает идеи не Шмитта-“децизиониста”, а Шмитта, говорящего о “мышлении в категориях конкретного порядка”: «К настоящему моменту у Карла Шмитта произошел поворот от “децизионизма” к “мышлению в категориях конкретного порядка”», пишет он, ссылаясь на Ханса Крупу: *Krupa H. Carl Schmitt's Theorie des “Politischen”*. Leipzig, 1937. (К. Шмитт является автором так называемый теории решения (Entscheidungslehre), или децизионизма (от лат. *decisio*), согласно которой, волевое принятие решения (*decido*) является основополагающим моментом в проявлении политического (das Politische) и в становлении и развитии правовой системы. – *Примеч. пер.*).
- ⁹⁶ Schmitt C. Der Begriff des Politischen. Hamburg, 1933. S. 34–35.
- ⁹⁷ Подробный анализ и доказательства см.: *Algazi G. Herrengewalt und Gewalt der Herren*. S. 97–121.
- ⁹⁸ Schmitt C. Über die innere Logik der Allgemeinpakte auf gegenseitigen Beistand // Positionen und Begriffe im Kampf mit Weimar-Genf-Versailles 1929–1939. Hamburg, 1935 (ND: B., 1988. S. 204–209 (S. 205)).
- ⁹⁹ Клаус Шрайнер интерпретирует разработку Бруннером в “Земле и господстве” темы феодальной усаобицы как прямое следствие рецепции статьи К. Шмитта “Понятие политического” (“Begriff des Politischen”) (*Schreiner K. Wissenschaft von der Geschichte des Mittelalters*. S. 138). Однако он упускает из виду как значительные отклонения Бруннера от взглядов Шмитта, так и его высказывания, свидетельствующие о неприятии им Шмитта-“децизиониста”. Кроме того, Шрайнер, похоже, принимает за чистую монету заявление Шмитта из “Предисловия” к новому (1963 г.) изданию его “Begriff des Politischen”, которое он цитирует: Шмитт пишет, что “Земля и господство” (1-е изд. – 1939 г.) является “первопроходческим трудом”, который послужил “важной исторической верификацией моего критерия политического”.
- ¹⁰⁰ Brunner O. Land und Herrschaft (5. Aufl. 1965). S. 140.
- ¹⁰¹ Может быть, следовало бы проследить связь между “мышлением в категориях конкретного порядка” и “отношениями органической встроенности в порядок (organisches Einordnungsverhältnis)”, которой требовали правоведы-нацисты. Подробнее см.: *Grimm B. Die “Neue Rechtswissenschaft”*. S. 45. (Einordnungsverhältnis – в разработанной национал-социалистической юриспруденцией концепции (Г.А. Вальц) одна из трех основополагающих форм отношений между людьми в разные эпохи, каждой из которых соответствует определенный доминирующий тип права. Так, индивидуалистические конфликтные отношения (individualistisches Streitverhältnis) были свойственны, как считалось, либеральной индивидуалистической эпохе; для территориального деспотизма прошлого или современной диктатуры (большевистской, фашистской) предполагались потестарные отношения господства (herrschaftliches Machtverhältnis), отношениями органической встроенности в порядок (organisches Einordnungsverhältnis) характеризовались общественная и правовая жизнь германской древности и Средневековья, того же ожидали от нового нацистского государства. См. об этом: *Ditt Th. “Stoßtrupp fakultät Breslau”: Rechtswissenschaft im “Grenzland Schlesien” 1933–1945*. Tübingen, 2011 (особенно с. 59). – *Примеч. пер.*)

- ¹⁰² *Bader K.S.* Staat und Bauerntum im deutschen Mittelalter // Adel und Bauern im deutschen Staat des Mittelalters / Hg. von Th. Mayer. Leipzig, 1943. S. 109–129 (здесь с. 119–120). Подробнее см. его рецензии: *Idem.* Herrschaft und Staat im deutschen Mittelalter (Zu: *Brunner*, Land und Herrschaft; *Schlesinger*, Die Entstehung der Landesherrschaft; *Mitteis*, Der Staat des hohen Mittelalters) // Historisches Jahrbuch. 1947. Bd. 61/69. S. 618–646 (особенно с. 645).
- ¹⁰³ См., например, *Schorer K.* Herrschaft und Legitimität. Ein Huldigungskonflikt im Küssenbergertal // Zeitschrift für die Geschichte des Oberrheins. 1986. Bd. 134. S. 99–117 (S. 99–100).
- ¹⁰⁴ *Schulze W.* Deutsche Geschichtswissenschaft. S. 290.
- ¹⁰⁵ *Brunner O.* Land und Herrschaft (5. Aufl. 1965). S. VII.
- ¹⁰⁶ *Algazi G.* Herrengewalt und Gewalt der Herren. S. 22–29, 249–253.

ИСТОРИЯ И ПАМЯТЬ

Ю.Ф. Игина

MEMORIA ЛЖЕДМИТРИЯ I КАК СПОСОБ ЛЕГИТИМАЦИИ И МАНИФЕСТАЦИИ ЕГО ВЛАСТИ

УДК 94 (47). 045

Представленное исследование – о том, как Лжедмитрий I создает собственную *memoria*, направленную на сохранение памяти о нем в потомках, действуя так, как это было принято делать во всех правящих династиях, и о том, как он использует эту *memoria* для репрезентации своей власти. Автор исследует, каким образом манифестируется *memoria* Лжедмитрия, каково ее содержание и чем оно обусловлено, каковы особенности создаваемой Лжедмитрием *memoria*, когда она выполняет функцию репрезентации его власти “вовне”, особенно перед Европой, ставленником которой, как принято считать, он был.

Ключевые слова: Лжедмитрий I, самозванец, самозванчество, манифестация власти, легитимация власти, история памяти, Смутное время, доспех, большая печать Ивана Грозного.

Key words: False Dimitriy I, impostor, imposture, manifestation of power, legitimation of power, memoria, the Time of Troubles, armour, great seal of Ivan the Terrible.

Изучение истории первого российского самозванца – Лжедмитрия I – имеет давнюю традицию, хотя до сих пор точно не установлено, кем на самом деле был этот человек¹. Принято считать, что за “чудесно спасшегося” царевича Дмитрия – младшего сына Ивана Грозного, погибшего в Угличе в 1591 г., – выдавал себя беглый чудовский монах Григорий Отрепьев². Эта версия, высказанная еще Борисом Годуновым в переписке с Сигизмундом III³, несмотря на существование альтернативных точек зрения⁴, остается общепринятой в отечественной науке⁵. В настоящей статье я не буду поднимать вопрос об истинной личности Самозванца и ставить под сомнение факт гибели царевича Дмитрия. Для исследуемой мною проблемы эти вопросы не имеют

принципиального значения, так как предметом моего интереса является не сама личность, а то, как она себя идентифицирует и репрезентирует в обществе, т.е. тот образ властителя (и, может быть, даже не один!), который самозванец стремился явить как внутри страны – подданным, так и за ее пределами – в международной политике.

Главной проблемой для правителей-самозванцев является, как известно, проблема легитимации своих претензий на власть. Как отмечают исследователи, российские самозванцы мотивировали их несколькими способами.

Во-первых, декларировали свою принадлежность к “Рюрикову колену” – единственной легитимной династии того времени, предъявляя “доказательства” кровного родства с предыдущими правителями⁶. В качестве подтверждения использовались биографические сведения из прошлого, якобы известные только “истинному потомку” царского рода⁷, а также особые “царские знаки” на теле⁸. Лжедмитрий I, например, демонстрировал “родимое пятно выше кисти”, золотой крестик, якобы подаренный ему матерью, рассылал в окружных грамотах 1604 и 1605 гг. подробную историю своего “чудесного спасения”⁹.

Во-вторых, они усердно старались дискредитировать существующего правителя или других кандидатов на трон. Так, Лжедмитрий I отрицал право на престол Бориса Годунова, объявляя его фактически преступником, покушавшимся на жизнь наследника престола¹⁰. Подобным же образом Лжедмитрий II представил узурпатором Василия Шуйского и как царь “истинный” велел казнить оказавшихся в его руках других лжецаревичей¹¹.

В-третьих, присваивая себе царские prerogatives и функции, свое “правление” они обычно начинали с демонстративных актов манифестации власти. Лжедмитрий II, например, заявил о переносе столицы в Тушино, где разбил лагерь, созвал собственную Боярскую Думу и назначил собственного патриарха¹².

Наконец, самозванцы старались вступить в брак с представительницами аристократических фамилий, родство с которыми подкрепило бы их собственную “знатность”. С этой целью Лжедмитрий I женился на дочери польского магната Юрия Мнишека Марии. Этот династический брак предназначен был также упрочить его связь с той частью польской знати, которая поддерживала его политические планы. После смерти Лжедмитрия I статусом Марины Мнишек как “московской царицы” воспользовался

для легитимации своих властных претензий Лжедмитрий II, тайно обвенчавшийся с нею 5 сентября 1608 г. Однако все это известные наблюдения историков, изучавших историю российского самозванчества.

Гораздо менее изученным представляется еще один способ легитимации претензий на власть, лишь в последние десятилетия попавший в поле зрения европейских ученых. Это создание родовой мемориальной традиции, *memoria*, свидетельствующей о древности и, следовательно, аристократизме рода, а значит, о его априорном предназначении властвовать. *Memoria* – это свойственная доиндустриальному европейскому обществу универсальная культура воспоминания, форма памяти об умерших или отсутствующих людях, которая, хотя и восходит к практике литургического поминовения, ею не исчерпывается, а проявляется в разных социальных действиях, и потому может рассматриваться как “тотальный социальный феномен”, который имеет правовые, хозяйственные, социальные стороны и выражается в разнообразных культурных формах¹³. Прежде всего к таким формам (а следовательно, к источникам для изучения *memoria*) следует отнести литературные тексты, живописные полотна, скульптурные, архитектурные и др. памятники. В них *memoria* как форма памяти о мертвых в узком смысле превращается в память культурную¹⁴, облекающую память о прошлом, о людях и их деяниях в материальные свидетельства, предназначенные сформировать и сохранить в веках традицию памяти и, соответственно, славы (*fama*) ее создателей. По этой причине особую роль *memoria* играет в жизни аристократических родов, ведь длинный ряд их поколений свидетельствует о длительной и постоянно возрастающей способности рода властвовать. Можно утверждать, что аристократию, как подчеркивает О.Г. Эксле, “формирует именно *memoria* – память об умерших предках, их славных деяниях – как представление и как практика. Стремление знатных родов иметь собственную *memoria* проявляется в том, как они создают и сохраняют ее в виде живой традиции в ритуалах, текстах, картинах и памятниках мемориального характера, и в том, как эта *memoria* в зависимости от исторического момента постоянно изменяет свое содержание”¹⁵.

Но *memoria* важна не только для непрерывного утверждения и манифестации уже имеющейся власти. Ее можно использовать и для того, чтобы стать знатным, т.е. заявить свои претензии на власть. Исследования О.Г. Эксле и ряда других ученых¹⁶ показа-

ли, как возвысившиеся за счет приобретенного богатства семейства начинают претендовать на то, чтобы считаться аристократическими, для чего целенаправленно приступают к формированию родовой *memoria*. Они не только стремятся создать памятники самим себе – ориентированную на будущие поколения, так называемую проспективную, *memoria*, но и тщательно упорядочивают прошлое – *memoria* ретроспективную, начинающуюся с создания родословной, поскольку воспоминание о реальных или считающихся реальными предках, давших начало роду, прежде всего конституирует сословное качество (“благородство”) знатной семьи, “аристократического дома” именно потому, что благородными становятся по рождению¹⁷. Или, словами Я. Ассмана, “власть нуждается в происхождении”¹⁸, так что *memoria* непосредственно легитимирует власть.

Из сказанного следует, что для самозванцев *memoria* должна была иметь, пожалуй, даже большее значение, чем для легитимных правителей-аристократов: им нужно было быть “как все”, а прошлого и, соответственно, *memoria*, не допускающей сомнений в их социальном “качестве”, у них не было. Поэтому они вынуждены методично заниматься ее созданием, присваивая себе чужое прошлое¹⁹. Прежде всего с помощью легенды о своем происхождении они включают себя в традицию *memoria* существующей династии²⁰. Приписывая себе ее прошлое, они присваивают и столь необходимые им “достоинства” правящего дома – длительность династии во времени, т.е. непрерывность и постоянство ее пребывания у власти, политическую и военную славу, которая сопровождает любое династическое правление и является славой не только рода, но и государства, богоизбранность (а значит – внеконкурентность) династии, ее сакральный характер. Другими словами, для того, чтобы встать в одном ряду с царственными предшественниками, самозванцы всеми доступными способами старались включить себя в уже существующую традицию власти²¹.

Таким образом, общеизвестное историкам событие – создание легенды – следует рассматривать как ретроспективную форму *memoria*. Об этой, направленной на прошлое, стороне *memoria* Лжедмитрия I исследователи писали довольно много. С помощью легенды и поверивших (или сделавших вид, что поверили) в нее сторонников Лжедмитрию удалось выдать себя за представителя династии Рюриковичей – младшего сына Ивана Грозного. Как в период борьбы за власть, так и после вступления на московский

престол он старался всячески подчеркнуть в глазах окружающих свою родственную связь с Иваном Грозным. Принятая им титулатура и государственная символика – все было призвано манифестировать его политическую и династическую идентичность с Юриковичами. Эта форма *memoria* зафиксирована в различных памятниках – в государственных печатях, свадебных медалях и монетах, созданных для Самозванца в Польше и в Москве.

Однако власть, как заметил Я. Ассман, “легитимируется ретроспективно и увековечивается проспективно”²². Об этой проспективной, т.е. направленной на будущее, стороне *memoria* Лжедмитрия исследователи писали меньше. С воцарением перед Самозванцем встала задача не только вписать себя в историю Московского государства, но и заявить о себе как о новом продолжателе этой истории. Он начинает последовательно добиваться данной цели. По свидетельству современника, Лжедмитрий “выбил монету в воспоминание нового государя и для всеобщего употребления”²³ – речь идет о монете с именем “Дмитрия Ивановича”, имевшей общероссийское хождение²⁴. За короткий период своего правления Самозванцу удалось создать собственный, отличный от предшествующих, образ московского правителя, оставив о себе память, нашедшую выражение в материальных памятниках. Эти артефакты – медали, монеты, печати, оружие и портрет – стали моими источниками. В специальной литературе сфрагистические и нумизматические памятники наряду с титулатурой и геральдикой исследованы довольно подробно²⁵, поэтому основное внимание будет уделено доспеху, штуцеру и портрету Лжедмитрия I.

Представленная работа – о создании Лжедмитрием I собственной *memoria*, направленной на увековечивание памяти о нем, и об использовании этой *memoria* для репрезентации своей власти. В статье поставлены следующие вопросы: каким образом манифестируется *memoria* Лжедмитрия? каково ее содержание и чем оно обусловлено? каковы особенности создаваемой Лжедмитрием *memoria*, когда она выполняет функцию репрезентации его власти?

* * *

Наиболее ранними материальными памятниками, составляющими *memoria* Лжедмитрия, следует признать печати, изготовленные для него в Кракове мастерами польского короля Сигизмунда III²⁶, потому их обычно называют польскими. Можно было бы ожидать, что они созданы в рамках московской традиции ре-

презентации власти, что соответствовало бы актуальной на тот период задаче “царевича Дмитрия” – обосновать свою тождественность с сыном Ивана Грозного и свое право на престол “предков”. Однако это не совсем так. Так называемая прикладная печать Лжедмитрия, появление которой датируется 1604 г.²⁷, не имеет ничего общего с русской геральдикой. Изображение двуглавого орла на ней формой крыльев идентично государственному символу Империи Габсбургов²⁸ при том, что головы его увенчаны тремя коронами – первый случай в истории Московского государства, а изображение всадника напоминает Георгия Победоносца и развернуто в геральдически правую сторону – по европейской традиции²⁹. Вторая польская печать, изготовленная позже предыдущей, – личная печать³⁰ Самозванца – имеет схожее изображение двуглавого орла, хотя всадник при этом уже исправлен в соответствии с русской традицией и развернут в геральдически левую сторону³¹. Считается, что эта печать – прямой аналог личной печати Ивана Грозного³², и потому ее создание можно рассматривать как декларацию преемственности власти Лжедмитрия от его “отца” – ретроспективную *memoria* Самозванца, указывающую на принадлежность к роду Рюриковичей. Хотя польские печати были призваны манифестировать и легитимировать право Лжедмитрия на русский трон, их исполнение представляло Самозванца в рамках европейской, а не московской традиции репрезентации власти³³. Заключение в них информация предназначалась европейцам: этими печатями скреплялись документы, адресованные Яну Замойскому, папе Клименту VIII и Юрию Мнишеку³⁴. Очевидно, для Лжедмитрия в его попытке овладеть московским престолом было важно найти союзников в Европе, и для достижения этой цели он воспользовался соответствующим “сфрагистическим языком”.

На “европейский” характер печатей повлияло и то, что их выполнили в мастерских польского короля, покровительствовавшего Лжедмитрию и способствовавшего его восхождению к власти. Сигизмунду III важно было подчеркнуть собственное участие в судьбе Лжедмитрия перед остальными монархами Европы, заявить о своем могуществе и политическом влиянии. На это указывает титулатура Лжедмитрия, сделанная на прикладной печати и соответствовавшая представлениям польских королей о политическом статусе русских правителей. Она являет собой усеченный вариант (“Божью милостию царевич Московский Дмитр Иванович”) полного титула, принятого Лжедмитрием

в Польше (“Мы, Дмитрий Иванович ... царевич великой Руси, Углетцкий, Дмитровский и иных, князь от колена предков своих и всех государств Московских государь и дедич”). В полном титуле присутствует элемент, характерный для польской традиции, – ссылка на наследственное обретение трона (“дедич”), не употреблявшаяся российскими государями, но известная в Речи Посполитой до эпохи Ваз³⁵. Тот же титул, что и на прикладной печати несла на себе медаль с изображением Лжедмитрия, изготовленная в Кракове³⁶. Она была отчеканена по приказу Сигизмунда III и предназначалась для раздачи гостям, присутствовавшим на его свадьбе с Констанцией Австрийской. Эта свадьба совпала во времени с бракосочетанием Лжедмитрия и Марины Мнишек при посредничестве посла, для чего в Краков прибыло русское посольство. Раздача медалей представляла Сигизмунда III в роли покровителя брака московского царя с подданной польской короны и демонстрировала гостям степень его влияния на московский трон.

Лжедмитрий, очевидно, понимал, что и польские печати, и медаль не скрывали его политической и финансовой зависимости от Сигизмунда III. Поэтому после восшествия на престол он приказал изготовить две другие печати. Обе они – “малая”³⁷ и “средняя”³⁸ – сделаны в Москве с учетом русской сфрагистической традиции. Данным шагом Лжедмитрий декларировал независимость своей власти от Сигизмунда III в глазах как московского, так и польского окружения. Аналогичной “декларацией независимости” можно считать и отчеканенную в Москве по заказу Лжедмитрия свадебную медаль³⁹, предназначенную для раздачи гостям на свадьбе Самозванца и Марины в Кремле. Московская медаль отличается от польской, сделанной по приказу Сигизмунда III, не только изображением орла, которое здесь соответствует русской эмблематике. Если на польской медали образ Лжедмитрия носит вполне европейский характер – он изображен с непокрытой головой, одетым в европейский костюм и без характерных символов власти – скипетра и державы, то здесь Самозванец запечатлен в традиционном “большом царском наряде” русских царей⁴⁰.

Но главным шагом, направленным на демонстрацию суверенности своей власти, стало принятие Лжедмитрием после восшествия на престол 31 июля 1605 г. титула императора⁴¹. Этот титул (в русско-латинской легенде – “цесарь”/“*imperator*”) также был отчеканен на “московской” свадебной медали Самозванца. На ней же была характерная деталь, подчеркивавшая его политические претензии, – корона, схожая формой с коронами импе-

раторов Священной Римской империи. Ее присутствие на медали соответствует историческим реалиям: Лжедмитрий венчался не одним, а двумя венцами, причем традиционной “шапке Мономаха” он предпочел “императорскую корону”, изготовленную пражскими ювелирами еще при Борисе Годунове по образцу короны императоров Священной Римской империи⁴².

Принятие титула императора является самостоятельным политическим шагом Лжедмитрия – он поступает вопреки воле польского короля (отказывавшего московским суверенам в праве даже на царский титул, именуя их “великими князьями”⁴³), и принятому на “отчем троне” обычаю⁴⁴. В этом аспекте особенности манифестации власти Лжедмитрия в материальных памятниках московского периода могут трактоваться как политическая демонстрация его готовности пересмотреть свои взаимоотношения с польской короной. На это указывает наградная золотая монета, отчеканенная по приказу Лжедмитрия⁴⁵, – точная копия монеты, изготовленной при Иване Грозном. В ее легенде фигурирует Полоцк – город, отвоеванный Иваном Грозным у Речи Посполитой, но ко времени правления Лжедмитрия уже возвращенный в ее состав, – ничто иное как вызов Сигизмунду III. Таким образом, “польские” и “московские” памятники соответствуют двум этапам политической карьеры Самозванца. Их мемориальный характер способствовал легитимации его претензий на русский престол и был своего рода заявкой на суверенность его власти. Европейская эмблематика на них свидетельствует еще об одной политической задаче – утвердиться в кругу западных правителей и поднять престиж Московского государства. Впрочем, данные задачи вполне соотносились с реальным политическим положением: отказавшись от роли “польского ставленника”, Самозванец был вынужден самостоятельно искать свое место в европейской политике. О том, как он его себе представлял, в определенной мере можно судить по специфической трактовке Лжедмитрием идеи “большой” печати Ивана Грозного.

“Большая” государственная печать (ил. 1–4)⁴⁶ предназначалась для скрепления важнейших дипломатических документов правового характера, например, мирных и торговых договоров. Но Лжедмитрий пользовался ею в частной переписке с Юрием Мнишеком⁴⁷ по поводу свадьбы с его дочерью Мариной. Формально переписка московского царя с подданным польской короны, статус которого был существенно ниже царского достоинства Лжедмитрия, не заслуживала скрепления такой “высокой”

Ил. 3. Оттиск Большой государственной печати, 1578 г.
Национальный Архив Дании (Rigsarkivet), Копенгаген

Ил. 4. Оттиск Большой государственной печати, 1583 г.
Национальный Архив Швеции (Riksarkivet), Стокгольм.
Фотограф Emre Olgun

Ил. 5. Части доспеха Лжедмитрия. ВИМАИВиВС, Санкт-Петербург.
№ 0137/369. Фотограф Сергей Рымша

печатью. Самозванец пренебрег этим принятым в канцелярии русских царей правилом, очевидно, потому, что брак с Мариной и родство с ее семьей представлялись ему событиями принципиальной важности. При этом у Лжедмитрия не было своей “большой” печати – он пользовался той, которая досталась ему от Ивана Грозного⁴⁸. Тем не менее, его собственное видение “большой” государственной печати все же нашло отражение в

одном из дошедших до нас памятников – на доспехе Лжедмитрия (ил. 5).

Доспех находится в собраниях двух музеев: части, состоящие из двух оплечий, двух наручей и двух набедренников, хранятся в собрании ВИМАИВиВС (Артиллерийский Музей)⁴⁹ в Санкт-Петербурге⁵⁰; кираса (спинная и нагрудная части) – в музее Института Искусств в Чикаго⁵¹. Изображения “большой” печати помещены на оплечьях доспеха: по два на каждом. Они представляют собой круглые эмблемы с двуглавым орлом, увенчанным открытой короной с пятью концами и крестом. На груди орла – щиток со всадником, развернутым в геральдически левую сторону. Орел окружен 13 круглыми эмблемами меньшего диаметра. В верхнем из них изображен Степенной Голгофский крест⁵², в остальных 12-ти – гербы земель, упоминаемых в царском титуле: Новгородский, Казанский, Астраханский, Псковский, Смоленский, Тверской, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский, Нижегородский и Черниговский” (ил. 6–9). Е.А. Кеммерер, опираясь на труд А.Б. Лакиера⁵³, определил, что геральдические рисунки на доспехе взяты с лицевой стороны “большой” печати Ивана Грозного. Он же, изучив особенности печати, заключил, что владельцем доспеха был Лжедмитрий I⁵⁴.

Соотнесенность “чикагской” кирасы (ил. 10–12) с частями, хранящимися в Санкт-Петербурге, установил в 1986 г. Л.И. Тарасюк⁵⁵. Он же выдвинул гипотезу о происхождении доспеха, изготовленного, по его мнению, по заказу польской знати или польского короля в качестве подарка для Самозванца. По версии Л.И. Тарасюка, доспех был закончен уже после смерти Лжедмитрия, и по этой причине остался в Польше, где хранился в Несвижском замке магнатов Радзивиллов, а затем исчез оттуда в результате разграбления польских замков после восстания 1863 г.⁵⁶ Гипотеза Л.И. Тарасюка нуждается в уточнении. Если доспех до 1863 г. действительно находился в арсенале Радзивиллов, это вовсе не доказывает, что он никогда не был в Москве. Он вполне мог быть вывезен оттуда после смерти Лжедмитрия или окончания Смуты и продан Радзивиллам. Вероятность дара Самозванцу со стороны Радзивиллов сомнительна. Они враждовали с Сигизмундом III, и у них не было причин поддерживать ставленника польского короля. В том случае, если доспех был заказан самим Сигизмундом III и не попал к Лжедмитрию, он, скорее всего, остался бы в Вавеле, королевской резиденции. Другими словами, нет серьезных оснований полагать, что доспех был подарком

Ил. 6. Доспех Лжедмитрия.
Фрагмент оплечья.
ВИМАИВиВС,
Санкт-Петербург. № 0137/369.
Фотограф Сергей Рымша

Ил. 7. Доспех Лжедмитрия.
Фрагмент налокотника.
ВИМАИВиВС,
Санкт-Петербург. № 0137/369.
Фотограф Сергей Рымша

Ил. 8. Доспех Лжедмитрия.
Фрагмент оплечья.
ВИМАИВиВС,
Санкт-Петербург. № 0137/369.
Фотограф Сергей Рымша

Ил. 9. Доспех Лжедмитрия. Фрагмент оплечья. ВИМАИВиВС, Санкт-Петербург.
№ 0137/369. Фотограф Сергей Рымша

Ил. 10. Доспех Лжедмитрия.
Нагрудник кирасы.
Музей Искусства, Чикаго.
№ 1982.2430а-в.
Фотограф Сергей Рымша

Ил. 11. Доспех Лжедмитрия.
Наспинник кирасы.
Музей Искусства, Чикаго.
№ 1982.2430а-в.
Фотограф Сергей Рымша

Лжедмитрию. На мой взгляд, Самозванец сам являлся заказчиком доспеха. На это указывают выбор печати, особенности передачи ее в качестве геральдического рисунка на доспехе и своеобразие заключенной в ней политической “программы”.

Почему для изображения на доспехе была выбрана именно эта печать? Полагаю, потому что она была уже хорошо известна в Европе и связана с именем Ивана Грозного и его внешнеполитическим курсом. Дата создания “большой” печати соотносится с Ливонской войной, которую вел Иван IV за прибалтийские земли. Успехи, одержанные в 1577–1578 гг., были побудительным мотивом для создания этой печати. В ее эмблемах нашли отражение как подлинные завоевания, так и оптимистические ожидания Ивана IV, на фоне военных побед казавшиеся вполне реалистическими. Речь идет о Риге и Ревеле, которые никогда не были завоеваны Иваном Грозным, но их эмблемы изображены вместе с другими вокруг двуглавого орла⁵⁷ (ил. 2). Для Лжедмитрия “большая” печать Ивана Грозного могла символизировать преемственность завоевательного внешнеполитического курса “отца”. Известно, что Самозванец планировал присоединение к Московии Крымского ханства и даже готовил поход на него. От периода подготовки Лжедмитрия к этой военной кампании сохранилась изготовленная по его приказу мортира. На ней сделана надпись: “БОЖИЕЙ МИЛОСТЬЮ ПОВЕЛЕНИЕМ ВЕЛИКОГО ГОСУДАРЯ ЦАРЯ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ДМИТРИЯ ИВАНОВИЧА ВСЕЯ ВЕЛИКИЯ РОССИИ САМОДЕРЖЦА, В ПЕРВОЕ ЛЕТА ГОСУДАРСТВА ЕГО ЗДЕЛАНА БЫСТЬ СΙΑ ПУШКА В ЦАРСТВУЮЩЕМ ГРАДЕ МОСКВЕ В ЛЕТА 7114 СЕНТЯБРЯ В 26 ДЕНЬ МАСТЕР ОНДРЕЙ ЧОХОВ”⁵⁸. Начать военные действия предполагалось весной–летом 1606 г., но поход не состоялся, потому что Лжедмитрий был убит в ходе восстания в мае 1606 г. Присоединение Крымского ханства к Московии завершило бы дело, начатое Иваном Грозным. К отношениям же со Швецией Лжедмитрий подходил с осторожностью⁵⁹. Не случайно на доспехе использована только одна, лицевая, сторона печати, где нет изображений эмблем не принадлежащих московскому царю Риги и Ревеля.

Смысл, заключенный в печати, соответствовал также политическим претензиям Лжедмитрия на титул императора. Г. Штёкль указывал, что формальный принцип расположения отдельных изображений вокруг центрального предмета русским был известен из икон, но подобного сфрагистического преце-

дента не существовало. При этом он не сомневался, что создание государственной печати, представляющей собой сочетание общегосударственной эмблемы и территориальных “печатей”, не являющихся реальными печатями и тем более гербами, не выглядит случайностью: композиция в целом символизирует единство земель, объединенных под эгидой московского государя⁶⁰. Эта идея была актуальна для Лжедмитрия. Присоединение к Московии Казанского и Астраханского царств было дополнено при Борисе Годунове завоеванием Сибирского царства. Поэтому присоединение Крымского ханства позволило бы объединить под властью московского суверена всех “татар”, включив в состав подвластных ему земель другое государство, что дало бы реальные основания для заявленной Лжедмитрием претензии на статус императора⁶¹. Эти политические ожидания – стать объединителем земель – нашли отражение в титуле, употреблявшемся во внешнеполитической переписке, в котором Лжедмитрий называл себя “цесарем ... всех Татарских царств”⁶². Имперские амбиции Лжедмитрия шли, кстати сказать, в характерном для современной ему Европы направлении – как раз на это время приходится воскрешение в политической и идеологической жизни Европы имперской идеи⁶³.

“Большая” печать Ивана Грозного была сделана по европейскому образцу. Похожая по композиции на государственные печати европейских стран той эпохи, на которых в гербовых щитах изображались эмблемы земель, русская печать вставала в ряд обычных для Западной Европы атрибутов королевской и императорской власти⁶⁴. В свете интереса к иерархии европейских государств, который был характерен уже для Ивана Грозного, создание такой печати выглядит закономерным – она включала московских государей в европейскую традицию репрезентации королевской власти. Такая печать лучше остальных подходила для манифестации власти Лжедмитрия на европейской арене и при этом сближала его с предшествующей московской традицией.

Из всего сказанного выше следует, что Лжедмитрий I, формируя собственный образ московского правителя, выбрал для декора доспеха “большую” печать Ивана Грозного сознательно. Доспех Лжедмитрия с изображениями печати является не только формой репрезентации его власти в *memoria*, но и, что встречается реже, формой рефлексии о власти. На это указывают отличия, очевидные при сопоставлении рисунка печати на доспехе с печатью

Ил. 12. Доспех Лжедмитрия. Фрагмент нагрудника кирасы. Музей Искусства, Чикаго. № 1982.2430a-b. Фотограф Сергей Рымша

Ивана Грозного, судить о которой можно по сохранившимся оттискам (ил. 3, 4)⁶⁵ и прорисовке А.Б. Лакиера (ил. 1)⁶⁶.

Так, в изображениях печати на доспехе отсутствуют кириллические надписи – нанесенные вокруг территориальных эмблем названия земель, входящих в состав Московского государства, а также титулатура московского правителя, составляющие легенду оригинальной печати⁶⁷ (ил. 8, 9). Геральдические фигуры, входящие в состав территориальных эмблем печати на доспехе, авторски стилизованы. Некоторые из них переданы на доспехе совершенно иначе, нежели на оттисках и прорисовке. Эта особенность впервые была отмечена Э. Ленцем, объяснявшим ее иностранным происхождением мастера, которому он приписывал незнание русской геральдики⁶⁸. На эмблемах печати на доспехе изменен и наклон некоторых фигур⁶⁹ (ср. ил. 1 и 8, 9). Кроме того, на всех территориальных эмблемах на доспехе присутствует условное изображение земли в виде четко прочерченного основания, на которое опираются геральдические фигуры и которого нет на оттисках и прорисовке “большой” печати (ил. 1). Все перечисленные решения соотносятся с европейской геральдической традицией.

Ил. 13. Доспех Лжедмитрия. Фрагмент оплечья. ВИМАИВиВС, Санкт-Петербург. № 0137/369. Фотограф Сергей Рымша

Изображение двуглавого орла, многократно воспроизведенное на доспехе (ил. 6, 7, 10–12), также специфично. Его крылья не сложены плотно и направлены вниз, как на оттисках и прорисовке печати, а несколько разведены в стороны. Кроме того, на крыльях изображены симметричные завитки (ил. 13) – элемент, присущий изображению орла не византийского⁷⁰, а габсбургского типа. Схожая ситуация наблюдается и с изображением хвоста у орла: в отличие от оригинальной печати перья орлиного хвоста на доспехе широко расправлены в стороны. Расположенный на груди орла щиток с изображением всадника тоже имеет несколько иную форму, чем на оттисках и прорисовке. Нельзя сказать, что это изображение двуглава коренным образом отличается от

принятых при начертании герба России в то время. Тем не менее, оно не тождественно рисунку на оттисках и прорисовке “большой” печати. Схожее изображение двуглавого орла (с геральдически правым, “европейским” разворотом всадника) встречается на итальянском шлеме, подаренном Федору Борисовичу Годунову Сигизмундом III⁷¹.

Наконец, крест, изображенный на короне, венчающей головы орла на доспехе, – иной формы, чем на оттисках и прорисовке печати (ср. ил. 1 и 8, 9). Вместо православного восьмиконечного креста изображен четырехконечный. Такой крест нанесен на упомянутом выше шлеме. Использование четырехконечного креста не было ошибкой иностранца, мало разбиравшегося в русской эмблематике, потому что Степенной Голгофский крест в 13-й круглой эмблеме нарисован правильно.

Высокое качество декоративного оформления доспеха не позволяет списать перечисленные выше особенности геральдического рисунка на нем на небрежность украшавшего доспех мастера. Отличия от изображения оригинальной печати Ивана Грозного точно повторяются на всех четырех печатях на оплечьях, и их характер свидетельствует о сознательном изменении печати на доспехе. Учитывая, что в западноевропейской традиции практика изготовления предварительных эскизов и чертежей к доспехам была общепринятой⁷², думаю, мастеру-декоратору был предоставлен не оттиск печати Ивана Грозного, а эскиз, предназначенный специально для этого доспеха. Он был сделан художником, которым в то время в России мог быть либо резчик печатей, либо ювелир или медальер (при дворе Лжедмитрия это были иностранцы⁷³). При создании эскизов для доспехов всегда учитывалось мнение заказчика. В высшей степени оно было важным при включении в декор доспехов геральдических эмблем. Обращение к государственной символике, как на доспехе Лжедмитрия, тем более не могло быть оставленным на усмотрение художника без контроля со стороны заказчика. Поэтому можно утверждать, что изображение печати Ивана Грозного на доспехе Лжедмитрия было переделано в соответствии с геральдическими канонами Западной Европы если не по прямому указанию Самозванца, то, по меньшей мере, с его согласия.

Использование государственной печати в декоре является уникальным случаем в истории западноевропейских доспехов. Аналогичного декоративного решения на других памятниках мне не встречалось. К своеобразию оформления доспеха следует от-

нести размещение печати на оплечьях, а не на кирасе, где чаще всего располагались геральдические знаки. Очевидно, доспех заказал человек, знакомый с европейской культурой создания рыцарского вооружения, но переосмысливший ее по-своему. На эту роль вполне подходит русский по происхождению и воспитанию Григорий Отрепьев, проникшийся рыцарской культурой в период своего пребывания в Польше и общения с польской шляхтой, в первую очередь с Адамом Вишневецким, которому Самозванец был обязан появлением на исторической арене⁷⁴, а также с Мнишеками. В связи с этим возникает искушение отнести появление доспеха к периоду пребывания Лжедмитрия в Польше. Но в тот период Самозванец репрезентировал себя как “царевича”, а не как “царя”, доказательство чему – соответствующие титул и печать, которые он тогда использовал⁷⁵. Скорее всего доспех был заказан Лжедмитрием в Москве, после венчания на царство. Именно тогда Самозванец, сознательно выстраивавший свою *memoria*, мог задумать этот доспех. В Западной Европе приобретение доспехов часто приурочивали к важным событиям, будь то коронация, свадьба или военная победа, память о которых надлежало хранить веками. Среди примеров такого рода – доспех Генриха VIII, сделанный к его бракосочетанию с Екатериной Арагонской⁷⁶, и доспех Фердинанда II, изготовленный к его свадьбе с Марией Анной Баварской⁷⁷. Европейские правители дарили друг другу доспехи в знак признания. Известен доспех, подаренный Максимилианом I Генриху VIII⁷⁸. В 1584 г. царю Федору Ивановичу послом Львом Сапегой от польского короля Стефана Батория был преподнесен доспех для всадника и коня работы Кунца Лохнера⁷⁹. Как символ одержанных побед, власти и могущества доспехи были предметом гордости и передавались из поколения в поколение, наряду с портретами, скульптурными изображениями, родословными и другими свидетельствами длинной традиции памяти (*memoria*) и славы (*fama*) аристократических домов. Речь Посполитая не была исключением из этой практики – до нас дошли доспехи Стефана Батория⁸⁰ и литовского князя Николая IV Радзивилла⁸¹.

Таким образом, “большая” печать Ивана Грозного в декоре доспеха является в некотором роде политическим манифестом Лжедмитрия. Выбор в пользу изображения именно этой печати указывает на ретроспективный характер *memoria*, манифестирующий в доспехе, – принадлежность Лжедмитрия к династии основателей русской государственности Рюриковичей и сопри-

частность к завоевательной политике Ивана Грозного. С другой стороны, изменение печати на доспехе отражает перспективную, направленную на будущее, *memoria* Самозванца – демонстрацию его политических амбиций и стремление войти в круг европейских правителей. Нанесение изображения “большой” печати Ивана Грозного на западноевропейский доспех – обязательный атрибут европейского правителя-“рыцаря” – является беспрецедентной для предшествующей Лжедмитрию традиции формой репрезентации власти московских царей. Чтобы убедиться в этом, обратимся к вопросу о месте доспехов среди боевых регалий правителей Московии.

Памятников, относящихся к оружию и доспехам русских царей, мало. Практически все они находятся в собрании Оружейной палаты Московского Кремля. Большинство их по происхождению – посольские подарки преимущественно восточного (арабского, иранского, турецкого) производства⁸². Редкие предметы относятся к изделиям московских и западноевропейских мастеров. Доспехи из Европы попадали к русскому двору исключительно в качестве подношений от зарубежных монархов. И хотя интерес к европейской культуре проявляли уже Иван III и Иван Грозный⁸³, можно утверждать, что ни они, ни их преемники не приобрели привычку использовать западноевропейские доспехи. Русский двор перед началом Смуты был далек от культуры рыцарства. Кроме доспеха Лжедмитрия I, наиболее ранний сохранившийся доспех (при этом – неевропейский)⁸⁴ принадлежит Михаилу Федоровичу Романову⁸⁵. Представляется, что доспехи как форма *memoria* царского дома, целью которой являлось создание и сохранение традиции памяти Рюриковичей, не играли важной роли в символической системе репрезентации власти московских царей, правивших до Романовых⁸⁶.

Тем не менее, какие-то зачатки культуры использования защитного вооружения для репрезентации царской власти в Московии все же были. Представление о них можно составить по двум шлемам. Первый из них – шлем Ивана Грозного, хранящийся в Оружейной палате Стокгольма⁸⁷. Он мало изучен, и пока неясно, где и какими мастерами он был изготовлен. Скульптурная форма и декоративное оформление шлема, особенно наличие восточной надписи⁸⁸ (или ее имитации⁸⁹) на верхнем орнаментальном поясе, указывают на его восточное происхождение. На нижнем орнаментальном поясе этого шлема – надпись на старорусском языке: “ШЕЛОМ КНЯЗЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ

СЫНА ВАСИЛИЯ ИВАНОВИЧА ГОСПОДАРЯ ВСЕЯ РУСИ САМОДЕРЖЦА”⁹⁰. Надпись подчеркивает венценосное происхождение Ивана Грозного и, тем самым, его наследственное право на власть в Московии. Шлем появился до принятия Иваном Грозным титула царя в 1547 г., так как в надписи он назван “великим князем”. Несколько похожих шлемов с надписями на восточных языках известны в казне московских царей в числе дипломатических подарков⁹¹. Один из них – турецкий шишак XVI в.⁹² – интересен своими кораническими надписями⁹³. Судя по ним, шлем предназначался воину-мусульманину. Возможно, русские цари не придавали значения этим надписям, рассматривая их как декоративный элемент.

Второй шлем – детский. Он сделан в 1557 г. по повелению Ивана IV для его четырехлетнего сына Ивана (1554–1581), о чем говорит расположенная на шлеме церковно-славянская надпись⁹⁴. О практике изготовления детских и миниатюрных доспехов историкам известно много. Европейская традиция дает в этом отношении богатый источниками материал⁹⁵. От московских царей сохранилось всего три защитных комплекта такого рода, и все они относятся к периоду правления Алексея Михайловича Романова⁹⁶. Шлем царевича Ивана тоже можно считать заимствованием европейской практики создания доспехов для детей из знатных фамилий. Надпись на нем, как и в случае с шлемом Ивана IV, манифестирует прирожденное предназначение Рюриковичей властвовать – идею, имевшую принципиальное значение для Ивана Грозного – первого русского правителя, принявшего титул царя, и основавшего тем самым традицию царской власти в Московском государстве.

Любопытно отметить, что шлемы Ивана Грозного и его сына носят исключительно репрезентативный характер. Это подтверждается их старомодной, устаревшей конструкцией, соотносимой с архаичностью всего комплекта государственных боевых регалий: в XVI–XVII вв. в его состав входили предметы уже не использовавшиеся русскими воинами, в то же время в нем отсутствовали меч и щит⁹⁷. Судя по надписям на шлемах, к ним не предусматривались никакие другие части вооружения, что также подчеркивает их символическую, а не утилитарную функцию. В отличие от русских царей, европейские правители приобретали доспехи, соответствующие техническим и эстетическим требованиям их времени, потому что применяли их для военных, а не только репрезентативных целей. Показательно, что последним

русским правителем, принимавшим непосредственное участие в сражении, был Великий князь Василий II Тёмный. Последующие государи осуществляли только номинальное руководство боевыми действиями, возлагая реальное командование на воевод⁹⁸. Можно утверждать, что упомянутые шлемы времени Ивана Грозного отражают традиционную для русских князей, но уже утраченную московскими царями военную функцию, и демонстрируют формальный статус правителя как полководца⁹⁹.

Восточный характер шлемов внешне сближает московских государей с астраханскими, казанскими, сибирскими и крымскими ханами (“царями”), что объясняется тесными контактами Московии при Иване III, Василии III и Иване IV с Оттоманской Портой и подвластным ей Крымским ханством. Видимо, для московских правителей, полагавших себя преемниками византийских императоров¹⁰⁰, Османская империя, как фактическая наследница Византийской империи¹⁰¹, представляла авторитетный образец репрезентации власти. Московские цари переняли этот восточный образец, по меньшей мере¹⁰², в доспехах, и следовали ему во внешних формах.

Пришедший к власти Лжедмитрий переосмысливает предыдущую традицию, обращаясь к образу западноевропейского правителя-“рыцаря”¹⁰³. Его комплект защитного вооружения предполагает (помимо сохранившихся частей) ожерелье, перчатки, шлем, возможно, не один, и крюк для копья, на что указывают отверстия на кирасе. Копейный крюк, учитывая, что в начале XVII в. копья уже выходили из употребления на войне, намекает на использование доспеха в турнирном поединке, предусматривавшем и защитную броню для лошади. Собственных доспехов (ни боевых, ни турнирных) – обязательного атрибута европейских королей и императоров – у московских царей до Лжедмитрия не было¹⁰⁴. Не проводили они и турниров, характерных еще в то время для европейской аристократии¹⁰⁵. Поэтому приобретение Самозванцем рыцарских лат можно рассматривать как его заявку на принадлежность к европейской политической элите и ее культуре¹⁰⁶. Показательно, что его доспех – не просто западноевропейской работы, а сделан по последней моде того времени в Милане, чьи оружейные мастерские обслуживали влиятельнейших аристократов Европы¹⁰⁷. При этом Лжедмитрий порывает и с традиционным внешним обликом московских царей, предпочитая европейское платье – одежду польских гусар¹⁰⁸. Он регулярно устраивает учебные бои и военные маневры, в которых

Ил. 14. Портрет Лжедмитрия I. Начало XVII в. ГИМ, Москва

лично принимает участие¹⁰⁹. Все это свидетельствует о претензиях Самозванца и выглядеть внешне, и считаться “своим” среди европейских монархов. На намерение Лжедмитрия остаться таким и в традиции памяти о себе указывает охотничий штуцер¹¹⁰, изготовленный немецким мастером и украшенный изображениями диких животных. Охота с таким оружием была развлечением европейских королей и императоров, а не московских царей. На стволе штуцера сделана надпись: “Dometrius Imperator”¹¹¹ – еще одно свидетельство, наряду с монетами, печатями, медалями и доспехом, в котором отразились политические притязания Самозванца на европейскую идентичность московского царя.

Характерные черты образа царя-европейца нашли отражение и в другой истинно европейской форме *memoria* знатных родов –

в светском портрете Лжедмитрия (ил. 14). Русское искусство в то время еще не знало этого жанра, известного в Западной Европе уже в конце XV в. Его главной задачей была передача визуального сходства, индивидуальности и социального значения портретируемого. Первые портретные изображения появляются в Московии лишь в начале XVII в. и к ним относят так называемые парсуны, которые по стилю, приемам и материалам живописи первоначально ничем не отличались от икон. Сохранились надгробные, мемориальные парсуны Скопина-Шуйского, Ивана Грозного и Федора Иоанновича. Прижизненные облики русских царей, в частности Ивана Грозного, известны в клейме иконы Богоматери Тихвинской из Благовещенского собора, на четырехчастной иконе Благовещенского собора в клейме “Приидите люди Трипостасному Божеству поклонимся”, предположительно, в композиции “Великий Вход” росписи алтаря Успенского собора в Свяжске¹¹². Другими словами, существующие образы русских царей относятся не к светской¹¹³, а к религиозной традиции¹¹⁴. Поэтому можно утверждать, что дошедший до нас парадный портрет Лжедмитрия в рыцарских латах начала XVII в. являлся совершенно нехарактерной для Московии формой репрезентации царской власти.

На полотне Лжедмитрий облачен в декорированный полудо-спех, включающий в себя кирасу, оплечья и наручи, и опоясан мечом, рукоять которого украшена золотом и драгоценными камнями. На столе рядом с Лжедмитрием находятся закрытый шлем с плюмажем и императорская корона. За спиной Самозванца, который стоит как бы в дворцовых покоях, открывается панорама местности с замком и городом, под стенами которого изображена батальная сцена и различимы войска под знаменами с московским двуглавым орлом. Смысл композиции картины очевиден: Лжедмитрий обращен спиной к своему прошлому, в котором остались борьба за власть и титул Московского царя, начатая им, как известно, в Польше, в Вишневецком замке при поддержке Вишневецких и Мнишеков, и поход на Москву в 1604–1605 гг., в котором Лжедмитрий в роли полководца возглавлял польско-казацкое войско. Итог военно-политических маневров Лжедмитрия, т.е. желанное обретение им Московского трона, символически обозначен короной и шлемом, изображения которых расположены на одном уровне с фигурой Лжедмитрия. То, что перед нами – русский царь, ясно из художественных деталей, таких как картуш с московским гербом, надпись и корона. При этом герб с двуглавым

орлом нарисован согласно европейской традиции: орел – габсбургского типа, а всадник на щитке развернут в геральдически правую сторону. Тот же вариант герба встречается на прикладной печати¹¹⁵ Лжедмитрия I, изготовленной в Кракове. Сделанная на портрете надпись на латыни – “Demetrius IMPERATOR Moschoviae, Ejus vxor Marianna MNISZCHOWNA Georgii Palatini Sandomiriensis ex Tarlowna Progenita Filia”¹¹⁶ – также присуща европейской, а не русской традиции. Схожая латинская надпись (“Demetrius Ioanis D(ei) G(ratia) imperator Russiae. Anno aetatis suae 24”¹¹⁷) встречается на медали, изготовленной в Москве по случаю свадьбы Лжедмитрия¹¹⁸. Портрет Лжедмитрия повествует об истории пути первого Самозванца к власти, в нем манифестируется триумф человека, ставшего московским царем, что позволяет датировать картину временем после венчания Самозванца на царство в 1605 г.

Memoria, нашедшая отражение в портрете Лжедмитрия, не просто лежит в русле европейской традиции – в ней вообще нет ничего специфически “московского”. Даже то “русское”, отражающее национальную идентичность правителя, – атрибуты государственной власти (герб, корона, титул) – передано на портрете на европейский манер. Это вносит “сумятицу” в традиционный образ московского царя, но в то же время делает образ Лжедмитрия-правителя узнаваемым для европейцев. Характер портрета указывает, что в роли его заказчика скорее всего выступил польский покровитель Лжедмитрия I А. Вишневецкий, в замке которого это полотно находилось с XVII в.¹¹⁹ в числе других портретов представителей этого знатного рода. У польского магната были личные мотивы заказать портрет Лжедмитрия, как и портрет Марины Мнишек¹²⁰, а также ряд картин, посвященных событиям, которые сейчас принято относить к Смутному времени¹²¹. Хотя Лжедмитрий пробыл у власти недолго и погиб бесславно, для А. Вишневецкого он был персоной, взошедшей на московский престол как сын Ивана Грозного и представитель династии Рюриковичей. Сам А. Вишневецкий находился в дальнем родстве с Иваном Грозным: его родственник Дмитрий Иванович Байда¹²² приходился Ивану Грозному троюродным дядей. “Московская царица” и супруга Лжедмитрия Марина Мнишек тоже была с А. Вишневецким в родстве: ее сестра Урсула была женой троюродного брата А. Вишневецкого – князя Константина Вишневецкого¹²³ (покровительствовавшего Лжедмитрию I), а отец сестер – Юрий Мнишек приходился К. Вишневецкому

тестем. Поэтому приобретением портретов Лжедмитрия и Марины А. Вишневецкий мог демонстрировать собственную социальную идентичность – родство с коронованными особами, дом которых для него ценен сам по себе, и принадлежность к которому – весомый вклад в его собственную *memoria* и *fama*¹²⁴. Традиция создания таких мемориальных изображений, демонстрирующих благородство и могущество рода, его родственных и социальных связей, была широко распространена в Европе среди представителей знатных фамилий или тех, кто еще только претендовал на благородный титул¹²⁵. Так, на семейных портретах со времен Реформации изображали хозяина с умершими предками, близкими друзьями и известными личностями¹²⁶. Тот же характер носят скульптурные изображения предков Максимилиана I в его домово́й церкви в Инсбруке, находящиеся там же бронзовые фигуры святых и бюсты римских императоров, которые, по замыслу Максимилиана I, должны были окружать его надгробие¹²⁷. Другими словами, за созданием портрета Лжедмитрия стоит *memoria* самого А. Вишневецкого и его усилия по “приращению благородства” (О.Г. Эксле) своего рода и обогащению традиции памяти о нем. Благодаря этому Лжедмитрий оказался включен не только в европейскую традицию репрезентации власти, но и в традицию памяти европейского аристократического рода.

* * *

Итак, если объединить сохранившиеся от времени Лжедмитрия I материальные памятники в единый комплекс целенаправленно созданной традиции, *memoria*, которая служила Самозванцу для политической репрезентации себя в качестве сына Ивана Грозного и “законного” московского царя, можно прийти к следующим выводам. Можно, во-первых, утверждать, что печати, медали, монеты, оружие и портрет Лжедмитрия вместе с письменными источниками (политическими обращениями, дипломатической перепиской) свидетельствуют о специфическом понимании им царской власти и своего места в борьбе за московский престол. Во-вторых, датировка и символическое содержание мемориальной традиции Самозванца позволяют соотнести историю ее формирования с двумя фазами политической карьеры “царя Дмитрия”.

Первую фазу истории *memoria* Самозванца я бы назвала конституирующей. Она относится к периоду пребывания Лжедмитрия в статусе претендента на русский трон. Все усилия Самозванца

были направлены тогда на обоснование своих политических претензий, и потому на данном этапе он пытался включить себя в традицию власти единственной легитимной династии в России – Рюриковичей. Присваивать политическую культуру московских царей, в частности Ивана Грозного, Лжедмитрий начал с обращения к русской государственной символике, что нашло отражение в его печатях “польского” периода. Однако уже в это время характер манифестации власти Лжедмитрия был европейским, что проявилось в “европеизации” основных символов русской государственности и использовании типично европейских геральдических и сфрагистических элементов на печатях и медали, изготовленных в Польше. Причинами данного феномена были, с одной стороны, причастность к политической карьере Самозванца польского короля Сигизмунда III и польских магнатов Вишневецких и Мнишеков, немало поспособствовавших приходу Лжедмитрия к власти в Московии, с другой стороны, необходимость для Лжедмитрия получить поддержку своих царских амбиций среди монархов Европы. Можно считать, тем самым, что первая фаза истории мемориальной традиции Самозванца, хотя и была отмечена его политической несамостоятельностью, стала для Лжедмитрия основой утверждения его политической идентичности.

Вторая фаза истории *memoria* Лжедмитрия наступает после его венчания на царство в 1605 г. и складывается под знаком его недолгого пребывания у власти до мая 1606 г. На этом этапе акценты политической манифестации властных амбиций Самозванца смещаются. В ней усиливается “русский элемент”, что отражено в печатях, свадебной медали и монетах “московского” периода, выполненных с учетом русской геральдической и сфрагистической традиции. Данным решением Лжедмитрий демонстрировал суверенность своей власти – жест, направленный, с одной стороны, в сторону Сигизмунда III, очевидно ожидавшего от Лжедмитрия послушания своей воле и потому ставшего для него препятствием в достижении политической самостоятельности, а с другой стороны, в сторону социальной элиты Московии, от чьей поддержки зависела прочность его положения на московском престоле. В то же самое время в мемориальной традиции Лжедмитрия не только сохраняется, но и развивается “европейский элемент”, который свидетельствует о сознательных устремлениях Лжедмитрия не к традиционным для московских царей образцам репрезентации власти – Византии и Османской империи, а к культуре власти Западной Европы. Наиболее ярко он проявился в

беспрецедентной для предшествующей Лжедмитрию московской политической традиции форме *memoria* – в итальянском доспехе Самозванца, украшенном “большой” печатью Ивана Грозного. Европейское исполнение “большой” печати Ивана IV на доспехе, равно как и принятый Лжедмитрием титул императора, его склонность носить европейскую одежду, участие в военных действиях и другие свидетельства обращения к образу европейского правителя-“рыцаря”, к которым следует отнести и намерения Лжедмитрия создать антиосманский союз христианских государств, открыть границы, привлечь в Россию иностранных специалистов и купцов, основать университет в Москве (они, правда, так и остались на уровне декларации по причине короткого пребывания Лжедмитрия у власти) – все это позволяет рассматривать заказанный “царем Дмитрием” доспех как политический манифест. Для Лжедмитрия доспех служил воплощением завоеванного им статуса московского царя и, одновременно, предвосхищением запланированных им военных побед и государственных свершений, которые должны были способствовать его славе и будущему приятию его в круг европейских королей. Использование западноевропейского доспеха как формы репрезентации королевской власти можно рассматривать как заявку Самозванца на европейскую идентичность русских царей. В отличие от первой фазы истории *memoria* Лжедмитрия, есть все основания усматривать в этой заявке собственное видение Самозванцем будущего Московского государства и расценивать ее как осознанную политическую программу и стратегию Самозванца.

¹ Среди наиболее актуальных исследований по этой теме: *Козляков В.Н.* Лжедмитрий I. М., 2009; *Скрынников Р.Г.* Самозванцы в России в начале XVII века: Григорий Отрепьев. Новосибирск, 1987; *Ульяновский В.И.* Российские самозванцы: Лжедмитрий I. Киев, 1993; *Он же.* Россия в начале Смуты: Очерки социально-политической истории и источниковедения. Киев, 1993; *Он же.* Лжедмитрий I и Украина: Указатель архивных источников и материалов. Киев, 1991; *Успенский Б.А.* Царь и самозванец: самозванчество в России как культурно-исторический феномен // Успенский Б.А. Художественный язык средневековья. М., 1982. С. 201–235.

² О появлении Лжедмитрия на исторической сцене см.: *Дневник событий, относящихся к Смутному времени (1603–1613 гг.)*, известный под именем истории ложного Дмитрия // РИБ. СПб., 1872. Т. 1: Памятники, относящиеся к Смутному времени. Извлечены из рукописей Императорской Публичной Библиотеки и Главного Штаба. Стб. 83.

³ *Скрынников Р.Г.* Указ. соч. С. 17–24.

⁴ В научной и научно-популярной литературе существует версия о том, что царевич Дмитрий был подменен другим ребенком и спасен. *Бестужев-Рюмин К.Н.*

- Письма Константина Николаевича Бестужева-Рюмина о Смутном времени. СПб., 1898; *Валишевский К.* Смутное время. М., 1991; *Суворин А.С.* О Димитрии Самозванце. СПб., 1906; *Костомаров Н.И.* Кто был первый Лжедмитрий. СПб., 1864. С. 60. Эти авторы считают, что так называемый Лжедмитрий был не самозванцем, а подлинным сыном Ивана Грозного.
- ⁵ *Лаврентьев А.В.* Царевич–царь–цезарь: Лжедмитрий I, его государственные печати, награжденные знаки и медали 1604–1606 гг. СПб., 2001. С. 4. Биографии Лжедмитрия см.: *Костомаров Н.И.* Названный Дмитрий // Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М., 2006; *Козляков В.Н.* Указ. соч.
- ⁶ *Дубовик В.В.* Родословные росписи “Иоанна Тимофея Шуйского” – самозванца Тимофея Акиндинова // Самозванцы и самозванчество в Московии: Материалы международного научного семинара (25 мая 2009 г., Будапешт). Будапешт, 2010. С. 155–179.
- ⁷ *Свак Д.* Несколько методологических и исторических замечаний о “самозванчестве” // Самозванцы и самозванчество в Московии... С. 56; *Перри М.* Самозванцы XVII в. и вопрос о легитимности правящего царя // Самозванцы и самозванчество в Московии... С. 67–69.
- ⁸ Подробнее об этом мотиве: *Чистов К.В.* Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. М., 1967.
- ⁹ Лжедмитрий I якобы показал на своей руке “изображение Московского орла”. Дневник Мартына Стадницкого // Русский архив. 1906. Кн. 2, № 5. С. 133. Текст грамоты Лжедмитрия приведен в: Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедицией Академии наук. СПб., 1836. Т. II, № 26. С. 76.
- ¹⁰ В польском хронографе об этом пишется: “...Бог чудесным образом, при содействии доктора, избавил его ото смерти, приготовленной ему Борисом Годуновым, который желая быть царем, приказал было задушить его в Угличе”. См. примеч. 2.
- ¹¹ Легитимность Михаила Романова от лица царевича Ивана Дмитриевича (сына Марины Мнишек и второго Лжедмитрия) оспаривали Иван Заруцкий и Марина Мнишек. Тимошка Анкидинов, выдававший себя за Ивана Васильевича Шуйского, осуждал как лжецаря Алексея Михайловича. *Свак Д.* Указ. соч. С. 54–56; *Перри М.* Указ. соч. С. 66–78.
- ¹² *Свак Д.* Указ. соч. С. 56. Почти общим местом в политической стратегии самозванцев было обещание народу “справедливого порядка”, “свободы”, “мира и спокойствия”. *Дубовик В.В.* Указ. соч. С. 177; *Буганов А.В.* Самозванчество и социально-утопические представления русских // Самозванцы и самозванчество в Московии... С. 186.
- ¹³ Подробнее: *Ариaultova Ю.Е.* “*Memoria*”: “тотальный социальный феномен” и объект исследования // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени / Под ред. Л. П. Репиной. М., 2003. С. 19, 20, 23, 35.
- ¹⁴ *Ассман Я.* Культурная память. М., 2004. С. 17, 41; *Эккле О.Г.* Аристократия, *memoria* и культурная память: Несколько замечаний по поводу мемориальной капеллы Фуггеров в Аугсбурге // Образы прошлого... С. 39–40.
- ¹⁵ Там же. С. 39.
- ¹⁶ Имеются в виду статьи: *Эккле О.Г.* *Memoria* Вельфов: домовая традиция аристократических родов и критерии ее изучения // История и память: историческая культура Европы до начала Нового Времени / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2006. С. 308–338, и цитирувавшаяся выше работа “Аристократия, *memoria* и

- культурная память...”, посвященная изучению создания разнообразных форм собственной *memoria* семьей аугсбургских купцов и предпринимателей Фуггеров в начале XVI в. См. также: *Kamp H. Memoria und Selbstdarstellung: Die Stiftungen des burgundischen Kanzlers Rolin*. Sigmaringen, 1993; *Borgolte M. Petrusnachfolge und Kaiserimitation: Die Grablegen der Päpste, ihre Genese und Traditionsbildung*. Göttingen, 1989; *Staub M. Memoria im Dienst von Gemeinwohl und Öffentlichkeit: Stiftungspraxis und kultureller Wandel in Nürnberg um 1500 // Memoria als Kultur / Hg. v O.G. Oexle*. Göttingen, 1995. S. 285–334.
- ¹⁷ Эжкле О.Г. *Memoria* Вельфов: домовая традиция аристократических родов и критерии ее изучения...
- ¹⁸ Ассман Я. Указ. соч. С. 75.
- ¹⁹ Известно, что Папа Римский Климент VIII, хотя и признал впоследствии первого Самозванца законным московским царем и даже утвердил за ним титул императора, сравнивал Лжедмитрия I с Лжесебастьяном португальским. Свак Д. Указ. соч. С. 49.
- ²⁰ Лжедмитрий не является автором легенды о чудесно спасшемся царевиче Дмитрие – она оформилась в 1598–1600 гг. в среде казачества, выдвигавшего впоследствии на русский престол многих самозванцев. При этом “Дмитрий” постепенно выработал версию своего “чудесного спасения”, используя различные варианты в зависимости от той среды, которой она была адресована. Там же. С. 53–54.
- ²¹ Подробнее: *Арнаутова Ю.Е. “Memoria”*: “тотальный социальный феномен” и объект исследования... С. 29.
- ²² Ассман Я. Указ. соч. С. 75.
- ²³ Сказания современников о Дмитрие Самозванце. СПб., 1856. Ч. 1. С. 339.
- ²⁴ Мельникова А.С. Монеты Лжедмитрия I. 1605–1606 // Тр. ГИМ. М., 1986. Вып. 61: Нумизматический сборник, ч. 9. С. 10–13.
- ²⁵ Среди исследований, посвященных этим вопросам: *Зверев С.В.* Польские медали Лжедмитрия I, их назначение и датировка // Нумизматический сборник: Материалы научно-практической конференции “100-летие Московского нумизматического общества”. М., 1990. С. 43–49; *Карзинкин А.О.* О медалях царя Дмитрия Иоанновича (Лжедмитрия I). М., 1889; *Мельникова А.С.* Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого: История денежной системы с 1553 по 1682 г. М., 1989; *Она же.* Очерки по истории денежного обращения XVI–XVII веков. М., 2005; *Соболева Н.А.* Русские печати. М., 1991; *Спаский И.Г.* Денежное обращение в Московском государстве с 1533 по 1617 г.: (историко-нумизматическое исследование) // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1955. № 44. С. 214–355.
- ²⁶ *Лаврентьев А.В.* Царевич–царь–цезарь. С. 40.
- ²⁷ См. ил.: Там же. С. 35. Прорисовка из книги “Снимки с древних русских печатей...”. М., 1882. Ч. 1.
- ²⁸ О стилистике изображения эмблемы орла: *Королев Г.И.* Стилистика двуглавых орлов XIII–XVII вв.: (сравнительный разбор) // Гербовед. М., 1999. № 38. С. 60–65; *Лавринов В.И.* Российский государственный орел: История эмблемы и символа // Гербовед. М., 1992. № 2. С. 9–21; *Соболева Н.А., Артамонов В.А.* Символы России. М., 1993.
- ²⁹ Подробнее: *Пчелов Е.В.* Бестиарий Московского царства: животные в эмблематике Московской Руси конца XV–XVII вв. М., 2001. С. 31–32.
- ³⁰ *Лаврентьев А.В.* Царевич–царь–цезарь. С. 38. Прорисовка из книги “Снимки с древних русских печатей...”.

- ³¹ Об этой эмблеме в русской традиции: *Агоштон М.* Из истории происхождения российской государственной символики: змеборец // Вестн. Волгоградского гос. архитектурно-строительного ун-та. Сер. “Строительство и архитектура“. 2005. Вып. 5 (17). С. 65–73; *Она же.* К вопросу о происхождении российской государственной символики: двуглав // Изв. Волгоградского гос. технического ун-та: Актуальные проблемы реформирования российской экономики. Волгоград, 2005. С. 102–111; *Соболева Н.А.* Очерки истории российской символики: от тамги до символов государственного суверенитета. М., 2006.
- ³² На личной печати Ивана Грозного изображен двуглавый орел, на груди которого щиток с изображением единорога. *Лаврентьев А.В.* Царевич–царь–цезарь. С. 39. Прорисовка из книги “Снимки с древних русских печатей...”. М., 1882. Ч. 1.
- ³³ Подробнее о московской традиции см.: *Агоштон М.* Великокняжеская печать 1497 г.: К истории формирования русской государственной символики. М., 2005.
- ³⁴ *Бильбасов В.* Письмо Лжедмитрия Клименту VIII // Русская старина. М., 1898. Т. 94. С. 307–308; *Дракохруст Е.И.* Иконографические источники, освещающие польскую интервенцию XVII в. // Тр. ГИМ. М., 1941. Вып. 14: Сб. ст. по истории СССР XVI–XVII вв. С. 36–37.
- ³⁵ *Лаврентьев А.В.* Царевич–царь–цезарь. С. 10, 12, 35, 37, 43–44.
- ³⁶ Там же. С. 52.
- ³⁷ Там же. С. 42. Прорисовка из книги “Снимки с древних русских печатей...”.
- ³⁸ Там же. С. 44. Прорисовка из книги “Снимки с древних русских печатей...”.
- ³⁹ *Лаврентьев А.В.* Лжедмитрий I: от царя к императору // Образы власти на Западе, в Византии и на Руси: Средние века. Новое время / под ред. М.А. Бойцова, О.Г. Эксле. М., 2008. С. 247.
- ⁴⁰ *Лаврентьев А.В.* Царевич–царь–цезарь. С. 53.
- ⁴¹ Титул “цезарь” употреблялся Лжедмитрием до декабря 1605 г., после чего был заменен на латинскую версию “imperator”. В России, равно как и в Польше, титул “цезарь” воспринимался как славянская форма титула “император”. *Успенский Б.А.* Царь и патриарх: Харизма власти в России: (Византийская модель и ее русское переосмысление). М., 1998. С. 141.
- ⁴² *Мартынова М.В.* К вопросу об атрибуции регалий царя Михаила Федоровича // Памятники культуры: Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология: Ежегодник 1981. Л., 1983. С. 392–403.
- ⁴³ Подробнее об этом: *Иконников В.С.* Дмитрий Самозванец и Сигизмунд III: Эпизод из истории Смутного времени Московского государства. Киев, 1890. С. 8–10; *Пирлинг П.* Из Смутного времени: (Дневник Андрея Лавицкого) // Русская старина. 1900. Т. 104. С. 693.
- ⁴⁴ Подробнее см.: *Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988. С. 74–76; *Прозоровский Д.И.* О значении царского титула до принятия русскими государями титула императорского // Изв. Русского археологического общества. СПб., 1877. Т. 8, вып. 5. Стб. 469, 471–474; Россия начала XVII в.: Записки капитана Маржерета. М., 1979. С. 148–149; Сообщение польских послов в России Александра Гонсевского и Николая Олесницкого “Об умерщвлении Московского государя Димитрия. 27 числа мая” // РИБ. СПб., 1872. Т. 1. Стб. 424.
- ⁴⁵ *Лаврентьев А.В.* Для каких целей были отчеканены “золотые” Лжедмитрия I? // Вспомогательные исторические дисциплины. СПб., 1998. С. 205.
- ⁴⁶ Печать датируется июнем 1577 – августом 1578 гг. Она не сохранилась, но ее отгиски дошли до нас на двух договорных грамотах 1578 и 1583 гг. (ил. 3, 4). Грамота 1578 г. находится в Национальном Архиве Дании в Копенгагене

(Rigsarkivet. Pergamentsamlingens udenrigske Afdeling. Rusland 1578). Она опубликована в: *Lind G.H. Ivan IV's Great State Seal and his Use of some Heraldic Symbols during the Livonian War // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. München, 1985. N 33. S. 481–494.* Грамота 1583 г. хранится в Национальном Архиве Швеции в Стокгольме (*Das große Staatssiegel Iwans IV., angefügt an einen Brief an König Johann III. Von Schweden, 1583 // Rigsarkivet. Diplomatica Collection. Muscovitica. V. 616, N. 2*). Она опубликована в каталоге выставки: *Der Kreml. Gottesruhm und Zarenpracht: Kunst und Ausstellungshalle der Bundesrepublik Deutschland, Bonn, 13th of February – 31st of May 2004. Bonn, 2004. S. 113.* Выражаю благодарность за информацию об этих оттиках Иохану Энгстрому и Джону Линду. Подробнее о печати см.: *Артамонов В.А., Соболева Н.А. Российская городская и областная геральдика XVIII–XIX вв. М., 1981. С. 154–167* (фото на с. 227–228); *Соболева Н.А. Русские печати. С. 209–215* (фото на с. 211); *Соболева Н.А., Артамонов В.А. Символы России. С. 26–32* (фото на с. 24–25).

⁴⁷ *Линд Д.* Большая государственная печать Ивана IV и использование в ней некоторых сфрагистических символов времен Ливонской войны // *Архив русской истории. М., 1994. Вып. 5. С. 202–209.*

⁴⁸ На то, что Лжедмитрий предпочел печать Ивана Грозного (по крайней мере в качестве эмблемы на доспехе), а не какого-то другого предшественника, указывают особенности ее изображения. Цари Федор Иванович, Борис Годунов, Василий Шуйский и Михаил Федорович использовали "большие" печати, отличавшиеся от аналогичной печати Ивана Грозного. На них над головами орлов изображены две короны, а между головами – Голгофский крест (но без Адама и орудий страстей). *Пчелов Е.В.* Бестиарий Московского царства... С. 30; *Вилинбахов Г.В.* Государственный герб России: 500 лет. СПб., 1997. С. 31.

⁴⁹ ВИМАИВиВС – Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи.

⁵⁰ Инв. № 0137/369. По сведениям Е.А. Кеммерера, доспех был приобретен в 1868 г. в Эмсе камер-юнкером А.И. Базилевским и подарен в 1870 г. императору Александру II. Так он стал частью императорской оружейной коллекции, располагавшейся в Царском Селе. *Кеммерер Е.А.* Вооружение, приписываемое Лжедмитрию, хранящееся в Царскосельском Его Величества арсенале // *Русская старина. 1872. Т. 5, № 2. С. 331–332.* Перед тем как преподнести доспех императору, А.И. Базилевский пытался продать его, о чем свидетельствует каталог аукциона, проходившего 26 апреля 1869 г. в Париже. На аукционе доспех Лжедмитрия был выставлен как лот 11. *Catalogue des armures, armes offensives & defensives des XVe, XVIe & XVIIe siècles faisant partie de la célèbre Collection de M. В*** (Базилевский. – Ю.И.) et dont la vente aura lieu Hotel Drouot, salle № 9. Le Lundi, 26 Avril 1869, a deux heures. P. 4.* Судя по пометке, сделанной на полях каталога, А.И. Базилевского не устроила цена, и потому он снял доспех с продажи. До 1936 г., когда доспех официально вошел в состав собрания ВИМАИВиВС, он был частью оружейной коллекции Государственного Эрмитажа (инв. № I 625). 29 сентября 1933 г. доспех был временно передан Эрмитажем в Артиллерийский музей на выставку "Смутное время" и затем оставлен там на постоянное хранение (АГЭ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 74. Л. 99–101). Перемещение его из Эрмитажа в Артиллерийский музей было, по всей видимости, малоизвестным фактом, так как среди некоторых историков еще сравнительно недавно бытовал миф о том, что доспех был продан в 1930-е годы в Чикаго. *Лавренов В.И.* О русских гербах на доспехах Лжедмитрия I // *Тверь, твер-*

ская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Тверь, 1997. Вып. 2. С. 355. В недавней работе Е.В. Пчелов, разоблачая историков, которые “допускают совершенно произвольные суждения”, сам безосновательно причислил доспех к собранию ГИМ в Москве. *Пчелов Е.В.* История государственной символики России: проблемы и направления исследования // *Вспомогательные исторические дисциплины в пространстве гуманитарного знания: Материалы XXI Международной научной конференции.* Москва, 29–31 января 2009 / РГГУ, ИАИ, кафедра ИВИД. М., 2009. С. 17–30. Хочу подчеркнуть, что доспех с момента своего поступления в императорскую оружейную коллекцию никогда не выбывал из нее ни в США, ни в Москву. Первоначально он хранился в Царскосельском Арсенале, затем – в Эрмитаже, а в 1936 г. поступил в ВИМАИВиВС, где и находится в настоящее время. Он выставлен в экспозиции “Рыцарского зала”, открытого в Артиллерийском музее в 2006 г. Подробнее см.: *Ефимов С.В., Рымица С.С.* Оружие Западной Европы XV–XVII вв. СПб., 2009. Т. 1.

⁵¹ Инв. № 1982.2430а-б.

⁵² Подробнее см.: *Бударагин В.П.* “Сила Крестная” и “титла кресту Христову” // *Старообрядчество в России (XVII–XX века).* М., 2004. Вып. 3. С. 291–296; *Щедрина К.А.* О некоторых особенностях иконографии горы Голгофы в изображении Креста и Распятия // *Ставрографический сборник.* М., 2001. Кн. 1. С. 287.

⁵³ Прорисовка печати: *Лакиер А.Б.* Русская геральдика. СПб., 1853. Ч. II. табл. XV.

⁵⁴ По эмблеме двуглавого орла, увенчанного одной короной, без скипетра и державы в лапах, Е.А. Кеммерер определил, что доспех был изготовлен до 1613 г. Он справедливо отмечал, что с избранием на престол Романовых двуглавый орел начинает изображаться с тремя коронами, со скипетром и державой в лапах. Впервые такой орел встречается на доспехе Михаила Федоровича. См.: *Зерцальный доспех царя Михаила Федоровича Романова.* Москва, 1616. Мастера Дмитрий Коновалов и Андрей Тирман. Государственная Оружейная палата (далее – ГОП), Москва, ОР–124. Е.В. Пчелов датирует появление в русской государственной геральдике трех корон над головой двуглавого орла 1625 г. на основании появления большей короны по сравнению с двумя другими на Малой печати Михаила Федоровича – “орловской воротной”. *Пчелов Е.В.* Бестиарий Московского царства... С. 32. Однако на доспехе Михаила Федоровича третья корона тоже больше по размеру, чем две другие. Появление в русской государственной геральдике трех корон правильнее отнести к дате создания доспеха – 1616 г. (как царская военная регалия доспех также является источником по государственной символике). В печати 1625 г. третья корона *закрепляется* в качестве государственной эмблемы. Западноевропейский характер доспеха (Е.А. Кеммерер ошибочно считал его немецким, а не итальянским), его стиль “эпохи упадка красивых рыцарских доспехов”, а также особенности геральдических рисунков на нем позволили Е.А. Кеммереру отнести его к концу XVI – началу XVII в. По его мнению, из всех московских царей, правивших в этот период, наиболее вероятным владельцем западноевропейского доспеха был Лжедмитрий I. *Кеммерер Е.А.* Указ. соч. С. 333–334. Добавлю, что доспех сделан для худощавого человека.

⁵⁵ *Tarassuk L.* Italian Armor for Princely Courts: Renaissance Armor from the Trupin Family Trust and G.F. Harding Collection, the Art Institute of Chicago. Chicago, 1986. P. 22–23.

- ⁵⁶ Ibid. P. 22–23.
- ⁵⁷ Цит. по: *Соболева Н.А.* Печать царства Казанского // Гасырлар авазы = Эхо веков. Казань, 2008. Вып. 1. С. 33–44. Считается, что Ивану IV важна была подобная мистификация для того, “чтобы произвести впечатление на получателя”, и как элемент его последующей “игры” с рядом государей прибалтийских стран, в частности со Швецией. *Линд Д.* Указ. соч. С. 213.
- ⁵⁸ *Мортира самозванца.* Москва, 1605. Мастер Андрей Чохов, литец Проня Федоров. ВИМАИВиВС, Санкт-Петербург, 9/58. Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи: история и коллекции / сост. В.М. Крылов, С.В. Ефимов, Л.К. Маковская, С.В. Успенская. СПб., 2004. С. 59.
- ⁵⁹ Считается, что балтийское направление было одним из главных во внешней политике Лжедмитрия и он не торопился начинать войну со Швецией, к которой склонял его польский король. *Ульяновский В.И.* Россия в начале Смуты... С. 7–53.
- ⁶⁰ *Stökl G.* Testament und Siegel Ivans IV. Opladen, 1972. S. 53.
- ⁶¹ Подробнее см.: *Лаврентьев А.В.* Царевич – царь – цезарь. С. 22–23.
- ⁶² “Наяснейший и непобедимейший самодержец и великий государь Дмитрий Иванович... цесарь и великий князь всея России и всех Татарских царств и иных многих государств, Московской монархии подлеглых, государь, царь и обладатель”. Посольство от великого князя Московского, Дмитрия Ивановича к Его Величеству королю, 1605 года // РИБ. Т. 1. Стб. 42; Старина и новизна: Исторический сб., издаваемый при Обществе ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III. М., 1911. Кн. 14. С. 235.
- ⁶³ Подробнее см.: *Лаврентьев А.В.* Лжедмитрий I: от царя к императору... С. 248.
- ⁶⁴ *Соболева Н.А.* Русские печати. С. 209–214; *Stökl G.* Op. cit. S. 53; *Piech Z.* Herrscher und Staat in den ikonographischen Quellen im Zeitalter der Jagiellonen // Die Jagiellonen: Kunst und Kultur einer europäischen Dynastie an der Wende zur Neuzeit. Nürnberg, 2002. S. 38.
- ⁶⁵ См. примеч. 46.
- ⁶⁶ См. примеч. 53.
- ⁶⁷ Вместо них на печатях на доспехе изображены два “кольца” (одно поменьше – обрамляющее орла, второе побольше – обрамляющее территориальные эмблемы), пропорционально точно соответствующие ширине и диаметру двух круговых строк с титулатурой Московского правителя на оттиске оригинальной печати. При этом составленные из бусин орнаментальные окружности, обрамляющие круговые надписи на оттиске, присутствуют в качестве орнамента и вокруг “колец” в декоре доспеха.
- ⁶⁸ *Ленц Э.* Указ. соч. С. 283.
- ⁶⁹ Коронованный дракон (или василиск) на эмблеме Казанского царства изображен стоящим на лапах, в то время как на оттиске оригинальной печати он опирается и на лапы, и на хвост. Куница на эмблеме Югорской земли стоит на всех четырех лапах, в то время как на оригинальной печати – только на двух. Об этих эмблемах подробнее см.: *Арциховский А.В.* Древнерусские областные гербы // Уч. зап. МГУ. 1946. Вып. 93: История, кн. 1. С. 58–59; *Лукичев М. П., Станиславский А.Л.* Печать Казанского царства начала XVII в. // История и палеография. М., 1993. С. 237; *Редин Д.А.* Рисунки печатей сибирских городов и острогов в “Служебной чертежной книге” С.У. Ремезова: (К вопросу о досто-

- верности изобразительного источника) // Сургут, Сибирь, Россия: Междунар. науч. конф., посвящ. 400-летию г. Сургута. Екатеринбург, 1994.
- ⁷⁰ *Соколова И.В.* Печати византийских императоров: Каталог коллекции Эрмитажа. СПб., 2007.
- ⁷¹ Шлем. Италия, XVI в. ГОП, Москва, ОР-297. Государева Оружейная палата / сост. И.А. Комаров, А.К. Левыкин, Е.А. Яблонская, О.И. Миронова, А.Н. Чубинский, Л.П. Кириллова. СПб., 2002. С. 313–314.
- ⁷² Некоторые эскизы доспехов опубликованы в: *Sous l'égide de Mars. Armures des princes d'Europe* / Ed. N. Chaudun. Paris, 2011.
- ⁷³ Одним из них был миланский ювелир Я. Челлари, входивший в ближайшее окружение Лжедмитрия. *Масса И.* Краткое известие о Московии в начале XVII в. М., 1937. С. 143. Ювелиры и оружейники относились к представителям наиболее тесно связанных между собой профессий, поскольку золочение и декорирование доспехов являлись неотъемлемой частью технологии их изготовления. *Pyhrr S.W., Godoy J.-A.* Heroic Armor of the Italian Renaissance: Filippo Negrolì and his Contemporaries. With Essays and a Compilation of Documents by S. Leydi. N.Y., 1999. P. 23–25.
- ⁷⁴ См. подробнее: *Свак Д.* Указ. соч. С. 49–50; Записки гетмана Жолковского о Московской войне. СПб., 1871. Приложение. Стб. 5–10.
- ⁷⁵ О “прикладной” печати Лжедмитрия см. примеч. 27. О титуле Лжедмитрия в тот период см. примеч. 35.
- ⁷⁶ Доспех английского короля Генриха VIII (1491–1497). Фландрия, Англия, Гринвич, 1515. Королевский Арсенал, Лондон, II.5. *Henry VIII Arms And The Man, 1509–2009* / Ed. by G. Rimer, Th. Richardson, J. P. D. Cooper. Leeds, 2009. P. 172.
- ⁷⁷ Доспех Фердинанда II (1578–1637), императора Священной Римской Империи с 1618 г. Мастер I.O., Милан, 1600. Художественно-исторический музей (далее – ХИМ), Вена, А 1712. *Beaufort C., Pfaffenbichler M.* Meisterwerke der Hofjagd- und Rüstkammer. Wien, 2005. S. 78.
- ⁷⁸ От этого доспеха сохранился только шлем: “Рогатый” шлем. Мастер Конрад Зюзенхофер, Инсбрук, 1511–14. Королевский Арсенал, Лондон, IV.22. *Henry VIII Arms And The Man...* P. 166.
- ⁷⁹ Подробнее о нем: *Опись Московской Оружейной палаты.* М., 1884. Ч. 3, кн. 2. С. 175.
- ⁸⁰ Доспех польского короля Стефана Батория (1522–1588). Турция, 1550–1560. ХИМ, Вена, А 609. *Beaufort C., Pfaffenbichler M.* Op. cit. S. 144.
- ⁸¹ Доспех князя Николая IV Радзивилла (1515–1565). Мастер Кунц Лохнер, Нюрнберг, 1555. ХИМ, Вена, А 1412. *Ibid.* S. 172.
- ⁸² Некоторые предметы переходили к царям от представителей знати. Среди них – шапка ерихонская “кучумовская” (Иран, XVI в., ГОП, Москва, ОР-164). В переписной книге 1686/87 г. указано поступление ее от Бориса Петровича Шереметьева (ум. 1650). *Комаров И.А., Яблонская Е.А.* Парадное оружие русских государей XVI–XVII вв. М., 2006. С. 54.
- ⁸³ Подробнее см.: *Лабутина Л.Т.* “Западничество” и “англомания” Ивана Грозного: (К вопросу о вестернизации политической элиты России) // *Нобилитет Старой Европы* / под ред. С.Е. Федорова, А.Ю. Прокопьева. СПб., 2010. С. 274–281.
- ⁸⁴ В Оружейной палате находится байдана (защитная одежда в виде рубахи, сбранной из широких плоских металлических колец), которую приписывают Борису Годунову (ОР-31). Государева Оружейная палата... С. 316. Насколько

мне известно, на ней нет никаких надписей или изображений, указывающих на владельца, и пока не найдено никаких источников, доказывающих, что она принадлежала ему.

⁸⁵ См. примеч. 54.

⁸⁶ К вопросу о военной атрибутике в системе репрезентации власти русских царей обращался А.К. Левыкин. По его заключению, в доромановской России в комплект *лично*го вооружения московского царя входили: три саадака (в XVI в. саадак состоял из лука в налуче и стрел в колчане), копье, сулица (небольшое копье с листовидным наконечником), рогатина (тяжелое копье), пищаль и шлем. Доспех (как защита для туловища) в числе этих предметов не встречается. *Левыкин А.К.* Русское церемониальное оружие XVI–XVII вв. // Королевский двор на политической культуре средневековой Европы: Теория. Символика. Церемониал. М., 2004. С. 383–408.

⁸⁷ Шлем Ивана Грозного. Иран, XVI в. Оружейная палата (далее – ОП), Стокгольм, 20389 (2634).

⁸⁸ Гипотеза о наличии на шлеме коранической надписи была выдвинута переводчиком Генерального консульства Исламской республики Иран и преподавателем персидского языка Арашем Амирханлу. По его мнению, надпись читается как “Аллах Мухаммед”, повторяется по венцу шлема семь раз, и является сокращением выражения “Велик Аллах, и Мухаммед пророк его” (“Нет Бога кроме Аллаха, и Мухамед пророк его” (?)) или другой суры. Эта версия была документально зафиксирована сотрудниками астраханского Музея Боевой Славы (в этом музее шлем был выставлен на временную экспозицию в 2009 г.) Е.Г. Арутюновой и Н.В. Курьяновой. С этим официальным заключением (датированным июнем 2009 г.) мне позволила ознакомиться куратор стокгольмской Оружейной палаты Анна Мария Дальберг. Судя по отчету, сотрудники музея разделяют версию А. Амирханлу, при этом считают, что надпись сделана на “редком диалекте арабского языка”.

⁸⁹ Лингвистический анализ надписи на шлеме проведен Барбарой Бруни, специалистом по древневосточным языкам из Университета Флоренции и зафиксирован в ее официальном заключении от 26 июля 2011 г. По ее мнению, надпись на шлеме не читается ни на арабском, ни на османском турецком языках, хотя и имеет лингвистические аналогии с андалузско-магрибскими каллиграфическими системами. Она не исключает, что надпись является имитацией арабских графем, и в этом случае она была нанесена человеком, не владеющим арабским языком.

⁹⁰ Е.Г. Арутюнова и Н.В. Курьянова считают, что начертание русских букв в надписи на шлеме выдает в ее авторе “южнославянина или малоазиатского грека”.

⁹¹ Опись Московской Оружейной палаты... С. 20–37.

⁹² Шишак. Турция, XVI в. ГОП, Москва, ОР-165. Шишак – шлем полусферической формы с возвышением на макушке и навершием – шишечкой.

⁹³ По венцу шишака нанесено золотом: “ВО ИМЯ БОГА БЛАГОГО И МИЛОСЕРДНОГО ДАЛ ТЕБЕ ПОБЕДУ ЯВНУЮ, ДА ОТПУСТИТ БОГ ТЕБЕ ГРЕХИ, КОТОРЫЕ СОДЕЯЛ ТЫ И КОТОРЫЕ СОТВОРИШЬ, ИСПОЛНИТ ТЕБЯ ГОСПОДЬ БЛАГОДАТИ СВОЕЙ, НАСТАВИТ НА ПУТЬ ПРАВДЫ И УКРЕПИТ МОЩЬЮ ПРЕСЛАВНОЙ”. Другие надписи помещены на наушах шишака: “БОЖЕ ЕДИННОСУЩНЫЙ ЦАРЬ ВСЯЧЕСКИХ, БЕССМЕРТНЫЙ, ПРЕМУДРЫЙ, СВЯТЫЙ”. На назатыльнике надпись: “Я ПОСЛАЛ ТЕБЯ ПРОСВЕТИТЬ РОД ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ, НЕВЕРНЫЕ ЖЕ, УСЛЫШАВ, ЧТО

ТЫ ПРОПОВЕДУЕШЬ УЧЕНИЕ АЛКОРАНА, ХОТЯТ СМУТИТЬ ТЕБЯ ВЗОРАМИ СВОИМИ И, ЗАВИДУЯ ТЕБЕ, СТАНУТ ГОВОРИТЬ: ОН ОДЕРЖИМ БЕСОМ”. Государева Оружейная палата... С. 300–301.

⁹⁴ “ПОВЕЛЕНИЕМЪ БЛАГОВЕРНАГО И ХРИСТОЛЮБИВАГО ЦАРЯ ВЕЛИКАГО ГОСУДАРЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА ВСЕА РУСИИ САМОДЕРЖЦА СДЕЛАН ШЕЛОМ СЕЙ БЛАГОВЕРНОМУ СЫНУ ЕГО ЦАРЕВИЧУ ИВАНУ ИВАНОВИЧУ В ЧЕТВЕРТОЕ ЛЕТО РОЖДЕНИЯ ЕГО В ПРАИМЕНИТОМ ЦАРСТВУЮЩЕМ ГРАДЕ МОСКВЕ В ЛЕТО 1557”. Шлем Ивана Ивановича, сына Ивана Грозного. Москва, 1557. ГОП, Москва, ОР-9. *Комаров И.А.* Древности Российского государства. Государева Оружейная палата. СПб., 2002. С. 23.

⁹⁵ *Миллер Ю.А.* Детское и миниатюрное оружие XVI–XVII вв. в собрании Эрмитажа. СПб., 2006. В Речи Посполитой практика изготовления детских доспехов тоже существовала. См.: Детский доспех польского королевича Владислава IV Вазы (1595–1648). Милан, 1605. ОП, Стокгольм, 2620. *Smith R.D.* Heavy Metal: Focus on European Armour. Delft; 2004. P. 54.

⁹⁶ Государева Оружейная палата... С. 325–325.

⁹⁷ См. примеч. 86.

⁹⁸ *Левыкин А.К.* Указ. соч. С. 404.

⁹⁹ Подобного нельзя сказать о сохранившемся оружии приближенных русских царей – представителей родовой и служилой аристократии, занимавшейся государственной и военной деятельностью – дворян, бояр и князей. Практически все оно подписано, т.е. изначально было рассчитано на узнавание, демонстрацию имени, статуса и рода занятий того, кто им владел. Так как военная служба при царском дворе и на границах Московии входила в сословные обязанности этих людей, а для многих из них (малоземельных и безземельных) вообще была единственным занятием и источником дохода, то, вероятно, для них было свойственно манифестировать свою родовую *memoria* в оружии и доспехах. См.: Кольчуга князя Петра Ивановича Шуйского. Россия, 1542–1564. ГОП, Москва, ОР-19. На кольчуге прикреплена медная запонка с вырезанной на ней надписью: “КНЯЗЯ ПЕТРОВЪ ИВАНОВИЧА ШУСКОГОВА”; Нож в ножнах подсадачный князя Андрея Ивановича Старицкого. Россия, 1513. ГОП, Москва, ОР-64/1-3. На одной грани обуха надпись: “КНЯЗЯ ОНДРЕЯ ИВАНОВИЧА ЛЕТА 7021”; Палаш И.В. Измайлова. Италия, начало XVII в. ГИМ, Москва, 68257 2666/1-2 ор. На клинке надпись: “ПОЛАШЪ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА (И)ЗМАЙЛОВА”. Палаш – вид рубяще-колющего клинкового холодного оружия со сложной гардой и с широким, длинным и прямым к концу клинком; Шапка ложчатая боярина Никиты Ивановича Романова. Россия, XVI в. ГОП, Москва, ОР-2060; Подсадачный нож Ивана Ивановича Кубенского. 1535. ГИМ, Москва 57358 ор. 1009. На обухе надпись: “Ножь князь Ивановъ Ивановича лета 3МГ”.

¹⁰⁰ Концепция “Москва – Третий Рим”, хотя и была изложена в послании монаха Филофея только в 1523–1524 гг., как идея преемственности Москвы от Восточно-Римской империи, в том числе и в контексте дипломатических взаимоотношений с государями Священной Римской империи, существовала уже в 1480–1490 гг. *Синицына Н.В.* Третий Рим: Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVII вв.). М., 1998. С. 118–121.

¹⁰¹ Преемственность была оформлена обрядом венчания турецкого султана Мехмеда II в сан патриарха по византийскому обряду. *Werner E.* Sultan Mehmed der Eroberer und die Epochenwende im 15. Jahrhundert. Berlin, 1982. S. 29.

- ¹⁰² Саадак и саадачный покровец, которые А.К. Левыкин признает главными государственными боевыми регалиями в XVI–XVII вв., являются восточными по своему характеру, поэтому можно полагать, что и в оружии московские цари следовали восточным образцам репрезентации власти. *Левыкин А.К.* Указ. соч. С. 405.
- ¹⁰³ В современной Лжедмитрию Европе правителем-рыцарем, проводившим турниры и лично принимавшим участие в боевых действиях был Максимилиан III. Подробнее см.: *Podhorodecki L.* Sławni hetmani Rzeczypospolitej. Warszawa, 1994.
- ¹⁰⁴ Кроме упоминавшегося в примеч. 79 подарка от Стефана Батория.
- ¹⁰⁵ Подробнее по этой теме см.: *La civiltà del torneo*, sec. 12.–17. *Giostre e tornei tra Medioevo ed Età moderna: atti del 7. Convegno di studio*, Narni, 14–15–16 ottobre 1988 / Centro studi storici. Narni, 1990; *La ronde: giostre, esercizi cavallereschi e loisir in Francia e Piemonte fra Medioevo e Ottocento: atti del Convegno internazionale di studi*, Museo storico dell'Arma di cavalleria di Pinerolo, 15–17 giugno 2006 / a cura di F. Varallo. Firenze, 2010; *Sperandini G.M.* Feste, spettacoli e tornei cavallereschi nella Modena di Cesare d'Este, 1598–1628. Modena, 2008.
- ¹⁰⁶ Лжедмитрию I безусловно приписывается еще меч или палаш (см. примеч. 99). Считается, что он стал собственностью Ивана Васильевича Меньшова Измайлова, дворянина, рынды при дворе Лжедмитрия I и стольника при Василии Шуйском, в период его короткой службы при “дворе” королевича Владислава в 1610–1611 гг. К Лжедмитрию I исследователи ошибочно отнесли этот меч по сохранившимся на нем изображениям единорогов, сделанным раньше владельческой надписи. Орел и лев: Россия и Швеция в XVII веке: Каталог выставки. М., 2001. Кат. № 171. Единорог встречается в русской государственной геральдике, наравне с орлом и львом, начиная с Ивана III. Он также изображался на личном гербе Ивана IV. При этом единорог ставился не только на предметах, принадлежавших царям, но и на оружии царских телохранителей и военных знаменах. *Вилинбахов Г.В.* Русские знамена XVII века с изображением единорога // *Сообщ. Государственного Эрмитажа*. Л., 1982. Вып. 47. С. 22–24. Говорить о том, что палаш принадлежал царю вообще и Лжедмитрию в частности, – некорректно. Дворянин Измайлов в силу своего социального положения действительно мог обзавестись этим клинком при дворе одного из московских царей, но необязательно при Лжедмитрии. Если Е.В. Пчелов прав, и образ единорога близок к фигуре государя, значит единорог на клинке указывает всего лишь на причастность владельца оружия к государственной службе. *Пчелов Е.В.* Бестиарий Московского царства... С. 41–57.
- ¹⁰⁷ Атрибуция доспеха Лжедмитрия является самостоятельной научной проблемой, которая выходит за рамки настоящей статьи. Гипотеза Л.И. Тарасюка, предположившего, что доспех вышел из мастерской Помпео делла Чеза (*Pompeo della Cesa*, 1537–1610; *Tarassuk L.* Op. cit. P. 22.), нуждается в серьезном пересмотре с учетом современных знаний о деятельности Помпео и взаимодействии миланских оружейников в XVI–XVII вв. В настоящее время можно уверенно говорить только о том, что доспех Лжедмитрия был выполнен одним из безымянных пока для нас миланских мастеров, с чьим авторством соотносится целая группа доспехов, принадлежавших представителям итальянской и испанской знати середины XVI – начала XVII в. Этот мастер, вероятно всего, сотрудничал с разными посредниками, и Помпео делла Чеза был одним из них. Подробнее: *Parate Trionfali. Il manierismo nell'arte dell'armatura*

- italiana / Ed. S. Leydi, J.-A. Godoy. Geneva, 2003; *Pyhrr S.W., Godoy J.-A.* Op. cit.
- ¹⁰⁸ Дневник Марины Мнишек. С. 47, 53.
- ¹⁰⁹ *Лаврентьев А.В.* Лжедмитрий I: от царя к императору... С. 250; *Он же.* Царевич–царь–цезарь. С. 125.
- ¹¹⁰ Штуцер – нарезное дульнозарядное ружье. Штуцер Лжедмитрия I. Австрия (?), мастер Михаэль Цольнер (?), начало XVII в. ВИМАИВиВС, Санкт-Петербург, 0181. *Ефимов С.В., Рымиша С.С.* Указ. соч. Т. 2. С. 250–255. Почему авторы приписали создание штуцера некоему Михаэлю Цольнеру – неясно. Оружейник с таким именем не приведен ни в одном из существующих каталогов оружейных клейм. Известны дрезденские мастера Георг Цольнер и Гаспар Цольнер, возлагать на которых изготовление этого штуцера нет никаких оснований, так как на его стволе стоят инициалы “MZ” и клеймо, которое к этим мастерам не относится.
- ¹¹¹ Ошибка в имени, допущенная гравировщиком.
- ¹¹² *Кваливидзе Н.В.* Священный образ царя в московской живописи второй половины XVI в. // Священное тело короля: Ритуалы и мифология власти / под ред. Н.А. Хачатурян. М., 2006. С. 436.
- ¹¹³ Одним из первых светских портретов русских правителей стало изображение Михаила Романова, выполненное Иоанном Генрихом Ведекиндом в 1636 г., оригинал которого до наших дней не дошел, а копия, сделанная в 1728 г., находится в доме-музее Петра I в Таллине.
- ¹¹⁴ *Самойлова Т.Е.* Княжеские портреты и роспись Архангельского собора Московского Кремля // Исторический вестник. 1999. № 3/4. С. 153–219; *Кызласова И.Л.* О древнем портрете великого князя Василия III // Архангельский собор Московского Кремля. М., 2002. С. 220–258; *Преображенский А.С.* Ктисторские портреты средневековой Руси и их воздействие на русскую иконографию (XI–XV вв.): Автореф. дис. ... канд. искусствовед. М., 2004.
- ¹¹⁵ См. примеч. 27.
- ¹¹⁶ “Дмитрий ИМПЕРАТОР Московии, супруг Марианны МНИШКОВНЫ, Георгия воеводы сандомирского и Тарловны урожденной дочери”.
- ¹¹⁷ Легенда этой медали – двуязычная. Надпись на русском гласит: “Дмитрий Иванович Б(о)ж(иею) м(и)л(остию) цесарь Роскии. Ле(та) царства сво(е)г(о) 1”.
- ¹¹⁸ См. примеч. 39, 40.
- ¹¹⁹ В Вишневецком замке в Польше портрет находился до XIX в., затем он был подарен Александру III владельцем замка Толли. Сейчас экспонируется в ГИМ в Москве.
- ¹²⁰ Портреты Лжедмитрия I и Марины Мнишек – парные. Марина Мнишек изображена на портрете (ГИМ, Москва) в коронационном платье. Позади нее художник изобразил сцену ее венчания на царство. Надпись на полотне сходна по содержанию с надписью на портрете Самозванца: “Marianna MNISZCHOWNA Georgii Palatini Sandomiriensis ex Tarlowna Progenita Filia, Vxor Demetrius IMPERATORIS Moschovia” (“Марианна МНИШКОВНА, Георга сандомирского воеводы и Тарловны урожденная дочь, супруга Дмитрия ИМПЕРАТОРА Московии”).
- ¹²¹ Среди них: Обручение Марины Мнишек и посланника А. Власьева в Кракове. Неизвестный польский художник, 1605. ГИМ, Москва.
- ¹²² Дмитрий Иванович Байда (ум. 1563), князь Вишневецкий, князь Белевский (1557–1559), Черкасский и Киевский староста (1550), господин Молдавии,

избранный великий князь Валахии (1563), гетман Войска Запорожского (1551–1557, 1559–1563), православный шляхтич, магнат.

¹²³ Константин Вишневецкий (1564–1641), князь Вишневецкий, воевода Белевский (1536–1638), Русский (1638–1641), староста Кременицкий и Черкасский (1620–1638).

¹²⁴ Экле О.Г. Меморія Вельфов...

¹²⁵ См. подробнее: Экле О.Г. Аристократия, *memoria* и культурная память...

¹²⁶ Арнаутова Ю.Е. *Memoria*: “тотальный социальный феномен” и объект исследования... С. 35.

¹²⁷ Подробнее: Экле О.Г. Аристократия, *memoria* и культурная память...

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНЫХ ПРАКТИК

Посвящается светлой памяти
С.В. Оболенской

К.А. Левинсон

“ВРАЖДУЮЩИЕ ШКОЛЫ ПО ПРИРОДЕ СВОЕЙ – БОЕВЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ”: ИЗ ИСТОРИИ СТЕНОГРАФИИ В ГЕРМАНИИ

УДК 94 (687.2) 02

В статье рассматривается история стенографии в немецкоязычном ареале, причем не с точки зрения развития самой техники быстрой записи, а с точки зрения того, какое место в социальной и культурной жизни немецкого общества XIX–XX вв. занимала “*стенографическая жизнь*”, т.е. комплекс практик, включающий и собственно стенографирование, и связанные с ним прямо или косвенно занятия, такие как изучение, преподавание, совершенствование и пропаганда различных стенографических систем, участие в работе и досуговой активности стенографических обществ, борьба за преобладание на рынке и издание специальной прессы. Автор делает вывод, что стенография играла роль, далеко выходящую за рамки чисто прагматической полезности: она была работой, мировоззрением, полем битв. Стенография с ее культом рационального использования ресурсов, с ее борьбой систем и с ее организациями представляла собой очень показательный элемент целого комплекса социально-культурных феноменов, характерных для немецкой культуры XIX–XX вв.

Ключевые слова: история стенографии, “стенографическая жизнь”, стенографические общества, социо-культурные практики, немецкое общество XIX–XX вв.

Key words: history of shorthand, “shorthand activities”, shorthand associations, cultural and social practices, German society on the nineteenth and twelfth centuries.

В наши дни исчезает из публичного обихода стенография – техника скоростной записи, возникшая еще в Античности¹ и пережившая период своего наиболее массового распространения и наиболее интенсивного качественного развития в XIX – первой

половине XX столетия. Еще в середине минувшего века владения ею требовали от секретарей и делопроизводителей, а в ряде стран оно было даже непременным условием для приема на государственную службу вообще. Уроки стенографии входили в учебные планы, например, германских² школ и гимназий. Сейчас уже никто не обязан уметь стенографировать, а список учебных заведений, в которых этому учат, становится все короче. Шеф стенографической службы одного из земельных парламентов ФРГ, имеющий в своем подчинении 12 сотрудников, сетовал в 2005 г., что, несмотря на хорошую оплату, квалифицированных специалистов уже было все труднее найти³. Если не считать парламентов (и то не во всех странах), стенографистов все реже сегодня привлекают для протоколирования, несмотря на то, что количество заседаний, требующих протокола, не становится меньше. Число студентов, которым нужно конспектировать лекции, или работников, которым надо делать записи на совещаниях, не убывает, а скорее возрастает, однако стенографируют они сегодня гораздо реже, чем 100–150 лет назад. В огромной мере это связано, конечно, с появлением новых технических средств: диктофонов и компьютерных программ, переводящих устную речь в письменный текст. Однако ими пользуются не во всех ситуациях, где раньше широко применялась стенографическая запись. Возможно, падение популярности стенографии отчасти объясняется действием тех же механизмов, которые управляют колебаниями моды вообще и моды в письменности в частности⁴. Так или иначе, мы имеем дело с почти завершившейся историей целой культурной Атлантиды. Ведь уходит в прошлое не только техника записи. Вместе с ней уходит целый мир специфических культурных практик, существовавший – по крайней мере, в немецкоязычной части Европы – на протяжении полутора столетий. Там вокруг стенографии кипела бурная социальная и интеллектуальная жизнь: она была для множества людей не просто одним из навыков, но и профессией, для некоторых даже главным делом всей жизни; с нею были связаны судебные процессы и парламентские слушания (в свою очередь, протоколировавшиеся с ее помощью); существовали специальная пресса, курсы, съезды, соревнования стенографистов; повсеместно можно было встретить стенографические ассоциации. В данной статье я хотел бы в первом приближении определить место и своеобразие того, что я назвал бы “*стенографической жизнью*” (т.е. и собственно стенографирования, и связанных с ним занятий: изучения, преподавания и пропаганды стенографии, участия

в деятельности стенографических обществ) в социально-культурной жизни немецкого общества на протяжении XIX и примерно двух третей XX в.

Историографически тематика эта мало проработана. В русскоязычной литературе она до сих пор практически не освещалась⁵. По пальцам одной руки можно пересчитать германские и австрийские монографии, посвященные истории немецкой стенографии вообще и интересующих нас аспектов в частности⁶. Некоторое количество статей об истории отдельных систем или локальных организаций удалось найти в стенографической прессе, а в германском и австрийском биографических словарях⁷ – данные о создателях систем и видных деятелях стенографического движения. Приходится, однако, делать поправку на то, что эти тексты в подавляющем большинстве своем написаны “изнутри”, т.е. самими стенографистами, с мемориальными целями, поэтому они несут на себе признаки героической корпоративной истории и даже агиографии⁸. В отсутствие современной теоретико-методологической разработки темы данная статья представляет собой первые подступы к ее историческому изучению “извне”. Для того, чтобы ввести читателя в курс дела, в первой части статьи будет в общих чертах сказано об истории различных стенографических систем. Эта информация будет ограничиваться необходимым минимумом: обзор истории немецкой стенографии в принципе должен быть предметом отдельной публикации. Во второй части я сосредоточусь собственно на проблематике “стенографической жизни” и связанных с нею практик и институтов.

В качестве источников я буду использовать сохранившиеся в архивах и библиотеках ФРГ образчики стенографических журналов, уставы организаций и списки их членов, официальную корреспонденцию – все эти материалы (за небольшими исключениями) ранее не публиковались. Из трудов по истории стенографии также будет заимствован некоторый фактический материал.

I

Первая стенографическая система в немецкоязычном ареале – она была адаптацией английской – появилась в самом конце XVIII в.⁹ Однако действительно массовое распространение стенография получила в первой половине XIX в., после того как появилась собственно немецкая система, разработанная баварцем Францем Ксавером Габельсбергером. Она использовалась лично автором уже в 1820-х годах на службе в Баварском ландтаге, а опубликована

была в 1834 г. (усовершенствованный вариант – в 1849 г.). Немного позже – в 1841 г. – опубликовал плоды своих многолетних усилий изобретатель другой немецкой стенографической системы – Генрих Август Вильгельм Штольце. Впоследствии появились десятки других систем, как построенных на базе одной из этих двух, так и сочетавших их принципы, а в некоторых случаях и независимых от них обеих. Но все остальные системы имели в целом меньшее распространение, хотя в локальных масштабах некоторые из них и достигали превосходства в численности сторонников.

В общественно-политических условиях Германии XIX в., когда идеалы объединения и унификации царили во многих умах, многие выступали за то, чтобы власти ввели в единой стране единую стенографическую систему. При этом, естественно, приверженцы каждой из школ считали именно свой вариант наиболее подходящим для всеобщего и повсеместного употребления. Уверенные в своем превосходстве, школы иногда прямо или через прессу зывали к правительствам с просьбой организовать некое решающее соревнование, на котором была бы выявлена лучшая система, достойная быть законодательно введенной в качестве единственной и обязательной в учебных заведениях, администрации и армии. Так, школа Роллера заявляла в 1903 г.: "Полезно было бы, если бы мы могли потребовать от государства того, чего мы имеем права требовать от него как граждане, если только оно не хочет выглядеть совсем уж несправедливым по отношению к нам. Пускай оно устроит сравнительное испытание разных систем, и если оно непредвзято подведет итог, то пусть наша система и окажется хуже по сравнению с другими – мы смиримся. В ином же случае пускай оно не дает преимуществ другим системам перед нами, вводя их в учебных заведениях и нанимая стенографистов исключительно из других школ. То, что оно так поступает, не подвергнув нашу систему испытанию, мы воспринимаем как ущемление, чтобы не сказать несправедливость"¹⁰. Этот конкурс так и не был никогда проведен, поскольку министрам было ясно, что он стал бы состязанием людей, а не систем. Некоторые правительства – например, австрийское и швейцарское – сделали выбор, основываясь на степени распространенности той или иной системы в пределах своих стран. Другие же – например, прусское и имперское – предпочитали сохранять плюралистическую конкурентную ситуацию на рынке стенографических услуг. Берлин намеренно и подчеркнуто не выказывал предпочтения ни одной из школ. Это проявлялось не только в принципах найма стено-

графистов на государственные должности (в рейхстаге, например, работали одновременно представители нескольких разных систем), но и в символических актах: например, Министерство по делам религии, образования и медицины не рекомендовало кайзеру разрешать прусскому принцу Фридриху Леопольду принять приглашение стать почетным председателем конгресса одной из систем, поскольку другими системами это могло бы быть истолковано как знак предпочтения¹¹. Конкуренция была не чисто “рыночной”: школы боролись не только за клиентов и учеников, но еще и за симпатии властей, видя в них главного арбитра, призванного рано или поздно присудить победу одной из них и принять ее либо – в идеале – как таковую, либо, в крайнем случае, как основу для создания синтетической единой стенографии.

Приемы этой конкурентной борьбы были примерно одинаковы у всех школ, так как они быстро заимствовали их друг у друга, пусть и осуждая порой на словах особенно “некрасивые” методы. Например, газета “Die Deutsche Stenographenzeitung” сообщала об «очень неприглядной рекламе стенотахиграфистов. Она заключается в том, что в поездах Северной Германии в некоторых купе наклеиваются небольшие бумажки с рекомендацией “упрощенной немецкой стенотахиграфии (убористого скоростного письма)”»¹². Назойливые и вездесущие коммерческие рекламные объявления в то время еще были в Германии для многих непривычны. Однако законы рынка брали свое, и всякого рода рекламные плакаты, листовки, брошюры и т.п. материалы использовали все школы.

Стремясь заполучить в союзники правителей и правительства, некоторые ассоциации пробовали обращаться к ним напрямую с просьбой о поддержке. Председатель Союза стенографистов системы Арендса г-н Занд, например, послал прусскому министру юстиции запрос о введении арендсовой стенографии в подведомственных ему органах. На это он получил, как обычно, ответ, что министр не может встать на сторону какой-то одной системы. Сообщение об этом со злорадством перепечатал журнал системы Меркеса, назвавший поступок Занда проявлением “рвения новичка”: сами меркезианцы уже знали, что такими мерами добиться преимуществ невозможно¹³.

Другие школы боролись за благосклонность коронованных особ: они преподносили им экземпляры своей печатной продукции, а в 1885 г. конгрессы школ Штольце–Шрая и Габельсберге-ра начали посылать прусскому королю и кайзеру приветственные телеграммы с выражением верноподданнических чувств, напоминая ему как о себе, так и о его функции “патрона наук и искусств”.

Через десять лет их примеру последовали конкуренты – ассоциации приверженцев Роллера, Арендса, Шрая, “Национальной” стенографии Куновских и др. Все три монарха, правившие Пруссией и империей в 1885–1918 гг., неизменно передавали отправление благодарности за телеграммы, но сохраняли нейтралитет.

Видя, что правительства отдают пальму первенства тем школам, которые демонстрируют наибольшее число последователей, все организации стремились опубликовать и довести до сведения властей (присылая свои издания в соответствующие правительственные инстанции) как можно более впечатляющие статистические данные о том, сколько человек обучаются у них стенографии, каково количество ассоциаций, какова численность их членов, каков прирост по сравнению с прошлым годом и т.п. Конкуренты же оспаривали корректность этих подсчетов, вскрывали случаи жульничества – например, учета “нестенографирующих членов” или ассоциаций, состоящих из одного человека и не имеющих места для собраний. Подобными взаимными обвинениями заполнены многие страницы немецкой стенографической периодики на протяжении десятилетий¹⁴.

О том, какого накала достигали страсти в этой борьбе и в какой мере она определяла все существование стенографических школ, можно судить по лексике, используемой в периодических изданиях. Вот, например, как комментировал провал очередной попытки объединения систем анонимный автор статьи в журнале “*Merkesia*” – органе стенографической системы Меркеса – в начале XX в.:

«Примирительный тон, который недолгое время царил в габельсбергериянских и штольце-шраевских изданиях, кстати, уже давно опять уступил место прежнему бескомпромиссному, непримиримому, зачастую гнусному. Но мы вовсе не считаем правильным на этом основании говорить о том, что шансы на объединение уменьшились. Было с самого начала ясно, что враждующие школы – а они ведь по природе своей суть боевые организации – не смогут долго выносить непрерывного пения мирных свирелей. Осуществить объединение наскоком было невозможно, различные школы по своим организационным возможностям были в настоящее время и не в состоянии вести мирные переговоры. Поэтому старая борьба – жизненная стихия стенографических школ – просто не могла не начаться опять. И нельзя не согласиться с [газетой “*Der deutsche Stenograph*”], что обрыв мирных переговоров был воспринят в школе Штольце–Шрая “как избавление от кошмара”. Даже “голубь мира” магдебургский учитель Штарк снова зовет на бой»¹⁵.

Помимо рекламы и агитационно-пропагандистских мероприятий, на успех той или иной системы в каждой земле влияли, разумеется, и пространственная близость к тому центру, где жил и творил ее изобретатель, и культурные различия между регионами. С одной стороны, в XIX в. сравнительно быстро шла интеграция, важнейшей вехой в которой стало образование Германской империи в 1871 г. и сопутствовавшее ему принятие унифицирующих законов во многих сферах; все больше германских государств либо втягивались в политическую и культурную орбиту Пруссии, либо полностью аннексировались ею. С другой стороны, многие немецкие государства относились к прусской гегемонии амбивалентно. Играли свою роль и конфессиональные различия между католическим югом и лютеранским севером, и традиционный партикуляризм, еще не сдавший позиции единому “германскому” национальному сознанию. Подобно тому, как каждое государство во второй половине XIX в. ввело у себя собственную орфографию, в большей или меньшей мере отличную от прочих, стенография оказалась тоже до известной степени втянута в эти процессы и конфликты; каждая из систем рассматривалась (причем не только ее сторонниками) как воплощение тех или иных ценностей, отчасти ассоциировавшихся с Севером (в особенности с Пруссией), либо с Югом (в особенности с монархиями, стремившимися сохранить некоторую независимость от Пруссии).

Ф.К. Габельсбергер, католик, жил и творил в Мюнхене. Его система получила наибольшее распространение, а со временем и абсолютное преобладание в странах южной части немецкоязычного ареала, прежде всего в Баварии, Саксонии и Австрии. Г.А.В. Штольце, лютеранин, жил и работал в Берлине. Стенография, созданная им, стала преобладающей в Пруссии и тех странах, которые были завоеваны Пруссией, а также в Швейцарии.

О том, какие разные ценности отражали конкурирующие стенографические системы, говорит такой пример. Если система Габельсбергера именовалась “искусством” (либо безоценочно – “искусством речевых знаков” – *Redezeichenkunst*, либо хвалебно – “высоким искусством”), то система Штольце и его последователей называлась “научной”¹⁶. Связано это было с тем, что в основе лежала “у Габельсбергера – гениальная интуиция, у Штольце – железная последовательность”¹⁷. В системе Габельсбергера некоторые буквы не обозначались, схожие звуки обозначались одинаково, а легко восстанавливаемые по контексту части слов

и предложений пропускались, так что расшифровка написанного требовала известного воображения (“интуиции”), а зачастую и допускала разные варианты прочтения. Габельсбергер свою систему создавал и совершенствовал, не избегая неопределенностей и противоречий, нередко используя “оппортунистические”, не согласованные друг с другом решения для частных случаев. Многое оставлялось на волю пишущего. Это делало его стенографию гибкой и – при известном уровне квалификации – сравнительно удобной в применении, но сложной в изучении, а также очень затруднило предпринятую его последователями работу по унификации правил системы. Что же касается целевой группы, то идеал Габельсбергера был скорее элитарным: он мечтал сделать стенографию достоянием “всех образованных людей”, что означало в то время только представителей средних и высших слоев буржуазии и дворянства.

Трудность и непоследовательность габельсбергеровой стенографии, как указывали ее критики, вели к тому, что лишь немногие ученики даже после длительных занятий были способны действительно быстро и правильно вести записи с ее помощью. Шел поиск альтернативных решений, которые легче давались бы учащимся. Путь к такому облегчению берлинец Вильгельм Штольце усматривал в большей строгости и последовательности правил, а достичь этого он рассчитывал путем постановки дела на научную основу. В соответствии с принципами научности Штольце, много лет изучавший стенографические системы прошлого, проработавший огромную литературу по историческому языкознанию и комбиниовавший теории Беккера, Гримма и Гумбольдта, принес в стенографию “дух точности, регулярности и полноты”¹⁸. Он создал систему, в которой выписывались почти все буквы и были “полностью соблюдены филологическая правильность и постоянная устойчивость орфографических обозначений (принципы, которые Пруссия взяла на вооружение, отличая себя тем самым от южногерманских государств)”¹⁹. Тем самым Штольце «остановил распространение более летучего²⁰ Габельсбергерова “искусства речевых знаков” по всей Германии». Его идеалом было превратить стенографию во всеобщее письмо, которое полностью сменило бы традиционный алфавит, превзойдя его в простоте, экономичности и универсальности. Соответственно, целевой группой системы Штольце были “все”. И в самом деле, с течением времени на курсах ей стали обучаться и рабочие, и ремесленники. С одной стороны, штольцеанцы ставили это себе в заслугу, с дру-

гой стороны, они признавали, что “усиленный приток из низших слоев общества” отпугивал представителей более “чистой публики” от участия в занятиях²¹.

По соображениям места здесь невозможно рассказывать о культурных особенностях прочих, менее крупных стенографических систем. Вне зависимости от того, насколько велики были сходства или различия между ними, конкуренция и даже идейная вражда разделяла всех: “дружественных” стенографических школ не было, и на фоне постоянных разговоров о необходимости единения терпели крах почти все попытки достичь компромисса. Если слияния в виде исключения все же осуществлялись (например, были объединены системы Штольце и Шрая, а позже на базе систем Штольце–Шрая и Габельсбергера была создана Единая немецкая стенография), то противников у этого процесса было не меньше, чем сторонников. Я позволю себе привести длинную цитату из речи одного депутата рейхстага (законодательный орган Германии посвятил целое заседание “стенографическому вопросу”!), в которой очень образно описывается “душевное состояние” тех, кто был связан с той или иной стенографической системой. Выступая 16 мая 1925 г., депутат д-р Т. Хойс начал свою речь с параболы:

«В одном городе к северу от Пекина встретились два немца. От одиночества они сдружились. По прошествии некоторого времени выяснилось, что один из них прусак, а другой – баварец, и их дружба оказалась несколько омрачена. Но через несколько месяцев они снова были вместе и неплохо ладили друг с другом до тех пор, пока не обнаружили, что один из них – протестант, а другой – католик. Опять размолвка! И все же одиночество заставило их снова сойтись. И тут оказалось, что один был габельсбергерианцем, а другой – штольце-шрайанцем. После этого они расстались навсегда. (Оживление в зале). Эта история, – продолжил оратор, – вероятно, не имела места в Китае, но она очень часто происходила в Германии. (Возгласы “Очень верно!” со стороны немецких демократов и социал-демократов). Разумеется, это веселое преувеличение; но оно поясняет, может быть, предпосылки того, что мы, собственно, сегодня обсуждаем: необычайно трудную попытку практически решить практический вопрос, который в Германии затвердел в виде вопроса мировоззренческого, ибо немцы из технических проблем сразу делают мировоззрение. Я могу говорить об этом совершенно свободно потому, что я много лет тому назад тоже этим переболел и мои собственные воспоминания полны системным пылом и системным воодушевлением. Я еще очень отчетливо помню это чувство, когда мы, молодые парни, почитав школьное издание [журнала системы] Штольце–Шрая “Warte”, взирали на соседа из системы Габельсбергера со смесью недоверия и сочувствия

по поводу того, чего он не может, или того, что вообще в этой системе подозрительно. Когда я думаю об этом душевном состоянии традиционной немецкой солидарности стенографистов, – а чувства их были вполне взаимны, – то я знаю: психологически абсолютно исключено, чтобы немецкие стенографические школы могли по собственному почину, без какого-либо государственного принуждения, когда-либо прийти к объединению.

Причина очень проста. Когда стенография создавалась, она была искусством, художественным упражнением, ей было присуще что-то от тайной науки, для служения которой подбирают и воспитывают учеников. Тот, кто владел ею, чувствовал себя впереди всех остальных. У него было какое-то преимущество перед остальными. Умение стенографировать было преимуществом, даже когда религиозная община превратилась в массу рутинно работающих ассоциаций»²².

Завершая разговор о конкуренции стенографических систем, скажу лишь, что она продолжалась более века. В течение десятилетий многочисленные попытки выработать компромиссный вариант разбивались о жесткое сопротивление всех школ, каждая из которых утверждала, что в этой гибридной системе ее достоинства соединены с недостатками других систем и тем самым загублены. В конце концов германское правительство взяло дело в свои руки и, не считаясь с результатами рабочих встреч и переговоров с представителями школ, в середине 1920-х годов ввело синтетическую Единую немецкую стенографию в школах и государственных учреждениях. Поначалу она была непопулярна, но постепенно благодаря государственной поддержке получила монопольный статус. А остальные системы, независимо от их достоинств и недостатков, стали терять приверженцев в силу “эффекта координации”: людей и учреждений, использовавших только новую стенографию, становилось все больше, и тем, кто ею не владел, становилось все труднее найти заработок. Процесс монополизации завершили нацисты, которые переименовали “единую” стенографию в просто “немецкую”, запретили преподавать и использовать в государственных учреждениях все остальные системы, а все стенографические ассоциации слили в одну. После 1945 г. эти меры были отменены, однако популярность старых систем в Германии уже не восстановилась до такого уровня, чтобы составлять серьезную конкуренцию Единой стенографии. Гром многолетних баталий, впрочем, слышался еще очень долго: в 1954 г., по случаю 30-летия единой системы, газета “Die Stenographenpost”, публикуя указ министра внутренних дел, согласно которому владение именно этой стенографией ставилось

условием приема на службу в федеральные учреждения, одновременно писала о юбилейных общенациональных соревнованиях юных стенографистов, что те прошли с большим успехом и “тем самым 30 лет спустя после создания Единой стенографии было доказано то, что наши противники не хотят признавать: Единая стенография – хорошая система и германская молодежь привержена ей”²³. Пять лет спустя эта же газета писала, что “если сегодня еще есть некоторые, желающие вернуть то положение вещей, которое царило более 35 лет назад, то это нас не смутит. Число вечно вчерашних настолько мало, что они практически вовсе незаметны”²⁴. Короче говоря, борьба систем продолжалась до тех пор, пока не ушло из активной жизни последнее поколение, учившееся до середины 1930-х годов. На сегодняшний день в Германии есть альтернативные стенографические системы, в том числе и такие, которые появились уже во второй половине XX в., но они ведут скорее маргинальное существование и о борьбе, подобной той, что бушевала лет сто назад, сегодня никто уже и не вспоминает.

Вернемся теперь в XIX в., чтобы сказать о том, как стенографическая деятельность – поверх всех различий и борьбы между системами – изменила ситуацию на рынке труда в Германии. Бурное развитие стенографии и как техники, и как профессии началось в немецких землях в первой половине столетия, когда все чаще стали протоколироваться заседания законодательных органов, судебные процессы, собрания общественных организаций, конгрессы и т.п. – а их, по политическим причинам, в те годы становилось все больше: формировались гражданское общество с его институтами и парламентский государственный строй. Именно тогда возникли те “экологические ниши”, в которых профессиональные стенографисты находили пропитание и признание вплоть до наших дней: постоянные парламентские стенографические бюро, заказы по протоколированию отдельных мероприятий, а также преподавание стенографии – самовоспроизводство профессии. Позже, по мере увеличения числа капиталистических предприятий и связей между ними во второй половине и ближе к концу XIX в., добавилась наиболее крупная, массовая ниша: стенографирование в делопроизводстве и письмоводительской практике коммерческого сектора.

Работа в парламентах была для немецких стенографистов притягательной целью, прежде всего в силу своей престижности.

Оплата была не очень высокой, нагрузка – огромной, но быть стенографистом ландтага или тем более рейхстага значило для человека получить наивысшее признание как своих собственных профессиональных способностей, так и достоинств той системы, которой он пользовался. Парламентских стенографистов было всего несколько сотен по всем германским землям, и принадлежать к их числу было заветной мечтой новичков. Красноречивым подтверждением этому служит реклама одного берлинского кафе, помещенная в стенографической периодике на рубеже XIX–XX вв.: владелец приглашал стенографистов собираться у него, так как место очень удобно расположено, от него всего 25 минут на трамвае до здания рейхстага! Понятно, что реклама была рассчитана не только на тех нескольких человек, которые действительно в этом здании работали, но на гораздо более широкий круг тех, кто мечтал туда попасть.

Если в парламентские бюро попадали только лучшие из лучших, то на разовые заказы – например, вести стенограмму какого-нибудь съезда или судебного процесса – могли рассчитывать уже сотни менее квалифицированных стенографистов, а быстро писать под диктовку мог научиться едва ли не каждый. Причем, что важно, для стенографиста почти не имело значения, о чем именно шла речь в том тексте, который он должен был зафиксировать: написание специальных терминов и имен собственных быстро осваивалось в дополнение к базовым навыкам. Таким образом, умение стенографировать было сродни древнему ремеслу писца или наборщика или современному умению набирать текст на компьютере: оно позволяло человеку найти себе применение в любой сфере, имея минимальные познания в ее терминологии и почти не вдаваясь в рефлексию относительно содержания записываемого. Этот инфраструктурный и потенциально универсальный характер стенографических услуг давал людям, овладевшим быстрым письмом, способность гибко реагировать на меняющийся спрос на рынке труда и даже создавать для себя новые области приложения сил. Так, когда в 1858 г. была основана Венская Торговая Академия, профессором стенографии в ней стал некий Леопольд Конн. Это был человек без высшего образования, но опытный практик. Своей неутомимой деятельностью он фактически в одиночку ввел обычай стенографирования в большинство австрийских государственных учреждений, редакций газет и венских адвокатских контор, а также стал преподавать стенографию в нескольких средних учебных заведениях города. Возникшие

благодаря этому рабочие места он со временем “оставил в наследство” другим коллегам, обеспечив тем самым новую возможность заработка для целого ряда стенографистов, длительное время остававшихся без постоянной работы после того, как в 1849 г. прекратил свою деятельность рейхстаг в Кремзире²⁵.

Таким образом, если приближение к центрам государственной власти было пределом идеалистических мечтаний для стенографиста, то на будничном уровне привлекательность стенографии связывалась с материальными соображениями: она позволяла зарабатывать и экономить. “Мы живем в такое время, когда каждому нужны деньги, много денег”, – напоминала читателям одна из стенографических газет в 1918 г.²⁶ За двадцать лет до того автор пропагандистской брошюры говорил о “нынешних временах, когда борьба за существование во всех областях бушует все более яростно и тот, кто экономически слабее, легко проигрывает в ней”²⁷. Искусство скорого письма, подчеркивали пропагандисты, позволяло экономить время – как на обучение, так и на каждую запись; оно позволяло экономить бумагу, так как стенографические знаки занимают меньше места, чем буквы; оно позволяло экономить усилия, как физические – потому что многие стенографические системы не предусматривали изменяемого нажима при письме, – так и интеллектуальные: стенографист в идеале пишет не задумываясь, ему не приходится ломать голову над орфографическими трудностями немецкого языка. Именно “экономические” преимущества стенографии перед обычным письмом или одной стенографической системы перед другой выдвигались на первый план в пропагандистских материалах: авторы доказывали, что, например, запись в их системе получается на столько-то процентов короче, чем в другой²⁸, или что на ее изучение требуется на столько-то часов меньше, чем у конкурентов.

При этом не всякая связанная со стенографией работа была доходной сама по себе. Значительная часть ее совершалась бескорыстно: в ней “была заключена огромная масса практического идеализма; большая часть такой энтузиастической работы шла на общественных началах. Это была миссионерская деятельность во имя системы”²⁹. Например, преподавание стенографии на курсах при ферайнах и в учебных заведениях Пруссии (в отличие от Австрии) само по себе денег не приносило, так как занятия были бесплатными, с учеников брали только “организационный сбор” и деньги за учебные пособия и материалы.

За деньги можно было выполнять собственно стенографирование, давать частные уроки или продавать специальные принадлежности – карандаши, блокноты, учебники. Это большой прибыли не давало, но все же позволяло многим людям, в том числе женщинам (особенно одиноким), спастись от нищеты при отсутствии других заработков или даже подниматься по имущественной и социальной лестнице, если они поступали на службу секретаршами. Одной из важнейших особенностей стенографии как профессии стало то, что она дала работу огромному количеству женщин, вышедших на рынок труда: “Общественные условия нашего времени зачастую вынуждают девушек самих вставать на ноги и самостоятельно обеспечивать свое существование. Важным средством к получению самостоятельной работы выступает для женского пола стенография, позволяющая им обеспечивать себе хороший доход таким способом, который соответствует женской натуре”, – писала одна из газет в 1903 г.³⁰ На рубеже XIX–XX вв. у писарей-мужчин появились многочисленные соперницы, секретарши-“стенотипистки”, которые, вооружившись блокнотом и карандашом, быстро записывали под диктовку шефа деловые письма, а потом перепечатывали их на пишущей машинке. Более того, если для одних из них этот утилитарный навык был лишь средством заработка, то для других – еще и способом закрепиться в деловой среде и получить шанс на более высокую должность и/или на приобретение мужа или любовника с хорошим положением. В германской прессе, в том числе профессиональной, из этого аспекта карьеры стенотипистки не делалось секрета ни в XIX, ни в XX в.: “Девушки, умеющие записывать 200 слогов в минуту, имеют все шансы и им открыта дорога замуж”, – читаем мы в вестнике Эрингенского стенографического общества еще в 1954 г.³¹

Некоторый доход, возможно, приносила стенография как особая ниша в области торговли печатной продукцией: издательства стенографической литературы (а таких в Германии было к рубежу XIX–XX вв. несколько) выпускали учебники и специальную периодику, набранную обычным шрифтом, а кроме того в конце XIX в. появилась техническая возможность качественно набирать типографским способом стенографический шрифт. К тому времени сформировалась достаточно обширная читательская аудитория, готовая за небольшую розничную или подписную плату приобретать напечатанную им периодику³², сборники прозы и поэзии, Новый Завет в переводе Лютера³³ и другие книги, пред-

назначенные для непосредственного чтения, а не для расшифровки. Конечно, набранная стенографическим шрифтом литература была по суммарным тиражам очень невелика в сравнении с обычной, хотя подобному чтению теоретически могли бы предаваться несколько миллионов (!) жителей немецкоязычной части Европы, обучавшиеся на тот момент разным системам стенографии³⁴. В денежном выражении объем этого рынка печатной продукции вычислить сложно, поскольку тиражи в изданиях обычно не указывались. Можно лишь предполагать, что их выпуск был прибыльным для маленьких стенографических издательств: иначе едва ли мог бы, например, выпускаться в течение как минимум восьми лет ежемесячный иллюстрированный журнал, не связанный с тематикой работы стенографов, – “Schulzes Illustrierte Unterhaltungsblätter für Stenographen. System Stolze-Schrey”³⁵.

Одним из главных, обязательных и при этом в большинстве случаев неоплачиваемых, а порой и затратных занятий стенографистов с самого начала развития оригинальных систем стенографии в Германии было привлечение новых учеников и сторонников³⁶. Пропагандистская работа была одной из уставных целей стенографических ассоциаций. Массовая агитационно-просветительская деятельность велась посредством публичных лекций, выездных докладов, бесплатных уроков, листовок, брошюр и даже рекламных объявлений. В зависимости от того, насколько адепты стенографии преуспевали в деле убеждения местных властей, их допускали на тех или иных условиях к преподаванию стенографии в частных, коммунальных и государственных учебных заведениях, вплоть до университетов. Это открывало доступ к широкой (и самой удобной для обучения) аудитории. Поэтому изобретатели и поборники каждой из систем стремились убедить власти в прямой и косвенной полезности стенографии для учащейся молодежи: “Она включает в себя важные элементы образования, которые в других учебных предметах либо вовсе не наличествуют, либо не в такой степени; ... она станет средством... преподать элементы образования, которые ... без стенографии не могли бы быть усвоены”³⁷. Успехи этой борьбы за школу были различны: в Баварии и в Австрии власти уже в первой половине XIX в. предписали введение уроков стенографии в гимназиях в качестве курсов по выбору или факультативов, тогда как в Пруссии долгое время лишь дозволялось преподавателям стенографии безвозмездно проводить уроки в гимназических помещениях после уроков, а в программу этот предмет не включали. Обусловле-

но это было, с одной стороны, нежеланием прусского правительства отдавать предпочтение какой-то одной системе, а с другой стороны – опасениями, что одновременное изучение обычной орфографии (которое помимо начальной школы продолжалось еще и в первых классах гимназии) и стенографии с ее иными принципами записи устной речи будет детей только запутывать и сбивать с толку. Кроме того, в стенографии многие учителя и чиновники просто не усматривали тех полезных для образования элементов, на наличии которых делали акцент ее сторонники³⁸. Ситуация, впрочем, постепенно менялась, и в начале XX в. в Пруссии тоже стали допускать, а потом и предписывать введение стенографии в учебные планы гимназий на факультативной основе. Уроки по этому предмету вели, как правило, не учителя, а специалисты, приходившие от стенографических ассоциаций, – по крайней мере, до тех пор, пока не подросло новое поколение учителей, которые уже сами умели стенографировать хотя бы на элементарном уровне.

Таким образом, произошло, хотя не повсеместно, вхождение стенографии в среднюю и высшую школу (помимо гимназий и реальных школ преподавалась она главным образом в военных и коммерческих училищах). В большинстве стран ей отводили место в ряду прикладных дисциплин, связанных с делопроизводством, – каллиграфии, машинописи, бухгалтерского учета и т.д. Но бывали и другие варианты. Так, в Мюнхене, Берлине, Лейпциге, Бреслау, Кёнигсберге, Киле и некоторых других немецких городах ей удалось на некоторое время получить статус академической дисциплины университетского цикла³⁹. Впрочем, судя по всему, существование кафедр стенографии или даже доцентских ставок по этому предмету в университетах в решающей мере зависело от наличия выдающихся знатоков и энтузиастов, которые могли его преподавать как научную, теоретическую дисциплину. С уходом каждого такого профессора преемника после него как правило не оставалось⁴⁰, и институциональное закрепление стенографии в университете не происходило. Эпоха преподавания стенографии в средней и высшей школе продолжалась до последней четверти XX в. На сегодняшний день в германских и австрийских средних учебных заведениях стенография преподается уже только эпизодически, в виде факультативов, в вузах не преподается вовсе. Ей обучают либо частные преподаватели, либо в ассоциациях, которые еще во многих городах сохранились. Членами их являются, судя по материалам специальной стенографи-

ческой периодики (которая вымирает как жанр), в основном люди старшего поколения. Об этих исчезающих ныне организациях, в которых происходила значительная часть повседневной стенографической жизни, пойдет речь во второй части статьи.

II

Одной из наиболее распространенных организационных форм общественной жизни в Германии и в Австро-Венгрии стала в XIX в. ассоциация, называемая по-немецки Verein. Адекватно перевести этот термин одним кратким словом на русский очень трудно – в современном русском языке слова “союз”, “ассоциация”, “общество”, “клуб”, “объединение”, “кружок” нагружены многими значениями, в том числе такими, которых у слова Verein нет. Поэтому в русскоязычной литературе еще в XIX в. появилось слово “ферейн”⁴¹. Ныне более употребителен вариант в современном произношении – “ферайн”⁴², которое и будет здесь использоваться.

Итак, ферайн – это зарегистрированная в органах власти добровольная общественная организация, имеющая устав, более или менее четко определенную сферу и цель деятельности, формальное членство (численность членов может составлять от трех человек до нескольких тысяч), президента, правление, кассу, фиксированное место и время собраний и прочих мероприятий. Ферайны существуют как отдельно, так и в составе более крупных горизонтальных либо иерархических структур: например, они могут объединяться в “союзы” (Verband, Verbund, Bund) регионального, общегосударственного, международного уровня. Важной особенностью германских ферайнов XIX – начала XX в. было то, что они все имели приблизительно одинаковую организационную структуру и схему работы, хотя могли быть посвящены самым разным видам деятельности – исключая (в периоды реакции) политическую.

Поскольку все ферайны должны были регистрироваться в местных органах власти, архивы сохранили некоторое количество документов, отражающих формальную сторону их существования: уставы, списки членов, объявления об общих собраниях, переименованиях и прочих событиях, включая ликвидацию ферайна по той или иной причине. Эти документы свидетельствуют о принципиальном сходстве всех видов ферайнов и одновременно об огромном их разнообразии. Наиболее распространенными были досугово-развлекательные (хоровые, садоводческие, игро-

вые, карнавальные, театральные, юмористические, курительные, туристические и т.д.), земляческие (объединения иммигрантов), религиозные (кружки чтения Библии и душевспасительной литературы), спортивные (гимнастические, велосипедные, гребные, стрелковые), благотворительные, лотерейные, страховые (включая кассы взаимопомощи, похоронные кассы), кредитные, потребительские, идеологические (националистические, государственно-патриотические, вольнодумные и др.), коллегиальные (объединения ветеранов воинских частей, лиц свободных профессий, чиновников, студенческие корпорации), профессиональные (частично смыкавшиеся с собственно профсоюзами наемных работников, а частично объединявшие работодателей), научно-просветительские (краеведческие, политехнические, исторические, искусствоведческие). К последней категории относились и стенографические ферайны. Они создавались с тем, чтобы распространять знания и практические навыки в области стенографирования, давать своим членам возможность один или два раза в неделю посещать организуемые ими курсы стенографии, обмениваться опытом, слушать доклады и лекции по этой и смежным темам, участвовать в соревнованиях на скорость и правильность записи и расшифровки стенограмм, а также пользоваться специальной библиотекой, комплектуемой за счет членских взносов. Первый стенографический ферайн в германских землях был основан в 1844 г., а уже в 1860-е годы число их составляло несколько сотен, и “каждый такой ферайн поставил себе задачу ободрять и поддерживать стенографистов, предоставленных самим себе, – проверять их упражнения и всячески помогать им словом и делом. Короче говоря, там царит активнейшая жизнь”⁴³. Кроме учебы, ферайны время от времени устраивали развлекательные мероприятия – экскурсии, пикники, банкеты, балы, многие предлагали своим членам регулярные уроки танцев – особенно распространено это было в Австрии⁴⁴. Подобно многим другим видам ассоциаций, стенографические ферайны в XIX–XX вв. практиковали коллективные дальние прогулки и игры на природе, причем участвовали в них члены организации независимо от возраста. Смысл в эти мероприятия вкладывался двоякий: с одной стороны, социально-педагогический – это была форма групповой интеграции (“совместная работа – совместный досуг”) и, когда речь шла о юношеских секциях, “работы с молодежью”⁴⁵, т.е. реализации воспитательной функции ферайнов, которую они считали не менее для себя важной, чем образовательную. С другой сто-

роны, прогулки служили гигиене труда: как гласит подпись под фотографией, сделанной во время одного из таких мероприятий, “всегда особое значение уделялось тому, чтобы после завершения работы по-настоящему отдохнуть, гуляя по лесам и полям”⁴⁶.

Более крупные объединения – союзы – занимались “системной работой”, т.е. обсуждением практических и теоретических проблем, которые существовали в любой стенографической системе, и способов их решения⁴⁷. На более или менее регулярно проводившихся съездах – от региональных до общегерманских – результаты таких обсуждений ставились на голосование и предложенные изменения и дополнения либо включались в свод правил, либо отвергались.

Судя по стенографической прессе, именно “проблемы системы”, т.е. мнения об относительных достоинствах и недостатках разных способов записи, были главным полем идейных битв, переходивших в ожесточенную “бумажную войну” на страницах журналов и газет, издававшихся ассоциациями разного уровня. Конфликты, подобные тем, что не затихали между системами, были частым делом и внутри них – когда кто-то придумывал что-то новое или не хотел принять чужие нововведения. Это во многих случаях приводило к расколам на конгрессах, возникновению течений и альтернативных организаций внутри системы, инвективам в их адрес в системной прессе, а затем к отделению “еретиков” и созданию ими собственной организационной сети, со своей пропагандой и прочими типовыми атрибутами. В этом между стенографическими организациями разных школ значительных различий не было: все они приблизительно в одинаковой мере были подвержены как действию импульсов обновления, так и консервативным настроениям. С одной стороны, культ основателей – “мэтров”, “учителей” и их “учений”, не препятствовал, а наоборот, способствовал регулярному появлению новых инициатив, ведь постоянное совершенствование являлось одним из главных принципов уже в собственной работе Габельсбергера, Штольце и других создателей систем; руководствуясь опытом практики, они вносили в свои детища изменения и дополнения до конца жизни, и такой подход завещали своим ученикам. “Развитие” систем было записано в качестве одной из уставных целей в уставы ассоциаций, а в наиболее крупных из них имелись специальные комитеты, занимавшиеся “проблемами системы”, т.е. выработкой и рассмотрением предложений по оптимизации. В Дрездене даже существовал специальный Стенографический

институт, одной из главных задач которого была работа над развитием габельсбергеровой системы, а впоследствии и Единой немецкой. Дискуссии по поводу тех или иных нововведений бывали очень ожесточенными и вели, как уже говорилось, порой к расколам, но они в принципе были элементом нормального функционирования стенографических ассоциаций.

С другой стороны, изменения, вносимые автором, и изменения, вносимые кем-то из его последователей, – это не одно и то же. Изобретая собственную систему, ее создатель был свободен в выборе принципов и правил, и ему не составляло большого труда внедрить их в собственной работе или переучить своих учеников. Если же число его последователей значительно возросло со временем, то вводить новшества, особенно инициированные не самим “мэтром”, становилось все труднее, так как это требовало всякий раз достижения все более и более широкого консенсуса. Одного лишь большинства голосов при формальных голосованиях бывало недостаточно: случалось, что организации голосовали за принятие тех или иных нововведений, а в прессе и в практике активно противодействовали им, или наоборот, сторонники отклоненных большинством вариантов не отступались от них.

Если судить по письмам и мемуарам, то на уровне индивидуального выбора разброс вариантов был велик: кто-то оставался верен до конца дней той системе, которую изучил однажды; кто-то, познакомившись с новинкой и оценив ее преимущества, переходил под новые знамена единожды или неоднократно; кто-то пользовался несколькими системами и не считал себя связанным клятвой верности какой-то одной. Если человек был просто “пользователем”, для него выбор был сугубо личным делом. Труднее было выбирать тому, кто являлся активным членом ассоциации: для него переход от одного способа записи к другому оказывался переходом в стан врагов, нарушением лояльности не только учению, но и своим товарищам, своей ассоциации, поскольку на институциональном уровне плюрализма не существовало: каждая стенографическая организация была посвящена только одной системе. Если “легитимный” переход и осуществлялся, то только всем составом, с соблюдением формальных процедур, переименованием, изменением устава: например, после введения Единой немецкой стенографии в 1920-х годах постепенно переходили на нее и низовые ячейки, и целые объединения более высокого уровня.

Все это – идейная борьба внутри организаций и между ними, расколы и взаимные обвинения в них, демократические процедуры обсуждения и принятия решений в сочетании с культом основателей и вождей, активная пропагандистская деятельность, направленная как на привлечение новых сторонников, так и на дискредитацию противников – сильно напоминает то, что знакомо нам по истории некоторых европейских и российских политических партий конца XIX и XX в. Сходство усиливается благодаря тому, что есть общее между стенографической риторикой и лексикой, с одной стороны, и политической, с другой. Вот наиболее красноречивые, как кажется на первый взгляд, примеры: приверженцы одной и той же системы назывались в стенографической прессе *Systemgenossen*, т.е. “товарищи по системе”. В конце писем и листовок некоторые стенографические организации как в XIX в., так и после Первой мировой войны писали приветствие “*Schrift Heil!*” – это то самое “хайль!”, которое знакомо нам по нацистскому приветствию, появившемуся позже. Однако не следует спешить с выводами. Приветствия со словом *Heil* употреблялись достаточно широко, и не только в партийно-политическом лексиконе: с него начинался государственный гимн Германской империи “*Heil Dir im Siegeskranz*”, оно встречалось в традиционном приветствии рыбаков “*Petri Heil!*”⁴⁸, оно же было на эмблемах спортивных ферайнов в словосочетаниях “*Gut Heil!*”⁴⁹ или “*All Heil!*”⁵⁰. На вопрос о том, из какой сферы в какую осуществлялось заимствование слов и практик, единого и однозначного ответа дать нельзя. Проиллюстрирую это двумя примерами.

1. В 90-е годы XIX в. студент Герман Хофман, ведущий стенографический кружок-факультатив в одной из гимназий Штеглица (ныне это район Берлина), начал ходить со своими учениками в пешие загородные походы. Довольно быстро из этой инициативы вырос отдельный туристический ферайн, а затем и целое общенациональное юношеское движение пеших походников, получившее название “*Wandervogel*” (“Перелетная птица”), – одно из наиболее значительных явлений в молодежной субкультуре Германии XX в. Многие из понятий, практик и организационных форм, характерных для “перелетных птиц” на тех или иных этапах их истории, были свойственны впоследствии и гораздо более идеологизированным и политизированным молодежным организациям, причем из всех частей партийного спектра, включая нацистов справа и коммунистов слева, так что в определенной мере можно говорить о заимствовании. Среди наиболее заметных черт,

которые мы встречаем позже и у “Гитлерюгенда”, и у пионеров, и у скаутов, – иерархизированная по возрасту структура, романтика пения под гитару у лесного костра (хотя набор песен мог сильно различаться, были и такие песни из репертуара “перелетных птиц”, которые потом пользовались популярностью у всех организаций, независимо от идеологической направленности), ориентация на фигуру руководителя подразделения, называемого Führer (на русский это слово можно перевести по-разному: и “вождь”, и “вожатый”, и “предводитель”, и “вожак”; коннотации всякий раз получатся разные, а в немецком слове все они были тогда нераздельны), доходящая временами до преклонения и обожания со стороны подчиненных и до диктаторских практик со стороны самого “фюрера”. На протяжении истории организации “Wandervogel” у нее сменилось несколько поколений руководителей и несколько идейных и организационных моделей, поэтому нельзя говорить, что, например “Гитлерюгенд” напрямую заимствовал что-то у стенографического кружка или тем более из него вырос. Скорее можно сказать, что распространение каких-то образцов в данном случае шло скорее из стенографической жизни в прочие сферы, в том числе и в партийно-политическую, а не наоборот.

2. Начнем с цитаты:

“...даже в его отсутствие дух его – с нами; и в последующем, когда он уже не будет зримо присутствовать среди своих приверженцев, имя его и дело всегда будут оставаться тем знаменем, которое нас объединяет и вокруг которого мы сплотимся.

Да, именно так: он дал нам знамя, и наша честь – в том, чтобы отстаивать честь этого знамени, оборонять его от нападков и идти за ним до победы.

Мы не отступимся [...] мы будем продолжать борьбу, пока не победим или пока силы наши не иссякнут. [...] Будем же гордиться тем, что мы – современники Роллера, которым еще суждено из его собственных уст слышать, каким он видит свое дело и какого содействия ждет от своих учеников. Будем же к этому стремиться и употребим все силы на то, чтобы эта надежда сбылась. [...] мы хотим и будем всегда непрестанно и неотступно работать ради того дела, которое он дал миру, чтобы имя Роллера особенно в этом городе все более победоносно шло к победе его дела и к признанию. [...] Правда того дела, за которое мы выступаем, победоносно пробьет себе дорогу – с помощью государства или без нее”⁵¹.

Не зная, о чем и о ком говорит оратор, легко принять эти слова за цитату из речи на политическом собрании или статьи в партийной газете.

Прочитанная речь была опубликована в берлинском журнале “Пионер” в 1903 г. Посвящена она была человеку по имени Генрих Роллер. Доктор Бран, его сподвижник, произнес ее на торжестве по случаю 65-летия Роллера, где тот не смог присутствовать из-за тяжелой болезни. Роллерианцев – так назывались его приверженцы – в Германии на тот момент было около двух тысяч. А делом, объединявшим их, была не политическая революция, а стенография. Точнее, не вообще стенография, а именно система Роллера. Возможно, в данном случае сходство околостенографической и партийно-политической риторики усиливалось благодаря тому, что Роллер был социал-демократом и активно участвовал в политической деятельности. Не исключено, что его последователи, члены берлинского роллерианского союза, разделяли с ним не только стенографические, но и идеологические взгляды, перенося язык социал-демократической пропаганды в свои выступления на неполитические темы.

О причинах такого сходства и, возможно, даже некоторого взаимовлияния коммуникационных кодов стенографических ферайнов и политических партий на данном этапе исследований нельзя сказать ничего определенного. Этот вопрос требует дальнейшего изучения. Пока приходится ограничиться лишь констатацией того эмпирического факта, что, в отличие от других видов неполитических общественных организаций, сведения о которых обнаруживаются в архивах и в литературе, эти были несравненно больше ориентированы на идейную борьбу и агитацию. Можно предположить, что активная, страстная, бескорыстная в материальном отношении и бескомпромиссная в идейном, демократическая по организационным формам и при этом неполитическая деятельность, которой предавались в стенографических ферайнах и в специальной периодике тысячи немцев в XIX в., служила для них заменой (в условиях реакции после 1848 г.) или продолжением их политической активности.

Какие еще черты сходства и отличия между стенографическими ферайнами и другими сравнимыми видами организаций можно установить по историографическим и архивным данным?

Большой интерес представляет вопрос о том, в какой степени стенографические ассоциации были интегрированы на персональном уровне в общий “ландшафт ассоциаций”, который существовал и существует в немецкоязычной части Европы, – иначе говоря, как сочеталось членство в этих и в других ферайнах.

К уставам, которые ассоциации подавали полицейским властям при регистрации, часто прилагались списки членов. По документам разных ферайнов можно установить, в каких из них состоял один и тот же человек: такое было не редкостью. Считается, что в сегодняшней ФРГ каждый гражданин в среднем является членом двух ферайнов; 100–150 лет назад положение было, по моему впечатлению, несколько иным – во всяком случае, большинство имен в известных мне списках стенографических ферайнов из западных провинций Пруссии конца XIX в. не встречаются в списках других организаций. Но некоторое количество пересечений все же можно констатировать. Вот несколько примеров из окрестностей промышленного города Золингена в Рурской области: в списке членов стенографического ферайна “Verein für vereinfachte Stenographie” в городке Вальд⁵² за 1894 г. – 12 человек. Численность большинства ферайнов – 10–20 чел., а Bochumer Verein der Centrums-Partei (т.е. политическая ассоциация) насчитывал 288 чел. в 1876 г., потом добавились еще 120; такое большое количество членов было редкостью в тех местах⁵³. Из этого длинного списка два имени встречаются в хронологически близких списках других организаций: Рудольф фом Айген был в том же 1894 г. членом совета и вторым хранителем инвентаря в гимнастическом ферайне “Wald-Merscheider Turn-Verein”, а Эрнст Гра в 1896 г. значился пассивным членом певческого ферайна “Eintracht” в г. Кройцвер⁵⁴. В уставе вальдского стенографического ферайна “Unitas” за 1901 г. фигурирует секретарь-протоколист Эмиль Хенс, чье имя встречается в 1907 г. в списке членов ферайна молодых либералов “Jungliberaler Verein Wald”⁵⁵. Герман Заам, бывший в 1902 г. секретарем-протоколистом ферайна “Verein für vereinfachte Stenographie” в Вальде, в 1896 г. упоминается как член ферайна коммерсантов “Kaufmännischer Verein zu Wald” (уставная цель его заключалась не только в том, чтобы “представлять интересы торгового сословия”, но и в том, чтобы “обеспечивать его членам возможность повышать свое образование”, поэтому не исключено, что там преподавалась стенография, считавшаяся важным подспорьем в торговом делопроизводстве и ведении переписки); не исключено, что этот же человек фигурирует как “Г. Заам, коммерсант” в списке вышеупомянутого молодежного либерального ферайна за 1907 г., где состоял тогда и коммерсант Петер Браун, годом ранее (1906) упомянутый как кассир вальдского “Verein für vereinfachte Stenographie”⁵⁶. А их товарищ по стенографическому ферайну Пауль Рёльтген, занимавший

там в 1902 г. должность библиотекаря, встречается нам среди пассивных членов мужского певческого ферайна “Sängergruss” в 1897 г.⁵⁷ Сменивший его к 1906 г. на посту хранителя учебников стенографии Роберт Гра был в 1897 г. членом мужского хорового ферайна “Männerchor der Gottl. Hammesfahr’schen Arbeiter zu Foche & Gräfrath”⁵⁸.

Если мы обратимся к источникам из другого рурского городка – Бохума, то там картина схожая: в списке членов ферайна стенографистов-габельсбергерианцев “Gabelsberger’scher Stenographen-Verein”, поданном в полицию при его регистрации 23 июня 1879 г.⁵⁹, среди 16 ординарных членов и шести членов-корреспондентов (т.е. живущих в других городах) встречается некий Х. Шмидт. Фамилия эта очень распространенная, хотя в этом регионе более распространена форма Шмитц. Поэтому можно предположить, но не с уверенностью утверждать, что именно этот Х. Шмидт фигурирует в списках членов бохумского Общества страхования свиней “Verein für Versicherung von Schweinen in der Voede”, основанного шесть лет спустя, в 1885 г.⁶⁰ Фамилия Раутенберг встречается реже, поэтому достаточно вероятно, что Ф. Раутенберг, состоявший в 1879 г. в этом стенографическом ферайне, – это тот самый человек, что годом позже вступил в лотерейный ферайн “Надежда”⁶¹. Секретарем основанного 31 июля 1877 г. в Бохуме ферайна стенографистов-штольцеанцев “Stolze’sche Stenographen Verein”⁶² был фабричный служащий Генрих Фельмике, который был также членом ассоциации коммерсантов “Kaufmännischer Verein zu Bochum”. Последняя, правда, образовалась на восемь лет позже, в апреле 1885 г.⁶³, и у нас нет сведений о том, состоял ли еще на тот момент Фельмике в стенографическом ферайне. То же касается и казначея “Stolze’sche Stenographen Verein” Вильгельма Клюппеля, который в 1881 г. значится членом Бохумского охотничьего клуба “Bochumer Jagdclub”⁶⁴.

Таким образом, если говорить о малых и средних городах, складывается впечатление, что членство в нескольких ферайнах одновременно не было правилом для друзей стенографии в Германии (или, по крайней мере, в западной части Пруссии) в конце XIX в. Отчасти это можно объяснить тем, что членские взносы, хотя и сравнительно невысокие, все же обременяли семейный бюджет и только обеспеченные люди позволяли себе платить их в нескольких местах. Недаром двойное членство так часто встречается у членов правления ферайнов (казначеев, секретарей) – ими

обычно выбирали людей, пользовавшихся уважением и доверием, то есть людей “с положением”: предпринимателей, коммерсантов, высокопоставленных чиновников.

Можно предположить, что в каком-то проценте случаев членство в двух разных ассоциациях было скорее статусным символом, нежели способом удовлетворения двух различных культурных потребностей. Тем более, что зачастую – особенно ближе к концу XIX и в XX в. – создавалась возможность сочетать разные занятия и в рамках одной и той же организации. Так, например, стенографический ферайн в вестфальском городе Хамме в 1950-е годы имел собственный оркестр губных гармоник и секцию настольного тенниса⁶⁵.

Итак, один и тот же человек часто предавался разным увлечениям и состоял ради этого в нескольких ферайнах или посещал разные мероприятия в одном, что было, конечно, дешевле, поскольку приходилось платить меньше членских взносов. С другой стороны, была довольно распространенной ситуация, когда несколько человек из одной семьи (до рубежа веков чаще мужчины – братья или отцы и сыновья) имели общие увлечения и состояли в одном и том же ферайне: фамилии в списках членов часто повторяются, и при некоторых стоят пометки “младший”, что явно указывает на сравнительно близкую степень родства. Разумеется, лишь очень немногие из этих людей настолько увлекались скоростным письмом, что оно становилось для них делом жизни, передававшимся по наследству, как семейное ремесло⁶⁶.

Состоять в ферайне – еще не значило быть стенографистом (певцом, велосипедистом, стрелком и т.д.). Многие члены были “пассивными”, т.е. не занимались собственно главной уставной деятельностью, а только участвовали во всяких сопутствующих мероприятиях. Активные члены, окончив курс, далеко не всегда продолжали практиковаться и часто утрачивали приобретенные навыки. Для кого-то занятия были скорее данью моде, поводом провести время с друзьями или познакомиться с новыми людьми – это не отличало организации стенографистов от певцов или самодеятельных артистов. Порой совместные занятия сводили людей вместе и, познакомившись в ферайне, они впоследствии связывали свои жизни друг с другом на многие годы. Один из примеров (первая половина XX в.) приведен в автобиографическом рассказе женщины из Рурской области, который разбирает в своей книге Л. Нитхаммер⁶⁷. Это, впрочем, встречалось и в других видах ассоциаций. Отличительной особенностью стено-

графических ферайнов было, пожалуй, прежде всего то, что обучение скоростному письму было – или, по крайней мере, могло и должно было стать – инвестицией в карьеру. В подавляющем большинстве других ассоциаций не обучали ничему, что имело бы сопоставимую прагматическую ценность. Разве что организации эсперантистов, возникшие на рубеже XIX–XX вв., могли бы претендовать на сходство со стенографическими ферайнами в этом отношении: они тоже имели одной из главных своих целей именно *обучение* максимального числа людей тому, что призвано было существенно помочь им в учебе, в любой работе, в деловой и частной жизни.

Для того, чтобы нагляднее выявить черты своеобразия стенографических ферайнов или сходства их с другими, ниже я буду сравнивать их с двумя наиболее распространенными в Германии в XIX и значительной части XX в. видами ассоциаций, а именно – с хоровыми и гимнастическими⁶⁸.

В силу законодательных предписаний все ассоциации обладали схожей организационной структурой: в них существовали неперенные выборные должности председателя, секретаря и казначея (с заместителями или без); процедурой принятия решений было голосование на общем собрании⁶⁹. На ранней фазе своего существования (1811–1819) гимнастические ассоциации обходились без письменных уставов, но в 1840-х годах, когда появились стенографические ферайны, закон уже требовал, чтобы у каждой общественной организации был статут, который подавался при регистрации в местные органы власти. В нем по единой схеме перечислялись цели ферайна, средства для их достижения, порядок работы (например, время и место собраний и т.д.), приема и исключения членов, виды членства. Во всех трех рассматриваемых здесь видах ферайнов существовало деление членов на активных (т.е. занимающихся пением, гимнастическими упражнениями, стенографированием или обучающих этому) и пассивных, т.е. участвующих только в социальной жизни ферайна – выездах, праздниках, докладах, различных формах коллективного времяпрепровождения – и, зачастую, поддерживающих ферайн материально, морально и организационно, но по той или иной причине не поющих, не подходящих к спортивным снарядам и не пишущих под диктовку значки в блокноте⁷⁰. Таких бывало иногда около половины, а в отдельных случаях даже больше половины общего состава ферайна. В гимнастическом движении над ними просто подшучивали, называя “устными гимнастами”

(Maulturner), а в стенографическом соперники часто указывали на слишком большое число пассивных членов как на признак того, что ферайн “ненастоящий”.

Поскольку количество ферайнов само по себе было важно как аргумент в конкурентной борьбе, любители скоростного письма создавали их очень активно, однако зарегистрировать ассоциацию было легче, чем “наполнить” ее хотя бы пассивными членами, поэтому в сравнении с певческими и спортивными обществами стенографических союзов было больше, а численность каждого из них была в среднем меньше: к 1848 г. в германских землях существовало около 300 гимнастических ферайнов, в них состояло 80–90 тыс. человек, т.е. средняя численность составляла около 250 человек, тогда как стенографические, кроме берлинских, редко насчитывали больше 20 членов даже в период наибольшей популярности быстрого письма (и наибольшего обострения конкурентной борьбы) на рубеже XIX–XX вв.⁷¹

Вместе с тем, если говорить о механизме образования ферайнов, существовало значительное сходство между тремя рассматриваемыми их видами. На раннем этапе (до 1840-х годов) гимнастические ферайны возникали благодаря неустанной деятельности руководителя и нескольких членов одного – берлинского – ферайна, которые ходили (а после распространения железных дорог ездили) по городам и пропагандировали гимнастику. В 1811 и 1819 гг. “отец гимнастики” Фридрих Людвиг Ян рассылал эмиссаров с заданием создавать ферайны повсюду. Начиная с 1840-х годов движение набрало собственную динамику, и организации стали возникать уже самостоятельно⁷². Многие хоровые ферайны и объединения более высокого уровня тоже были созданы приходившими или приезжавшими из других мест активистами. Точно так же многие стенографические ферайны создавались эмиссарами от основателей систем: в их роли выступали стенографисты, которым выпадала поездка в какой-то город с целью, например, записи конгресса или по другим делам.

В том, что касается социально-демографического состава членов, ферайны проделали более или менее однотипную эволюцию от резкой дифференцированности в ранний период к однородному составу в XX в. Так, все три вида ассоциаций изначально были мужскими, потом в них появились дамские секции и отдельные дамские ферайны, а смешанные возникли лишь на рубеже веков. Единственное различие состоит в том, что деление хоровых и гимнастических организаций на мужские и женские или юноше-

ские и “взрослые” могло быть некоторым образом обосновано содержательно: существует некоторое количество вокальных произведений и гимнастических упражнений, предназначенных только для мужчин или для женщин, только для подростков или для людей в возрасте. Стенографические же системы дифференцировались лишь по скорости письма, а она зависела только от длительности и усердности занятий. Поэтому с прогрессом эмансипации женщин они составили значительную, а потом и преобладающую долю обучающихся и практикующих стенографистов.

Социальный состав в разных гимнастических и хоровых ферайнах был различен, но в целом можно сказать, что среди их членов чаще всего встречались представители разных слоев буржуазии от студентов и ремесленников до образованных людей, а в хоровых ферайнах встречались и весьма состоятельные владельцы недвижимости, капиталов и фабрик. Относительное большинство членов гимнастических ферайнов составляли подмастерья, в певческих – мастера; следом за ними шли торговые предприниматели и служащие⁷³. По стенографическим ассоциациям сводной статистики нет, но в целом впечатление таково, что тенденция была в сторону массовости: чем дальше, тем больше наряду с “чистой публикой” в ферайны приходили люди из низших слоев – в особенности это относится к системе “Упрощенной стенографии по системе Штольце–Шрая”, которая именно своей простотой для изучения привлекала малообразованных людей, не располагавших большим досугом. Рабочие и мелкие служащие, которых в первой половине XIX в. были единицы, во второй половине XIX и начале XX в. не только стали чаще записываться в существующие ферайны: возникали и собственно рабочие ассоциации, в том числе и спортивные, и вокальные, и стенографические. Дворян, как и представителей духовенства и крестьянства, среди членов ферайнов всех трех рассматриваемых видов практически не было.

Ферайны могли делиться по своему отношению к национальному вопросу. В идеологии гимнастического движения важную роль играла ценность “немецкого”, многие ферайны исповедовали патриотические, националистические и шовинистические, антисемитские принципы. Для хоровых это было не типично. Национальную окрашенность они имели преимущественно в Рурской области, где были сосредоточены большие массы польских трудовых иммигрантов, которые объединялись в собственные ассоциации. Стенографические же ферайны были в Германии как

правило ориентированы, как и сами системы, на интернациональность. В частности, одним из направлений их работы была адаптация немецкой стенографии для других языков. Даже та система, которая была названа “Национальной стенографией”, не отличалась сколько-нибудь выраженным национализмом. В Австрии ситуация была иной: там в 1900 г. был образован “Первый немецкий австрийский союз стенографистов (система Габельсбергера)”, который в 1903 г. закрепил в своем уставе принцип, что “членом может стать любой немец обоего пола”. Представители других этнических групп, живших в многонациональной империи, таким образом, в союз не допускались. Подобная исключительность, впрочем, сохранялась недолго: уже в 1907 г. слово “немец” было заменено в уставе на “лицо”. Означало ли это, что на практике стали принимать не только немцев, сказать сегодня невозможно. Название “немецко-австрийский” сохранялось долго, и только в 1946 г., когда ассоциация восстанавливалась после временного закрытия при нацистах, ей было предписано «на первом же общем собрании изменить устав и удалить из названия ферайна слово “немецкий”». В январе 1947 г. организация переименовалась в “Союз стенографистов Австрии”⁷⁴.

Вообще если говорить о политической идеологии, то, несмотря на описанное выше сходство риторики стенографических и политических идейных баталлий, все же большинство ферайнов в немецких землях выглядят на протяжении XIX в. аполитичными. Это было связано с законодательной ситуацией: занятие политической общественным организациям было долгое время запрещено, и в уставе каждого ферайна обязательно оговаривалось, что он является “неполитическим”. Лишь на рубеже столетий появились социал-демократические, католические (т.е. центристские), либеральные и т.п. ассоциации, однако политизированные стенографические кружки и хоры были редкостью (впрочем, можно считать признаком политизации такую формулировку в уставе отдельных рабочих вокальных ферайнов, как “разучивание отвечающих современной ситуации” песен). Показательна в этом отношении реакция на революцию 1918 г. со стороны Трирского союза стенографистов (система Шайтхауэра). Его газета “Тирон” писала в передовице ноябрьского номера: “Спокойствие – первейший долг гражданина. В эти дни, которые принесли нам большие перемены, необходимо сохранять спокойствие и порядок. Каждый должен оставаться на своем посту и следить за тем, чтобы все шло, как обычно! Так мы собираемся поступать и в нашем ферайне.

Не следует пропускать домашние упражнения, а главное – не следует забывать, что кассе нашего ферайна нужны деньги. Поэтому мы просим вовремя перечислять ежемесячные взносы на счет [...]. Слава письму! И еще раз! Каждый пусть выполняет свой долг, в большом – по отношению к отечеству, в малом – по отношению к нашему стенографическому ферайну!»⁷⁵

У хоровых обществ в то время не было своей прессы, во всяком случае, не было развитой периодики, поэтому судить об их реакции на революционные события мы не можем. У гимнастических союзов были журналы, однако мне они в библиотечных и архивных собраниях не встречались. Из исследования, посвященного первой половине XIX в., известно, что гимнастическая публицистика появилась в начале 1846 г.: сначала ежегодник, потом ежемесячные, а впоследствии даже еженедельные журналы. Но всем этим изданиям не была суждена долгая жизнь: одни журналы просуществовали до 1847 г., другие до 1852. По большей части они были аполитичны, хотя некоторые и помещали у себя на страницах статьи с политической критикой⁷⁶. Идеино-политические разногласия, собственно говоря, были для гимнастов тем, чем для стенографистов были разногласия по поводу письма: “войны систем” и конкуренции спортивные общества не знали, а раскол в движении произошел из-за споров о том, какой путь политического развития предпочтителен для немецкого народа. Одни ферайны выступали в преддверии революции 1848 г. за конституционно-либеральный путь развития Германии, другие – за демократически-республиканский⁷⁷.

Эпитет “демократический”, который я выше несколько раз употреблял применительно к ферайнам XIX в., человеку сегодняшнего дня, возможно, покажется плохо совместимым с понятием “вождь”, однако для описываемых здесь ассоциаций было характерно именно такое сочетание. Парадокс – лишь кажущийся, поскольку содержание, которое вкладывалось в то время в политико-идеологические понятия, было иным, и это необходимо иметь в виду, пусть нам и трудно, может быть, его постичь, отвлекаясь от исторического опыта диктатур XX в. В эпоху, не знавшую еще ни Ленина, ни Гитлера, ни Хонеккера, но уже знавшую Лассаля, своеобразный культ лидера и/или основателя был характерен для многих ассоциаций. Комнаты для собраний и бланки ферайнов украшали портреты Ф.Л. Яна, Ф.К. Габельсбергера и других создателей школ; в текстах часто встречаются выражения “Vater Jahn”, “unser Führer”, “Meister”, “Jünger” (“ученики” –

это то же слово, каким называются в немецком языке апостолы Христа). Однако содержание таких текстов, в отличие от цитированного выше панегирика Роллеру, могло и не обнаруживать признаков "культы вождя" в привычном нам смысле – например: "В качестве секретаря союза нам требуется филолог или юрист, получивший журналистскую подготовку; только он был бы в состоянии пусть не заменить мэтра, но все же постепенно работать в дела нашего союза, стать нам другом, а в будущем – надеемся, пока еще отдаленном – и вождем"⁷⁸.

Жизнь всех видов ферайнов, не только стенографическая, складывалась из еженедельных собраний (репетиций, тренировок, уроков) и крупных событий, происходивших обычно раз или два раза в год и объединявших несколько локальных и региональных организаций. Главными формами таких крупных регулярных коллективных мероприятий во всех трех видах ферайнов были праздники (или сборы, конгрессы, слеты), сопровождавшиеся соревнованиями. Степень публичности этих мероприятий была неодинаковой. Так, в отличие от стенографических соревнований, в которых могли участвовать лишь те, кто владел специальными навыками, гимнастические и певческие праздники были открыты для всех: в исполнении упражнений или песен мог принять участие любой желающий из числа местных жителей, гостей и т.д.⁷⁹

Благодаря развитию железнодорожного и пароходного сообщения праздники с середины XIX в. начали приобретать над-региональный характер, но и раньше на них пешком приходили делегаты из достаточно отдаленных мест: это известно применительно и к хоровым, и к гимнастическим сборам⁸⁰. Стенографические съезды начали созываться позже, когда транспортная сеть в Германии была уже достаточно хорошо развита, поэтому их участники совершали пешие переходы только во время коллективных прогулок и экскурсий – это была вторая важнейшая форма совместного времяпрепровождения, характерная для разных ферайнов. Каждому члену ассоциации обычно разрешалось за отдельную плату взять с собой еще по одному человеку.

На прогулках, во время банкетов по случаю съездов и прочих торжественных okazji члены ферайнов обычно исполняли песни. Репертуар заимствовался частично, так сказать, извне, но ассоциации – не только хоровые, но и гимнастические, и стенографические – имели и "свой" песни. Они выпускали собственные пе-

сенники⁸¹, причем у разных школ скоростного письма были свои поэты, и песни были наполнены зачастую боевым духом “войны систем”⁸².

На этом я прерву цепочку сопоставлений, которую в принципе можно было бы продолжать бесконечно. В заключение хотелось бы сформулировать основные выводы. Первый и главный из них заключается в том, что понятие “стенографическая жизнь”, использованное в этой статье, продемонстрировало, на мой взгляд, достаточную эвристическую силу: оно позволило рассматривать (разумеется, пока лишь в первом приближении!) историю стенографии не с точки зрения развития ее как системы записи устной речи, а как жизнь систем и организаций, как историю социально-культурных практик. На фоне недостаточной проработанности этой темы в историографии данный результат можно считать важным шагом вперед.

Второй вывод, который можно сделать после первого знакомства с памятниками стенографической жизни XIX–XX вв., не покажется неожиданным: многие вопросы здесь только поставлены и намечены, и они требуют более обширного и углубленного анализа. Лишь самый предварительный ответ может быть дан пока на поставленный в начале статьи вопрос о специфике стенографической жизни и ее институциональных форм. Возникает – но требует проверки – впечатление, что на протяжении некоторого времени в немецкой истории быстрое письмо в совокупности с сопровождающими его практиками играло роль, далеко выходящую за рамки чисто прагматической полезности: для множества людей оно было работой и структурировало часть свободного времени; оно было мировоззрением, оно было полем битв. Стенография с ее культом рационального использования ресурсов, с ее борьбой систем и с ее организациями представляла собой очень показательный элемент целого комплекса социально-культурных феноменов, составивших переломный период, когда “Германия ученая” превращалась в “политическую”.

¹ Традиционно родоначальником стенографии считают Тирона – секретаря Цицерона, изобретшего значки, с помощью которых он мог записывать речи своего господина. “Тироновы ноты” были в ходу на территории бывшей Римской империи до XII в.

² Под “германскими” землями применительно к периоду до 1871 г. я имею в виду немецкий культурно-языковой ареал, включающий как государства, объединившиеся потом в Германскую империю, так и Австрию (Австро-Венгрию), не вошедшую в ее состав. Не менее важную роль, чем различия и

- барьеры между этими государствами, играла в описываемых процессах и все усугублявшаяся в них тенденция к интеграции и унификации.
- ³ “Stenografie ist kein Studiengang, sondern lediglich als Hobby zu wählen”: Interview mit Gerd Miethe, dem Leiter des Stenografischen Dienstes. URL: http://www.n-21online.de/y/n_21/LT_artikel.asp?OR=234&MP=3&MPU=1.
- ⁴ О моде в письменности см.: *Levinson K.* Mode in der Schrift: Zur graphischen Gestaltung der deutschen Handschriften in der Frühen Neuzeit // Text als Realie: Internationaler Kongress in Krems an der Donau, 6.–10. Oktober 2000. Wien, 2003. S. 395–406.
- ⁵ Едва ли не единственная исторически ориентированная работа, на которую можно указать в этой связи, – небольшая популярная книга, вышедшая почти полвека назад: *Юрковский А.М.* Стенография сквозь века. М., 1969.
- ⁶ К классическим работам по истории стенографии относятся: *Faulmann K.* Geschichte und Litteratur der Stenographie. Wien, 1895; *Johnen C.* Allgemeine Geschichte der Kurzschrift. 4., völlig neubearb. Aufl., Berlin, 1940. Новейшие работы – *Moser F. u. a.* Lebendige Kurzschriftgeschichte: Ein Führer durch Kurzschriftlehre und Kurzschriftgeschichte. 9. Aufl. Darmstadt, 1990; *Kaden W.* Neue Geschichte der Stenographie. Von der Entstehung der Schrift bis zur Stenographie der Gegenwart. Dresden, 1999, а также Geschichte der deutschen Kurzschrift / Hg. von L. Schneider, G. Blauert. Wolfenbüttel, 1936. Erweitert im Oktober 2006 von Dr. Eva Scheithauer-Waldron, Enkelin von Karl F. Scheithauer.
- ⁷ Allgemeine Deutsche Biographie, Allgemeine Österreichische Biographie – обе доступны теперь в Интернете, – а также Österreichisches Biographisches Lexikon 1815–1950. Wien, 1981.
- ⁸ Примеры: *Bauer E.* Heger, Ignaz Jacob // Allgemeine Deutsche Biographie / herausgegeben von der Historischen Kommission bei der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. 1880. Bd 11. S. 275–276 (URL: de.wikisource.org/w/index.php?title=ADB:Heger_Ignaz_Jacob&oldid=1365867); *Johnen C.* Conn, Leopold // Allgemeine Deutsche Biographie / herausgegeben von der Historischen Kommission bei der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. 1903. Bd. 47. S. 510–511 (URL: de.wikisource.org/w/index.php?title=ADB:Conn_Leopold&oldid=1362806); *Idem.* Faulmann, Karl // Allgemeine Deutsche Biographie / herausgegeben von der Historischen Kommission bei der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. 1904. Bd. 48. S. 500–504 (URL: de.wikisource.org/w/index.php?title=ADB:Faulmann_Karl&oldid=981198).
- ⁹ Имеется в виду стенографическая система Мозенгайля (1796), представлявшая собой адаптацию английской системы Тэйлора к немецкому языку. Большого распространения она не имела, и последующие системы не родственны ей.
- ¹⁰ Der Pionier: Monatsschrift für Roller'sche Stenografie. Berlin, 1. April 1903. XXIV. Jg. Nr. 280. Без пагинации.
- ¹¹ См. письмо заместителя министра по делам религии, образования и медицины фон Каппиуса кайзеру Вильгельму от 18 августа 1912 г. Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz (далее: GStAPK), I HA Rep. 89 Geh. Zivilkabinet, jüngere Periode, Nr. 21380.
- ¹² GStAPK. I. HA Rep. 76 Kultusministerium VI Sekt. I x Nr. 5 Adhib. Bd. 3. Stenographie-Zeitschriften Juli 1901 – Sep. 1903.
- ¹³ Merkesiana: Fachblatt zur Förderung des Merkes'schen Stenographie-Systems. Juni-Nummer 1901. S. 89.
- ¹⁴ *Idem.* S. 86.
- ¹⁵ *Idem.* S. 74.

- ¹⁶ *Steinbrink G.* Über den Begriff der Wissenschaftlichkeit auf dem Gebiet der Stenographie. Berlin, 1879.
- ¹⁷ *Menz A.* Geschichte der Stenographie. 2., verb. Aufl. Berlin; Leipzig, 1920. S. 83.
- ¹⁸ Geschichte der Kurzschrift. URL: <http://www.steno.ch/hfm/120.htm#biografien>.
- ¹⁹ http://de.wikipedia.org/wiki/Heinrich_August_Wilhelm_Stolze. Отметим, что ценностные ориентации середины XIX в. все еще присутствуют в тексте этой статьи Википедии, размещенной в интернете и открытой для редактирования.
- ²⁰ В оригинале – *leichtfüßiger* – дословно “легконогий”, т.е. движущийся быстро и грациозно. Сам этот эпитет вызывает ассоциации с танцем, подчеркивая близость к искусству.
- ²¹ Эти слова Макса Беклера, одного из ведущих деятелей системы Штольце–Шрая, злорадно цитировали его конкуренты из системы Меркеса. См.: *Merkesiana: Fachblatt zur Förderung des Merkes'schen Stenographie-Systems.* Juni–Nummer 1901. S. 78.
- ²² Reichstagsprotokolle. Bd. 385, 61. Sitzung. S. 1828 B. URL: http://www.reichstagsprotokolle.de/Blatt2_w3_bsb00000069_00723.html, http://mdz1.bib-bvb.de/cocoon/rtb2/Blatt_bsb00000069_00723.html.
- ²³ Die Stenographenpost. 1954. Nr. 4. S.1.
- ²⁴ Die Stenographenpost. 1959. Nr. 2. S.2.
- ²⁵ *Faulmann K.* Op. cit. S.77. В Кремзир (чешск. Кромержиж, ныне в Чешской Республике) после подавления восстания в Вене в 1848 г. переехал и заседал в епископском дворце до марта 1849 г. австрийский рейхстаг.
- ²⁶ Der Tiro: Vereinsnachrichten des Stenographen-Vereins Scheithauer zu Trier. Trier, den 1. November 1918. Nr. 1. S. 2.
- ²⁷ *Jäkel H.* Roller oder Stolze? Eine Beleuchtung der Jacobsohnschen Kritik des Rollerschen Systems. [Berlin, o. J.]. S. 3.
- ²⁸ *Parish E.* Vergleich der Rollerschen und der Neu-Stolzeschen Stenographie in Bezug auf ihre Leistungsfähigkeit // *Jäkel H.* Op. cit. S. 27.
- ²⁹ Reichstagsprotokolle. Bd. 385, 61. Sitzung. S. 1828 B. URL: http://www.reichstagsprotokolle.de/Blatt2_w3_bsb00000069_00723.html, http://mdz1.bib-bvb.de/cocoon/rtb2/Blatt_bsb00000069_00723.html.
- ³⁰ См.: *Einhundert Jahre rationelles Schreiben* (URL: <http://romancechat.reocities.com/CollegePark/Library/4886/chronik.html>). Впрочем, высказывалось и другое мнение: Ф. Шпехт в книге “Кем может стать стенографист” (*Specht F.* Was ein Stenograph werden kann. Berlin, 1910) посвятил теме “кем может стать стенографистка” отдельную главу, где описывал социальную карьеру, которую несколько дам сделали благодаря владению стенографией. Шпехт развивал мысль, что в обществе его времени становилось все больше таких женщин, которые мужчинам были неинтересны, и их надо было как-то занять – поэтому их стали нанимать секретаршами.
- ³¹ Близкий к нам ранний пример – Анна Сниткина, стенографистка, нанятая Ф.М. Достоевским из чисто меркантильных соображений (его финансовые интересы напрямую зависели от сроков сдачи романа “Игрок”) и ставшая впоследствии его женой.
- ³² Например, в 1902 г. начал издаваться ежемесячный журнал (объем – 380 стр. в год), не связанный тематически с работой стенографов, – *Schulzes Illustrierte Unterhaltungsbätter für Stenographen.* System Stolze-Schrey. Neunter Jahrgang. Berlin, 1910. Почти весь текст (кроме титулов, кратких редакционных замечаний) в нем был напечатан стенографическими знаками. Набор материалов –

обычный для “иллюстрированных журналов” того времени: стихи по сезону, познавательные статьи, например, об африканских племенах, о морских катастрофах, о черепахах, об археологических находках (древние украшения, динозавры), о детях, о животных, в том числе диких (змея с двумя головами), загадки, задачи с призами. Распространялся он через книжные магазины и по подписке без ограничений по цене 3 марки за год, один номер стоил 30 пфеннигов. К журналу выпускались приложения – романы, новеллы – они тоже печатались стенографическим шрифтом.

- ³³ См., например: *Correspondenzblatt des königlich-Sächsischen Stenographischen Instituts; Deutsche Stenographenzeitung; Das Neue Testament unseres Herrn und Heilandes Jesu Christi, übersetzt von D. Martin Luther. Erste deutsche stenographische Ausgabe / Übertragen und autographirt von Heinrich Krieg, Professor am königl. stenographischen Institut zu Dresden. Dresden, 1870, и др. издания, перечисленные в каталоге: Hiel K. Verzeichniss der stenographischen Literatur (Druckwerke und Kunstgegenstände) Deutschlands und der wichtigsten gleichartigen Erscheinungen des Auslandes. Leipzig, 1880.*
- ³⁴ В рамках только одной из множества немецких стенографических систем на рубеже XIX–XX вв. число обучающихся составляло более четырех миллионов – см. http://de.wikipedia.org/wiki/Franz_Xaver_Gabelsberger.
- ³⁵ *Schulzes Illustrierte Unterhaltungsblätter für Stenographen. System Stolze-Schrey. Neunter Jahrgang. 1910.*
- ³⁶ См., например: *Der Tiro: Vereinsnachrichten des Stenographen-Vereins Scheithauer zu Trier, Trier, den 1. November 1918. Nr. 1. S. 1.*
- ³⁷ *Tietz J. Ein Urteil über die Verhandlung, welche auf der 15. Versammlung der Directoren der Westphälischen Gymnasien und Realschulen zu Soest, am 13. bis 17. October 1863, über den Unterricht in der Stenographie an den höheren Lehranstalten stattgefunden hat // Neue Jahrbücher für Philologie und Paedagogik / Begründet von J. Chr. Jahn; Gegenwärtig herausgegeben von Alfred Fleckeisen, Professor in Dresden, und Hermann Masius, Professor in Leipzig. Fünfunddreißigster Jahrgang. Zweiundneunzigster Band. Zweite Abteilung – für Gymnasialpädagogik und die übrigen Lehrfächer mit Ausschluss der classischen Philologie / Hg. von H. Masius. Elfter Jahrgang. Leipzig, 1865. S. 291f. Следует отметить, что ежегодник, в котором была опубликована эта статья, печатался не “немецким”, а “латинским” шрифтом: в этом тоже проявлялась его направленность.*
- ³⁸ О том, что суждения лиц, принимавших отрицательные решения о необходимости преподавания стенографии в гимназиях, базировались на предрассудках и незнании предмета, аргументированно писал Тиц – *Tietz J. Op. cit. S. 293ff.*
- ³⁹ *Historische Vorlesungsverzeichnisse der Universität Leipzig. URL: <http://histvv.uni-leipzig.de/suche/?volltext=Stenographie&dozent=&von=1814 w&bis=1914s& fakultaet=Theologie+Philosophie+Jura+Medizin&start=1&l=20>; Chronik der Königlich-Universität zu Breslau für das Jahr vom 1. April 1902 bis 31. März 1903. Jahrgang 17. Breslau, 1903. URL: http://www.archive.org/stream/chronikderknig-100bresgoog/chronikderknig100bresgoog_djvu.txt; Handbuch der Industrie- und Handelskammer Breslau. Breslau, 1927. (URL: www.dbc.wroc.pl/dlibra/plain-content?id=8349); Findbuch des Bestandes Abt. 47: Christian-Albrechts-Universität Kiel. Teil 1: 1665–1945 // Veröffentlichungen des Landesarchivs Schleswig-Holstein. Hamburg, 2007. Bd 90. S. 21. URL: http://hup.sub.uni-hamburg.de/opus/volltexte/2008/73/pdf/HamburgUP_LASH90_Findbuch47.pdf.*

- ⁴⁰ Вообще проблема преемственности в создании и передаче стенографического знания стояла достаточно остро: с одной стороны, у изобретателей были “ученики”, называвшиеся по-немецки словом *Jünger* (как ученики Христа), с другой стороны, они зачастую “предавали” своего учителя – начинали вносить собственные дополнения и изменения в созданную им систему.
- ⁴¹ “Ферейн” – (нем.). Союз, общество”. – *Чудинов А.Н.* Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. СПб., 1910. С. 323; “ФЕРЕЙН общество, союз”. – *Павленков Ф.* Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. СПб., 1907. С. 212; «Ферейн – замкнутое общество. Ср.: “Известно, что где соберутся два или три немца, там тотчас же создается у них *Bund* и *Verein* – непременно *Verein*, без *Verein*’а тут никак не обойдется... По свойству и качеству этих ферейнов, все немцы подразделяются на немцев поющих... танцующих и т.д.”» – *Крестовский Вс.* Петербургские трущобы. В 2 т. М.; Л., 1935. Т. 1. С. 51. Ср.: *Verein* (*vereinen* соединять) соединенное общество”. – *Русская мысль и речь: Свое и чужое: Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний.* СПб., 1896–1912. Т. 1–2: Ходячие и меткие слова. Сборник русских и иностранных цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов. С. 372.
- ⁴² Встречается в Гугле около 15 тыс. раз.
- ⁴³ *Tietz J.* Op. cit. S. 298.
- ⁴⁴ См. документы, связанные с конфликтом между профессиональными учителями танцев и ферайном, дававшим уроки без лицензии: *Wiener Stadt- und Landesarchiv.* 1.3.2.119.A32 – *Gelöschte Vereine 1920–1974 9558/1925*, без пагинации.
- ⁴⁵ *Dembeck H.* Gibt es eine Stenografen-Jugend? // 76. Westdeutscher Stenografentag in Bielefeld vom 1. bis 3. Oktober 1960. O.O., o.J. S. 29.
- ⁴⁶ 100 Jahre Kurzschrift in Hamm 1887–1987 / *Stenographenverein 1887 e.V.* in Hamm. Hamm/Westf., 1987. S. 25.
- ⁴⁷ Вот два примера такой научно-теоретической работы: в конце 50-х годов XIX в. именно мюнхенская центральная ассоциация стенографистов-габельсбергерянец взяла на себя ведущую роль в деле теоретической доработки системы и устранения ее противоречий и накопившихся в локальных (баварских, саксонских, австрийских) вариантах различий. А в 90-х годах XIX в. силами штольцеанских стенографических ассоциаций Ф.В. Кэдинг осуществил гигантский исследовательский проект по статистическому анализу частотности слов, слогов и звуков в немецком языке с целью выработки оптимальных знаков для наиболее часто встречающихся сочетаний. См.: *Faulmann K.* Op. cit.
- ⁴⁸ Непереводимая формула, означающая приблизительно “Да пошлет тебе удачу апостол Петр!”
- ⁴⁹ Приблизительно переводится как “Доброго здоровья!” Гимнастические общества часто (но не всегда) заканчивали свои обращения к публике и к властям словами «с гимнастическим приветом “Gut Heil!”» – или, например, как в прошении “Кройцвегского союза гимнастов” к городским властям Золингена в 1896 г. – «С немецким гимнастическим приветом “Gut Heil!”» – см. *Stadtarchiv Solingen. Gemeindebezirk Wald.* 1450. Vereinswesen und öffentliche Lustbarkeiten 1892–1898 (далее: *StA So. W-1450*) Nr. 233. Один раз заключительная фраза «с совершеннейшим почтением и с приветом пожарников “Gut Heil!”» встречается в приглашении бургомистру на праздник добровольной пожарной дружины одного из районов Золингена в 1895 г. (*StA So. W-1450. Nr. 121*).

- ⁵⁰ Приблизительно переводится как “Всякого благополучия!” Девиз “All Heil” – на эмблеме золингенского велосипедного ферайна “По горам – по долам” в 1896 г.: StA So. W-1450. Nr. 173.
- ⁵¹ Der Pionier: Monatsschrift für Roller’sche Stenografie. Berlin, 1. April 1903. XXIV. Jg. Nr. 280. Без пагинации.
- ⁵² Упоминаемые в данном абзаце населенные пункты расположены близко друг от друга, ныне они являются районами Золингена.
- ⁵³ Stadtarchiv Bochum (далее: StA Bo) B 287 Bd. 1 Vereinswesen. Bl. 140–154.
- ⁵⁴ StA So. W-1450 (1892–1898). Nr. 15, 246. “Пассивными” назывались члены ферайна, которые не занимались его основной деятельностью (в данном случае – пением), не могли избираться в правление, но имели право присутствовать на всех собраниях и мероприятиях ферайна. В некоторых организациях число пассивных членов превышало число активных.
- ⁵⁵ StA So W-1452 (1901–1905). Nr. 16; W-1453. Nr. 170. Ферайн молодых либералов, основанный в 1907 г., в год своего возникновения насчитывал 183 члена – в архиве имеется их список. Списки же стенографических ферайнов за этот год не сохранились, имена взяты из уставов, и общее количество членов неизвестно; можно лишь предполагать, что оно было больше, нежели число членов правления, подписывавших устав.
- ⁵⁶ StA So. W-1452 (1901–1905). Nr. 97; W-1450 (1892–1898). Nr. 235; W-1453. Nr. 170.
- ⁵⁷ StA So. W-1452 (1901–1905). Nr. 97; W-1450 (1892–1898). Nr. 278.
- ⁵⁸ StA So. W-1453 (1905–1908). Nr. 145; W-1450 (1892–1898). Nr. 282.
- ⁵⁹ StA Bo B 286 Vereinswesen 1877–1882. Bl. 114r–115r.
- ⁶⁰ StA Bo B 284 Vereinswesen. Bd. 2 1883–1889. Bl. 19r, 20r, 27r.
- ⁶¹ StA Bo B 284 Vereinswesen. Bd. 2 1883–1889. Bl. 154v.
- ⁶² StA Bo B 287 Vereinswesen. Bd. 2 Bl. 329.
- ⁶³ StA Bo B 284 Vereinswesen. Bd. 2 1883–1889. Bl. 33.
- ⁶⁴ StA Bo B 286. Bl. 218r. Члены этого клуба не охотились на зверей, а стреляли по тарелкам, занимались музыкой, чтением и прочими видами коллективного досуга.
- ⁶⁵ 100 Jahre Kurzschrift in Hamm 1887–1987 / Stenographenverein 1887 e.V. in Hamm. Hamm/Westf., 1987. S. 27.
- ⁶⁶ “Стенографических династий” я обнаружил пока совсем немного, и охватывали они лишь по два поколения. Так, в Испании первопроходцем стенографии был Франсиско де Паула Марти Мора (1761–1827); его сын Анхель Рамон Марти, пошедший по стопам отца и пользовавшийся несколько видоизмененной системой Тэйлора, был приглашен в Лиссабон работать стенографистом в нижней палате португальского парламента. Во Франции примером такой династии могут служить Огюстен Гросслен, поборник стенографии Тэйлора, и его сын Эмиль – шеф стенографического бюро палаты депутатов, занимавшийся разработкой варианта этой системы для начальных школ (*Faulmann K.* Op. cit. Passim). Если же говорить о германских землях, то надо назвать прежде всего, например, братьев Куновских, отца и сына Роллеров. Сын Генриха Штольце – д-р Франц Штольце – был не только практикующим берлинским стенографистом, но и весьма страстным участником публичных споров о сравнительных преимуществах и недостатках разных систем. Вышеупомянутый Герман Хофман – в студенческие годы руководитель стенографического кружка – потом женился на дочери Фердинанда Шрая, изобретателя одной из систем стенографии. См.: Hoffmann-Fölkersamb H. // Allgemeine deutsche Biographie & Neue

deutsche Biographie (Digitale Register) URL: http://daten.digitale-sammlungen.de/bsb00016326/image_455. В Баварии среди стенографистов-приверженцев системы Габельсбергера мы находим нескольких мужчин из семьи Лаутенхаммер: Иоганна, Родериха и Бернхарда (отношений родства между ними мы на данный момент не знаем). Один – “кандидат на преподавательскую должность” (т.е. человек, закончивший образование и, возможно, уже работающий в школе или гимназии, но еще не сдавший окончательного экзамена и потому не получивший постоянной должности) Иоганн Лаутенхаммер – был в 1863 г. избран в правление мюнхенского Центрального ферайна стенографистов, одного из оплотов школы Габельсбергера. Он был редактором журнала “Stenographische Blätter”, а с 1870 г., уже став преподавателем реальной школы, был выбран председателем ферайна (*Dankerl E. Chronik des Stenographen-Zentralvereins Gabelsberger in München e.V. – gegründet 1849*. URL: http://www.stzv.de/chronik%20stzv/chronik_des_stenographenvereins.htm). В 1903 г., явно в преклонном возрасте, уже будучи доктором и профессором, Иоганн выпустил учебник по стенографии Габельсбергера (*Kurzgefasstes Lehrbuch der Gabelsbergerschen Stenographie (Redezeichenkunst): Preisschrift / Herausgegeben von der ersten allgemeinen Versammlung Gabelsbergerscher Stenographen zu München. Nach den Beschlüssen des VII. deutschen Stenographentages; neu bearbeitet von Professor Dr. Joh. Lautenhammer. München; Leipzig, 1903*). О Родерихе известно, что в 1886 г. он оказался вовлечен в судебный процесс, затеянный Максом Беклером – одним из ведущих деятелей системы Штольце (*Prozess des Neustolzeaners Max Bäckler gegen den Gabelsbergianer Roderich Lautenhammer: auf Grund der in den Monatsversammlungen des Centralvereines erstatteten Berichte nach den Akten zusammengest. v. Gabelsberger Stenographen-Zentralverein München. Dresden, 1886*). В августе 1890 г. Иоганн был главным протоколистом III Международного конгресса стенографистов в Мюнхене (*Bericht über den Dritten Internationalen Stenographen-Kongress, abgehalten zu München am 11., 12. und 13. August 1890 / ([Schriftleiter]: [Johann] Lautenhammer.) [München], 1891*), а на IV Германском съезде стенографистов, проходившем там же несколькими днями ранее, одним из двух человек, ведших протокол, был Бернхард Лаутенхаммер, парламентский стенографист (*Stenographischer Bericht über die Verhandlungen des IV. Deutschen Stenographen-Tages München, den 8. und 9. August 1890: aufgenommen von den Kammerstenographen Bernhard Lautenhammer und Ernst Seidel in München / Hrsg. v. Gabelsberger Stenographen-Verein in Passau. [München], 1890*).

⁶⁷ *Нутхаммер Л.* Вопросы к немецкой памяти: Статьи по устной истории. М., 2012. С. 123: “Знакомый [Эрики, работницы заводской канцелярии] по стенографическому обществу и молодежным церковным кружкам, тоже конторский служащий, был в армии, куда она ему слала ободряющие письма; во время отпуска он приезжает домой, и она с ним обручается, а в сентябре 1945 г. он возвращается, и через несколько месяцев они женятся”.

⁶⁸ Здесь и далее в описании черт сходства и различия между разными видами ферайнов я опираюсь, помимо собственных архивных штудий, на книгу *Düding D. Organisierter gesellschaftlicher Nationalismus in Deutschland (1818–1847): Bedeutung und Funktion der Turner- und Sängervereine für die deutsche Nationalbewegung. München, 1984. S. 219–249*.

⁶⁹ *Düding D.* Op. cit. S. 226.

⁷⁰ *Ibid.* S. 223, 233.

⁷¹ *Ibid.* S. 229ff.

⁷² Ibid. S. 219, 227, 229.

⁷³ Ibid. S. 249ff.

⁷⁴ Wiener Stadt- und Landesarchiv. 1.3.2.119.A32.1926.8672.

⁷⁵ Der Tiro: Vereinsnachrichten des Stenographen-Vereins Scheithauer zu Trier. Nr. 1 Trier, den 1. November 1918.

⁷⁶ *Düding D.* Op. cit. S. 245ff.

⁷⁷ Ibid. S. 248f.

⁷⁸ Der Pionier: Monatsschrift für Roller'sche Stenografie. Berlin, 1. April 1903. XXIV. Jg. Nr. 280, без пагинации.

⁷⁹ *Düding D.* Op. cit. S. 242.

⁸⁰ Ibid. S. 235f.

⁸¹ Ibid. S. 328.

⁸² См., например, сборник стихов и песен силезских стенографистов школы Штольце: *Ad C. Gedichte und Lieder der Stolzeaner Schlesiens.* 1886. S. 1.

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

А.В. Бусыгин

МЕЖДУ КАНОНИЧЕСКИМ ПРАВОМ И ЦЕРКОВНЫМ ФОЛЬКЛОРОМ: КРЕЩЕНИЕ ДЕТЕЙ И МОНСТРОВ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ СКАНДИНАВИИ

УДК 282(481+491)"10/11"+348.412(091)

Норвежские и исландские законы XI–XII вв. предписывают крестить всех новорожденных детей, за исключением лишь тех, кто родился с определенными уродствами – их законы позволяют оставлять умирать без крещения. Это правило обычно интерпретируется исследователями как уступка дохристианским обычаям, допускавшим убийство нежеланных детей. Однако, по мнению автора, делаемое законами исключение исходит из противопоставления людей, обладающих разумной душой, монстрам, не способным к принятию благодати. Ученые богословские концепции переплетаются при этом с традиционными скандинавскими представлениями. Примеры смелой адаптации канонических норм обнаруживаются и в дальнейших параграфах. По нужде мирянам предписывается самостоятельно крестить детей, благословляя воду крестным знаменем, заменяя освященный елей и хризму слюной и используя в отсутствие воды любые виды жидкостей или даже снег. В этих инструкциях в непривычно наглядном и выпуклом виде отражено характерное для Средневековья восприятие церковного ритуала как неразложимого на существенные элементы целого.

Ключевые слова: церковное право, крещение, монстры, таинства, народное христианство.

Key words: canon law, sacraments, baptism, monsters, folk Christianity.

В XI–XII вв., когда в острых богословских спорах на латинском Западе зарождалась схоластическая теория таинств, в учении о крещении, уже прежде подробно разработанном Августином и другими отцами Церкви, царил относительный консенсус¹. Крещение, по определению средневековых теологов, есть “всеобщее и важнейшее таинство”, без которого невозможно христи-

анское спасение². Только через его посредство человек вступает в Церковь и заключает личный “завет” (*paatum*) с Богом³. По отношению к другим церковным таинствам оно служит “основанием” и “дверью”⁴.

Не меньшее значение акт крещения имел для средневекового права⁵. Святость уз духовного родства, связывающих у крещальной купели крещаемых, их родителей и восприемников, накладывала ограничения на то, с кем человек в дальнейшем мог вступить в брак⁶. Далее, поскольку границы средневековой христианской общины в практическом плане совпадали с границами социума, то крещение играло роль первого и важнейшего “обрядя перехода”, а умерший некрещеным ребенок с точки зрения семейного и имущественного права нередко считался вовсе не существовавшим⁷. Наконец, только крещеный мог быть погребен в освященной земле христианского кладбища⁸. Эти соображения в сочетании с характерным убеждением, что “лишь определенная молитва, прочитанная без ошибок в рамках строго регламентированного обряда, является залогом спасения”⁹, определили место, уделяемое крещению в нормативных текстах Средневековья, причем не только собственно церковных.

В Норвегии и Исландии, где христианство утвердилось на рубеже X–XI вв., религиозные обязанности мирян, в том числе связанные с крещением детей, регулировались так называемым христианским правом (*kristinn réttur*) или христианскими законами (*kristin lög*), входившими в состав сборников законов преимущественно светского содержания. В Норвегии, разделенной в юрисдикционном отношении на четыре области, сформировавшиеся вокруг центральных тингов (народных собраний) – Боргартинга, Эйдсватинга, Гулатинга и Фростатинга, – находились в обращении столько же сводов христианского права. Их сохранившиеся тексты восходят, вероятно, к оригиналам последней трети XI или, самое позднее, первой четверти XII в., подвергшимся, однако, на протяжении XII в. существенной и, возможно, неоднократной переработке, так что точно датировать содержащиеся в них установления часто бывает затруднительно¹⁰. В Исландии христианские законы были кодифицированы около 1123 г. под руководством местных епископов и, по-видимому, дошли в близком к первоначальному виде¹¹.

Формулируя юридические правила и давая обрядовые предписания, составители скандинавских сводов законов опирались на известные им канонические “*auctoritates*”. Однако при взгляде

на использованные ими источники (в той мере, в какой их удается выявить) нельзя не заметить, что норвежцы и исландцы довольно свободно приспособляли заданные традицией нормы к своей ситуации и к своему пониманию.

Основное и принципиальное требование скандинавского законодательства состояло в том, чтобы каждый родившийся ребенок был вскормлен и крещен, причем крещение не должно надолго откладываться. Норвежскими законами устанавливались четыре или пять дней в году, в которые или не позднее которых – формулировки разнятся в этом пункте – должны были быть крещены все дети, появившиеся на свет с предыдущего срока¹², тогда как в исландских законах сказано лишь, что ребенок должен быть принесен в церковь “при первой возможности”¹³. Помимо заботы о спасении души младенца – чтобы не умер некрещеным, в этих мерах сказывалось и восприятие всех некрещеных, в том числе детей, как “нечистых” и таящих в себе скрытую угрозу. Некрещеный ребенок называется “языческим”; родитель, продержавший его дома год, так и не принеся в церковь, “сам становится от него язычником” и подлежит изгнанию в “языческую землю”, “раз он не желает быть христианином”¹⁴.

Из того правила, что все новорожденные должны быть крещены, некоторые норвежские тексты делают, однако, исключение для одного особого случая: если младенец появляется на свет с тяжелыми, пугающе странными “уродствами” (*ørkumbli*). В *Христианском праве Боргартинга* они описываются в следующих выражениях: “Пятки вывернуты на место пальцев, а пальцы – на место пяток, подбородок между лопаток, затылок [торчит] вперед на груди, спереди на ногах икры, сзади на затылке глаза, и тюленьи у него лапы или голова пса”¹⁵. Такого новорожденного предписывается – насколько можно понять, не кормя и не совершая над ним христианских обрядов, – отнести подальше от человеческого жилья, “где не ходит ни человек, ни скотина”, и засыпать камнями, как обычно поступали в Скандинавии с различными категориями “опасных” покойников¹⁶.

Иное обращение ожидало согласно тому же тексту ребенка, которого анатомическая аномалия (“там у него пузырь, где должно было бы быть лицо”) делала заведомо нежизнеспособным: “Всякому ясно, что такой человек, даже если бы он рос, не сможет принимать пищу”¹⁷. Его указано отнести в церковь и, совершив вместо крещения только обряд принятия в число оглашенных (“первое знамение креста”), оставить умирать у церковных

дверей под присмотром кого-нибудь из ближайших родственников. Затем его следует похоронить в освященной земле и уповать на Божье милосердие.

Описания врожденных аномалий, схожие с первым из приведенных выше, содержатся и в других норвежских сводах законов, но при этом указания о том, как поступать с такими младенцами, существенно разнятся. *Христианское право Эйдсватинга* выделяет опять же два случая. В первом, который рубрика соответствующей главы называет “перевернутое тело” (øfugt líki), расположение частей тела (икр, глаз) у новорожденного противоположно нормальному, но голова и голос человеческие. Такого младенца сказано покормить, принести в церковь и крестить, а в последующем показать епископу, чтобы он решил его судьбу¹⁸. Во втором случае, который обозначен не поддающимся однозначной интерпретации словом *hærlíki*¹⁹, новорожденный не имеет ни головы человека, ни человеческого голоса. Его “можно” отнести в церковь, “если угодно”, и, если священник согласится, крестить его, а затем, выкопав на кладбище могилу, положить ребенка туда и накрыть плоским камнем, но не забрасывать землей, пока он сам не испустит дух²⁰.

В *Законах Гулатинга* описание уродств построено все по тому же принципу переворачивания (лицо/затылок, пальцы ног/пятки), но ни о голове, ни о голосе, ни о тюленьих лапах не упоминается. Не пускаясь в дальнейшие дистинкции, закон предписывает принести новорожденного в церковь и, крестив, оставить там умирать²¹.

Законы Фростатинга указывают крестить и выкармливать всякого младенца, “если у него голова человека”²². Сохранившаяся редакция текста, однако, отличается от первоначальной – об этом недвусмысленно свидетельствует параллельное место городского права (*bærkøyar réttir*) Нидароса, основанного в этой части на *Законах Фростатинга* и делающего оговорку в отношении “того, кто родился с уродствами, о которых сказано в законах”²³.

Наконец, исландские христианские законы предписывают крестить новорожденного, “какого бы [он] ни был сложения”²⁴.

Ясно, что все версии норвежских законов в этой части имеют общую основу. Чем именно при этом объясняются существующие между ними частные расхождения, в точности сказать сложно. Возможно, это результат разнонаправленных редакторских изменений, внесенных в тексты за время, отделяющее исходные записи от дошедших до нас рукописей, но не менее вероятно и то,

что какие-то разногласия между четырьмя областными сводами христианского права присутствовали в соответствующих их главах с самого начала.

Комментируя приведенные установления, исследователи сталкиваются со значительными трудностями. Как предписание оставить рожденного с аномалиями ребенка умирать или даже, по сути, убить его, засыпав камнями, сочетается со строгими санкциями – объявлением вне закона, конфискацией имущества и изгнанием, – которыми те же законы грозят родителям, убивающим или бросающим на произвол судьбы свое потомство²⁵? Что породило описания странных анатомических уродств – реальность, собственная фантазия или, быть может, какие-то литературные образцы? Почему младенцев с одним типом отклонений строения можно, огласив или даже крестив, похоронить на кладбище, в то время как новорожденных с другими аномалиями выносят подальше от человеческого жилья, не совершая над ними никакого христианского обряда? Ни по одному из этих вопросов в научной литературе нет консенсуса, и, главное, нет целостной картины того, в каком культурно-историческом контексте и в ответ на какие жизненные вопросы могли возникнуть эти регламентации. Если предположить, как это часто делается²⁶, что они отражают готовность Церкви на первоначальном этапе христианизации к компромиссам в отношении глубоко укорененных социальных практик, таких, как вынос детей²⁷, то приходится либо пуститься с частью исследователей в спекуляции о возможных причинах широкого распространения в средневековой Норвегии чрезвычайно редких или вовсе не засвидетельствованных форм врожденных уродств²⁸, либо же вместе с другой частью исследователей, считающих эти описания чистым вымыслом²⁹, завести свои рассуждения в тупик, поскольку какой-либо “компромисс” по поводу заведомо ирреальной ситуации не имеет смысла.

Между тем, кажущимся противоречиям и парадоксам находится простое объяснение, если исходить при их интерпретации из того факта, что врожденные аномалии обсуждаются в скандинавских законах в связи с крещением. Хотя, по мнению средневекового богословия, крещение и является “всеобщим таинством”, совершение его возможно только над человеком, поскольку именно человечество, “потомство Адама”, подверженное последствиям первородного греха, нуждается в искуплении и спасении³⁰. И с этой точки зрения средневековых интеллектуалов не мог не занимать вопрос о допуске к крещению и прочим церковным

таинствам разного рода “монстров”: с одной стороны, легендарных народов и рас, о существовании которых на краю ойкумены сообщали писатели древности, с другой – необычного вида младенцев, чье появление на свет с известной частотой отмечалось хронистами³¹. Между первыми и вторыми существовала, конечно, определенная разница. Так, если в плане эмоционального восприятия монструозные обитатели краев земли, подобно прочим “чудесам Востока”, будоражили любопытство, то младенцы с врожденными аномалиями вызывали, как правило, смятение, страх и отвращение. Одним отводилось законное место в плане творения; другие обычно считались порождением греха и предзнаменованием грядущих бедствий³². Но при всех отличиях критерии человечности монстров в том и другом случае нередко совпадали, а что касается норвежских законов, то и само описание анатомических деформаций, с большой вероятностью, было прямо или косвенно почерпнуто из литературы о диковинных расах.

“Перевернутые тела” имели давнюю историю в литературной традиции, восходя к описанию Мегасфеном (IV в. до н. э.) людей некоего индийского племени, чьи ступни были якобы повернуты назад. Через посредство Плиния (I в. н. э.) и Солина (III в.) эти сведения достигли Августина (V в.) и Исидора (VII в.) и послужили источником вдохновения иллюстраторам многочисленных средневековых бестиариев, в которых они обычно фигурируют под именем “антиподов”³³. Сходным образом “рожденные пузырьем” младенцы из *Законов Гулатинга* напоминают по описанию другой народ “крайнего Востока”, чьи представители не то лишены рта и живут только тем, что вдыхают через ноздри (Августин), не то, не имея даже и ноздрей, наделены плоским и бесформенным лицом (Исидор)³⁴. Согласно Августину, эти и другие монструозные расы не могут не быть потомками Адама, разумеется, при условии, что они существуют в действительности и что они, подобно людям, разумны и смертны. Развивая эту мысль, Августин проводит параллель с врожденными аномалиями, встречающимися среди людей: “Как не можем мы отрицать, что эти [человеческие младенцы] ведут происхождение от него одного (Адама. – А.Б.), так же [обстоит дело и с] любыми племенами, как будто отступающими, как пишут, в телесных отличиях от привычного пути природы, которым следуют большинство и даже почти все [люди]”³⁵. Но относительно принадлежности к человеческому роду одного легендарного племени гиппонский епископ все же высказывает сомнение: “Что скажу о кинокефалах,

в ком песьи головы и самый лай выдают скорее зверей, нежели людей?”³⁶. В вопросе о кинокефалах Августину вторит Исидор³⁷. В XII в. Гонорий Августодунский, опирающийся на обоих отцов Церкви в качестве источников в своем “Образе мира” (между 1110 и 1139), готов классифицировать как имеющих нечеловеческую природу не только песиглавцев, но и обладателей вывернутых ног³⁸, а, например, основанный на Гонории немецкий “Люцидарий” (ок. 1190) вообще смешивает два эти вида монстров в один, четко определить природу которого составитель опять-таки затрудняется³⁹.

В образе новорожденного с перевернутым расположением частей тела и собачьей головой в *Христианском праве Боргартинга* ощутимо влияние той же ученой схемы, восходящей через Гонория к Августину. Сквозь ее призму становится понятно, что, собственно, стремились представить составители норвежского свода – монстра, не имеющего человеческой природы и, как следствие, неспособного к принятию крещения и недостойного христианского погребения. Свидетельства “auctoritates” о существовании подобных аномалий в природе делали допустимой и даже вероятной возможность его появления на свет, тем более что, по мнению многих, именно на скандинавском Севере можно было ожидать встречи с кинокефалом⁴⁰.

Сходная логика определяет и нормы *Христианского права Эйдсиватинга* и *Законов Фростатинга*, предписывающие разное обращение со случаями “уродств” в зависимости от того, какую голову и голос имеет младенец – тех самых признаков, которые в средневековых описаниях отделяют нечеловеков-кинокефалов от людей.

В этой перспективе предположение современных исследователей о “компромиссном” характере норвежских постановлений о младенцах с “уродствами” нуждается в существенной корректировке. Речь заведомо шла о крайне редком явлении, и даже если предположить, что в ходе составления сводов христианского права по вопросу позволительности выноса детей между церковными властями и населением шли борьба и переговоры – что само по себе правдоподобно, – представители Церкви, очевидно, не столько искали полноценного компромисса, сколько оговаривали единственно приемлемый, с их точки зрения, случай, когда новорожденного можно было оставить умирать без крещения.

И все же нельзя не заметить, что от сугубо теоретических рассуждений о принадлежности к человеческой расе того или иного

экзотического народа до подобной юридической формулировки пролегал большая дистанция. Пришли ли составители норвежских законов к своим выводам самостоятельно и даже – быть может, неосознанно – вопреки Августину, который в другом месте ясно дает понять, что человеческая природа и способность к христианскому спасению новорожденных с аномалиями анатомического строения была для него вне вопроса⁴¹? Или же мост от проблемы монструозных рас к проблеме крещения и права на жизнь младенцев-монстров был уже переброшен кем-то раньше? Насколько мне известно, не сохранилось ни одного авторитетного теологического или канонического текста, который мог бы послужить таким мостом, и более ранних, чем норвежские своды христианского права, рассуждений на тему крещения детей с врожденными уродствами просто не существует. В более позднюю эпоху, однако, спекуляции на этот счет нередко попадаются в литературе ученого права и нравственного богословия. Что касается этих дискуссий, стимулом к их возникновению послужили тексты “Корпуса гражданского права”, ставшие в XII в. предметом систематического изучения на юридических факультетах. В них встречалось, например, определение “урода” (*monstruosum, prodigiosum, portentosum aliquid, ostentum*) как “плода непривычного вида или голоса и не человеческого, а иного обличия, скорее [напоминающего] зверя, нежели человека” (*Dig. 50, 16, 135*), и исключался из числа детей (*liberi*) тот, кто “рожден превратным образом, противно облику человеческого рода” (*Dig. 1, 5, 14*)⁴². Эти тексты привлекали внимание глоссаторов начиная с Ирнерия (годы деятельности 1112–1125), но первую попытку антропологической классификации врожденных аномалий мы находим лишь у Ацо (начало XIII в.), с точки зрения которого монстр может появиться на свет либо в результате плотской связи матери с неразумным животным, либо если во время соития с мужчиной она представляла себя в воображении с животным; в первом случае Ацо не признает ребенка человеческим, во втором он готов это сделать⁴³.

Такой взгляд на природу монстров, получивший в дальнейшем широкое распространение в средневековой Европе, чужд норвежским и исландским текстам. Чтобы найти им более близкие по смыслу параллели, приходится обращаться к материалу, еще дальше отстоящему от них в литературной хронологии. Так, анонимный францисканский автор кводлибетического⁴⁴ трактата “Относятся ли пигмеи к числу людей” (ок. 1286/7) выделя-

ет несколько видов монстров, смотря по тому, кто их родители. По его мнению, врожденные аномалии случаются не только от преступной связи человека с животным, но и от “дефективных родителей”, от “недостатка или избытка материи”, “неподходящего положения матки” или “положения небесных тел” и принадлежат тогда к человеческому роду, однако даже в этом случае не всегда могут быть крещены: “Если они имеют должную организацию, то способны к [принятию] благодати; если же не имеют должной организации, к примеру, голову ниже и ноги сбоку или что-то еще подобное, то не способны к [принятию] благодати и [их] не следует крестить”⁴⁵. Сходные критерии для определения природы монстров – форму головы, черты лица – предлагают в дальнейшем философ и врач Пьетро д’Абано в своем комментарии (ок. 1310) Псевдо-Аристотелевых “Проблем”⁴⁶ и юрист Бальдо дельи Убальди в комментарии “Дигест” (вторая половина XIV в.)⁴⁷. Также вопрос о том, можно ли безнаказанно умертвить монстра, всплывает у Бальдо, его ученика Джованни Николетти (да Имола) и еще одного итальянского юриста середины XV в., Анджело Гамбилиони (иначе известного как Angelus Aretinus)⁴⁸.

Очевидно, что о влиянии перечисленных авторов на составителей норвежских законов или наоборот не может быть речи. В контексте европейской литературной традиции норвежские тексты, посвященные вопросу крещения монстров, выступают изолированными и разрозненными фрагментами, плохо встраивающимися в привычную модель филиации идей. Даже с учетом того, что множество средневековых сочинений было впоследствии безвозвратно утеряно и что составители норвежских законов, о чьем образовании, карьере и даже национальности мы ничего не знаем, могли обладать значительной эрудицией, трудно себе представить, какие промежуточные текстуальные звенья могли бы помочь соединить *Христианское право Боргартинга* с францисканским кводлибетом. Нельзя ли, однако, предположить, что подспудный интерес к врожденным аномалиям и прочим казусам, связанным с крещением, возник значительно раньше времени появления ученых трактатов и что задолго до того, как возможные решения гипотетических казусов были впервые изложены на их страницах, они уже циркулировали изустно в околоцерковной среде, разумеется, без ссылок на римское право? Косвенным свидетельством в пользу такого предположения служит вопрос, заданный киевскому митрополиту Иоанну II (1076/77–1089) неким черноризцем Иаковом: “Ты спросил: если новорожденное дитя

настолько немошно, что не принимает грудь матери, нужно ли (εἰ χρῆδν / достоин ли) его крестить?”⁴⁹. Митрополит пишет в ответ, что древние правила расходятся относительно того, в каком возрасте следует крестить здорового ребенка; если же младенец болен, то он велит совершать таинство на восьмой день или даже раньше; но на вопрос в том виде, как он был задан – крестить ли вообще? – он ничего не отвечает. Тот же вопрос – как поступать с новорожденным, который не может принимать пищу, – заботил и составителей *Христианского права Боргартинга*, дающих на него свой, по-видимому, вполне самостоятельный ответ. Чем был обусловлен этот синхронный всплеск интереса, выяснить сейчас невозможно, но между его проявлениями в Норвегии и на Руси вполне возможна связь, тем более что есть и другие примеры того, что еще только начинающие застывать межконфессиональные границы между Западом и Востоком были легко проницаемы для благочестивых поверий, обычаев и “актуальных тем” прицерковной культуры⁵⁰. И если этот с трудом поддающийся учету фактор в самом деле подтолкнул норвежцев сформулировать свои правила обращения с врожденными аномалиями, то в этой истории остается меньше места для предполагаемой борьбы язычества с христианством и больше – для взаимопереплетения ученой эрудиции и малоизученного до сих пор внутрицерковного фольклора.

* * *

Другая связанная с крещением экстраординарная ситуация, которую регулируют норвежские и исландские законы, – это крещение опасно больного или слабого ребенка, совершаемое в отсутствие священника мирянином. Норвежские и исландские тексты дают на этот случай подробные, но различающиеся в деталях инструкции.

Согласно *Христианскому праву Боргартинга* и *Христианскому праву Эйдсиватинга*, человек, которому приходится совершить таинство, должен, взяв на кончик большого пальца немного слюны, начертать ею крест на груди младенца и на спине между лопаток, а также на других местах, где в ходе предписанных богослужебными книгами пред- и послекрещальных обрядов священник помазывает крещаемого слюной, освященным маслом и хризмой: под носом, на ушах и темени⁵¹. Далее *Христианское право Эйдсиватинга* и исландские *Христианские законы* предписывают освятить воду, произнеся формулу “Я освящаю тебя,

вода, во имя Отца и Сына и Святого Духа” и трижды начертав на воде крест большим пальцем⁵². Затем, как согласно указывают все норвежские и исландские тексты, необходимо наречь ребенку имя и трижды погрузить его в воду с произнесением формулы “Я крещу тебя во имя Отца и Сына и Святого Духа”. При этом в некоторых списках исландских *Христианских законов* уточняется, что погружать следует, держа ребенка сперва лицом к себе, затем налево от себя и в третий раз направо, – такой способ совершения погружений нередко описывается в средневековых чинах крещения и называется “во образ креста”⁵³. *Христианское право Боргартинга* исходит из того, что в крещении участвуют двое восприемников – мужчина и женщина, несшие ребенка в церковь; мужчине предписывается погружать в воду и произносить слова, которыми совершается таинство (“Я крещу тебя...”), а женщине повторять их вслед за ним – тем самым составители, очевидно, желали дополнительно гарантировать правильность произнесения ключевой формулы⁵⁴. Исландские законы подходят к проблеме точного соблюдения формы таинства иначе: если мужчина не знает, какие слова следует произносить или какие действия совершать, женщина может научить его, но не крестить сама в присутствии мужчины; даже если с ней маленький мальчик, то, согласно тексту некоторых списков, она должна совершить таинство его руками⁵⁵. Все норвежские и исландские законы сходятся в том, что отец или мать ребенка могут крестить его, только если никого другого нет поблизости. Исландские законы оговаривают, что по нужде позволительно совершить одно погружение вместо положенных трех, а также крестить обливанием или окроплением водой⁵⁶. *Христианское право Боргартинга* предписывает в случае недостатка воды лишь обтереть ею ребенка. При отсутствии простой воды *Христианское право Боргартинга* и *Законы Фростатинга* указывают использовать росу, снег или морскую воду, а *Законы Гулатинга* – “любого рода жидкость, какую можно достать”. Исландские законы также упоминают морскую воду, а относительно снега они дают подробные наставления: снег необходимо предварительно освятить той же формулой, что и воду; дальнейшие указания противоречивы: ребенка следует то ли окунуть в сугроб, то ли, растопив немного снега в ладонях, обтереть ребенка образовавшейся водой. Наконец, при полном отсутствии всего перечисленного *Законы Гулатинга*, *Законы Фростатинга* и одна из рукописей *Христианского права Эйдсиватинга* предла-

гают помазать ребенка слюной крестообразно на груди и спине, произнося слова крещальной формулы⁵⁷.

Допустимость совершения таинства крещения мирянином при угрозе жизни и в отсутствие священника или другого клирика с древнейшего времени признавалась богословием латинской Церкви⁵⁸. Однако, насколько распространена была подобная практика в раннее Средневековье, не совсем ясно: например, соборные постановления и капитулярии каролингской эпохи, даже когда они прямо касаются подобных экстренных ситуаций, ничего не говорят о мирянском крещении⁵⁹. Лишь к началу XIII в. в синодальных статутах английских, французских и немецких диоцезов появляются нормы и инструкции на этот счет, и священникам предписывается регулярно освежать их в памяти своих прихожан во время воскресной проповеди⁶⁰. Впрочем, к этому времени речь скорее всего шла о том, чтобы нормировать ставшую уже более-менее рутинной практику, – именно в таком качестве клермонский епископ Понтий описывает в 70-х годах XII в. мирянское крещение, для обозначения которого успел даже возникнуть особый глагол (*undeiare*, ср. франц. *ondoyer*)⁶¹. Когда именно и под влиянием каких факторов эта практика впервые получила распространение, остается непроясненным. Вероятно, здесь сыграло роль наметившееся в церковной проповеди в ходе борьбы с катарами усиление акцента на невозможности христианского спасения для умерших некрещеными младенцев⁶². Кроме того, вспыхнувшие в середине XI в. споры о действительности таинств, совершенных повинными в симонии клириками, пробудили интерес к вопросу об условиях действительности таинств вообще и, можно думать, к тем особым случаям, в частности, когда она, по согласному мнению богословов, не зависела от обладания совершителем благодати священства⁶³.

На общеевропейском фоне установления скандинавского христианского права, касающиеся мирянского крещения, обращают на себя внимание ранним временем своего возникновения – не позднее первой четверти XII в. Даже с учетом прибавлений, внесенных в них в 1150-е или 1160-е годы⁶⁴, они старше своих западноевропейских аналогов на много десятилетий.

Пожалуй, еще сильнее бросаются в глаза содержательные отличия. Так, например, древнейший из французских документов, регулирующих совершение крещения мирянами, синодальный статут парижского епископа Одона де Сюлли (1197–1208), ограничивается немногими пунктами: необходимо отчетливо

произносить слова крещальной формулы, в которых “заключена вся сила таинства и спасение младенцев”; священники должны учить ей мирян на понятном им языке; при крайней нужде крестить ребенка могут отец или мать; священник должен довершить мирянское “омовение” (*inundatio*) обычными послекрещальными обрядами⁶⁵. Те же пункты повторяются снова и снова в статутах и соборных постановлениях последующего времени. К ним добавляются лишь несколько деталей: слова крещальной формулы приводятся на народном языке⁶⁶; указывается, нужно ли мирянину, крестящему ребенка, нарекать ему имя⁶⁷; разрешается при нехватке воды и невозможности погрузить в нее младенца целиком, облить его из сосуда⁶⁸; уточняется, какие пропущенные части крещального чина священник должен в дальнейшем восполнить, а какие опустить⁶⁹. О том, чтобы мирянин освящал воду, помазывал ребенка слюной вместо хризмы или имитировал какие-либо другие церемонии, сопровождающие торжественное церковное крещение, никогда не идет речи. По мнению позднейших литургистов и юристов, такие действия были бы проявлением презрения к благодати, подаваемой священнику в таинстве рукоположения, и каноническим преступлением⁷⁰. Также крещение в снегу или какой-либо жидкости, кроме воды, признается ими недействительным⁷¹. На этой же точке зрения стоит и скандинавское церковное законодательство XIII в., которое дистанцируется от более ранних установлений, подчеркивая, что “слюна не производит крещения; лед или снег тоже не производят крещения, если не растают и не превратятся в воду”⁷², а освящать воду для крещения мирянам не дозволяется⁷³.

С какой целью составители ранних сводов христианского права включили эти элементы ритуала, и на какие источники или образцы они могли опираться? По всей видимости, их стремлением было приблизить мирянское крещение к церковному обряду. При этом они могли отчасти основываться на авторитетных текстах и прецедентах. Утверждения о том, что крещальные воды только тогда несут в себе спасение, когда они освящены именем Христа и знаменем креста, нередко можно встретить в сочинениях Амвросия, Августина и других церковных писателей⁷⁴. Так называемые “Тригориевы каноны”, раннесредневековый пенитенциал, возникший, возможно, на рубеже VII–VIII вв. в Англии, предписывает клирику, повстречавшему больного язычника, крестить его “знаменованной крестом водой (*aqua signata*)”⁷⁵. Другой пенитенциал конца VIII в., который в рукописях приписывается

авторству Беды, говорит, что не только клирики, но и все христиане должны поступать подобным образом, и снова упоминает “воду, благословленную по-простому во имя Господне”⁷⁶. Это же выражение, по-видимому, заимствованное из пенитенциала, фигурирует в описании крещений, которые в середине 780-х годов совершал в восточной Фризии по велению миссионера Людгера мирянин Бернлев⁷⁷. Наконец, из письма Эльфрика Эншемского (ок. 1005), рассуждающего о способе экстренного крещения (не уточняя, правда, представляет ли он себе в роли его совершителя клирика или мирянина), мы узнаем, как должна была звучать эта формула освящения воды “по-простому”, которой не найти ни в богослужебных книгах, ни в сборниках канонов: “Во имя Отца и Сына и Святого Духа да благословится эта вода для крещения”⁷⁸. Формула, приводимая в норвежских и исландских законах, несомненно, продолжает ту же традицию, лишь слабые и как бы случайные отголоски которой сохранили для нас письменные памятники.

Указание использовать в отсутствие воды росу, снег и вообще “любого рода жидкость” или слюну базируется, возможно, на формулировке, встречающейся в итальянском каноническом “Сборнике в пяти книгах”⁷⁹, хотя определенно утверждать это нельзя.

Совсем не находится параллелей помазанию слюной, функционально заменяющему несколько разных обрядов полного крещального чина. Не исключено, что здесь мы имеем дело с довольно редким для истории литургии случаем импровизации *ad hoc*. Но, каково бы ни было происхождение этого элемента, цель его включения, несомненно, все та же – максимально полно воспроизвести церковный ритуал, неосторожное отступление от которого способно поставить под угрозу действенность таинства.

Такое восприятие литургической жизни Церкви было, разумеется, свойственно не только скандинавам. Столь важная впоследствии идея “сущности” таинства (*quae de substantia, de essentia, de necessitate sacramenti*), поддающейся безболезненному отделению – и аналитически, и на практике – от акцидентальных элементов, которые служат лишь к его “украшению” (*quae ad decorem sacramenti*), чужда всей раннесредневековой христианской традиции. Но в норвежских и исландских памятниках религиозное чувство этой эпохи, не преобразованное еще школой схоластики и мистицизма, предстает в непривычно наглядном и выпуклом виде.

- ¹ О богословских интерпретациях таинства крещения в этот период см.: *Pelikan J.* The Growth of Medieval Theology: 600–1300. Chicago, 1978. P. 30–31, 204–206; *Neunheuser B.* Taufe und Firmung: 2. Aufl. Freiburg i. Br., 1983. S. 97–105. (Handbuch der Dogmengeschichte; Bd. 4/2) (там же библиография). О зарождении схоластического учения о таинствах “in genere” см.: *Landgraf A.M.* Dogmengeschichte der Frühscholastik. Regensburg, 1954. Bd. 3/1. S. 158–168; *Van den Eynde D.* The Theory of the Composition of the Sacraments in Early Scholasticism // *Franciscan Studies*. 1951. Vol. 11. P. 1–20, 117–144.
- ² Крещение, наряду с конфирмацией, покаянием и причастием, отнесено к числу “всеобщих и важнейших таинств (generalia ac principalia sacramenta)... без которых не обретается христианское спасение”, в эпистолярном трактате Бозона, монаха (1088), затем аббата Бека (1124–1136), см.: *Rochais H.* Textes anciens sur la discipline monastique // *Revue Mabillon*. 1953. Vol. 43. P. 47; ср.: *Lebourlier J.* Un témoin dans l’élaboration de la liste des sacrements // *Recherches de théologie ancienne et médiévale*. 1954. Vol. 21. P. 130–137. По мнению автора “Sententiae divinae paginae” (около 1120 г., школа Ансельма Ланского), крещение выше евхаристии и конфирмации, “поскольку без принятия их многие спасаются, как, [например], младенцы, без крещения же – никто”, см.: *Bliemetzrieder F.P.* Anselms von Laon systematische Sentenzen. Münster i. W., 1919. S. 43.
- ³ Крещение как “pactum”: *Jonas Aurelianensis.* De institutione laicali // *Patrologiae cursus completus. Series Latina / Acc. J.-P. Migne.* Paris, 1864. T. 106. Col. 128 (lib. 1, cap. 3); *Concilia aevi Karolini.* Hannoverae; Lipsiae, 1908. T. 1, Pt. 2. P. 615, 617. (Monumenta Germaniae Historica: Concilia; T. 2/2. Далее – MGH). Ср.: *Dölger F. J.* Die Sonne der Gerechtigkeit und der Schwarze. Münster, 1918. S. 114–117; *Ehrhardt A.* Christian Baptism and Roman Law // *Festschrift Guido Kisch.* Stuttgart, 1955. P. 147–166; *Heggelbacher O.* Die Taufe als rechtserheblicher, sakramentaler Akt in der christlichen Frühzeit // *Österreichisches Archiv für Kirchenrecht*. 1969. Bd. 20. S. 257–269.
- ⁴ *Hahn G. L.* Die Lehre von den Sakramenten in ihrer geschichtlichen Entwicklung innerhalb der abendländischen Kirche bis zum Concil von Trient. Breslau, 1864. S. 249–250.
- ⁵ *Hinschius P.* Das Kirchenrecht der Katholiken und Protestanten in Deutschland. Berlin, 1888. Bd. 4. S. 23–55; *Helmholz R.H.* The Spirit of the Classical Canon Law. Athens (Ga.), 1996. P. 200–228.
- ⁶ *Lynch J.H.* Godparents and Kinship in Early Medieval Europe. Princeton, 1986. P. 219–257; *Jussen B.* Patenschaft und Adoption im frühen Mittelalter. Göttingen, 1991. S. 28–34; *Guerreau-Jalabert A.* Spiritus et caritas: Le baptême dans la société médiévale // *La parenté spirituelle / Dir. F. Héritier-Augé et E. Copet-Rougier.* Paris, 1995. P. 133–203, in part. p. 171–190.
- ⁷ См.: *Lefebvre-Teillard A.* Infans conceptus... Existence physique et existence juridique // *Eadem.* Autour de l’enfant: Du droit canonique et romain médiéval au Code Civil de 1804. Leiden, 2008. P. 61, 63–67. В Скандинавии наследование впервые ставится в связь с крещением в Скандинавском праве начала XIII в. (Danmarks gamle Landskabslove med Kirkelovene / Udg. ved J. Brøndum-Nielsen et al. København, 1933. Bd. 1. S. 2–3). Позднее это требование встречается во многих датских, шведских и норвежских законах вплоть до начала Нового времени. Соответствующая норма была отменена в Швеции в 1734 г., в Норвегии в 1854 г., в Дании в 1857 г., см.: *Maurer K.* Ueber die Wasserweihe des germanischen Heidenthumes // *Abhandlungen der philosophisch-philologischen Classe der königlich bayerischen Akademie der Wissenschaften.* München, 1881.

- Bd. 15/3. S. 216, 219. О значении рождения ребенка с точки зрения крепости брака и имущественных прав матери см.: *Brunner H.* Die Geburt eines lebenden Kindes und das eheliche Vermögensrecht // *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte.* 1895. Germ. Abt. Bd. 16. S. 63–108.
- ⁸ См.: *Bernard A.* La sépulture en droit canonique du Décret de Gratien au concile de Trente. Paris, 1933. P. 113–117. Традиция освящения кладбищ сложилась к X в.; ранее всего она засвидетельствована в Англии и Лотарингии, см.: *Treffort C.* Consécration de cimetièrre et contrôle épiscopal des lieux d'inhumation au Xe siècle // *Le sacré et son inscription dans l'espace à Byzance et en Occident / Éd. par M. Kaplan.* Paris, 2001. P. 285–299; *Gittos H.* Creating the Sacred: Anglo-Saxon Rites for Consecrating Cemeteries // *Burial in Early Medieval England and Wales / Ed. by S. Lucy and A. Reynolds.* London, 2002. P. 195–208.
- ⁹ *Rubellin M.* Entrée dans la vie, entrée dans la chrétienté, entrée dans la société: autour du baptême à l'époque carolingienne // *Entrées dans la vie. Initiations et apprentissages.* Nancy, 1982. P. 31.
- ¹⁰ Издания: *Den ældre Frostathings-Lov / Udg. ved R. Keyser og P. A. Munch // Norges gamle Love indtil 1387.* Christiania, 1846. Bd. 1. S. 119–258 (далее цитируется с указанием номера книги и главы как Frost.); *Den eldre Gulatingslova / Utg. av B. Eithun, M. Rindal og T. Ulset.* Oslo, 1994. (Norrøne tekster; 6) (далее с указанием главы: Gul.); *De eldste østlandske kristenrettene / Utg. av E.F. Halvorsen og M. Rindal.* Oslo, 2008. (Norrøne tekster; 7) (далее с указанием главы и параграфа: Borg., Eiðs.). О времени первоначальной записи и последующих переработках см.: *Maurer K.* Gulatingslög // *Allgemeine Encyclopädie der Wissenschaften und Künste / Hrsg. von J.S. Ersch und J.G. Gruber.* Leipzig, 1878. Sect. 1. Bd. 96. S. 1–37 (первая четверть XII в.); *Hertzberg E.* Vore ældste Lovtexters oprindelige Nedskrivelsestid // *Historiske afhandlinger tilegnet Professor Dr. J.E. Sars.* Kristiania, 1905. S. 92–117 (последняя треть XI в.); *Taranger A.* De norske folkelovbøker (før 1263). [Oslo,] 1928 (перераб. и изд. отд. оттиском ст. из "Tidsskrift for Retsvidenskap" (1926. Bd. 39; 1928. Bd. 41)); *Landro T.* Kristenrett og kyrkjerett: Borgartingsretten i eit komparativt perspektiv. Bergen, 2010.
- ¹¹ Издания: *Grágás, Islændernes Lovbog i Fristatens Tid / Udg. af V. Finsen.* Kjøbenhavn, 1850. Bd. 1/1. S. 3–37 (далее цитируется с указанием номера страницы: Grg. 1a); *Grágás efter det Arnamagnæanske Haandskrift 334 fol. (Staðarhólsbók).* Kjøbenhavn, 1879. S. 1–62 (далее: Grg. 2); *Grágás. Stykker, som findes i det Arnamagnæanske Haandskrift nr. 351 fol. (Skálholtsbók) og en Række andre Haandskrifter.* Kjøbenhavn, 1883 (далее: Grg. 3). Текстологические проблемы недавно были заново исследованы в работе: *Footo P.* The Early Christian Laws of Iceland: Some Observations. Cambridge, 2004. (H.M. Chadwick Memorial Lectures; 15).
- ¹² Borg. 4.1; Eiðs. 8.1; Frost. 2.5; Gul. 21. Эти установления, не имеющие прямых параллелей за пределами Норвегии, и встречающиеся в них вариации формулировок отражают, по-видимому, своеобразный результат взаимодействия двух характерных и для других регионов Европы тенденций: необходимости в условиях недавно принявшего христианство общества устанавливать жесткие сроки и использовать принуждение в отношении родителей, не желающих или забывающих крестить своих детей (ср.: *Kahl H.-D.* Randbemerkungen zur Christianisierung der Sachsen // *Die Eingliederung der Sachsen in das Frankenreich / Hrsg. v. W. Lammers.* Darmstadt, 1970. S. 154–155. (Wege der

- Forschung; Bd. 185); Lynch J.H. Christianizing Kinship: Ritual Sponsorship in Anglo-Saxon England. Ithaca (N.Y.), 1998. P. 101), и стремления по возможности приурочить крещение к почитаемому церковному празднику (см., например: Roberti Pulli... Sententiarum libri VIII / Ed. H. Mathoud. [Paris, 1655]. P. 156 (lib. 5, cap. 18); ср.: Eisenhofer L. Handbuch der katholischen Liturgik. Freiburg i. Br., 1933. Bd. 2. S. 230, 232–233).
- ¹³ Grg. 1a: 3; Grg. 2: 1. О постепенном распространении в Европе практики крестить всех детей безотлагательно после рождения см.: Schnurr D.M. The *Quamprimum* of Infant Baptism in the Western Church: (J.C.D. diss., Catholic University of America, 1980). P. 94–133; Gy P.-M. Du baptême pascal des petits enfants au baptême *quamprimum* // Haut Moyen Âge: culture, éducation et société: Études offertes à P. Riché. Nanterre; La Garenne-Colombes, 1990. P. 353–365.
- ¹⁴ Borg. 4.2. Ср.: Gunnes E. “Uren og hedning” // Historisk tidsskrift. Oslo, 1975. Bd. 54. S. 89–99.
- ¹⁵ Borg. 1.2.
- ¹⁶ Ström F. On the Sacral Origins of the Germanic Death Penalties. Lund, 1942. P. 107–109. Закон указывает отнести его в место, называемое “forve”. Лингвистическая интерпретация этого термина, не встречающегося в других текстах, вызывает разногласия. Согласно одной версии, выдвинутой первоначально Г. Вигфуссоном (Cleasby R., Vigfusson G. An Icelandic-English Dictionary. Oxford, 1874. P. 166) и позднее скорректированной Т. Йоханнссоном (Johannisson T. Verbal och postverbal partikelkomposition i de germanska språken. Lund, 1939. S. 186–191), он обозначает прибрежную полосу, покрываемую водой во время прилива и обнажающуюся во время отлива. По представлению средневековых скандинавов, погребение в этом лиминальном локусе не оскверняло остальную землю и, в другой перспективе, само не осквернялось от нее. Так, например, христианка Аун Глубокомудрая, жившая в Исландии во времена господства язычества, распорядилась похоронить себя на полосе осушки, по-видимому, чтобы ее тело не осквернялось “языческой” землей (Íslendingabók. Landnámabók / J. Benediktsson gaf út. Reykjavík, 1968. Bls. 146–147. (Íslenzk fornrit; Bd. 1)). По другому истолкованию, “forve” – это, в противоположность освященной земле, профанное пространство, “das Weihlose”, без топографической конкретики (см.: Bugge S. Blandede sproghistoriske Bidrag // Arkiv for nordisk filologi. 1885. Bd. 2. S. 211–212; Vogt W.H. Fluch, Eid, Götter – altnordisches Recht // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. 1942. Germ. Abt. Bd. 57. S. 46–47). Из обеих интерпретаций вытекает, что согласно *Законам Боргартинга* новорожденный монстр не должен был покоиться в христианской земле, в то время как способ его захоронения недвусмысленно указывает на связываемую с ним угрозу для окружающих.
- ¹⁷ Borg. 1.3.
- ¹⁸ Eids. 5 (по списку AM 68 4° – De eldste østlandske kristenrettene... S. 6). Выражение “перевернутое тело” встречается только здесь. В списке NB 317 4° (ed. cit. S. 66) вместо слов “и рожден [с] перевернутым телом” в тексте главы стоит: “и рожден не по-божески (afgudleggha)”. Еще в двух списках (AM 58 4° и AM 77 с 4° – ed. cit. S. 82, 103) эти слова пропущены, а вместо “имеет человеческую голову и человеческий голос” стоит: “собачью голову и человеческий голос”. Форма головы также упомянута в качестве решающего критерия в Eids. 1.2.

- ¹⁹ Предположительно, описка в архетипе вместо *ferlíki* ‘страшилище’, ‘монстр’, см.: *Hertzberg E.* Glossarium // *Norges gamle Love...* Christiania, 1895. Bd. 5. S. 309–310.
- ²⁰ *Eiðs.* 6.
- ²¹ *Gul.* 21.
- ²² *Frost.* 2.1.
- ²³ *Norges gamle Love...* Bd. 1. S. 303.
- ²⁴ *Grg.* 1a: 3; *Grg.* 2: 1.
- ²⁵ *Borg.* 1.2; *Eiðs.* 1.2; *Frost.* 2.1; *Gul.* 21.
- ²⁶ *Maurer K.* Vorlesungen über altnordische Rechtsgechichte. Leipzig, 1908. Bd. 2. S. 433–434; *Grøn F.* Om misfostrene i de gamle norske love // *Aarbøger for nordisk Oldkyndighed og Historie.* 1912. S. 283–284, 298; *Meissner R.* Die norwegische Volkskirche nach den vier alten Christenrechten. Weimar, 1941. S. 6–7. (Deutschrechtliches Archiv; Hft. 2); *Pentikäinen J.* The Nordic Dead-Child Tradition. Helsinki, 1968. P. 79–81. (FF Communications; 202); *Kreutzer G.* Kindheit und Jugend in der altnordischen Literatur. Münster, 1987. S. 175–176; *Jochens J.* Women in Old Norse Society. Ithaca (N.Y.), 1995. P. 90–91; *Mejsholm L.* Gränsland: Konstruktion av tidig barndom och begravningsritual vid tiden för kristnande i Skandinavien. Uppsala, 2009. S. 91–102.
- ²⁷ В Скандинавии в эпоху викингов оставление только что родившихся детей на гибель считалось приемлемым при определенных условиях, см.: *Maurer K.* Ueber die Wasserweihe... S. 176–177, 181–184, 200, 243; *Clover C. J.* The Politics of Scarcity: Notes on the Sex Ratio in Early Scandinavia // *Scandinavian Studies.* 1988. Vol. 60. P. 150–165.
- ²⁸ *Grøn F.* Op. cit. S. 288–297; *Kreutzer G.* Op. cit. S. 176; *Jochens J.* Op. cit. P. 92.
- ²⁹ *Pentikäinen J.* Op. cit. P. 80; *Mejsholm L.* Op. cit. S. 95.
- ³⁰ Это было хорошо известно и средневековым скандинавским авторам, см.: *Maurer K.* Vorlesungen... Bd. 2. S. 429–430. Поскольку, однако, этот вопрос не вызывал никогда разногласий (ср.: *Drouin R.-H.* De re sacramentaria: Ed. III^a. Parisiis, 1775. T. 2. P. 274), он, как правило, не обсуждается подробно в богословской и юридической литературе о крещении.
- ³¹ *Van der Lugt M.* L’humanité des monstres et leur accès aux sacrements dans la pensée médiévale // *Monstre et imaginaire social. Approches historiques / Éd. par A. Caiozzo et A.-E. Demartini.* Paris, 2008. P. 135–161 (цит. по дополненной онлайн-версии: <http://halshs.archives-ouvertes.fr/halshs-00175497>).
- ³² *Daston L., Park K.* Wonders and the Order of Nature. N.Y., 1998. P. 48–59, 175, 181.
- ³³ *Wittkower R.* Marvels of the East: A Study in the History of Monsters // *Journal of the Warburg and Courtauld Institutes.* 1942. Vol. 5. P. 162 n. 6, 182. Примеры подобных изображений см.: *Ibid.* Pl. 47 a–c; *Friedman J.B.* The Monstrous Races in Medieval Art and Thought. Cambridge (Mass.), 1981. P. 12.
- ³⁴ *Sancti Aurelii Augustini episcopi De civitate Dei libri XXII: Ed. IV^a / Recogn. B. Dombart et A. Kalb.* Lipsiae, 1929. Vol. 2. P. 135 (lib. 16, cap. 8); *Isidori Hispalensis episcopi Etymologiarum sive Originum libri XX / Recogn. W.M. Lindsay.* Oxonii, 1911. T. 2 (sine pag.; lib. 11, cap. 3, par. 18). Сведения об этом народе также в конечном счете восходят к Магасфену, см.: *Wittkower R.* Marvels of the East... P. 162 n. 7, 165, 174.
- ³⁵ *De civitate Dei...* P. 137. Ср.: *Janson H.W.* Apes and Ape Lore in the Middle Ages and the Renaissance. London, 1952. P. 74–76; *Friedman J. B.* Monstrous Races... P. 181–190.

- ³⁶ De civitate Dei... P. 135.
- ³⁷ Isidori... Etymologiarum... T. 2 (sine pag.; lib. 11, cap. 3, par. 15).
- ³⁸ “Есть там некие монстры, которых причисляют то к людям, то к зверям, как те, [например], у которых вывернуты ступни и по восемь пальцев на ногах, и другие, у которых песьи головы и изогнутые когти, которым одержу [заменяют] шкуры животных, а [вместо] голоса – лай собаки” (*Honorius Augustodunensis. Imago mundi* / Ed. by V. Flint // Archives d'histoire doctrinale et littéraire du Moyen Âge. 1982. Т. 49. P. 54 (cap. 11)). О различных интерпретациях кинокефалов как людей, недолюдей или нелюдей в Средневековье см.: *Friedman J.B. Monstrous Races...* P. 188–190; *Matter E.A. The Soul of the Dog-Man: Ratramnus of Corbie between Theology and Philosophy* // *Rivista di storia della filosofia*. 2006. N 1. P. 43–53.
- ³⁹ “В той стране есть некий народ, представляющий из себя монстров (túter). Некоторые книги причисляют их к людям. Пятки у них вывернуты, пальцы ног [торчат] назад. У них по восемь пальцев на ногах и по шесть на руках. Голова их сложена по-собачьи, когти длинные и кривые. Они одеваются в сырые шкуры, которые сдирают со зверей. А когда они хотят говорить, то лают, как собаки. Мы зовем их песиглавами” (*Der deutsche Text nach den Handschriften* / Hrsg. v. D. Gottschall und G. Steer. S. 23). Исландская версия “Элюцидария” (*Elucidarius in Old Norse translation* / Ed. by E.S. Firchow and K. Grimstad. Reykjavík, 1989) не содержит этого пассажа. Упоминание о песиглавах и антиподах, “вывернутых в лодыжках”, как двух разных видах великанов (risar) встречается в поздней исландской энциклопедической литературе (см.: *Alfræði íslenzk. Íslandsk encyklopædisk litteratur* / Udg. ved K. Kålund. København, 1908. S. 35), но без интересующих нас комментариев.
- ⁴⁰ *Lecouteux C. Les cynocéphales: Études d'une tradition tératologique de l'Antiquité au XIIe s.* // *Cahiers de civilisation médiévale*. 1981. Vol. 24. P. 121–122; *Wood I. The Missionary Life: Saints and the Evangelisation of Europe, 400–1050*. Harlow, 2001. P. 251–253; *Bühner-Thierry G. Des païens comme chiens dans le monde germanique et slave du haut Moyen Âge* // *Impies et païens entre Antiquité et Moyen Âge* / Dir. M. Sot et L. Mary. Paris, 2002. P. 183–185.
- ⁴¹ “Никто ведь не станет отрицать, что и монстры, которые рождаются и живут, даже если вскоре умирают, имеют воскреснуть, или, вернее, должно верить, что воскреснет [их] исправленная и улучшенная природа” (*Enchiridion ad Laurentium de fide et spe et caritate* / Ed. E. Evans // *Aurelii Augustini Opera*. Pars 13/2. Turnholti, 1969. P. 96 (cap. 23, par. 87). (*Corpus Christianorum. Series Latina*; T. 46)).
- ⁴² *Digesta Iustiniani Augusti* / Recogn. T. Mommsen. Berolini, 1870. Vol. 2. P. 16, 945.
- ⁴³ *Azo. Gl. “Si non eum” ad C.J. 6,29,3* // *Lectura Azonis et magni apparatus ad singulas leges duodecim librorum Codicis Iustiniani*. Parisiis, 1581. P. 495–496. Ср.: *Schrage E.J.H. Capable of Containing a Reasonable Soul* // *Collatio iuris Romani. Études dédiées à H. Ankum*. Amsterdam, 1995. T. 2. P. 478.
- ⁴⁴ Кводлибет – жанр ученой литературы XIII–XIV вв., посвященной чаще всего богословским проблемам, но также вопросам философии, юриспруденции, медицины, астрономии и астрологии; разновидность “quaestiones disputatae”.
- ⁴⁵ *Anonymus. Quodl. q. 17 “Utrum pycmei sint homines”* (Paris. Bibliothèque nationale. Lat. 15850. Fol. 16vb; цит. по: *Van der Lugt M. L'humanité des monstres...* P. 10 [147] n. 40). Ср.: *Köhler T.W. Homo animal nobilissimum. Konturen des*

- spezifisch menschlichen in der naturphilosophischen Aristoteleskommentierung des dreizehnten Jahrhunderts. Leiden, 2008. Teilbd. 1. S. 174 A. 21, 390–391, 405.
- ⁴⁶ “И знай, что в наибольшей степени определяется формой головы, следует ли назвать некое животное нашим порождением. Ибо если имело бы оно голову вполне такой же формы, как у породившего, то, даже если бы, что касается многих других частей, было уродливо, [все же] могло бы называться нашим; и, принимая это во внимание, доктора нашего права предписывают крестить [его], поскольку [оно] может быть причтено к нашему виду” (*Petrus de Abano. Expositio problematum Aristotilis. Venetiis, 1501. Fol. 60ra (partic. 4,13)*). Ср.: *Köhler T.W. Homo animal... S. 61 A. 240, 403, 405.*
- ⁴⁷ “Что не имеет человеческого тела, считается не имеющим человеческой души, поскольку считается, что природа не влагает душу туда, где нет тела. [...] Посмотрим, должно ли крестить тех, кто не имеет формы человека. Определенно, нет, если их форма противна человеческой, но если имеют форму человека, которая в особенности заключена в лице, то, хотя бы и отсутствовал какой-либо член, должны быть крещены” (*Baldus Ubaldi. Commentaria in primam Digesti veteris partem. Lugduni, 1585. Fol. 33^v–34^r (ad Dig. 1,5,14)*).
- ⁴⁸ *Schrage E.J.H. Capable of Containing... P. 479–480.* Замечание о том, что новорожденного монстра можно убить, нередко встречается в руководствах по пастырской практике раннего Нового времени, см., например: *Zacchias P. Quaestiones medico-legales: IV^a ed. Avenione, 1655. P. 484 (lib. 7, tit. 1, quaest. 4); Manigart J.-H. Praxis pastoralis, seu manipulus theologiae moralis, de VII ecclesiae sacramentis: IV^a ed. Coloniae, 1688. P. 36 (pars 1, cap. 2, no. 19).*
- ⁴⁹ Иоанна митрополита Русского правила // Бенешевич В.Н. Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований. София, 1987. Т. 2 / Подг. к изд. и снабжен дополн. Ю.К. Бегуновым, И.С. Чичуровым, Я.Н. Щаповым; под руков. Я.Н. Щапова. С. 77 (пр. 1).
- ⁵⁰ К числу подобных примеров относится энергично опровергаемая Эльфриком Эншемским и новгородским архиепископом Нифонтом рекомендация отрезать ухо убитому на охоте зверю, чтобы обойти запрет употребления в пищу давленины и крови (Деян. 15:29); см.: *Clayton M. An Edition of Ælfric's Letter to Brother Edward // Early Medieval English Texts and Interpretations: Studies Presented to D.G. Scragg / Ed. by E. Treharne and S. Rosser. Tempe (Ariz.), 2002. P. 280; Вопросы Кирика // Памятники древнерусского канонического права. СПб., 1908. Ч. 1. Стб. 47 (§ 87).* (Русская историческая библиотека; Т. 6). Культурной диффузией объясняется, возможно, и роднящее норвежские и греко-славянские тексты предубеждение против совершения крещения в Великий пост. Термин “прицерковная культура” я заимствую из работы А.В. Тарабукиной “Фольклор и культура прицерковного круга” (Дисс.... канд. филол. наук. СПб., 2000).
- ⁵¹ Eids. 2.1; Borg. 2.2. О помазаниях слюной, елеем и хризмой в латинских крещальных чинах см.: *Kleinheyer B. Die Feiern der Eingliederung in die Kirche. Regensburg, 1989. S. 113, 120–121, 132–133, 135–136.* (Gottesdienst der Kirche; Bd. 7/1).
- ⁵² Eids. 2.1 по рукописям AM 68 4°, AM 58 4° и AM 77 с 4° (De eldste østlandske kristenrettene... S. 2, 81, 101). Это указание отсутствует, однако, в списке NB 317 4° (Ed. cit. S. 65). Оно содержится в большинстве списков исландского *Христианского права* (Grg. 1:5; Grg 2:4; Grg. 3:4, 100, 149–150, 195, 275–276, 296) за исключением двух (Grg. 3:57, 233).
- ⁵³ Grg. 2:4; Grg. 3:296. Ср.: *Kleinheyer B. Feiern der Eingliederung... S. 135.*

- ⁵⁴ Borg. 2.2. Если бы, однако, человек, совершающий погружение в воду, сделал ошибку в формуле, тогда как другой присутствующий при этом человек произнес бы ее правильно, было бы такое крещение действительно? У богословов и канонистов последующего времени этот вопрос вызывал затруднения, см.: *Clericatus J.* [*Chiericato G.M.*]. *Decisiones sacramentales, theologicae, canonicae et legales.* Venetiis, 1707. P. 90–92. Т. 1: *De sacramentis in genere...* / Ed. II^a.
- ⁵⁵ Grg. 2:5; 3:297. Но ср.: Grg. 3:150 (может крестить мальчик семи лет или старше; младше этого возраста – только если знает “Pater noster” и “Credo”).
- ⁵⁶ В нормативных текстах того же времени, происходящих из других регионов Европы, говорится обычно только о крещении погружением (по-видимому, частичным, с возлиянием воды на голову младенца), см.: *Corblet J.* *Histoire dogmatique, liturgique et archéologique du sacrement du baptême.* Paris, 1881. Т. 1. P. 235–239. Хронология распространения различных способов крещения на практике продолжает оставаться предметом дебатов среди исследователей.
- ⁵⁷ Gul. 21; Frost. 2.3; Eiðs. 2 (NB 317 4°), tillegg 1 (De eldste østlandske kristenrettene... S. 65).
- ⁵⁸ *Corblet J.* *Histoire dogmatique...* P. 310–325; *Elwin W.* *The Minister of Baptism: A History of Church Opinion from the Time of the Apostles.* London, 1889. P. 41–44, 94–98, 108, 124–125, 142–170; *Waldron J.F.* *The Minister of Baptism: An Historical Synopsis and Commentary.* Washington (D. C.), 1942. P. 12–16, 36–37, 53–58. (The Catholic University of America Canon Law Studies; No. 170).
- ⁵⁹ См., например: *Synodus Verno palatio facta (anno 755)* // MGH: *Capitularia regum Francorum.* Hannoverae, 1883. Т. 1. P. 34 (cap. 7); *Concilium Triburiense (anno 895)* // *Ibid.*; 1897. Т. 2. P. 220 (cap. 12).
- ⁶⁰ Древнейшие из них: Вестминстер 1200 (can. 3 – Councils & Synods with Other Documents Relating to the English Church. Oxford, 1981. Vol. 1: 871–1204 / Ed. D. Whitelock, M. Brett and C. N. L. Brooke. P. 1061–1062) и Париж, ок. 1205 (can. 7 – Les statuts synodaux français du XIIIe siècle. Paris, 1971. Т. 1: Les statuts de Paris et le synodal de l’Ouest (XIIIe siècle) / Publ. et trad. par O. Pontal. P. 54).
- ⁶¹ *Pontius Claremontensis.* Ad Mauricium Parisiensem episc. et Stephanum, abbatem S. Evurcii (1170–1176) // Étienne de Tournai. *Lettres / Nouv. éd.* par J. Desilve. Vallenciennes; Paris, 1893. P. 20. Об этой переписке см.: *Ott L.* *Untersuchungen zur theologischer Briefliteratur der Frühscholastik.* Münster, 1937. S. 118–119; *Landgraf A.M.* *Dogmengeschichte der Frühscholastik.* Regensburg, 1955. Bd. 3/2. S. 60–61.
- ⁶² См.: *Didier J. Ch.* *La question du baptême des enfants chez S. Bernard et ses contemporains* // *Saint Bernard théologien.* (= *Analecta Sacri Ordinis Cisterciensis.* Т. 9). Rome, 1953. P. 191–201.
- ⁶³ Как легко дискуссии того времени могли переходить от вопроса симонии к действительности таинств вообще, хорошо видно на примере Петра Дамиани: *Petrus Damiani.* *Die Briefe* / Hrsg. v. K. Reindel // MGH: *Die Briefe der deutschen Kaiserzeit.* München, 1983. Bd. 4/1. S. 347–373 (ep. 38), in part. 368. Ср.: *Mirbt C.* *Die Publizistik im Zeitalter Gregors VII.* Leipzig, 1894. S. 386–392, 424–446. (*Monumenta Germaniae Historica: Die Briefe der deutschen Kaiserzeit;* Bd. 4); *Saltet L.* *Les réordinations.* Paris, 1907. P. 190–193.
- ⁶⁴ *Maurer K.* *Vorlesungen...* Bd. 2. S. 408.
- ⁶⁵ См. издание, указанное в примеч. 60.

- ⁶⁶ Трир 1277 (can. 1 – Concilia Germaniae / Sumpt. J. F. Schannat, J. Hartzheim. Coloniae Augustae Agrippinensium, 1760. Т. 3. P. 527); Дакс 1283 (can. 3 – Les statuts synodaux français... Paris, 2001. Т. 5: Les statuts synodaux des anciennes provinces de Bordeaux, Auch, Sens et Rouen / Publ. par J. Avril. P. 154).
- ⁶⁷ Не нужно: Анжер/Ман, ок. 1225 (can. 4 – Les statuts synodaux français... Т. 1. P. 140/142). Нужно: Дакс 1283 (см. примеч. 66). Ср.: *Lefebvre-Teillard A.* Baptême et nom de baptême // *Eadem.* Autour de l'enfant... P. 87–94.
- ⁶⁸ Ним 1252 (can. 7 – Les statuts synodaux français... Paris, 1983. Т. 2: Les statuts de 1230 à 1260 / Publ. et trad. par O. Pontal. P. 272).
- ⁶⁹ Вестминстер 1200 (примеч. 60); Анжер/Ман, ок. 1225 (примеч. 67).
- ⁷⁰ *Decretales Gregorii papae IX* // *Corpus iuris canonici* / Recen. Ae. Friedberg. Lipsiae, 1881. Pars 2. Col. 833 (lib. 5, tit. 28, can. 1). Ср.: *De Herdt P.-J.-B.* Sacrae liturgiae praxis juxta ritum Romanum. Lovanii, 1851. Т. 3. P. 177, 187; *Hinschius P.* Kirchenrecht... Berlin, 1869. Bd. 1. S. 51 (библиография).
- ⁷¹ *Decretales Gregorii*... Col. 647 (lib. 3, tit. 42, can. 5). Ср.: Иоанн 3:5.
- ⁷² *Norges gamle Love*... Bd. 2; 1848. S. 341. Ср.: *Ibid.* S. 293, 311, 327; *Skipan Árna biskups Þorlákssonar (1269)* // *Diplomatarium Islandicum.* Reykjavík, 1893. Bd. 2. Bls. 30 (cap. 14).
- ⁷³ *Skipan Árna biskups*... Bls. 30 (cap. 13).
- ⁷⁴ См.: *Neunheuser B.* De benedictione aquae baptismalis // *Ephemerides liturgicae.* 1930. Т. 44. P. 393, 401–402, 459–461.
- ⁷⁵ *Canones Gregorii* // *Finsterwalder P.W.* Die Canones Theodori Cantuariensis und ihre Überlieferungsformen. Weimar, 1929. S. 255 (can. 30).
- ⁷⁶ *Paenitentiale Ps.-Beda* // *Die Bussordnungen der abendländischen Kirche* / Hrsg. v. F.W.H. Wasserschleben. Halle, 1851. S. 224 (cap. 3.42). См. также: *Wulfstan's Canon Law Collection* / Ed. by J.E. Cross and A. Hamer. Cambridge, 1999. P. 111 (recensio B, can. 103).
- ⁷⁷ *Alfrid.* Vita Liudgeri // *Die Vitae sancti Liudgeri* / Hrsg. v. W. Diekamp. Münster, 1881. S. 31–32 (lib. 1, cap. 26). (Die Geschichtsquellen des Bisthums Münster; Bd. 4).
- ⁷⁸ *Ælfric.* Pastoral letter to Wulfstan (Past. 1. 2a) // *Councils & Synods*... Vol. 1. P. 250 (cap. 10).
- ⁷⁹ “[Если] кто по настоящей необходимости крестит в вине, чтобы не подвергать больного опасности [умереть без крещения], – это отнюдь не вменяется ему в вину. Если же тот был крещен в Святую Троицу, то да пребудет в том крещении. То же, [если был крещен] в любой [другой] жидкости” (*Collectio in V libris* / Ed. M. Fornasari. Turnholti, 1970. P. 331 (lib. 3, cap. 37). (*Corpus Christianorum: Continuatio mediaevalis*; Т. 6)). Источником этого канона, приписанного папе Сирицию (384–399), являются канонические ответы папы Стефана II (752–757), подлинность которых тоже вызывает дискуссии, см.: *Uhl K.* Der lange Schatten des Bonifatius: Die Responsa Stephans II. aus dem Jahr 754 und das fränkische Kirchenrecht // *Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters.* 2007. Bd. 63. S. 442–443 (can. 11).

М.Ю. Зенченко

ДИНАСТИЧЕСКИЙ КРИЗИС ВЕСНЫ 1682 ГОДА: СОБЫТИЕ И ЕГО ВЕРСИИ

УДК 94(47).048

В статье обсуждаются две концепции российской историографии, объясняющие причины “стрелецкого бунта” и массовых убийств бояр 15 мая 1682 г. В первой концепции события рассматриваются как городское восстание стрельцов. Во второй – как заговор одной боярской группировки против другой (“заговор Милославских против Нарышкиных”). Как считает автор, в основе обеих концепций лежат созданные политически ангажированными современниками версии этих событий. Используя большой массив исторических источников, автор предлагает “плотное описание” событий, которые происходили 15 мая 1682 г. и были связаны как с гвардией стрельцов, так и с Боярской думой. Автор показывает, что у самих стрельцов, требования которых правящая династия выполнила, не было мотивов для восстания. Автор приходит к выводам, что ни Милославские, ни Нарышкины практически не влияли на борьбу за власть в этот период и что стрельцов спровоцировали на восстание консервативно настроенные члены Боярской думы, которые желали остановить реформы, начатые в последние годы царствования Федора Алексеевича.

Ключевые слова: Стрельцы московские, стрелецкое восстание 1682 г., Нарышкины, Милославские, придворные группировки, придворная борьба.

Key words: Streltsy of Moscow, The Streltsy Uprising of 1682, the Naryshkiny, the Miloslavskie, court coalitions, power struggle.

27 апреля 1682 г. скончался царь Федор Алексеевич. Осталось два наследника российского престола: болезненный, но старший по возрасту царевич Иван, и физически здоровый, но малолетний царевич Петр¹. Фактография событий этого династического кризиса, неоднократно и тщательно изучалась. Однако внутренние мотивы, заставлявшие как отдельных людей, так и социальные группы поступать тем или иным образом, остаются скрытыми от глаз исследователей. Причина этого очевидна – изучение проблемы основывалось на памятниках исторической публицистики конца XVII в., каждый из которых отстаивал свое объяснение произошедшего и “направлял” историков по своему пути. Так сформировалась историография, условно разделившаяся на сторонников двух концепции: а) “заговора” бояр Милославских

(родственников царевича Ивана) против бояр Нарышкиных (родственников царевича Петра), который был частью более обширной платформы обоснования прав на престол Петра, и б) концепции “стрелецкого бунта”, произошедшего от злоупотреблений временщиков, которые привели к справедливому народному возмущению.

Представляется, что для непредвзятого анализа кризиса 1682 г. необходим более широкий формат исследования, отстраивающийся от существующих историографических схем и концентрирующийся на “плотном описании” его событий по данным всех имеющихся источников. Кроме того, необходимо рассмотреть предысторию событий, которые привели к кровавой развязке на Красном крыльце 15 мая 1682 г. Таким путем можно наметить иные, менее политизированные интерпретации истории “стрелецкого бунта”.

Существующие источники по указанной проблеме условно делятся на две группы – а) собственно описание событий, б) их интерпретация современниками. Очевидцы, как правило, воздерживались от комментариев, попытавшись изложить то, что видели своими глазами. Таковы патриарший летописец Исидор Сназин² или неизвестный посадский человек, оставивший свои записи о разгроме патриаршего дворца и московских приказов³. Беспристрастно старается излагать события и официальная записка, составленная в Разрядном приказе в 191 (1682/83) г., и озаглавленная “Смутное время”⁴. Близок к официальной точке зрения и Летописец 1619–1691 гг.⁵, сохранивший в своем составе ряд подлинных разрядных документов и личных свидетельств не очень пронизательного, но весьма наблюдательного монаха. Уникальным источником является отчет шведского наблюдателя (резидента) в Москве Бутенанта фон Розенбуша. Он не только со всей возможной точностью собрал сведения о начале “московской смуты”, но и оставил не имеющее аналогов описание происходившего в Москве 16 мая 1682 г.⁶

К рассказам очевидцев примыкает другая группа памятников – *различные версии* этих событий, которые пытались не столько описать, сколько объяснить произошедшее. К таковым, например, относится анонимный текст с громким названием “Дневник зверского избиения московских бояр в столице в 1682 году и избрания двух царей Петра и Иоанна”⁷. Вероятно, он был составлен поляком из свиты польского посланца Яна Окрасы, посетив-

шего Москву летом 1683 г.⁸ Автор старательно собрал ходившие по Москве слухи, в том числе и самые нелепые⁹, и изложил их в форме политического памфлета о “дикости” нравов московитов. Благодаря этому текст оказался хорошо известным на Западе (в России он был опубликован только в 1902 г.) и считается там надежным историческим источником¹⁰.

Отечественная историография формировалась под влиянием российских публицистов конца XVII в. и, как было сказано выше, в изрядной степени стала продолжением их концепций. Версия заговора царевны Софьи и Милославских была в ходу в Москве уже летом 1683 г. и зафиксирована польским анонимом: “царевна Софья в это время с преданными боярами Михаилом Милославским, своим дядей, и князем Хованским составила думу, как бы посадить на трон царевича Ивана”¹¹. Но окончательный вид версия заговора Софьи приняла под пером графа Андрея Артамоновича Матвеева¹². Источниковедческий разбор “Записок” выполнен М.П. Погодиным¹³, впоследствии – В.И. Бугановым¹⁴. Оба автора отметили, что “записки” составлены позднее событий, не ранее 1716 г., и являются воспоминаниями. Особую ценность источника оба автора видели в том, что Матвеев был “очевидцем” событий. Так ли это?

Юный Андрей Матвеев действительно был в Москве, стоял на Красном крыльце 15 мая и своими глазами видел начало стрелецкой расправы. Но в Москву он вернулся из ссылки со своим отцом только 12 мая и не был хорошо осведомлен о предшествовавших событиях. О произошедшем же с вечера 15 по 18 мая он узнавал только с чужих слов, так все это время просидел в потайной комнате в покоях царевны Марфы Алексеевны, о чем сам же бесхитростно рассказал: спрятан был “в дальние ее деревянные комнаты, которые были глухою стеною обращены к Патриаршему дворцу, о чем токмо была сведома одна постельница ее”¹⁵. Вечером 18 мая потерявшего отца Андрея тайно вывели из Москвы, после чего “переменя собственное свое имя, скитался в простом платье, и потом у разных, низких самых людей, странствованием себя спас”¹⁶. Поэтому правильной считать его не очевидцем, а современником событий, написанную же им историю “заговора Милославских” – отражением некоей общей, “пронарышкинской” версии произошедшего. Из нее берут начало все давно отмеченные несообразности повествования А.А. Матвеева – например, история о “панцирях”, которые сторонники Нарышкиных якобы

одеды под одежду перед провозглашением царевича Петра на царство 27 апреля, или перечень этих сторонников¹⁷. Знать такие подробности Матвеев мог только с чужих слов. Фактически, его “Записки” – это интерпретация событий, отражающая интересы одной из придворных группировок.

“Стрелецкий бунт” – это правительственная версия произошедшего. Она начала формироваться уже осенью 1682 г. В окружной грамоте российскому дворянству, разосланной в начале сентября, правительство прямо обвинило стрельцов в измене – “московские стрельцы всех приказов и бутырские салдаты по тайному согласию з боярином нашим с князь Иваном Хованским нам, великим государям, изменили и весь народ Московского государства возмутили, и свою братью – старых московских стрельцов, которые к их измене не пристали и от того их унимали, они, изменники, взбунтовавса, самовольством своим ругателски побили”¹⁸. В таком же заведомо тенденциозном ключе история излагается и далее: “они же, воры и изменники, стрельцы и салдаты ... вменивше воровские свои затейные слова, чего не бывало, приходили в Кремль и на наш государской дом безстыдным дерзновением. И пришед в наши, великих государей, царския полаты и хоромы, не усташася нашего величества персон, при нас, в. г., в наших царских полатах бояр наших и думных и ближних людей, поймав, ругателне побили и с палат пометали...”¹⁹. Как видим, официальный взгляд на события вину полностью возлагал на стрельцов – вначале они “умышляли дурно”, а потом свое злоумышление реализовали на практике – пришли и бояр “побили и с палат пометали”. Тем не менее, и современники, и официальные документы для нас сохранили другую картину. Окружную грамоту правильней считать правительственным манифестом, предназначенным для идейного обоснования кратковременной “агитационной кампании” – сборе дворянского ополчения осенью 1682 г. Официальный правительственный текст – разрядная запись “Смутное время” – начинается прямо с вторжения стрельцов в Кремль; предшествующим событиям, о которых еще упоминает окружная грамота, в ней места не нашлось. Таким образом получается, что стрельцы взбунтовались безо всяких причин – просто пришли и побили бояр. Следует учитывать, что по Москве уже вовсю распространялась версия Нарышкиных – про заговор, организованный самозванкой царевной Софьей и Милославскими. Ответить на эту версию правительству регентши Софьи следовало чем-то не менее убедительным.

Свою концепцию стрельцкой резни в Кремлевском дворце, на которую впоследствии опиралось правительство царевны Софьи – кн. В.В. Голицына, создал любимый ученик Симеона Полоцкого, автор многочисленных панегирических посланий царевне Софье²⁰, монах Сильвестр Медведев. Его труд – “Созерцание краткое лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяся в гражданстве”²¹ – одно из самых значительных исторических сочинений конца XVII в. Для работы над рукописью думный дьяк Ф.Л. Шакловитый любезно предоставил Сильвестру имевшиеся в Разрядном приказе документы²². Но, как увидим далее, автор не ставил своей задачей объективно осветить события. Многие даже нам известные документы им обойдены молчанием; последовательность событий преднамеренно искажена, а наиболее неприятные моменты и вовсе заменены многозначительными намеками и обширными рассуждениями о “падении нравов”. “Нестроения”, охватившие государство зимой 1681/82 г. Медведев объяснил засылем “временников” – фаворитов царя Федора Алексеевича: “Того же 7190 лета, во время зимнее начата люди зело, ради неправд и нестерпимых обид, себе стужати и друг на друга глаголати... наипаче же на временников, и великих судей, и на начальных людей, яко мздоимателством очи себе послепили...”²³. К этому исходному тезису и подверстывается дальнейшее повествование – о “неправом суде” “временника” боярина Ивана Языкова и насилиях полковников над стрельцами (“полковники стрельцкие, яко все по их воли над стрельцами содеяся”²⁴), что и привело к стрельцкому бунту.

Предложенная Сильвестром Медведевым концепция отличалась простотой и логичностью повествования, а потому под ее обаяние попали многие историки XIX–XX вв.²⁵ В результате, его сочинение не подверглось элементарной источниковедческой критике. Между тем, целый ряд его “известий” (об участии И.М. Языкова в “неправом суде” над стрельцами, о наказании полковников 2–3 мая), совершенно не подтверждается свидетельствами других источников, в том числе и такими надежными, как официальные разрядные книги. В рассказе о событиях 15–17 мая 1682 г. он механически воспроизвел разрядную запись “Смутное время”, обильно разбавив ее обращениями к Богу и морализаторскими сентенциями. Вероятно, именно из-за них до сих пор никто не заметил, что рассказ о событиях в Кремле по Медведеву не содержит *ничего* фактографически нового по сравнению с другими источниками. Эти соображения заставляют задуматься – дей-

ствительно ли его можно считать “очевидцем”? Однако существенно то, что версия Сильвестра Медведева – интерпретация тех же событий, выполненная в интересах *другой* придворной группировки.

Посмотрим как намеченные источниками концепция “заговора” и концепция “стрелецкого бунта” отразились в историографии. Традиция рассматривать мятежные стрелецкие полки как слепое орудие в руках опытных интриганов Милославских и стоящей за их спиной царевны Софии была заложена монографией В.И. Берха²⁶; затем продолжена в работе Н.Г. Устрялова²⁷. В последовавшем за ними исследовании М.П. Погодина был сформулирован ряд вопросов, на которые до сих пор нет однозначных ответов: за что стрельцами был убит боярин А.С. Матвеев, который шесть лет провел в ссылке и “ни душой, ни телом, не виноват был ни в каких злоупотреблениях и пользовался всегда особым расположением стрельцов”?; “почему с особым усердием стрельцы разыскивали братьев Ивана и Афанасия Нарышкиных и боярина И.М. Языкова и не успокоились, пока их не нашли и не казнили со зверской жестокостью”?; “почему разбушевавшиеся стрельцы не тронули бояра, а родственникам тех, кого убили сгоряча, принесли извинения”?²⁸. Ответы М.Н. Погодин как раз и нашел в “Записках” графа А.А. Матвеева. Вывод же для него был очевиден: стрельцы “убивали тех, кого им велено убивать, а не личных своих врагов; с личными своими врагами они давно уже расправились – высекли их кого батогами, кого кнутом. Выбор лиц для убиения, искание их по улицам нельзя объяснить без действия противной партии”²⁹.

Примерно в то же время начало формироваться альтернативное направление в исследовании этого вопроса, основанное на поиске не политических, а социальных причин. Начало ему было положено трудом Н.Я. Аристова, который задался целью оправдать царевну Софью от несправедливых обвинений в попытках узурпации власти. Согласно мнению автора, виновниками майского бунта были стрельцы и только стрельцы. По Аристову стрельцы являлись носителями “земско-казацких стремлений”, были противниками дворянских привилегий и в то же время “честными защитниками правительства”. Кроме того, стрельцы были до крайности раздражены действиями правительства, не сумевшего удовлетворить их законные жалобы. Эта точка зрения показалась настолько передовой для начала 70-х годов XIX в., что издать ее решил только Варшавский университет³⁰. Для обоснования

своих выводов Н.Я. Аристов нашел практически готовую схему “стрелецкого бунта” в сочинении Сильвестра Медведева.

Итак, М.Н. Погодин использовал версию “заговора Мило-славских”, сочиненную, видимо, в селе Преображенском в 1687–1688 гг. сторонниками Петра. Для ее опровержения Н.Я. Аристов воспользовался аргументами, заимствованными из политических представлений противоположного лагеря, сформулированных в первую очередь Сильвестром Медведевым. Таким образом, анализу подверглись не столько исторические источники, сколько заключающиеся в них готовые схемы, каждая из которых имела свой набор тщательно подобранных фактов.

Обе указанные схемы не дополняют, а взаимно противоречат друг другу. Отсюда и громадное количество точек зрения на те или иные сюжеты, связанные с московскими событиями 1682 г. Исследователи конца XIX в. Е.А. Белов и Е.Ф. Шмурло поняли, что стрелецкие полки играли в московской “смуте” вполне самостоятельную роль и далее рассматривать их как “слепое орудие” неисторично³¹. События 1682 г. у Е.Ф. Шмурло изучены как сложная шахматная партия, где политические противники старались обзавестись союзниками, в том числе и среди стрельцов. В 20-е годы XX столетия такой подход был вытеснен “гипермарксизмом” С. Томсинского, который проанализировал события с вульгарно-классовых позиций³². Не умерла и концепция “заговора”. В 1941 г. к ней, в очень осторожных выражениях, вернулся С.К. Богоявленский. В качестве возможного кандидата на роль главного заговорщика он предложил кн. И.А. Хованского³³. В фундаментальной работе В.И. Буганова “Московские восстания конца XVII века” были окончательно опровергнуты обвинения в адрес Софьи. По аргументированному мнению автора, Софья Алексеевна выдвинулась как раз в ходе событий 15–17 мая, а в дальнейшем лишь развивала и закрепляла свой успех³⁴. В то же время, монография В.И. Буганова в значительной степени консервировала дальнейшее исследование вопроса. События весны 1682 г. были им изложены по схеме Сильвестра Медведева, что дало возможность автору объявить московский мятеж одним из “звеньев в цепи народных движений второй половины XVII в.”, которое лишь продолжало “линию борьбы различных слоев народа с гнетом формирующегося российского абсолютизма”³⁵.

С такой постановкой вопроса категорически не согласился Н.И. Павленко. В рецензии на монографию В.И. Буганова он справедливо обратил внимание на то, что от нового правитель-

ства “стрельцы получили все, что требовали” и никаких причин для “восстания” просто не имели³⁶. Полемика приобрела резкий характер – Н.И. Павленко обвинил автора в “произвольной интерпретации источников” и в том, что ему “не удалось доказать ни одного из выдвинутых им тезисов”³⁷. В короткой заметке, являющейся ответом на разгромную рецензию Н.И. Павленко, В.И. Буганов вновь выступил с защитой своих тезисов³⁸.

Оригинальная точка зрения была сформулирована Линдси Хьюз: по ее мнению был и заговор стрельцов, и заговор Милославских³⁹.

На самостоятельную позицию стрелецких полков обратил внимание А.В. Лаврентьев. По его мнению, требование политической амнистии для всех участников “бунта” было совершенно уникальным явлением в нашей истории⁴⁰. Стрельцы вовсе не просили прощения. Они требовали письменных (в виде жалованной грамоты) и материальных (в виде знаменитого “столпа” на Красной площади) подтверждений правомерности своих действий. И они их получили.

Как видим, вопросов и в наши дни все еще больше чем ответов. Эти соображения и вынуждают нас вновь вернуться к событиям весны 1682 г.

“СТРЕЛЬЦЫ МОСКОВСКИЕ” КАК КОРПОРАЦИЯ

Почти в любом городе России XVII в. имелся стрелецкий гарнизон. Фактически он состоял из обычных солдат. В отличие от них, “стрельцы московские” имели особый статус. Их появление относят к середине XVI в.: страдавший крайней степенью подозрительности Иван Грозный создал сразу *два* охранных корпуса – опричников и стрельцов. Опричников сам царь и уничтожил, а вот “стрельцы московские” к концу века превратились в постоянную стражу при московских государях. “Императорская гвардия состоит из десяти тысяч стрельцов, размещенных в городе Москве” – писал француз Жак Маржерет⁴¹. Он был прав – это и была гвардия, ближняя царская охрана, обеспечивавшая личную безопасность царя. За всю историю XVII в. в Москве известен всего один случай удачного покушения на монарха – 17 мая 1606 г. царь Дмитрий Иоанович (Лжедмитрий I) был изрублен в собственной спальне. И именно он пренебрег услугами московских стрельцов, полностью положившись на верность поляков и наемных “немецких” отрядов.

Сознание собственной “элитарности” московскими стрельцами достаточно быстро привело к формированию особой “корпорации”⁴². Возникает вопрос – насколько правомочно распространять понятие “корпорация” на стрелецкие полки? По определению, данному современным исследователем корпоративной этики, исходной точкой формирования корпораций стало объединение в сообщество “с целью взаимной защиты и помощи, религиозной и общественной деятельности, а также профессионального и экономического содействия их членам”⁴³. Этот перечень охватывает почти весь круг служебных и экономических взаимоотношений, складывавшихся внутри стрелецких полков. С самого начала своей истории стрелецкие полки формировались по образу “боевого братства”, именно как сообщество, основанное на взаимной помощи и поддержке. Необходимость в подобной самоорганизации определяла даже не их военная служба, на которой каждый постоянно рисковал головой. Более существенной была поддержка, которую получали осиротевшие семьи. Они продолжали оставаться членами стрелецкого сообщества. Товарищи погибшего по мере возможностей помогали вдове “тянуть” хозяйство, а “поспевшие в службу” дети занимали места выбывших отцов⁴⁴. Такие отношения определялись ясным пониманием того, что подобная же беда может посетить любой дом. Поэтому каждый стрелецкий полк был не только военной единицей, но и сообществом людей, связанных корпоративными отношениями.

Про стрелецкий быт XVII в. известно немного. Полковые стрельцы селились слободами. Центром слободы была полковая изба с караульной вышкой (“каланчей”), где хранились полковые знамена, оружие и “зеленый запас” (свинец и порох), а также полковая казна. Казна была именно полковая, а не “государева” – решения о расходовании полковых сумм принимались на сходе. Когда стрелецкие полковники начали предпринимать попытки присвоить казну, стрельцы отреагировали на них самым недвусмысленным образом. Другим центром такого сообщества была приходская церковь; вероятней всего, со своими особо почитаемыми иконами и небесными покровителями. Об этом смутно упоминает Иоганн Корб⁴⁵.

Главной стороной стрелецкой повседневности была служба. “Стрельцы московские” были своего рода внутренними войсками государства, а потому пользовались соответствующими привилегиями – получали хлебное и денежное жалование, отдельные доплаты “за посылки” (службу вне Москвы), были освобождены от

налогов и повинностей. За это стрельцы платили московским государям неподкупной верностью. Во время “медного бунта” 1662 г. стрельцы московские буквально растерзали жителей столицы – “и как их почали бить, и сечь, и ловить... и топиться в Москву реку. И потопилось их в реке больше 100 человек, а пересечено и переловлено больши 7 тысяч, а иные разбежались...”⁴⁶. Отличились они и в подавлении восстания С. Разина. Разумеется, эти очевидные факты противоречили “классовому” подходу историков-марксистов, согласно которому стрельцы считались “выходцами из народа” и противопоставлялись эксплуататорам – дворянам. В действительности же “стрельцы московские” были точно такими же “служилыми людьми” как и они, со своим, вполне ясным пониманием военного долга. Жестокая расправа Петра I над восставшими стрелецкими полками в 1697 г. – вовсе не плод его детских страхов. Это хорошо обдуманное решение командира о наказании воинских частей, изменивших воинскому долгу – “А казнены они за то: в прошлом 206 году по его великого государя указу и по грамоте из Розряду велено им... быть да ево государева указу в городех в указных местех. И они тому ево великого государя указу учинились противны, в те указные города с полковники своими не пошли и их, полковников и полуполковников и капитанов ис полков своих выслали вон, а вместо их выбрали себе в те полки таких же воров свою братию стрельцов”⁴⁷.

Понимали свой долг (свою “честь”) и стрельцы. О.Е. Кошелева справедливо указала, что понятия чести и бесчестия распространялись на все слои русского общества “начиная с царя, и кончая простой солдаткой”: «...такая “честь”, на страже которой стоял закон, не была и не могла быть связана с личным достоинством, не зависящим от “места” в государстве»⁴⁸. Стрелецкая “честь” – верой и правдой служить московским государям против любых “супостатов”. А когда московские государи начинали сомневаться в верности стрелецких полков, возникали нешуточные обиды.

В октябре 1682 г. стрельцов полка Н.Д. Глебова “обесчестили”, запретили нести службу в Кремле. Сохранилась поданная ими челобитная: “Служили мы, холопи ваши, деду вашему <...>⁴⁹ Михаилу Федоровичю и отцу вашему <...> Алексею Михайловичю <...> и брату вашему <...> Феодору Алексеевичю <...> и вам, <...> служили также деды и отцы и братья наши и мы, холопи ваши, многие годы со всякою верностию безизменно безо всякие шатости...”⁵⁰. Стрельцы всем полком просили *только* о сложении

с них вины, “возвращении чести”. И были готовы обещать что угодно: “А что, государи, впредь кто из нас, холопей ваших, или кто ни буди на ваше государское величество, и на бояр, и на думных, и на ближних людей учнет говорити какие непристойные слова, и тех людей будем мы, холопи ваши, имать и приводити в Приказ надворные пехоты, и в винах их волны вы, великие государи”⁵¹. Так что в верности стрелецких полков в Москве мало кто сомневался. Другое дело, что верностью тоже можно манипулировать.

Подлинной причиной, породившей в стрельцах “шатость и смущение”, стало их избыточное количество. К 1680 г. оно уже перешло все разумные пределы – 20 048 человек в 21 полку⁵². После заключения Бахчисарайского перемирия (январь 1681 г.) правительство немедленно начало расформировывать ставшие ненужными части. Весной 1682 г. в “стрельцах московских” оставалось 14 198 человек в 19 полках⁵³. Но даже такое количество было избыточным – в январе–феврале 1682 г. обсуждался вопрос о выводе части полков в пограничные города на постоянное поселение.

Слухи об этих намерениях неизбежно просачивались в стрелецкую среду, порождая вполне естественное недовольство. И без того сложную обстановку провоцировали и действия самих стрелецких командиров. Проведенное в мае 1682 г. расследование установило, что полковники были склонны рассматривать стрелецкие полки как источник бесплатной рабочей силы. Июньская жалованная грамота стрельцам на подобные действия налагала запрет: “на них, полковников и на начальных людей и на друзей их, никакие работы не работать и изделия никакова не делать”⁵⁴.

Еще одна группа претензий касалась посягательств полковников на полковые кассы. В стрелецких полках существовала традиция сбора “спусковых” денег, которыми зажиточные стрельцы откупались от походной и гарнизонной службы: “И с стенных, и с прибылых караулов, и из недельных, и в слободах с съезжих изб их, стрельцов, в спуск по тритцати, и по сороку, и по пятидесяти человек и болши спускал, а за то имал с человека по четыре, и по пяти алтын, и по две гривны и болши, а с недельных по десяти алтын и по четыре гривны, и по полтине, и теми деньгами корыстовался”⁵⁵. Иначе говоря, рыночные отношения успели распространиться даже на служебные обязанности стрельцов: пятьдесят человек “и болши”, заплатив скромную мзду, могли вообще не являться на службу. Недельный прогул стоил дешевле – всего

полтина. Видимо, к этому времени полковники сообразили, что такое оптовые скидки. Такие “спусковые” деньги вносились в полковую кассу и расходовались на нужды самого полка. “Все это было в порядке вещей, освящено обычаем, и не вызывало особых возражений”, – иронично заметил В.И. Буганов. – гнев вызывало другое – “ис тех же спусковых денег с съезжих изб полковники емлют себе для всяких своих прихотей во всякие свои домашние заводы”⁵⁶.

Постоянные нарекания вызывала практика выдачи жалования. Государево “жалование” – “стрелецкие деньги” и “стрелецкий хлеб” к этому времени превратились в выгодную кормушку как для самих полковников, так и сидевших “у выдачи” приказных. Эти обвинения подтверждены царской жалованной грамотой – “на Москве и на наших государевых службах... велеть давать наше в.г. жалованье безо всякого вывороту, и от дьяков и от подьячих без выкупу”. Распространенной формой финансовых злоупотреблений было использование общих денег в личных целях. Особо предприимчивые купцы изыскивали возможности “одалживаться” деньгами из расходных сумм Стрелецкого приказа и полковых касс, что также вызывало недовольство рядовых стрельцов – “а которые наши великого государя денги на гостях, и Гостиных, и Суконных сотен долг, и на них выбирать, а впредь им в долг нашей великого государя казны не давать, потому что те дьяки и подьячия нашу великого государя казну дают ис посулу [на] многие годы”⁵⁷.

Борьба с различными злоупотреблениями была существенной частью всей внутренней политики Федора Алексеевича. Поэтому нет ничего удивительного в том, что стрельцы ему жаловались. Один из таких конфликтов произошел в последние дни жизни царя, собственно говоря, и положив начало легенде о “стрелецком восстании”.

23 апреля 1682 г. стрелец полка С.Ф. Грибоедова подал словесный извет царю (“дождався ево, государя, как был выход по переграде”). Жалоба состояла в том, что полковник “во весь великий пост” заставил работать 100 человек стрельцов в своем подмосковном селе Мячкове: “велел работать на себя: послал с Москвы стрельцов 100 человек ломати камень; и гнали к Москве вверх по Москве реке в стругах в самой торжественной праздник в светлое Христово воскресение. И пригнали на себе с великою нуждею и непомерною тяготою, яко за какую измену или за воровство неволею мучими быша или яко неводники на катаргах.

И тоя ради неволи потонуло стрелцов в воде 16 человек. А после праздника стрелцов же на работу в ево Семеновы деревни копаней копать, и прудов чистить, и хором строить выбрано 100 же человек”⁵⁸. По царскому указу была устроена очная ставка с обвиненным полковником. Таким поворотом дела С.Ф. Грибоедов был крайне удивлен и, по словам летописца, «против того роспросу и словесного челобитья Семен Грибоедов в Стрелецком приказе подал скаску, а в скаске своей написал: “Такова де великого государя указу и боярского приговору, что на полковников стрелцом никакой их полковничьи работы не работать, не слышал; и в наказе де ему о том не написано, как де преж сего при прежних их братье полковниках бывало, так же де и ныне у них, полковников, у всех и у него, Семена, так же”»⁵⁹.

О дальнейшем ходе событий одинаково рассказали два разных источника. Судьи Стрелецкого приказа: боярин кн. Ю.А. Долгорукий, окольный П.П. Языков и дьяк Михаил Прокофьев “без царского суда” обвинили челобитчика в клевете и осудили на наказание кнутом. Товарищи освободили осужденного, а командовавший расправой дьяк удрал. После этого стрельцы уже “скопом”, отправились на двор боярина кн. Долгорукого и подали ему подписную челобитную на своего полковника “и роспись во всяких обидах и в работах, и в посулах”⁶⁰. Замять инцидент не удалось и дело вновь вернулось на царский суд. Его решение сохранили разрядные книги: великий государь “указал ево, Семена, послать в Тотму, и вотчины отнять, и ис полковников отставить”⁶¹. До указа о ссылке полковника посадили в тюрьму на бывшем Английском подворье⁶².

27 апреля 1682 г., в день смерти царя, стрельцы приказа Грибоедова судом были вполне удовлетворены и без колебаний целовали крест новому царю – Петру Алексеевичу. Но у стрельцов других приказов также имелись жалобы, и чтобы напомнить правительству о своих нуждах стрельцы приказа А.Ф. Карандеева выбрали очень резкую форму протеста – вообще отказались от присяги “и великий государь указал к ним послать уговаривать...”⁶³. “Уговоры” свелись к обязательству принять и разобрать жалобы стрельцов. В документах по имени назван и “заступник” полковников: дед Петра боярин К.П. Нарышкин “бил челом о нем, Семене Грибоедове, чтобы ево свободить ис тюрьмы. И по тому ево боярскому челобитью он, Семен, ис тюрьмы свобожен до указу”⁶⁴.

В результате С.Ф. Грибоедов оказался на свободе, а у стрельцов опять появились весомые причины для недовольства – “и сего

ради служилые люди, стрелцы и салдаты, между собою совет сотвориша всеми полками, во единомыслии сташа, глаголюще сице: како бояре завладели всем государством; ...яко мы на бояяр восстанем, понеже бояре что хотят, то и творят, а служилым де людем несть разсмотрения; и того ради им от бояяр терпети невозможно...”⁶⁵. Чтобы подтвердить серьезность своих намерений, стрельцы предприняли акцию, неприятно поразившую современников: “сташа во всех полках стрелцы и салдаты, вооружшеся, аки противу неприятеля... в своих слобода[х] в Земляном граде, и стражи укрепивше крепкие... с пушечным и с мелким огненным боем, с самопалы, с копии, з бердыши и со всем воинским оружием, окружившеся у съезжих изб деревянными походными служилыми городки, яко во осаде седши, и всякое оружие к бою наготове держажу, и пребыша тако многия дни...”⁶⁶. Эта единичная запись в “Летописце 1619 г.” обычно трактуется как начало стрелецкого восстания. Но судя по описанию, оставленному весьма далеким от воинских дел монахом, акция носила откровенно демонстративный характер.

По рассказу Б. фон Розенбуша, 28 апреля стрельцы сохраняли полнейшее спокойствие. Вероятно, это было частью договоренностей между стрельцами и представителями правительства – отсутствие каких-либо акций протеста в день царских похорон. В субботу, 29 апреля делегации от стрелецких полков пришли к Теремному дворцу “и потребовали от нового царя наказания девяти полковников и взыскания с них всех проторей и убытков по точному реестру, – иначе найдут себе суд сами, перебыют полковников, оберут их дома на уплату своих долгов, да и не останются на этом, а разделаются и с другими изменниками (разумея под ними некоторых вельмож), и назвали имена некоторых лиц, участвовавших преимущественно в правлении”⁶⁷. Рассказ Б. Розенбуша полностью подтверждается разрядными книгами. 29 апреля “били челом великому государю в насильствах и в налогах, и во всяких разореньях стрельцы на полковников и на пятидесятцких” стрельцы одиннадцати приказов. К челобитчикам присоединились солдаты Второго Выборного (Бутырского) полка генерала М.О. Кравкова. По сообщению разрядных книг, великий государь “указал у них челобитныя принять, и за ними сидеть светейшему патриарху з бояры, и полковников роспрашивать против их челобитья. А к ним [стрельцам] в приказы указал великий государь послать их уговаривать думнаго диака Посольского приказу Ла-

риона Иванова. И думный диак к ним ездил и великого государя указ им сказывал”⁶⁸.

Одновременно начались расправы с младшими командирами. В “Летописце 1619 г.” описана процедура стрелецкого суда: “взяв на съезжие избы и учиня круги по обычаю донских казаков, самовольством приговаривали на тех сонмищах, – кому какое наказание чинити”⁶⁹. Критерий известен один – “которые ушничали”⁷⁰ с ними, полковниками, заедино”⁷¹. Наказания дифференцировались – доносчиков били палицами, “грабили” (видимо, забирали имущество); для особенно злостных было предусмотрено особое наказание – с караульных башен обвиненного сбрасывали на землю”⁷². Но обвинять их в убийствах не рискнул даже А.А. Матвеев. По его рассказу, виновных “нагло ухватя, из съезжих своих изб выводили на самые высокие каланчи, то есть на караульные башни, и, взяв за руки и за ноги, размахивали [и] на землю сверху так бесчеловечно и жестоко бросали... что ни один из тех побитых не нашелся целым”⁷³.

На разбор стрелецких жалоб понадобилось два дня – 29–30 апреля. По результатам расследования было принято решение: “послать в тюрьму полковников, на которых били челом ему, великому государю, стрельцы, и вотчины у них отнять. И против челобитья их указал на них все доправить и их от тех приказов отставить”⁷⁴. 1 мая под стражу были взяты еще два полковника (К. Кром и И. Щепин) и всем им “учинено наказание”: С.Ф. Грибоедов и А.Ф. Карандеев были осуждены на битье кнутом, и еще 12 – на битье батогами”⁷⁵. Таким образом, виновными были признаны 14 полковников из 19 имеющихся.

По рассказу Б. фон Розенбуша наказание проводилось «в понедельник и во вторник, 1-го и 2-го мая. Полковники перед приказом были раздеты, положены на брюхо и сечены до тех пор, пока стрельцы закричат “довольно”. Некоторых ненавистных клали по два, по три раза, и ломали об них по две и по три пары палок; других, не столько виноватых, секли меньше, по усмотрению стрельцов, которым никто поперечить не смел... Полковники приносили наложенную на них пеню по две тысячи рублей, иные меньше; принесших отпускали, замешкавшихся ставили на правез всякий день по два часа, пока они не выплачивали долга. Так продолжалось восемь дней. Полковники, расплатясь, разъехались по своим деревням»⁷⁶. Русские источники сообщают ряд дополнительных подробностей. По сообщению “Летописца 1619 г.” “по указу великого государя за их вины пред Иноземским приказом на пло-

щади при челобитчиках и при народе учинено наказание: *снем рубашки, биты батоги нещадно вместо кнута* (здесь и далее выделено мной. – М.З.), в первых Александра Федорова сына Карандеева, Семена Грибоедова, Андрея Семенова сына Дохтурова, Григорья Семенова сына Титова; *не биты, у наказания стояли роздеты*: Никифор Колобов, Матфей Вешняков, Павел Глебов, Никита Борисов, Александр Тонеев; *и иных многи[x] с ними в таких же винах они, стрельцы и салдаты, простили*⁷⁷. Итак, наказанию подверглись только четверо полковников из 14, а прочих стрельцы простили.

3–4 мая обвиненные стрелецкие полковники “разыскивали” деньги для уплаты “начетов”; 5 мая к злостным неплательщикам применили обычное в таких случаях средство воздействия – правеж⁷⁸. В “Летописце 1619 г.” добавлено, что “у правежу стояли розных приказов дяки”⁷⁹, т.е. процедура была полностью законной, без всяких следов стрелецкой самодеятельности. Стрельцов интересовали именно деньги. Полковник И.Ф. Полтев, например, заплатил 2300 рублей еще до 15 мая и благополучно уехал в деревню⁸⁰. У Я.Ю. Лутохина конфисковали имущество; Ф.А. Мещеринов выплатил “начетные” деньги стрельцам сразу нескольких приказов. М.О. Кравков “сидел за караулом до росплаты в Приказе судных дел в казенке по июль месяц”⁸¹.

Итак, стрелецкое “возмущение” свелось к подаче коллективной челобитной 29 апреля 1682 г. и самосуду, учиненному над младшим командным составом. Его (сотников, пятидесятников и десятников) стрельцы выбирали из своей среды, поэтому учиненные над ними “расправы” могли быть избыточно энергичной формой перевыборов. К сожалению, нам неизвестно как проходили выборы у стрельцов; вполне вероятно, что такая форма – явление заурядное⁸². А современники обратили на нее внимание исключительно из-за массового характера – процесс охватил все московские полки. Но самое любопытное в этой истории – полнейшее соблюдение стрельцами всех законов Русского государства. Челобитные были поданы в установленном порядке, рассматривала их боярская комиссия, и она же вынесла судебное решение. Правеж денег на полковниках осуществлялся под присмотром дьяков, на полученные деньги в Стрелецком приказе выдавали расписки. Самосуд на стрелецких кругах мог сойти за обычную драку. То есть у стрельцов не имелось причин бояться возмездия со стороны государства – никаких законов они не нарушили.

“НАРЫШКИНЫ” И “МИЛОСЛАВСКИЕ”
ИЛИ MAIORES ПО-РУССКИ

В России, как и в любой европейской стране, политическая элита (в нашем случае это члены Боярской думы), создавали коалиции. Но говорить о таких группах сложно, хотя бы в силу отсутствия разработанной и общепризнанной терминологии. Появившиеся в научной литературе XIX в. понятия “партия Милославских” и “партия Нарышкинах” были: 1) модернизацией явления, поскольку традиционные практики объединений российской элиты никаким образом не соответствовали понятию политической партии, а именно такое понятие подразумевалось авторами; 2) гиперболизацией того же явления, так как возникала иллюзия некой особой значимости представителей родов Нарышкиных и Милославских до 1682 г.

Основным типом горизонтальных общественных отношений в России XVII в. была разветвленная система микроколлективов, связи внутри которых регулировались не столько политическими убеждениями, сколько родством, традицией и личными зависимостями. Вершину такой коалиции составлял боярский род (или клан), к которому примыкали представители самых различных общественных страт – провинциальное и столичное дворянство, дьячество и даже холопы – доверенные слуги и дружинники (боевые холопы). Определять их состав при современном состоянии источников – задача безнадежная, так как любое предположение невозможно доказать, но столь же невозможно убедительно опровергнуть. Члены такой коалиции в стратегиях своего поведения ориентировались на покровителя – патрона, который в свою очередь нес перед всей патронируемой группой определенные обязательства. Подобный тип отношений хорошо известен еще со времен Римской республики и получил обобщенное название – клиентская община.

Разумеется, чем древнее, знатнее и богаче был род покровителя (в Риме их называли “старшими” – maiores), тем мощнее и влиятельнее была и складывавшаяся вокруг него клиентела. Такие объединения Г.С. Кнабе определил как “клики, которые постоянно боролись между собой за выгоды, влияние и власть”⁸³. Это дефиниция с долей условности приложима к реалиям, сложившимся в России к концу XVII в. Российские “партии” – это объединения влиятельных родов, которые заключали между собой либо долговременные (обычно династические) союзы, либо “дружили” на временной основе для достижения каких-то сию-

минутных выгод⁸⁴. Союзы “Милославских” и “Нарышкиных” по настоящему оформились только в конце 80-х годов XVII в. – для решения вопроса кто же будет стоять во главе страны: царевна Софья Алексеевна или Петр I.

Перенос последующих событий 1687–1689 гг. на события династического кризиса весны 1682 г. сыграл с исследователями не веселую шутку: разбор свидетельств оказался подмененным поисками какой-то особой роли Нарышкиных или Милославских. Фактически же, внутри реально значимых боярских объединений и та, и другая фамилия играли далеко не ведущую роль.

Коалиция, которую принято называть “Милославскими”, объединяла членов правительства России 1680–1682 гг. – князей Одоевских, Долгоруких, В.В. Голицына и собственно И.М. Милославского. Все они имели боярские чины, возглавляли функциональные группы приказов и имели самое непосредственное влияние на принятие государственных решений – и как члены Боярской думы, и как приближенные царя.

Часть группы состояла из бояр, которые служили еще отцу Федора Алексеевича. В первую очередь, это глава Стрелецкого приказа кн. Ю.А. Долгорукий и его сын, “военный министр” России кн. М.Ю. Долгорукий. К их числу относились и двое князей Одоевских – судья Расправной палаты кн. Никита Иванович и его сын кн. Яков Никитич, которому был “приказан” Казанский дворец – огромное территориальное ведомство с собственными войсками и немалым бюджетом. Вторая часть состояла из людей, выдвинувшихся из личного окружения молодого царя. Наиболее яркой фигурой среди них был “премьер-министр” – кн. Василий Васильевич Голицын, с 24 ноября 1681 г. возглавлявший Ответную палату (Приказ земских и ратных дел). Огромным влиянием пользовался и еще один царский приближенный – дворецкий кн. Василий Федорович Одоевский, с 1680 г. руководивший обширным дворцовым хозяйством. Представление же о “всесилии” в это время И.М. Милославского полностью базируется на не критически воспринятом сообщении В.Н. Татищева – “Как он скоро в Москву прибыл, то немедленно во все дела вступился и всем властвовать начал”⁸⁵. И.М. Милославский действительно возглавлял Приказ Большого прихода с подчиненными ему четвертями (Владимирской, Костромской и Галицкой), но 22 мая 1680 г. был полностью отстранен от решения всех финансовых вопросов⁸⁶. В его компетенции остались только суд, “воеводские отпуски” и “всякие расправы”⁸⁷. Это тоже было немало – должность вое-

воды считалась доходной; в своих челобитных дворяне, ничуть не смущаясь, указывали причину просьбы о назначении воеводой – “подкормиться”. Пользуясь своим влиянием при дворе Милославский мог препятствовать или способствовать назначению. Несомненно, что ему перепали “доброхотные даяния” и от решения судебных дел. То есть должность у него была доходная, но не слишком ответственная – как раз для царского родственника, не имеющего никаких особенных способностей.

Еще более аморфным выглядит объединение, которое в научной литературе считают “партией Нарышкиных”. Она почти полностью состояла из опальных лиц. Ее условный глава, боярин А.С. Матвеев с осени 1676 г. находился в ссылке. Похожая судьба постигла и самих Нарышкиных. Братья вдовствующей царицы Натальи Кирилловны – Иван и Афанасий 8 августа 1677 г. были сосланы в Рязк по обвинению в замысле цареубийства. Повод подал 18-летний Иван, который в иносказательной форме подстрекал своего человека Ивана Орла *застрелить* царя Федора Алексеевича, да еще и при свидетелях: “говорил ты... на Воробье и в ыных местех про Царское Величество при лекаре Давыдке”⁸⁸. Разумеется, Давыдка донес и “в тех словах пытан и огнем, и клещами зжен многижды и перед Государем, и перед Патриархом, и перед бояры, и отцу своему духовному в ысповеде сказывал прежние ж речи: как ты Ивашко Орлу говорил, чтобы благочестиваго царя убил”⁸⁹. Федор Алексеевич наложил опалу на родню малолетнего Петра, отправив кого в ссылку, кого на воеводство в отдаленные города⁹⁰. Помилован был только глава рода, боярин Кирилл Полуектович, который с младшими сыновьями остался в Москве “за караулом”⁹¹.

Слухи о возможном возвращении к власти Нарышкиных и связанного с ними опального боярина А.С. Матвеева возникли в связи с возможной угрозой династического кризиса. 14 июля 1681 г. скончалась царица Агафья Симеоновна (урожд. Грушецкая), а 21 июля – ее новорожденный сын Илья⁹². Встал вопрос о новом браке Федора Алексеевича с неизбежной борьбой придворных группировок за право предложить царю свою избранницу. Это совпало со скорбью и прогрессирующей болезнью молодого царя. Нидерландский резидент в Москве Иоганн ван Келлер сообщил об этом своему правительству в августе 1681 г.⁹³ В этом же донесении он привел придворные слухи – молодой и способный царевич Петр является кандидатом на русский престол, он очень любим царем. В таком случае неизбежно, – добавил Келлер, –

вернется в Москву Артамон Матвеев, попавший в опалу в конце царствования Алексея Михайловича и сосланный на Север⁹⁴.

К числу “Нарышкиных” причисляют также царских приближенных – оружейничего боярина Ивана Максимовича Языкова и Лихачевых – постельничего Алексея Тимофеевича и казначея Михаила Тимофеевича. Именно их Сильвестр Медведев назвал “временниками”, а Языкова и вовсе изобразил аморальной личностью: “якоже Иоанн Языков, по совету полковников, усюветовует, заповеда тако над невинными стрелцами по неправедному розыску. И учиниша лутчих людей, челобитчиков того полку, бивше кнутом... и тем всех приказов стрелцом страх велий содеяша”⁹⁵. При жизни царя они безусловно были влиятельными фигурами. По сообщению нескольких источников именно Языков и братья Лихачевы устроили второй брак Федора Алексеевича с Марфой Апраксиной и выхлопотали частичное прощение для А.С. Матвеева⁹⁶. Им же отводят решающую роль в организации “заговора” в пользу избрания Петра в обход старшего брата⁹⁷. Но могло ли такое быть?

Как мы видим, места в системе “maiores” объединению “Нарышкиных” не находится. Все члены этой группы были “худородными” – выходцами из бедных провинциальных дворян, выдвинувшиеся либо за счет царского фаворитизма (Языков и Лихачевы), либо получившие боярство в качестве родственников царицы Натальи Нарышкиной (К.П. Нарышкин). Создать свою систему клиентских связей они фактически не могли: у придворных “временников” не было ни времени, ни казенных должностей, связанных с распределением материальных благ, а у опальных: Нарышкиных и А.С. Матвеева в активе не имелось даже придворного положения. Противопоставить сплоченной и родовитой правящей коалиции им было просто нечего. Тем не менее, считается что именно “Нарышкины” после смерти Федора Алексеевича 27 апреля 1682 г. “захватили власть”. Поэтому вполне вероятным будет предположение, что за спиной “Нарышкиных” стояла другая группа “клик”, оппозиционно настроенных как к Федору Алексеевичу, так и к правившей от его лица коалиции.

У бояр было много причин быть недовольным правлением Федора Алексеевича. Их имущественные интересы серьезно пострадали от перераспределения государственного земельного фонда, начавшегося в 1677 г., и налоговой реформы 1679 г. Угрозой целостности боярского землевладения стали “валовые писцы”, с осени 1680 г. приступившие к измерению и межеванию

земельных участков “в указные статьи, а не в оклады” (т.е. не в размере земельного оклада, а по указам). Незаконно “примеренные”⁹⁸ участки они без всякой жалости отписывали на государя и тут же пускали в поместную раздачу. Эта работа сопровождалась выдачей владельческих документов на землю – отводных выписей, что делало весьма проблематичным пересмотр результатов земельного передела в дальнейшем⁹⁹.

Весьма специфический характер в этот период приобрела и политика назначения на должности. Центральные учреждения России XVII в. – приказы – обычно возглавляли члены Боярской думы: бояре, окольные и думные дьяки, называвшиеся “приказными судьями”. 7 ноября 1680 г. часть приказов была вообще ликвидирована или слита с другими, а назначения судьями получили люди “невидные и неродословные”. С осени 1680 г. даже во главе традиционно “боярских” приказов (Владимирский и Московский Судный, Поместный, Земский) мы видим стольников. Но бояре по-прежнему хотели управлять приказами. Это отчетливо видно из нештучного конфликта интересов, который проявился летом 1682 г. – за освободившиеся должности развернулось подлинное сражение¹⁰⁰.

Так что оппозиция у Федора Алексеевича была. И состояла она из богатых и родовитых семей с обширной клиентелой и влиянием как в столице, так и в провинции. Именно это обстоятельство и определило выбор боярского большинства. Поддержка Иоанна Алексеевича (за которым как раз и стояли “Милославские”) означала продолжение непопулярной в боярской среде политики уступок столичному и провинциальному дворянству, а также посадскому населению. Выбор в пользу Петра давал возможность возвращения к прежним порядкам хотя бы до его совершеннолетия.

От периода 27 апреля – 15 мая сохранилось около двух десятков правительственных постановлений; в первую очередь – об изменениях в придворном штате самого царя. Противоречивость принятых в этот период решений свидетельствует о том, что никакой победы “Нарышкины” не одержали. Началась самая откровенная борьба московских “клик” “за выгоды, влияние и власть”. В день царской смерти государственную казну опечатали кн. Я.Н. Одоевский¹⁰¹, которого к числу доброжелателей Нарышкиных невозможно отнести при всем желании¹⁰². 28–30 апреля из Оружейной палаты царице Наталье Кирилловне были выданы относительно небольшие суммы – 200 и 100 рублей¹⁰³. Буквально

на следующий день И.М. Языков (фактический глава Оружейной палаты) оказывается в числе опальных, а деньги из нее начинают поступать в распоряжение сестер царевича Ивана. Суммы были не в пример солиднее – 5 мая им было “внесено” 1000 золотых и 3200 рублей, а 6 мая – еще 900 золотых¹⁰⁴. Торопливый указ о пожаловании Ивана Кирилловича Нарышкина чином боярина и оружейничего от 7 мая¹⁰⁵ – не что иное как попытка “Нарышкиных” сохранить контроль хотя бы над царской сокровищницей.

1 мая было принято еще одно решение: “сказано боярину Ивану Максимовичю да сыну ево Семену чашнику Ивановичю Языковым, постельничему Алексею Тимофеевичю да казначею Михаилу Тимофеевичю Лихачевым, да стольникам ближним Ивану Андрееву сыну Языкову да Ивану Среднему Васильеву сыну Дашкову, чтоб оне во время выходу великого государя не ходили и ево государевых очей не видали”¹⁰⁶. Бросается в глаза обезличенный формуляр записи указа: не “великий государь указал”, а просто “сказано”. Записывавший это решение подъячий так и не сумел подобрать подходящую к случаю протокольную форму. Возникает предположение, что родовитые бояре указали царским неродословным фаворитам, в том числе и Языкову, на дверь, а у Нарышкиных не хватило влияния защитить своего союзника.

С 6 мая перевес начал определенно склоняться на сторону Боярской думы. В этот день было указано посадских выборных, которые “присланы были к Москве для разборов и изрвнения во всяких службах и податях с посадов в двойниках – всех отпустить по домом”¹⁰⁷. Вероятно, в это же время были расформированы дворянские комиссии, обсуждавшие наказ валовым писцам. А 11 мая именным указом с боярским приговором было прекращено и само валовое письмо: “и ныне указали мы, великий государь, и бояре наши приговорили: *писцом нигде не быть*, а которые писцы и подьячие отпущены были... и тех писцов и подьячих взять к Москве тотчас”¹⁰⁸. Отзыв писцов означал прекращение выдачи отводных грамот на земельные участки и крепостных документов на посаженных на землю крестьян. А разгон дворянских и посадских комиссий, совершенно недвусмысленно указывал, в каком направлении впредь будет развиваться внутренняя политика.

Вероятно, причины столь радикальной смены курса кроются в расколе доселе единого правительства. Бояре кн. Долгорукие были видными деятелями царствования Федора Алексеевича. Но это вовсе не означало, что они полностью разделяли идеи “реформаторов”. Кн. Юрий Алексеевич, например, резко возражал

против ссылки А.С. Матвеева и, видимо, ничего не имел против его возвращения к власти. Зато против был кн. В.В. Голицын – он уже был фактическим правителем России и отдавать власть не собирался.

Сообщения источников этого периода достаточно лаконичны и развернутых выводов делать не позволяют. Но одно несомненно – примерно с 8 мая начинается постепенный разгон Ответной палаты (Приказа ратных и земских дел) – учреждения, которое стояло за всеми реформами последнего года¹⁰⁹. 8 мая от должности заместителя кн. М.Ю. Долгорукого освободили думного генерала В.А. Змеева¹¹⁰. До 8 мая вопрос о соответствии В.А. Змеева занимаемой должности никто не поднимал. 10 мая кн. Д.А. Борятинского назначили сходным воеводой “к Казани против башкирцев”, т.е. попросту выслали из Москвы¹¹¹. 11 мая “по стрелецкому челобитью” от командования придворным Стремянным полком был отстранен И.Ф. Полтев, также активно работавший в Приказе ратных и земских дел. Это решение тоже не обошлось без скандала – назначение получил Н.Д. Глебов, но в разрядной записи оно записано в конце строки вместо зачеркнутого: “полуполковнику того же приказу Ивану Цыклеру”¹¹². То есть первоначально эту ключевую должность предполагалось отдать стороннику Голицына – Ивану Елисеевичу Цыклеру.

А князя Долгорукие свои позиции понемногу укрепляли – 9 мая, например, “товарищем” Юрия Алексеевича Долгорукого в Стрелецкий приказ назначен его верный сторонник кн. Г.А. Козловский¹¹³. В свое время, еще в 1676 г., кн. Козловский прямо на лестнице у Грановитой палаты устроил драку со стряпчим Свиным, который якобы сказал ему “а ты де хто, небылична князь”. Расследование было поручено кн. Ю.А. Долгорукому, который сумел замять дело¹¹⁴.

Вечером 12 мая в Москву въехал и Артамон Сергеевич Матвеев. В дореволюционной историографии его упорно называли “правителем”. Но должностей и даже чина боярина в результате опалы он лишился, а новых получить просто не успел. Так что представления о “всемогуществе” опального боярина не соответствуют действительности¹¹⁵. Матвеев въехал в Москву всего лишь влиятельным лидером оппозиции.

В Москве А.С. Матвеев деятельно искал союзников. После царя и патриарха он сразу направился к своему старому товарищу – боярину кн. Ю.А. Долгорукому. Очевидно, что он намеревался договариваться о каких-то совместных действиях и эти пе-

реговоры носили секретный характер¹¹⁶. Можно предположить, что предметом этих переговоров была сама должность судьи Стрелецкого приказа. Возможное назначение главой Стрелецкого приказа А.С. Матвеева давало бы “Нарышкиным” решающий перевес – он, как бывший стрелецкий полковник, пользовался популярностью в стрелецкой среде, имел опыт подавления гражданских беспорядков, и, опираясь на законно полученную должность, действительно смог бы стать регентом на все время малолетства Петра. Для этого требовалось получить согласие самого кн. Ю.А. Долгорукова и заручиться поддержкой всех его сторонников. Вероятно, такое согласие было получено. Как следует из дальнейшего хода событий, при дворе далеко не все были довольны этим компромиссом.

Уже 14 мая по Москве поползли отвратительные слухи. По рассказу Б. Розенбуша “Иван Нарышкин, бывший всегда дерзким молодым человеком, не уважал старых бояр и драл иных за бороду (самое большое бесчестье в здешней стороне), и они жаловались будто об этом стрельцам. Стрельцы рассказывали также публично на улицах, в воскресенье после обеда и в понедельник по утру, 14-го и 15-го мая, что упомянутый Иван Нарышкин надевал на себя царскую одежду и садился на царский престол, говоря, что ни к кому не пристал венец так, как к нему, за что младшая царица-вдова и царевна Софья Алексеевна, в присутствии царевича Ивана Алексеевича, упрекали его жестокими словами, за которые он разозлился, соскочил с престола, бросился на царевича душисть его. Царевны начали кричать, и караульные его удержали”¹¹⁷. Еще одну порцию городских сплетен сохранил для нас “Летописец 1619 г.”: “Иныя глаголаше, яко благоверная царица и великая княгиня Марфа Матфеевна... из своих царских полат убежав на крылцо, слезно плачущая, с воплем говорила караульным стрелцом, яко Нарышкины, Иоанн з братом, ее, государыню, били и косу оторвали, а государя царевича и великого князя Иоанна Алексеевича всея России хотели задушити подушками. А царевну Софию Алексеевну по ланитам били и за волосы драли; и в царское одеяние он, Иоанн, одевался и на месте царском садился...”¹¹⁸.

Обратим внимание – “жаловались стрельцам”, “стрельцы рассказывали”, “слезно плачущая, с воплем говорила караульным стрелцом”. Становится очевидным кому эти истории были адресованы. Гвардию московских государей – “стрельцов московских” – откровенно провоцировали. А как мы помним – понятие верности и чести были для них вовсе не пустым звуком...

КОГДА КОНЧАЮТСЯ АРГУМЕНТЫ

Заседание Боярской думы, на котором и предстояло окончательно поделить власть, было назначено на понедельник: “мая в 15 день, умысля царские изменники и всему Московскому государству разорители, съехались они, изменники, в Верх к великому государю...”¹¹⁹. О заседании Боярской думы пишет в своих записках и Б. Розенбуш: “В понедельник, 15-го мая, в полдень (пока бояре находились большею частью еще в Думе), стрельцы, содержавшие караул при царских покоях, закричали, что Иван Нарышкин хочет задушить царевича Ивана. Одни, бывшие в Кремле, побежали на башню и ударили в набат, другая толпа побежала в царские покои, другие запирают ворота; не велено было никого выпускать. Некоторые бояре хотели уйти из Кремля, другие, не звавшие за собою ничего хорошего, попрятались в потаенные места...”¹²⁰. Итак, мятеж начался в самом Кремле: съехавшиеся в Думу бояре оказались запертыми, а в стрелецкие полки помчались вестники – А. Милославский и П. Толстой. Они громко кричали, что “Нарышкины царевича Иоанна задушили, и чтоб с великим поспешением они, стрельцы, шли в город Кремль”¹²¹.

Стрельцы к такому призыву оказались не готовы. Чтобы это подтвердить, следует принять во внимание российские традиции часового счета. В Москве время делили на дневные (от рассвета) и ночные (от захода солнца) часы. В мае в Москве рассветает около шести; соответственно – шесть утра это “первый час дни”. Как мы уже видели, события начались около полудня. И все имеющиеся в нашем распоряжении источники изображают именно картину *поспешных* сборов стрелецких полков: «в осмом часу дни в набат ударили, и прииде вестник из государевых царских полат ко стрелцам: “Вы, стрельцы государевы, не знаете, что во царских полатах учинилася, утхла у нас звезда поднебесная, не стало болшаго брата государева царевича Ивана Алексеевича”»¹²². Час восьмой – это соответственно, 13 часов по нашему счету. То же мы видим и в “Записках” А.А. Матвеева: “Тотчас начали они, стрельцы, у тех же своих съезжих изб собираться, в церковных приходах бить в набаты и соединяться полки с полками к своему походу... в девятом часу дня ото всех сторон наскоро побежали они в Кремль...”¹²³. Еще один вариант: “услышавше сия глаголы от тех прелестных мятежников... бысть же сие уже в 10 час дни, вси полки возмутишася, ис полка в полк вести подавши съезжих изб вестовыми пищальми и удариша в сполошныя борабаны, и у приходских своих церквей в колокала бияху по-набатному...”¹²⁴

То есть стрелецкое возмущение началось не ранее часа дня и стрельцы собирались “наспех”. Стрелецкие и полковые слободы располагались у наружных стен столицы – Земляного города. Соответственно, им требовалось время, чтобы дойти до центра Москвы. Источники рисуют вполне четкую картину: “Стрелцы, все приказы, и выборной полк, салдаты, пришли в город в Кремль во 11 часу дни”; “в 11 часу дня собрався они, стрелцы всех приказов... и ходили в Кремль”; “стрельцы, все приказы и выборной полк, салдаты пришли в город в Кремль во 11 часу дни...”¹²⁵. То есть “зверское избиение бояр” началось вовсе не утром, а не раньше 16 часов. Логично, что расправы продолжились и ночью – “в 1 час ночи приведоша из двора боярина Иоанна Максимовича Языкова”¹²⁶.

Сомнительным является утверждение, что в мятеже приняли участие стрельцы всех полков. В ведомости на получение “зеленые казны” с Пушечного двора вечером того же 15 мая значатся стрельцы всего семи полков – Стремянного (Н.Д. Глебова), полков Семена Полтева, Михаила Ознобишина, Андрея Нармацкого, Петра Лопухина, Федора Головленкова, Лаврентия Сухарева¹²⁷. Но даже такого количества стрельцов оказалось достаточно, чтобы “внидоша во град царский всеми враты: Спаскими, Николаевскими, Троицкими, Предтечинскими, и стаха круг царева двора со всех стран, отыкався копии и бердыши, яко к неприятелскому граду приступати хотящим”¹²⁸. Это известие дополняет разрядная запись: “была на Москве смута: приходили в Кремль салдаты Матвеева полку Кравкова да стрельцы всех приказов с копыи и з бердыши и с ружьем, а пушкари с пушки, и, вшед в Кремль, стреляли из ружья и побили боярских людей и лошадей многих, а иных переранили”¹²⁹. Из этого следует, что караульные стрельцы на воротах своих товарищей пропустили беспрепятственно, а сопротивление оказали только боярские холопы, ожидавшие разъезда господ. Специфический характер приобрела и поддержка выступления стрельцов “черным людом” – при первых известиях о приближении стрелецких полков народ начал разбегаться с Красной площади. Очевидец записал впечатления об этом вполне определенно: “еще стрелцом и не пришедши в Кремль, весь народ восколебася, каждый побеже восвосяи, и из рядов торговые люди и лавочныя сиделцы из лавок вышли, и все ряды заперли; и страха ради и ужаса не ведят, камо бежати, всех страх и ужас обья”¹³⁰.

В том, что примчавшиеся в Кремль стрельцы потребовали предъявить им царевича Иоанна Алексеевича, согласны все источники. Гораздо труднее восстановить ход следующих событий. В разрядной записи совершенно недвусмысленно изложено еще одно требование стрельцов: “и они били челом великому государю и бояром, извещали, чтоб им указал выдать бояр князь Юрья Алексеевича Долгоруково, князь Григорья Григорьевича Ромодановского, князь Михаила Юрьевича Долгоруково, Кирила Полуехтовича Нарышкина, Артемона Сергеевича Матвеева, Ивана Максимовича Языкова да боярина и оружейничего Ивана Кириловича Нарышкина, постельничего Алексея Тимофеевича Лихачова, казначея Михаила Тимофеевича Лихачова, чашника Семена Ивановича Языкова, думных дьяков Лариона Иванова, Григорья Богданова, Данила Полянского, Аверкея Кирилова, спальников Афонася, Льва, Мартемьяна, Федора, Василья, Петра Нарышкиных”¹³¹. По версии той же разрядной записи, царь, де, велел объявить, что указанных людей во дворце нет. Но это было не так – боярин А.С. Матвеев стоял на Красном крыльце у всех на виду, а боярин кн. М.Ю. Долгорукий и вовсе спустился вниз, к Золотой решетке, и “унимал их, стрельцов, жестокими словами, чтоб они тотчас назад шли в свои полки из Кремля”¹³².

То, что дальнейшие переговоры бессмысленны, стоявшие на крыльце понимали: «и, видя их такое суровство, и неистовство, и немилосердную жесточь, благоверная государыня царица и великие государи, и вси бояре упование возложше на вседержителя Бога, знаменовавшись вси крестным знамением, глаголюще: “Воля Божия да будет!” И поидоша государи с крыльца Красного за преграду во свои царския полаты»¹³³. Так что история о том, что озверевшие стрельцы в ключья изодрали Матвеева прямо на глазах у десятилетнего Петра – одна из исторических легенд.

Отступление царской семьи и придворных, вероятно, и стало сигналом к началу расправы. По словам А.А. Матвеева “от дворцовой стороны, из сеней Грановитой палаты, вырвались других полков стрельцы... и с тиранским нападением бесстыдно оторвав его, Матвеева, от рук царских величеств, похитили”¹³⁴. Какие стрельцы могли “вырваться” из сеней Грановитой палаты? Только караульные стрельцы Стремянного полка Н.Д. Глебова, которые и несли охрану в царских палатах. Поэтому неудивительно, что А.А. Матвеев в своих записках называет подполковника этого полка И.Е. Цыклера в числе главных заговорщиков¹³⁵. Схваченного боярина, “ухватя за власы, изведши из преграды на крыльцо

Красное, бросиша чрез ограду на площадь стрелцом же на копия¹³⁶. Там же схватили и кн. М.Ю. Долгорукова – “ухватя в проходных сенех, изрубили на Красном крыльце”¹³⁷.

Существует еще одна историографическая легенда – стрельцы де “заранее” запаслись лестницами. Источники об этом молчат. Чтобы попасть в Теремной дворец стрельцы “взбежали на Красная и на Постельная крыльцо”. Вероятной причиной их вторжения в царские апартаменты послужила бессмысленная выходка братьев Нарышкиных, которые вместе с подполковником Стремянного полка Г. Горюшкиным начали стрелять по стрельцам из мушкетов: “егда стрелцы внидоша во град, с Верху с Нарышкиными по них стрелял”¹³⁸. Остановить многотысячную толпу тремя выстрелами было невозможно, а вот спровоцировать – легко. Поэтому стрельцы бросились во дворец “яко на приступ, вверх по лестницам идяху во царские чертоги...”, где и разбежались по разным комнатам – “начали с озорнической наглостью бегать не токмо по палатам их царским, но и по всем внутренним комнатам большим и меньшим... и по церквям, которые на сенях в доме царском”¹³⁹. Можно не сомневаться, что в первую очередь стрельцы искали стрелявших – сначала убили не успевшего спрятаться Г. Горюшкина, а потом “в церкви у Спаса же, что в Верху, извлекоша ис-под престола Афанасия Нарышкина”. В “Мазуринском летописце” имеется многозначительное дополнение: оказывается, Нарышкина “свели с Верху потайною лесницею, что к западным дверем к собору, и, выветчи на площадь перед приказу, искололи копыи и изрубили бердыши”¹⁴⁰. Интересно, откуда стрельцам, впервые ворвавшимся в царский дворец, стало известно о существовании потайной лестницы?

Часть стрельцов определенно знала, кого хватать и куда вести. Главу Посольского приказа, думного дьяка Лариона Иванова и его сына, стольника Василия Ларионова, изловили в Теремном дворце. Но на месте убивать не стали – вначале их продемонстрировали толпе, и лишь потом “скинули с Краснова крыльца и изрубили бердыши в части”¹⁴¹. Боярин кн. Г.Г. Ромодановский и его сын Андрей, “не знавшие за собою ничего хорошего”, попытались укрыться у патриарха, что спровоцировало разгром патриаршего дворца: “у святейшего патриарха в Крестовой палате, в ыных в полатах во всех, и во всем дому с ружьем ходили, и бояр искали ж, и святейшего патриарха про бояр с невежеством спрашивали, и дверь у полат вырубили. И дворецкого его по веревки в окно ж метали не одна, и вис на веревки”¹⁴². В результате

боярин с сыном был пойман, выведен на площадь перед зданием приказов и изрублен бердышами.

Другая же часть стрельцов носилась по хоромам, “не уступая не токмо ни единой комнаты, ни чуланов, ниже кроватей и постелей”. В лицо “изменников” они не знали, а потому бросались на всех подряд. Стольника Ф.П. Салтыкова “стрелец прободет копией, и свергоша сверху от Спаса к большому Успенскому собору... позади Грановитой полаты на копия же, не зная: чаяли – Нарышкин, а сказати сам про себя не успел, что Салтыков, исторопилися. И извлечен за град на площадь, и, положи на полсти, принесли ко отцу в дом, глаголюще, яко, не зная, убиша”. Похожая судьба чуть не постигла окольничего И.Т. Кондырева: “сринуша [в] кулаки с Красного крыльца, хотели убить до смерти, да Бог сохранил, не убиша, понеже многим стрелцом знаем и конюшенного чину одобрили, токмо от единого копией прободен не во многих местех”¹⁴³. Заодно стрельцы сводили счеты и со старыми обидчиками. В ходе беготни по Теремному дворцу были порублены “в дробные части” стрелецкий полковник А.С. Дохтуров (он решил спрятаться в печной трубе) и полуполковник Олимпий Юренев. Бывшего стрелецкого полковника Богдана Пыжова бросили “к Спасу с Верху к собору на копы”¹⁴⁴. На последнего стрельцы жаловались еще в феврале 1682 г. и из полковников он был отставлен. Но, как видно, былых прегрешений стрельцы ему не простили.

Эта же неуправляемая толпа, видимо, учинила погром в помещениях судных приказов: “в Холопье приказе записные холопьи книги и всякие писма и казну разгромя, и всякие книги и крепости вынесли на Красную площадь, и все изодрали и розметали, и людем боярским дали волю”¹⁴⁵. Многие годы это известие умиляло советских историков, хотя никаких последствий данная акция не имела. 26 мая били челом “люди боярские розных домов о свободе, чтобы им быть безкабально, и воровские составные челобитные подносили. И великие государи указали их ловить стрельцам и приводить, и, приводя, их пытать и казнить, а иных бить кнутом за их воровское составное челобитье. И велено у всяких чинов, у людей их всяких чинов имать скаски про воровскую составную челобитную и промысл за руками тех людей”¹⁴⁶.

На то, что в действиях стрельцов никакого единодушия не было, прямо указывают и обстоятельства смерти главы Стрелецкого приказа кн. Ю.А. Долгорукого. Ворвавшиеся в дом стрельцы, вытащили было больного князя (“яша со одра”) на крыльцо,

но немедленной расправы не последовало. Началась перебранка (“много было шуму”), в ходе которой требовавшим немедленной расправы стрельцам было предложено со двора убираться (“почели кричать, чтоб стрельцы з двора пошли долой”). Победившие защитники князя тут же принялись праздновать победу (“проломилися в винной погреб, почели пить вино”). Тем временем изгнанные было стрельцы вернулись с подкреплением и “в другой ряд вывели ис полат на крыльцо и бросили в окно с верхнева крыльца на землю”¹⁴⁷. В “Летописце 1619 г.” добавлено: “еще ему живу, извлекше за врата, отсекоша ему главу, и руке, и нозе; над телом же его ругашеся, рагозиною одеша, положше с ним со страны полоть ветчины, з другие рыбу осетра, к нощи же караул поставиша стрещи его”¹⁴⁸.

Последними жертвами погрома, видимо, были И.М. Языков – его стрельцы, нашли “у Николы на Хлынове меж Тверской и Никицкой у попа, и провели в город поздно”¹⁴⁹, и спальник П.Ф. Нарышкин – “в доме своем за Москвою-рекою, внезапным нападением найден и лютомучительской смерти предан”¹⁵⁰. Кроме того, ночью были разграблены городские дворы кн. Ю.А. Долгорукова, И.М. Языкова и думного дьяка Лариона Иванова. В его доме какие-то сообразительные люди “сыскав в доме рыбу каракатицу, за ядовитую вменили змею и, ругаясь над ним, на Красной площади при его теле положили” – “повесивше на коле подле тела... и подписаха: яко теми змяями хотяху изменницы преводити царский род и стрелцов”¹⁵¹.

Чтобы еще не разысканные “изменники-бояре” из Кремля не удрали, стрельцы “поставиша кругом Кремля караулы со знаменны и со оружии”, заблокировавшие все проходные кремлевские ворота¹⁵². Об этом же сообщает и Розенбуш: “Половина стрельцев осталась в Кремле, другие вышли стеречь ворота, иные продолжали искать назначенных в списке, нападали на их дома и соседние, и везде тщательно обыскивая, но не трогали никакого имущества и не брали ничего с собою”¹⁵³. Выбранные в караулы стрельцы получили с Пушечного двора оружие и зелейный запас, не забыв оставив расписки¹⁵⁴.

Этот момент очень существенный. Прекрасно осведомленный Исидор Сназин тоже пишет о полном порядке, который стрельцы поддерживали в Москве: “в то время выслали на площадь в Китай стрельцы бирича кликати, чтоб боярских дворов и посадцких людей и лавок не грабили. И послали з знаменем с чорным сотню салдатов всяких чинов людем говорити, чтоб грабежу никакова

не было: хотя з дву денежным¹⁵⁵ поймают и приведут, тово изрубити. А каторые с поличным пойманы были, – приводили их в город в Кремль с поличным, хто с чем пойман, на площадь к Лобному месту, и на площади у Лобнова места... рубили их всех бес пощады. А иных и, в город не вода, посля бирича и салдацкова оклику, которых приводили с поличным, всех рубили на большом на Красном мосту. И тово дни срубили всякова чину человек з 20”¹⁵⁶. О том же писал и Б. Розенбуш: “Ночью по всем улицам содержалась хорошая и крепкая стража, и все утихло, как будто ничего не случилось, кое-где лишь попадетса пьяный стрелец, который хвалитса своими храбрыми подвигами”¹⁵⁷.

Розенбуш оставил и любопытные заметки о происходившем в Москве 16 мая. Для него день начался с того, что “с рассветом прибыл ко мне окольный Кирилло Осипович Хлопов с сотнею стрельцов”¹⁵⁸. Стрельцы явились не грабить или убивать, а искать царского доктора Даниила фон Гадена, да еще и под командованием окольного. Их действиями Розенбуш остался недоволен: “стрельцы лазили везде, где только можно было пролезть, обшарили все углы и заставили меня открывать им всякий сундук и ящик”, но нигде не утверждает, что его ограбили. Потом к нему в дом явился стрелецкий “капитан” (пятидесятский) и вновь в сопровождении стрельцов: «явился ко мне капитан с 40 или 50-ю стрельцами и сказал мне: “Я имею повеление привести вас во дворец для очной ставки”». Вновь мы наблюдаем ту же картину – стрельцы повинуются своим командирам. Розенбуш писал об этом прямо: “На пути попадались нам шайки стрельцов; но когда мои телохранители сказывали им, что везут посла, который хочет говорить с его царским величеством, то нам тотчас давали дорогу”.

Признаков мятежных настроений Розенбуш не увидел и в Кремле. Следов произошедшего – да, сколько угодно: на площади “лежало много трупов, страшно изуродованных, между которыми я должен был проезжать, что приводило меня в ужас”¹⁵⁹. Но в тоже время датчанин педантично отметил, что ворота в Кремль охранялись (“когда я подъехал к воротам, их отворили и мгновенно опять за мною заперли”), что стрельцы свободно пропустили его к Красному крыльцу (“я подъехал к лестнице, взшел вверх до некоторой площадки, где находились вдовая царица Марфа Матвеевна, царевна Софья Алексевна и несколько бояр. Я намеревался пробраться еще выше, но шедшие за мною стрельцы не могли провести меня, ибо там было так много народу, что

надо было бы по головам ходить”. Бутенант попал в Кремль в самый разгар событий – как раз в тот момент, когда шли переговоры о судьбе Ивана Нарышкина: “выходили к ним говорить государыни царевны, чтоб они, помня крестное целованья, так к ним в дом их государев не приходили с невежеством... они же били челом, чтоб им выдали дохтуров Степана жида да Яна¹⁶⁰. И великий государь указал им их выдать – думнаго дьяка Аверкея Кирилова, дохтура Яна да Степанова сына¹⁶¹. И они их убили же, а тех всех, о которых они великому государю били челом, простили. А Ивана Нарышкина и Степана дохтура государыни царевны упростили до утра, а того дни их не сыскали”¹⁶².

То есть 16 мая переговоры прошли мирно – в Теремной дворец стрельцы не врывались, а только требовали выдать “изменников”. В их ходе царской семье удалось выпросить “прощение” для братьев Лихачевых, уцелевших Языковых, думным дьякам Г. Богданову и Д. Полянскому и младшим детям Нарышкиных – Льву и Мартемьяну. Двоих “изменников” пришлось выдать, но именно выдать. Окончательное решение вопроса о судьбе Ивана Нарышкина перенесли на следующий день.

По рассказу Розенбуша “17-го мая, рано по утру, пришло известие из Немецкой слободы, где живут немецкие офицеры, в полмили почти от города, что доктор Данило, который два дня и две ночи скрывался в Марьиной роще и окрестных местах в нищенском платье, пришел к знакомому, чтоб утолить свой голод, но был узан на улице и задержан”¹⁶³. Стрельцы притащили его не просто в Кремль, а доставили прямо в царские покои. То есть ни 16, ни 17 мая никакого самосуда уже не наблюдалось – стрельцы требовали выдачи изменников, но не больше: «Все им обещано, лишь бы они простили Ивана Нарышкина и доктора Данилу. Они не хотели ничего слушать и говорили: “Отдайте, или мы отыщем сами, и тогда хуже будет. Мы оставляем жизнь старому Нарышкину и его трем меньшим сыновьям, но Иван Нарышкин должен умереть от нашей руки»¹⁶⁴.

После долгих препирательств, Д. фон Гаден и И.К. Нарышкин все же были выданы стрельцам, которые повели их в застенок, в Константиновскую башню “к общему удивлению, ибо со всеми расправа была короткая”. Известия о допросе сохранились откровенно недостоверные: «И начата мучити, испытывая, вопрошаху о царстве: “Каково хотение бысть воцаритися и чего ради на себя одеяние царское надевал и на царstem месте садился, и многую царскую казну имал, и лучшие кони после царя Феодора

Алексеевича вся Россия с конюшен побрал себе, и много ли казны взял?»¹⁶⁵ Вопросы, видимо, домыслил сам летописец. Единственный вопрос, который действительно мог заинтересовать стрельцов – действительно ли И.К. Нарышкин пытался организовать убийство Иоанна Алексеевича. Именно эта формула использована стрельцами для оправдания своих действий: «они, Иван и Афанасей, применили его царское величества порфиру и мыслили всякое злое на государя царевича и великого князя Иоанна Алексеевича; а и преже сего они же, Иван да Афанасей, блаженные памяти на брата вашего государя Феодора Алексеевича мыслили всякое зло; и за такое они зломыслие были сосланы всылки»¹⁶⁶.

И, наконец, 18 мая уже вся царская семья «печаловалась» перед стрельцами за главу рода – престарелого Кирилла Полуектовича Нарышкина: «государыня царевна Софья Алексеевна выходила к стрельцам на крыльцо, а Кирила Полуектович Нарышкин стоял на нижнем рундуке. И царевна стрельцам говорила многое время, а что, не слышать издали. И как стрельцы пошли и боярин Кирила Полуектович трожди стрельцам в землю челом, а за что, не ведомо, не слышать, что говорили»¹⁶⁷. О чем говорили, стало известно в последствии – «указал великий государь ево постричь в Чюдове монастыре, а на постригании указал быть боярину князь Семену Андреевичю Хованскому да окольникову Кирилу Осиповичю Хлопову; и, постригши ево, сослать в Кирилов монастырь; а во инацах имя ему Киприян»¹⁶⁸.

ОБВИНЕНИЕ НЕВИНОВНЫХ

Как видим, и официальные документы, и очевидцы рисуют картину, отличную от версий, предложенных А.А. Матвеевым и Сильвестром Медведевым. Эти авторы предложили объяснения в рамках современных им понятий – или «заговор», или «бунт». Европейец Б. Розенбуш тоже увидел всего лишь бунт – «Главнейшею причиною этого бунта была наглость и дерзость сыновей Нарышкина»¹⁶⁹. Для современного исследователя картина выглядит уже не столь однозначной. В первую очередь, благодаря значительному количеству сохранившихся источников и редкому для их состояния случаю, когда отдельные нюансы общественных отношений стали возможными для наблюдения (пусть даже и в ограниченном объеме).

Так что же произошло? Как мы уже видели, столкновение «Нарышкиных» и «Милославских» произошло на двух уровнях.

В сфере придворной борьбы решался вопрос о том, кто будет управлять государством в период малолетства Петра. Но у придворных были и принципиально различные мнения о направлении внутривластного развития Российского государства на следующие годы. Можно предполагать, что противостоящие друг другу силы были примерно равны. В Боярской думе “Милославские”, вероятно, проиграли. Но развить успех победившая сторона просто не успела. Перспектива правления А.С. Матвеева в союзе с “кланом” кн. Долгоруких совершенно не устраивала “Милославских”, и они обратились к “гвардии” – стрелецким полкам. Разумеется, едва ли кто-нибудь из них заранее планировал устроить инсценировку “стрелецкого бунта”. Но и тянуть с ликвидацией лидеров объединения “Нарышкиных” было просто опасно – включившийся в игру А.С. Матвеев и сам мог организовать что-нибудь подобное.

Любопытно другое. В событиях 14–15 мая просматриваются вполне обычные для наших дней приемы манипулирования общественным сознанием. Получается, что представление о некоей “косности”, присущей “московитской” политической культуре конца XVII в., так же нуждаются в корректировке. Вначале Москву заполнили слухи о боярах-изменниках, отравивших “добротного царя” Федора, об “умышлении” Нарышкиных на царевича Ивана, обидах, нанесенных ими царским родственникам. Затем последовало и прямое обращение к стрельцам с требованием защиты: «посланные навадницы и смутницы на прелесть людем разсеющаяся всюду... глаголаше: “Ох! И горе, и увы нам всем! Что содеяся ныне во царстве, яко великого государя нашего царевича Иоанна Алексеевича всея Росии Кириловы дети Нарышкина Иоанн да Афанасий убили до смерти!»¹⁷⁰.

Фактически московских стрельцов поставили в ситуацию, в которой игнорирование подобного призыва означало прямое пренебрежение долгом. И стрельцы на этот призыв откликнулись. Представление о некоей беспорядочной толпе, ввалившейся в Кремль, изрядно преувеличено. Б. Розенбуш об этом пишет совершенно по-иному: “стрельцы пошли в Кремль в полном порядке, с барабанным боем и развевающимися знаменами, везя за собою две порядочныя пушки. Они заставили полковника вести их, что тот должен был исполнить из страха лишиться жизни”¹⁷¹. Нам известны имена двух подполковников, которые определенно стояли во главе “возмутившихся” стрельцов – И.Е. Цыклер и И.Г. Озеров. В 1689 г. к власти пришли Петр и “Нарышкины”, но

на карьере указанных лиц это обстоятельство никак не отразилось. Иван Цыклер, правда, пал жертвой своего длинного языка (его казнили весной 1697 г.), но И.Г. Озеров беспрепятственно продолжал службу – в Боярском списке 1703 г. с его имени начинается раздел “начальных людей” – военных командиров, не имевших московского чина¹⁷². То есть Петр I, который был скор на расправу, понимал ситуацию гораздо лучше нас – стрельцы пришли в Кремль исполнять долг, защищать царскую семью, и винить их решительно не за что. Равно как и их командиров. И это совершенно недвусмысленно выраженное мнение человека, который тоже был современником событий и, к тому же, пострадавшей стороной.

Свой особый взгляд на события имело и столичное дворянство. Кроме стрелецких, в Москве находились два “выборных” полка. Это тоже была гвардия, но гвардия “солдатского строя”, уже с общеевропейской системой организации и командования. Термин “выборные” означал, что все солдаты прошли самый тщательный отбор (не менее пяти лет беспорочной службы в действующих войсках). Оба полка формировались по одинаковым принципам, но из разных социальных групп. Первый выборный полк (полк генерала Аггея Шепелева, впоследствии Франца Лефорта) был исключительно дворянским, так как в середине XVII в. дворяне уже всюду служили в солдатах. Второй полк (полк Матвея Кравкова, впоследствии – Патрика Гордона) был укомплектован опытными солдатами, но выбранными не из дворян, а из даточных людей (рекрутов) государевых дворцовых волостей. То есть по своему социальному статусу они были дворцовыми крестьянами.

Об участии солдат полка М. Кравкова в событиях 15–17 мая сообщают практически все источники. Солдаты А. Шепелева, равно как и многочисленное столичное дворянство, также сведенное в военную структуру – Государев полк, отнеслись к “стрелецкому бунту” с ледяным равнодушием. Складывается впечатление, что они если и не знали точно, то хотя бы понимали, что все происходящее – не более чем масштабная провокация. И для них лучше сидеть по домам и ждать, чем дело закончится.

А стрельцы это поняли далеко не сразу. По словам летописца, 18 мая они “разыдошася в слободы свои ко съезжим избам и поидоша вси из града стройными полками, показующи к народу свое удалство, яко с победы идуще, со смирением возложивше самопалы, копия же и бердыши несоша вниз остриями; и разыдо-

шася восвоися...”¹⁷³. Так ведут себя люди, честно выполнившие свой долг. И лишь потом они обнаружили, что их просто использовали. В результате и появилась столь удивительная для конца XVII в. челобитная с требованием политической реабилитации: “дать нам ваши государские жалованные грамоты... чтобы нас поносными словами и бунтовщиками, и изменниками нас не называли ... потому что мы служим искони века вам, в. г., со всякою верностию и безо всякие измены, и нигде на ваших государских службах измены и прослуги, и градом здач от нас не бывало”¹⁷⁴.

Исследование показывает, что самостоятельное понимание событий весны 1682 г. имели и сами стрельцы. Оно базировалось на двух фундаментальных установках – “служения” московским царям и вере в царскую же к ним милость и “справедливость”. Действия стрельцов за рамки этих традиционных ценностей не выходили – “справедливости” они потребовали еще при жизни царя Федора Алексеевича и справедливый суд тотчас же получили. Таковую же политику продолжало и правительство несовершеннолетнего Петра – полковников наказали через суд, в полном соответствии с действовавшими тогда законами. Следование законам наблюдается и в действиях самих стрельцов – об этом недвусмысленно говорят официальные документы и близкие к ним нарративные тексты. Таким образом, у стрельцов не было причин “бунтовать” из-за учиненных им несправедливостей. Они были спровоцированы на исполнение своей прямой обязанности – защиты государей – одной из боярских группировок, потому и ринулись в Кремль. Виновные потом неуклюже “заметали следы”, свалив вину на московских стрельцов – это они “бунт” учинили. Стрельцы же, наоборот, гордились истреблением “царских изменников” и считали необходимым увековечить это событие в виде “столпа” на Красной площади.

Наиболее существенный вывод из всего вышеизложенного: изучение того или иного события нельзя принудительно ограничивать жесткими хронологическими рамками. Как было показано, процесс зарождения боярских “партий” произошел еще в 1681 г. А их формированию способствовала внутренняя политика, которую царь Федор Алексеевич начал проводить в жизнь с 1677 г. То же можно сказать и о росте недовольства в среде московских стрельцов. Без учета этих обстоятельств мы могли бы и далее гадать – что же произошло в Москве в мае 1682 г.? Стрелецкий бунт? Или все же “заговор Милославских”?

- ¹ “Царю и великому князю” Петру Алексеевичу в момент венчания на царство было девять лет, одиннадцать месяцев и три дня от роду.
- ² Мазуринский летописец // ПСРЛ. М., 1968. Т. 31.
- ³ *Богданов А.П.* Поденные записи очевидца Московского восстания 1682 года // Советские архивы. 1979 г. № 2. С. 34–37.
- ⁴ Разрядная запись “190-го смутное время” (*Далее – Смутное время...*). Здесь и далее текст приводится по изданию: Восстание в Москве 1682 г. М., 1976. № 207. С. 276–282. О датировке см. там же, примеч. на с. 315.
- ⁵ “Летописец 1619–1691 гг.” // ПСРЛ. М., 1968. Т. 31. (*Далее – Летописец 1619 года...*)
- ⁶ *Бутенант фон Розенбуш.* Верное объявление скорбной и страшной трагедии, которая здесь в Москве приключилась в понедельник, вторник и среду, 15-го, 16-го и 17-го мая нынешнего 1682 года // Погодин М.П. Семнадцать первых лет в жизни императора Петра Великого. М., 1875. Прил. V. С. 38–50. (*Далее – Розенбуш Б. Верное объявление...*)
- ⁷ “Дневник зверского избения московских бояр в столице в 1682 году и избраня двух царей Петра и Иоанна” // Рождение империи. М., 1997. С. 11–20. (*Далее – Дневник зверского избения...*)
- ⁸ *Королюк В.Д., Рогов А.И.* Битва под Веной в 1683 г. и русско-польские отношения: (Документы Посольского приказа о приезде в Москву польского посланника Яна Окрасы) // Австро-Венгрия и славяно-германские отношения. М., 1965. С. 183–199.
- ⁹ “Между тем царевна Софья, возвращаясь с похорон... громко кричала толпе: Смотрите, люди...” (Дневник зверского избения ... С. 13.) Человек, способный поверить в такое “известие”, совершенно не знаком ни с православным чином похорон, ни с российскими культурными традициями. Вероятней всего, за политическую демонстрацию он принял рассказ о вполне уместном на похоронах “плаче”, как правило, сопровождавшемся громкими и истеричными обращениями к покойному.
- ¹⁰ См., например, рассказ о событиях 1682 г. в книге английского биографа царевны Софьи: *Hughes L.* Sophia: Regent of Russia 1657–1704. New Haven; London, 1990.
- ¹¹ Дневник зверского избения... С. 14.
- ¹² Полностью рукопись называется “Описание с совершенным испытанием и подлинным извещением о смутном времени, приключившимся от возмущения бывших московских стрельцов и к тому воровскому бунту от возмутителей сообщников их, в прошлом 7190 году, то есть лета Господня 1682, месяца мая в 15 день”. В научной литературе принято более краткое название: “Записки” Андрея Матвеева. Здесь следует учитывать, что речь идет об одном и том же тексте. (*Далее – Матвеев А.А. Записки...*) Текст приводится по изданию – Рождение империи. М., 1997. С. 359–414.
- ¹³ *Погодин М.П.* Об источниках для истории стрелецких бунтов (Матвеев, Медведев, Разрядная записки, Савва Романов, Сказатель о боярине Матвееве, Желябужский, Датский резидент, Невиль, Перри, Корб) // Погодин М.П. Семнадцать первых лет жизни императора Петра Великого. М., 1875. Исследования. С. 1–92.
- ¹⁴ *Буганов В.И.* Московские восстания конца XVII в. М., 1969. С. 25–27. (*Далее – Буганов В.И. Московские восстания...*)
- ¹⁵ *Матвеев А.А.* Записки... С. 381–382.
- ¹⁶ Там же. С. 389.

- ¹⁷ Еще в 1896 г. Е.Ф. Шмурло указал, что приведенный Матвеевым перечень сторонников Нарышкиных соответствует 1687–1688 гг., но никак не 1682 г. (*Шмурло Е.Ф.* Падение царевны Софьи // ЖМНП. 1896 г., Январь. С. 38–95).
- ¹⁸ Восстание в Москве в 1682 г. № 69. С. 113.
- ¹⁹ Там же. С. 114.
- ²⁰ *Богданов А.П.* Сильвестр Медведев // ВИ. 1988. № 2. С. 84–98.
- ²¹ *Рукопись*: РГАДА. Ф. 179. Оп. 2. Д. 205. *Опубл.*: *Сильвестра Медведева* Созерцание краткое лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяся в гражданстве // ЧОИДР. 1894. Кн. 4. Отд. 2. С. 1–197. Датой завершения работы над рукописью В.И. Буганов считает 1684 г. (*Буганов В.И.* Московские восстания... С. 24).
- ²² *Богданов А.П.* Сильвестр Медведев. С. 89–90.
- ²³ *Сильвестра Медведева* Созерцание краткое... С. 37.
- ²⁴ Там же. С. 41.
- ²⁵ См., например: “Сильвестр Медведев является таким образом единственным русским писателем XVII века, который взглянул на события своего времени с высоты общего принципа, противопоставляя принципу устрашения принцип справедливости или, еще более, еще идеальнее, принцип любви” (*Белов Е.А.* Московские смуты в конце XVII века // ЖМНП. 1887. № 1. С. 117).
- ²⁶ *Берх В.И.* Царствование Федора Алексеевича и история первого стрелецкого бунта. СПб., 1834. Ч. I–II.
- ²⁷ *Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого. СПб., 1858. Т. I: Господство царевны Софии.
- ²⁸ *Погодин М.П.* Исследования: О происхождении первого стрелецкого бунта // Погодин М.П. Семнадцать первых лет в жизни императора Петра Великого. С. 118–119.
- ²⁹ Там же. С. 124.
- ³⁰ *Аристов Н.Я.* Московские смуты в правление царевны Софьи Алексеевны. Варшава, 1871.
- ³¹ См.: *Белов Е.А.* Московские смуты в конце XVII века // ЖМНП. 1887. № 1–2; *Шмурло Е.Ф.* Падение царевны Софьи. № 1.
- ³² *Томсинский С.* “Петровские” реформы: (Борьба классов накануне реформ) // Историк–марксист. 1933. № 4 (32). С. 53–80. Оценку взглядов см.: *Буганов В.И.* Московские восстания последней четверти XVII в. в дореволюционной и советской историографии // История СССР. 1962 г. № 2; *Лавров А.С.* Служилое общество и борьба за власть в верхах Русского государства в 1682–1689 гг. М., 1999. С. 8.
- ³³ “Больше указаний имеется на участие в стрелецких волнениях боярина Ивана Андреевича Хованского. Конечно, не он вызвал эти волнения, но он мог содействовать тому, что движение стрельцов приняло политический характер. Как и стрельцы, он ненавидел временщиков” (*Богоявленский С.К.* Хованщина // Исторические записки. М., 1941. Т. 10. С. 186).
- ³⁴ *Буганов В.И.* Московские восстания... С. 131–139.
- ³⁵ Там же. С. 362.
- ³⁶ «Не беремся судить о том, что “понимали” стрельцы и что не было доступно их разумению, – подобные суждения не опираются на источники, но ясно одно, что стрельцы и солдаты не имели оснований проявлять непримиримую враждебность к новому правительству. Со времени образования этого правительства, т.е. с 27 апреля прошло несколько дней и стрельцы получили от него все, что они требовали. Большого стрельцы и солдаты не требовали ни в конце апреля, ни в начале мая» (*Павленко Н.И.* Об оценке стрелецкого восстания

- 1682 г.: (по поводу монографии В.И. Буганова “Московские восстания конца XVII в.”. М., 1969) // История СССР. 1971 г. № 3. С. 93).
- ³⁷ Там же. С. 94.
- ³⁸ Буганов В.И. Об оценке стрелецкого восстания 1682 г.: (По поводу рецензии Н.И. Павленко) // История СССР. 1973 г. № 2. С. 238.
- ³⁹ Hughes L. Sophia: Reagent of Russia 1657–1704. New Haven; London., 1990. Русский перевод: Хьюз Линдси Царевна Софья. СПб., 2001. С. 91.
- ⁴⁰ Лаврентьев А.В. “Пропавшая грамота” 1682 года (Неизвестное издание Верхоспасской типографии) // Архив русской истории. М., 1995. Вып. 6. С. 208–209.
- ⁴¹ Маржерет Ж. Состояние Российской империи. М., 2007. С. 144.
- ⁴² Корпорации, ведущие свое происхождение от западноевропейских “conjugationes” – объединений людей на основе взаимной клятвы для достижения общих целей и взаимопомощи, – в Средние века могли быть разного типа. В России же стрелецкий полк приносил клятву верности (целовал крест) Государю, что тоже подразумевало принятие взаимных обязательств – “прямить” (т.е. верно исполнять службу), “не воровать” (т.е. не изменять) и т.п. Отличия здесь очевидны. Однако на бытовом уровне стрелецкие сообщества (слободы) по ряду признаков сближались с профессиональными корпорациями Западной Европы.
- ⁴³ Арнаутова Ю.Е. Средневековые истоки современной корпоративной культуры // Неприкосновенный запас. 2006. № 48/49. С. 70.
- ⁴⁴ Статистических данных по Москве пока не имеется, зато имеются обширные материалы по стрелецким гарнизонам других городов России. В 1684 г. правительство провело общий “разбор” всех стрельцов, в ходе которых разборщики проводили краткий опрос – кто родом или откуда вышел, сколько лет в службе и т.п. Даже самый поверхностный анализ показывает, что большая часть провинциальных стрельцов служила во втором, а то и в третьем поколении (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 245).
- ⁴⁵ Полностью рукопись называется “Дневник путешествия в Московское государство Игнатия Христофора Гваридента, посла императора Леопольда I к царю и великому князю Петру Алексеевичу в 1698 г., веденный секретарем посольства Иоганном Георгом Корбом”. В научной литературе принято более короткое название: *Корб Иоганн* Дневник путешествия в Московское государство. Текст приводится по изданию: Рождение империи. М., 1997. С. 21–258.
- ⁴⁶ Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича: 4-е изд. СПб., 1906.
- ⁴⁷ Лаврентьев А.В. “Московское столпотворение” конца XVII века (первые гражданские памятники в России и политическая борьба эпохи Петра I) // Архив Русской истории. М., 1992. Вып. 2. С. 147.
- ⁴⁸ Кошелева О.Е. “Бесчестье словом” петербургских обывателей петровского времени и монаршая власть // Одиссей 2003. М., 2003. С. 162–163.
- ⁴⁹ В грамоте все царские титулы приведены полностью. Здесь мы их заменяем знаком (...).
- ⁵⁰ Восстание в Москве 1682 г. № 132. С. 176.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² ААЭ. СПб., 1836. Т. IV. № 250. С. 347.
- ⁵³ Там же. Т. IV. № 280. С. 409.
- ⁵⁴ Восстание в Москве 1682 г. № 2. С. 20; № 21. С. 45.
- ⁵⁵ Там же. № 2. С. 20–21.

- ⁵⁶ Буганов В.И. Московские восстания... С. 109–110.
- ⁵⁷ Восстание в Москве 1682 г. № 2. С. 20; № 21. С. 42–43.
- ⁵⁸ Летописец 1619 года... С. 190.
- ⁵⁹ Там же.
- ⁶⁰ Там же; Розенбуш Б. Верное объявление... С. 39–40.
- ⁶¹ Разряд без мест царя великого князя Феодора Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья Роси самодержца 190 году // Соловьев С.М. Соч. М., 1988. Кн. VII. Т. 13–14. Доп. С. 308.
- ⁶² Летописец 1619 года... С. 190.
- ⁶³ Книга записная Петра Алексеевича // Восстание в Москве 1682 г. М., 1976. Док. 1. С. 9. (Далее – Книга записная Петра Алексеевича...)
- ⁶⁴ Летописец 1619 года... С. 190.
- ⁶⁵ Там же. С. 189. Об этом же пишет и Б. фон Розенбуш: стрельцы “пригласили к себе несколько товарищей из других полков и осведомились у них, как полковники обходятся с ними таким же образом. И оказалось, что из 20 полковников, начальствовавших над 22 тысячами стрельцев, было девять, которые могли быть обвинены в наложении таких же тягостей” (Розенбуш Б. Верное объявление... С. 40).
- ⁶⁶ Летописец 1619 года... С. 191.
- ⁶⁷ Розенбуш Б. Верное объявление... С. 40.
- ⁶⁸ Книга записная Петра Алексеевича... С. 12.
- ⁶⁹ Летописец 1619 г... С. 192.
- ⁷⁰ В данном случае – доносили.
- ⁷¹ Повесть о Московском восстании 1682 г. С. 323.
- ⁷² “Во всех приказах стрельцы тако усоветовали и в первые Морозова пятидесятника били и с роскату бросили, и иных тако же, которые неистово творили” (Там же)
- ⁷³ Матвеев А.А. Записки... С. 368.
- ⁷⁴ Книга записная Петра Алексеевича... С. 13.
- ⁷⁵ Там же. С. 13–14.
- ⁷⁶ Розенбуш Б. Верное объявление... С. 41.
- ⁷⁷ Летописец 1619 года... С. 191.
- ⁷⁸ “С должника без всякого снисхождения стягиваются чулки, затем двое из судебных слуг становятся рядом, еще несколько держат наказываемого. Те двое бьют должника двумя белыми прутьями по голени так сильно, что у бедняги ноги становятся коричневыми и синими” (Шлейссингер Г.-А. Полное описание России // ВИ. 1970 г. № 1. С. 120). У Б. Розенбуша отмечено, что “ставили на правее всякий день по два часа, пока они не выплачивали долга” (Розенбуш Б. Верное объявление... С. 41).
- ⁷⁹ Летописец 1619 года... С. 191.
- ⁸⁰ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. № 20894. Л. 1–2.
- ⁸¹ Восстание в Москве 1682 г. № 36. С. 57; № 33–34. С. 54–56; Летописец 1619 года... С. 191.
- ⁸² Гораздо больше известно о выборах на казачьих кругах. Вот там все выборы завершались драками, иногда – с применением холодного оружия. До стрельбы все же дело не доходило. Подробнее об этом: История Украинського війська. Львов, 1992; *Бойко О.Д.* История Украины. Киев, 1999.
- ⁸³ *Кнабе Г.С.* Рим Тита Ливия – образ, миф, история // Тит Ливий. История Рима от основания города. М., 1993. Т. III. С. 635.

- ⁸⁴ *Krom Michail*. Formen der Patronage im Russland des 16. und 17. Jahrhunderts: Die Aussichten für eine vergleichende Forschung im europäischen Kontext // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2009. Bd. 57. Ht 3. S. 321–345.
- ⁸⁵ *Татищев В.Н.* История Российская. М.; Л., 1968. Т. VII. С. 172–174.
- ⁸⁶ Эта новость оказалась настолько значимой, что шведский резидент Б. фон Розенбуш немедленно уведомил о ней свое правительство: несколько приказов отняты у И.М. Милославского; думный дьяк Ларион Иванов получил назад Новгородскую четверть в добавление к Посольскому приказу. Надо всеми денежными доходами страны поставили Аверкия Степанова [Кириллова] (*Бушкович П.* Петр Великий: Борьба за власть (1671–1725). СПб., 2008. С. 120).
- ⁸⁷ ПСЗ. Т. II. № 824. С. 267–268. Под “расправами” в России XVII–XIX вв. понимали дела, решавшиеся в административном порядке; без назначения судебного заседания.
- ⁸⁸ *Седов П.В.* Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века. СПб., 2006. С. 281.
- ⁸⁹ Там же.
- ⁹⁰ В.П. Нарышкин, например, был отправлен воеводой в Черный Яр – сторожевой острог в низовьях Волги. Город окружали степи с немирными калмыками и ногаями, а населения, от которого можно брать “поминки” не было вообще – только стрелецкий гарнизон.
- ⁹¹ *Седов П.В.* Указ. соч. С. 281–282.
- ⁹² Дополнения к актам историческим. СПб., 1862. Т. 8. № 78, 102.
- ⁹³ *Белов М.И.* Письма Иоганна ван Келлера в собрании нидерландских дипломатических документов // *Исследования по отечественному источниковедению*. М., 1964. С. 379–380.
- ⁹⁴ Там же. С. 379–380.
- ⁹⁵ *Силиверста Медведева* Созерцание краткое... С. 41.
- ⁹⁶ История о невинном заточении ближнего боярина Артемона Сергеевича Матвеева: 2-е изд. М., 1778. С. 398, 407–408; *Крекиши П.Н.* Краткое описание блаженных дел великого государя имп. Петра Великого, самодержца всероссийского // *Записки русских людей*. М., 1841. С. 24–26. По предположению В.И. Буганова первая рукопись могла быть создана И.Л. Подборским или священником Василием Чернецом, находившимся в ссылке вместе с А.С. Матвеевым (*Буганов В.И.* Московские восстания... С. 26).
- ⁹⁷ “Ближайшие родственники умершего царя могли пропустить церемонию наречения младшего царевича, минуя старшего, только в том случае, если придворные деятели во главе с патриархом Иоакимом приступили к наречению еще в то время, когда был жив Федор, а главные сторонники Ивана Алексеевича находились у постели умирающего. Этим может быть объяснена разногласия в определении времени кончины Федора: приказные дельцы могли сделать вывод о смерти давно больного царя, узнав о готовящемся наречении, еще в 12-м часу; официальное объявление было сделано после смерти, в 13-м часу. Впрочем, обязательно ли после смерти? Если, согласно данным Скорнякова-Писарева, Милославские прибыли к месту действия, когда Петр был уже наречен, допустимо предположение, что, узнав о начавшейся церемонии, они оставили покои еще живого Федора” (*Богданов А.П.* Летописные известия о смерти Федора и воцарении Петра Алексеевича // *Летописи и хроники*. 1980 г. М., 1981. С. 205).
- ⁹⁸ В российском земельном законодательстве существовали два определения для незаконного землепользования. “Примерные” земли – участки, распаханые

- без соответствующих документов (примеренные к уже имеющимся). “Обводные” – использующиеся с помощью какой-то казуальной уловки (“обвода”).
- ⁹⁹ См. об этом: *Зенченко М.Ю.* Военный бюджет 1673–1679 гг.: предпосылки и итоги // *Мининские чтения* Нижний Новгород, 2011. С. 415–430; *Он же.* “И той их даче по межам, и по сыску, и по досмотру быть за ними...”: земельная политика в царствование Федора Алексеевича // *PALEOBUREAUCRATICA: Сб. ст. к 90-летию Н.Ф. Демидовой М.*, 2012. С. 125–141; *Он же.* Книги подворной переписи 1677/78 г.: время создания, принципы составления, итоговые документы // *Отечественные архивы.* 2012. № 2. С. 30–39; *Он же.* Второе валовое письмо: предпосылки, хронологические рамки, региональные особенности // *Проблемы аграрной истории Северо-Запада России: К 150-летию отмены крепостного права в России; Мат-лы межрегиональной науч. конф. Псков, 2012 (в печати).*
- ¹⁰⁰ Материалы о кадровых перестановках в приказном аппарате России собраны в исследовании: *Богоявленский С.К.* Приказные судьи XVII в. М.; Л., 1946. В специальном исследовании о событиях 1682 г. (*Богоявленский С.К.* Хованщина // *Исторические записки.* М., 1941. Т. 10. С. 180–221) им собраны свидетельства о борьбе бояр за должности приказных судей летом–осенью 1682 г. Состоявшиеся в конце мая 1682 г. назначения показали, что стольников начали заменять сами бояре. С этого момента восстанавливается традиционная для России система управления, когда во главе приказов стояли бояре и okolnichie (как исключение – думные дворяне).
- ¹⁰¹ Книга записная Петра Алексеевича... С. 10.
- ¹⁰² “Источники позволяют по именам назвать наиболее рьяных гонителей Нарышкиных. После ареста их содержали на боярских дворах в Москве: Ивана Нарышкина – на дворе И.М. Милославского, прочих – у кн. Одоевских и Р.М. Стрешнева” (*Седов П.В.* Указ. соч. С. 283).
- ¹⁰³ *Богоявленский С.К.* Хованщина. С. 207.
- ¹⁰⁴ Там же. С. 208.
- ¹⁰⁵ РГАДА. Ф. 210. Боярские списки. № 16. Л. 4.
- ¹⁰⁶ Книга записная Петра Алексеевича... С. 14.
- ¹⁰⁷ Акты исторические. СПб., 1842. Т. V. № 83. С. 133.
- ¹⁰⁸ Там же. № 84. С. 134.
- ¹⁰⁹ Единственный в настоящее время очерк деятельности Ответной палаты принадлежит П.В. Седову (*Седов П.В.* Закат Московского царства... С. 452–478).
- ¹¹⁰ *Богоявленский С.К.* Приказные судьи... С. 190.
- ¹¹¹ Книга записная Петра Алексеевича... С. 17.
- ¹¹² Там же.
- ¹¹³ Там же. С. 16.
- ¹¹⁴ *Седов П.В.* Указ. соч. С. 209.
- ¹¹⁵ Впервые мысль о неком “всемогуществе” Матвеева высказал Н.Г. Устрялов (*История царствования Петра Великого.* Т. I. Господство царевны Софии), а затем в той или иной форме она повторялась практически всеми авторами, писавшими о данном сюжете.
- ¹¹⁶ “На долговременных разговорах один на один они, бояре, оба с собою были” (*Повесть о невинном заточении...* С. 417).
- ¹¹⁷ *Розенбуш Б.* Верное объявление... С. 42–43.
- ¹¹⁸ Летописец 1619 года... С. 192.

- ¹¹⁹ Тихомиров М.Н. Заметки земского дьячка второй половины XVII века // Исторический архив. М.; Л., 1939. Т. II. С. 100.
- ¹²⁰ Розенбуш Б. Верное объявление... С. 43.
- ¹²¹ Матвеев А.А. Записки... С. 375.
- ¹²² Буганов В.И. Новый источник о Московском восстании 1682 г. // Исследования по отечественному источниковедению. М., 1964. С.323.
- ¹²³ Матвеев А.А. Записки... С. 375.
- ¹²⁴ Летописец 1619 года... С. 192.
- ¹²⁵ Мазуринский летописец. С. 174; Богданов А.П. Поденные записи очевидца Московского восстания 1682 года // Советские архивы. 1979 г. № 2. С. 35; Тихомиров М.Н. Записки приказных людей конца XVII века // ТОДРЛ. М.; Л., 1956. Т. XII. С. 449.
- ¹²⁶ Летописец 1619 года... С. 195.
- ¹²⁷ Восстание в Москве 1682 г. № 4. С. 23–24.
- ¹²⁸ Летописец 1619 года... С. 194.
- ¹²⁹ Восстание в Москве 1682 г. № 207. С. 276–277.
- ¹³⁰ Летописец 1619 года... С. 192.
- ¹³¹ Восстание в Москве 1682 г. № 207. С. 277.
- ¹³² Матвеев А.А. Записки... С. 377.
- ¹³³ Летописец 1619 года... С. 194.
- ¹³⁴ Матвеев А.А. Записки... С. 377.
- ¹³⁵ “Особливо же тот Цыклер коварный, злокозненный человек и всякого рода хитростей на злодейства исполнен был”. В другом месте А. Матвеев добавил: “из плохих, кормовой иноземец” (Матвеев А.А. Записки... С. 370).
- ¹³⁶ Летописец 1619 года... С. 194.
- ¹³⁷ Тихомиров М.Н. Записки приказных людей конца XVII века. С. 449.
- ¹³⁸ Летописец 1619 года... С. 194.
- ¹³⁹ Матвеев А.А. Записки... С. 378.
- ¹⁴⁰ Мазуринский летописец. С. 174.
- ¹⁴¹ Тихомиров М.Н. Записки приказных людей конца XVII века. С. 449.
- ¹⁴² Богданов А.П. Поденные записи очевидца Московского восстания 1682 года. С. 35.
- ¹⁴³ Летописец 1619 года... С. 194–195.
- ¹⁴⁴ Смутное время... С. 277. Примеч. 4–6.
- ¹⁴⁵ Богданов А.П. Поденные записи очевидца Московского восстания 1682 года. С. 36.
- ¹⁴⁶ Смутное время... С. 279. С этим требованием стрельцы охотно согласились: “а что боярские люди к нам приобщаются в совет, чтобы им быть из домов свободным, а у нас с ними ни с кем приобщения никакова и думы нет” (Восстание в Москве 1682 г... № 20. С. 38).
- ¹⁴⁷ Мазуринский летописец... С. 174.
- ¹⁴⁸ Летописец 1619 года... С. 195.
- ¹⁴⁹ Мазуринский летописец. С. 174. В “Летописце 1619 года...” добавлено “в час первый ночи” (С. 195).
- ¹⁵⁰ Матвеев А.А. Записки... С. 379.
- ¹⁵¹ Матвеев А.А. Записки... С. 379; Летописец 1619 года... С. 196.
- ¹⁵² Летописец 1619 года... С. 195.
- ¹⁵³ Розенбуш Б. Верное объявление... С. 44.
- ¹⁵⁴ Восстание в Москве в 1682 г. № 4. С. 23–24.

- ¹⁵⁵ Так в тексте. Вероятно летописец имел в виду “с двумя деньгами”, то есть с одной копейкой.
- ¹⁵⁶ Мазуринский летописец. С. 174–175. В “Летописце 1619 года...” уточнено: “Свою же братию стрелцов за такие же дела биша палицами довольно, а не смертно, и на съезжих избах затворяху в темницы (С. 195).
- ¹⁵⁷ *Розенбуш Б.* Верное объявление... С. 49.
- ¹⁵⁸ *Розенбуш Бутенант* Верное показание несчастной Resconter, в коей Всевысочайший Господь от очевидной опасности спас жизнь, и что случившейся в прошедший вторник, 16-го мая, 1682 года // Погодин М.П. Семнадцать первых лет в жизни императора Петра Великого. Прил. V. С. 52–56.
- ¹⁵⁹ Там же.
- ¹⁶⁰ Даниила фон Гадена и Иогана Гутменша.
- ¹⁶¹ Михаила фон Гадена. Его “изрубили бердыши” у Лобного места.
- ¹⁶² Смутное время... С. 278.
- ¹⁶³ *Розенбуш Б.* Верное объявление... С. 46.
- ¹⁶⁴ Там же.
- ¹⁶⁵ Летописец 1619 года... С. 197.
- ¹⁶⁶ Восстание в Москве... №. 20. С. 37.
- ¹⁶⁷ Мазуринский летописец, С. 175.
- ¹⁶⁸ Восстание в Москве. № 207. С. 277.
- ¹⁶⁹ *Розенбуш Б.* Верное объявление... С. 49.
- ¹⁷⁰ Летописец 1619 года... С. 192.
- ¹⁷¹ *Розенбуш Б.* Верное объявление... С. 49.
- ¹⁷² *Захаров А.В.* Государев двор Петра I. Челябинск, 2009. С. 325.
- ¹⁷³ Летописец 1619 года... С. 198.
- ¹⁷⁴ Восстание в Москве в 1682 г. № 20. С. 37.

РОССИЯ: QUO VADIS?

Б.В. Дубин

МАНИФЕСТАЦИИ ПУБЛИЧНОГО НЕДОВОЛЬСТВА В МОСКВЕ 2011–2012 гг.: ТОЧКА СДВИГА ИЛИ ЛИНИЯ ПЕРЕЛОМА?

УДК 94(470)

В статье анализируются перемены в общественном мнении и политической культуре России накануне и после выборов 2011–2012 гг. Особое внимание уделено манифестациям общественного недовольства со стороны инициативных групп жителей Москвы и ряда других крупнейших городов России, а также возможным траекториям развития этой ситуации социального возбуждения.

Ключевые слова: Общественное мнение, выборы, общественное недовольство, пассивное большинство, инициативные группы, альтернативы развития

Key words: Public opinion, elections, social unrest, passive majority, action groups, development alternatives

Выход десятков тысяч людей на площади, проспекты, улицы Москвы и, в меньшем масштабе, еще нескольких крупных городов России, впервые имевший место после декабрьских выборов 2011 г. в Государственную думу, оказавшийся неожиданным для властей, наблюдателей да, вероятно, и для большей части самих участников, к лету 2012-го¹ стал явлением более или менее регулярным. Из сегодняшней ретроспективы я бы назвал эти события акциями не столько политического *протеста*, сколько общественного *недовольства*, имеющими скорее характер *брожения*, а не *движения*, причем наиболее ярко и массово выраженными прежде всего в *столице* (опираясь в статье на данные социологических опросов Левада-Центра, я в дальнейшем буду говорить о манифестациях именно в ней). В уличных шествиях и митингах получила социальное выражение и смысловую артикуляцию² гораздо более общая – по причинам и масштабам – неудовлетво-

ренность значительной части российского населения ситуацией, складывающейся в стране после и в результате глобального финансово-экономического кризиса, о наступлении которого власти России объявили осенью 2008 г.

НАКАНУНЕ

Хотя паническая реакция россиян на сообщение о кризисе через несколько месяцев улеглась, большинство российского населения явно почувствовало снижение темпов роста доходов, тем более ощутимое на фоне массивных денежных вливаний со стороны властей в преддверии выборов 2007–2008 г. И отреагировало на него. Начиная с 2009 г. все более выраженными в общественном мнении становятся даваемые респондентами характеристики коллективной жизни в стране как застоя, нарастания хаоса, потери управляемости и проч. Напротив, чувство укрепления порядка, а особенно – ощущение позитивного развития проявляется теперь в массе россиян все слабее.

Важно отметить, что с 2009 г. начали снижаться массовые оценки конструктивной роли *всех* властных институтов России, включая, что совершенно не было характерно для предыдущих лет, фигуры первых лиц и силовые структуры. Кривая общественного одобрения деятельности президента и премьера на их постах пошла вниз. Только за предвыборный год (с ноября 2010 по ноябрь 2011 г.) общая доля одобряющих деятельность Д. Медведева на президентском посту сократилась на 14%, В. Путина на посту премьер-министра – на 11%. Характерно и то, что – в противоположность отмеченному падению авторитетности

Таблица 1

Что, по Вашему мнению, происходит сейчас в России – рост и развитие, стабилизация или торможение и застой?

	2007 Ноябрь	2010 ноябрь	2011 Декабрь
Рост и развитие	38	24	18
Стабилизация	31	29	32
Торможение и застой	21	32	36
Затруднились ответить	10	15	14

№ = 1600 человек

Таблица 2
Что сейчас происходит в стране?

	2007	2009	2010	2011
	XI	XII	XII	XII
Становление авторитарного режима	13	11	11	16
Наведение порядка	42	42	33	29
Нарастание беспорядка, хаоса	14	19	28	26
Становление демократии	15	9	9	11
Затруднились ответить	15	20	19	18

N = 1600 человек

властей – к 2010 г. среди россиян выросла доля поддерживающих многопартийность и необходимость сильных оппозиционных партий, способных воздействовать на власть. Эксперты тогда же расценили эти тенденции как “спрос на некоторую альтернативу монополии... власти”³.

К собственно кризису, осязаемому в России все же куда слабее, чем на Западе, большинство российского населения так или иначе адаптировалось⁴. Но ни уверенности в настоящем, ни понимания перспектив – своих и страны – хотя бы на ближайшее будущее у населения не прибавилось. А это значит, что расчет властей исключительно на апатию и приспособляемость масс выявил свою ограниченность и в данном случае оказался недальновидным: готовность большинства россиян по привычке и дальше поддерживать власть становилась все более рыхлой и ненадежной. Можно интегрально охарактеризовать этот процесс как нарастание *неопределенности* в коллективных представлениях россиян о власти. Это относится к их пониманию способов и персонального состава руководства (кто и с помощью каких механизмов управляет страной?), основных направлений политики (политическая “линия”, курс), ясности и эффективности действий власти (президента, правительства), будущего страны.

Характерно, что последние месяцы перед декабрьскими выборами 2011 г. отнюдь не сопровождались обычным подъемом общественных надежд на повышение жизненного уровня, ростом общего оптимизма, которые были характерны для прежних электоральных циклов “нулевых” лет. Напротив, по мере приближения выборов негативное отношение к партии власти, как ни парадоксально, стало нарастать, а выраженное одобрение правящему

тандему, как уже указывалось, падать. Значительное воздействие на настроения потенциальных избирателей оказала “сентябрьская рокировка” Путина и Медведева⁵. Открытое объявление о ней (да, к тому же, решенной, как оказалось, еще 4 года назад) на съезде партии “Единая Россия” 24 сентября 2011 г. стало мобилизующим фактором для более активных, критичных, образованных и самостоятельных слоев населения крупнейших городов. Напротив, оно заметно демобилизовало основную часть населения, в целом снизив его готовность и участвовать в думских выборах, и поддерживать на них “Единую Россию”. Особенно рельефно эта растущая нелояльность по отношению к партии власти проявилась в столице. Если сразу после объявления о “рокировке” преобладающая часть москвичей склонилась к отказу от участия в выборах, то к концу ноября 2011 г. уже свыше половины столичных жителей заявили о готовности прийти на избирательные участки. Однако готовность голосовать при этом за партию власти выразили только 21% москвичей (на селе – вдвое больше). В итоге за партию власти, осененную авторитетами первых лиц, проголосовали в декабре, по официальным данным, около 32 млн взрослых россиян – меньше половины тех, кто явились на выборы (49% пришедших против 64% в 2007 г.).

Что в общественной жизни страны обнаружили (обнажили) декабрьские выборы и что проявили (на что повлияли) их результаты? Во-первых, Россия, как оказалось, не едина. Она сегментирована по степени концентрации значимых ресурсов (от природных богатств до образования, квалификации, притязаний работников), по уровню и образу жизни различных групп, характеру и силе связей между людьми, политическим ориентирам и предпочтениям граждан, отношению населения к власти и представлениям о ее функциях, наконец, по мобилизационным возможностям самих властей – так называемому административному ресурсу. С помощью средств социоморфологического анализа можно было бы (и обязательно нужно) описать эти, можно сказать, несколько России, живущих в разном пространстве и времени⁶.

Второй значимый момент, выявившийся на выборах в декабре 2011 г., хотя эксперты указывали на него в течение всего второго срока президентства Путина (равно как и третьего, проведенного им “под псевдонимом” Д. Медведева): хрупкость сверхцентрализованного социально-политического порядка, построенного на “вертикали власти”, и символического единства большинства

страны, условной реальности самой этой фикции большинства, которая была сформирована посредством апелляции исключительно к фигуре первого лица. Выяснилось, что стоило В. Путину отойти от прямого руководства партией власти, как она, именуемая, напомним, “Единой Россией”, не получила на выборах и половины голосов пришедших к избирательным урнам. Достаточно сравнить даже официальные, несомненно подстроенные результаты предыдущих (2007 г.) и последних думских выборов: возглавленная на этот раз Д. Медведевым, партия потеряла, по отчетным цифрам ЦИК, 15% голосов, тогда как партии “системной оппозиции”, за которых голосовали по предложенному тем же А. Навальным принципу «за кого угодно, только не за “Единую Россию»», приобрели от 6 (“Справедливая Россия”) до 16 (ЛДПР) процентов голосов. Один из экспертов расценил случившееся как “провал российского электорального авторитаризма”⁷.

Это означало неэффективность путинской стратегии “вертикали власти” и управляемой демократии (“ручного управления”). Власть наверху почувствовала этот удар и обычными, номенклатурными средствами отреагировала на него. С должности главного политтехнолога был уволен Владислав Сурков, в экстренном порядке (стремительно приближались мартовские выборы президента!) сняли губернаторов ряда областей – Архангельской, Волгоградской, Вологодской, не обеспечивших партии власти должные высокие показатели.

Наконец, третьим моментом – и наиболее значимым в интересующем нас плане – стали широкие манифестации несогласия жителей крупнейших городов страны с официально опубликованными результатами декабрьских выборов и неудовлетворенности социально-политическим порядком, сложившимся в стране при В. Путине, а в перспективе еще ожидающим Россию в ближайшие шесть, если вообще не двенадцать, лет⁸.

В ДЕКАБРЕ И ПОСЛЕ: КТО БЫЛИ ЭТИ ЛЮДИ?

Сегодня понятно, что гражданские манифестации декабря 2011 г. и последующих месяцев стоило бы поставить в связь с разнородными проявлениями самоорганизации тех или иных групп россиян, которые имели место в стране (и прежде всего – в ее крупных городах) начиная, по крайней мере, с 2006 г., а особенно участились – с 2008-го⁹. Среди них – марши несогласных (2006–2008), трудовые протесты последних лет, про-

тестные акции 2008–2010 гг. во Владивостоке¹⁰ и в Калининграде (2009–2010), движение “Стратегия-31” (с 2009 г.), Дни гнева (2009–2010), акции по защите Химкинского леса (лето 2010 г.), “Синие ведерки” (то же лето), добровольные сообщества по ликвидации и предупреждению лесных пожаров (то же лето 2010 г.) и др. Перечисленные акции имели как политический, так и неполитический характер, были относительно разрозненными и, в сумме, не очень многочисленными; к тому же, они были скудно представлены и, как правило, официозно комментировались в популярных СМИ. Нарастающее в стране общественное возмущение проявилось также в ряде массовых собраний и уличных столкновений на этнической почве, наиболее масштабным из которых стал митинг в декабре 2010 г. на Манежной площади в Москве¹¹.

Еще одну и совершенно иную линию коллективного сплочения и демонстрации единства прочертили в этот период такие многолюдные акции, как поклонение поясу Богородицы в городах России, включая Петербург и Москву (октябрь–ноябрь 2011 г.), православное стояние в апреле 2012 г.

Если говорить о самих манифестациях протеста¹², то стоит развеять несколько стереотипов, тут же начавших складываться вокруг этих новых феноменов. Так, в выступлениях властей, а также провластно ориентированных политиков и журналистов уровень благосостояния митинговавших завышался, и слишком сильно, из чего следует – специально. Но если собравшиеся 24 декабря на проспекте Сахарова, а 4 февраля на – Якиманке и Болотной были (в сравнении, скажем, с участниками выступлений против монетизации льгот в 2005 г.) и в самом деле не бедными, то и богатыми их – опять-таки, в большинстве – тоже никак нельзя было назвать. Если среди населения страны на тот период, по условным показателям потребительского статуса, принятым в опросах Левада-Центра, количественно преобладала группа тех, кому хватает денег на еду и одежду, но покупка дорогих вещей длительного пользования – холодильника, телевизора – для них трудна (таких по стране было 46%), то митинговавшие в большинстве перешагнули на следующий уровень. Около 40% их могли, по их заявлениям, покупать такие предметы, как холодильник и телевизор, однако автомобиль был им все же не по карману – какой же это “средний класс”? Еще более высокий уровень людей обеспеченных – но и тут нельзя сказать чтобы совсем уж не стесненных в средствах – составлял среди участников примерно чет-

верть. И лишь от 3 до 5% опрошенных могли, по их оценкам, “ни в чем себе не отказывать”. Итого, в целом на манифестации вышли люди относительно обеспеченные, но отнюдь не живущие, как это пытались представить, в стране молочных рек и кисельных берегов.

Что кардинально отличало собравшихся на проспекте Сахарова, Якиманке и Болотной от населения страны в среднем и даже от жителей столицы в целом – это уровень образования. 62–63% опрошенных закончили вуз, 7–8% – два вуза либо вуз и аспирантуру. Это дает в сумме 70% высокообразованных, тогда как, по данным последней переписи, люди с высшим образованием составляют 51% живущих в столице.

По роду занятий среди участников, от 60 до 65% которых, кстати, составляли мужчины, можно выделить две наиболее значительные по величине группы – руководители (владельцы собственного бизнеса, главы отделов и т.п., в сумме они составляют 23–25%) и специалисты с высшим образованием, но без руководящих функций (36–46%). 13% – служащие (без специального образования) и рабочие. 11–12% опрошенных – студенты, столько же – пенсионеры.

Отмечу важную деталь: на всех митингах собирались *разные* люди, не сходные по возрасту (самые молодые количественно, кстати, вовсе не преобладали, 25–39-летних на площади было больше, хотя если сравнивать с возрастной структурой населения столицы, молодежь до 24-х лет шла на митинг более активно, чем люди из других возрастных групп), занятиям, доходам, политическим пристрастиям. И это очень важный фактор – рост социального многообразия, хотя бы и в относительно близких друг к другу слоях населения. Это ведь бедность принуждает людей к единообразию, толкает к зависимости от властей, а достаток, пусть даже относительный, рождает стремление к самостоятельности, умножает различия и приучает (или вынуждает) относиться к ним, по крайней мере, с терпимостью, если не с интересом.

Характерно, что наибольшая концентрация митинговавших наблюдалась в Москве и ряде других крупных городов страны. Дело не только в числе, а в том, что ресурсы информированности (доля пользователей Интернета), более качественного образования, профессиональной квалификации, жизненного успеха, социальной самостоятельности, требований уважать достоинства и права граждан сосредоточены сегодня в крупнейших городских агломерациях. Напомню, что около 60% населения страны жи-

вут при этом в малых городах, деревнях и “поселках городского типа” – поселениях с иным запасом и совсем другими жизненными ресурсами (запасом выживания, терпения), с другими возможностями самовыражения (там, среди прочего, попросту нет таких площадей и проспектов).

Если учесть, что необходимый модернизационный сдвиг или рывок – в любой его интерпретации, начиная с официальной, но ею, понятно, не заканчивая, – могут и, вероятно, будут обеспечивать именно те слои, которые собрались на открытых пространствах Москвы и других городов России, то вопрос о митингах и выборах получает далеко не только количественное измерение. У него гораздо более широкий смысл, не ограниченный нынешним и даже завтрашним днем. Вопрос о будущем: видимо, представления о нем тоже рождаются по мере роста достатка и самостоятельности, бедному бы нынешний день дожить, и главное – не было бы хуже (не лучше, а именно не хуже!).

Понятно, что большинство собравшихся на декабрьские и февральский митинг – люди, во-первых, квалифицированные, обладающие значительными ресурсами знаний, умений и, вместе с тем, заинтересованности в жизни, а во-вторых – заметно более активные, самостоятельные и успешные, чем жители России в среднем, большинство которых не поддерживают тесных отношений с другими людьми за исключением ближайших родственников (попросту говоря, не доверяют, опасаются или завидуют), надеются на опеку государства и не верят, будто могут что-то изменить в жизни своего предприятия, района, города или села. Оказывается – как это ни странно для российского уха – успех не разрушает солидарности, а, напротив, подразумевает и даже укрепляет ее, но, конечно, добровольную связь, не коллективизм из-под палки. В плане солидарности показательно, что в среднем свыше трети участников (среди самых молодых эта доля превышает 40%) получали информацию об общегражданских митингах протеста от друзей, коллег, родных, а также, с таким же охватом, в социальных сетях Интернета (среди молодежи таких уже свыше половины)¹³. Как видим, в слоях россиян, представленных на уличных манифестациях, солидарные связи есть. Что еще важнее – у них есть готовность реализовать эти связи в коллективном действии (“изменить мир”, как – с интонацией, извиняющейся за пафос, – было написано на одном из лозунгов тех месяцев). И делать это настойчиво, последовательно, шаг за шагом: по словам самих опрошенных – они, как представляется, все-таки несколь-

ко завышают свое участие, давая ретроспективные оценки, – четверть пришедших в феврале на Якиманку, были 5 декабря на Чистых прудах, 56% – на Болотной, свыше 60% – на проспекте Сахарова.

ЧЕГО ОНИ ХОТЕЛИ?

Более самостоятельные и успешные россияне ясно понимают, что возможности для дальнейшей самореализации в сегодняшней России очень ограничены. Есть потолок, выше которого они двигаться не могут, а хотели бы – тем более, желали бы они этого для своих детей. После уже упоминавшейся властной “рокировки” в верхах, когда стало ясно, что сложившиеся порядки и набор фигур, эти порядки олицетворяющих, не изменится, ощущение тупика, особенно у более молодых, честолюбивых, живущих в столице, стало, насколько можно судить, намного острее (жестко-репрессивная реакция власти на первые послевыборные митинги гражданского несогласия на Чистых прудах и Триумфальной еще более обострили ситуацию, к тому же блогосфера буквально взорвалась тогда информацией и комментариями к случившемуся¹⁴). Во-вторых, не факт, что люди смогут заработанное защитить. Для этого нет общезначимых и реально действующих социальных инструментов – таких механизмов, как законы, которые соблюдаются, суд, который независим, правоохранительные органы, которые охраняют права, а не демонстрируют собственную силу. Опять-таки, возникает вопрос о детях: удастся ли передать им достигнутое, чтобы они чувствовали себя спокойнее и попробовали шагнуть дальше?

Таким образом, у успешных людей, с одной стороны, растет самосознание, самоуважение, вера в собственные возможности. Но, с другой – усиливается ощущение незащищенности существования, чувство социального пренебрежения – и со стороны власти, и со стороны значительной части сограждан¹⁵. Не случайно многие лозунги на Болотной, на Сахарова, на Якиманке, Садовом кольце, Пушкинской, Новом Арбате выражали требование уважать людей, их достоинство, их голос, их права. Признать само их существование, право на самостоятельность и взаимодействовать с ними как с партнерами, как с нормальными людьми, а не как с баранами, массой, “бандерлогами” и т.п.¹⁶

Эти люди считают, что не зависят от власти, они ничего не просят у нее, никаких льгот им не надо: они добились того, что имеют, своей головой и руками (реплика В. Путина о том, что “это

наша заслуга, мы на это работали” – типичная для политических демагогов и экономических рейдеров тактика “перехвата” слов, лозунгов, достижений). Вышедшие на улицы и площади имеют в виду иное: власти, не мешайте, соблюдайте закон и сделайте так, чтобы то, что мы сумели построить, было защищено. Это самое главное. Социальное недовольство в данном случае носит не патерналистский характер как у большинства населения: дескать, “власть, ты нам обещала, почему же ты нам этого не даешь?”. Тут требования другие: “Мы у вас, у власти, ничего не выпрашиваем. Придерживайтесь общих законов и уважайте наши права”. Это совершенно иной по смыслу запрос и абсолютно другая по смыслу демонстрация.

Если в начале, в декабре 2011 г., вышедших на площади и проспекты людей сплавивал сложный комплекс чувств и оценок, главным в котором было недовольство сложившимся социально-политическим режимом, “управляемыми” выборами, неуважением со стороны власти, ощущением, что все разговоры о “модернизации” – не более чем блеф, то собравшиеся в феврале и начале марта нынешнего года, поддерживая все требования прежних митингов, были сплочены более ясным пониманием, что установившийся режим с его сращением бизнеса и власти, чиновной коррупцией, силовым произволом и пропагандистской ложью олицетворен главной фигурой сегодняшней политической сцены и массмедиа. Основным антигероем февраля был Владимир Путин, все – проблемы, оценки, требования манифестантов – сошлись на нем. И это понятно: вскоре ожидалась президентские выборы, а они в России новейшего времени, с середины девяностых, значат куда больше, чем думские, и особенно усугубилась эта конструкция, конечно, уже в нулевые, при Путине. Так что направленность выступлений со сцены и лозунгов на площади, не утратив прежней изобретательности и веселости (кто-то в прессе писал даже о “масленичных гуляньях”), сместилась в эту, вполне практическую, сторону.

Свыше 90% прошедших в феврале по Якиманке и собравшихся на Болотной разделяли требования принять новое, демократическое законодательство о партиях и выборах, отменить итоги нечестных выборов в Думу и провести новые досрочные выборы, зарегистрировав все оппозиционные партии, отправить в отставку главу ЦИК Владимира Чурова (он был вторым антигероем улиц и площадей). Опять-таки свыше 90% поддерживали лозунг

“Ни одного голоса Владимиру Путину на предстоящих выборах”. 85% требовали освободить всех политических заключенных (а их в стране на тот момент было, по подсчетам правозащитников, не менее ста двадцати).

ЗА КОГО ОНИ ГОЛОСОВАЛИ И СОБИРАЛИСЬ ГОЛОСОВАТЬ?

От митинга к митингу масса собравшихся представляла все разнообразнее по социально-демографическому составу и политическим предпочтениям, а настроения, лозунги и выступления становились все более политизированными. Если говорить о симпатиях и взглядах, то самые большие группы манифестантов в феврале составляли, по данным нашего опроса, сторонники “демократов” (30%) и “либералов” (27%), “коммунистов” (18%, в старших возрастных группах их число доходило до трети) и “национал-патриотов” (14%, среди самых молодых, до 24-х лет, эта доля, отмечу, была вдвое больше, 28%).

Деление манифестантов по голосованию за партии на декабрьских выборах 2011 г. дает похожую структуру предпочтений, но вносит и некоторые уточнения (около четверти опрошенных испортили бюллетени, не пошли голосовать и не помнят либо не хотят говорить, как голосовали). Здесь также выделялись две ведущие группы: электорат “Яблока” (25% опрошенных, среди людей среднего возраста – от четверти до 36%) и КПРФ (24%, часть отдала голоса по принципу “только не за ЕР”, поэтому доля голосовавших за партию выше процента тех, кому, по их же ответам, близки коммунистические взгляды). 12% отдали голоса ЛДПР (среди самых молодых – 23%), 11% – “Справедливой России”. Меньше 2% голосовали за “ЕР”, столько же – за “Правое дело”, в пользу “Патриотов России” вообще проголосовали лишь около процента опрошенных.

Примерно в ту же структуру укладывались и ответы о голосовании на предстоящих тогда мартовских выборах президента. В сумме около 30% опрошенных не собирались приходить на выборы либо пока не решили, придут ли голосовать и за кого. 12% думали прийти и испортить бюллетень. Собственно лидеров предстоящего президентского марафона, по оценкам остальных собравшихся, было два: Геннадий Зюганов (23% опрошенных в феврале, среди самых старших участников – 34%) и Михаил Прохоров (20%, чуть больше – до 24% – среди самых молодых).

Таблица 3

Поддерживаете ли вы акции протеста против фальсификации результатов выборов и против нынешнего руководства России?

	Янв 2012	Февр 2012	Март 2012	Апр 2012
полностью поддерживаю	10	11	7	12
скорее поддерживаю	28	34	25	26
скорее не поддерживаю	26	29	28	32
совершенно не поддерживаю	19	14	23	14
затрудняюсь ответить	18	11	16	15

Таблица 4

Если в ближайшие недели в вашем городе или районе пройдут новые подобные акции протеста, примите ли вы в них участие или нет?

	Янв 2012	Февр 2012	Март 2012
определенно да	2	4	2
Скорее да	10	14	6
Скорее нет	30	32	30
определенно нет	49	42	48
затрудняюсь ответить	9	8	14

Сергею Миронову собирались отдать свои голоса 7%, Владимиру Жириновскому – 5%.

При этом две трети митинговавших в феврале 2012 г. были твердо уверены, что будут участвовать в новых демонстрациях и протестных движениях, еще четверть считали, что “скорее всего” примут в них участие. В сумме это дает, опять-таки, свыше 90% собравшихся. Добавлю, что 12–15% взрослого населения России были тогда готовы, по их словам, принять участие в подобных акциях. В последующие месяцы коллективное выражение поддержки манифестантам осталось на прежнем уровне, готовность же к собственному участию среди россиян снизилась.

Конечно, на улицы и площади Москвы и нескольких других крупных городов, выходило *меньшинство меньшинства*. Вряд ли даже самые многолюдные манифестации, которые были в столице, намного превышали 100–120 тысяч человек¹⁷. В количественном отношении это, конечно, значительно уступает тому, что, например, имело место в 2004 г. в Киеве, если сделать поправку на общее количество населения в каждой из двух столиц. Но не

одно количество тут важно (скорее, *количественной* в последние месяцы была как раз тактика властей – подавить числом, собрать на Поклонной горе и в других местах больше, чем собралось на Болотной или проспекте Сахарова). Не менее существенны механизмы, которые объединили манифестантов, и ресурсы, которыми они владели.

Социологами не раз отмечалось, что для российского социума сегодня характерен дефицит доверия людей друг к другу и солидарности с другими. На манифестации же вышли люди, которые проявили и другие социальные, культурные, цивилизационные черты, которые с середины 1990-х годов были в России редкостью. Если помножить “меньшинство меньшинства” на уровень и качество образования манифестантов, их квалификацию и активность, готовность к конкуренции и умение руководить, способность принимать решения и доводить их до реального дела, коммуникативные возможности и связи (от активности пользования Интернетом и включенности в современные медиа до владения иностранными языками и реального опыта учебы и работы за рубежом), солидарные отношения с другими людьми и т.д., то понятно, что эти десятки, много – сотни тысяч представляют в потенции немалую силу.

Конечно, вышедшие на манифестации – не вся Москва, а Москва – не вся Россия. Но это только значит, что в дальнейшем нужно наводить мосты между активистами московских манифестаций, гражданскими активистами, общественными организациями, пока еще не огосударствленным средним бизнесом в других городах и, наконец, другими группами населения с их интересами и проблемами, иными словами – искать пути между страной и столицей. Пока же можно сказать, что нынешняя власть не приняла всерьез, не сделала заинтересованным партнером, больше того – оттолкнула от себя значительную часть того продвинутого электората, который мог бы дать новые импульсы модернизации страны и служить опорой этого процесса. Замечу, что принятая властями после инаугурации “нового” президента репрессивная тактика в отношении лидеров манифестаций не имеет поддержки населения в целом и, в частности, населения Москвы. Так, по опросу москвичей в июне 2012 г. (N = 500 человек), две трети их не поддерживают принятые Думой и Советом федерации экстренные поправки, которые ужесточают наказание за нарушения при проведении митингов и манифестаций, вводя,

в частности, непомерные штрафы; так или иначе положительно оценивают эти поправки менее 20% опрошенных. Свыше двух третей московских респондентов считают, что спешное принятие этих поправок связано с тем, что “власть боится роста протестной активности”. Лишь 3% москвичей признали, что протестные акции создают для них серьезные проблемы, две трети не видят в этом никаких проблем, а 15% считают, что власти выдумали несуществующие проблемы, чтобы воспрепятствовать проявлениям протеста.

Между тем, убежденность в некомпетентности, нелегитимности, неэффективности и безответственности режима, которую манифестанты за последние полгода принесли с собой на улицы и площади, транслировали через радио и телевидение, явно вышла за круги только лишь “своих”. Она так или иначе будет распространяться дальше – как в разные слои населения, так, допуская, и в различные отсеки власти, тем более что многие из манифестантов включены в экспертную и консультативную практику, деятельность массмедиа, работу институтов культуры, системы образования.

ПОСЛЕ МАРТА И МАЯ

В какой ситуации сегодня та Москва и та Россия, которая и выходила и не вышла на митинги? Что за порядок устанавливается после президентских выборов и майской инаугурации президента? Фактор № 1 здесь, конечно, фигура самого Путина. На вопрос социологов: “Как вы считаете, виновен ли Путин в тех злоупотреблениях властью, в которых его обвиняют противники?”, только 11% взрослого населения страны отвечают, что не верит этим обвинениям. Еще процентов 15 затрудняются с ответом. А остальные три четверти так или иначе допускают мысль, что первое лицо противозаконно использует власть в собственных интересах или даже твердо в это верят. Как видим, у властных верхов сегодня есть проблемы с легитимностью, равно как с авторитетностью, эффективностью действий¹⁸. Не исключаю, что они в ближайшее время – скажем, ближайшей осенью и зимой – будут проявляться и даже обостряться. Кстати, если говорить о выборах президента и “возвращении” Путина, то и в этом ничего триумфального нет. Можно грубо, округленно подсчитать результаты (темы административного ресурса, вброса бюллетеней, фальсификации результатов сейчас не поднимаю¹⁹): 60% взрослого населения пришли, из них 60% проголосовали за кандида-

та № 1. Итого, около 45 миллионов взрослого населения в итоге высказались за эту кандидатуру. И это при возможности голосования примерно для 110 миллионов включенных в список российских избирателей. Понятно, что ни о какой подавляющей поддержке, безальтернативном одобрении речи тут нет.

И все же при этом 55–60% принимают существующую сегодня в стране ситуацию, больше того – хотят верить, что она такой и останется. Одни – поскольку не видят альтернатив, вторые считают, что все альтернативы наверняка будут хуже, или, по крайней мере, не лучше, третьи – еще по каким-то причинам. Но 35–40% населения, во-первых, не считают ситуацию в стране стабильной, а оценивают ее как напряженную и потенциально конфликтную, во-вторых, не удовлетворены собственным положением и, в-третьих, не доверяют власти, полагая, что она плохо справляется со своими обязанностями.

Утверждение, что общество “расколото” на два лагеря, которым снова и снова пугают страну официальные лица и официозные медиа, не более чем пропагандистский жупел. Это, скорее, сосуществование знакомого социологам по “нулевым” годам адаптивно-равнодушного, привыкающего большинства населения и – новый момент! – встревоженного, хотя еще не вздыбленного меньшинства, уступающего ему по объему, но уже количественно значительного и, что важно, понемногу обретающего “голос” – формы публичного выражения. Еще один новый фактор, о котором уже шла речь, это “меньшинство меньшинства” крупных городов, но с очень серьезными ресурсами (образование, квалификация, готовность к конкуренции и определенная успешность – позитивный опыт достижения и поддержки, внутренняя солидарность, включенность в “большой мир”) и с серьезными заявками не то чтобы на изменение ситуации, но, по крайней мере, на продумывание и выработку альтернатив.

В чем состоят эти пока еще не очень уверенно нащупываемые альтернативы? Принято считать, что в последние месяцы имело место движение за честные выборы. Это в большой мере так. Но, по нашим опросам на митингах, главным был все же не этот фактор – главной была неудовлетворенность всем сложившимся социально-политическим порядком. Что за этим стоит? Во-первых, непрозрачность нынешней власти при ее претензиях на повсеместность и неограниченность (в конечном счете, ту же тоталитарную исключительность и чрезвычайность, пусть и в ослабленном до вялого, потасканного авторитаризма виде);

во-вторых, непонятность, закрытость механизмов принятия решений, проведения их в жизнь, и, в-третьих, несменяемость власти, а уже отсюда – требование конкурентных выборов. Замечу, в качестве дополнения к уже сказанному, что на улицы и площади в последние полгода вышли люди, которые по преимуществу не боятся конкуренции, которые так или иначе с успехом прошли через конкуренцию и хотели бы конкуренции в политическом, экономическом, культурном плане. А, как известно, современное общество в развитых странах держится на институтах, построенных на принципе конкуренции. Это состязательная политическая система, состязательный суд, состязательная система образования, состязательная система средств массовой информации и так далее, уж не говорю о рынке как социальной системе.

Еще одно важное требование “площади” – запрос на нормальную работу современных институтов. Прежде всего, на работу суда. Социологические исследования раз за разом фиксируют в российском социуме и его “продвинутых” группах высокую неудовлетворенность судом, осознание реальной незаконности сложившегося социально-политического, социально-экономического порядка, острое сознание произвола власти и своей неспособности найти управу на власть, допускающую такой объем произвола²⁰.

Таким образом, можно сказать, что события последних месяцев в России, с одной стороны, отметили серьезное истощение сложившейся в “нулевые” годы системы власти, форм ее взаимоотношения с населением и разными его группами. В данном плане допустимо говорить о

- конце “стабильности”,
- конце “безальтернативности” и
- конце равнодушно-адаптивного принятия власти и созданного ею социально-экономического и социально-политического порядка большинством (конец самой этой социально-сконструированной фикции подавляющего большинства, “рассеянной массы”).

Вместе с тем, за это время публично проявились отдельные принципиально новые явления, характеризующие социально-экономический, политический, культурный порядок в России. Намечались некоторые признаки претендующих на самостоятельность и влияние групп, сил, движений, которые как будто способны предложить некоторые альтернативы (я бы не сказал, что они их уже аргументированно и убедительно предложили). Они, как

представляется, еще слабо оформлены, им недостает системности. Сегодня разные группы, разные слои, составляющие меньшую, но более активную и неудовлетворенную часть населения, находятся, скорее, в состоянии брожения. Это еще не похоже на социальное движение, но, кажется, уже есть какие-то претенденты на роль “закваски”. Будут ли их претензии признаны, сумеют ли они сами провести их так, чтобы их признали значимые группы населения, включая СМИ, которые должны будут выработать интересные и адекватные формы показа этих людей, а не площадки, где участники дискуссий орут друг на друга, не слушают никого, кроме себя, а ведущий с садистическим удовольствием стравливает их, пока не очень понятно.

Чуть больше четверти опрошенных после мартовских выборов (27%) полагают, что манифестации протеста понемногу сойдут на нет. Чуть меньшая доля (23%) надеется, что власти будут постепенно улучшать положение дел в стране, чтобы не допустить острых конфликтов (23%). 16% не исключают, что протесты приведут к переменам во власти или к возникновению новой сильной партии, которая сможет выиграть следующие выборы, а далее и демократизировать политическую систему. 10% – явное меньшинство – готовы предположить, будто Путин и правящая верхушка окажутся вынужденными начать реформы ради того, чтобы удержать власть.

Перспективы послевыборного развития политической ситуации остаются для россиян неясными, в их представлениях о будущем явно преобладает инерционная компонента²¹. Две трети (опрос в марте 2012 г.) полагают, что после возвращения в кресло президента Путин будет продолжать ту же политику, которую он проводил до сих пор. Меньше 4% уверены в том, что это будет совершенно новая политика. Однако при этом относительное большинство россиян (53%) склоняются к мысли, что сосредоточение всей полноты власти в руках у Путина “пойдет на благо России” – чаще других так думают респонденты со средним уровнем дохода и образования, жители средних городов и села; в Москве таких, что показательно, – меньше трети, 32%. Треть же россиян (а среди москвичей – 44%) полагают, что это не сулит России ничего хорошего. Таким образом, антипутинские настроения охватывают сегодня от четверти до двух пятых населения.

Характерно, вместе с тем, что лишь 17% россиян хотели бы, чтобы Путин остался президентом на два срока, до 2024 г. Еще 6% хотели бы, чтобы его на второй срок заменил Д. Медведев. Но

относительное большинство – 43% – предпочли бы видеть президентом совсем другого человека (34% – значительная доля – затруднились ответить, кого они хотели бы видеть будущим главой страны).

Конечно, *реальная опора* Путина (и россияне в массе и по отдельности это отчетливо понимают) – силовики, директора, крупные предприниматели, бюрократическая верхушка. Но *символическую поддержку* режиму оказывает прежде всего пассивное, ориентированное на адаптацию население средних и малых городов, поселков городского типа, составляющее основу той России, которая сохраняет принципиальные черты советской индустриализации и государственной планово-распределительной экономики. Это прежде всего люди, занятые в госсекторе, пенсионеры и некоторые другие категории населения, зависящие от государственной бюрократии, хотя и постоянно, но смутно недовольные ею. Эти люди хотели бы не реформ, а дополнительных гарантий, что их жизнь не будет ухудшаться, – ведь они, в силу своего положения, вообще предпочитают гарантии и не очень ценят возможности. А гарантии, с их точки зрения, может дать только все то же государство, институтам которого они не доверяют, но которое, за неимением альтернатив собесу и полиции, Минздраву и Минтрансу, вынужденно и пассивно поддерживают.

¹ Последняя на нынешний день манифестация состоялась в День России 12 июня 2012 г.

² Первые попытки собрать и проанализировать собственно культурный материал, активизированный в манифестациях 2011–2012 гг., см. в публикациях: Азбука протеста: Народный плакат / Сост. В.Ф. Лурье. М., 2012; Протестные митинги в декабре 2011 г.: опыт оперативного исследования // Антропологический форум. 2012. № 16. (<http://anthropologie.kunstkamera.ru/07/16online/>).

³ Рогов К. Гипотеза третьего цикла // Pro et Contra. 2010. Т. 14, № 4/5. С. 14.

⁴ О массовом восприятии кризиса по данным всероссийских опросов Левада-Центра см.: Красильникова М.Д. Хроника экономического кризиса в оценках масс // Вестник общественного мнения. 2009. № 1. С. 28–39; Она же. Население в кризисе: отложенные уроки // Там же. 2009. № 4. С. 69–77.

⁵ Властные элиты безропотно, а многие, вероятно, с одобрением или, по крайней мере, облегчением приняли этот маневр; кажется, единственной обнародованной реакцией несогласия “наверху” стал уход из правительства Алексея Кудрина, публично заявившего: “24 сентября определилась структура власти в нашей стране на длительную перспективу. Определился и я...” (<http://www.kommersant.ru/doc/1782592>).

⁶ В социально-географическом плане такое описание предложено Натальей Зубаревич в ее статье “Четыре России” (Ведомости. 2011. 30 декабря – http://www.vedomosti.ru/opinion/news/1467059/chetyre_rossii), “Современная Россия: география с арифметикой” (“Отечественные записки”. 2012. № 1 – http://www.vedomosti.ru/opinion/news/1467059/chetyre_rossii).

- magazines.russ.ru/oz/2012/1/z8.html), а также ряде устных выступлений. О принципиальных категориях социально-морфологического анализа см.: *Левада Ю.* К проблеме изменения социального пространства–времени в процессе урбанизации [1976] // Он же. Статьи по социологии. М., 1993. С. 39–49.
- ⁷ *Гельман В.* Трещины в стене // Pro et Contra. 2012. Т. 16, № 1/2. С. 108.
- ⁸ Систематизированную общую информацию в хронологическом порядке от сентября 2011 до марта 2012 г. см.: Мечтатели: История протеста от Чистых прудов до Нового Арбата // <http://white.lenta.ru>. Материалы опросов Левада-Центра в декабре 2011 – июне 2012 г. по данной теме см.: <http://www.levada.ru/protestnye-dvizheniya-2011-2012>.
- ⁹ См. об этом: *Волков Д.* Рост общественной активности в России // Вестник общественного мнения. 2011. № 2. С. 8–28.
- ¹⁰ Приведшие, в частности, к оформлению Товарищества инициативных граждан России (ТИГР); см.: <http://tigru.org/>.
- ¹¹ См.: <http://www.rosbalt.ru/moscow/2010/12/17/801993.html>.
- ¹² Далее приводятся данные двух опросов, проведенных Левада-Центром среди манифестантов в Москве 24 декабря 2011 и 4 февраля 2012 г. Количество опрошенных по случайной выборке, соответственно, равно 791 и 1346 человекам. Статистическая погрешность не превышает 4,8 и 5,2%.
- ¹³ В обсуждении протестных митингов последнего времени феномен Интернета, по-моему, нередко гипостазиируют, а его роль искажают и преувеличивают. Все же он – не форма связи (группа, движение, институт), а ее средство. Это орудие быстрого оповещения, инструмент информирования я бы, скорее, уподобил языку – как всякий язык (родной, профессиональный, блатной и проч.), он, понятно, может выступать еще и символом связи. Формула “Россия IT против России TV”, с помощью которой иногда описывают феномены социальной солидарности россиян в последние месяцы, конечно, хлесткая, наглядная и по-своему схватывает происходившее, но, говоря строго социологически, формы взаимодействия и солидарности возникают (если возникают) и удерживаются (если удерживаются), конечно, в реале. См. Об этой проблеме: *Lonkila M.* Russian Protest On- and Offline // <http://www.fiaa.fi/en/publication/244/>.
- ¹⁴ Напомню, что 6 декабря, после митинга днем раньше на Чистопрудном бульваре и жесткого преследования его участников, в столицу были введены внутренние войска – акция, тут же широко прокомментированная в сети (<http://www.rbcdaily.ru/2011/12/06/focus/562949982225251>).
- ¹⁵ Этот диссонанс фиксировался в социологических опросах “продвинутых” групп россиян, см.: *Гудков Л., Дубин Б., Зоркая Н.* “Средний класс” asif: мнения и настроения высокодоходной молодежи в России // Вестник общественного мнения. 2008, № 3 (95). С. 27–41; *Они же.* Отъезд из России как социальный диагноз и жизненная перспектива: причины, намерения, действия // Там же. 2011, № 4 (110). С. 46–80.
- ¹⁶ Еще раз возвращаю к сводам словесных и изобразительных материалов, упомянутым в примеч. 1.
- ¹⁷ Скажем, анализирувавший фотографии митингов Антон Олейник говорит о не менее чем 85–90 тысячах участников манифестации 24 декабря 2011 г. на проспекте Сахарова, не считая тех, кто пришел на митинг уже после его начала, и тех, кто его покинул задолго до формального завершения; см.: *Олейник А.* Кто эти мужчины и женщины на фотографии? Контент-анализ фотографий массовых протестов // Вестник общественного мнения. 2012, № 2 (112).

- ¹⁸ Напомню об инциденте в столичном спортивном комплексе “Олимпийский” 20 ноября 2011 г., когда Путина, вышедшего поздравить победителя в борцовском поединке, встретили свистом, гулом и неодобрительными криками. Дело, конечно, не просто и не только в эмоциях разгоряченной публики, а в той растерянности, трусости и холуйстве, с какими себя повели в ответ на это официальные лица – дирекция комплекса, пресс-секретарь Путина, провластные масс-медиа и др.
- ¹⁹ См. об этом подробнее: *Гудков Л.* На зеркало неча пенять, коли рожа крива // *Вестник общественного мнения.* 2012, № 1 (111). С. 109–117.
- ²⁰ См.: *Гудков Л., Дубин Б., Зоркая Н.* Российская судебная система в мнениях общества // *Вестник общественного мнения.* 2010, № 4. С. 7–43.
- ²¹ Подробнее см.: *Гудков Л.* Президентские выборы в России 2012 года: пост-электоральный анализ // <http://www.levada.ru/books/prezidentskie-vybory-v-rossii-2012-goda>.

ИСТОРИЯ И МИФОЛОГИЯ

Г.В. Бондаренко

КУ РОИ И СВЯТОГОР: ВАРИАЦИИ ХТОНИЧЕСКОГО СЮЖЕТА

УДК 94 (415) ".../1086"

В таких разных по времени возникновения и по стилю эпических традициях, как древнеирландская и русская былинная, мы находим сверхъестественных героев, обладающих чертами хтонических чудовищ. В статье речь пойдет именно о таких героях: короле Ку Рои мак Даре из ирландских саг и о Святогоре русских былин. Автор рассматривает обе эпические традиции и общие функции хтонических монстров-героев в этих традициях. Различные исторические периоды фиксации эпоса и специфика стран, лежащих на противоположных краях Европы, заставляют нас с осторожностью подходить к сравнительному анализу материала. Одно из возможных решений загадки героя-чудовища – общий архетип, принадлежащий основному мифу, известный и в других индоевропейских мифологических традициях.

Ключевые слова: Эпос, мифология, древнеирландская литература, былины, Святогор, Ку Рои, Ирландия, Русский Север, хтонические чудовища

Key words: Epic tales, mythology, Early Irish literature, bylinas, Svyatogor, Cú Roí, Ireland, Russian North, chthonic creatures

ВВЕДЕНИЕ

В таких разных и по времени возникновения, и по содержанию эпических традициях, как древнеирландская и русская былинная, мы все же находим пример сверхъестественного персонажа, типологически сходного по свойствам, с одной стороны, героическим, а с другой – присущим хтоническому чудовищу. Речь идет о короле Ку Рои мак Даре в ирландских сагах и о Святогоре русских былин. Вряд ли мы сможем с уверенностью сказать, что оба этих героя полностью идентичны по своим функциям, хотя и восходят вероятно к архетипу гигантского хтонического существа (см. взгляд

на этот вопрос у Хендерсона и у Путилова¹), в любом случае мы должны рассмотреть отдельно обе традиции, в каждой из которых наш протагонист предстает сложным персонажем со своими особыми чертами и историей становления. Особенно важна осторожность суждений в отношении русской былинной традиции, которая бытовала устно вплоть до первых записей XVII в.

Народное название былин – “ста́рины” – отражает историчность жанра, речь идет о народной исторической памяти и представлениях о прошлом (этот термин соответствует др.-ирл. *senchas* ‘старина, исторические предания’). И древнеирландская, и русская мифопоэтическая традиция, отраженные в письменных памятниках или записи устных произведений, несмотря на все различия в историческом развитии двух обществ, несомненно несут отпечаток христианского мировоззрения. Христианство в сочетании с классической греко-римской литературой в известной степени дало готовые литературные формы бытовавшим ранее языческим сюжетам, которые, как мы можем судить по тем же древнеирландским примерам, отличались изначально большей вариативностью и изменчивостью. При том, что в таких разных европейских культурах, как ирландская и русская, в саговой прозе и в нашей эпической и духовной поэзии христианские и языческие черты вошли в отношения органического синтеза, где элементы язычества стали частью нового христианского образа мира². В таких синтетических культурах довольно сложно выделить собственно дохристианские религиозные или ритуальные функции, предположительно связанные с теми или иными героями и мифологическими персонажами. Мы можем только допустить, что определенные архетипические черты наших двух героев восходят к одному и тому же древнему хтоническому или титаническому существу, хорошо известному по основному мифу. К примеру, индийский миф о героическом боге (*deva*) Индре, сразившемся с архититаном (*asura*) Намучи или Вритрой, и тем самым одолевшем силы косного хаоса, стал одним из источников для интерпретации Кумарасвами “Сэра Гавейна и Зеленого Рыцаря”, средневековой “игры в обезглавливание”. “Игра” эта присутствует и в более архаичном ирландском предании “Пир у Брикриу” (*Fled Bricreann*)³. Сопоставления кельтской и индийской традиции в рамках сравнительного мифологического подхода или с точки зрения близости индоевропейских вербальных формул позволяет нам в этот раз коснуться сходных сюжетов в кельтском и славянском ареалах. Подобных сравнительных исследований в

сфере кельтской и славянской мифологии не так уж много, и наше исследование только открывает новую проблематику⁴. Этот подход представляется оправданным как на историческом, так и на филологическом уровне, поскольку позволяет взглянуть на каждого из интресующих нас героев в более широком контексте общих индоевропейских универсальных мифов: один сюжет и миф так или иначе указывает на то, что возможно было утеряно или забыто в другом сюжете и мифе. В этой статье мы попытаемся найти типологические параллели между двумя предложенными мифологическими сюжетами и персонажами, в них вовлеченными, а также, насколько это возможно, аргументировать общее индоевропейское происхождение этих сюжетов. В нашем исследовании мы обратимся и к иным произведениям древнеирландской и русской мифопоэтических традиций.

1. КУ РОИ: КОРОЛЬ МИРА ИЛИ ХТОНИЧЕСКИЙ МОНСТР?

Во всей древнеирландской литературе, пожалуй, нет персонажа удивительнее Ку Рои. Имя *Cú Roí* означает буквально “пес поля (битвы)”: таким образом Ку Рои известен как один из ирландских героев-“псов”, таких как Кухулин (*Cú Chulainn* “Пес Куланна”), Ку Хонгелт (*Cú Chongelt* “Пес пастбищ”), Ку Халле (*Cú Chaille* “Пес леса”) и т.п.^{4a} В целом Ку Рои второй после Кухулина по значению и известности “пес” (*Cú*) древнеирландской эпической традиции. Др.-ирл. *róe* ‘ровная почва, равнина’, отсюда ‘поле битвы’⁵; таким образом имя героя отсылает равно к пространственной характеристике и к воинской доблести. Вторая часть имени Ку Рои указывает на битвы, в которых он сражается, и путешествия по открытому пространству, куда он отправляется в некоторых известных нам преданиях. Так имя ирландского героя сближает его с топосом русских былинных богатырей и в том числе Святогора, которого мы часто встречаем “во чистом, во поли”⁶. В “поле” богатыри русских былин сходятся друг с другом, сражаются с внешним врагом. Топос “поля” принадлежит как русскому, так и ирландскому эпосу. В то же время ни Ку Рои, ни Святогор, как будет показано ниже не принадлежат “полю”, для них это внешнее пространство, предназначенное для встреч с противниками и другими героями и для свершения подвигов.

Это значение второго элемента имени *Cú Roí* (*róe* “равнина”) было принято издавна ведущими кельтологами, такими как

Дж. Рис, К. Майер, А. Д'Арбуа де Жюбенвиль и У. Стокс. С другой стороны, Т.Ф. О'Рахилли выступил с критикой этой этимологии на основании одной из ранних форм имени, *Cú Rauí*, а также утверждая, что др.-ирл. род. п. от *róe* 'равнина' должен представлять собой двусложную форму *roë*. Согласно О'Рахилли, род. п. *Rauí* восходит к **Ravios* 'крикун (?) (теоним?)'⁷, т.е. "Пес кричащего, рычащего бога?". Здесь, наверное, стоит подчеркнуть, что имена подобные Ку Рои или Святогору, как любые подобные ключевые слова в мифопоэтическом контексте, могли подвергаться множественным этимологизациям, каждая из которых соответствовала определенным мотивам, связанным с этими мифологическими персонажами⁸.

В раннесредневековом предании "Опьянение уладов" Ку Рои появляется у стен Тростниковой Темры (*Temair Lúachra*), южного королевского центра, где он решает спор двух своих друидов. Важно, что в этом предании, как и в других древнеирландских источниках, Ку Рои описывается как король южного королевства Мунстера с резиденцией в Тростниковой Темре⁹. В другом тексте его называют королем Кланна Дедад, племенной группы южной народности Эрайнн (племени *Érainn*, известные по географическому корпусу Клавдия Птолемея как *Iverni*)¹⁰. Как заметили братья Рисы, Ку Рои "принадлежит Ирландии и все же внеположен ей", как сама пятина Мунстера (как археологически, так и исторически)¹¹. Южной области Ирландии, и в особенности Западному Мунстеру, присущи особые черты, нашедшие отражение как в литературе, так и в историческом развитии региона¹². Некоторые исследователи рассматривают Ку Рои как центральную фигуру утерянного большого Мунстерского цикла преданий (при том, что до наших дней сохранилось несколько преданий и поэтических произведений, посвященных Ку Рои)¹³.

Наряду с местной южной локализацией Ку Рои в ирландской традиции мы находим и следы его универсального значения. В "Опьянении уладов" Ку Рои называется "королем мира" (*rí in domain*)¹⁴ и как таковой должен пребывать вне обитаемого мира и находиться в некоем тайном центре¹⁵: именно таково его положение согласно ирландским источникам. Ку Рои также называется королем мира в более поздних источниках: одна среднеирландская поэма называет его королем, которому подчинился мир (*rí ar domun rodēt*)¹⁶. Можно проследить родство этого особого древнеирландского эпитета (*rí in domain* 'король мира'), связав его с древними континентальными кельтскими эпитетами прави-

телей, которые мы находим в галльских личных именах, например, *Dumnor(e)ix* ‘Roi-du-Monde-d’en-bas’ (‘Roi-des-Ténèbres’) < **dubno-rig-s*¹⁷. На галльской монете I в. до н.э. мы находим соответствующую надпись – *DUBNOREIX* – рядом с изображением воина (царя?), держащего в руке отрубленную голову¹⁸. Это изображение, возможно, также отражает происхождение мотива “игры в обезглавливание” из “Пира Брикриу”. Что касается древнеирландского концепта мира и слова, обозначающего “мир”, можно указать на этимологию др.-ирл. *domun* < **dubno-* ‘темный/низкий’¹⁹ (ср. галльск. *dubnos*, *dumnos* ‘le monde d’en bas’), при этом *domun* может обозначать “землю” в физическом смысле²⁰, что, возможно, указывает на первоначальное значение слова. Мнение Калыгина об изначальной функции Ку Рои как “короля (нижнего) мира” таким образом, вероятно, оправданно²¹.

Оба наших героя (Ку Рои и Святогор) особым образом связаны со стихией земли: Ку Рои как “король (нижнего) мира/земли” (*rí in domain*), и Святогор, умирающий, побежденный силой земли. Хотя Святогора в былинах никогда не называют “царем” или “князем”, он часто хвалится своей особой властью над землей: “Как бы я тяги нашел, / Так я бы всю землю поднял!”²². Исполнитель одной былины осуждает похвальбу Святогора: “Впредки не похваляйтесь / Всёю землёю владети”²³. Обоих наших героев не может прокормить и не вмещает страна, оба они сражаются на далекой периферии или скрываются в горном убежище.

Ку Рои, пожалуй, самый экзотический из всех ирландских героев Ольстерского цикла, носит титул “короля мира” (*rí in domain*) вполне заслуженно. Он “король мира”, которого не может пропитать населенный мир. Источники говорят о его путешествиях в Скифию и во Франкию, он знаменит своими военными походами во внешний (Восточный) мир, о которых речь идет, например, в “Пире Брикриу”:

...ocus ní rabi Cú Roí hi fus ar a cind ind aidchi sin, ocus rofitir co ticfaitis, ocus foracaib comarle lasin mnáí im réir na curad, co tísad don turus, dia n-dechaid sair hi tirib Scithiach, fo bith ní roderg Cu Ruí a claideb i n-Érind, o rogab gaisced co n-deochaid bás, ocus nocho dechaid biad n-Erend inna beólu, cein rombói ina bethaid, o roptar slána a secht m-bliadna, úair ni rothallastar a úaill nach a allud nach a airechas nach a borrfad nách a nert nach a chalmatus i n-Érind²⁴.

... в ту ночь перед их (уладов. – Г.Б.) появлением Ку Рои там не было, а он знал, что они придут и дал совет своей жене касательно тех воинов, до поры, пока он не вернется из похода на восток в Скифские

земли, ведь Ку Рои ни разу не обагрил меч в Ирландии, с тех пор как взял в руки оружие и до смерти своей, и пока он был жив, не касалась уст его пища Ирландии, с тех пор как исполнилось ему семь лет, ибо не могла вместить Ирландия его гордости, славы, чести, величия, силы и доблести.

Восточный мир, и Скифия в частности, показаны здесь как удаленнейшие от Ирландии местности, где герой, подобный Ку Рои, может совершать подвиги и в какой-то мере управлять миром. В историях о Ку Рои он отправляется в дальние военные походы не только на восток, в Скифию, но и в земли франков или в Испанию, страны, которые в “старинах мест” (*dindshenchas*, мифо-географическое описание Ирландии) описываются как часть внешнего “Восточного мира”²⁵. Самое раннее свидетельство заморских походов Ку Рои мы находим еще в первой редакции “Смерти Ку Рои” (*Aided Con Roí*) VIII в.: “На медном корабле он опустошал берега Британии и иные острова в море вплоть до самого Большого Мира (?)” (*boí náu humi, asa· slaided Albu 7 innsi mara olchene con· rici in mBith Mór*)²⁶. То есть в основном Ку Рои пребывал вне Ирландии. “Большой Мир” (*Bith Mór*) обозначает здесь обширный потусторонний мир на дальних островах в океане, а не просто Европейский континент. Например, мы находим похожее поэтическое описание того же феномена в “Плавании Брана”: “Есть трижды пятьдесят островов вдалеке в океане к западу от нас, больше Ирландии вдвое каждый из них или втрое” (*Fil trí cóicta[e]ja inse cían isind oceon frinn aníar; is mó Éirinn co fa dí cach aí díib nó fa thri*)²⁷. Постоянные плавания Ку Рои, как плавания фоморов²⁸, связывают его с элементом воды и морским разбоем.

Ку Рои, кажется, никогда не проводит ночь в своей крепости. Он охраняет ее особым магическим образом. Крепость Ку Рои обладает свойствами, характерными для дворца вселенского правителя. Она является центром владений Ку Рои, и вот как ее описывает предание “Пир Брикриу” (*Fled Bricrend*):

Cipé aird do airdib in domain tra i m-beth Curui, dochanad bricht for a chatraig cach n-aidchi, co m-bo déinithir bróin mulind, conna fogbaithe a dorus do grés iar fuinud n-grene²⁹.

В какой бы из частей света ни был Ку Рои, каждую ночь он пел заклинание для своей крепости, чтобы она крутилась быстро, как мельничный жёрнов, чтобы вход в нее нельзя было найти после захода солнца.

Крепость Ку Рои выглядит как символический центр мира на пересечении четырех основных направлений. Она функционирует как своеобразный полюс: весь мир вращается вокруг крепости и вокруг ее владыки. Вращающийся замок фигурирует позже в романах артуровского цикла и других памятниках средневековой европейской литературы. Пресвитер Иоанн, как сокрытый вселенский правитель, согласно легенде, тоже обитал во вращающемся замке. В одном венгерском предании дракон правил страной мертвых из своей медной крепости, вертящейся на гусиной ноге³⁰. В контексте предания “Пир Брикриу” мы видим, что крепость Ку Рои воспринимается как важный центр с особыми сверхъестественными свойствами, где герои должны выказать свои доблесть и достоинство.

Знаменитая крутящаяся крепость Ку Рои и колодец с лососем, в котором была сокрыта душа великана, располагались, по преданию, на склонах горы Шлиав Миш в Западном Мунстере³¹. Гора эта обладала особым значением в мифе Ку Рои. В “Чуде Ку Рои” (*Amra Con Roí*), одним из самых ранних произведений цикла, Ку Рои назван *māl Mis* “князь Миш (т.е. горы Шлиав Миш)” (с глоссой *.i. ríg montis* “короля горы”)³². Горная крепость, традиционно связанная с именем Ку Рои, Катарь Кон Рои (совр. Кахерконри), находится на высоте 630 м над уровнем моря на западном склоне горного хребта Шлиав Миш в графстве Керри. Крепость защищена единственной мощной каменной стеной. Внутренняя часть крепости занимает около гектара. Стена, построенная из красного песчаника, с внутренней стороны имеет несколько уровней и в некоторых местах до сих пор достигает высоты более двух метров. Из-за удаленного и труднодоступного расположения крепости ее сложно представить обитаемой в зимнее время. Согласно устному сообщению мунстерского краеведа Б.О. Киваня, укрепление могло служить убежищем для местного правителя и жителей во время нападений похитителей скота. Интересно сопоставить эти особенности крепости с данными письменных источников, согласно которым Ку Рои отсутствовал в своей крепости многие дни и ночи во время своих странствий. Известный археолог Б. Рафтери не мог прийти к однозначному ответу касательно функций или даты постройки Кахерконри³³. Крепость Ку Рои остается одной из загадок кельтской Ирландии, где миф и история смыкаются странным образом в литературе и археологических памятниках.

2. СВЯТОГОР: ЕГО ЛОКУС, ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ХТОНИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА

Вселенская слава и мощь Святогора не позволяет ему жить или даже навещаться на Святую Русь, в той же мере, как Ку Рои не может вместить Ирландия:

На тых горах високих,
На той на Святой горы,
Был богатырь чюдныи,
Что ль во весь же мир он дивныи,
Во весь же мир был дивныи –
Не ездил он на Святую Русь,
Не носила его да мать сыра-земля³⁴.

Это начало былины о смерти Святогора, которое уже свидетельствует о вселенском характере этого мифологического персонажа. Важно, как отмечали Пропп и другие исследователи былин, что Святогор, будучи “старшим богатырем”, никогда не совершает подвигов с другими богатырями на Святой Руси или на ее пограничье³⁵. Святогор “во весь же мир был дивныи” и совершает подвиги вне пространства Святой Руси. В некоторых былинах его описывают как великана “выше леса стоячего”. Сюжеты, сходные с историей Святогора, засвидетельствованы на Балканах и в Чехии, что позволяет предположить общеславянский мотив³⁶. Согласно предположению Д.М. Балашова, Святые горы Святогорова цикла былин можно локализовать на Карпатах, в области древнего расселения праславян³⁷. В.Н. Топоров также не исключал карпатское праславянское происхождение мифа о Святогоре³⁸.

Итак, Святогор – чужак для былинной Святой Руси. Его слава известна по всему миру, он вселенский герой, если не вселенский правитель. Его локус – Святые горы (иногда “Светые горы”), расположенные вне Святой Руси. Этот топоним так или иначе связан с именем Святогора, которое могло заменить более раннюю форму – Вострогор или Вертогор – в процессе позднейшей народной этимологизации³⁹. Несмотря на видимую сакральность топонима, стоит отметить, что великаны, людоеды, тролли и подобные им персонажи в фольклоре и мифах часто обитают именно в горах. Святогор часто сам ведет себя как чужак и дает понять, что и русские богатыри для него чужаки: “русские комары больно кусают”; “я привез русского богатыря в гости” и т.п.⁴⁰ Святые горы (с очевидными коннотациями, отсылающими к христианским святыням в Палестине) связаны со Святогором в той же мере, как

Ку Рои связан с горой Шлиав Миш на крайнем юге Ирландии в преданиях “Пир Брикriu” и “Смерть Ку Рои”⁴¹. Только горы на окраине мира могут вынести титаническую природу этих двух великанов⁴².

Другой локус Святогора в русском эпосе – горные ущелья. В былинах предполагается, что Святогор и другие “старшие” богатыри путешествуют только по ущельям: “ездят нонь они как по шшелейкам”⁴³. Он также ездит по ущельям с Ильей Муромцем. Ущелье совмещает функции горы и нижнего мира; это нижний мир внутри сложного пространства горы.

Отец Святогора (иногда его именуют Горыня “Горный (?), Горний (?)”) живет на Святых горах и также обладает качествами хтонического чудовища. Когда Святогор привозит Илью Муромца в свое горное жилище, он знакомит его со своим престарелым родителем, слепым, но исключительно сильным. Отец Святогора “древний да темный” (слепой)⁴⁴, причем слепота оказывается маркером его хтонической природы. Святогор предупреждает Илью, чтобы тот не подавал руки древнему великану, и тот подает ему палицу (или раскаленный железный прут), который великан сжимает, пока не начинает течь пена⁴⁵. Отец Святогора в отличие от своего сына постоянно живет на горе и может быть назван старейшим долгожителем, населяющим былинное пространство (ведь он пережил даже собственного сына). Сам Святогор в этом фрагменте предстает как слепой и глухой в пределах Святой Руси, где он оказывается чужаком (когда его отец спрашивает, что он видел или слышал на Руси, Святогор отвечает: “Я что не видел, что не слышал, а только привез богатыря со Святой Руси”). Топоров считает, что Святогор как пришелец из страны мертвых не может видеть или слышать в стране живых⁴⁶. С другой стороны, поездки Святогора можно интерпретировать как вторжение хтонического персонажа в страну живых, где он не различает деталей пейзажа, человеческого поведения или богатырских подвигов.

В былинах есть два рассказа о смерти Святогора. Как в цикле былин о Святогоре, так и в ирландском цикле Ку Рои, смерть героя имеет центральное значение. Одна из былин повествует о том, как Святогор умер, сломленный теллурической силой, содержащейся в маленькой суме, которую ему дал Микула Селянинович или которую он сам нашел в поле. Святогор хвалился, что может повернуть землю, была бы у него “тяга”, но, когда у него в руках оказывается сума, он не может ее поднять. Великана затягивает хтоническая стихия:

Ухватил он сумочку обема руками,
 Поднял сумочку повыше колен:
 И по колена Святогор в землю угрыз,
 А по белу лицу не слезы,
 А кровь течет.
 Где Святогор увяз,
 Тут и встать не мог,
 Тут ему было и кончание⁴⁷.

Другой вариант былины о Святогоровой смерти повествует, как он вместе с Ильей Муромцем находит огромный гроб высоко в горах. Гроб подходит по размеру только Святогору. Снова земное притяжение заставляет Святогора лечь в гроб и остаться в нем навсегда⁴⁸. Согласно другому варианту истории, записанному К. Аксаковым, Святогор всегда лежал на горе и так рассказывает об этом Илье: “Видишь, какой я урод; меня и земля не держит, нашел себе гору и лежу на ней”⁴⁹. Только на горе великан может найти убежище и не погрузиться в землю, которая не может его держать. Так в древнеиндийском мифе ужасный змееподобный Вритра лежит на горе, а позже его убивает Индра (*RgVeda*, I, 32, 1–2). Как черты ландшафта, так и пассивный и могущественный характер Святогора и Вритры соответствуют одному и тому же основному мифу⁵⁰. Как предполагают Иванов и Топоров, изначальная форма имени Святогора была сходна с именами мифологических персонажей “Вострогора” (мифическая птица), “Вертогора” и “веретника” (птицеподобное и змееподобное существо)⁵¹, т.е. прототип Святогора можно скорее сопоставить с Вритрой, чем с иранским богом Веретрагнай или ведийским эпитетом *vrtráhan* ‘убийца Вритры, Индра’, как ранее предположил Топоров. Так же важно, что в одной из Пудожских былин Святогор назван “Горыничем” подобно известному “Змею Горынычу”⁵². В других былинах Горынь – это огромная змея, враг богатырей⁵³.

3. ВОЗМОЖНОЕ БИБЛЕЙСКОЕ ВЛИЯНИЕ

Земля не может держать таких “титанов”, как Святогор или Ку Рои; но и “титан” оказывается бессилен перед весом Земли: она поглощает Святогора, когда последний оказывается отягощен ее весом. Он возвращается в стихию земли, вольно или невольно погружается в землю. Кончина Ку Рои – также самое важное событие в цикле преданий, посвященных этому герою. Смерть гигантов (или титанов), конечно, широкоизвестный топос во многих

традициях, включая библейскую. Этот феномен обычно указывает на конец изначальной эпохи и переход господства к людям. Поэтому оба наших трагических великана с самого начала обречены (ср. фразу Вертогора, великана из русской сказки: “Рад бы принять тебя, Иван-царевич, да мне самому жить немного. Видишь, поставлен я горы vorочать; как справлюсь с этими последними – тут и смерть моя”)⁵⁴. Самый ранний и трудный для понимания текст о Ку Рои из коллекции *Cin Dromma Snechta* (“Книга Снежного Холма”) *Forfess Fer Fālgae* (“Осада людей Фалга”) упоминает “кровавую могилу” Ку Рои (*crolecht Caunrai*)⁵⁵. Важно, что оба наших героя имплицитно сопоставляются в самих источниках с одним из самых титанических ветхозаветных героев – Сампсоном, погибшим по вине любимой женщины, предательницы Далиды. Святогора прямо называют Сампсоном некоторые былины; другие былины говорят об ином “старшем” богатыре, Сампсоне, который известен наряду со Святогором⁵⁶. В свою очередь Ку Рои предает его жена Блатнадь в двух известных вариантах “Смерти Ку Рои”: она привязывает его длинные волосы к столбам и колоннам (*dona cholbaib* ᵞ *dona tuireadhaib*) крепости Ку Рои⁵⁷. Эпизод этот явно представляет собой совмещение двух фрагментов из Книги Судей. В первом из них Далида сначала сплела локоны Сампсона с пряжей, а затем призвала стригача, который состриг семь его локонов (Судьи 16: 13, 19), во втором Сампсон разрушил столпы дома филистимлян (Судьи 16: 29). Подобно Сампсону Ку Рои бросает камни из крепости в своих врагов, при этом надо помнить, что “бросание камней” – известный мотив во многих легендах о великанах.

4. ХТОНИЧЕСКОЕ ЧУДОВИЩЕ И ЕГО ДРУГ/ВРАГ

Рядом с Ку Рои и Святогором мы видим особого друга/врага из смертных героев. Для Ку Рои это Кухулин, для Святогора – Илья Муромец. Их взаимоотношения заслуживают отдельного исследования, я же остановлюсь только на некоторых чертах, важных для нашей темы. Во-первых, в источниках ясно оговорено, что Ку Рои и Святогор – непобедимые соперники таких могущественных героев, как Кухулин и Илья. Калики перехожие посоветовали Илье не сражаться со Святогором и другими старшими богатырями (включая Сампсона): “не выходи драться с Святогором-богатырем: его и земля на себе через силу носит; не ходи драться с Самсоном-богатырем: у него на голове семь власов ан-

гельских”⁵⁸. Заметим, что Святогор здесь сопоставлен и фактически равен по силе ветхозаветному Сампсону.

Ку Рои – единственный герой из противников уладов, который не сразился с Кухулином во время “Похищения быка из Куальнге”. Бесчестным он считал сражаться со слабым противником, тем более что Кухулин был серьезно ранен: “Не считал Ку Рои достойным мужа нападать на раненого, а Кухулин был ранен и все же пошел на него” (*Ni ba fearrda la Coin Ruí mac Dáiri teacht iarom ara cheand ind fir tregdaihi créchaighi, ar ro bíth Cú Chulaind co ndec[h]aid a áлтаib dó*)⁵⁹. Именно Ку Рои как верховный и независимый судья наградил Кухулина долей героя на пиру у Брикриу. С другой стороны, именно Ку Рои смог унижить Кухулина, показав свою сверхчеловеческую теллурическую силу. В первом варианте предания “Смерть Ку Рои”, когда Кухулин пытался помешать великану угнать коров, Ку Рои вогнал героя в землю по самые подмышки: “Он (Ку Рои) вогнал его (Кухулина) в землю, сначала по колено, потом по зад, потом по пояс, потом по подмышки” (*fa-cairt úad isin talmain, aill co a glún, a fecht n-aill co a thóin, a fecht n-aill co a crís, a n-aill co [a] dí oxail*)⁶⁰. Напрашивается сравнение этого эпизода с финалом былины о Святогоре и Микуле, когда исполин постепенно погружается в землю: в этих историях по-разному отражается общий хтонический мотив.

Похожим образом Святогор унижает достоинство Ильи Муромца: он кладет его в свой огромный карман (“Да засунул где ёго да во глубок корман”⁶¹). Оба наших хтонических персонажа оставляют героя в живых; им важно показать свою власть и достоинство. Поскольку героям не по силам сразиться с великанами в поединке, одолеть их оказывается возможным лишь хитростью. В определенный момент Святогор и Илья меняются золотыми крестами и братаются⁶², но это лишь ненадолго откладывает смерть Святогора во гробе. Даже лежа в гробу, Святогор пытается уничтожить Илью своим последним дыханием, предлагая с дыханием передать герою свою сверхъестественную силу. Илья избегает смерти разными путями согласно разным былинам⁶³. Как отмечала Э. Грэй в своем исследовании, посвященном Ку Рои и Кухулину, сходные правила поведения мы видим во взаимоотношениях пары бога-героя и титана в древнеиндийской культуре: речь идет об Индре и Намучи. Последний выступает как “естественный” и непобедимый (до поры) враг богов: сразить его можно только с помощью магии. Только заключив временное дружеское соглашение, Индра может хитростью победить Намучи⁶⁴. Так же в случае

Кухулина и Ку Рои или Ильи и Святогора только предательство может гарантировать успех. Кухулин отрубает голову великану с помощью его жены, Илья хитростью заманивает Святогора в гроб. В этих историях речь идет о борьбе сильнейшего героя с древнейшим хтоническим существом, не лишенным своеобразного благородства.

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ку Рои и Святогор, два мифологических персонажа, в рассмотренных сюжетах играют по сути одну и ту же роль хтонического монстра основного мифа. Они становятся “преградой”, “барьером” для главнейших архетипических героев, таких как Илья и Кухулин. Сложно со всей определенностью доказать, что они восходят к некому единому индоевропейскому прототипу (хотя существование такого древнего прототипа вполне возможно), важнее, что они выполняют ту же самую функцию. После нашего медленного прочтения сюжетов связанных с Ку Рои и Святогором мы можем точнее судить об их роли и месте в ирландской и русской эпической традиции, яснее понять, что ни одного, ни другого нельзя рассматривать в ряду “обычных” героев. Их внешнее и хтоническое происхождение ставит их вне общего круга героев Ольстерского цикла в Ирландии или киевских богатырей русских былин. Будучи в основе своей древнейшими персонажами обоих эпических традиций, они не связаны с доминирующими этническими группами: Святогор не принадлежит Руси, но действует во внешнем мире (в горах, на пограничье, в Карпатах?), Ку Рои происходит из внешней провинции, Мунстера, из маргинального автохтонного племени Кланна Дедад. В то же время оба персонажа в том виде, в каком они показаны в сохранившихся литературных источниках, явно контаминированы библейскими и апокрифическими историями о великане Сампсоне и его любовнице Далиде. Оба гиганта оказываются включенными в сложный процесс формирования новой синтетической литературной традиции.

¹ Fled Bricrend / Ed. G. Henderson. London, 1899. P. 196–197 (сравнивается с Гренделем, хтонический характер подробно не рассматривается); см. также: *Rhys J. Lectures on the origin and growth of religion as illustrated by Celtic heathendom.* London; Edinburgh, 1892. P. 474–475; Былины: Сборник / вступ. ст., сост., подгот. текстов и примеч. Б.Н. Путилова. Л., 1986. С. 497.

- ² Никитина С.Е. “Стихи духовные” Г. Федотова и русские духовные стихи // Федотов Г. Стихи духовные: (Русская народная вера по духовным стихам). М., 1991. С. 141.
- ³ Интересующегося читателя мы отсылаем к *Coomaraswamy A.* Sir Gawain and the Green Knight: Indra and Namuci // *Speculum*. 1944. Vol. 19. P. 105–106; о влиянии “Пира у Брикриу” на “Сэра Гавэйна” см.: *Jacobs N.* *Fled Bricrenn and Sir Gawain and the Green Knight* // *Fled Bricrenn: Reassessments* / Ed. P. O’Riain. Dublin, 2000. P. 54. См. рус. пер.: Пир Брикрена / пер. Н. Чехонадской // Саги об уладах / сост. Т. Михайлова. М., 2004. С. 111–157.
- ⁴ Сравнительные типологические исследования в области кельтских и славянских традиционных культур были начаты относительно недавно, со времени проведения первого международного colloquium “Кельто-Славика” в Колрейне в 2005 г., см. материалы конференции: *Parallels between Celtic and Slavic: Studia Celto-Slavica I: Proceedings of the First International Colloquium of Societas Celto-Slavica held at the University of Ulster, Coleraine, 19–25 June 2005* / Ed. S. Mac Mathúna, M. Fomin. Coleraine, 2006.
- ^{4a} Все составные имена на основании лингвистических данных датируются сравнительно поздним периодом, не раньше VII в. н.э., т.е. они восходят к переходному этапу христианизации и социальных изменений в Ирландии.
- ⁵ *Dictionary of the Irish language*. Dublin, 1983, s.v. 2 *tóe*; см. также совр. ирл. гэ ‘земля, ровная почва (в мунстерском ирландском – на склоне горы)’.
- ⁶ Былины: Сборник. С. 52.
- ⁷ *O’Rahilly T.* *Early Irish History and Mythology*. Dublin, 1946. P. 5–6.
- ⁸ *Топоров В.Н.* Русск. *Святогор*: свое и чужое (к проблеме культурно-языковых контактов) // *Славянское и балканское языкознание: Проблемы языковых контактов*. М., 1983. С. 94.
- ⁹ *Mesca Ulad* / Ed. J. Carmichael Watson. Dublin, 1983. P. 20. 450f.
- ¹⁰ *Henry P.-L.* *Amra Con Roi (ACR): Discussion, edition, translation* // *Études celtiques*. 1995. Vol. 31. P. 179.
- ¹¹ *Rees A. & B.* *Celtic Heritage*. London, 1973. P. 138.
- ¹² Мы не будем обсуждать в подробностях особую роль Мунстера в древнеирландской литературе как сферы особого влияния “народа холмов” (*áes side*: Банба на горе Шлиав Миш, Бодб и Нар Туатхаех из Сида Бодба, Ане из Кнок Ане и др.) и других сверхъестественных персонажей (например, друид Муг Рут). Достаточно отметить, что Западный Мунстер обладал в традиционном ирландском сознании особыми сверхъестественными свойствами и часто рассматривался вне остальной Ирландии.
- ¹³ *MacKillop J.* *Dictionary of Celtic Mythology*. Oxford, 1998. P. 107.
- ¹⁴ *Mesca Ulad*... P. 20. 452.
- ¹⁵ *Guénon R.* *Le roi du monde*. P., 1958. P. 68–69.
- ¹⁶ *Meyer K.* *Mitteilungen aus irischen handschriften: Gedicht auf Cúrói Mac Dári* // *ZCP*. 1901. Vol. 3. P. 38. Даже в средневековой валлийской адаптации, “Плаче о Коррои, сыне Дайри”, автор пишет, что повести о Ку Рои (Коррои) известны по всей земле (*Haycock M.* *Legendary Poems from the Book of Taliesin*. Aberystwyth, 2007. P. 468).
- ¹⁷ *Delamarre X.* *Dictionnaire de la langue gauloise*. P., 2003. P. 151.
- ¹⁸ *Maier B.* *Comparing Fled Bricrenn with Classical Descriptions of Continental Celts: Parallels, Problems and Pitfalls* // *Fled Bricrenn: Reassessments* / Ed. P. O’Riain. Dublin, 2000. P. 12–13.

- ¹⁹ *Калыгин В.П.* Кельтская космология // Представления о смерти и локализация иного мира у древних кельтов и германцев / отв. ред. Т.А. Михайлова. М., 2002. С. 96–97.
- ²⁰ DIL s.v. domun.
- ²¹ *Калыгин В.П.* Этимологический словарь кельтских теонимов. М., 2006. С. 65.
- ²² Былины / сост. В.И. Калугин. М., 1986. С. 48. Здесь мы можем иметь дело с литературным влиянием легенды об Архимеде с его сакраментальной фразой “Дайте мне точку опоры, и я подниму Землю!”
- ²³ *Гильфердинг А.Ф.* Онежские былины, записанные летом 1871 года, собр. М.; Л., 1949. Т. II. № 185.
- ²⁴ Fled Bricrend... P. 100.
- ²⁵ The Metrical Dindshenchas / Ed. E. Gwynn. Dublin, 1991. Part IV. P. 348, 350.
- ²⁶ *Thurneysen R.* Die Sage von CuRoi // ZCP. 1913. Vol. 9. S. 192.
- ²⁷ *Mac Mathúna S.* Imram Brain: Bran’s Journey to the Land of Women. Tübingen, 1985. P. 37. § 25.
- ²⁸ Фоморы – демонические создания, враги богов из Племен богини Дану, иногда описывались как однорукие, одноногие и одноглазые создания, принадлежащие наполовину иному миру, обитали на островах к северу от Ирландии. Иногда фоморы ассоциируются с разбойниками-викингами.
- ²⁹ Fled Bricrend... P. 102.
- ³⁰ *Brown A.C.L.* The Origin of the Grail Legend. New York, 1966. P. 358.
- ³¹ *Thurneysen R.* Loc. cit.
- ³² *Henry P.-L.* Op. cit. P. 188; *Stokes W.* The eulogy of Cú Rói // Ériu. 1905. Vol. 2. P. 5.14.
- ³³ *Raflerty B.* Iron-age Ireland // A New History of Ireland. Oxford, 2005. Vol. I / Ed. D. Ó Cróinín. P. 163, 166.
- ³⁴ Былины / под ред. В.И. Калугина. С. 42.
- ³⁵ *Пропт В.Я.* Русский героический эпос. М., 1958. С. 78.
- ³⁶ *Балашов Д.М., Новичкова Т.А.* Русский былинный эпос // Былины: в 25 т. СПб; М., 2001. Т. 1: Былины Печоры: Север Европейской России. С. 40; *Hargood I.F.* The Epic Songs of Russia. London, 1915. P. 61.
- ³⁷ *Балашов Д.М., Новичкова Т.А.* Указ. соч.
- ³⁸ *Топоров В.Н.* Указ. соч. С. 123–124.
- ³⁹ *Иванов В.В., Топоров В.Н.* Святогор // Мифы народов мира. М., 1992. Т. 2. С. 421; *Hargood I.F.* Op. cit. P. 261.
- ⁴⁰ Былины: в 25 т. СПб., 2003. Т. 3: Былины Мезени: Север Европейской России. С. 125.
- ⁴¹ Fled Bricrend... P. 100; *Thurneysen R.* Op. cit. S. 192.
- ⁴² С другой стороны, можно интерпретировать горную обитель как Святогора, так и Ку Рои, как разновидность “Святой Горы”, расположенной в центре мира и имплицитно связанной с местом пребывания вселенского правителя (*Eliade M.* Traité d’histoire des religions. P., 1968. P. 310).
- ⁴³ Былины: в 25 т. Т. 3. С. 311.
- ⁴⁴ *Калугин В.И.* Указ. соч. С. 44.
- ⁴⁵ Былины: в 25 т. Т. 3. С. 125.
- ⁴⁶ *Топоров В.Н.* Указ. соч. С. 94.
- ⁴⁷ *Калугин В.И.* Указ соч. С. 48.
- ⁴⁸ Там же. С. 50.
- ⁴⁹ Там же. С. 49.
- ⁵⁰ *Топоров В.Н.* Указ. соч. С. 106.

- ⁵¹ Иванов В.В., Топоров В.Н. Указ. соч. С. 421.
- ⁵² Былины Пудожского края / под ред. Г.Н. Париловой, А.Д. Соимонова, А.М. Астаховой. Петрозаводск, 1941. № 40.
- ⁵³ Былины / под ред. Ф.М. Селиванова. М., 1988. С. 367.
- ⁵⁴ Народные русские сказки / под ред. А.Н. Афанасьева. Л., 1936. Т. I. № 93; Пропн В.Я. Русский героический эпос. М., 1958. С. 76.
- ⁵⁵ Meyer K. Mitteilungen aus irischen handschriften: Forfess Fer Fálgae // ZCP. 1912. Vol. 8. S. 565.
- ⁵⁶ Пропн В.Я. Указ. соч. С. 566–567.
- ⁵⁷ Best R.I. The tragic death of Cúrói mac Dári // *Ériu*. 1905. Vol. 2. P. 24.
- ⁵⁸ Калугин В.И. Указ соч. С. 37.
- ⁵⁹ Táin Bó Cúailnge. Recension 1 / Ed. C. O’Rahilly. Dublin, 1976. P. 103, ll. 3398–3400.
- ⁶⁰ Thurneysen R. Op. cit. S. 192; Best R.I. Op. cit. P. 33.
- ⁶¹ Былины: в 25 т. Т. 3. С. 119.
- ⁶² Калугин В.И. Указ соч. С. 33.
- ⁶³ Там же. С. 34, 41.
- ⁶⁴ Gray E.A. The Warrior, the Poet and the King: ‘The Three Sins of the Warrior’ and the Death of Cú Roí // Heroic Poets and Poetic Heroes in Celtic Tradition: A Festschrift to Patrick K. Ford / Ed. J.F. Nagy & L.E. Jones. Dublin, 2005. P. 79–80. (CSANA; Yearbook 3–4). Индра, согласно традиции, убивает и другое чудовище – ужасного змееподобного Вритру, лежащего на горе.

РЕЦЕНЗИИ

М.Н. Соколов

ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТА И ПРОСТРАНСТВО ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ: СОЗВУЧИЯ И ДИССОНАНСЫ

Лидов А.М. Иеротопия: Пространственные иконы и образы-парадигмы в византийской культуре. М., 2009.

Отечественная византология сейчас пребывает явно на подъеме, к тому же она составляет необходимую базу для науки о средневековом русском искусстве, которая тоже переживает ныне, вопреки всем техническим трудностям, далеко не худшие времена. Однако автору данной книги опрометчиво было бы называть только “византологом” или только “медиевистом”. А.М. Лидов – историк искусства в широком смысле, озабоченный не только процессом накопления и верификации фактов, но и методологическими поисками, обновляющими саму структуру, язык и смысл историко-художественных исследований. Можно было бы достаточно долго перечислять его научно-организационные заслуги (подготовка международных конференций, издание их трудов и т.д.), но это вывело бы нас за рамки жанра рецензии. Сосредоточимся же на самой книге, весьма качественно (и в то же время солидно, по-деловому) опубликованной издательством “Феория”, известном до сих пор в основном своими мастерскими репринтами старинных карт и атласов.

Перед нами – не сборник статей (хотя некоторые из этих материалов были ранее опубликованы в виде статей), но именно книга, целостная монография, объединенная вокруг столь дорогого сердцу автора понятия “иеротопии”. Понятно, что само “священное место” (“ιεροσ τοπος”) бытовало в религиозном словоупотреблении издревле, а в научной лексике, в том числе и в той, что непосредственно связана с византинистикой, уже не раз заходила речь о “священном пространстве”¹, но, пожалуй, никто еще до нашего автора не проявлял столь последовательное упорство в том, чтобы придать этой идее основополагающий, по-своему

даже универсальный оттенок. И данная книга наглядно показывает, насколько данное упорство себя оправдывает.

В советской арт-медиевистике безраздельно господствовал формально-историцистский подход, либо вообще не допускавший (по понятным идеологическим причинам) никакой сколько-нибудь подробной иконографии и тем паче иконографии литургически обусловленной, либо допускавший ее крайне умеренно, по соображениям национально-патриотического порядка. Правда, лучшим из ученых, в первую очередь В.Н. Лазареву, удавалось даже и в этих, крайне стесненных условиях добиваться, благодаря богатейшему знаточескому опыту, выдающихся достижений (недаром “Византийская живопись” Лазарева и даже сборники отдельных его статей до сих пор переиздаются на разных языках). Однако в любом случае основой для исследования обычно пребывала, – впрочем, также и у западных, не столь идеологически-стесненных специалистов, – плоская картинка, извлеченная из своей родной среды и положенная на стол в виде фотографии в числе других фотографий, демонстрирующих различные тематические и стилистические параллели. Разумеется, сейчас такие фотографические пасьянсы предстают безнадежно устаревшими, и в массе книг и статей произведения возвращаются в породившее их сакральное лоно, – литургическое и архитектурное. Но этому возвращению всякий раз необходимо придавать необходимую пространственную и пространственно-смысловую убедительность. И нашему автору неоднократно удается этой убедительности достичь, так что фрески, а тем паче иконы и прикладные изделия, пребывающие ныне в состоянии музейной разобщенности, вновь собираются в своем времени и в своем месте. К примеру, таким собирательным архетипом предстает в книге церковь Богоматери Фаросской, входившей в комплекс константинопольского императорского дворца, разрушенного крестоносцами в XIII в. Влияние этого богатейшего для своего времени собрания реликвий сказалось во всем христианском мире, так что многие храмы и иконы явились продолжением и развитием Фаросской “иеротопии”, благодаря чему их можно мысленно встраивать в единую иконическую структуру, наглядно разъясняющую их молитвенно-литургическое значение поверх географических границ, – как, хотя бы, в случае со знаменитой новгородской иконой XII в., (со Спасом Нерукотворным на лицевой стороне и Поклонением Кресту на обороте), восходящей к фаросским святыням.

А.М. Лидов далеко не всегда является первооткрывателем данных семантических связей, но, виртуозно оперируя источниками, как первичными, так и современными, он создает в итоге в высшей степени полезную и инструментально-действенную систему интерпретации, где произведение, архитектурное, живописное или прикладное, не заслоняет богословия (как в формально-знаточеском методе), а богословский комментарий не вытесняет историко-художественную конкретику. Ведь отнюдь не секрет, что в последние десятилетия, в связи с упразднением у нас прежних цензурных рогаток, богословские, а порою даже псевдобогословские, скорее лирические по духу своему медитации часто становятся суррогатами подлинно-исторической герменевтики, “рассуждениями на тему” вместо конкретного обоснования сакральной темы. Разумеется теология, а тем паче теология образа, точнее богочеловеческого искупительного Образа с большой буквы, является необходимейшим реферативным полем средневекового искусства, однако она обязательно должна быть вправлена не только в иконографический, что само собой разумеется, но и в предметно-иконический, художественный контекст. Некоторые из новых переводных изданий могут послужить в данном случае весьма полезным подспорьем². В тот же солидный ряд вполне можно поставить и рецензируемую монографию.

В запасе у нашего автора целый ряд значительных открытий. В первую очередь это концепция, генетически связавшая типическую луковичную форму глав русских церквей с иерусалимским кувуклием (сенью над Гробом Господним)³, – концепция, имевшая большой научный резонанс и лишь походя, между строк отраженная в настоящей книге. В последней же самое главное – даже не отдельные открытия (в том числе самобытные наблюдения об историко-географической, в первую очередь византийско-русской преемственности таких “образов-парадигм”, как иерусалимский Гроб Господень, священная храмовая завеса или разного рода “нерукотворные образы”), а именно система интерпретации. Или, иным словом, та новаторская системность, что делает книгу в высшей степени интересной для историков и историков искусства самого различного профиля, а не только для византологов и “древнерусников”.

Конечно, нетрудно возразить, что еще и в старинных трудах по церковной археологии или (как ее называли в немецкой науке) “монументальной теологии” речь постоянно заходила, – только лишь начинались ссылки на литургию, – о сакральном или

“идеальном” пространстве⁴. Давно уже привычными для исследователей были и “парадигматические” или, иначе говоря, архетипальные образы (под которыми, однако, обычно односторонне понимался лишь определенный иконный “извод” с различными его вариациями или “пошибами”). Но, вероятно, никогда призыв к тому, чтобы выйти за пределы узкомузейного, чисто феноменологического, пусть даже и историко-феноменологического взгляда на старинные художественные вещи не получал столь последовательного и целостного монографического выражения. Так что в результате, увлекшись доводами автора, хочется выйти за пределы Византии и Руси и задуматься, – а есть ли “иеротопии” в иных эпохах и иных регионах? Разумеется есть, – однако легкость ответа не предполагает его однозначности (но об этом ниже).

Углубленные занятия вопросами методологии или, точнее, вопросами теории искусствознания обычно вызывают упреки в чрезмерном “философствовании” и игнорировании вопросов художественного качества (эти упреки, мы убеждены, нашему автору хорошо знакомы, мы сами их при обсуждении его работ иной раз слышали). Но, во-первых, и само византийское богословие эту проблему, первоочередную для сугубо знаточеского подхода, если и не полностью игнорирует, то делает, говоря современным языком, не релевантной. Ведь, согласно постановления 7-го Вселенского собора (VII в.), “иконописание совсем не живописцами выдуманно”, но есть “законоположение и предание Кафолической Церкви”. Защита же искусства как части такого “законоположения и предания”, основанного на богочеловеческом воплощении Христа, неизбежно влекла за собою (если речь заходила именно об искусстве как таковом) констатацию его ограниченных, отнюдь не универсальных прав. Так, Иоанн Дамаскин, ревностно защищая иконопочитание, тем не менее, пишет: “Изображение же есть зеркало и гадание” (“Три защитительных слова против порицающих святые иконы”, 2, 5). И это повторение знаменитых слов апостола Павла о “зеркале” или (в других переводах) “тусклом стекле”⁵ предстает именно таким строгим, по-своему “антиэстетическим” ограничением. Что уж тут говорить о художественном качестве! Ведь отнюдь не качество обеспечивало средневековым произведениям их чудотворность и намоленную силу. Ведь не известно никаких чудотворений, связанных с “Троицей” Андрея Рублева, тогда как десятки и сотни икон, не вошедших ни в какие музейные и культууроохранные реестры, икон с точки зрения чистой эс-

тетика совершенно “безвидных”, веками почитались за их цельные и духоносные свойства.

Впрочем, определенного рода безвидность или незримость присуща всякому священному произведению, и великолепному, и ремесленно-скромному. Все подобные произведения указывают на нечто, находящееся вне пределов эмпирического восприятия и чисто эстетического дискурса. “Если икона мост, то поднятый подъемный мост, если окно, то занавешенное”, – пишет один современный исследователь, изучающий эту зримую незримость⁶. Опустить же этот мост и открыть это окно можно лишь именно “иеротопически”, лишь позиционируя произведение относительно тех сакральных рубежей, за которыми оно уже совершенно развоплощается (как развоплощается икона в ее архетипальном “подлиннике”, представляющем собою лишь сквозную графическую прорись). Соответственно и наполнить икону актуальным (актуальным именно для нее!) художественным содержанием можно лишь, исходя из этих рубежей, а проще говоря из обряда, причем постигнутого по возможности в своем месте и в свое время, по первичным источникам (которыми А.М. Лидов при всяком удобном случае успешно пользуется).

Таким образом, художественная, точнее художественно-ритуальная традиция наглядно оживает, являя произведения не в отвлеченной (или лишь стилистически или иконографически историзованной) дескрипции, а в их первоначальном назначении и переживании. И “образы-парадигмы” со всевозможными “иеротопиями”, отнюдь не застывая в виде сухих схем, как раз эту живую первозданность и обеспечивают. Почти что парит в невесомости и фактически руководит обрядом образ Одигитрии (глава “Пространственные иконы: Чудотворное действо с Одигитрией Константинопольской”), сам “святой град” Эдесса с его нерукотворным ликом Христа встает за его иконными и архитектурными подобиями (глава “Святой Лик – Святое Письмо – Святые Врата: Образ-парадигма “благословенного града” в христианской иеротопии”), реальные и орнаментально-живописные (во фресках) храмовые завесы обнаруживают свой апокалиптический космизм (глава “Катапетасма Софии Константинопольской: Византийские инсталляции и образ-парадигма храмовой Завесы”), благодатный пасхальный огонь возжигается в его церковно-художественных отражениях (глава «Святой Огонь: Иеротопические и искусствоведческие аспекты создания “Новых Иерусалимов”»). Причем все это, – как раз и благодаря принципу “иеротопии”, – рассмат-

ривается и предлагается читателю не в виде фактологических доказательств чуда, в данном случае совершенно неуместных (сам автор в конце главы о “Святом огне” справедливо отмечает, что с историческо-художественной точки зрения полемика о его подлинности бесплодна), а в виде живого пространственного впечатления, всякий раз обоснованного вербальными источниками и визуальными параллелями, развивающими это впечатление уже далеко от его первоисточков, по всему восточно- и западнохристианскому миру. В результате художественная аура, неизбежно связанная с проблемой художественного качества, только выигрывает, причем чуть ли не в большей степени, чем тогда, когда эта аура обосновывается чисто знаточеским методом или при помощи, как это часто бывает, эмоциональных восторгов историко-публицистического или псевдобогословского характера. Так что и пресловутое качество в итоге нисколько не умаляется, но предстает во всем своем бытийном и событийном (если иметь в виду момент встречи с воспринимающим сознанием) блеске. Недаром величайшие средоточия “образов-парадигм”, столь важные для всей конструкции лидовской книги, – такие как София Константинопольская, Фаросская церковь или парижская Святая капелла (Сент-Шапель) оказываются не только знаменитыми святынями, но и эпохальными по своему значению собраниями художественных шедевров.

Так удается достичь или, во всяком случае, передать словесно, и, самое главное, передать адекватно, тот средневековый “синтез искусств”, который постоянно получал весьма превратные интерпретации, связанные скорее с романтизмом и символизмом, чем с восточно- или западнохристианскими историческими реалиями. Необходимо отметить, что такой сдвиг фокуса происходил, прежде всего, благодаря неправомерной абсолютизации вагнеровского слова “Gesamtkunstwerk” (“тотальное произведение искусства”), из которого, правда, путем достаточно сложных и во многом конъюнктурных лексических пертурбаций, “синтез искусств” и родился. Даже основополагающее эссе Павла Флоренского “Храмовое действо как синтез искусств” (1922), ныне столь же обязательное для всех изучающих данный предмет, как святоотеческие тексты, и, разумеется, далекое от какой бы то ни было идеологической конъюктурщины, несет на себе отпечаток поствагнерианского символизма (как справедливо отмечает А.М. Лидов в вводной главе “Иеротопия”, “божественное и эстетическое рассматриваются (у Флоренского) в духе неороманти-

ческих мифологем эпохи”). К этой проблеме “божественного и эстетического”, взятой в более широком плане, нам и хотелось бы к концу нашей рецензии обратиться.

Для того, чтобы “божественное и эстетическое” не смешивались или не совмещались слишком плотно и неразлично, необходимо соблюдать (говоря языком философии диалогизма, которая у нас известна скорее как “бахтинская философия”) специфическую “культуру границ”. “Иеротопия” четко преподана у Лидова как общетеоретически, так и в конкретных примерах. Но нужно было бы, хотя бы вкратце, пунктиром, разъяснить и ее сугубо средневековую неповторимость, точнее показать или хотя бы намекнуть, что возможны и “иеротопии” совсем иного, несредневекового рода. Важно недвусмысленно отделять религиозную “иеротопию” от внешне структурно-сходных явлений магической Древности и Нового времени. Нового времени с его самодовлеющим эстетизмом, который добился в эпоху Ренессанса очевидной и последовательно укреплявшейся с той поры автономии.

С языческой Древностью вроде бы проще: А.М. Лидов практически ее не касается, но явно подразумевает, что специфика ее культовых и художественных парадигм и ее священной пространственности совершенно иная. Эта установка проступает хотя бы в той последовательности, с которой в книге (в главе “Чудотворные иконы Софии Константинопольской: Император как создатель сакрального пространства”) отклоняется привычная традиция прямого выведения византийской царской иконографии из языческих культов верховной власти. Равным образом не увлекает Лидова и устоявшийся навык возводить иконопочитание к языческому же (пусть даже и синкретично-языческому) неоплатонизму. В обоих случаях он минует сравнительно-исторический искус и предпочитает исследовать византийское и средневеково-русское в их собственных границах или, иным словом, исследовать средневековое в средневековом. Знаменательно, что он настойчиво приглашал на свои конференции также и специалистов по дохристианским культам и искусствам, стремясь тем самым акцентировать разнообразие “иеротопических” подходов и тем самым границы между различными “иеротопиями” в известной мере проложить⁷. Так что первая из эпохальных границ, граница между Древностью и Среднековьем, у Лидова намечена. Хотелось бы, быть может, большей четкости в этом размежевании, но на полное отсутствие межей пожаловаться тут, так или иначе, нельзя.

Хуже обстоит дело со вторым великим рубежом, рубежом между средневековой сакральностью и новоевропейским – ренессансным и постренессансным – эстетизмом (эстетизмом, что по-своему сакрален, – но это ведь уже сакральная аура совершенно особого рода!). Наш автор совершенно игнорирует то “своеобразие эстетического”, которое едва ли не лучше и подробнее всего описывали, при всех своих догматических предрассудках, такие неомарксисты как Д. Лукач и Э. Блох⁸. Иногда даже невольно жалеешь, что Лидовым иной раз упускаются крайне выгодные шансы показать, как это своеобразие начинает в византийском, а в еще большей степени – в западно-христианском мире малопомалу, еще до Ренессанса проступать. Так, развив и уточнив мотив “образа-видения”, можно было бы убедительно показать, как религиозное видение превращается в чувственно-убедительную картину, качественно иную в сравнении со средневековой “безвидностью”⁹. Нам могут возразить, что такого рода феномены все же свойственны скорее не восточноправославному ареалу, но западной готике и тем паче западному Ренессансу. Однако не так уж трудно найти и византийские примеры. Немало полезного, в частности, можно почерпнуть из наследия такого самобытного писателя и философа как Михаил Пселл (XI в.). Когда тот в одном из своих писем объясняет, почему одна икона поразила его, “словно удар молнии” (“я не вполне уверен, что это изображение подобно своему сверхъестественному оригиналу, но твердо знаю, что смешение красок (тут) отображает природу плоти”)¹⁰ мы можем достаточно четко, даже документально представить, как теоцентрический Образ, Образ с большой буквы, вытесняется и даже, в пределах этой фразы, уже полностью заменяется тем, что на современном философском языке принято именовать “эстетическим предметом”, – предметом, состоящим из самого произведения и сопровождающих его эмоций. Суммируя такие свидетельства и их параллели в средневековом искусстве, мы фиксируем, как нарождается то Иное, которое позднее окончательно утверждает свою духовную самоценность.

Четко представляя эту морфологическую, точнее метаморфологическую разнородность (ибо речь идет не об отдельно взятых формах, но некоторого рода эпохальных “формах форм”) мы успешно преодолеваем всякого рода нежелательные синкретизмы. В противном случае они так или иначе дают о себе знать. Что касается встречающейся кое-где модернизации терминологии, этимологически связанной с новейшими авангардными течениями,

то все это сути дела не затрагивает. Правда, если “перформативность” (от “перформанса”) предстает словом вполне закономерным и пластически-выразительным, то когда определенную часть церковно-обрядового пространства называют “инсталляцией”, то это несколько коробит слух (почему бы тогда не назвать церковный обряд “хэппенингом”?).

Но все это, в конце концов, детали. Принципиальные же возражения вызывает фраза: «Византийские “пространственные иконы”... находят типологические параллели в новейшем искусстве перформансов и мультимедийных инсталляций, которые не имеют ничего общего с византийской традицией исторически или символически. Эти внешне столь непохожие явления объединяет общее понимание природы образа, предполагающего отсутствие единственного источника изображения, так как образ разворачивается в пространстве во множестве динамически меняющихся форм. В такой ситуации роль зрителя приобретает первостепенное значение, поскольку он активно участвует в создании пространственного образа. Несмотря на все различие содержания, технологий и эстетики, это позволяет говорить об одном и том же типе восприятия образа»¹¹. Мы прибегаем к столь пространной цитации, дабы показать, что все это суждение составлено из логических противоречий: если между данными феноменами нет “ничего общего” (что совершенно справедливо), то откуда же берется “общее понимание природы образа” и “один и тот же тип восприятия”? Но не будем придираться к одним только словам. В авангарде и поставангарде “своеобразие эстетического” достигает своего наиболее выпуклого выражения, составляя особую духовную мегаформу, отражающую, конечно, массу старинных традиций, но сильную не этими традициями, а своей самобытностью, своей непохожестью на все что было до него. И этот (если заимствовать излюбленное слово Блоха) “повиш” и является тем, что предопределяет в авангарде и поставангарде их собственную, незаемную сакральность. Ложные же и на деле чисто внешние параллели все лишь запутывают¹².

Однако тут речь идет лишь о мнении, которое высказано *passim*, помимо общей проблематики книги. Когда автор придерживается своего “родного” материала, он достигает впечатляющих успехов, которые нам удалось, мы надеемся, очертить. В монографии А.М. Лидова есть все необходимое, – и великолепное знание произведений, полученное в бесконечных путешествиях по восточноправославному миру, и блестящее знание источников,

как первичных, так и вторичных, причем и самых новейших, и выразительный, в меру академичный язык, избегающий как чрезмерной, псевдопоэтической эмоциональности, так и чрезмерного “криптолингвистического” умствования. Все это в совокупности, несомненно, обеспечит книге счастливую судьбу, и она будет жить, как говорится в старинных сказках, “долго и счастливо”.

¹ См. хотя бы кн.: *Gerstel Sh.* Beholding the Sacred Mysteries: Programs of the Byzantine Sanctuary, 1999 (особенно показательна первая глава – “The Creation of Sacred Space”).

² В плане богословия Образа это кн.: *Шёнборн К.* Икона Христа / Пер. с нем. Милан; М., 1999; в плане богословски-обоснованной иконолической конкретики – кн.: *Бельтинг Х.* Образ и культ: История образа до эпохи искусства / Пер. с нем. М., 2002.

³ См.: *Лидов А.М.* Иерусалимский кувуклий: О происхождении луковичных глав // Иконография архитектуры. М., 1990.

⁴ Еще Ф. Пипер в своем пространном обзоре христианской археологии призывает историков искусства учитывать как “реальное”, так и “идеальное” пространства, разумея под последним сферу художественно оформленного богочитания (*Piper F.* Einleitung in die Monumentale Theologie: Eine Geschichte der christliche Kunstarchaologie und Epigraphik. Gotha, 1867; цит. по репринту 1978-го г., S. 24–31). Правда в философии XX в. понятие “идеального” настолько обесмыслилось, что возродить его терминологически уже совершенно невозможно. Широкоупотребительное же словосочетание “священное пространство” или “сакральное пространство” не слишком в данном контексте удачно, ибо несет в первую очередь литургические, а не художественные коннотации. Может быть, именно поэтому термин “иеротопия” приходится как нельзя кстати, ибо обозначает искусство-в-храме, а не храмовое действо как таковое, – так что и искусствознание, и богословие останутся каждое в своем смысловом поле, не смешиваясь.

⁵ “Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же (т.е. тогда, когда, как указано выше, “настанет совершенное”) лицом к лицу, теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно как я познан” (1-е Коринф., 13; 10, 12).

⁶ *Kessler L.H.* Spiritual Seeing: Picturing God’s Invisibility in Medieval Art. Philadelphia, 2000. P. 144.

⁷ См. статьи: *Чегодаев М.А.* Иеротопия древнеегипетского саркофага // Иеротопия: Сравнительные исследования сакральных пространств / ред.-сост. А.М. Лидов, М., 2009; *Акимова И.А.* Сакральное пространство древнегреческого праздника: Великие Панафиней // Там же. Правда, в некоторых статьях данного сборника сравнительное изучение принципиально разных “иеротопий” нет-нет да сопрягается со сравнительно-исторической инерцией, нивелирующей духовные контрасты Древности и Средних веков, – но это уже частные методологические издержки.

⁸ Мы имеем в виду их фундаментальные труды (труды по-своему энциклопедические – по охвату процессов автономизации художественного сознания): *Bloch E.* Das Prinzip Hoffnung. Frankfurt-am-Main, 1959. Bd 1–3; *Лукач Д.* Своеобразие эстетического / пер. с нем. М., 1985–1986. Т. 1–4. (наиболее значитель-

ные материалы, показывающие историческую ритмику этой автономизации, сосредоточены у Блоха во втором, а у Лукача – в четвертом томе).

⁹ Здесь мы позволим себе сослаться на нашу кн.: *Соколов М.Н.* Мистерия соседства: К метаморфологии искусства Возрождения. М., 1999, – там проследживается, как религиозный образ – образ-произведение и образ-видение – радикально эстетизируется, приводя в итоге к сложению совершенно нового, собственно новоевропейского ментального хронотопа. Тематическими и теоретическими дополнениями к “Мистерии соседства” служат две другие наши публикации: *Соколов М.Н.* Время и место: Искусство Возрождения как перекресток виртуального пространства. М., 2002; *Он же.* Ab arte restaurata: Сакральность эстетического в “иеротопии” нового времени // Иеротопия: Сравнительные исследования сакральных пространств... С. 177–206.

¹⁰ Цит. по: *Пселл М.* Из писем // Памятники мировой эстетической мысли. М., 1962. Т. 1. С. 339.

¹¹ *Лидов А.М.* Иеротопия... С. 294.

¹² Примером такой методологической путаницы, точнее запутанного герменевтического лабиринта может служить кн.: *Belting H.* Das Ende der Kunstgeschichte (1995). Перейдя к изучению поставангарда от медиевистики (в том числе и от исследований византийской теории и практики священных образов) ее автор так и не сумел достичь сколько-нибудь убедительного идейного синтеза, несмотря на то, что в более позднем издании (*Das Ende der Kunstgeschichte: Eine Revision nach zehn Jahren, München, 2002*) свою книгу радикально переписал.

Т.М. Васильева

GESAMTKUNSTWRACK ИЛИ О НОВОЙ КНИГЕ А.М. ЛИДОВА

***Лидов А.М.* Иеротопия: Пространственные иконы и образы-парадигмы в византийской культуре.**

All science is either physics or stamp collecting

Ernest Rutherford

В самом общем виде методология этой книги стала уже привычной для отечественной искусствоведческой византистики последнего времени. Это обращение к письменным источникам эпохи, настойчивый поиск всех возможных иконографических аналогий для любого изображения, попытка установить теологический контекст для каждого ответственного высказывания и прочие видимые гарантии аккуратности выводов. Не вдаваясь в подробности описания метода, поговорим о термине, вынесенном на обложку – коль скоро книга, представляющая собой сбор-

ник статей, многие из которых уже публиковались, является его презентацией, выражаясь в терминах современного маркетинга.

Если говорить об “иеротопии”, первым делом следует заметить, что возникновение нового термина было почти предсказуемо. Это реакция на очевидную необходимость обновления терминологического инструментария, особенно для доренессансного искусства, к которому плохо применимы традиционные модели формального искусствоведения¹. И логично, что решение приходит от специалиста по средневековому искусству, и, в частности, искусству Византии, каковым является Алексей Михайлович Лидов.

Возможно, термин не стал абсолютно приемлемым уже из-за допущенной при его составлении морфологической ошибки. Собственно, слово “иеротопия” – морфологически – может относиться к самому феномену, т.е. предмету исследований. Именно с этого начинается автор. Первая часть определения звучит так: *“Иеротопия – это создание сакральных пространств, рассмотренное как особый вид творчества”*. На это нечего возразить. **Если существует иеротопия в качестве особой сферы творчества, – разумеется, она может быть самостоятельным ПРЕДМЕТОМ исторических исследований. Скорее всего, исходно именно это имелось в виду.** Но далее автор расширяет определение таким образом: *“а также [рассмотренное] как специальная область исторических исследований, в которой выявляются и анализируются конкретные примеры данного творчества”*². И тут уже начинается контаминация феномена и способа его изучения, которая только подтверждается дальнейшими рассуждениями. Так, неточность авторского определения и очень расширительное употребление понятия “иеротопия” навязывают идею о выделении новой научной дисциплины. Впрочем, автор это признает и открытым текстом: его интересует то, что описывается как “легитимная дисциплина, предполагающая самостоятельную методологию и понятийный язык”³. Может быть, эту дисциплину следовало бы по привычным законам словообразования назвать *иеротопологией*, и тогда ей была бы суждена долгая научная жизнь. Однако дело не только в морфологической неточности.

Основная претензия к книге может быть сформулирована в русле принципов общенаучной методологии и логики: это несоблюдение принципа бритвы Оккама, который предостерегает от создания лишних сущностей, дополнительных категорий, которые не являются необходимыми для описания какого-либо явле-

ния. Представляется, что иеротопия является как раз такой лишней сущностью. Алексея Михайловича Лидова трудно упрекнуть в незнании материала или в невнимательности, скорее уж наоборот, он очень пристально исследует предмет, прежде чем сделать то или иное заключение. То есть, в том, что касается “знаточества”, претензий к автору никаких нет. Попробуем понять, почему исследователь оказался перед необходимостью вычленения нового понятия. И почему это произошло именно сейчас. Точнее, уже почти десять лет тому назад.

Совсем недавно, в советский период, было нормальным и даже предпочтительным заниматься византийским искусством отдельно от его христианского контекста. История искусства была историей для ленивых, для тех, кто смотрит картинки, а не вчитывается в текст, в числе прочего и по причине неумения, банального незнания языка, я имею в виду не только греческий, но язык образов и смыслов. Секуляризованная история средневекового искусства существовала во многом отдельно от остальной средневековости, удовлетворяясь рассуждениями об эстетике. Но советский карантин на разговоры о сакральном закончился. Отечественная византистика, выросшая на эффекте запретного, получила возможность говорить обо всем спектре смыслов произведения искусства, включая теологический. Впечатление новизны, однако, оказалось столь сильным, что на какое-то время показалось, будто такого никогда раньше не было – что не так.

И тогда нам придется предположить, что “иеротопия” всегда была. Как господин Журден не ведал про то, что он говорит прозой, так не знали, что занимаются иеротопией и Павел Александрович Флоренский⁴, который описывал храмовое действо как синтез разных искусств в одном месте пространства, и Андрей Николаевич Грабарь⁵, говорящий о том, как в античные смысловые рамки вписывается новый христианский смысл, и многие, многие другие исследователи. А может быть, иеротопия – это старый добрый *Gesamtkunstwerk*⁶, который примеряли разные области искусства и его истории от Вагнера до Бориса Гройса⁷? Заметим в скобках, что автору теории иеротопии отнюдь не чуждо такое расширительное толкование этого термина, распространяющее его на другие, часто весьма далекие от Византии, области истории искусства.

Впрочем, дело не только в том, что предложенный термин не описывает ничего нового. Автор объясняет область применения новой методологии, непрестанно открешиваясь от подхода, кото-

рый он называет “предметоцентричным”⁸. В связи с этим трудно понять, что же тогда должно ограничивать сферу интересов внутри этой научной дисциплины. Мы знаем только то, что предмет ее исследований – сакральное пространство. Но чтобы обратиться к предмету, необходимы критерии для его вычленения. И, похоже, в нашем случае эти критерии находятся внутри самого предмета. Наличие или отсутствие сакральности определимо только изнутри самой культуры. Сакральность присутствует или не присутствует постольку, поскольку культура сама изнутри готова ее видеть. Но если критерии находятся внутри предмета исследования, – дисциплина неизбежно становится эзотерической. Замкнутой в себе самой.

Разумеется, у автора есть выбор: или согласиться с непрерывностью традиции, довериться ей и заняться тем, что называлось когда-то церковной археологией, или – и он принимает, похоже, именно это решение – создать новую, какую-то свою несанкционированную теологию.

Вот лишь один пример. Любопытный текст статьи о Мандилионе и Керамионе завершается констатацией наличия некоей “иконографии вне изобразительных схем”⁹. Иконо-графия – вне икон, вне изображений? Такая формулировка отзывается как-ким-то иконоборчеством, явно неуместным в данном контексте. Тем более что чуть выше в тексте обсуждались как раз иконографические подробности и местоположение изображений внутри изобразительного комплекса, например, невероятно ценное наблюдение о том, что во входной миниатюре Лобковского пролога с Поклонением Мандилиону арочные конструкции отсылают к реальным архитектурным конструкциям внутри храма, иллюстрируя тему входа и врат¹⁰. И безусловно интересно в этом контексте наблюдение, что такая иконография может быть также отсылкой к расположению самой реликвии в нише над воротами города Эдессы, равно как и замечание о том, что местоположение самой миниатюры внутри рукописи тоже знаменует вход внутрь сакрального.

Принимая во внимание все сказанное предыдущими исследователями, следует заметить, что автор несколько утрирует топографическую конкретику, связанную с наличием ниши: “...Византийские иконографы XI в. не только помнили о чуде, случившемся над воротами Эдессы, но и сознательно акцентировали тему чудотворной ниши”¹¹. Это справедливо, но представляется, что расположение этих двух образов друг напротив друга

отсылало не столько к самой нише, как это сказано в тексте статьи, сколько все же к тому событию, которое имело место внутри нее, а именно к чуду воплощения, и являлось еще одним подтверждением наличия единого первообраза. По поводу иконографии нерукотворного образа уже сказано достаточно Гербертом Кесслером¹², к соображениям которого, как представляется, данная статья не добавляет почти ничего нового. А если бы все было так буквально, как хочется автору, очевидно, что пример из храма святой Софии Охридской с образом Пантократора *внутри* ниши и Мандилиона – *вне ее*, повыше и сверху – выглядел бы иначе. Если бы значима была именно ниша, изображение Мандилиона было бы помещено *внутри* нее¹³. А объяснение такого расположения Мандилиона вне ниши сходством с купольной композицией, где Мандилион мог соседствовать с образом Пантократора, к сожалению, противоречит отстаиваемой самим автором идее о преимуществе топографического прототипа¹⁴.

Еще о словах. Ценные наблюдения каждой из работ сбиваются бесконечно дублирующей саму себя терминологией, внутри которой трудно ориентироваться. Так, в статье “Святой Лик – Святое Письмо – Святые Врата”¹⁵, интересной в плане подробного перечисления и описания иконографических явлений – в их числе следует назвать, например, рассуждение о Спасе Нерукотворном, Спасских воротах и “Шествии на осляти”¹⁶, – в самом ее конце, когда автор переходит “к важным выводам методологического характера”, мы сталкиваемся с последовательно возникающими друг из друга “образами-идеями” и “образами-парадигмами”¹⁷. Аналогично построена статья о катапетасме Софии Константинопольской¹⁸, имеющая сходное теоретическое завершение. Автор говорит буквально следующее: “Некоторые явления могут быть адекватно осмыслены только на уровне образов-идей, которые мы предлагаем назвать образами-парадигмами”¹⁹, так и не проясняя до конца взаимодействие этих категорий между собой. В дополнение к этому набору время от времени в тексте появляется еще и “образ-архетип”²⁰, – слово, которым обозначена Фаросская церковь в качестве сакрального пространства, включающего в себя конкретное местоположение как раз тех двух реликвий, которым посвящена статья. Так и остается непонятным, отчего нельзя было использовать давно принятое в византистике слово и назвать декорацию этой церкви прототипом для последующих иконографических схем. Равно как и неясно, что именно дало нам наличие нового термина для прояснения смысла.

Подобное обилие терминов, описывающих различные образы, создает впечатление какой-то странной стратификации, иерархии, как будто некоторые иконы – более иконы, чем другие; как будто какой-то образ может функционировать по принципу, отличному от остальных. Впрочем, эта претензия сводится к обозначенному выше соображению о том, что предложенная автором методология искушает исследователя доступностью того, что может выглядеть как теологический подход, в действительности таковым не являясь.

В другом месте, например, в статье, посвященной священству Богородицы²¹, автор активно противопоставляет “образ-парадигму” общеизвестному, по его словам, “образу-иллюстрации”. Но существование такого простого “образа-иллюстрации” никак не доказуемо. Признать его существование можно только в той степени, в какой начинающий исследователь видит вместо образа простое иллюстрирование какого-нибудь текста. Сама же система храмовой декорации, сама византийская система образов принципиально не иллюстративна. Любая нарративность внутри нее при пристальном исследовании оказывается нарративностью только в одном, обычно историческом плане; во всех остальных это будет сложная символическая конструкция. И, если угодно, каждый образ внутри нее – это “образ-парадигма”, в котором конкретное событие или явление никогда не существует само по себе, но всегда представляет собой отсылку к другому символическому плану. Еще раз проговорить очевидное нас заставляет непонятность предложенной терминологии вкупе с ее греческой, а, стало быть, отчасти и византийской этимологией. Эта омонимичность греческому вводит читателя в заблуждение, тем более что сама странная стратификация образов, предложенная Лидовым, подразумевает качественные различия разных образов (“образа-парадигмы” и “образа-иллюстрации”, например), что формально идет вразрез как раз с основами византийской образности.

Автор декларирует отказ от “традиционной методологии иконографических исследований”: от неперемennого связывания текста и иллюстрации²². Однако для него остается очевидным, что кроме аутентичного текста подтвердить те или иные исследовательские идеи нечем, ведь он сам время от времени сетует на отсутствие достаточного количества источников¹⁹.

Пытаясь обобщить впечатление от сборника, мы будем вынуждены заметить, что, при неоспоримом наличии огромного поднятого пласта самых разных наблюдений по поводу византий-

ской декорации и иконографии²⁴ сама заявленная методология, к сожалению, не дает того, что обещает: она не предоставляет универсального инструмента для объяснения изобразительной системы и ее конкретных частей. Более того, результат изобретения термина “иеротопия” отчасти оказался прямо противоположен желаемому, так как предложенный метод ведет к исчезновению дистанции между предметом и исследователем, который вынужденно оказывается в роли работающего на свой страх и риск вне какой бы то ни было конфессии теолога. Нагромождение вспомогательных терминов, по большей части синонимичных византийским, и не всегда понятное для читателя их употребление тоже отменяет прямой прикладной смысл нововведения. Наша претензия к предложенной методологии – то, что она не отвечает основному критерию научного исследования, который подразумевает четкое разделение цитаты из истории культуры и того, что об этой цитате думает исследователь. В предложенном способе описывать явления не просто нарушена эта иерархия, но материал подан таким образом, что читатель не всегда оказывается в состоянии отделить историческую цитату от исследовательского высказывания. Но все это, повторю, никак не влияет на безусловную ценность большинства наблюдений, сделанных автором.

¹ О других методологических опытах и попытках нового подхода к средневековому визуальному наследию см., например, в рецензии на сравнительно недавно вышедшие за пределами России работы. *Воскобойников О.С.* Новые подходы к традиционным вопросам: рец. на книги: Wirth J. *L'image à l'époque romane*. P., 1999; Recht R. *Le croire et le voir. L'art des cathédrales: XII–XIII siècle*. P., 1999 // *Одиссей: Человек в истории: Слово и образ в средневековой культуре*. М., 2002. С. 365–437.

² *Лидов А.М.* Иеротопия: Пространственные иконы и образы-парадигмы в византийской культуре. М., 2009. С. 11.

³ Там же. С. 14.

⁴ *Флоренский П.А.* Храмовое действо как синтез искусств. М., 1922.

⁵ Например, в книге: *Grabar A.* *L'empereur dans l'art chrétien*. P., 1936.

⁶ *Wagner R.* *Die Kunst und die Revolution*. Leipzig, 1849.

⁷ *Гройс Б.* *Gesamtkunstwerk Stalin*. Wien, 1988.

⁸ *Лидов А.М.* Указ. соч. С. 12–16.

⁹ Там же. С. 131.

¹⁰ Там же. С. 127–129, ил.: с. 126.

¹¹ Там же. С. 125.

¹² *Kessler L.H.* *Configuring the invisible by coping the Holy Face // The Holy Face and the Paradox of Representation*. Bologna, 1998. P. 129–152.

¹³ *Лидов А.М.* Указ. соч. С. 125–127, ил.: с. 122.

¹⁴ Там же. С. 127.

¹⁵ Там же. С. 137–161.

¹⁶ Там же. С. 155–156.

- ¹⁷ Там же. С. 157. Представляется, что в слове “образ-парадигма” род должен по правилам определяться все-таки основным словом, а это, как следует из словоупотребления в книге, все-таки “образ”, а не “парадигма”. См., например, *Розенталь Д.Э.* Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. М., 2006. С. 264. § 185, п. 5; С. 276. § 192, п. 5.
- ¹⁸ *Лидов А.М.* Указ. соч. С. 211–225.
- ¹⁹ Там же. С. 223.
- ²⁰ См., например: Там же. С. 118, 129, 130.
- ²¹ Там же. С. 227–259.
- ²² Там же. С. 131.
- ²³ См., например: Там же. С. 251.
- ²⁴ То, что написано до разработки теории иеротопии, выгодно отличается отсутствием дополнительной теоретической части, но не менее интересно по существу, например, статья “Чудотворные иконы Софии Константинопольской” (см.: Там же. С. 163–209).

А.Б. Герштейн

СОХРАНЯЯ ПРАВО: “ВАРВАРСКАЯ ПРАВДА”
МЕЖДУ РИМСКОЙ ТРАДИЦИЕЙ
И ЦЕРКОВНЫМИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛАМИ

Вестготская правда: (Книга приговоров): [Латинский текст. Перевод. Исследование] / Отв. ред. О.В. Ауоров, А.В. Марей. М., 2012. 944 с.

Вышло в свет издание, объединившее под одной обложкой латинский текст “Вестготской правды”, ее перевод на русский язык и исследовательские статьи по истории Испании VI–VIII вв. Это – знаковое событие в медиэвистической историографии сразу в нескольких отношениях.

Впервые в отечественной историографии “*Liber iudicorum*” полностью переведена на русский язык с комментариями. Это второе (после “Салической правды”) издание, которое делает возможным основательное знакомство русскоязычных читателей с обществом и правом варварских королевств. Настоящее издание не имеет аналогов по полноте, поскольку в нем также целиком опубликован текст источника на языке оригинала.

Проблема смены эпох всегда привлекала внимание исследователей. Предметом особого интереса в мировой исторической науке был и остается переход от Античности к Средневековью, континуитет политико-правовых и интеллектуальных традиций греко-римской цивилизации или их дисконтинуитет. “Вестгот-

ская правда”, как показано в ряде статей, предвещающих публикацию, является своеобразным “мостом” между постклассическим периодом римского права и временем его активной рецепции в Средневековье и раннее Новое время¹. Поэтому, несомненно, выигрышным вариантом было издание параллельно латинского текста и русского перевода “Книги приговоров”. Так читатель сможет увидеть следы античного культурного влияния в собственно содержании “*Lex visigothorum*” и особенностях ее оформления. А также – оценить стилистические особенности памятника, ведь они в определенной степени заимствованы из авторитетных юридических и религиозных текстов.

Издание включает в себя: исследовательские статьи, латинский текст “Вестготской правды”, комментированный перевод источника на русский язык, указатель основных юридических терминов, библиографию, 4 приложения².

Особую ценность издания, помимо фундаментального труда по переводу 12 книг “*Lex visigothorum*” представляют статьи международного коллектива специалистов. Исследования историков и историков права из России, Испании и Израиля помещают текст “Вестготской правды” в политико-правовой, интеллектуальный и социокультурный контекст периода составления законов (V–VII вв.) и их бытования в следующие столетия.

Выделенные О.В. Аурувым причины кодификации законов вестготских королей³ заставляют увидеть “Книгу приговоров” как источник по истории права, в котором нашли отражение сложные социокультурные, политические процессы, идеологические стратегии власти, имевшие место в Вестготском королевстве в VI–VIII вв. – т.е. те характеристики состояния развития общества и государства, которые имеют свою специфику в конкретный исторический период, и в то же время являются общими для любого средневекового государства. Одной из основных является рефлексия представителей политической и интеллектуальной элиты о континуитете/дисконтинуитете с античной цивилизацией. Действительно, по тексту “*Liber iudicorum*” видно, что в Вестготском королевстве сохранился высокий уровень правовой теории; заметно и влияние идей Исидора Севильского, в частности, его стремление сохранить в современном ему обществе осознание преемственности с античным прошлым. Сознательное обращение к римскому наследию при построении идеологического концепта легитимности власти правителя также отражено в источнике. Таким образом, кодификация законов вестготских королей в сере-

дине VII в. предстает далеко не только как регламент правовых отношений и судопроизводства – но и как манифест, закрепляющий в праве образ королевской власти в новой, “постантической” системе политических, религиозных и социальных реалий.

Положение различных этносоциальных групп, их права и взаимоотношения также являются одним из основных объектов изучения при анализе памятников права. Авторский коллектив издания уделил пристальное внимание этой проблематике. Так, в очерке “Общество в королевстве вестготов” О.В. Ауров прослеживает эволюцию от четкого разделения общества вестготского королевства на испано-римлян (отродоксов) и варваров-готов (ариан) к их постепенному слиянию (с всеобщим признанием Никейского символа веры в 589 г.) в единую социально-политическую элиту, что наглядно отражено и в законодательстве вестготских королей. Право в этом смысле является для короля способом конструирования реальности, претворением в жизнь реформ и в то же время свидетельством их эффективности (или неэффективности), и косвенным отражением интересов и влияния знати и различных социальных слоев вестготского королевства.

Взаимоотношениям арианской и ортодоксальной Церквей в вестготском королевстве посвящено исследование И.А. Копылова⁴. Признавая скудость источниковой базы в вопросе истории арианства в Вестготской Испании, автор, привлекая материалы по истории Вандальского королевства, реконструирует развитие институтов арианской церкви, особенности ее сосуществования с приверженцами ортодоксального христианства и с властями придерживающимися. Так, автор констатирует, что арианские епископы, в отличие от ортодоксальных, не имели тесной связи с городом (с. 187), поэтому в источниках чаще говорится о епископах народа или области. Этим же объясняется и наличие совета арианских епископов при короле. В дальнейшем ариане переняли иерархию, принятую в ортодоксальной церкви. И.А. Копылов объясняет это стремлением конкурировать с приверженцами Никейского символа веры и вытеснить их с занимаемых позиций. Естественным следствием создания в арианской Церкви институтов по образцу ортодоксальной стало сближение двух ветвей христианской религии.

Важной исследовательской проблемой является отношение королевской власти к институту арианской и ортодоксальной Церкви. Очевидной представляется установка вандальских и вестготских королей рассматривать религию как форму социально-

политической связи, как способ объединения различных этносов под началом короля в одно государство. Сначала в качестве таковой рассматривалось арианство, затем выбор был сделан в пользу ортодоксального христианства.

Названное стремление вестготских королей консолидировать общество можно проследить и на законодательстве в отношении еще одной религиозной и социально обособленной группы – еврейской общины вестготского королевства. Есть свидетельства о пребывании евреев на Пиренейском полуострове еще в I в. н.э., т.е. примерно за три века до появления там готов.

XII книга “Вестготской правды” полностью посвящена регламентации жизни иудеев. Хотя она и называется “Об устранении притеснений и обо всех искорененных еретических течениях”⁵, этим термином наделяется только иудаизм. Л.В. Чернина в своей статье⁶ показывает, что “более или менее последовательная анти-иудейская политика начинает внедряться вестготскими королями именно после отказа правителя от арианства и обращения в католицизм” (с. 156). Среди комплекса причин, по которым вестготские короли ограничивали евреев в отправлении иудейских обрядов, налагали имущественные и социальные ограничения, приговаривали к изгнанию или смерти, Л.В. Чернина выделяет стремление правителей объединить всех своих подданных в единое христианское общество, которым управляет светская власть в союзе с Церковью (с. 163). Для интеллектуальной и одновременно религиозной элиты Вестготского королевства⁷, которая создала соответствующую идеологическую программу, исповедующие иудаизм не вписывались в построенную схему, выступали “предателями” “нерушимого единства теократической власти” (с. 159). Здесь же автор делает важную оговорку: эта борьба с неверными не носила антисемитского характера. Евреи, перешедшие в христианство, принимались как полноправные члены общества и обладали всеми правами и обязанностями наравне с христианами (с. 170).

Расхождения в писаных нормах закона и их практическом исполнении – один из важных вопросов при изучении памятников права. Л.В. Чернина касается и этой темы, отмечая, что частные повторения запретов говорят о низкой эффективности обнародованных мер, выделяя, в частности, пассивное, а иногда и активное противодействие знати королевским законам.

В отношении к евреям проявляется единство одних и противоположные другие общественных групп вестготского королевства.

Также видно, что гонения на иудеев были вызваны идеологическими и политическими причинами, а покровительство – экономическими.

Закон преследовал, впрочем, и представителя любого социального статуса, если было совершено преступление. Право убежища, закрепленное в “Вестготской правде”, определенным образом отражает отношения между Церковью и вестготской монархией и показывает, как функционировали источники права в позднюю Античность и Раннее Средневековье. Э. Осаба в своей статье указывает на наличие религиозных и правовых основ возникновения института убежища. Это разделение было не только теоретическим: фактически, предоставляя убежище осужденному, Церковь вмешивалась в пеницитарную политику государства, препятствовала ей (с. 189–190). Таким образом, право убежища было, потенциально или в реальности, еще одним полем противостояния светской и духовной власти. Власть Церкви проявлялась также и в том, что ей принадлежала функция посредника между светской властью и преступником (в том числе предателем или врагом короля); она определяла порядок выдачи укрывающегося в святом месте, настояв прежде на прощении и отвратив тем самым от провинившегося смертную казнь как наказание. Это в свою очередь давало Церкви возможность получить еще большую власть.

Разделение между частным и публичным правом, гражданским и уголовным, как представляется А.В. Марей⁸, можно было бы провести, рассмотрев институт деликта в тексте “Вестготской правды” (с. 136). Наличие или отсутствие деления правонарушений на частные и публичные связано с определенным уровнем развития правовой культуры и признанием определенного уровня автономии личности. А.В. Марей приходит к выводу о том, что невозможно провести грань между частным и публичным правонарушением в вестготском праве на основе лексикографического анализа источника. Так же как и различить цивильно-правовую и уголовно-правовую формы процесса (с. 141). Ниже автор делает вывод о том, что все право вестготского королевства было публичным, поскольку вестготские юристы “не мыслили личность как основу своей правовой системы” (с. 150). А.В. Марей ставит под сомнение правомерность определения “Вестготской правды” как памятника рецепции римского права на том основании, что создатели свода не позаимствовали одно из самых главных достижений римского права – его систему (с. 142).

Этот вывод требует дополнительных уточнений, поскольку в ряде других статей издания неоднократно говорится об элементах преемственности вестготского права с постклассической правовой традицией. Более того, анализируя готские нотариальные формулы, К. Петит⁹ приходит к выводу о наличии в VII в. на Пиренеях культурно развитого общества. По формулярам видно, что их авторы хорошо знали библейские тексты и сочинения отцов Церкви, в отдельном случае – также и латинскую метрику (с. 228). Автор видит в стилистических и формальных атрибутах составления нотариальных формул позднеримскую традицию (с. 228). Однако не только ее.

К. Петит также уделяет внимание стилистике вестготского законодательства¹⁰. Отмечая развитую структуру текста закона Речесвинта, частоту двучленных формул, автор статьи констатирует применение синонимии и антитезы, аллитерации и анафоры в качестве риторических средств (с. 234). Читателя “Одиссея” заинтересует семантически сложное использование метафоры¹¹: сам закон Речесвинта представляется как лекарство, которым умело пользуется король¹². Эта метафора продолжается антитезой: король “лечит” сразу “два зла” – т.е. признает ничтожными те решения судей, которые были заключены из *страха* перед королевской властью или по ее *приказу* (с. 234)¹³. Таким образом, видно, что риторические приемы играют в нормативном тексте практическую функцию – они призваны укрепить действенность закона, изданного королем.

Усложнение структуры документов светских правителей прямо соотносится с присутствием людей Церкви при дворе короля, с возрастающей ролью Церкви в делах государства, что сказалось, в том числе, на сближении языка соборных постановлений с лексикой текстов королевской канцелярии (с. 235).

С тематикой “Одиссея-2003: Язык Библии в нарративе” переключается анализ роли Священного писания в законотворческой деятельности вестготских королей. На конкретных примерах К. Петит показывает, как цитаты из Псалтыри или пророков придают авторитет изданным законам. Священное писание являлось своеобразным кодексом и “неистошимым хранилищем”, откуда заимствовались слова, фразы, риторические фигуры, и как они служили для построения торжественных вступлений и изложений законов (с. 236–242).

Нельзя не сказать о том, что осмысление реальности через топосы Священного писания отразилось и в правовых текстах. Так, К. Петит показывает, как, имея базой библейские тексты,

представления о скором конце света влияют на законотворчество. Ярче всего это проявилось в антииудейском законодательстве.

Также связь фигур короля, закона, Священного писания сформировало образ короля-законодателя как посредника между вневременной (божественной) справедливостью и преходящим людским искажением небесного порядка. Король, публикуя законы и следя за их неукоснительным исполнением, восстанавливает божественную справедливость. Этим идеям была уготована долгая жизнь: они проявятся и в ряде законодательных памятников Классического Средневековья и раннего Нового времени.

О распространении положений “Вестготской правды” в последующие столетия можно получить представление из очерка Г.А. Поповой¹⁴. В нем читатель найдет сведения о существующих изданиях “Книги приговоров”, описание 40 известных на сегодняшний день рукописей “*Liber iudicorum*”, с характеристикой места и времени создания, материала, особенностей оформления. Географический ареал распространения списков в VIII–XIII вв. дает информацию о правоприменении свода законов, особенностях этого процесса в разных областях Пиренейского полуострова. Также, видя изменения состава кодексов, читатель имеет возможность проследить характер эволюции традиции вестготского законодательства (с. 115). Кроме того, определенную ценность представляли не только собственно правовые положения свода. Тот текст, который не соотносился с текущей правовой практикой, мог выступать как образец стиля, формул для документов или источником общих идей (с. 131). Хорошим дополнением к тщательной работе по описанию и систематизации описаний рукописей могли бы стать карты, которые более наглядно позволили бы оценить ареал распространения текста “Вестготской правды” и разнообразия мест современного хранения этих рукописей.

Опубликованные статьи посвящены как общей проблематике по истории Испании соответствующего периода, так и частным вопросам. Некоторые сюжеты статей неизбежно перекликаются, что, с одной стороны, говорит о широком тематическом охвате исследований, но, с другой стороны, порождает повторы, которых, впрочем, сложно было совсем избежать в столь масштабном труде. Несомненным плюсом является общее для многих статей сравнение вестготских источников с материалами по истории других варварских королевств – вандальского, лангобардского, франкского. Подобное сопоставление помещает историю вестготов и “*Liber iudicorum*” в общеевропейский правовой и социкультурный контекст.

В целом, настоящее издание ценно не только введением в оборот в отечественной историографии важного источника по истории права раннего Средневековья и изданием латинского текста памятника. Едва ли не более значимым представляется собранный под одной обложкой комплекс исследований по истории Испании V–VIII вв. Авторам и редакторам издания удалось главное – воссоздать социокультурный, политико-правовой и исторический контекст публикуемого источника. Благодаря этим исследованиям “Вестготская правда” раскроется перед читателем как многослойный текст, где видно, как стремительно меняются реалии и как сохраняются традиции.

- ¹ *Ауров О.В.* Предисловие // Вестготская правда (Книга приговоров): [Латинский текст. Перевод. Исследование] / отв. ред. О.В. Ауров, А.В. Марей. М., 2012. С. 12.
- ² Латинский текст и перевод переписки Баулиона Сарагосского и короля Ресесвинта; хронологические таблицы, публикацию и перевод вступительного титула “Вестготской правды”, сводную таблицу сведений о рукописях “Вестготской правды”.
- ³ См.: *Ауров О.В.* Вестготская правда (Книга приговоров): причины, источники и основные этапы истории кодификации // Вестготская правда (Книга приговоров). С. 96–107, особенно 96, 102–103.
- ⁴ См.: *Копылов И.А.* Арианская Церковь в королевстве Вестготов // Вестготская правда (Книга приговоров). С. 173–187.
- ⁵ “Liber duodecimus: De removendis pressuris et omnium ereticorum sectis extinctis” // Вестготская правда (Книга приговоров). С. 438–468.
- ⁶ *Чернина Л.В.* Евреи в Вестготском королевстве // Вестготская правда (Книга приговоров). С. 152–170.
- ⁷ В первую очередь – Исидор Севильский, Браулион Сарагосский, Юлиан Толедский.
- ⁸ *Марей А.В.* Уголовное и гражданское право в “Вестготской правде” (“Книге приговоров”) // Вестготская правда (Книга приговоров). С. 134–151.
- ⁹ См.: *Петит К.* К вопросу о правовой практике юга Пиренейского полуострова // Вестготская правда (Книга приговоров). С. 222–229.
- ¹⁰ *Петит К.* Вестготское право VII века: попытка синтеза и интерпретации // Вестготская правда (Книга приговоров). С. 229–242.
- ¹¹ См.: *Одиссей.* Человек в истории: История как игра метафор. Метафоры истории, общества и политики. М., 2007.
- ¹² LI. II. 1,29. Ср.: LI. XII. 2,1. См. об этом также: *Rituals of Power: From Late Antiquity to the Early Middle Ages* / ed. by F. Theuvs, J.L. Nelson. Leiden; Boston, 2000. P. 75.
- ¹³ См.: LI. II. 1,27(29). Русский перевод см.: Вестготская правда (Книга приговоров). С. 514.
- ¹⁴ *Попова Г.А.* Вестготская правда (Книга приговоров): рукописная традиция и история издания // Вестготская правда (Книга приговоров). С. 108–133.

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Л.М. БАТКИНУ 80 ЛЕТ

Л.М. Баткин принадлежит к числу ученых, которые, по сути, спасли российскую гуманитарную мысль и академическую жизнь от полной стагнации и упадка в унылые годы третьей четверти прошлого века. Лишь немногие обладали достаточной внутренней силой, интуицией, талантом для того, чтобы отстаивать право ученого быть свободным от тоскливого повторения старых истин и навязанных идеологических шаблонов, чтобы позволить себе существовать в пространстве сомнения, поиска и свободной рефлексии. Леонид Михайлович никогда не был советским ученым, но всегда, начиная со своих ранних работ, ощущал себя частью открытого интеллектуального сообщества, не имеющего временных или пространственных границ, включающего как предшественников, так и младших коллег, как собеседников в институтском коридоре или библиотечной курилке, так и людей, работающих в других странах или на других континентах. Главной чертой тех людей, с которыми, судя по его работам, Леонид Михайлович ведет диалог, которых он отбирает себе как собеседников, можно считать свободу и глубину мысли, отсутствие пошлой банальности и вторичности суждений, способность к парадоксальному и, зачастую, противоречащему бесспорным авторитетам мнению. Талант и внутренняя свобода всегда позволяли ему игнорировать чужую глупость и подлость, не воспринимать это серьезнее, чем просто досадную внешнюю помеху на его пути. Леонид Михайлович никогда не был просто “научным сотрудником”; как каждый настоящий, большой ученый он далеко выходит в своей работе за формальные рамки, очерченные критериями эрудиции, владения методами исследования и прочим профессиональным инструментарием. Не будет лезть назвать его социальным мыслителем, чьи размышления о культуре далеких эпох были продиктованы отнюдь не только чистым академическим любопытством, но личной сопричастностью большой европейской культуре, стремлением понять особенности ее развития и ее влияние на формирование определенного типа человека. Работы Леонида Михайловича несут печать этого глубокого личного интереса, который во многом позволяет ему выполнять главную и самую тяжелую работу

историка: воскрешать людей, которые давно умерли, однако не утратили важности для современного сознания. Абеляр, Данте, итальянские гуманисты, Руссо – не просто объект наблюдения, но живые собеседники, с которыми Леонид Михайлович спорит, соглашается, пытается расшифровать смысл их послания европейскому обществу. Их мысли, чувства, дела не канули в Лету, они сохраняют свою значимость не как антикварные раритеты, но как актуальные высказывания, имеющие более близкое отношение к живой действительности, чем многие модные и амбициозные интеллектуальные проекты наших дней. Леонид Михайлович не только великолепный автор, совмещающий энциклопедические знания и оригинальность мысли с талантом искушенного стилиста, но и блистательный оратор. Его лекции и публичные выступления уже много лет доставляют удовольствие аудитории, а личный разговор с ним – настоящая привилегия для собеседника. Редколлегия Одиссея уже много лет пользуется возможностью эксплуатировать многочисленные научные таланты Леонида Михайловича, считает его не просто коллегой и всегда желанным автором ежегодника, но и одним из “отцов-основателей” и вдохновителей издания. Мы все поздравляем юбиляра и рассчитываем прочесть много его новых работ, а также регулярно слушать его точные, изысканно-язвительные, но справедливые замечания о статьях, поступающих в редколлегию.

М.Ю. Пармонова

IN MEMORIAM

Георгий Степанович КНАБЕ
(20 августа 1920 – 30 ноября 2011)

Ушел из жизни Георгий Степанович Кнабе, главный научный сотрудник Института высших гуманитарных исследований РГГУ. Всех, кто знает и ценит его работы, не могла не удивлять широта интересов и оригинальность подходов, проявленные им как в монографии о Таците, так и в многочисленных исследованиях римского быта и культуры в самом широком смысле этого слова. То, что Георгий Степанович писал и произносил с различных кафедр, чаще всего имело самое непосредственное отношение к исторической повседневности, к жизни “как она есть” и в то же время всегда было наполнено глубокими размышлениями о проблемах и противоречиях современного общественно-исторического познания, об ответственности ученого-историка перед объективностью истины, интенсивным переживанием дихотомии “строгость науки и безбрежность жизни” (см., например: Одиссей. 1993. С. 254). Внимание к исторической детали, отточенное инструментами профессионального филолога, неотделимо для него от уважения к высокой теории. Неуклонно следуя этим принципам гуманитарной науки, Георгий Степанович заметно расширил исследовательское поле современного антиковедения, введя в сферу “большой” истории быт, повседневность, поведение и поступки отдельных людей, живших много столетий назад. Способность увидеть самому и виртуозное умение показать заинтересованным служителям и читателям двуединство высокой Культуры и культуры, растворенной в эмпирии повседневного существования, в материально-пространственной и предметной среде, в бесконечности индивидуального многообразия, обеспечим Г.С. Кнабе бесспорный авторитет в столь зыбкой области, как история и теория культуры.

О том, сколь интенсивно и плодотворно до самых последних дней работал этот замечательный ученый, красноречиво свидетельствуют опубликованные им в последние десятилетия новые книги: “Русская античность. Содержание, роль и судьба античного наследия в культуре России” (1999) и “Европа с римским

наследием и без него” (2011). В первой из них – работе в высшей степени оригинальной – речь идет вовсе не о привычной совокупности фактов и явлений, свидетельствующих о присутствии отдельных элементов наследия древней Греции и древнего Рима в культуре России, а о тех сторонах античного наследия, что были усвоены национальной культурой в соответствии с внутренними ее потребностями и стали ее органической составной частью.

Пожалуй, именно в этой книге в наиболее концентрированном виде были сформулированы уже задолго до того развиваемые Георгием Степановичем идеи об эпохальном характере “романтического” перелома, связанного с исчерпанием античного компонента национальной культуры. Ценности, обусловившие непреходящую роль античного наследия в культуре последующих веков как в Западной Европе, так и в России, основывались на некоторых определяющих чертах античного уклада и мировоззрения: на понятии нормы как внутренне пережитого и безусловного долга человека перед обществом; на понятии классического как зыбкого, неустойчивого равновесия между личным и общественным, между субъективным и объективным, которое, как правило, нарушалось в общественной практике, но как идеал и норма всегда сохранялось в жизни народа и его искусстве; на понятии эстетической формы как критерия и залога совершенного, вследствие этого внятного гражданам, коллективу и потому подлинно реального бытия. Переход от этой старой, “античной” системы к новой, “экзистенциальной”, наметился в XIX в. в эпоху романтизма и вполне совершился тогда, когда античный тон, звучавший на протяжении столетий в западноевропейской и русской культуре, глохнет и меняет смысл, перестает быть тем, чем он так долго был. “Серебряный век” с его “прощальным” отношением к античности знаменовал собой эпилог, исчерпание “русской античности” и тем самым завершение одного из системообразующих процессов национальной культуры.

Вторая из упомянутых книг посвящена судьбам Европы, укорененной в римском наследии, которые виделась Георгию Степановичу весьма пессимистически: по его мнению, в ходе заключительных десятилетий XX столетия наступили коренные перемены, повлекшие за собой отказ от дотоле устойчивых, унаследованных от Рима слагаемых государственности и культуры. Отказ этот предполагает завершение бытия Европы как культурно-исторического целого, каким оно было нам дано на протяжении последних полутора тысяч лет. И все же в культуре и истории

Европы вопреки исчерпанию ее антично-римского слагаемого сохраняется ушедший в глубину и чаще всего неосознаваемый метафизический потенциал античного Рима – единство консервативной нормы и обновляющейся жизни.

Этот очень трезвый, но не лишенный печали взгляд на современность, которую Георгий Степанович проживал с полным самоотречением и заинтересованным погружением в самые разные и порой неожиданные среды, опирался на философскую рефлексию, филологический анализ, внятные и четкие жизненные принципы, которые он прокламировал ясно, но никому не навязывал.

Без Георгия Степановича Кнабе наша гуманитарная наука в самом широком смысле слова будет иной. Его присутствие среди нас было очень важным, даже если встречи в последние годы были редкими. Поэтому и память об ученом и человеке будет жить долго.

Е.В. Ляпустина

ПАМЯТИ
СВЕТЛАНЫ ВАЛЕРИАНОВНЫ ОБОЛЕНСКОЙ
(12.04.1925–26.10.2012)

Уже когда настоящий выпуск “Одиссея” был сверстан, в редакцию пришло печальное известие: 26 октября 2012 г. ушла из жизни Светлана Валериановна Оболенская, известный историк-германист, автор шести монографий и многочисленных статей, которые она последние 20 лет своей жизни публиковала в “Одиссее”. С нашим альманахом Светлану Валериановну связывало многолетнее сотрудничество. Она стояла у истоков “Одиссея”, долгие годы держала в своих руках все нити работы над изданием, самоотверженно занималась самыми трудными делами. Время ее сотрудничества с “Одиссеем” совпало с плодотворным и счастливым периодом в истории журнала – это было “золотое время”, время радостных перемен в нашем обществе и исторической науке: на заседаниях редколлегии и семинарах царила праздничная творческая атмосфера, а на страницах “Одиссея” публиковали свои статьи корифеи отечественной гуманитарной науки. Для Светланы Валериановны приход в “Одиссеей” был ознаменован новым поворотом в ее исследованиях – она заинтересовалась историей представлений русских и немцев друг о друге, и этой теме посвятила свои многочисленные статьи и изданную в 2000 г. книгу “Германия и немцы глазами русских: (XIX век)”. Кроме того она немало сил и времени отдала изучению истории повседневной жизни, чтения и многим другим темам, близким проблематике “Одиссея”. Светлана Валериановна успевала заниматься всеми этими сюжетами, несмотря на то, что колоссальная нагрузка, связанная с изданием “Одиссея”, лежала в основном на ее плечах.

Впрочем, еще задолго до появления “Одиссея” С.В. Оболенская составила себе в науке имя и стала известным и заслуженным ученым. На ее счету были монографии о Франце Меринге и Парижской коммуне, получившие высокую оценку книги “Франко-прусская война и общественное мнение Германии и России”, “Политика Бисмарка и борьба партий в Германии в 70-х годах XIX в.” и др. Все эти работы Светлана Валериановна сумела написать в сравнительно короткий срок, ибо в науку она пришла уже в довольно зрелом возрасте, имея позади нелегкий жизненный опыт.

Наш главный редактор и основатель “Одиссея” Арон Яковлевич Гуревич любил говорить, что все люди делятся на “благо-

даристов” и “вопрекистов” – тех, кого судьба балует и кому благоволит, и тех, кому пришлось пройти через суровые жизненные испытания. С.В. Оболенская была, несомненно, “вопрекистом”. Дочь известного партийного и государственного деятеля Валериана Валериановича Осинского (Оболенского), она провела свое детство в Кремле. Страшный 1937 г. с корнем вырвал ее из привычной среды, беспощадно и жестоко изменил судьбу ее отца и всех его близких. Отец и старший брат были расстреляны, мать отправлена в лагерь. Весной 1938 г. вместе с другими детьми “врагов народа” Светлана Валериановна оказалась в г. Шуе, в детском доме. Началась новая, полная лишений жизнь. Беды и страдания не сломили девочку, она изо всех сил стремилась учиться, стать человеком. Но дочери “врага народа” путь в университет был закрыт. После долгих мытарств С.В. Оболенской удалось поступить на исторический факультет Московского областного педагогического института. Здесь ей посчастливилось учиться у многих прекрасные педагогов, среди которых главным в ее жизни был, наверное, Альберт Захарович Манфред. Именно к нему Светлана Валериановна питала особые чувства любви и благодарности, и именно он сыграл в ее судьбе благотворную роль. Несмотря на отличную учебу, С.В. Оболенской как человеку с ущербной в советское время биографией не удалось поступить в аспирантуру. Она должна была уехать в г. Западная Двина, где на протяжении 14 лет работала учительницей в сельской школе. Отпуска и короткие поездки в Москву Светлана Валериановна использовала для того, чтобы заниматься в библиотеках и продолжать научную работу. Только после Оттепели, в 1961 г. она возвратилась в Москву и поступила в аспирантуру. После защиты диссертации она была оставлена в ИВИ РАН, где фактически трудилась всю свою жизнь. Долгие годы С.В. Оболенская работала вместе со своим любимым учителем А.З. Манфредом во “Французском ежегоднике”, и это тоже, как и в случае с “Одиссеем”, был весьма продуктивный и интересный период в жизни издания. Ее коллегами по ежегоднику и авторами журнала были известные историки и яркие личности – В.М. Далин, Б.Ф. Поршневу, Э.А. Желубовская. В унылую брежневскую эпоху в ежегоднике регулярно появлялись статьи зарубежных авторов, на страницах издания велись острые дискуссии. На протяжении долгих лет Светлана Валериановна публиковала здесь свои труды по истории Германии и Франции XIX в., вела огромную редакторскую работу и обеспечивала высокий уровень издания. Видимо, от своего учителя А.З. Ман-

фреда Светлана Валериановна унаследовала способность писать живо и ярко, создавать исторические образы. Она была мастером слова и обладала несомненным литературным талантом. Ее выразительный точный язык, отточенный стиль, наверное, объясняются тем, что с детства Светлана Валериановна была воспитана на русской классике, много и с наслаждением читала. Она очень внимательно относилась к стилю и требовала этого от своих авторов. Последние годы своей жизни Светлана Валериановна целиком отдалась литературной деятельности, написав немало художественных произведений, среди которых, быть может, главное место занимают ее воспоминания.

Несмотря на очевидные огромные заслуги, Светлана Валериановна никогда не получала никаких поощрений со стороны начальства. И это не удивительно. С.В. Оболенская была очень независимым и свободолюбивым человеком. Ее отличали прямота и искренность, ей органично было присуще чувство собственного достоинства. Она была, несомненно, идеалисткой и верила в справедливость и честность. Может быть, именно эти качества и помогли ей выдержать все удары судьбы. Ее дух не был сломлен, она сумела выстоять в самых тяжелых условиях, сохранив интерес к жизни и науке. И это тот урок стойкости и мужества, который она преподала всем нам; это то нематериальное наследие, которое она, помимо своих книг и многочисленных статей, передала нам. Светлана Валериановна прожила жизнь долгую, трудную, полную испытаний, но очень достойную и в общем счастливую.

ХРОНИКА

МИГРАЦИЯ И ИММИГРАНТЫ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ: ПРОБЛЕМА И ВОЗМОЖНОСТИ ЕЕ ИЗУЧЕНИЯ

Изучение миграций как сложного и комплексного явления, оказывающего воздействие буквально на все стороны социальной жизни, стало одной из главных задач современной социологии. Вместе с тем, сам феномен миграций столь же древен, как и история человечества, можно сказать, является ее неотъемлемой частью. Перемещения людей, отдельных сообществ и целых народов были и остаются инструментом не только преодоления культурных и политических границ, но и их изменения и трансформации, движущей силой создания новых территориальных и социальных общностей. Конференция, посвященная роли миграций в средневековой Европе и возможным подходам к изучению этого явления, точнее целого спектра самых разных явлений, описываемых понятием “миграции”, прошла 18 и 19 мая в Германском историческом институте в Москве и была организована совместными усилиями сотрудников Германского института, Института истории при Университете Гумбольда (Берлин) и Центра культурной и исторической антропологии Института всеобщей истории РАН. С докладами выступили 16 исследователей, представляющих университеты и исследовательские институты Москвы, Петербурга, Петрозаводска, Берлина, Зальцбурга, Цюриха и Эссена.

В центре внимания участников конференции было обсуждение как общих методологических и концептуальных проблем, так и отдельных сюжетов и исследовательских стратегий, применимых к исследованию конкретного исторического материала. Хронологически и тематически доклады демонстрировали широкий разброс – от эпохи переселения народов и раннего Средневековья¹ до первой половины XVII в.², от Византии и Южной Италии до Скандинавии и Исландии на севере и границ Киевской и Московской Руси на востоке. Следует отметить, что ряд докладов был непосредственно посвящен миграционным процессам в границах русского государства, в том виде как они формировались

на протяжении истории: от Киевской Руси до Московского царства XVII в.³

Разнообразием отличался и круг рассматривавшихся явлений, проанализированных в качестве примеров средневековой миграции: от переселений племен и целых народов (М. Боргольте, П. Шувалов, Й. Нихофф-Панагиотидис, Т. Джаксон), отдельных конфессиональных и профессиональных групп (Б. Шеллер “Миграции в Нижнюю Италию в позднее Средневековье”, К. Шульц “Миграции ремесленников и специалистов в Италию (XIV–XVI вв.)”, С. Близнюк “Миграции венецианцев на Кипр в XIII–XV вв.”, Ю. Шиль “Торговля людьми или трудовая миграция?”) до вынужденных или добровольных “путешествий” с военными или религиозными целями (С. Лучицкая «Народы Балкан в эпоху Крестовых походов: образ “Другого”», Т. Лозе “Благочестивые мужи и чужие страны: Глобально-исторические перспективы миграций средневековых аскетов, миссионеров, паломников”, М. Парамонова “Миссионеры в Центральной Европе в раннее Средневековье и трансформации культурных и политических границ”) или иммиграции индивидов (Б. Шлибен “Мысли в изгнании: Взгляд изнутри и извне, X век”). Весьма вариативно были представлены и разные ракурсы исследований: от возможностей реконструкции мира частных переживаний вынужденных мигрантов, смены или сохранения ими идентичности в новом окружении до воссоздания глобальной картины изменения культурных, политических и этнических границ обширных регионов в результате перемещения людей и сообществ.

Анализ современного состояния изучения средневековых миграций, включая обсуждение концептуально-понятийного и теоретического инструментария, и поиск новых исследовательских перспектив, стал центральной темой отдельных выступлений (этому был посвящен вступительный доклад М. Боргольте и в своей значительной части – Д. Хердера). Вместе с тем, рассмотрение этого круга вопросов можно назвать сквозной темой всей конференции: именно проблемы подходов и методов обсуждались в заключительной дискуссии, кроме того, применительно к конкретным задачам собственного исследования они затрагивались всеми без исключения докладчиками.

В первую очередь, в ряду острых и актуальных были представлены следующие вопросы: Следует ли своеобразие современного интереса историков к феномену миграций оценивать как взгляд через призму тенденций глобализации и сопровождающих

ее процессов интенсивного перемещения людей? Следует ли рассматривать глобализацию и миграции лишь как специфическое для последних десятилетий состояние развития человечества или же оно может быть “историзировано”, рассмотрено как специфическая константа всемирной истории? Можно ли, признав “глобальную историю” как атрибут Средневековья, говорить и о “глобально-историческом значении миграции” в эту эпоху с тем же основанием, что и применительно к новейшему времени? Можно ли выстраивать оправданные параллели между эпохой Средневековья (особенно раннего) и современностью как периодами активных миграций, результатом которых стало радикальное изменение всей привычной культурной и политической организации мира?

Второй круг вопросов был посвящен проблемам терминологии и семантики используемых понятий, их соотношения с историческими реалиями. Каков круг явлений, описываемых понятием “миграции” и стоит ли ограничивать его традиционным объектом интереса историков, таким как переселение “народов”, племен, многочисленных и относительно гомогенных этнических и политических сообществ? Включает ли он практики перемещения относительно небольших и специализированных сообществ – религиозных (миссионеры, паломники, крестоносцы), конфессиональных и профессиональных (ремесленники, домашние слуги) – или отдельных людей? Что вообще можно считать миграцией и имеет ли это явление какие-то точные количественные измерения: дальность перемещения, длительность пребывания на новом месте, степень воздействия на новое социальное и культурное пространство, изменение собственной идентичности. В докладах участников была явственно показана зыбкость границ между терминами и явлениями: миграции, переселения и вторжения нередко описывают одни и те же события, а их разделение и различие нередко порождается субъективными факторами, такими как точка зрения ученого, полнота и очевидность доступного ему материала. Нередко, прежде всего в случае с ситуациями скудости письменных источников или преобладания археологических источников, преувеличиваются масштабы собственно миграционных процессов, а очевидные изменения политического и культурного свойства связываются с воздействием переселенцев или завоевателей. Свидетельства культурных изменений трактуются как симптомы изменения этнического состава населения, в то время как они могут быть результатом иных ме-

ханизмов трансляции и распространения тех или иных практик в новых регионах и среди вновь образовавшихся сообществ. Более того, условность термина “миграция” обнаруживается и на уровне его соотношения с такими понятиями как “переселение”, “путешествие”, военная экспедиция, торговое предприятие, религиозная миссия. Можно ли считать эти формы перемещений всего лишь подвидами миграции или они являются таковой только при определенных условиях? Насколько длительным и далеким должно было быть путешествие, чтобы его можно было считать миграцией? Навсегда или на определенное время должны были уезжать воины, ремесленники, купцы, клирики, чтобы считаться мигрантами? Является ли условием такой дефиниции фактор личного намерения укорениться в чужом социуме или критерий разрыва с “родным” сообществом и ассимиляция в новой среде? В какой степени масштабы и значимость миграции могут оцениваться по тому воздействию, которое вновь прибывшие (переселенцы или завоеватели) оказывали на местное население?

Все многообразие средневековой миграции лишь с большой условностью может быть уложено в русло двух теоретических парадигм. Одна из них – это восприятие миграции как антропологической константы, неотъемлемого элемента существования человека в обществе и важнейшего элемента всей системы социальных коммуникаций. Другая – историко-социологическое понимание миграции как совокупности глобальных процессов перемещения человеческих сообществ, связанных с изменением устоявшихся этнических и политических границ и формированием новых культур, народов и государств.

Наконец, третий круг общетеоретических проблем был связан с обсуждением методов изучения средневековой миграции во всех ее проявлениях и способов интерпретации исторических свидетельств. Более или менее очевидным представляется наличие у участников конференции двух подходов к предмету: один из них может быть определен как историко-социологический, второй – как историко-культурный. Первый предполагает в первую очередь установление точных данных о масштабах миграции и ее характере, местоположении мигрантов, их социальном статусе и функциях, отношениях с местным населением. Второй в большей степени нацелен на выяснение культурных последствий и влияний процессов переселения и перемещения, таких как смена или трансформация идентичностей, участие мигрантов в трансляции культурных кодов, поведенческих моделей, текстов и идей. По-

становка этих проблем во многом отражает влияние современных социальных исследований, однако изучение средневековых реалий требует специфических исследовательских стратегий. В первую очередь, это объясняется спецификой источников, которые представляют либо косвенную (как, например, археологические свидетельства), либо крайне фрагментарную, либо заведомо или непреднамеренно искаженную информацию о мигрантах и миграции. Это относится прежде всего к свидетельствам раннесредневекового происхождения, но не менее актуально и для эпохи раннего Нового времени. В любом случае, вопрос о численности, равно как и о происхождении, самосознании и степени воздействия на сообщество “мигрантов” самого разного свойства нуждается в критической проверке, позволяющей остановить распространение в современной историографии мифов и предрассудков, уходящих своими корнями в глубокую древность.

Н.Ф. Сокольская

¹ Феномену “переселения народов” был специально посвящен доклад П. Шувалова “Раннеславянская экспансия: Критические соображения по источникам и гипотезам”, однако проблемы раннесредневековых миграций племен и “народов” затрагивались и в ряде других докладов: М. Боргольте “Состояние исследований проблемы миграций в медиевистике”, Д. Хердер “Миграции – путешествия – культурный трансфер – торговля: к концепциям исследований миграции на примере восточнославянского-русского региона”, Т.Н. Джаксон «Из Норвегии в “Ледовую страну”: о норвежском заселении Исландии в конце XI в.», Г. Пикан “Татарское иго или Pax Mongolica? Татарское влияние на развитие Руси”; Й. Нихофф-Панагиотидис “Этногенез и миграции на территории Византийской империи”

² Хронологически самым “поздним” был доклад А.В. Толстикова “Положение православных подданных шведской короны во второй половине XVII в. и проблема миграции”, посвященный проблемам переселения и смены идентичностей “русским” православным населением “Ижорской земли” и Карелии, перешедших под власть Швеции.

³ Общая картина миграций как фактора российской истории с IX по XVII в. была представлена в докладе Д. Хердера, который не только подчеркивал, что перемещение людей, сообществ и этнических групп можно считать своего рода константой развития российской государственности, но и использовал этот исторический материал для постановки некоторых общих проблем изучения миграции как исторического феномена. Помимо указанных выше, следует также назвать доклад П.С. Стефановича “О норманнской миграции на Руси в X–XI вв.”.

SUMMARIES

TREASON: A HORIZON OF HISTORICAL EXPERIENCE

K.A. Levinson

Introduction

Essays collected in this section represent a historical approach to treason and betrayal as the opposite of loyalty and fidelity, values that were central to the medieval western Christian civilization. Contrary to what one might assume, meanings of these concepts were far from being universal and identical throughout the ages, making it sometimes very difficult for us to see whether and why people in the past regarded certain actors as traitors or not.

Drawing upon a vast pool of medieval French epic poems, Svetlana Luchitskaya in her paper “Treason and betrayal in twelfth and thirteenth century chansons de geste” analyzes various cases of betrayal among Christian knights as well as Moslem rulers, showing how individual’s disloyalty and religious infidelity might intermingle and change over time. While attending to a similar subject matter and the same epoch, but using other sources, Anna Gershtein in her essay “Crusader Frederick II’s service and betrayal: on the peaceful ‘conquest’ of Jerusalem by the Staufer emperor” shows how differently the emperor and the Catholic church understood loyalty and keeping one’s word. The article shows how breach (maybe an apparent one) of one loyalty may well have to do with establishment or upholding of another.

On the other hand, being unfaithful in one respect can imply being also unfaithful in other related or unrelated respects, at least in the eyes of one’s environment. For medieval France and Switzerland, Olga Togoëva shows in her paper “Red-haired and left-handed: Judas’ betrayal in the medieval legal discourse” that alleged witches were believed to be betraying not just their neighbors but also God and the Church, which made the figure of Judas an often used metaphor for them, with red hair and left-handedness as their common distinctive features.

Being treacherous is not necessarily a trait inherent to a person or an act. Rather, it is a matter of transient interpretations, as Elena Braun

shows in her article “Richard III and ‘the Princes in the Tower’: the birth of a legend”. While in his time the shrewd and king was barely regarded as a traitor, subsequent generations saw a dramatic change in the perception of his actions, because the ideas of treason changed.

Even though absolutist monarchs in early modern France claimed to incorporate the state, they were under certain circumstances subject to accusation of high treason, Ludmila Pimenova argues in her paper “When the king becomes a traitor”. The author shows how the changed legal and social situation after the 1789 revolution meant that Louis XVI who turned from an anointed ruler to a head of the executive acting on a public contract basis could be arrested and put on trial after an attempted desertion and alleged complot.

Outside Europe concepts of disloyalty were different, as Roman Shlyakhtin demonstrates in his paper titled “Treason in Pontus: traitors, renegades and defectors in the Byzantine-Seljuk military conflict (1170–1204)”. Such things as personal faithfulness towards one’s sovereign or a dutiful patriotic attitude were unknown in this culture at that time. Therefore, the words *traitor* and *defector* were used there in completely different contexts and with meanings that differed from the western ones. When studying treason in Byzantium, we study phenomena only partly resembling or comparable with treason in medieval Western Europe.

When exporting its population and religions overseas, the Western European culture also exported its concepts of betrayal and the models of its interpretation. Olga Okuneva in her paper on “Treason and traitors in French Brazil in the sixteenth and early seventeenth century” describes several cases of French and Portuguese settlers’ behavior that, depending on the overall attitudes of commentators, was reproached as treacherous by some contemporaries but pleaded fair by others, especially by those accused of treason.

S.I. Luchitskaya

Treason And Betrayal in twelfth-thirteenth century chansons de geste

The article reconstructs the conception of treason and the image of a traitor as mirrored in the Old French epic. The author analyses the modes of representation of traitors in the *chansons de geste* of the twelfth and thirteenth centuries. She is interested to know how the

traitors are identified in medieval literature and how they function, what are their aims and motives for their actions and what social conditions are favourable for their activities. An analysis of the conception of treason throws light on crucial features of the feudal social order which is based on lord-vassal ties, kinship and religion. It is those ties which are most threatened by the traitor's behaviour.

A.B. Gerstein

**Crusader Frederick II: Betrayal of
the Crusade idea**

The article analyses the circumstances which played essential role in the development of the idea of the Sixth Crusade (1228–1229). The author compares ecclesiastical and secular attitudes towards the Crusade as embodied in the figures of the emperor Frederic II and Pope Gregory IX. Anna Gerstein focuses on the different forms of the struggle for the *plenitudo potestatis* between *regnum* and *sacerdotium* during the Sixth Crusade. She shows that the same acts could be interpreted by contemporaries in different way depending upon different systems of values, either as the fulfilment of a vow or as treason against the Crusade idea.

R.O. Shliahtin

**Treason in pontus:
traitors, renegades and defectors
in the byzantine-seljuk military conflict
(1170–1204)**

The aim of this study is to investigate different cases of "betrayal" in the chain of military conflicts between Byzantium and conglomerates of Turks in the eleventh and twelfth century and to compare Byzantine concept(s) of betrayal with the one present in contemporary medieval Europe. In the first part of the article the author analyses the terms, which Byzantine writers of the period used for different kinds of betrayal. In the second part of the article he studies "treason" as the "constant business" of some Komnenoi, focusing on the problematic figure of Andronikos I Komnenos. In the third part, Roman Shliahtin explores the history of the Gabrades family: members of this Anatolian clan used treason to strengthen the family's links with both sides of the conflict.

O.I. Togoeva

**Red-haired and left-handed:
Judas' betrayal in the medieval
legal discourse**

The article analyses the medieval understanding of treason in Western Europe and, in particular, the betrayal of witches and sorcerers with respect to the Christian community. The author investigates the formation of the ideas about the witches' "sect", their "plot" against the Christians as well as their relations with the Devil and their participation in the Sabbath. The author also focuses on the problem of the visualization of the witch's image and the use of the image of Judas in the early iconography of witches and sorcerers.

E.D. Braun

**Richard III and 'the Princes in the Tower':
The Birth of a legend**

The article focuses on one of the best known treasons in English history, namely the tragic story of two boys, the sons of Edward IV, the "Princes in the Tower". For centuries Richard III has been treated as a traitor, on the ground that he locked up his nephews in the Tower and supposedly ordered to kill them. The author analyses the emergence of the myth about the "Princes in the Tower". A careful examination of historical sources helps to understand whether the circumstances of the murder had been so obvious to Richard's contemporaries as they were to the historians of later ages. The author tries to show that the legend about the "treacherous tyrant Richard III" was the result of Tudor myth-making.

O.V. Okuneva

**Treason and traitors in french Brazile during
the sixteenth and the beginning
of the seventeenth century**

The article examines some episodes of betrayal during the French presence in Brazil in the sixteenth to the beginning of the seventeenth century. It deals with examples of the betrayal of faith, of one's fellow countrymen, or allies; the French colonists were involved in all these

cases as perpetrators or victims. The article tells the stories of N. D. de Villegagnon, a founder of the first French colony in Brazil, accused of the betrayal of the Protestant religion, and of J. Cointa who abandoned the colony and joined the enemies of his fellow countrymen. The final part of the study discusses whether there was a betrayal in the relations between the Frenchmen and their Amerindian allies in Brazil.

L.A. Pimenova

How the king becomes a traitor

The article examines different ways to interpret the notion of “betrayal” according to some French dictionaries, encyclopaedias, juridical works and acts dating from the eighteenth to the beginning of the nineteenth century. It studies examples of accusations of betrayal that were made against Louis XVI in the years of the French Revolution in pamphlets, newspapers, cartoons, speeches of the deputies of the National Convention, especially during the trial of the overthrown king. The author pays particular attention to the correlation between moral and juridical categories in the revolutionary discourse of the late eighteenth century.

V.A. Kuznetsov

Life before birth: History in the medieval Arabo-Muslim system of knowledge

The article analyses historical notions of the medieval Arabs. The author aims to clarify the place of historical knowledge in medieval Arabo-Muslim epistemology. Since the historiographical genre in the traditional sense of the term was lacking in the medieval Arab world, V. Kuznetsov scrutinizes very diverse types of historical works including genealogies, biographies, stories about prophets, etc. The author inquires into how the idea of history was reflected in these sources, which terms the Arab writers used to designate the idea of history and historical knowledge. As is shown in this article, the idea of integral historical knowledge was alien to the Arabo-Muslim tradition for a long time though the general conception of history as theophany prevailed. In the medieval Arabo-Muslim gnoseological system that took shape in the tenth century and continued to exist in the following

centuries, the historical knowledge had only a slight presence. On the whole, history took a subordinate place in comparison with other types of knowledge. The author comes to the conclusion that only the Arab writers of the late medieval period (e.g. ibn-Khaldon a.o). tend to consider historiography as a separate kind of knowledge.

A.V. Sharova

**Alexander Savin:
the unknown life of the famous historian**

A. Savin (1873–1923) is a well-known Russian historian, specialist in English agrarian history of the fifteenth and sixteenth centuries. The article examines Savin's attitude to the state policy towards the university autonomy, his approach to collective resignation as a method of resistance, to the choice between the academic career and the "honour" of a university professor. It deals with Savin's active participation in academic life as well as in political debates at the beginning of the twentieth century.

Yu.F. Igina

**Memoria of false-Dimitriy I
as mode of power legitimation**

The present article focuses on *memoria* as a means of legitimization and manifestation of power. The subject of the study is the *memoria* created by False Dmitry I and aimed to preserve his memory as well as the use of this *memoria* for the representation of his power. With these objectives in view, the paper raises the following questions: How the *memoria* of the False Dmitry is manifested? What it consists in, and what conditions its content? What special features does it exhibit when it functions as representation of his power?

The European character of the *memoria* of the False Dmitry is most evident in the suit of armour adorned with the "Great" seal of Ivan the Terrible. The use of Western armour as a form of *memoria* was unparalleled in Russian tradition before the False Dmitry. This form of the False Dmitry's *memoria* is an attempt to incorporate the Muscovite tsar in the European system of the representation of the royal power, and what is more, to do it in a way that was quite novel for Muscovy, namely as an emperor and military leader. This claim of

the False Dmitry to European identity finds confirmation in his coins, seals and medals, and hence can be regarded as a deliberate political programme and strategy of the Impostor.

K.A. Levinson

**“The hostile schools
are combat organizations by nature”:
Towards the history of shorthand in Germany**

The paper examines for the first time in Russian historiography the history of shorthand in the German-speaking countries, focusing not so much on the development of rapid speech recording technique as on the role played in the social and cultural life of German society in the 19th and 20th centuries by what the author terms ‘shorthand activities’. These include a set of practices such as writing and transcription as well as learning, teaching, developing and promoting shorthand systems, participating in work and leisure activities of shorthand associations, publishing and struggling for dominance in the shorthand service market. Based on analysis of literature and archival sources never used before, the author concludes that shorthand played a role that went far beyond the purely pragmatic utility: it was a worldview, it was a job, and it was a field of battle. Shorthand, with its cult of rational use of resources, its rivaling systems and organizations represented a very significant element of a whole set of social and cultural phenomena that constituted the crucial period in history when ‘Germany the scholarly’ was turning into ‘Germany the political’.

A.V. Busygin

**Between Canon law and Church folklore:
Baptism of children and monsters
in medieval Scandinavia**

The eleventh- and twelfth-century laws of Norway and Iceland order that all children should be brought to church for baptism. However, describing certain congenital monstrosities, the laws permit to abandon a newborn suffering from them to die without baptism. The article argues that, far from being a forced concession to surviving pre-Christian customs, this rule is ultimately based on a theological distinction between humans possessing a rational soul and monsters

incapable of receiving grace; this learned lore is mixed here with some native Norse concepts. A similar mixture of the canonical tradition and local improvisations is found in further clauses instructing laymen to baptize children in emergency blessing water with the sign of the cross, substituting spittle for holy oil and chrism, and using all kinds of liquids or even unmelted (but ‘consecrated’) snow whenever water is unavailable. These instructions reflect a perception of the church ritual as an integral whole, which cannot be easily divided into essential and dispensable elements.

M. Yu. Zenchenko

Moscow dynastical crisis in Spring 1682: An Event and its Versions

The article discusses two concepts in Russian historiography explaining the origin of the Streltsy Uprising which took place on 15 May 1682. The first concept regards this event as the urban uprising of the *streltsy* (the Russian tsar’s personal guard). The second one, as the plot of one boyar group against another (the plot of “*Miloslavskie*” against “*Naryshkiny*”). In the authors’ opinion, both concepts have their origin in the views of some contemporaries who were politically biased. Using a large number of historical sources, the author suggests a “thick description” of events which took place before the 15th of May in the *streltsy* corporation as well as in the Boyar Duma. He shows that the *streltsy*, whose demands the ruling dynasty had completely satisfied, had, themselves, no reason for uprising. The author comes to the conclusion that neither the *Miloslavskie*, nor the *Naryshkiny* were particularly influential in the boyar struggle for power in that period and that the *streltsy* were provoked by the conservative members of the Boyar Duma who wanted to stop the reforms that had been started during the last years of Tsar Feodor Alexeevich’s reign.

B. V. Dubin

Manifestations of social unrest of Muscovites in 2011/2012: Turning point or Chain of changes?

The article of Boris Dubin analyzes the changes in public opinion and political culture of Russia before and after the elections 2011–2012. Particular attention is paid to the manifestations of social unrest with

the action groups of Muscovites and residents of other major cities in the country due to the progress and results of the elections, as well as the possible trajectories of development alternatives.

G.V. Bondarenko

Cú Roí and Svyatogor: A Study in chthonic

Both Early Irish and Russian epic traditions demonstrate a particular example of an extraordinary character showing supernatural and heroic features as well as the features of a chthonic monster: it is Cú Roí mac Daire on the Irish side, and Svyatogor on the Russian side. We have to carefully examine our sources before arguing that these two mythological characters reflect a particular archetype of a monstrous chthonic creature (cf. views expressed by Henderson (1899) in Ireland and Putilov (1986) in Russia); on the contrary, one has to consider both heroes as complex and independent entities who appear in the two quite distinct mythologies and epic traditions (Early Irish and Russian). This is especially true in relation to the Russian tradition of *byliny* (былины) which have been preserved orally until the first records of the seventeenth century.

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Лакиер А.Б. Русская геральдика. СПб., 1853. Ч. II. Табл. XV.

Покровский М.Н. Русская история с древнейших времен. М., 1913. Т. II. Вклейка между с. 176 и 177.

Lind G.H. Ivan IV's Great State Seal and his Use of some Heraldic Symbols during the Livonian War // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. München, 1985. N 33. S. 481–494.

Stiennon J., Lejeune R. La légende de Roland dans l'art du Moyen Âge. Bruxelles, 1966.

Подготовка к изданию настоящего выпуска “Одиссея” осуществлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 100100388а “Культуры и идентичности в европейском обществе Средневековья и раннего Нового времени”).

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДАТЕЛЬСТВО: ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

<i>К.А. Левинсон</i> ПРЕДИСЛОВИЕ	5
<i>С.И. Лучицкая</i> ПРЕДАТЕЛЬСТВО И ИЗМЕНА В <i>CHANSONS DE GESTE</i> XII–XIII вв. .	10
<i>А.Б. Герштейн</i> КРЕСТОВЫЙ ПОХОД ФРИДРИХА II: ПРЕДАТЕЛЬСТВО КРЕСТОНОСНОЙ ИДЕИ?	45
<i>Р.О. Шляхтин</i> ПРЕДАТЕЛЬСТВО НА ПОНТЕ: ИЗМЕННИКИ, РЕНЕГАТЫ И ПЕРЕБЕЖЧИКИ В ВИЗАНТИЙСКО-СЕЛЬДЖУКСКОМ ВОЕННОМ КОНФЛИКТЕ (1170–1204 годы)	74
<i>О.И. Тогоева</i> РЫЖИЙ ЛЕВША: ТЕМА ПРЕДАТЕЛЬСТВА ИУДЫ В СРЕДНЕ- ВЕКОВОМ ПРАВОВОМ ДИСКУРСЕ	98
<i>Е.Д. Браун</i> РИЧАРД III И “ПРИНЦЫ В ТАУЭРЕ”: РОЖДЕНИЕ ЛЕГЕНДЫ	113
<i>О.В. Окунева</i> ПРЕДАТЕЛИ И ПРЕДАТЕЛЬСТВО ВО ФРАНЦУЗСКОЙ БРАЗИЛИИ XVI – НАЧАЛА XVII в.	139
<i>Л.А. Пименова</i> КОГДА КОРОЛЬ СТАНОВИТСЯ ПРЕДАТЕЛЕМ	167
ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ	
<i>В.А. Кузнецов</i> ЖИЗНЬ ДО РОЖДЕНИЯ: ИСТОРИЯ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ АРАБО- МУСУЛЬМАНСКОЙ СИСТЕМЕ ЗНАНИЙ	184
ИСТОРИК И ВРЕМЯ	
<i>А.В. Шарова</i> АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ САВИН: НЕИЗВЕСТНАЯ ЖИЗНЬ ИЗВЕСТНОГО ИСТОРИКА	212

<i>Г. Альгази</i>	
ОТТО БРУННЕР – “КОНКРЕТНЫЙ ПОРЯДОК” И ЯЗЫК ВРЕМЕНИ	244

ИСТОРИЯ И ПАМЯТЬ

<i>Ю.Ф. Игина</i>	
МЕМОРИА ЛЖЕДМИТРИЯ I КАК СПОСОБ ЛЕГИТИМАЦИИ И МАНИФЕСТАЦИИ ЕГО ВЛАСТИ	280

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНЫХ ПРАКТИК

<i>К.А. Левинсон</i>	
“ВРАЖДУЮЩИЕ ШКОЛЫ ПО ПРИРОДЕ СВОЕЙ – БОЕВЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ”: ИЗ ИСТОРИИ СТЕНОГРАФИИ В ГЕРМАНИИ	322

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

<i>А.В. Бусыгин</i>	
МЕЖДУ КАНОНИЧЕСКИМ ПРАВОМ И ЦЕРКОВНЫМ ФОЛЬКЛОРОМ: КРЕЩЕНИЕ ДЕТЕЙ И МОНСТРОВ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ СКАНДИНАВИИ	362
<i>М.Ю. Зенченко</i>	
ДИНАСТИЧЕСКИЙ КРИЗИС ВЕСНЫ 1682 ГОДА: СОБЫТИЕ И ЕГО ВЕРСИИ	384

РОССИЯ: QUO VADIS?

<i>Б.В. Дубин</i>	
МАНИФЕСТАЦИИ ПУБЛИЧНОГО НЕДОВОЛЬСТВА В МОСКВЕ 2011–2012 гг. : ТОЧКА СДВИГА ИЛИ ЛИНИЯ ПЕРЕЛОМА?	428

ИСТОРИЯ И МИФОЛОГИЯ

<i>Г.В. Бондаренко</i>	
КУ РОИ И СВЯТОГОР: ВАРИАЦИИ ХТОНИЧЕСКОГО СЮЖЕТА	448

РЕЦЕНЗИИ

<i>М.Н. Соколов</i>	
ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТА И ПРОСТРАНСТВО ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ: СОЗВУЧИЯ И ДИССОНАНСЫ	
<i>А.М. Лидов.</i> Иеротопия: Пространственные иконы и образы-парадигмы в византийской культуре. М., 2009	464
<i>Т.М. Васильева</i>	
GESAMTKUNSTWRACK, ИЛИ О НОВОЙ КНИГЕ А.М. ЛИДОВА ...	474
<i>А.Б. Герштейн</i>	
СОХРАНЯЯ ПРАВО: “ВАРВАРСКАЯ ПРАВДА” МЕЖДУ РИМСКОЙ ТРАДИЦИЕЙ И ЦЕРКОВНЫМИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛАМИ	

Вестготская правда: (Книга приговоров): [Латинский текст. Перевод. Исследование] / Отв. ред. О.В. Ауров, А.В. Марей. М., 2012	481
НАШИ ЮБИЛЯРЫ	
Л.М. БАТКИНУ 80 ЛЕТ	489
IN MEMORIAM	
ГЕОРГИЙ СТЕПАНОВИЧ КНАБЕ (20 августа 1920–30 ноября 2011)	491
ПАМЯТИ СВЕТЛАНЫ ВАЛЕРИАНОВНЫ ОБОЛЕНСКОЙ (12.04.1925–26.10.2012)	494
ХРОНИКА	
<i>Н.Ф. Сокольская</i>	
МИГРАЦИЯ И ИММИГРАНТЫ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ: ПРОБЛЕМА И ВОЗМОЖНОСТИ ЕЕ ИЗУЧЕНИЯ	497
SUMMARIES	502

CONTENTS

TREASON: A HORIZON OF HISTORICAL EXPERIENCE

<i>K.A. Levinson</i>	
INTRODUCTION	5
<i>S.I. Luchitskaya</i>	
TREASON AND BETRAYAL IN TWELFTH AND THIRTEENTH CENTURY CHANSONS DE GESTE	10
<i>A.B. Gerstein</i>	
THE CRUSADE OF FREDERICK II: BETRAYAL OF THE CRUSADE IDEA	45
<i>R.O. Shliahtin</i>	
TREASON IN PONTUS: TRAITORS, RENEGADES AND DEFECTORS IN THE BYZANTINE-SELJUK MILITARY CONFLICT (1170–1204)	74
<i>O.I. Togoeva</i>	
RED-HAIRED AND LEFT-HANDED: JUDAS' BETRAYAL IN THE MEDIÉVAL LEGAL DISCOURSE	98
<i>E.D. Braun</i>	
RICHARD III AND 'THE PRINCES IN THE TOWER': THE BIRTH OF A LEGEND	113
<i>O.V. Okuneva</i>	
TREASON AND TRAITORS IN FRENCH BRAZILE DURING THE SIXTEENTH AND TE BEGINNING SEVENTEENTH CENTURY	139
<i>L.A. Pimenova</i>	
HOW THE KING BECOMES A TRAITOR	167

PROBLEMS OF HISTORICAL KNOWLEDGE

<i>V.A. Kuznetsov</i>	
LIFE BEFORE BIRTH: HISTORY IN THE MEDIÉVAL ARABO- MUSLIM SYSTEM OF KNOWLEDGE	184

HISTORIAN AND TIME

<i>A.V. Sharova</i>	
ALEXANDER SAVIN: THE UNKNOWN LIFE OF THE FAMOUS HISTORIAN	212

G. Algazi

OTTO BRUNNER: 'CONCRETE ORDER' AND THE DISCOURSE OF THE TIMES	244
--	-----

HISTORY AND MEMORY

Yu.F. Igina

MEMORIA OF FALSE-DIMITRIY I AS A MODE OF POWER LEGITIMATION	280
--	-----

HISTORY OF EVERYDAY PRACTICES

K.A. Levinson

"THE HOSTILE SCHOOLS ARE COMBAT ORGANIZATIONS BY NATURE": TOWARDS THE HISTORY OF SHORTHAND IN GERMANY	322
---	-----

PROBLEMS OF SOCIAL HISTORY

A.V. Busygin

BETWEEN CANON LAW AND CHURCH FOLKLORE BAPTISM OF CHILDREN AND MONSTERS IN MEDIEVAL SCANDINAVIA	362
---	-----

M.Yu. Zenchenko

MOSCOW DYNASTICAL CRISIS IN SPRING 1682: AN EVENT AND ITS VERSIONS	384
---	-----

RUSSIS: QUO VADIS?

B.V. Dubin

MANIFESTATIONS OF SOCIAL UNREST OF MUSCOVITES IN 2011/2012: TURNING POINT OR CHAIN OF CHANGES?	428
---	-----

HISTORY AND MYTHOLOGY

G.V. Bondarenko

CÚ ROÍ AND SVYATOGOR: A STUDY IN CHTHONIC	448
---	-----

BOOK REVIEWS

M.N. Sokolov

THE SPACE OF CULT AND THE SPACE OF ART STUDIES:
CONSONANCES AND DISSONANCES

<i>M.A. Lidov</i> . Hierotopy: Spatial Icons and Images-Paradigms in Byzantine Culture. Moscow, 2009	464
---	-----

T.M. Vasilieva

GESAMTKUNSTWRACK, OR ABOUT A NEW BOOK OF
A.M. LIDOV 474

A.B. Gerstein

KEEPING THE LAW: BETWEEN ROMAN TRADITION AND
CHRISTIAN CHURCH 481

ANNIVERSARIES

The 80th anniversary of Leonid Mikhailovich BATKIN 489

IN MEMORIAM

GEORGII STEPANOVICH KNABE (1920–2011) 491

S.U. BOLENSKAYA (12.04.1925–26.10.2012) 494

CHRONICLE

N.F. Sokolskaya

MIGRATIONS IN THE MIDDLE AGES. CROSS-CULTURAL
APPROACHES TO THE PROBLEM: (Chronicle of conference) 497

SUMMARIES 502

Одиссей : человек в истории / Ин-т всеобщ. истории РАН. – М. : Наука, 1989– .

2012 : Предательство : опыт исторического анализа / [гл. ред. А.О. Чубарьян ; сост. С.И. Лучицкая]. – 2012. – 518 с. – ISBN 978-5-02-038028-8.

Главная тема выпуска – исторический анализ феномена предательства. Исследования охватывают период от раннего Средневековья до раннего Нового времени, территориально – от Византии до Бразилии, включая многие регионы Западной Европы. Проблема предательства и связанных с ней форм поведения анализируется в разных аспектах – политическом, религиозном, моральном и юридическом. В разделе “Проблемы исторического познания” публикуется статья о месте истории в средневековой арабо-мусульманской системе знаний. Традиционные разделы посвящены проблемам социальной истории и истории России. В статье К.А. Левинсона в необычном ракурсе – в контексте истории социокультурных представлений – анализируются сюжеты, связанные со становлением стенографии в Германии рубежа XIX–XX вв. Читателя, безусловно, заинтересует рефлексия социологов о переменах в общественном мнении и политической культуре России накануне и после выборов 2011–2012 гг.

Для историков, историков культуры, специалистов в области гуманитарного знания и широкого круга читателей.

По сети “Академкнига”

Научное издание

ОДИССЕЙ

Человек в истории
2012

Предательство:
опыт исторического анализа

Утверждено к печати
Ученым советом
Института всеобщей истории
Российской академии наук

Редактор *М.М. Леренман*
Художник *В.Ю. Яковлев*
Художественный редактор *Ю.И. Духовская*
Технический редактор *З.Б. Павлюк*
Корректоры *З.Д. Алексеева, А.Б. Васильев,*
Е.А. Желнова, Р.В. Молоканова, Т.А. Печко

Подписано к печати 25.12.2012
Формат 60 × 90^{1/16}. Гарнитура Таймс
Печать офсетная
Усл.печ.л. 32,5. Усл.кр.-отг. 34,0. Уч.-изд.л. 36,0
Тип. зак.

Издательство “Наука”
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru
www.naukaran.ru

Первая Академическая типография “Наука”
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия, 12/28